

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

ЖЮЛЬ ВЕРН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ДВЕНАДЦАТИ
ТОМАХ

*Государственное Издательство
Художественной Литературы
Москва 1955*

ЖЮЛЬ ВЕРН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ



ТОМ ВТОРОЙ



ПУТЕШЕСТВИЕ
К ЦЕНТРУ ЗЕМЛИ

ПУТЕШЕСТВИЕ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ
КАПИТАНА ГАТТЕРАСА



Государственное Издательство
Художественной Литературы
Москва 1955

*Издание осуществляется под редакцией
Б. Н. Агапова, проф. Ю. И. Данилинс,
акад. Д. И. Щербакова*

Переводы с французского

Иллюстрации художника
П. И. Луганского



**ПУТЕШЕСТВИЕ
К
ЦЕНТРУ ЗЕМЛИ**

*Перевод Н. А. Егорова
под редакцией Н. Г. Яковлевой*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В воскресенье 24 мая 1863 года мой дядя, профессор Отто Лиденброк, быстрыми шагами подходил к своему домику, номер 19 по Королевской улице — одной из самых старинных улиц древнего квартала Гамбурга.

Наша служанка Марта, наверно, подумала, что она запоздала с обедом, так как суп на плите лишь начал закипать.

«Ну; — сказал я про себя, — если дядя голоден, то он, как человек нетерпеливый, устроит настоящий скандал».

— Вон уже и господин Лиденброк! — смущенно воскликнула Марта, приоткрыв слегка дверь столовой.

— Да, Марта, но суп может немного повариться, ведь еще нет двух часов. В церкви святого Михаила пробило только что половину второго.

— Так почему же господин Лиденброк уже возвращается?

— Он, вероятно, объяснит нам причину.

— Ну, вот и он! Я бегу, господин Аксель, а вы его успокойте.

И Марта поспешила вернуться в свою кухонную лабораторию.

Я остался один. Успокаивать рассерженного профессора при моем несколько слабом характере было мне не по силам. Поэтому я собирался благоразумно удалиться наверх, в свою комнатку, как вдруг заскрипела входная дверь; ступени деревянной лестницы

затрещали под длинными ногами, и хозяин дома, миновав столовую, быстро прошел в свой рабочий кабинет.

На ходу он бросил в угол трость с набалдашником в виде шелкунчика, на стол — широкополую с взъерошенным ворсом шляпу и громко крикнул:

— Аксель, иди сюда!

Я не успел еще сделать шага, как профессор в явном нетерпении снова позвал меня:

— Ну, где же ты!

Я бросился со всех ног в кабинет моего грозного дядюшки. Отто Лиденброк — человек не злой, я охотно свидетельствую это, но если его характер не изменится, что едва ли вероятно, то он так и умрет большим чудачком.

Отто Лиденброк был профессором в Иоганнеуме и читал лекции по минералогии, причем регулярно раз или два в течение часа выходил из терпения. Отнюдь не потому, что его беспокоило, аккуратно ли посещают студенты его лекции, внимательно ли слушают их и делают ли успехи: этими мелочами он мало интересовался. Лекции его, согласно выражению немецкой философии, носили «субъективный» характер: он читал для себя, а не для других. Это был эгоистичный ученый, настоящий кладезь знания, однако издававший, при малейшей попытке что-нибудь из него почерпнуть, отчаянное скрипение, — словом, скупец!

В Германии немало профессоров подобного рода.

Дядюшка, к сожалению, не отличался живостью речи, по крайней мере когда говорил публично, — а это прискорбный недостаток для оратора. И в самом деле, на своих лекциях в Иоганнеуме профессор часто внезапно останавливался; он боролся с упрямым словом, которое не хотело соскользнуть с его губ, с одним из тех слов, которые сопротивляются, разбухают и, наконец, срываются с уст в форме какого-нибудь — отнюдь не научного — бранного словечка! Отсюда и его крайняя раздражительность.

В минералогии существует много полугреческих, полулатинских названий, трудно произносимых, грубых терминов, которые ранят уста поэта. Я вовсе не хочу хулить эту науку. Но, право, самому гибкому языку по-

зволительно заплетаться, когда ему приходится произносить такие, например, названия, как ромбоэдрическая кристаллизация, ретинасфальтовая смола, гелениты, фангазиты, молибдаты свинца, тунгстаты марганца, титанаты циркония.

В городе знали эти извинительные слабости моего дядюшки и злоупотребляли ими: подстерегали опасные моменты, выводили его из себя и смеялись над ним, что даже в Германии отнюдь не считается признаком хорошего тона. И если на лекциях Лиденброка всегда было много слушателей, то это только потому, что большинство их приходило лишь позабавиться благородным гневом профессора.

Как бы то ни было, но мой дядюшка — я особенно подчеркиваю это — был истинным ученым. Хотя ему и приходилось, производя опыты, разбивать свои образцы, все же дарование геолога в нем сочеталось с зоркостью взгляда минералога. Вооруженный молоточком, стальной иглой, магнитной стрелкой, паяльной трубкой и пузырьком с азотной кислотой, человек этот был на высоте своей профессии. По внешнему виду, излому, твердости, плавкости, звуку, запаху или вкусу он определял безошибочно любой минерал и указывал его место в классификации среди шестисот их видов, известных в науке наших дней.

Поэтому имя Лиденброка пользовалось заслуженной известностью в гимназиях и ученых обществах. Хемфри Дэви, Гумбольдт, Франклин и Сабин, будучи проездом в Гамбурге, не упускали случая сделать ему визит. Беккерель, Эбельмен, Брюстер, Дюма, Мильн-Эдвардс, Сент-Клер-Девиль охотно советовались с ним по животрепещущим вопросам химии. Эта наука была обязана ему значительными открытиями, и в 1853 году вышла в свет в Лейпциге книга профессора Отто Лиденброка под заглавием: *Высшая кристаллография* — объемистый труд *in-folio*¹ с рисунками; книга, однакож, не окупила расходов по ее изданию.

Кроме того, мой дядюшка был хранителем минералогического музея русского посланника Струве, цен-

¹ Формат издания в 1/2 бумажного листа.

ной коллекции, пользовавшейся европейской известностью.

Таков был человек, звавший меня столь нетерпеливо. Теперь представьте себе его наружность: мужчина лет пятидесяти, высокого роста, худощавый, но обладавший железным здоровьем, по-юношески белокурый, глядевший лет на десять моложе своего возраста. Его большие глаза так и бегали за стеклами внушительных очков; его длинный и тонкий нос походил на отточенный клинок; злые языки утверждали, что он намагничен и притягивает железные опилки... Сущая клевета! Он притягивал только табак, но, правду сказать, в большом количестве.

А если прибавить, что дядюшкин шаг, говоря с математической точностью, длиною равнялся полтуазу¹, и заметить, что на ходу он крепко сжимал кулаки — явный признак вспыльчивого нрава, — то этих сведений будет достаточно для того, чтобы пропала всякая охота искать его общества.

Он жил на Королевской улице в собственном домике, построенном наполовину из дерева, наполовину из кирпича, с зубчатым фронтоном; дом стоял у излучины одного из каналов, которые пересекают самую старинную часть Гамбурга, счастливо пощаженную пожаром 1842 года.

Старый дом чуть накренился и, что таить, выпячивал брюхо напоказ прохожим. Крыша на нем сидела криво, как шапочка на голове студента, состоящего членом Тугендбунда; отвесное положение его стен оставляло желать лучшего, но в общем дом держался стойко благодаря древнему вязу, подпиравшему его фасад и весной касавшемуся своими цветущими ветвями его окон.

Для немецкого профессора дядюшка был сравнительно богат. Дом, со всем содержащимся в нем и содержимым, был его полной собственностью. К содержанию следует отнести его крестницу Гретхен, семнадцатилетнюю девушку из Фирланде², служанку Марту

¹ Туаз равен 1,949 м.

² Местность близ Гамбурга.

и меня. В качестве племянника и сироты я стал главным помощником профессора в его научных опытах.

Признаюсь, я находил удовольствие в занятиях геологическими науками; в моих жилах текла кровь минералога, и я никогда не скучал в обществе моих драгоценных камней.

Впрочем, можно было счастливо жить в этом домике на Королевской улице, несмотря на вспыльчивый нрав его владельца, потому что последний, хотя и обращался со мною несколько грубо, все же любил меня. Но этот человек не умел ждать и торопился обогнать даже природу.

В апреле месяце дядюшка обычно сажал в фаянсовые горшки в своей гостиной отростки резеды и вьюнков, и затем каждое утро регулярно, не давая им покоя, он тербил их листочки, чтобы ускорить рост цветка.

Имея дело с таким оригиналом, ничего другого не оставалось, как повиноваться. Поэтому я поспешил в его кабинет.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Кабинет был настоящим музеем. Здесь находились все образцы минерального царства, снабженные этикетками и разложенные в полном порядке по трем крупным разделам минералов: горючих, металлических и камневидных.

Как хорошо были знакомы мне эти безделушки минералогии! Как часто я, вместо того чтобы бездельничать с товарищами, находил удовольствие в том, что сметал пыль с этих графитов, антрацитов, лигнитов, каменных углей и торфов! А битумы, асфальт, органические соли — как тщательно их нужно было охранять от малейшей пылинки! А металлы, начиная с железа и кончая золотом, относительная ценность которых исчезала перед абсолютным равенством научных образцов! А все эти камни, которых достаточно было бы для того, чтобы заново построить целый дом на Королевской улице, и даже с прекрасной комнатой вдобавок, в которой я мог бы так хорошо устроиться!

Однако, когда я вошел в кабинет, я думал не об этих чудесах. Моя мысль была всецело поглощена дядюшкой. Он сидел в своем поместительном, обитом утрехтским бархатом, кресле и держал в руках книгу, которую рассматривал в глубочайшем изумлении.

— Какая книга, какая книга! — восклицал он.

Этот возглас напомнил мне, что профессор Лиденброк время от времени становился библиоманом; но книга имела в его глазах ценность только в том случае, если она являлась такой редкостью, что ее трудно было найти, или по крайней мере представляющей по своему содержанию какую-нибудь научную загадку.

— Ну, — сказал он, — разве ты не видишь? Это бесценное сокровище, я отрыл его утром в лавке еврея Гевелиуса.

— Великолепно! — ответил я с притворным восхищением.

И действительно, к чему столько шуму из-за старой книжонки в кожаном переплете, из-за старинной пожелтевшей книжки с выцветшими буквами?

Между тем профессорские восторженные восклицания не прекращались.

— Посмотрим! Ну, разве это не прекрасно? — спрашивал он самого себя и тут же отвечал. — Да это прелесть что такое! А что за переплет! Легко ли книга раскрывается? Ну, конечно! Ее можно держать раскрытой на любой странице! Но хорошо ли она выглядит в закрытом виде? Отлично! Обложка книги и листы хорошо сброшированы, все на месте, все пригнано одно к другому! А что за корешок? Семь веков существует книга, а не единого надлома! Вот это переплет! Он мог бы составить гордость Бозериана, Клосса и Пюргольда!

Рассуждая так, дядюшка то открывал, то закрывал старинную книгу.

Я не нашел ничего лучшего, как спросить его, что же это за книга, хотя она и мало меня интересовала.

— А каково же заглавие этой замечательной книги? — спросил я лицемерно.

— Это сочинение, — отвечал дядюшка, воодушевляясь, — носит название «Хеймс-Крингла», автор его Снорре Турлесон, знаменитый исландский писатель

двенадцатого века! Это история норвежских конунгов, правивших в Исландии!

— Неужели? — воскликнул я, сколько возможно радостнее. — Вероятно, в немецком переводе?

— Фу-ты! — возразил живо профессор. — В переводе!.. Что мне делать с твоим переводом? Кому он нужен, твой перевод? Это оригинальный труд на исландском языке — великолепном, богатом идиомами и в то же время простом наречии, в котором, не нарушая грамматической структуры, уживаются самые причудливые словообразования.

— Как в немецком языке, — прибавил я, подлаживаясь к нему.

— Да, — ответил дядюшка, пожимая плечами, — но с той разницей, что в исландском языке существуют три грамматических рода, как в греческом, и собственные имена склоняются, как в латинском.

— Ах, — воскликнул я, превозмогая свое равнодушие, — какой прекрасный шрифт!

— Шрифт? О каком шрифте ты говоришь, несчастный Аксель? Дело вовсе не в шрифте! Ах, ты, верно, думаешь, что книга напечатана? Нет, глупец, это манускрипт, рунический манускрипт!..

— Рунический?

— Да! Ты, может быть, попросишь объяснить тебе это слово?

— В этом я не нуждаюсь, — ответил я тоном оскорбленного человека.

Но дядюшка продолжал еще усерднее поучать меня, помимо моей воли, вещам, о которых я и знать не хотел.

— Руны, — продолжал он, — это письменные знаки, которые некогда употреблялись в Исландии и, по преданию, были изобретены самим Одним! ¹ Но взгляни же, полюбуйся, нечестивец, на эти письмена, созданные фантазией самого бога!

Вместо того чтобы ответить, я готов был упасть на колени, — ведь такого рода ответ угоден и богам и королям, ибо имеет за собой то преимущество, что

Один — в скандинавской мифологии высший из богов.

никогда и никого не может обидеть. Но тут одно неожиданное происшествие дало нашему разговору другой оборот.

Внезапно из книги выпал полустлелый пергамент.

Дядюшка накиннулся на эту безделицу с жадностью вполне понятной. В его глазах ветхий документ, лежавший, быть может, с незапамятных времен в древней книге, должен был, несомненно, иметь очень большую ценность.

— Что это такое? — воскликнул дядюшка.

И он бережно развернул на столе клочок пергамента в пять дюймов длиной, в три шириной, на котором были начертаны поперечными строчками какие-то знаки, достойные чернокнижия.

Вот точный снимок с рукописи. Мне крайне необходимо привести эти загадочные письмена по той причине, что они побудили профессора Лиденброка и его племянника предпринять самое удивительное путешествие XIX века.

Ж. ААММ	ТНАТНТН	НТТТТТ
НТТТТТ	НТТТТТ	НТТТТТ
ТТТТТТ	ТТТТТТ	ТТТТТТ

Профессор в продолжение нескольких минут рассматривал рукопись; затем, подняв повыше очки, сказал:

— Это рунические письмена; знаки эти совершенно похожи на знаки манускрипта Снорре. Но... что же они означают?

Так как мне казалось, что рунические письмена лишь выдумка ученых для одурачивания простого люда, то меня отнюдь не огорчило, что дядя ничего не

мог понять. По крайней мере я заключил это по нервным движениям его пальцев.

— Ведь это все же древнеисландский язык, — бормотал он себе под нос.

И профессор Лиденброк должен был, конечно, знать, какой это язык, ведь недаром он слыл замечательным языковедом. Он не только прекрасно понимал две тысячи языков и четыре тысячи диалектов, которые известны на земном шаре, но и говорил на доброй части из них.

Встретив непредвиденное затруднение, он собирался было впасть в гнев, и я уже ожидал бурную сцену, но в это время на каминных часах пробило два.

Тотчас же приотворилась дверь в кабинет, и Марта доложила:

— Суп подан.

— К черту суп, — закричал дядюшка, — и того, кто его варит, и того, кто будет его есть!

Марта убежала. Я поспешил за нею и оказался, сам не зная как, на своем обычном месте за столом.

Я подождал некоторое время. Профессор не появлялся. В первый раз, насколько я помню, его не было к обеду. А какой превосходный обед! Суп с петрушкой, омлет с ветчиной под щавелевым соусом; на жаркое телятина с соусом из слив, а на десерт — оладьи с сахаром, и ко всему этому еще прекрасное мозельское вино.

И все это дядюшка прозевал из-за какой-то старой бумажонки. Право, как преданный племянник, я почел себя обязанным пообедать и за него и за себя, что и исполнил добросовестно.

— Невиданное дело! — сказала Марта. — Господина Лиденброка нет за столом!

— Невероятный случай!

— Это плохой признак, — продолжала старая служанка, покачивая головой.

По-моему, отсутствие дядюшки за столом не предвещало ровно ничего, кроме ужасной сцены, когда обнаружится, что его обед съеден.

Я с жадностью доедал последнюю оладышку, как вдруг громкий голос оторвал меня от стола.

Одним прыжком я был в кабинете дяди.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Ясно, что это рунические письма, — сказал профессор, морща лоб. — Но я открою тайну, которая в них скрыта, иначе...

Резким жестом он довершил свою мысль.

— Садись сюда, — продолжал он, указывая на стол, — и пиши.

В мгновение ока я был готов.

— А теперь я буду диктовать тебе каждую букву нашего алфавита, соответствующую одному из этих исландских знаков. Посмотрим, что из этого выйдет. Но, ради всего святого, остерегись ошибок!

Он начал диктовать. Я прилагал все свои старания, чтобы не ошибиться. Он называл одну букву за другой, и, таким образом, последовательно составлялась таблица непостижимых слов:

<i>m. rnlls</i>	<i>esreuel</i>	<i>seecJde</i>
<i>sgtssmf</i>	<i>unteief</i>	<i>niedrke</i>
<i>kt, samn</i>	<i>atrateS</i>	<i>Saodrrn</i>
<i>emtnael</i>	<i>nuaect</i>	<i>rrilSa</i>
<i>Atvaar</i>	<i>.nsrcr</i>	<i>ieaabs</i>
<i>ccdrmi</i>	<i>eeutul</i>	<i>frantu</i>
<i>dt, iac</i>	<i>oseibo</i>	<i>Kediil</i>

Когда работа была окончена, дядюшка живо выхватил у меня из рук листок, на котором я писал буквы, и долго и внимательно их изучал.

— Что же это значит? — повторял он машинально.

Откровенно говоря, я не мог бы ответить ему на его вопрос. Впрочем, он и не спрашивал меня, а продолжал говорить сам с собой.

— Это то, что мы называем шифром, — рассуждал он вслух. — Смысл написанного умышленно скрыт за буквами, расставленными в беспорядке, но, однако, если бы их расположить в надлежащей последовательности, то они образовали бы понятную фразу. Как я мыслю, в ней, быть может, скрывается объяснение какого-нибудь великого открытия или указание на него!

Я, с своей стороны, думал, что тут ровно ничего не скрыто, но остерегся высказать свое мнение.

Профессор между тем взял книгу и пергамент и начал их сравнивать.

— Записи эти сделаны не одной и той же рукой, — сказал он, — зашифрованная записка более позднего происхождения, чем книга, и неопровержимое доказательство тому мне сразу же бросилось в глаза. В самом деле, в тайнописи первая буква — двойное М, — не встречается в книге Турлесона, ибо она была введена в исландский алфавит только в четырнадцатом веке. Следовательно, между манускриптом и документом лежат по крайней мере два столетия.

Рассуждение это показалось мне довольно логичным.

— Это наводит меня на мысль, — продолжал дядюшка, — что таинственная запись сделана одним из обладателей книги. Но кто же, черт возьми, был этот обладатель? Не оставил ли он своего имени на какой-нибудь странице рукописи?

Дядюшка поднял повыше очки, взял сильную лупу и тщательно просмотрел первые страницы книги. На обороте второй страницы он открыл что-то вроде пятна, похожего на чернильную кляксу; но, взглядевшись попристальнее, можно было различить несколько наполовину стертых знаков. Дядя понял, что именно на это место надо обратить наибольшее внимание; он принялся чрезвычайно старательно рассматривать его и разглядел, наконец, с помощью своей лупы следующие рунические письмена, которые смог прочесть без затруднения:

1АМ 41УКВ44+Ж

— Арне Сакнуссем! — воскликнул он торжествующе. — Но ведь это имя, и к тому же еще исландское, имя ученого шестнадцатого столетия, знаменитого алхимика!

Я посмотрел на дядю с некоторым удивлением.

— Алхимики, — продолжал он, — Авицена, Бэкон,

Люль, Парацельс были единственными истинными учеными своей эпохи. Они сделали открытия, которым мы можем только удивляться. Разве не мог Сакнуссем под этим шрифтом скрыть какое-либо удивительное открытие? Так оно должно быть! Так оно и есть!

При этой гипотезе воображение профессора разыгралось.

— Весьма вероятно, — дерзнул я ответить, — но какой мог быть расчет у этого ученого держать в тайне столь чудесное открытие?

— Какой? Какой? Почему я знаю! Разве Галилей не так же поступил с Сатурном? Впрочем, мы увидим: я вырву тайну этого документа и не буду ни есть, ни спать, пока не разгадаю ее.

«Ну-ну!» — подумал я.

— Ни я, Аксель, и не ты! — продолжал он.

«Черт возьми! — сказал я про себя, — как хорошо, что я пообедал за двоих!»

— Прежде всего, — сказал дядюшка, — надо выяснить язык «шифра». Это не должно представлять затруднений.

При этих словах я живо поднял голову. Дядюшка продолжал разговор с самим собой:

— Нет ничего легче! Документ содержит сто тридцать две буквы: семьдесят девять согласных и пятьдесят три гласных. Приблизительно такое же соотношение существует в южных языках, в то время как наречия севера бесконечно богаче согласными. Следовательно, мы имеем дело с одним из южных языков.

Выводы были правильны.

Но какой же это язык?

— Сакнуссем, — продолжал дядя, — был ученый человек; поэтому, раз он писал не на родном языке, то, разумеется, должен был отдавать преимущество языку, общепринятому среди образованных умов шестнадцатого века, а именно — латинскому. Если я ошибаюсь, то можно будет испробовать испанский, французский, итальянский, греческий или еврейский. Но ученые шестнадцатого столетия писали обычно на латинском. Таким образом, я вправе признать не подлежащим сомнению, что это латынь.

Я вскочил со стула. Мои воспоминания латиниста возмущались против утверждения, что этот ряд неуклюжих знаков может принадлежать сладкозвучному языку Вергилия.

— Да, латынь, — продолжал дядюшка, — но запутанная латынь.

«Отлично! — подумал я. — Если ты ее распутаешь, милый дядюшка, ты окажешься весьма сметливым!»

— Всмотримся хорошенько, — сказал он, снова взяв исписанный мною листок. — Вот ряд из ста тридцати двух букв, расположенных крайне беспорядочно. Вот слова, в которых встречаются только согласные, как, например, первое «*nrnlls*»; в других, напротив, преобладают гласные, например, в пятом «*uneeief*», или в предпоследнем — «*oseibo*». Очевидно, что эта группировка не случайна; она произведена *математически*, при помощи неизвестного нам соотношения между двумя величинами, которое определило последовательность этих букв. Я считаю несомненным, что первоначальная фраза была написана правильно, но затем по какому-то принципу, который надо найти, подверглась преобразованию. Тот, кто владел бы ключом этого шифра, свободно прочел бы ее. Но что это за ключ? Аксель, не знаешь ли ты его?

На этот вопрос я не мог ответить — и по весьма основательной причине: мои взоры были устремлены на прелестный портрет, висевший на стене, — на портрет Гретхен. Воспитанница дядюшки находилась в это время в Альтоне у одной из родственниц, и я был очень опечален ее отсутствием, так как — теперь я могу в этом сознаться — хорошенькая питомица профессора и его племянник любили друг друга с истинным постоянством и чисто немецкой сдержанностью. Мы обручились без ведома дяди, который был слишком геологом для того, чтобы понимать подобные чувства. Гретхен была очаровательная блондинка, с голубыми глазами, с несколько твердым характером и серьезным складом ума; но это ничуть не уменьшало ее любви ко мне; что касается меня, я обожал ее, если только это понятие существует в старогерманском языке. Образ моей

юной фирландки перенес меня мгновенно из мира действительности в мир грез и воспоминаний.

Я мечтал о моем верном друге в часы трудов и отдохновения. Она изо дня в день помогала мне приводить в порядок дядюшкину бесценную коллекцию камней; вместе со мной она наклеивала на них этикетки. Мадмуазель Гретхен была очень сильна в минералогии! Она могла бы заткнуть за пояс любого ученого. Она любила углубляться в научные премудрости. Сколько чудных часов провели мы за совместными занятиями! И как часто я завидовал бесчувственным камням, к которым прикасалась ее прелестная рука!

Окончив работу, мы шли вместе по тенистой аллее Альстера до старой мельницы, которая так чудесно рисовалась в конце озера. Дорогою мы болтали, держась за руки; я рассказывал ей различные веселые истории, заставлявшие ее от души смеяться; наш путь вел нас к берегам Эльбы, и там, попрощавшись с лебедями, которые плавали среди белых кувшинок, мы селились на пароход и возвращались домой.

В то мгновение, когда я в своих мечтаниях уже всходил на набережную, дядя, ударив кулаком по столу, сразу вернул меня к действительности.

— Посмотрим, — сказал он. — При желании затемнить смысл фразы первое, что приходит на ум, как мне кажется, это написать слова в вертикальном направлении, а не в горизонтальном. Надо посмотреть, что из этого выйдет! Аксель, напиши какую-нибудь фразу на этом листке, но вместо того, чтобы располагать буквы в строчку, одну за другой, напиши их в той же последовательности, но вертикально, по пяти или по шести в столбце.

Я понял, в чем дело, и написал немедленно сверху вниз:

Я	т	е	ц	р	р	!
л	е	м	е	о	е	
ю	б	с	м	г	т	
б	я	е	,	а	х	
л	в	р	д	я	е	
ю	с	д	о	Г	н	

— Хорошо, — сказал профессор, не читая написанного. — Теперь напиши буквы, которые получились в столбце, в строчку.

Я повиновался, получилась следующая фраза:

Ятецрр! лемеое юбсмет бязе,ах лврдяе юсдоГн!

— Превосходно! — произнес дядюшка, вырывая у меня из рук листок. — Это уже походит на наш старый документ; гласные и согласные расположены в одинаковом беспорядке, даже прописная буква и запятая в середине слова, совсем как на пергаменте Сакнуссема!

Я не мог не признать, что эти замечания весьма глубокомысленны.

— А теперь, — продолжал дядюшка, обращаясь уже непосредственно ко мне, — для того чтобы прочесть фразу, которую ты написал и содержания которой я не понимаю, мне достаточно соединять по порядку сначала первые буквы каждого слова, потом вторые, потом третьи и так далее.

И дядя, к своему и к моему величайшему изумлению, прочел:

Я люблю тебя всем сердцем, дорогая Гретхен!

— Ого! — сказал профессор.

Да, как влюбленный глупец, необдуманно, я написал эту предательскую фразу!

— Так-с!.. Ты, значит, любишь Гретхен? — продолжал дядюшка тоном заправского опекуна.

— Да... Нет... — бормотал я.

— Так-с, ты любишь Гретхен! — машинально повторил он. — Ну, хорошо, применим мой метод к исследуемому документу.

И дядюшка снова погрузился в размышление, которое целиком заняло его внимание и заставило его забыть о моих неосторожных словах. Я говорю «неосторожных», потому что голова ученого была неспособна понимать сердечные дела. Но, к счастью, интерес к документу победил. Глаза профессора Лиденброка, когда он собирался произвести свой решающий опыт, метали молнии сквозь очки; дрожащими пальцами он снова

взял древний пергамент. Он был взволнован не на шутку. Наконец, дядюшка основательно прокашлялся и начал диктовать мне торжественным тоном, называя сначала первые буквы каждого слова, потом вторые; он диктовал буквы в таком порядке:

*mmessunkaSenrA. icefdoK. segnittamur'in
ecertserrette, rotaivsadua, ednecsedsadne
lacartniiiluJsiratracSarbmutabledmek
meretarcsilucolsleffenSnI*

Сознаюсь, что, кончая дописывать, я волновался: в сочетании этих букв, произносимых одна за другой, я не мог уловить ровно никакого смысла, а я с нетерпением ожидал, что из уст профессора потечет на великопной латыни торжественная речь.

Но кто бы мог ожидать этого? Сильный удар кулака потряс стол. Чернила брызнули, перо выпало у меня из рук.

— Да это совсем не то! — закричал дядюшка. — Тут чистая бессмыслица!

И пролетев, как пушечное ядро, через кабинет, скатившись по лестнице, словно лавина, он устремился на Королевскую улицу и кинулся бежать во весь дух.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Он ушел? — воскликнула Марта, испуганная грохотом входной двери, захлопнутой с такой силой, что затрясся весь дом.

— Да, — ответил я, — совсем ушел!

— Как же так? А обед? — спросила старая служанка.

— Он не будет обедать!

— А ужинать?

— Он не будет ужинать!

— Как? — сказала Марта, всплеснув руками.

— Да, добрейшая Марта, он не будет больше есть, и никто не будет есть во всем доме! Дядюшка хочет

заставить нас всех поститься до тех пор, пока ему не удастся разобрать всю эту тарабарщину, которая решительно не поддается расшифровке.

— Господи Иисусе! Так нам, значит, ничего не остается, как умереть с голода?

Я не отваживался признаться, что, имея дело со столь упорным человеком, как мой дядя, нас неизбежно ждет печальная участь.

Старая служанка, вздыхая, отправилась к себе на кухню.

Когда я остался один, мне пришло на мысль пойти и поскорее рассказать Гретхен всю эту историю. Но как отлучиться из дома? Профессор мог каждую минуту вернуться. А что, если он меня позовет? А что, если он захочет снова начать свою работу по разгадыванию логгрифа, которую не сумел бы выполнить и сам Эдип? И что будет, если я не откликнусь на его зов?

Самое разумное было оставаться. Как раз недавно один минералог из Безансона прислал нам коллекцию камнистых жеод, которые нужно было классифицировать. Я принялся за дело. Я выбирал, наклеивал ярлыки, размещал в стеклянном ящике все эти полые камни, в которых поблескивали маленькие кристаллы.

Но это занятие не поглощало меня всего. Старый документ не выходил у меня из памяти. Голова моя горела, и я был охвачен каким-то беспокойством. Я предчувствовал неминуемую катастрофу.

По прошествии часа мои камни были размещены по порядку. Я опустил в «утрехтское» кресло, запрокинул голову и свесил руки. Потом я закурил трубку, длинный изогнутый чубук которой был украшен фигуркой наяды, и забавлялся, наблюдая, как мало-помалу моя наяда, покрываясь копотью, превращалась в настоящую негритянку. Время от времени я прислушивался, не раздаются ли шаги на лестнице, но ничего не было слышно. Где же мог быть теперь дядя? Я представлял его себе бегущим по прекрасной аллее Альтонской улицы, на ходу он в неистовстве сбивает концом своей палки листья с деревьев, чертит какие-то знаки на стенах, отсекает головки чертополоха и нарушает покой сонных лебедей.

Вернется ли он торжествующим или обескураженным? Удастся ли ему разгадать тайну? Рассуждая сам с собой, я машинально взял в руки лист бумаги, на котором выстроился ряд загадочных строк, начертанных моей рукой.

Я повторял:

«Что же это означает?»

Я пытался так сгруппировать буквы, чтобы они образовали слова, но ничего не выходило! Их можно было соединять как угодно, по две, по три, по пяти или по шести, толку от этого не было. Но все же из четырнадцатой, пятнадцатой и шестнадцатой буквы получалось английское слово «*ice*», а из восемьдесят четвертой, восемьдесят пятой и восемьдесят шестой слово «*sir*». Наконец, в самой середине документа, на третьей строке, я заметил латинские слова «*rota*», «*mutabile*», «*ira*», «*nes*», «*atra*».

«Черт возьми! — подумал я. — По этим словам дядя, пожалуй, мог бы судить о языке документа. И на четвертой строке я различаю даже еще слово «*luco*», что означает «священная роща»; правда, на третьей можно прочесть слово «*tabiled*», совершенно еврейское слово, а на последней — слова «*mer*», «*arc*» «*mère*», слова чисто французские.

Было от чего потерять голову! Четыре различных наречия в одной бессмысленной фразе! Какая могла существовать связь между словами «лед», «господин», «гнев», «жестокый», «священная роща», «переменчивый», «мать», «лук», «море»?

Только последнее и первое слово легко можно было соединить друг с другом; ничего не было удивительного, что в документе, написанном в Исландии, говорилось о «ледяном море». Но остальную часть шифра понять было не так-то легко.

Я боролся с неразрешимой трудностью; мозг мой разгорячился; я хлопал глазами, глядя на листок бумаги, казалось, что все эти сто тридцать две буквы прыгали передо мною, как светящиеся точки мелькают перед закрытыми глазами, когда кровь приливает к голове.

Я оказался во власти своего рода галлюцинации; я задыхался, мне не хватало воздуха. Совершенно машинально я стал обмахиваться этим листком бумаги, так что лицевая и оборотная стороны листка попеременно представляли перед моими глазами.

Каково же было мое изумление, когда вдруг мне показалось, что передо мной промелькнули знакомые, совершенно ясные слова, латинские слова: «*craterem*», «*terrestre*»!

Разом луч света озарил мое сознание; эти скупые следы навели меня на путь истины; я нашел секрет шифра! Чтобы понять документ, совсем не требовалось его читать сквозь оборотную сторону листа. Нет, загадочные письма можно было свободно прочесть в том виде, в каком они были начертаны, а именно в том, в каком текст был продиктован. Все остроумные предположения профессора оказывались правильными; он был прав и относительно расположения букв и относительно языка документа! Для того чтобы прочитать это латинское предложение с начала до конца, ему лишь не хватало еще «чего-то», и это «что-то» открыл мне случай!

Разумеется, я был очень взволнован. В глазах у меня помутилось, они отказывались мне служить. Я разложил пергамент на столе. Мне достаточно было бросить один только взгляд на шифр, чтобы овладеть тайной.

Наконец, я с трудом унял свое волнение. Для успокоения нервов я заставил себя пройти два раза по комнате, а затем снова опустился в кресло.

— Прочтем теперь! — воскликнул я, вздохнув полной грудью.

Я склонился над столом, проследил пальцем по порядку каждую букву и прочел громким голосом всю фразу, не останавливаясь, не запнувшись ни на одно мгновение.

Но какое изумление, какой ужас охватили меня! Сначала я стоял, словно пораженный ударом. Как! Неужели то, что я только что узнал, было уже осуществлено? Неужели нашелся такой смельчак, что проник...

— Ах! — вскричал я в сердцах. — Нет, нет, дядя не должен узнать этого! Иначе он непременно пустится в такое путешествие! Он тоже захочет испытать все это! Ничто не сможет удержать его, такого смелого геолога! Он поедет непременно, несмотря ни на что, вопреки всему! И он возьмет меня с собой, и мы никогда не вернемся! Никогда, никогда!

Я был в неописуемом возбуждении.

— Нет, нет, этому не бывать! — произнес я с энергией. — И раз в моей власти не допустить, чтобы такая мысль пришла в голову моему тирану, я не допущу! Переворачивая документ и так и эдак, он может случайно найти ключ к шифру! Так я уничтожу документ!

В камине тлели еще угли. Я схватил не только испи-санный мною лист, но также и пергамент Сакнуссема; дрожащей рукой я собирался бросить проклятые бумаги в огонь и таким образом скрыть опасную тайну.

В этот момент дверь кабинета отворилась, и вошел дядюшка.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Я едва успел положить злосчастный документ на стол.

Профессор Лиденброк, казалось, был совершенно измучен. Овладевшая им мысль не давала ему ни минуты покоя; во время прогулки он, очевидно, исследовал и разбирал мучившую его загадку, напрягая все силы своего воображения, и вернулся, чтобы испробовать какой-то новый прием.

И в самом деле, он сел в свое кресло, схватил перо и начал записывать формулы, похожие на алгебраические вычисления.

Я следил взглядом за его дрожащей рукой; я не упускал из виду ни малейшего его движения. Что, если случайно он натолкнется на разгадку? Я волновался, и совсем напрасно: ведь если «единственный» правильный способ прочтения был открыт, то всякое исследование в ином направлении должно было остаться тщетным.

В течение трех часов без перерыва трудился дядюшка, не говоря ни слова, не поднимая головы, то подчеркивая свои писания, то восстанавливая их, то опять марая написанное и в тысячный раз начиная сначала.

Я хорошо знал, что если бы ему удалось составить из этих букв все мыслимые словосочетания, то искомая фраза в конце концов получилась бы. Но я знал также, что из двадцати букв получается два квинтильона, четыреста тридцать два квадрильона, девятьсот два триллиона, восемь миллиардов, сто семьдесят шесть миллионов, шестьсот сорок тысяч словосочетаний! А в этой записи было сто тридцать две буквы, и эти сто тридцать две буквы могли образовать такое невероятное количество словосочетаний, что не только исчислить было почти невозможно, но даже и представить себе!

Я мог успокоиться относительно этого героического способа разрешить проблему.

Между тем время шло; наступила ночь; шум на улицах стих; дядюшка, все еще занятый разрешением своей задачи, ничего не видел, не заметил даже Марту, когда она приотворила дверь; он ничего не слышал, даже голоса этой верной служанки, спросившей его:

— Сударь, вы будете сегодня ужинать?

Марте пришлось уйти, не получив ответа. Что касается меня, то, как я ни боролся с дремотой, все же заснул крепким сном, примостившись в уголке дивана, между тем как дядюшка Лиденброк упорно продолжал вычислять и снова вычеркивать свои формулы.

Когда утром я проснулся, неутомимый исследователь все еще был за работой. Его красные глаза, волосы, всклокоченные нервной рукой, лихорадочные пятна на бледном лице в достаточной степени свидетельствовали о той страшной борьбе, которую он вел в своем стремлении добиться невозможного, и о том, в каких усилиях мысли, в каком напряжении мозга протекали для него ночные часы.

Право, я его пожалел. Несмотря на то, что втайне я его упрекал, и вполне справедливо, все же его тщетные усилия тронули меня. Бедняга был до того поглощен своей идеей, что позабыл даже рассердиться. Все его

жизненные силы сосредоточились на одной точке, и так как для них не находилось выхода, можно было опасаться, что от умственного напряжения у моего дядюшки голова расколется.

Я мог одним движением руки, одним только словом освободить его от железных тисков, сжимавших его череп! Но я этого не делал.

А между тем сердце у меня было доброе. Отчего же оставался я нем и глух при таких обстоятельствах? Да в интересах самого же дяди.

«Нет, нет! я ничего не скажу! — твердил я сам себе. — Я его знаю, он захочет поехать; ничто не сможет остановить его. У него вулканическое воображение, и он рискнет жизнью, чтобы совершить то, чего не сделали другие геологи. Я буду молчать; я удержу при себе тайну, обладателем которой сделала меня случайность! Сообщить ее ему — значит, обречь профессора Лиденброка на смерть! Пусть он ее отгадает, если сумеет. Я вовсе не желаю, чтобы мне когда-нибудь пришлось упрекать себя за то, что я толкнул его на гибель!»

Приняв это решение, я скрестил руки и стал ждать. Но я не учел побочного обстоятельства, имевшего место несколько часов тому назад.

Когда Марта собралась было идти на рынок, оказалось, что заперта наружная дверь и ключ из замка вынут. Кто же его мог взять? Очевидно, дядя, когда он вернулся накануне вечером с прогулки.

Было ли это сделано с намерением или нечаянно? Неужели он хотел подвергнуть нас мукам голода? Но это было бы уже слишком! Как! Заставлять меня и Марту страдать из-за того, что нас совершенно не касается? Ну, конечно, это так и было! И я вспомнил другой подобный же случай, способный кого угодно привести в ужас. В самом деле, несколько лет назад, когда дядя работал над своей минералогической классификацией, он пробыл однажды без пищи сорок восемь часов, причем всему дому пришлось разделить с ним эту научную диету. У меня начались тогда судороги в желудке — вещь мало приятная для молодца, обладающего дьявольским аппетитом.

И я понял, что завтрак сегодня будет так же отменен, как вчера ужин. Я решил, однако, держаться героически и не поддаваться требованиям желудка. Марта, не на шутку встревоженная, всполошилась. Что касается меня, больше всего я был обеспокоен невозможностью уйти из дому. Причина была ясна.

Дядя все продолжал работать: воображение уносило его в высокие сферы умозаключений; он витал над землей и в самом деле не ощущал земных потребностей.

Около полудня голод стал серьезно мучить меня. В простоте сердечной Марта извела накануне все запасы, находившиеся у нее в кладовой; в доме не осталось решительно ничего съестного. Но все-таки я стойко держался; это стало для меня своего рода делом чести.

Пробило два часа. Положение начинало становиться смешным, даже невыносимым. У меня буквально живот подводило. Мне начинало казаться, что я преувеличил важность документа, что дядя не поверит сказанному в нем, признает его простой мистификацией, что в худшем случае, если даже он захочет пуститься в такое предприятие, его можно будет насильно удержать; что, наконец, он может и сам найти ключ шифра, и тогда окажется, что я даром постился.

Эти доводы, которые я накануне отбросил бы с негодованием, представлялись мне теперь превосходными; мне показалось даже смешным, что я так долго колебался, и я решил все сказать.

Я ждал лишь благоприятного момента, чтобы начать разговор, как вдруг профессор встал, надел шляпу, собираясь уходить.

Как! Уйти из дома, а нас снова запереть! Да никогда!

— Дядюшка, — сказал я.

Казалось, он не слышал.

— Дядя Лиденброк! — повторил я, повышая голос.

— Что? — спросил он, как человек, которого внешне разбудили.

— Как это, что! А ключ?

— Какой ключ? От входной двери?

— Нет, — воскликнул я, — ключ к документу!

Профессор поглядел на меня поверх очков; он заметил, вероятно, что-нибудь необыкновенное в моей физиономии, потому что живо схватил меня за руку и устремил на меня вопросительный взгляд, не имея силы говорить. Однако вопрос никогда еще не был выражен так ясно.

Я утвердительно кивнул головой.

Он соболезнующе покачал головой, словно имел дело с сумасшедшим.

Я кивнул еще более выразительно.

Глаза его заблестели, поднялась угрожающе рука.

Этот немой разговор при таких обстоятельствах заинтересовал бы самого апатичного человека. И действительно, я не решился сказать ни одного слова, боясь, чтобы дядя не задушил меня от радости в своих объятиях. Но отвечать становилось, однако, необходимым.

— Да, это ключ... случайно...

— Что ты говоришь? — вскричал он в неопишемом волнении.

— Вот он! — сказал я, подавая ему листок бумаги, исписанный мною. — Читайте.

— Но это не имеет смысла! — возразил он, комкая бумагу.

— Не имеет, если начинать читать с начала, но если начать с конца...

Я не успел кончить еще фразы, как профессор крикнул, вернее, взревел! Словно откровение снизошло на него; он совершенно преобразился.

— Ах, хитроумный Сакнуссем! — воскликнул он. — Так ты, значит, написал сначала фразу наоборот?

И, схватив бумагу, с помутившимся взором, он прочитал дрожащим голосом весь документ от последней до первой буквы.

Документ гласил следующее:

«In Sneffels Yoculis craterem kem delibat umbra Scartaris Julii intra calendas descende, audas viator, et terrestre centrum attinges. Kod feci. — Arne Saknussemm».

В переводе это означало:

*«Спустись в кратер Екуль Снайфедльс, который
тень Скартариса ласкает перед июльскими календами¹,
отважный странник, и ты достигнешь центра Земли.
Это я совершил. — Арне Сакнуссем».*

Когда дядя прочитал эти строки, он подскочил, словно дотронулся нечаянно до лейденской банки. Преисполненный радости, уверенности и отваги, он был великолепен. Он ходил взад и вперед, хватался руками за голову, передвигал стулья, складывал одну за другой свои книги; он играл, — кто бы мог этому поверить, — как мячиками, своими драгоценными камнями; он то ударял по ним кулаком, то похлопывал по ним рукой. Наконец, его нервы успокоились, и он опустился, утомленный, в кресло.

— Какой час, однако? — спросил он немного погодя.

— Три часа, — ответил я.

— Ну, скоро же пришло время обеда. Я умираю с голоду. К столу! А потом...

— Потом?..

— Ты уложишь мой чемодан.

— Хорошо! — воскликнул я.

— И свой тоже, — добавил безжалостный профессор, входя в столовую.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

При этих словах дрожь пробежала у меня по всему телу; однако я овладел собой. Я решил даже и виду не подавать. Только научные доводы смогут удержать профессора Лиденброка. А против такого путешествия говорили весьма серьезные доводы. Отправиться

¹ Календы — так римляне называли первые дни каждого месяца.

к центру Земли! Какое безумие! Я приберегал свои возражения до более благоприятного момента и приготовился обедать.

Нет надобности описывать, как разгневался мой дядюшка, когда увидел, что стол не накрыт! Но тут же все объяснилось. Марта получила снова свободу. Она поспешила на рынок и так быстро все приготовила, что через час мой голод был утолен, и я опять ясно представил себе положение вещей.

Во время обеда дядюшка был почти весел; он сыпал шутками, которые у ученых всегда безобидны. После десерта он сделал мне знак последовать за ним в кабинет.

Я повиновался. Он сел у одного конца стола, я — у другого.

— Аксель, — сказал он довольно мягким голосом, — ты весьма разумный юноша; ты оказал мне сегодня большую услугу, когда я, утомленный борьбой, хотел уже отказаться от своих изысканий. Куда еще завели бы меня попытки решить задачу? Совершенно неизвестно! Я этого никогда тебе не забуду, и ты приобщись к славе, которую мы заслужим.

«Ну, — подумал я, — он в хорошем настроении; как раз подходящая минута поговорить об этой самой славе».

— Прежде всего, — продолжал дядя, — я убедительно прошу тебя сохранять полнейшую тайну. Ты понимаешь, конечно? В мире ученых сколько угодно завистников, и многие захотели бы предпринять путешествие, о котором они должны узнать лишь после нашего возвращения.

— Неужели вы думаете, что таких смельчаков много?

— Несомненно! Кто стал бы долго раздумывать, чтобы приобрести такую славу? Если бы этот документ оказался известен, целая армия геологов поспешила бы по следам Арне Сакнуссема!

— Вот в этом-то я вовсе не убежден, дядя, ведь достоверность этого документа ничем не доказана.

— Как! А книга, в которой мы его нашли?

— Хорошо! Я согласен, что Сакнуссем написал эти

строки, но разве из этого следует, что он действительно предпринял это путешествие, и разве старый документ не может быть мистификацией?

Я почти раскаивался, что произнес это несколько резкое слово. Профессор нахмурил брови, и я боялся, что наш разговор примет плохой оборот. К счастью, этого не случилось. Мой строгий собеседник, изобразив на своей физиономии некое подобие улыбки, ответил:

— Это мы проверим.

— Ах, — сказал я, несколько озадаченный, — позвольте мне высказать все, что можно сказать по поводу документа.

— Говори, мой мальчик, не стесняйся. Я даю тебе полную свободу высказать свое мнение. Ты теперь уже не только племянник мой, а коллега. Итак, продолжай.

— Хорошо, я вас спрошу прежде всего, что такое эти Ёкуль, Снайфедльс и Скартарис, о которых я никогда ничего не слышал?

— Очень просто. Я как раз недавно получил от своего друга Августа Петермана из Лейпцига карту; кстати, она у нас под рукой. Возьми третий атлас из второго отделения большого библиотечного шкафа, ряд Z, полка четыре.

Я встал и, следуя этим точным указаниям, быстро нашел требуемый атлас. Дядя раскрыл его и сказал:

— Вот одна из лучших карт Исландии, карта Гендерсона, и я думаю, что при помощи ее мы разрешим все затруднения.

Я склонился над картой.

— Взгляни на этот остров вулканического происхождения, — сказал профессор, — и обрати внимание на то, что все эти вулканы носят название Ёкуль. Это слово означает на исландском языке «глетчер», ибо горные вершины при высокой широте расположения Исландии в большинстве случаев покрыты вечными снегами и во время вулканических извержений лава неминуемо пробивается сквозь ледяной покров. Поэтому-то огнедышащие горы острова и носят название: Ёкуль.

— Хорошо, — возразил я, — но что такое Снайфедльс?

Я надеялся, что он не сможет ответить на этот вопрос. Как я заблуждался! Дядя продолжал:

— Следуй за мной по западному берегу Исландии. Смотри! Вот главный город Рейкьявик! Видишь? Отлично. Поднимись по бесчисленным фьордам этих изрезанных морских берегов и остановись несколько ниже шестидесяти пяти градусов широты. Что ты видишь там?

— Нечто вроде полуострова, похожего на обглоданную кость.

— Сравнение правильное, мой мальчик; теперь, разве ты ничего не замечаешь на этом полуострове?

— Да, вижу гору, которая кажется выросшей из моря.

— Хорошо! Это и есть Снайфедльс.

— Снайфедльс?

— Он самый; гора высотой в пять тысяч футов, одна из самых замечательных на острове и, несомненно, одна из самых знаменитых во всем мире, ведь ее кратер образует ход к центру земного шара!

— Но это невозможно! — воскликнул я, пожимая плечами и протестуя против такого предположения.

— Невозможно? — ответил профессор Лиденброк сурово. — Почему это?

— Потому что этот кратер, очевидно, переполнен лавой, скалы раскалены, и затем...

— А что, если это потухший вулкан?

— Потухший?

— Да. Число действующих вулканов на поверхности Земли достигает в наше время приблизительно трехсот, но число потухших вулканов значительно больше. К последним принадлежит Снайфедльс; за весь исторический период у него было только одно извержение, именно в тысяча двести девятнадцатом году; с тех пор он постепенно погас и не принадлежит уже к числу действующих вулканов.

На эти точные данные я решительно ничего не мог возразить, а потому перешел к другим неясным пунктам, заключавшимся в документе.

— Но что такое Скартарис? — спросил я. — И при чем тут июльские календы?

Дядюшка призадумался. На минуту у меня появилась надежда, но только на минуту, потому что скоро он ответил мне такими словами:

— То, что ты называешь темным, для меня вполне ясно. Все эти данные доказывают лишь, с какой точностью Сакнуссем хотел описать свое открытие. Екуль-Снайфедльс состоит из нескольких кратеров, и потому было необходимо указать именно тот, который ведет к центру Земли. Что же сделал ученый-исландец? Он заметил, что перед наступлением июльских календ, иначе говоря, в конце июня, одна из горных вершин, Скартарис, отбрасывает тень до самого жерла выше-названного кратера, и этот факт он отметил в документе. Это настолько точное указание, что, достигнув вершины Снайфедльс, не приходится сомневаться, какой путь избрать.

Положительно, мой дядя находил ответ на все. Я понял, что он был неуязвим, поскольку дело касалось текста древнего пергамента. Поэтому я перестал надоедать ему вопросами на эту тему, а поскольку мне прежде всего хотелось убедить дядюшку, то я перешел к научным возражениям, по-моему, гораздо более существенным.

— Хорошо! — сказал я. — Должен согласиться, что фраза Сакнуссема ясна и смысл ее не подлежит никакому сомнению. Я допускаю даже, что документ представляет собою несомненный подлинник. Этот ученый спустился в жерло Снайфедльс, видел, как тень Скартариса перед наступлением июльских календ скользит по краям кратера; он даже узнал из легендарных рассказов своего времени, что этот кратер ведет к центру Земли; но чтобы он сам туда проник, чтобы он, совершив это путешествие, снова вернулся оттуда, этому я не верю! Нет, тысячу раз нет!

— А на каком основании? — спросил дядя необыкновенно насмешливо.

— На основании научных теорий, которые показывают, что подобное изыскание невыполнимо!

— Теории, говоришь, показывают это? — спросил профессор с добродушным видом. — Да, жалкие теории! И эти теории нас смущают?

Я видел, что он смеется надо мною, но тем не менее продолжал:

— Да, вполне доказано, что температура в недрах Земли поднимается, по мере углубления, через каждые семьдесят футов; приблизительно на один градус; поэтому, если допустить, что это повышение температуры неизменно, то, принимая во внимание, что радиус Земли равен полутора тысячам лье, температура в центральных областях Земли должна превышать двести тысяч градусов, следовательно, все вещества в недрах Земли должны находиться в огненно-жидком и газообразном состоянии, так как металлы, золото, платина, самые твердые камни не выдерживают такой температуры. Поэтому я вправе спросить, возможно ли проникнуть в такую среду?

— Стало быть, Аксель, тебя пугает температура?

— Конечно. Достаточно нам спуститься лишь на десять лье и достичь крайней границы земной коры, как уже там температура превышает тысячу триста градусов.

— И ты боишься расплавиться?

— Предоставляю вам решение этого вопроса, — ответил я с досадой.

— Так я выскажу тебе категорически свое мнение, — сказал профессор Лиденброк с самым важным видом. — Ни ты, ни кто другой не знает достоверно, что происходит внутри земного шара, так как изучена едва только двенадцатитысячная часть его радиуса; поэтому научные теории о температурах больших глубин могут бесконечно дополняться и видоизменяться, и каждая теория постоянно опровергается новой. Ведь полагали же до Фурье, что температура межпланетных пространств неизменно понижается, а теперь известно, что минимальный предел температуры в мировом эфире колеблется между сорока и пятьюдесятью градусами ниже нуля. Почему не может быть того же самого с температурой внутри Земли? Почему бы ей не остановиться, достигнув наивысшего предела, на известной глубине, вместо того чтобы подниматься до такой степени, что плавятся самые стойкие металлы?

Раз дядя перенес вопрос в область гипотез, я не мог ничего возразить ему.

— А затем я тебе скажу, что истинные ученые, как, например, Пуазон и другие, доказали, что если бы внутри земного шара жар доходил бы до двухсот тысяч градусов, то газ, образовавшийся от веществ, раскаленных до таких невероятных температур, взорвал бы земную кору, как под давлением пара взрывается котел.

— Таково мнение Пуазона, дядя, и ничего больше.

— Согласен, но и другие выдающиеся геологи также полагают, что внутренность земного шара не состоит ни из газов, ни из воды, ни из более тяжелых камней, чем известные нам, ибо в таком случае Земля имела бы вдвое меньший или же вдвое больший вес.

— О! Цифрами можно доказать все, что угодно!

— А разве факты не то же самое говорят, мой мальчик? Разве не известно, что число вулканов с первых же дней существования мира неизменно сокращается? И если существует центральный очаг огня, нельзя разве на основании этого заключить, что он делается все слабее?

— Дядюшка, раз вы вступаете в область предположений, мне нечего возразить.

— И я должен сказать, что взгляды самых сведущих людей сходятся с моими. Помнишь ли ты, как меня посетил знаменитый английский химик Хемфри Дэви в тысяча восемьсот двадцать пятом году?

— Нет, потому что я сам появился на свет девятнадцать лет спустя.

— Ну, так вот, Хемфри Дэви посетил меня проездом через Гамбург. Мы с ним долго беседовали и, между прочим, коснулись гипотезы огненно-жидкого состояния ядра Земли. Мы оба были согласны в том, что жидкое состояние земных недр немислимо по причине, на которую наука никогда не находила ответа.

— А что же это за причина? — спросил я, несколько изумленный.

— Весьма простая: расплавленная масса, подобно океану, была бы подвержена силе лунного притяжения, и, следовательно, два раза в день происходили бы

внутри Земли приливы и отливы; под сильным давлением огненно-жидкой массы земная кора давала бы разломы и периодически возникали бы землетрясения!

— Но все-таки несомненно, что оболочка земного шара была в огненно-жидком состоянии, и можно предполагать, что прежде всего остыли верхние слои земной коры, в то время как жар сосредоточился в больших глубинах.

— Заблуждение, — ответил дядя. — Земля стала раскаленной только благодаря горению ее поверхности, но не наоборот. Ее поверхность состояла из большого количества металлов вроде калия и натрия, которые имеют свойство воспламеняться при одном лишь соприкосновении с воздухом и водой; эти металлы воспламенились, когда атмосферные пары в виде дождя опустились на Землю; и постепенно, когда воды стали проникать внутрь через трещины, возникшие от разлома каменных масс земной коры, начались массовые пожары с взрывами и извержениями. Следствием этого были вулканические образования на земной поверхности, столь многочисленные в первое время существования мира.

— Однако весьма остроумная гипотеза! — воскликнул я невольно.

— И Хемфри Дэви объяснил мне это явление при помощи весьма простого опыта. Он изготовил металлический шар, главным образом из тех металлов, о которых я только что говорил, как бы полное подобие нашей планеты; когда этот шар слегка обрызгивали водой, поверхность его вздувалась, окислялась и на ней появлялась небольшая выпуклость; на ее вершине открывался кратер, происходило извержение, и шар до того раскалялся, что его нельзя было удержать в руке.

Сказать правду, доводы профессора начинали производить на меня впечатление; к тому же он приводил их со свойственной ему страстностью и энтузиазмом.

— Ты видишь, Аксель, — прибавил он, — вопрос о внутреннем состоянии Земли вызвал различные гипотезы среди геологов; нет ничего столь мало доказанного, как раскаленное состояние ядра земного шара;

я отрицаю эту теорию, этого не может быть; впрочем, мы сами это увидим и, как Арне Сакнуссем, узнаем, какого мнения нам держаться в этом важном вопросе.

— Ну да, — ответил я, начиная разделять дядюшкин энтузиазм. — Ну да, увидим, если там вообще можно что-нибудь увидеть!

— Отчего же нет? Разве мы не можем рассчитывать на электрические явления, которые послужат для нас освещением? И даже атмосфера в глубинных областях Земли не может разве сделаться светящейся благодаря высокому давлению?

— Да, — сказал я, — да! В конце концов и это возможно.

— Это несомненно, — торжествуя ответил дядя, — но ни слова, слышишь? Ни слова обо всем этом, чтобы никому не пришла в голову мысль раньше нас открыть центр Земли.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Так закончился этот памятный диспут. Беседа с дядюшкой привела меня в лихорадочное состояние. Я покинул кабинет совершенно ошеломленный. Мне мало было воздуха на улицах Гамбурга, чтобы прийти в себя. Я поспешил к берегам Эльбы, к парому, который связывает город с железной дорогой.

Убедили ли меня дядюшкины доводы? Не поддавался ли я скорее его внушению? Неужели следует отнестись серьезно к замыслу профессора Лиденброка отправиться к центру Земли? Что слышал я? Бредовые фантазии безумца или же умозаключения великого гения, основанные на научных данных? Где во всем этом кончалась истина и начиналось заблуждение?..

Я строил тысячи противоречивых гипотез, не будучи в состоянии остановиться ни на одной.

Все же я должен был напомнить себе, что порою я соглашался, хотя мой энтузиазм и начинал уже ослабевать. Разве я не готов был уехать немедленно,

чтобы не оставалось времени на размышления. Да, у меня хватило бы в тот момент мужества затянуть ремнями свой чемодан!

Однако я должен сознаться и в том, что часом позже это чрезмерное возбуждение уже улеглось, нервы успокоились и я снова поднялся из недр Земли на поверхность.

«Ведь это нелепость! — сказал я самому себе. — Ведь это лишено здравого смысла! Подобное предложение нельзя делать рассудительному молодому человеку. Все это вздор. Я плохо спал и видел скверный сон».

Между тем я прошел по берегу Эльбы вокруг города и, минуя порт, вышел на дорогу в Альтону. Точно предчувствие привело меня на этот путь, потому что я вскоре увидел мою милую Гретхен, которая возвращалась в Гамбург.

— Гретхен! — закричал я ей издали.

Девушка остановилась, повидимому, несколько смущенная, что ее окликнули на большой дороге. В одну минуту я очутился возле нее.

— Аксель! — сказала она с изумлением. — Ты вышел мне навстречу? Вот это мило!

Мой беспокойный и расстроенный вид не ускользнул от внимательных глаз Гретхен, стоило ей взглянуть на меня.

— Что с тобой? — сказала она, протягивая мне руку.

— Что со мною, Гретхен? — вскричал я.

И в трех словах я рассказал прелестной фирландке о случившемся. Она помолчала немного. Билось ли ее сердце одинаково с моим? Я не знаю, но ее рука не задрожала в моей.

Мы молча прошли сотню шагов.

— Аксель, — сказала она, наконец.

— Что, милая Гретхен?

— Вот будет прекрасное путешествие!

Я так и подскочил при этих словах.

— Да, Аксель, путешествие, достойное племянника ученого. Мужчина должен отличаться в каком-нибудь великом предприятии.

— Как, Гретхен, ты не отговариваешь меня от подобного путешествия?

— Нет, дорогой Аксель, и я охотно сопровождала бы вас, если бы слабая девушка не была для вас только помехой.

— И ты говоришь это серьезно?

— Серьезно.

Ах, можно ли понять женщин, молодых девушек, словом, женское сердце! Если женщина не из робких, то уж ее храбрость не имеет предела! Рассудок не играет у женщин никакой роли... Что я слышу? Девочка советует мне принять участие в путешествии! Ее ничуть не пугает столь романтическое приключение. Она побуждает меня ехать с дядюшкой, хотя и любит меня...

Я был смущен и, откровенно говоря, пристыжен.

— Гретхен, — продолжал я, — посмотрим, будешь ли ты и завтра говорить то же самое.

— Завтра, милый Аксель, я скажу то же, что и сегодня.

Держась за руки, в глубоком молчании, мы продолжали свой путь. События дня привели меня в уныние.

«Впрочем, — думал я, — до июльских календ еще далеко, и до тех пор еще может случиться многое, что излечит дядюшку от его безумного желания предпринять путешествие в недра Земли».

Было уже совсем поздно, когда мы добрались до дома на Королевской улице. Я полагал, что в доме уже полная тишина, дядюшка, как обычно, в постели, а Марта занята уборкой в столовой.

Но я не принял во внимание нетерпеливый характер профессора. Он суетился, окруженный целой толпой носильщиков, которые сваливали в коридоре всевозможные свертки и тюки; по всему дому раздавались его хозяйские окрики, старая служанка совсем потеряла голову.

— Ну, иди же, Аксель. Да поскорее, несчастный! — вскричал дядя, уже издали завидев меня. — Ведь твой чемодан еще не уложен, бумаги мои еще не приведены

в порядок, ключ от моего саквояжа никак не найти и недостает моих гамаш...

От изумления я замер на месте. Голос отказывался мне служить. Я с трудом мог произнести несколько слов:

— Итак, мы уезжаем?

— Да, несчастный, а ты разгуливаешь, вместо того чтобы помогать!

— Мы уезжаем? — переспросил я слабым голосом.

— Да, послезавтра, на рассвете.

Я не мог больше слушать и убежал в свою комнату.

Сомнений не было. Дядюшка вместо послеобеденного отдыха бегал по городу, закупая все необходимое для путешествия. Аллея перед домом была завалена веревочными лестницами, факелами, дорожными фляжками, кирками, мотыгами, палками с железными наконечниками, заступами, — чтобы тащить все это, требовалось по меньшей мере человек десять.

Я провел ужасную ночь. На следующий день, рано утром, меня кто-то назвал по имени. Я решил не открывать двери. Но как было устоять против столь нежного голоса, звавшего меня: «Милый Аксель!»

Я вышел из комнаты, думая, что мой расстроенный вид, бледное лицо, покрасневшие глаза произведут впечатление на Гретхен и она изменит свое отношение к поездке.

— Ну, дорогой Аксель, — сказала она, — я вижу, ты чувствуешь себя лучше и за ночь успокоился.

— Успокоился! — вскричал я.

Я подбежал к зеркалу. Ну, да! У меня был вовсе не такой скверный вид, как я предполагал. Трудно даже поверить!

— Аксель, — сказала мне Гретхен, — я долго беседовала с опекуном. Это смелый ученый, отважный человек, и ты не должен забывать, что его кровь течет в твоих жилах. Он рассказал мне о своих планах, о своих чаяниях, как и почему он надеется достигнуть своей цели. Я не сомневаюсь, что он ее достигнет. Ах, милый Аксель, как это прекрасно — так отдаваться науке! Какая слава ожидает профессора Лиденброка и

его спутника! По возвращении ты станешь человеком, равным ему, получишь свободу говорить, действовать, словом — свободу...

Девушка, вся вспыхнув, не окончила фразы. Ее слова меня снова ободрили; однако я все еще не хотел верить в наш отъезд. Я увлек Гретхен в кабинет профессора.

— Дядюшка, — сказал я, — так значит решено, что мы уезжаем?

— Как! Ты еще сомневаешься в этом?

— Нет, — ответил я, чтобы не противоречить ему. — Я только хотел спросить, нужно ли с этим так спешить?

— Время не терпит! Время бежит так быстро!

— Но ведь теперь только двадцать шестое мая, и до конца июня...

— Гм, неужели ты думаешь, невежда, что до Исландии так легко доехать? Если бы ты не убежал от меня, как сумасшедший, то я взял бы тебя с собою в Копенгагенское бюро, к «Лифендеру и компания». Там ты узнал бы, что пароход отходит из Копенгагена в Рейкьявик только раз в месяц, а именно двадцать второго числа.

— Ну?

— Что — ну? Если бы мы стали ждать до двадцать второго июня, то прибыли бы слишком поздно и не могли бы видеть, как тень Скартариса падает на кратер Снайфедльс. Поэтому мы должны как можно скорее ехать в Копенгаген, чтобы оттуда добраться до Исландии. Стунай и уложи свой чемодан!

На это ничего нельзя было возразить. Я вернулся в свою комнату. Гретхен последовала за мной и сама постаралась уложить в чемодан все необходимое для путешествия. Она казалась спокойной, как будто дело шло о прогулке в Любек или на Гельголанд; ее маленькие руки без лишней торопливости делали свое дело. Она беспечно болтала. Приводила мне самые разумные доводы в пользу нашего путешествия. Она оказывала на меня какое-то волшебное влияние, и я не мог на нее сердиться. Несколько раз я собирался вспылить, но она не обращала на это никакого внимания

и с методическим спокойствием продолжала укладывать мои вещи.

Наконец, последний ремешок чемодана был затянут, и я сошел вниз.

В течение всего дня непрерывно приносили в дом разные инструменты, оружие, электрические аппараты. Марта совсем потеряла голову.

— Не сошел ли барин с ума? — спросила она, обращаясь ко мне.

Я утвердительно кивнул головой.

— И он берет вас с собой?

Утвердительный кивок.

— Куда же вы отправитесь? — спросила она.

Я указал пальцем в землю.

— В погреб? — воскликнула старая служанка.

— Нет, — сказал я, наконец, — еще глубже!

Наступил вечер. Я совершенно не заметил, как прошло время.

— Завтра утром, — сказал дядя, — ровно в шесть часов мы уезжаем.

В девять часов я свалился, как мертвый, в постель.

Ночью меня преследовали кошмары.

Мне снились зияющие бездны! Я сходил с ума. Я чувствовал, будто бы меня схватила сильная рука профессора, подняла и сбросила в пропасть! Я летел в бездну со все увеличивающимся ускорением падающего тела. Моя жизнь обратилась в нескончаемое падение вниз.

В пять часов я проснулся, разбитый от усталости и возбуждения. Я спустился в столовую. Дядя сидел за столом и преспокойно завтракал. Я взглянул на него почти с ужасом. Но Гретхен тоже была здесь. Я не мог говорить. Я не мог есть.

В полсvine шестого на улице послышался стук колес. Прибыла вместительная карета, в которой мы должны были отправиться на Альтонский вокзал. Карета скоро была доверху нагружена дядюшкиными тюками.

— А твой чемодан? — сказал он, обращаясь ко мне.

— Он готов, — ответил я, едва держась на ногах.
— Так снеси же его поскорее вниз, иначе мы из-за тебя прозеваем поезд!

Мне показалось невозможным бороться против своей судьбы. Я поднялся в свою комнату, и, сбросив чемодан с лестницы, сам спустился вслед за ним.

В эту минуту дядя передавал Гретхен «бразды правления» домом. Моя очаровательная фирландка хранила свойственное ей спокойствие. Она обняла опекуна, но не могла удержать слез, когда коснулась своими нежными губами моей щеки.

— Гретхен! — воскликнул я.

— Поезжай, милый Аксель, поезжай, — сказала она мне, — ты покидаешь невесту, но, возвратившись, встретишь жену.

Я заключил Гретхен в объятия, потом сел в карету. С порога дома Марта и молодая девушка посылали нам последнее прости. Затем лошади, подгоняемые кучером, понеслись галопом по Альтонской дороге.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Из Альтоны, пригорода Гамбурга, железная дорога идет в Киль, к берегам бельтских проливов. Минут через двадцать мы были уже в Гольштинии.

В половине седьмого карета остановилась перед вокзалом; многочисленные дядюшкины тюки, его объемистые дорожные принадлежности были выгружены, перенесены, взвешены, снабжены ярлычками, помещены в багажном вагоне, и в семь часов мы сидели друг против друга в купе вагона. Раздался свисток, локомотив тронулся. Мы поехали.

Покорился ли я неизбежному? Нет еще! Но все же свежий утренний воздух, дорожные впечатления, следующие одно за другим, несколько рассеяли мои тревоги.

Что касается профессора, мысль его, очевидно, опережала поезд, шедший слишком медленно для его

нетерпеливого нрава. Мы были в купе одни, но не обменялись ни единым словом. Дядюшка внимательно осматривал свои карманы и дорожный мешок. Я от- лично видел, что ничто из вещей, необходимых для выполнения его планов, не было забыто.

Между прочим, он вез тщательно сложенный лист бумаги с гербом датского консульства и подписью г-на Христиенсена, датского консула в Гамбурге, кото- рый был другом профессора. Имея столь солидные бумаги, нам нетрудно было получить в Копенгагене рекомендации к губернатору Исландии.

Я заметил также и знаменитый пергамент, бережно запрятанный в самое секретное отделение бумажника. Я проклял его от всего сердца и стал изучать мест- ность, по которой мы ехали. Передо мной расстились бесконечные, унылые, ничем не примечательные рав- нины, илистые, но довольно плодородные: местность, весьма удобная для железнодорожного строительства, так как ровная поверхность облегчает проведение же- лезнодорожных путей.

Но унылый ландшафт не успел мне наскучить, по- тому что не прошло и трех часов с момента отъезда, как поезд прибыл в Киль. Вокзал находился в двух шагах от моря.

Наш багаж был сдан до Копенгагена, нам не пона- добилось возиться с ним; однако профессор с тревогой следил, как его вещи переносили на пароход и сбрасы- вали в трюм.

Второпях дядюшка так хорошо рассчитал часы прибытия поезда и отплытия парохода, что нам при- шлось потерять целый день. Пароход «Эллеонора» от- ходил ночью. Девять часов ожидания отразились на расположении духа профессора. Взбешенный путеше- ственник посылал к черту администрацию пароходной компании и железной дороги вместе с правительствами, допускающими подобные безобразия. Мне пришлось поддержать дядюшку, когда он потребовал от капитана «Эллеоноры» объяснений по поводу неожиданной за- держки. Дядюшка настаивал, чтобы немедленно раз- вели пары, но капитан, разумеется, отказался нару- шить расписание.

Вынужденные проторчать в Киле целый день, мы поневоле пошли бродить по покрытым зеленью берегам бухты, в глубине которой раскинулся городок; мы гуляли в окрестных рощах, придававших городу вид гнезда среди густых ветвей, любовались виллами с собственными купальнями. Так в прогулках и ссорах прошло время до десяти часов вечера.

Клубы дыма из труб «Эллеоноры» поднимались в воздухе; палуба дрожала от толчков паровой машины; нам предоставили на пароходе две койки, помещавшиеся одна над другой в единственной каюте.

Пятнадцать минут одиннадцатого мы снялись с якоря, и пароход быстро пошел по темным водам Большого Бельта.

Ночь стояла темная, дул свежий морской ветер, море было бурное; редкие огоньки на берегу прорезывали тьму; позднее, я не знаю, где именно, над морской зыбью ярко блеснул маяк; вот все, что осталось в моей памяти от путешествия по морю.

В семь часов утра мы высадились в Корсёре, маленьком городке, расположенном на западном берегу Зеландии. Здесь мы пересели с парохода в вагон новой железной дороги, и наш путь пошел по местности, столь же плоской, как и равнины Гольштинии.

Через три часа мы должны были прибыть в столицу Дании. Дядя не сомкнул глаз всю ночь. Мне казалось, что от нетерпения он готов был подтолкнуть вагон ногами.

Наконец, он заметил, что за окном мелькнуло море.
— Зунд! — воскликнул он.

Налево от нас виднелось огромное здание, похожее на госпиталь.

— Больница для умалишенных, — сказал один из наших спутников.

«Отлично, — подумал я, — вот здесь нам и следовало кончить наши дни! И как ни велика больница, она все же слишком мала, чтобы вместить всю степень безумия профессора Лиденброка!»

Наконец, в десять часов утра мы сошли в Копенгагене; багаж был доставлен вместе с нами в отель «Феникс» в Бред-Хале. Переезд занял полчаса, так как

вокзал находился за городом. Затем дядюшка, приведя в порядок свой туалет, вышел вместе со мной на улицу. Швейцар отеля говорил по-немецки и по-английски, но профессор, знавший много языков, обратился к нему на чистом датском языке, и швейцар на том же языке объяснил ему, где находится музей древностей Севера.

Хранителем в этом замечательном учреждении, где было собрано множество удивительных вещей, по которым можно было бы восстановить историю страны с ее древними каменными орудиями, с ее кубками и предметами украшения, был известный ученый профессор Томсон, друг гамбургского консула.

Дядюшка имел к нему солидное рекомендательное письмо. Вообще ученые довольно плохо принимают друг друга, но в данном случае этого не было. Профессор Томсон, обязательный человек, оказал радушный прием профессору Лиденброку и даже его племяннику. Едва ли нужно говорить, что дядюшка не открыл свою тайну милейшему хранителю музея. Официально целью нашего путешествия было посещение Исландии в качестве простых туристов.

Господин Томсон всецело предоставил себя в наше распоряжение, и мы с ним обошли все набережные в поисках отходящего судна.

Я надеялся, что наши попытки найти морской транспорт будут обречены на неудачу, но я ошибся. Небольшой датский парусный корвет «Валькирия» должен был отойти второго июня в Рейкьявик. Капитан, г-н Бьярне, находился на борту судна. Его будущий пассажир от радости крепко пожал ему руку. Бравый капитан был несколько изумлен подобной сердечностью. Для капитана плавание в Исландию было делом обыденным, а дядюшка готов был отдать за это чуть ли не полжизни. Достойный капитан, воспользовавшись дядюшкиным восторгом, содрал с нас за проезд двойную плату. Но нас это мало трогало.

Господин Бьярне, положив в карман внушительную сумму долларов, сказал:

— Будьте на борту во вторник, в семь часов утра.

Мы поблагодарили г-на Томсона за его хлопоты и вернулись в отель «Феникс».

— Все идет хорошо! Все идет очень хорошо! — повторял дядюшка. — Какая счастливая случайность, что мы попали на судно, готовое к отплытию! Теперь позавтракаем, а затем осмотрим город.

Мы отправились на Новую Королевскую площадь — площадь неправильной формы, где был выставлен караул возле двух безобидных пушек, никого не пугавших. Рядом, в доме № 5, находилась французская ресторация, которую держал повар, по имени Винцент. За умеренную плату, по четыре марки с персоны, мы там сытно позавтракали.

После этого я, радуясь, как ребенок, пошел осматривать город; дядюшка безропотно следовал за мной; но он ничего не видел, ни королевского дворца, правда, ничем не знаменательного, ни красивого моста XVII столетия, перекинутого через канал перед самым музеем, ни огромного, с ужасающей живописью, надгробного памятника Торвальдсену, внутри которого хранятся произведения самого скульптора, ни очаровательного замка Розенберг, ни довольно красивого парка при нем, ни удивительного здания биржи в стиле Ренессанс, ни его башни, представляющей собою чудовищное сплетение хвостов четырех бронзовых драконов, ни мельниц на крепостных укреплениях, широкие крылья которых вздуваются, подобно парусам корабля при морском ветре.

Какие превосходные прогулки могли бы совершать мы, с моей прелестной Гретхен, вдоль гавани, где двухпалубные корабли и фрегаты мирно дремлют; по зеленеющим берегам пролива, в тенистых кустарниках, скрывающих цитадель, пушки которой вытягивают свои длинные черные жерла среди ветвей бузины и ивы...

Но, увы, моя бедная Гретхен была далеко, и мог ли я надеяться увидеть ее вновь?

Однако дядюшка совсем не замечал прелести этих мест; все же он был поражен архитектурой известной колокольни на острове Амагер, образующем юго-восточную часть Копенгагена.

Но дядя приказал идти в другую сторону; мы сели на маленький пароходик, обслуживающий каналы, и через несколько минут причалили к набережной Адмиралтейства.

Пройдя по узким улицам, где каторжники, одетые в штаны, наполовину желтые, наполовину серые, работали под палками надзирателей, мы вышли к храму Спасителя. Этот храм не представляет собой ничего замечательного. Но внимание профессора привлекла его довольно высокая колокольня, вокруг шпица которой, обвиваясь спиралью, возносилась под самые небеса наружная лестница.

— Поднимемся, — сказал дядя.

— А головокружение? — возразил я.

— Тем более, нужно привыкать.

— Однако...

— Идем, говорю я тебе, нечего терять времени.

Пришлось повиноваться. Сторож, живший напротив церкви, дал нам ключ, и мы стали подниматься.

Дядя шел впереди бодрым шагом. Я следовал за ним не без боязни, так как я был подвержен головокружению. Мне доставало ни его ясной головы, ни крепости его нервов.

Пока мы находились во внутренних проходах, все шло хорошо, но приблизительно на высоте ста пятидесяти ступеней воздух ударил мне в лицо: мы добрались до площадки колокольни; отсюда лестница шла уже под открытым небом, и единственной опорой были ее легкие перила, а меж тем она становилась чем выше, тем более узкой и, казалось, вела в бесконечность.

— Я не могу идти! — вскричал я. — Не могу!

— Неужели ты такой трус? Шагай смелей! — ответил безжалостный профессор.

Пришлось поневоле следовать за ним, цепляясь за фалды его сюртука. На чистом воздухе у меня стала кружиться голова; я чувствовал, как колеблется при сильных порывах ветра колокольня; ноги отказывались мне служить; скоро я стал ползти на коленях, потом на животе; я закрыл глаза, мне сделалось дурно.

Наконец, при помощи дяди, который схватил меня за шиворот, я добрался до самой вышки.

— Теперь взгляни вниз, — сказал дядя, — и взглядишь хорошенько. Ты должен *приучиться смотреть в бездонные глубины!*

Я открыл глаза. Дома сквозь туманную пелену казались мне сдавленными, как бы расплюснутыми. Над моей головой неслись облака, но благодаря оптическому обману казалось, что облака не движутся, меж тем как колокольня, ее купол и мы сами словно уносимся вдаль с бешеной быстротой. По одну сторону, вдалеке, виднелись зеленеющие поля, по другую — сверкающее в лучах солнца море. У мыса Эльсинор простирался Зунд, на горизонте белели паруса, а на востоке едва вырисовывались в тумане берега Швеции. Все это кружилось у меня в глазах.

Несмотря на это, пришлось встать, выпрямиться и смотреть. Мой первый урок по головокружению длился целый час. Когда я, наконец, спустился вниз и коснулся ногами твердой мостовой, я был совершенно разбит.

— Завтра мы повторим урок, — сказал мой профессор.

И действительно, пять дней продолжалось это упражнение в головокружениях, и волей-неволей я делал заметные успехи в искусстве «смотреть сверху вниз».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Настал день отъезда. Накануне услужливый г-н Томсон передал нам красноречивые рекомендательные письма к наместнику Исландии, барону Грампе, к помощнику епископа, г-ну Пиктурсону, и к бургомистру Рейкьявика, г-ну Финзену. Дядя в свою очередь поблагодарил его горячим рукопожатием.

Второго числа, в шесть часов утра, наш драгоценный багаж был уже на борту «Валькирии». Капитан провел нас в довольно тесную каюту, нечто вроде рубки.

— Благоприятствует ли нам попутный ветер? — спросил дядя.

— Ветер отличный, — ответил капитан Бьярне, — юго-восточный. Мы выйдем из Зунда в открытое море на всех парусах.

Спустя короткое время наша трехмачтовая шхуна отвалила от берега и на всех парусах вошла в пролив. Через час столица Дании уже рисовалась вдали, как бы утопающей в волнах, и «Валькирия» шла вдоль берегов Эльсинора. Я был в столь приподнятом настроении, что ожидал увидеть тень Гамлета на террасе древнего замка.

«Благородный безумец! — сказал я себе. — Ты, несомненно, нас одобряешь! Быть может, ты будешь сопутствовать нам в нашем путешествии в недра земного шара в поисках ответа на вопрос, поставленный тобою: «Быть или не быть!»

Но пустынные древние стены... Замок, впрочем, гораздо моложе доблестного датского принца. В наше время это великолепное здание служит жилищем для зрителя при входе в Зунд, где ежегодно проходят пятнадцать тысяч судов всех национальностей.

Скоро замок Кронборг исчез в тумане, как и Хельсингборгская башня на шведском берегу, и шхуна немного накренилась под дуновением ветра с Каттегата.

«Валькирия» хорошо ходила под парусами, но на парусное судно никогда нельзя полагаться. Наше судно везло в Рейкьявик уголь, предметы домашней утвари, глиняную посуду, шерстяную одежду и груз зерна; весь экипаж составляли пять человек, все без исключения датчане.

— Сколько времени продлится переезд? — спросил дядюшка капитана.

— Около десяти дней, — ответил последний, — если только нам не помешает противный ветер с северо-запада у Фарерских островов.

— Но, надеюсь, вы не намного в этом случае запоздаете?

— Нет, господин Лиденброк, будьте спокойны, мы прибудем во-время.

К вечеру шхуна обогнула мыс Скаген у северной оконечности Дании, затем ночью прошла по проливу Скагеррақ, миновала близ мыса Линнеснес южную оконечность Норвегии и вышла в Северное море.

Два дня спустя мы увидели берега Шотландии у Питерхеда, и «Валькирия» пошла между Оркнейскими и Шетландскими островами к Фарерским островам.

Вскоре наша шхуна скользила уже по волнам Атлантического океана; ей пришлось лавировать против северного ветра, и с трудом достигла она Фарерских островов. 8-го числа капитан узнал Мюггенес, самый западный из этих островов, и с этого времени мы пошли прямо на мыс Портланд, находящийся на южном берегу Исландии.

Во время плавания не произошло ничего замечательного. Я переносил довольно легко морскую болезнь; дядя же, к своему крайнему сожалению и еще к большему стыду, все время был нездоров.

Он поэтому не мог расспросить капитана Бьярне ни о вулкане Снайфедльс, ни о способах сообщения и перевозки грузов. Ему пришлось, таким образом, отложить эти расспросы до своего приезда на место, а пока он проводил все свое время, лежа в каюте, перегородки которой трещали под ударами волн. Право, он отчасти заслуживал свою участь.

Одиннадцатого вдали показался мыс Портланд. Ясная погода дала нам возможность различить Мирдальс-Ёкуль. Мыс представляет собою голый и гладкий утес, одиноко возвышающийся на берегу. «Валькирия» держалась на некотором расстоянии от берегов. Мы плыли, огибая мыс, в западном направлении среди стада акул и китов. Вскоре показалась скала с пробитой в ней брешью, через которую с бешеным ревом врывались на сушу вспененные морские волны. Вестманнаэйярские островки вздымались на поверхности океана, точно скалы, рассыпанные рукой сеятеля. Дальше шхуна пошла открытым морем, чтобы обогнуть на надлежащем расстоянии мыс Рейкьянес, образующий западную оконечность Исландии.

Шгорм на море помешал дядюшке взойти на

палубу полюбоваться причудливо изрезанными берегами и подставить лицо под резкий юго-западный ветер.

Через сорок восемь часов, когда буря, заставившая убрать паруса на шхуне, утихла, на востоке показался буй близ оконечности Скагафлэс; в этом месте океан усеян подводными скалами, весьма опасными для мореходов. На судно прибыл исландский лоцман, и через три часа «Валькирия» бросила якорь у Рейкьявика в заливе Факсафлоун.

Профессор вышел, наконец, из своей каюты, несколько побледневший, несколько разбитый, но все же неизменно восторженный и явно удовлетворенный. Население города, заинтересованное прибытием судна с грузом, устремилось на набережную.

Дядюшка спешил покинуть свою пловучую тюрьму, вернее сказать, больницу. Но прежде чем сойти с палубы, он повел меня на нос судна и указал на северной стороне бухты высокую гору с расщепленной надвое вершиной, покрытой вечными снегами.

— Снайфедльс! — воскликнул он. — Снайфедльс!

Потом, сделав мне знак молчания, он сошел в лодку; я последовал за ним, и вскоре мы вступили на землю Исландии.

Тотчас же навстречу нам вышел осанистый мужчина в генеральском мундире. Однако это был всего лишь чиновник, губернатор острова, барон Трампе собственной персоной. Профессор передал ему письма из Копенгагена, после чего между ними завязался беглый разговор на датском языке, в котором я, по весьма понятным причинам, не принимал никакого участия. Результатом этого разговора было то, что барон Трампе предоставил себя в полное распоряжение профессора Лиденброка.

Радушный прием был оказан дяде и бургомистром Финзеном, который, подобно губернатору, хотя и был облачен в военный мундир, отличался столь же миролюбивым характером.

Помощник епископа Пиктурсон находился в это время в поездке по приходу северного округа, и нам пришлось отказаться на время от знакомства с ним.

Но преподаватель естественных наук в рейкьявикской школе г-н Фридриксон, чрезвычайно любезный человек, оказал нам весьма драгоценное содействие. Этот скромный ученый говорил только по-исландски и по-латыни; он предложил мне на языке Горация свои услуги, и мы легко с ним столковались. Действительно, он оказался единственным человеком, с которым я мог беседовать во время моего пребывания в Исландии.

Из трех комнат, составлявших квартиру этого превосходного человека, в наше распоряжение были предоставлены две комнаты, в которых мы и расположились со всем нашим багажом, количество коего несколько удивило жителей Рейкьявика.

— Ну-с, Аксель, — сказал дядюшка, — дела идут хорошо, главная трудность уже преодолена.

— Как главная трудность? — воскликнул я.

— Разумеется, нам остается только спуститься!

— Если таково ваше отношение к делу, вы правы; но мне кажется, что, сумев спуститься, нам надо суметь и подняться?

— О, это меня несколько не беспокоит! Ну, ладно! Нечего терять время. Я отправлюсь сейчас в библиотеку. Может быть, там найдется какой-нибудь манускрипт Сакнуссема, которым я с большим удовольствием воспользовался бы для справок.

— А я тем временем осмотрю город. Разве вы не присоединитесь ко мне?

— Город очень мало интересует меня. Достопримечательности Исландии не на поверхности Земли, а в ее недрах.

Я вышел из дому и пошел наугад.

Заблудиться на двух улицах Рейкьявика было бы трудно. Поэтому мне не пришлось спрашивать пути, что при разговоре жестами ведет вечно к недоразумениям.

Город раскинулся вдоль низкой и довольно болотистой лощины. С одной стороны он огражден хаотическими наслоениями застывшей лавы, отлогими уступами постепенно нисходящими к морю. С другой — простирается обширный, ограниченный на севере большим глетчером Снайфедльс, залив Факсафлоун, в

котором в ту пору «Валькирия» была единственным судном, стоявшим на якоре. Обычно на рейде стоят во множестве английские и французские рыбацьи суда, но в то время они находились на восточном берегу острова.

Одна из двух улиц Рейкьявика — более длинная — идет параллельно берегу; тут живут мелкие торговцы и купцы в скромных деревянных домиках, возведенных из выкрашенных, горизонтально положенных, балок; другая улица расположена западнее и упирается в небольшое озеро; тут стоят дома епископа и лиц, непричастных к торговле.

Я быстрыми шагами прошел по этим унылым, мрачным улицам; лишь изредка мой взгляд привлекал газон с чахлой травой, похожий на старый потертый ковер или на некое подобие огорода, где произрастает тощий латук, картофель и капуста в таком жалком количестве, что этих овощей хватило бы разве для стола лилипутов; несколько хилых левкоев тянулись к солнцу.

Приблизительно в самом центре второй, не торговой улицы, я набрел на обширное кладбище, обнесенное земляным валом. Пройдя несколько шагов, я увидел губернаторский дом, походивший на лачугу в сравнении с Гамбургской ратушей, но казавшийся дворцом после домиков исландских горожан.

Между озером и городом возвышалась церковь в духе лютеранских кирок, построенная из камня, выброшенного во время извержений из жерла вулканов; при сильном западном ветре церковная крыша из красной черепицы грозила рассыпаться на части к великому огорчению прихожан.

На ближнем холме я увидел Национальную школу, где, как я узнал позже от нашего хозяина, обучали еврейскому, английскому, французскому и датскому языкам; из всех этих четырех языков я ни на одном, к стыду своему, не знал ни слова. Я был бы самым последним из сорока учеников этого небольшого колледжа и недостойн переночевать вместе с ними в их каморках с двумя отделениями, где более слабым грозила опасность задохнуться в первую же ночь.

В течение трех часов я осмотрел не только город, но и его окрестности. В общем крайне печальное зрелище. Ни деревца, ни растительности. Повсюду голые ребра вулканических скал. Хижины исландцев сооружены из земли и торфа, с наклоненными во внутрь стенами. Они похожи на крыши, лежащие прямо на земле. Причем крыши эти представляют собой сравнительно тучные луга. Благодаря теплу, идущему из очагов, трава на кровле растет довольно хорошо и ее добросовестно скашивают во время сенокоса, иначе домашние животные паслись бы прямо на этих доморощенных пастбищах.

Во время прогулки мне почти никто не встретился на пути. Возвращаясь домой по торговой улице, я увидел, что большая часть жителей занята вялением, солением и погрузкой трески, составляющей главный предмет вывоза. Мужчины были крепкого сложения, не несколько неуклюжи; исландцы принадлежат к скандинавской ветви германской расы, они белокурые, с задумчивыми глазами; они чувствуют себя здесь как бы вне человеческого общества, добровольными изгнанниками в этой стране льдов, созданной для эскимосов, обреченных самой природой жить на границе полярного круга. Я тщетно старался подметить улыбку на их лице; они улыбались порою в силу непроизвольного сокращения лицевых мускулов, но они никогда по-настоящему не смеялись.

Одежда их состояла из куртки, сшитой из грубой черной шерсти, известной в скандинавских странах под названием «*vadmel*», из широкополой шляпы, штанов с красной оборкой и куска кожи, сложенного наподобие обуви.

Женщины с грустными и довольно приятными, но невыразительными лицами носили корсаж и юбку из темной «*vadmel*»; девушки заплетали волосы в косу и одевали на голову коричневый вязаный чепчик; замужние повязывали голову цветным платком, сверх которого надевался род кокошника из белого полотна.

Возвратившись после интересной прогулки в дом г-на Фридриксона, я застал моего дядюшку в обществе нашего хозяина.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Обед был готов; профессор Лиденброк поглощал его с большим аппетитом, ибо желудок его, после вынужденного поста на судне, превратился в бездонную пропасть. Обед был скорее датский, чем исландский, и сам по себе не представлял ничего замечательного, но наш хозяин, более исландец, чем датчанин, напомнил мне о древнем гостеприимстве: гость был первым лицом в доме.

Разговор велся на местном языке, к которому дядя примешивал немецкие слова, а г-н Фридриксон — латинские, чтобы и я мог их понять. Беседа касалась научных вопросов, как и подобает ученым; но профессор Лиденброк был крайне сдержан и почти ежеминутно приказывал мне взглядом хранить безусловное молчание о наших планах.

Прежде всего г-н Фридриксон осведомился у дяди о результате его поисков в библиотеке.

— Ваша библиотека, — заметил последний, — состоит лишь из разрозненных сочинений, полки почти пусты.

— Да! — возразил г-н Фридриксон. — Но у нас восемь тысяч томов, и в том числе много ценных и редких трудов на древнескандинавском языке, а также все новинки, которыми ежегодно снабжает нас Копенгаген.

— Где же эти восемь тысяч томов? На мой взгляд...

— О! господин Лиденброк, они расходятся по всей стране. На нашем старом ледяном острове любят читать! Нет ни одного фермера, ни одного рыбака, который не умел бы читать и не читал бы. Мы думаем, что книги, вместо того чтобы плесневеть за железной решеткой, вдали от любознательных глаз, должны приносить пользу, быть постоянно на виду у читателя. Поэтому-то книги у нас переходят из рук в руки, читаются и перечитываются, и зачастую книга год или два не возвращается на свое место.

— Однако, — ответил дядя с некоторой досадой, — а как же иностранцы...

— Что вы хотите! У иностранцев на родине есть свои библиотеки, а ведь для нас главное, чтобы наши крестьяне развивались. Повторяю, склонность к учению лежит в крови исландца. Поэтому в тысяча восемьсот шестнадцатом году мы основали Литературное общество, которое теперь процветает. Иностранные ученые почитают за честь принадлежать к нему; оно издает книги, предназначенные для воспитания и образования наших соотечественников, и приносит существенную пользу стране. Если вы, господин Лиденброк, пожелаете быть одним из наших членов-корреспондентов, вы этим доставите нам большое удовольствие.

Дядюшка, состоявший уже членом сотни научных обществ, благосклонно изъявил согласие, чем вполне удовлетворил г-на Фридрикса.

— А теперь, — продолжал последний, — будьте так любезны, назовите книги, которые вы надеялись найти в нашей библиотеке, и я смогу, может быть, доставить вам сведения о них.

Я взглянул на дядю. Он медлил ответом. Это непосредственно касалось его планов. Однако, после некоторого размышления, он решился говорить.

— Господин Фридрикс, — сказал он, — я желал бы знать, нет ли у вас среди древних книг также и сочинений Арне Сакнуссема?

— Арне Сакнуссема? — ответил рейкьявикский преподаватель. — Вы говорите об ученом шестнадцатого столетия, о великом естествоиспытателе, великом алхимике и путешественнике?

— Именно о нем!

— О гордости исландской науки и литературы?

— Совершенно справедливо.

— О всемирно известном человеке?

— Совершенно согласен с вами.

— Отвага которого равнялась его гению?

— Я вижу, что вы его хорошо знаете.

Дядюшка слушал с восторгом лестные отзывы о своем герое. Он не спускал глаз с г-на Фридрикса.

— Отлично! — сказал дядя. — А его сочинения?

— Сочинений у нас нет.

— Как? В Исландии их нет?
— Их нет ни в Исландии, ни где-либо в другом месте.

— Почему?

— Потому, что Арне Сакнуссем был гоним, как еретик, и его сочинения были сожжены в тысяча пятьсот семьдесят третьем году в Копенгагене рукой палача

— Превосходно! — воскликнул дядя к большому негодованию преподавателя естественных наук.

— Что?.. — переспросил последний.

— Да! Все объясняется, приходит в связь, становится ясным, и я понимаю теперь, почему Сакнуссему, после того как его сочинения подверглись преследованию и он был принужден скрывать свои гениальные открытия, свою тайну, в зашифрованном виде...

— Какую тайну? — живо спросил Фридриксон.

— Тайну.. которая... — отвечал дядя заикаясь.

— У вас, может быть, есть какой-нибудь особенный документ?

— Нет... Это только мое предположение.

— Хорошо, — ответил г-н Фридриксон, который был столь любезен, что не стал настаивать, заметив смущение дяди. — Надеюсь, — продолжал он, — что вы не покинете наш остров, не изучив его минералогических богатств?

— Несомненно, — ответил дядя, — но я несколько запоздал; другие ученые, конечно, уже побывали здесь.

— Да, господин Лиденброк; работы Олафсена и Повельсена, произведенные по королевскому поручению, исследования Тройля, научная экспедиция Гаймара и Роберта на борту французского корвета «Поиски»¹ и недавние наблюдения ученых, находившихся на фрегате «Королева Гортензия», много содействовали изучению Исландии. Но, поверьте мне, на вашу долю осталось немало.

¹ Корвет «Поиски» был отправлен в 1835 году адмиралом Дюперре для розыска экспедиции де Блоссевиля на судне «Лилланка», пропавшем без вести

— Вы думаете? — спросил добродушно дядя, стараясь скрыть блеск своих глаз.

— О да! Сколько еще остается исследовать гор, ледников, вулканов, почти совсем неизученных! Посмотрите, чтобы не ходить далеко за примером, на эту гору, возвышающуюся на горизонте. Это Снайфедльс.

— Так-с! — сказал дядя. — Снайфедльс.

— Да, один из самых замечательных вулканов, кратер которого редко посещается.

— Он потух?

— О да! Пятьсот лет тому назад.

— Ну, так вот, — ответил дядя, судорожно закидывая ногу на ногу, чтобы не подпрыгнуть, — я думаю начать свои геологические исследования с этого Сеффель... Фессель... как вы сказали?

— Снайфедльс, — ответил милейший г-н Фридриксон.

Эта часть разговора происходила на латинском языке; я понял все и едва мог сохранять серьезное выражение лица, глядя на дядюшку, старавшегося скрыть свою радость, бившую через край; строя из себя невинного младенца, он становился похож на старого черта.

— Да, — продолжал он, — ваши слова определяют мой выбор! Мы попытаемся взобраться на этот Снайфедльс и, быть может, даже исследовать его кратер!

— Я очень сожалею, — ответил г-н Фридриксон, — что мои занятия не позволяют мне отлучиться; я с удовольствием и с пользой сопровождал бы вас туда.

— О нет, нет! — живо возразил дядя. — Мы не хотели бы никого беспокоить, господин Фридриксон; от души благодарю вас. Участие такого ученого, как вы, было бы весьма полезно, но обязанности вашей профессии...

Я склонен думать, что наш хозяин в невинности своей исландской души не понял тонких хитростей моего дядюшки.

— Я вполне одобряю, господин Лиденброк, что вы начнете с этого вулкана, — сказал он. — Вы соберете там обильную жатву замечательных наблюдений. Но

скажите, как вы думаете пробраться на Снайфедльский полуостров?

— Морем, через залив. Путь самый короткий.

— Конечно, но это невозможно.

— Почему?

— Потому что в Рейкьявике вы не найдете сейчас ни одной лодки.

— Ах, черт!

— Вам придется отправиться сухим путем, вдоль берега. Это, правда, большой крюк, но дорога интересная.

— Хорошо. Я постараюсь достать проводника.

— Я могу вам как раз предложить подходящего.

— А это надежный, сообразительный человек?

— Да, житель полуострова. Он весьма искусный охотник за гагарами; вы будете им довольны. Он свободно говорит по-датски.

— А когда я могу его увидеть?

— Завтра, если хотите.

— Почему же не сегодня?

— Потому что он будет здесь только завтра.

— Итак, завтра, — ответил дядя, вздыхая.

Вскоре после этого многозначительный разговор закончился, и немецкий профессор горячо поблагодарил исландского. Во время обеда дядюшка получил важные сведения, узнал историю Сакнуссема, понял причину вынужденной таинственности его документа, а также заручился обещанием получить в свое распоряжение проводника.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Вечером я совершил короткую прогулку по берегу моря около Рейкьявика, пораньше вернулся домой, лег в постель и заснул глубоким сном.

Проснувшись утром, я услышал, что дядя оживленно с кем-то беседует в соседней комнате. Я тотчас встал и поспешил пойти к нему.

Он говорил по-датски с незнакомцем высокого

роста, крепкого сложения. Парень, видимо, обладал большой физической силой. На его грубой и простодушной физиономии выделялись умные глаза. Глаза были голубые, взгляд задумчивый. Длинные волосы, которые даже в Англии сочли бы за рыжие, падали на атлетические плечи. Хотя движения его были гибки, руки его оставались в покое: разговор при помощи жестикуляции был ему незнаком. Все в нем обличало человека уравновешенного, спокойного, но отнюдь не апатичного. Чувствовалось, что он ни от кого не зависит, работает по собственному усмотрению и что ничто в этом мире не способно поколебать его философского отношения к жизни.

Я разгадал его характер по той манере, с какою исландец воспринимал бурный поток слов своего собеседника. Скрестив руки, не шевелясь, он слушал профессора, который беспрерывно жестикулировал; желая дать отрицательный ответ, он поворачивал голову слева направо, а в случае согласия лишь слегка наклонял ее, не опасаясь спутать своих длинных волос. Экономно в движениях он доводил до скупости.

При взгляде на незнакомца я, конечно, не угадал бы в нем охотника; он, несомненно, не вспугивал дичи, но как же он мог к ней приблизиться?

Все стало мне понятно, когда я узнал от г-на Фридрикса, что этот спокойный человек всего только охотник за гагарами. Действительно, для добывания перьев гагары, именуемых гагачьим пухом, который представляет собою главное богатство острова, не требуется большой затраты движений.

В первые летние дни самка гагары — род красивой утки — вьет свое гнездо среди скал фьордов, которыми изрезан весь остров, а затем устилает его тонким пухом, выщипанным из своего же брюшка. Вслед за тем появляется охотник, или, вернее, торговец пухом, уносит гнездо, а самка начинает сызнова свою работу. хлопоты птицы продолжаются до тех пор, пока у нее хватает пуха. Когда же она оказывается совершенно опичпанной, наступает очередь самца. Однако его грубое оперение не имеет никакой цены в торговле, и поэтому охотник уже не трогает гнезда, в которое самка вскоре

кладет яйца и где она выводит птенцов. На следующий год сбор гагачьего пуха возобновляется тем же способом.

И так как гагара выбирает для своего гнезда не крутые, а легко доступные и отлогие скалы, спускающиеся в море, исландский охотник за гагарами может заниматься промыслом без большого труда. Он является своего рода фермером, которому не надо ни сеять, ни жать, а только собирать жатву.

Этого серьезного, флегматичного и молчаливого человека звали Ганс Бьелке, он явился по рекомендации г-на Фридриксона. То был наш будущий проводник. Своими манерами он резко отличался от дядюшки, что не помешало им легко столкнуться и быстро сойтись в цене: один был готов взять то, что ему предложат, другой — дать столько, сколько у него потребуют. Никогда сделка не совершалась проще и легче.

Итак, Ганс обязался провести нас до деревни Стапи, находящейся на южном берегу полуострова Снайфедльснес, у самой подошвы вулкана. До деревни было что-то около двадцати двух миль пути, которые дядюшка рассчитывал пройти в два дня.

Но когда он узнал, что речь идет о датских милях, в двадцать четыре тысячи футов каждая, пришлось отказать от своей мысли и, считаясь с неудовлетворительным состоянием дорог, примириться с переходом в семь или восемь дней.

Пришлось достать четырех лошадей — двух верховых, для дяди и для меня, и двух для нашего багажа. Ганс, по привычке, отправлялся пешком. Он превосходно знал эту местность и обещал избрать кратчайший путь.

С нашим прибытием в Стапи его служебные обязанности не кончались; он должен был сопровождать нас и дальше, во все время нашего научного путешествия, за вознаграждение в три рейхсталера. Однако было оговорено, что эта сумма уплачивается нашему проводнику раз в неделю, в субботу вечером.

Отъезд был назначен на 16 июня. Дядюшка хотел дать задаток охотнику до пешего хождения, но он отказался взять деньги вперед.

— *Efter*, — сказал он.

— После, — перевел мне профессор.

Когда договор был заключен, Ганс удалился.

— Превосходный человек! — воскликнул дядя. — Но он и не подозревает, какую роль ему предстоит играть.

— Стало быть, он будет сопровождать нас до...

— Да, Аксель, до самого центра Земли.

До отъезда оставалось еще двое суток. К моему большому огорчению, их пришлось употребить на сборы. Все силы нашего ума были направлены к тому, чтобы разместить вещи как можно удобнее: приборы в одно место, оружие в другое, инструменты — в этот ящик, съестные припасы — в тот. В общем получились четыре группы предметов. В числе приборов находились:

1) Стоградусный термометр Эйгля со шкалой в 150 градусов, что, по-моему, или слишком много, или недостаточно. Слишком много, если окружающая температура поднимется столь высоко, потому что мы тогда все равно изжаримся. Недостаточно, если дело идет об измерении температуры подземных источников или любой расплавленной материи.

2) Манометр для измерения атмосферного давления, который мог указывать давление, превышающее давление атмосферы на уровне океана. Действительно, обыкновенный барометр не годился бы для этого, потому что атмосферное давление должно было возрастать по мере нашего спуска под поверхность Земли.

3) Женевский хронометр Буассона младшего, выверенный по гамбургскому времени.

4) Два компаса для определения склонения и наклонения.

5) Ночная подзорная труба.

6) Два аппарата Румкорфа, которые представляют собой надежный и портативный электрический светильник, безопасный и занимающий мало места.

Оружие состояло из двух карабинов системы «Пердли Мор и К°» и двух револьверов Кольта. Но к чему оружие? Мне казалось, что нам нечего было бояться ни дикарей, ни хищных зверей. Но дядюшка,

повидимому, дорожил своим арсеналом не менее, чем приборами, в особенности порядочным запасом пироксилина, не подверженного влиянию сырости и разрушительная сила которого гораздо значительнее, чем сила обыкновенного пороха.

Инструменты состояли из двух мотыг, двух кирок, веревочной шелковой лестницы, трех железных палок, топора, молотка, дюжины железных клиньев, винтов и длинных веревок с узлами. Все это составляло солидный тюк, так как одна только лестница была в триста футов длиной.

Наконец, были еще и съестные припасы: небольшой, но утешительный мешок содержал шестимесячный запас концентрированного мяса и сухарей; можжевельниковая водка была единственным напитком, а воды совершенно не было, но у нас имелись тыквенные фляжки, и дядя рассчитывал наполнять их из источников. Возражения, которые я приводил относительно состава этих последних, температуры и даже их существования, были оставлены без внимания.

Чтобы дать полный список наших дорожных вещей, я упомяну еще о дорожной аптечке, содержавшей тупоносые ножницы, лубки на случай переломов, кусок тесьмы из грубой ткани, бинты и компрессы, пластырь, таз для кровопускания — одним словом, страшные вещи; множество пузырьков с декстрином, спиртом для промывания ран, свинцовой примочкой, эфиром, уксусом и нашатырем, — лекарства малоуспокоительного свойства; и, наконец, вещества, необходимые для аппаратов Румкорфа.

Дядюшка не забыл также табак, порох и трут, а равным образом и кожаный пояс, который он носил вокруг бедер, с достаточным запасом золотых, серебряных и бумажных денег. Среди прочих вещей находились также шесть пар крепких башмаков, непромокаемых благодаря прекрасной, прочной резиновой подошве.

— С таким снаряжением и запасами, — сказал дядя, — нам нечего бояться далекого путешествия.

Весь день 14 июня был употреблен на то, чтобы тщательно уложить все эти предметы. Вечером мы

ужинали у барона Трампе, в обществе бургомистра Рейкьявика и доктора Хуальталины, главного врача страны. Г-на Фридриксона не было среди гостей; впоследствии я узнал, что он находился в натянутых отношениях с губернатором из-за какого-то административного вопроса и поэтому они не бывали друг у друга. Таким образом, я был лишен возможности понять хоть одно слово из того, что говорилось на этом полуофициальном ужине. Я заметил только, что дядюшка говорил не умолкая.

На следующий день, 15 июня, приготовления были закончены. Наш хозяин доставил профессору большое удовольствие, вручив ему карту Исландии, несравненно более полную, чем карта Гендерсона, а именно карту, составленную Олафом Никола Ольсеном, в масштабе 1 : 480 000, и изданную исландским Литературным обществом на основании геодезических работ Шееля Фризака и топографических съемок Бьерна Гумлаугсона. Для минералога это был драгоценный документ.

Последний вечер был проведен в дружеской беседе с г-ном Фридриксоном, к которому я чувствовал живейшую симпатию; за этой беседой последовал довольно беспокойный сон, по крайней мере для меня.

В пять часов утра меня разбудило ржание целой четверки лошадей, бивших копытами о землю под моим окном. Я проворно оделся и вышел на улицу. Ганс был тут и молча, с необыкновенной ловкостью навьючивал на лошадей наш багаж. Дядюшка больше шумел, чем помогал в этой работе, и проводник, повидимому, обращал мало внимания на его указания.

К шести часам все было готово. Г-н Фридриксон пожал нам руки. Дядюшка на исландском языке сердечно поблагодарил его за радушное гостеприимство. Я же произнес по-латыни, как только мог лучше, искреннее приветствие; потом мы сели на лошадей, и г-н Фридриксон крикнул нам вслед, на прощание, стих Виргилия:

*«Et quacumque viam dederit fortuna sequamur!»*¹

¹ «Смело двинемся в путь, куда поведет нас фортуна!» (лат.)

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Когда мы выехали, небо было пасмурно, но барометр стоял без перемен. Поэтому не приходилось опасаться ни утомительной жары, ни бедственного дождя. Погода для туриста!

Удовольствие от прогулки верхом во многом помогло мне примириться с рискованным предприятием. Я был наверху блаженства, наслаждался своей свободой и уже начинал не так мрачно смотреть на вещи.

«В самом деле, — рассуждал я, — чем я рискую? Нам предстоит путешествие по замечательной стране, подъем на знаменитую гору, в худшем случае — спуск в ее потухший кратер! Очевидно, что Сакнуссем ничего иного не совершил. А что касается подземного хода, который вел к центру Земли, — это сушая фантазия! Полнейшая бессмыслица! Итак, воспользуемся приятной стороной экспедиции, не думая об остальном».

Пока я так размышлял, мы выехали из Рейкьявика.

Ганс шел впереди быстрым, размеренным, спокойным шагом; за ним следовали две лошади с нашим багажом, которых не приходилось подгонять. Вслед за ними ехали мы с дядюшкой, и, право, наши фигуры на низкорослых, но сильных лошадках представляли собою недурное зрелище.

Исландия — один из крупнейших островов Европы. При поверхности в тысячу четыреста квадратных миль¹ она насчитывает только шестьдесят тысяч жителей. Географы делят ее на четыре части; и нам предстояло пересечь ту ее часть, которая носит название «Страны юго-западных ветров»: «Sudvestr Fjordungr».

По выходе из Рейкьявика Ганс взял направление вдоль морского берега. Мы ехали среди безлюдных тощих пастбищ с чахлой, скорее желтой, нежели зеленой травой. Холмистые вершины трахитовых гор на востоке были подернуты туманной дымкой; то тут, то там виднелись на склонах дальних гор снежные поляны, слепящие глаз при рассеянном свете туманного утра.

¹ По современным данным площадь Исландии равна 103 тыс. км².

То тут, то там смело вздымались ввысь горные шпильи, прорезая насквозь свинцовые тучи и вновь возникая над этими пловучими массами пара.

Часто эти цепи голых скал заполняли равнину, преграждая путь к морю, но и тогда оставалось еще достаточно места для проезда. Впрочем, наши лошади инстинктивно выбирали более удобные места, не замедляя притом шага. Дядюшке так и не пришлось ни разу подогнать свою лошадь окриком или хлыстом: у него не было повода выказывать свое нетерпение. Я не мог удержаться от улыбки, глядя на него: он был слишком велик для своей лошадки, его длинные ноги почти волочились по земле, и он походил на какого-то шестиногого кентавра.

— Славная скотинка, славная скотинка! — говорил он. — Ты увидишь, Аксель, что нет животного умнее исландской лошади. Ничто ее не останавливает: ни снега, ни бури, ни плохие дороги, ни скалы, ни ледники; она смела, осторожна, надежна; никогда не оступится, никогда не заупрямится. Если понадобится перейти реку или фьорд, она бросится, не колеблясь, в воду, точно какая-нибудь амфибия, и достигнет другого берега! Но не будем ее подгонять, предоставим ее самой себе, и мы пройдем в среднем по десяти лье в день.

— Мы, пожалуй, — отвечал я, — а проводник?

— О нем-то я не беспокоюсь! Эти люди шагают, сами того не замечая. Наш проводник ступает так автоматически, что ничуть не устанет. Впрочем, если потребуется, я уступлю ему свою лошадь; меня скоро схватят судороги, если я совсем перестану двигаться. Руки действуют хорошо, но надо подумать и о ногах.

Между тем мы быстро шли к цели. Местность стала уже несколько более пустынной. Изредка встречалась уединенная ферма, какой-нибудь *boër*¹, построенный из дерева, земли, кусков лавы, — словно нищий у края дороги! Эти ветхие хижины точно взывали к жалости прохожих, и, верно, брало искушение подать им милостыню. В этой стране совсем нет дорог,

¹ Жилище исландского крестьянина.

даже тропинок, и как бы ни жалка была растительность, все же она скоро заглушала следы редких путешественников.

И, однако, эта часть провинции, находящаяся совсем рядом со столицей, принадлежала к населенным и обработанным местностям Исландии. Что же после этого представляли собой местности, еще более пустынные, чем эта пустыня? Мы прошли уже полмили и не видели ни одного фермера в дверях его хижины, ни одного пастуха, пасущего стадо, не менее дикое, чем он сам; только несколько коров и баранов, предоставленных самим себе, попались нам на глаза. Что же должны были являть собою местности, подверженные вулканическим извержениям и землетрясениям?

Нам предстояло познакомиться с ними позже; но, глядя на карту Ольсена, я узнал, что их можно миновать, если держаться извилистого морского берега. И действительно, плутоническая деятельность ограничивалась преимущественно внутренней частью острова; там именно находятся те горизонтально наваленные друг на друга скалы, называемые по-скандинавски траппами и состоящие из покровов трахита, базальта, вулканических туфов, потоков лавы и расплавленного порфира, которые придают острову его сверхъестественный, страшный вид. Я не подозревал еще тогда, какое зрелище ожидает нас на Снайфедльском полуострове, где эти опустошения бушующей природы создают зловеющий хаос.

Через два часа после отъезда из Рейкьявика мы достигли местечка Гуфун, называемого «*Aoalkirkja*», или «*Главная церковь*». Там нет ничего примечательного. Всего несколько домов. В Германии эти городские здания едва составили бы деревушку.

Тут Ганс сделал получасовую остановку; он раздел с нами наш скромный завтрак, отвечал «да» и «нет» на дядюшкины расспросы о состоянии дороги, а когда его спросили, где он намерен переночевать:

— Гардар, — сказал он коротко.

Я посмотрел на карту, чтобы узнать, где находится этот Гардар, и нашел на берегу Хваль-фьорда, в четырех милях от Рейкьявика, маленькое селение, носящее

это название. Когда я указал на это дядюшке, он сказал:

— Только четыре мили! Четыре мили из двадцати двух! Всего только порядочная прогулка.

Он сделал какое-то замечание проводнику, но тот, не ответив ему, вновь двинулся в путь, шествуя впереди своих лошадей.

Три часа спустя, проезжая попрежнему среди тех же пастбищ с выгоревшей травой, мы обогнули Колла-фьорд; окольный путь был более короток и легок, чем переправа через залив. Мы прибыли в «*pingstaoer*», местечко Эюльберг, резиденцию окружного суда, когда на колокольне пробило бы двенадцать, если бы вообще исландские церкви имели достаточно средств для того, чтобы купить башенные часы. Впрочем, прихожане тоже не носят часов, потому что не имеют их.

Здесь лошади были накормлены; дальше мы проехали по узкой прибрежной дороге, между цепью холмов и морем, без остановки до Брантарской «Главной церкви» и еще на милю дальше, до Заурбоёрской «*Annexia*», заштатной церкви, находящейся на южном берегу Хваль-фьорда.

Было четыре часа. Мы прошли всего четыре мили.

В этом месте ширина фьорда была по крайней мере в полмили; морские волны разбивались с шумом о крутые, остроконечные скалы: залив лежал среди отвесных скалистых стен, поднимавшихся на высоту трех тысяч футов и примечательных тем, что слои бурого камня перемежались с красноватыми пластами туфа. Как ни смыслены были наши лошади, я ничего хорошего не ожидал в том случае, если бы мы попытались переправиться через этот пролив на спинах четвероногих.

— Если они умны, — сказал я, — они и не будут пытаться переправиться. Во всяком случае, я попробую быть благоразумнее их.

Но дядюшка не желал ждать. Он прищпорил лошадку и поскакал к берегу. Животное, почуяв близость воды, остановилось; но дядюшка, полагаясь на собственный инстинкт, стал еще решительнее понукать коня. Лошадка тряхнула головой и снова отказалась

идти. Дядя начал сыпать проклятиями и бить лошадей плетью, но лошадка только лягалась, намереваясь, по-видимому, сбросить своего всадника. Наконец, она подогнула ноги и проскользнула между длинными ногами профессора, поэтому он остался стоять на двух обломках скалы, подобно Колоссу Родосскому.

— Ах ты проклятое животное! — вскричал всадник, неожиданно оказавшийся на земле и сконфуженный, как кавалерийский офицер, вынужденный перейти в пехоту.

— *Färja*, — сказал проводник, тронув его за плечо.

— Как, паром?

— *Der*¹, — ответил Ганс, указывая на плот.

— Конечно! — воскликнул я. — Вот там паром!

— Надо было об этом раньше сказать! Ну, ладно, в путь!

— *Tidvatten*, — продолжал проводник.

— Что он говорит?

— Он говорит — прилив, — отвечал дядя, переводя мне датское слово.

— Во всяком случае, нам придется дожидаться прилива.

— *Färbida*?² — спросил дядя.

— *Ja*³, — отвечал Ганс.

Дядюшка топнул ногой, но лошади уже подходили к парому. Мне было вполне понятно, что, для того чтобы переправиться через фьорд, необходимо выждать минуту, пока вода дойдет до наибольшей высоты и не будет уже ни подниматься, ни опускаться, потому что тогда нет течения ни в том, ни в другом направлении и паром не подвергается опасности быть унесенным или вглубь залива, или в открытый океан.

Этот благоприятный момент наступил лишь в шесть часов вечера. Мой дядюшка, я сам, наш проводник, два паромщика и четыре лошади поместились на довольно утлой плоской барке. Я привык к паровым паромам на Эльбе, поэтому весла лодочников казались

¹ Там (*датск.*).

² Долго (*датск.*).

³ Да (*датск.*).

мне жалким орудием. Нам понадобилось больше часа, чтобы переправиться через фьорд, но, наконец, мы все-таки благополучно переправились.

Через полчаса мы прибыли в «*Aoalkirkja*» Гардара.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Настал час, когда должно было бы стемнеть, но под шестьдесят пятым градусом широты светлые ночи не могли меня удивить; в июне и июле солнце в Исландии не заходит.

Однако температура понизилась. Я озяб и еще больше проголодался. И как же я обрадовался, когда нашелся «*boër*», где нас приветливо приняли.

То был крестьянский дом, но радушие его обитателей не уступало гостеприимству короля. Когда мы подъехали, хозяин подал нам руку и предложил без дальнейших церемоний следовать за ним.

Буквально следовать, ибо идти рядом с ним было невозможно. Длинный, узкий, темный проход вел в жилище, построенное из плохо обтесанных бревен, и из него попадали прямо в комнаты; их было четыре: кухня, ткацкая, спальня семьи и комната для гостей, самая лучшая из всех. При постройке дома не подумали о росте моего дядюшки, и он несколько раз стукнулся головой о потолок.

Нас ввели в большую комнату, некое подобие залы, с утопанным земляным полом и одним окном, в которое вместо стекол был вставлен тусклый бараний пузырь. Постель состояла из жесткой соломы, брошенной между двумя деревянными перегородками, выкрашенными в красный цвет и расписанными исландскими поговорками. Такого комфорта я не ожидал; но по всему дому распространялся терпкий запах сушеной рыбы, соленого мяса и кислого молока, не доставлявший моему обонянию особенного удовольствия.

Когда мы сняли наши дорожные доспехи, хозяин дома пригласил нас пройти в кухню, единственное даже в большие холода помещение, где топили печь.

Дядюшка поспешил последовать любезному приглашению. Я присоединился к нему.

Кухонный очаг был устроен по-первобытному: посреди комнаты лежал камень, игравший роль очага, а в крыше над ним было сделано отверстие, заменявшее дымовую трубу. Эта кухня служила также и столовой.

При нашем появлении хозяин приветствовал нас, как будто он нас раньше не видел, словами «*saellvertu*», что означает «будьте счастливы», и облобызал нас в обе щеки.

Вслед за ним жена его произнесла те же самые слова, с той же церемонией; затем, приложив правую руку к сердцу, они отдали нам глубокий поклон.

Спешу сказать, что исландка была матерью девятнадцати детей, которые все, от мала до велика, копошились среди дыма и чада, поднимавшегося с очага и наполнявшего комнату. Ежеминутно то одна, то другая белокурая мечтательная головка выступала из этого облака. Этих ребят можно было принять за группу неумытых ангелов.

Мы обошлись очень ласково с этим «выводком», и вскоре трое или четверо из этих мартышек забрались к нам на плечи, столько же на наши колени, остальные путались между наших ног. Те, которые могли говорить, повторяли «*saellvertu*» на всевозможные лады, те, что не умели говорить, кричали еще больше.

Концерт был прерван приглашением обедать. В эту минуту вошел наш проводник, который позаботился о том, чтобы накормить лошадей, говоря попросту, разнуздал их и ради экономии пустил пастись в поле; бедные животные должны были довольствоваться скудным мхом, растущим на скалах, и тощими приморскими травами, а на следующее утро вернуться восвояси и опять подставить свою спину под седло.

— *Saellvertu!* — сказал Ганс, входя.

Затем последовала та же спокойная, автоматическая, — один поцелуй был не жарче другого, — сцена приветствия со стороны хозяина, хозяйки и девятнадцати малышей.

Когда церемония закончилась, сели за стол, равным счетом двадцать четыре человека, и, следовательно, друг на друге в буквальном смысле этого слова. У кого на коленях примостилось двое ребят, тот еще хорошо отделался!

Впрочем, при появлении на столе супа весь этот народец затих, воцарилась тишина, непривычная для исландских мальчишек. Хозяин подал нам довольно вкусный суп из знаменитого исландского мха, затем изрядную порцию сушеной рыбы в масле, которое прогоркло лет двадцать назад и, следовательно, по исландским понятиям, было гораздо лучше свежего. К этому подавали «*skyr*», что-то вроде простокваши с сухарями и подливкой из можжевеловых ягод. Наконец, какой-то напиток из сыворотки, разбавленной водой, так называемая «*blanda*». Хороша ли была эта неведомая пища, или нет, я не могу судить. Я проголодался и вместо сладкого проглотил до последней крупинки крутую гречневую кашу.

После обеда детишки разбежались; взрослые сели вокруг очага, в котором горел торф, хворост, коровий помет и кости сушеных рыб. Потом, обогревшись таким образом, все разошлись по своим комнатам. Хозяйка, согласно обычаю, хотела снять с нас чулки и штаны, но, получив вежливый отказ, не настаивала, и я мог, наконец, прикорнуть на своем соломенном ложе.

На следующее утро, в пять часов, мы распростились с исландским крестьянином; дядюшка с трудом уговорил его принять приличное вознаграждение, и затем Ганс дал сигнал к отъезду.

Шагах в ста от Гардара характер местности начал меняться: почва становилась болотистой и менее удобной для езды. Направо тянулась до бесконечности цепь гор, точно возведенный самой природой ряд грозных крепостей; часто встречались потоки, которые приходилось переходить вброд, однако не очень подмочив багаж.

Окрестность делалась все пустыннее. Порою, впрочем, казалось, что вдали мелькает человеческая фигура. И когда на поворотах дороги мы внезапно ока-

зывались лицом к лицу с одним из этих призраков, меня невольно охватывало отвращение при виде вспухшей головы без волос, с лоснящейся кожей, в отвратительных ранах, которые проступали под жалкими лохмотьями.

Несчастное создание не протягивало руку для приветствия, напротив, оно убегало так быстро, что Ганс не успевал крикнуть ему своего обычного «*saellvertu*».

— *Spetelsk*, — говорил он.

— Прокаженный, — повторял дядюшка.

Уже одно это слово вызывало чувство отвращения. Эта ужасная болезнь весьма распространена в Исландии; она незаразительна, но передается по наследству, почему этим несчастным воспрещен брак.

Эти призраки были не такого свойства, чтобы оживить печальный ландшафт. Последние травы увядали у нас под ногами: не было видно ни одного деревца, кроме зарослей карликовых берез, ни единого животного, кроме нескольких лошадей, которые бродили по унылым равнинам, так как хозяева не могли их прокормить. Порою парил в серых тучах сокол, холодный ветер гнал птицу на юг. Я заражался грустью этой дикой природы, и воспоминания уносили меня в родные края.

Вскоре нам пришлось снова переправляться через несколько небольших фьордов и, наконец, через настоящий залив; на море как раз был штиль, и мы поэтому могли продолжать путь, не мешкая, и вскоре добрались до деревушки Альфтанес, расположенной на расстоянии мили оттуда.

Перейдя вброд две речки, Алфа и Хета, кишевшие форелями и щуками, мы провели ночь в покинутом, ветхом домишке, достойном служить обиталищем всех озорных кобольдов скандинавской мифологии; во всяком случае, злобный дух холода чувствовал себя здесь, как дома, и он терзал нас в течение всей ночи.

Следующий день не принес нам новых впечатлений. Все та же болотистая почва, то же однообразие, тот же печальный пейзаж. К вечеру мы прошли половину пути и переночевали в «*annexia*» Крёзольфт.

Девятнадцатого июня, на протяжении приблизительно одной мили, мы шли по голым полям лавы — «*hraun*» по-местному. Лавовые поля, образовавшиеся из трещинных излияний, напоминали какие-то склады якорных канатов, то вытянутых в длину, то скатанных в рулон. Лава, излившись из разломов земной коры, растекалась, подобно потоку, по склонам гор и, застывая, все же свидетельствовала о бурных извержениях ныне потухших вулканов. Однакож местами сквозь лавовый покров пробивались пары горячих подземных источников. Вскоре под ногами наших лошадей снова оказалась болотистая топь, чередовавшаяся с мелкими озерами. Наш путь лежал на запад; и когда мы обогнули большой залив Факсафлоуи, раздвоенная снежная вершина Снайфедльс вздымалась всего в каких-нибудь пяти милях от нас. Лошади шли хорошим шагом, невзирая на плохую дорогу; что касается меня, то я начинал чувствовать себя сильно утомленным, между тем дядюшка крепко и прямо держался в седле, как и в первый день; я не мог не удивляться ему, равно как и нашему охотнику, который смотрел на это путешествие, как на простую прогулку.

В субботу, двадцатого июня, в шесть часов вечера мы прибыли в Будир, маленькое селение, расположенное на берегу моря, и тут проводник потребовал договоренную плату. Дядюшка рассчитался с ним. Семья нашего Ганса, короче говоря, его дяди и двоюродные братья, оказала нам гостеприимство; мы были приняты радушно, и я охотно отдохнул бы у этих славных людей после утомительного переезда, не боясь злоупотребить их добротой. Но дядюшка, не нуждавшийся в отдыхе, смотрел на дело иначе, и на следующее утро пришлось снова сесть в седло. Почва носила уже следы близости гор, скалистые отроги выступали из-под земли, точно корни старого дуба. Мы огибали подножие вулкана. Профессор не спускал глаз с его конусообразной вершины; он размахивал руками, словно бросая вулкану вызов и как бы восклицая: «Вот исполин, которого я одолею!»

Наконец, после четырехчасовой езды, лошади сами остановились у ворот пасторского дома в Стапи.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Стапи, маленькое селение, состоящее приблизительно из тридцати хижин, стоит среди голого лавового поля, ничем не защищенное от палящих солнечных лучей, отраженных снежными вершинами вулкана. Небольшой фьорд, у которого ютилось селение, окаймлен базальтовой стеной совершенно необычного вида.

Известно, что базальт принадлежит к тяжелым горным породам вулканического происхождения. Исландский базальт ложится пластами с поражающим своеобразием. Природа поступает здесь, как геометр, и работает точно человек, вооруженный угломером, циркулем и отвесом. Если в каком-нибудь другом месте она показала свое искусство в создании хаотического нагромождения гранитных массивов и в необыкновенном сочетании линий, едва намеченных конических форм, незавершенных пирамид, то здесь она пожелала дать образчик правильности форм и, предвосхитив мастерство архитекторов первых веков, создала строгий образец, не превзойденный ни великолепием Вавилона, ни чудесным искусством Греции.

Я слышал раньше о «Плотине Гигантов» в Исландии и о Фингаловой пещере на одном из Гебридских островов, но до сих пор мне еще не приходилось видеть базальтовых сооружений.

В Стапи я их увидел во всей их красе.

Стена вокруг фьорда, как и вдоль всего побережья полуострова, представляет собою ряд колонн в тридцать футов вышиной. Эти стройные, безупречных пропорций, колонны поддерживали орнамент верхней части пролета арки, образующий собою ряд горизонтально расположенных колонн, которые в виде сквозного свода выступали над морем. Под этим естественным *impluvium*¹ глазу представлялись пролеты стрельчатых арок прелестного рисунка, через которые устремлялись на сушу вспененные волны. Обломки базальта, сброшенные разъяренным океаном, лежали на земле, точно развалины античного храма, — вечно юные руи-

¹ Водостоком (лат.).

ны, над которыми проходят века, не нарушая их величия.

Это был последний этап нашего путешествия. Ганс провел нас так умело, что я немного успокоился при мысли, что он будет сопровождать нас и далее.

Когда мы подъехали к воротам пасторского дома, представлявшего собой низкую хижину, которая была ни лучше, ни удобнее соседних, я увидел человека в кожаном фартуке и с молотком в руке, занятого ковкой лошадей.

— *Saellvertu*, — сказал охотник.

— *God dag*¹, — ответил кузнец на чистом датском языке.

— *Kyrkoherde*, — сказал Ганс, обращаясь к дядюшке.

— Приходский священник, — повторил последний. — Аксель, ты слышишь, оказывается, этот бравый человек — пастор.

Между тем проводник объяснил «*kyrkoherde*», в чем дело, и тот, прервав работу, издал крик, бывший, вероятно, в ходу у торговцев лошадьми. Тотчас же из домика вышла великанша, настоящая мегера. Если ей не хватало роста до шести футов, то дело было за малым.

Я боялся, что она подарит путешественников исландским поцелуем, но напрасно: она не очень-то приветливо ввела нас в дом!

Комната для гостей показалась мне самой плохой во всем пасторском доме, — узкой, грязной и зловонной; но пришлось довольствоваться и ею. Пастор, по видимому, вовсе не признавал старинного гостеприимства. Далеко не признавал! Уже к вечеру я понял, что мы имеем дело с кузнецом, рыбаком, охотником, плотником, но никак не с духовной особой. Правда, день был будний; возможно, что в воскресенье наш хозяин становился пастором.

Я не хочу порочить священников, которые, судя по всему, находятся в очень стесненном положении; они получают от датского правительства крайне ничтожное

¹ Здравствуйте (датск).

содержание и пользуются четвертой частью церковного десятинного сбора, получаемого с прихода, что не составляет даже шестидесяти марок; поэтому они вынуждены работать для пропитания. Но если приходится быть и охотником, и рыбаком, и кузнецом, то естественно усвоить и нравы и образ жизни охотника, рыбака, словом, людей физического труда; вечером я заметил, что нашему хозяину была незнакома и добродетель трезвости...

Дядя увидел сейчас же, с какого сорта человеком он имеет дело; вместо достойного ученого он встретил грубого невежду. Тем скорее решил он покинуть негостеприимного пастора и пуститься в путь.

Несмотря на усталость, дядюшка предпочел провести несколько дней в горах.

Итак, на следующий же день после нашего прибытия в Стапи начались приготовления к отъезду. Ганс нанял трех исландцев, которые должны были нести вместо лошадей наш багаж, но было решено, что, как только мы доберемся до кратера, наши провожатые будут отпущены.

По сему случаю дядюшка сообщил Гансу, что он намерен продолжить исследование вулкана до последних пределов.

Ганс только кивнул головой; ему было все равно, куда идти: вперед или назад, оставаться на поверхности Земли или спускаться в ее недра. Что касается меня, то, поглощенный путевыми впечатлениями, я забыл о будущем, зато теперь мысль о предстоящих опасностях тем сильнее овладела мною. Что же делать? Если сопротивление фантазиям Лиденброка и было возможно, то надо было попытаться оказать его в Гамбурге, а не у подножия Снайфедльс.

Больше всего меня терзала ужасная мысль, могущая потрясти даже самые нечувствительные нервы.

«Мы поднимемся, — рассуждал я, — на Снайфедльс Хорошо! Мы спустимся в его кратер. Отлично! Другие тоже проделывали это и не погибали. Но ведь тем дело не кончится! Если откроется путь в недра Земли, если злосчастный Сакнуссем сказал правду, мы

погибнем в подземных ходах вулкана. Ведь мы еще не знаем наверняка, что Снайфедльс потух, что нам не угрожает извержение! А что тогда будет с нами?»

Стоило подумать над этим, и я думал. Стоило мне заснуть, как начинались кошмары: мне снились извержения! А играть роль шлака казалось мне чересчур скверной шуткой.

Наконец, я не выдержал: я решил поговорить с дядей на эту тему, высказав свое мнение как можно искуснее, в виде гипотезы, совершенно нелепой.

Я подошел к дядюшке и изложил ему свои опасения в самой дипломатической форме, причем, из предосторожности, несколько отступил назад.

— Я сам думал уже об этом, — ответил он просто.

Что это значит? Неужели он внял голосу разума?

После небольшой паузы дядя продолжал:

— Я думал об этом; со времени нашего приезда в Стапи я думал над этим вопросом, ибо безрассудная стапелю нам не к лицу. Вот уже пятьсот лет, как Снайфедльс безмолвствует, но все-таки он может заговорить. Извержениям, однако, всегда предшествуют совершенно определенные явления. Я расспросил жителей этой местности, исследовал почву и могу тебе сказать, Аксель, что извержения ждать не приходится.

Я был поражен этим утверждением и ничего не мог возразить.

— Ты сомневаешься? — сказал дядя. — Ну, так иди за мной!

Я машинально повиновался. Мы покинули пасторский домик, и профессор избрал дорогу, которая, через проем в базальтовой стене, шла в сторону от моря. Вскоре мы очутились в открытом поле, если только можно так назвать огромное скопление выбросов вулканических извержений. Вся эта местность казалась расплюсненной под ливнем гигантских камней, вулканического пепла, базальта, гранита и пироксеновых пород.

Я видел: там и тут из трещин в вулканическом грунте подымается пар; этот белый пар, по-исландски «*reykir*», исходит из горячих подземных источников; он выбрасывается с такой силой, которая говорит о вулканической деятельности почвы. Казалось, это

подтверждало мои опасения. Каково же было мое изумление, когда дядюшка сказал:

— Ты видишь эти пары, Аксель? Они доказывают, что нам нечего бояться извержений.

— Как же так? — вскричал я.

— Заметь хорошенько, — продолжал профессор, — что перед извержением деятельность водяных паров усиливается, а потом, на все время извержения, пары совершенно исчезают. Поэтому, если эти пары остаются в своем обычном состоянии, если их деятельность не усиливается, если ветер и дождь не сменяются тяжелым и неподвижным состоянием атмосферы, — ты можешь с уверенностью утверждать, что в скором времени никакого извержения не будет.

— Но...

— Довольно! Когда изрекает свой приговор наука, остается только молчать.

Повесив нос, вернулся я в пасторский домик. Научные доводы дядюшки заставили меня умолкнуть. Однако оставалась еще надежда, что, когда мы дойдем до дна кратера, там не окажется хода внутрь Земли, и таким образом будет невозможно проникнуть дальше, несмотря на всех Сакнуссемов на свете.

Следующую ночь я провел в кошмарах; мне снилось, что я нахожусь внутри вулкана, в недрах Земли; я чувствовал, будто я, точно обломок скалы, с силой выброшен в воздух.

На следующее утро, двадцать третьего июня, Ганс ожидал нас с своими товарищами, которые несли съестные припасы, инструменты и приборы. Две палки с железными наконечниками, два ружья и два патронташа были приготовлены для дяди и меня. Ганс предусмотрительно прибавил к нашему багажу кожаный мех, наполненный водой, что вдобавок к нашим фляжкам обеспечивало нас водою на восемь дней.

Было девять часов утра. Пастор и его мегера ожидали нас у ворот: надо думать, для того, чтобы сказать путешественникам последнее прости. Но это «прости» неожиданно вылилось в форму чудовищного счета, согласно которому даже зачумленный воздух подлежал оплате. Достойная чета общипала нас не хуже, чем это

делают в отелях Швейцарии, и дорого оценила свое гостеприимство.

Дядюшка заплатил, не торгуясь. Путившись в путешествие к центру Земли, не приходилось думать о каких-то лишних рейхсталерах.

Когда с расчетами было покончено, Ганс дал сигнал к выступлению, и через несколько минут мы покинули Стапи.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Высота Снайфедльс равняется пяти тысячам футов. Вулкан замыкает своим двойным конусом трахитовую цепь, обособленную от горной системы острова. С того места, откуда мы отправились, нельзя было видеть на сером фоне неба силуэты двух остроконечных вершин. Я только заметил, что огромная снежная шапка нахлобучена на чело гиганта.

Мы шли гуськом, предшествуемые охотником за гагарами; наш проводник вел нас по узким тропинкам, по которым два человека не могли идти рядом. Дорога была трудная, и мы вынуждены были шагать молча.

За базальтовой стеной фьорда Стапи начались торфяные болота, образовавшиеся из древних отложений растительного мира полуострова; такого горючего полезного ископаемого, как торф, хватило бы для отопления жилищ всего населения Исландии в продолжение целого столетия; этот огромный пласт торфа представляет собой чередование пластов разложившихся растительных остатков с прослойками пористого туфа, нередко достигает в толщу семидесяти футов, если судить по подъему поверхности от некоторых низин.

Как истый племянник профессора Лиденброка, я, несмотря на свои страхи, с интересом наблюдал минералогические достопримечательности, представляемые этим огромным естественно-историческим кабинетом. Вместе с тем я восстанавливал в памяти всю геологическую историю Исландии.

Этот удивительный остров, очевидно, поднялся из водных пучин в относительно недавнее время. Быть

может, он и теперь все еще продолжает подниматься над уровнем океана? Если это так, то его возникновение можно приписать только действию подземного огня. В таком случае теория Хемфри Дэви, документ Сакнуссема, утверждения моего дядюшки — все это разлеталось как дым. Космогоническая гипотеза заставила меня тщательно исследовать природу почвы, и я тотчас же представил себе все этапы возникновения этого острова.

Остров Исландия совершенно лишен осадочных пород и образовался исключительно из вулканических выбросов туфа, короче говоря, из хаотического скопления обломочных горных пород и рыхлых продуктов извержений, как то: вулканический песок, пепел и т. д. В отдаленную геологическую эпоху остров представлял собою сплошной горный массив, медленно возникавший на поверхности океана под давлением сил, действующих внутри земного шара. Вулканов еще не существовало. Земля еще не извергала огонь из своих недр.

Но позже в земной коре образовались трещины, избороздившие остров по диагонали — с юго-запада на северо-восток, — через которые началось излияние трахитовой массы. Явление это не носило тогда бурного характера. Трещинные излияния имели свободный выход, и расплавленное вещество, исторгнутое из недр земного шара, спокойно растекалось в виде широких покровов или волнистых масс. В эту эпоху появились полевой шпат, сиенит и порфир.

Но благодаря излияниям огненно-жидкой массы, ее охлаждению и затвердеванию на поверхности Земли, толща земной коры значительно увеличилась, а стало быть, возросла и сила сопротивляемости.

Итак, образование трахитового покрова не давало более никакого выхода расплавленной массе, скопившейся в недрах земного шара. И вот настал момент, когда мощность механического давления газов стала столь значительной, что приподнялась тяжелая земная кора и на поверхности Земли стали возникать конусообразные возвышенности, в которых образовались трубообразные ходы. Так, в связи с вздутиями земной

коры, появились вулканы, и в вершинах вулканов образовались впадины, так называемые кратеры.

За явлениями трещинных излияний следовали явления вулканические. Сперва, через вновь образовавшиеся выводные каналы, извергались базальтовые потоки, залегавшие в земной коре в самых причудливых формах, замечательные образцы которых встречались на нашем пути. Мы ступали по скалам серого базальта, которые при охлаждении приняли форму призм с шестигранными основаниями. Вдали виднелись во множестве усеченные конусы, некогда бывшие жерлами огнедышащих гор.

Вслед за излияниями базальтового потока вулкан, активность которого вновь возросла за счет погасших кратеров, стал извергать потоки лавы, вулканического пепла и шлака; я своими глазами видел на его склонах эти следы извержений, напоминавшие взлохмаченные волосы на голове.

Такова была последовательность явлений, образовавших Исландию. Все эти явления обязаны действию огненной материи внутри земного шара, и было безумием предполагать, что под внешней оболочкой отсутствуют вещества, постоянно находящиеся в состоянии кипения и плавления. И тем более безумием было предполагать, что можно достигнуть центра Земли.

Я несколько успокоился относительно исхода нашей экскурсии, пока мы взбирались на Снайфедльс.

Дорога шла в гору, камни выскальзывали из-под ног, и все труднее становилось идти; приходилось быть крайне внимательным, чтобы не упасть в бездну.

Ганс преспокойно шествовал впереди нас, словно шел по ровному месту; иной раз он исчезал за большими глыбами, и мы на мгновение теряли его из виду; тогда резким свистом он указывал направление, по которому мы должны были следовать за ним. Зачастую он останавливался, подбирал обломки скал и располагал их в виде вех, по которым можно было, возвращаясь обратно, легко найти дорогу. Последующие события сделали такую предосторожность излишней.

За три часа утомительного пути мы дошли только до подножия вулкана. Ганс дал знак остановиться, и

мы принялись за легкий завтрак. Дядюшка глотал по два куска зараз, чтобы поскорее отправиться дальше; но эта остановка была предназначена также и для отдыха, и ему приходилось подчиниться проводнику, который только через час поддал знак трогаться в путь. Три исландца, охотники за гагарами, столь же молчаливые, как и их товарищ, не произносили ни слова и ели умеренно.

Мы начинали уже подыматься по склонам Снайфедльс. Его снежная вершина, вследствие оптического обмана, обычного в горах, казалось, была очень близка от нас, а сколько часов прошло еще, пока мы добрались до нее! И с какими трудностями! Камни выскальзывали у нас из-под ног и скатывались в равнину со скоростью лавин. В некоторых местах угол наклона по отношению к горизонтальной поверхности составлял тридцать шесть градусов; было невозможно карабкаться вверх, и приходилось не без труда обходить огромные глыбы; при этом мы палками помогали друг другу. Дядюшка старался держаться как можно ближе ко мне; он не терял меня из виду, а иногда и помогал мне. Что касается самого дядюшки, у него, вероятно, было врожденное чувство равновесия, потому что его не бросало из стороны в сторону и он не спотыкался на ходу. Исландцы, хотя и нагруженные багажом, взбирались с ловкостью горцев. Глядя на вершину Снайфедльс, я считал невозможным добраться до нее по такой крутизне. К счастью, после целого часа мучительного пути перед нами неожиданно оказалась своеобразная лестница, возникшая среди снежной пелены, окутавшей вершину вулкана. Эта природная лестница значительно облегчила наше восхождение. Она образовалась из камней, выброшенных при извержении. Если бы эти камни при своем падении не были задержаны отвесным утесом, они скатились бы в море и образовали бы новые острова. Во всяком случае, импровизированная лестница сильно помогла нам. Крутизна склонов все возрастала, но каменные ступени облегчали и ускоряли наше восхождение на гору настолько, что стоило мне на минуту отстать от своих спутников, как

их фигурки, мелькавшие вдалеке, казались совсем крошечными.

К семи часам вечера, преодолев две тысячи ступеней, мы оказались на выступе горы, служившем как бы основанием для самого конуса кратера.

Море расстилалось перед нами на глубине трех тысяч двухсот футов. Мы перешли границу вечных снегов, которая в Исландии вследствие сырости климата не очень высока. Было холодно. Дул сильный ветер. Я чувствовал себя совершенно измученным. Профессор, убедясь, что мои ноги отказываются служить, решил сделать привал, несмотря на все свое нетерпение. Он дал знак охотнику, но тот покачал головой, сказав:

— *Oþvanför!*

— Отказывается, — сказал дядюшка, — надо подниматься еще выше.

Потом он спросил у Ганса причину такого ответа.

— *Mistour*, — ответил наш проводник.

— *Ja, mistour*, — повторил один из исландцев явно испуганным голосом.

— Что означает это слово? — спросил я тревожно.

— Взгляни! — сказал дядюшка.

Я бросил взгляд вниз.

Огромный столб измельченных горных пород, песка и пыли поднимался, кружась, подобно смерчу; ветер относил его в ту сторону Снайфедльс, где находились мы. Темной завесой нависал этот гигантский столб пыли, застилая собою солнце и отбрасывая свою тень на гору. Обрушья этот смерч на нас, и мы неизбежно были бы сметены с лица земли бешеным вихрем.

Это явление, которое наблюдается довольно часто, когда ветер дует с ледников, называется по-исландски «*mistour*».

— *Hastigt, hastigt!* — кричал наш проводник.

Хотя я и не знал датского языка, я все же сразу понял, что нам надо следовать за Гансом, и как можно скорее. А между тем Ганс уже огибал конус кратера, но наискось.

Вскоре смерч обрушился на гору, которая задрожала под тяжестью его удара; камни, подхваченные

вихрем, сыпались, как при извержении вулкана, подобно дождю. К счастью, мы находились уже по другую сторону горы и были благодаря этому в безопасности. Если бы не предусмотрительность проводника, наши растерзанные и обращенные в прах тела были бы сброшены вниз, как обломки какого-нибудь метеора.

Ганс считал, однако, неблагоприятным провести ночь на внешнем склоне горы. Мы продолжали восхождение зигзагами. Тысяча пятьсот футов, которые нам еще оставалось преодолеть, отняли у нас почти пять часов; на обходы и зигзаги приходилось лишних по крайней мере три лье. У меня больше не было сил; я изнемогал от стужи и голода. Воздуха, уже порядочно разреженного, не хватало для работы моих легких. Наконец, в одиннадцать часов вечера, в глубокой темноте, мы достигали вершины Снайфедльс, и, прежде чем укрыться во внутренности кратера, я успел взглянуть на «полуночное солнце» в низшей точке его стояния, откуда оно бросало свои бледные лучи на дремлющий у моих ног остров.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Ужин был быстро съеден, и маленький отряд устроился на ночлег как мог лучше. Ложе было жесткое, крыша малонадежная, в общем положение не из веселых. Мы находились на высоте пяти тысяч футов над уровнем моря. Однакож мой сон в эту ночь был особенно спокоен; так хорошо мне не приходилось уже давно спать. Я даже не видел снов.

На другое утро мы проснулись полузамерзшими; было очень холодно, хотя солнце светило чрезвычайно ярко. Я встал с своего каменистого ложа, чтобы насладиться великолепным зрелищем, открывавшимся перед моими глазами.

Я находился на вершине южного конуса Снайфедльс. Мой взор охватывал с этой выси большую часть острова. Благодаря обычному оптическому обману при

наблюдении с большой высоты берега острова как будто приподнимались, а центральная его часть как бы западала. Можно сказать, что у моих ног лежала топографическая карта Хельбесмера. Передо мною расстилались долины, пересекавшие во всех направлениях остров, пропасти казались колодцами, озера — прудами, реки — ручейками. Направо от меня тянулись бесчисленные ледники и высились горные пики; над некоторыми из них вздымались легкие клубы дыма. Волнообразные очертания этих бесконечных горных кражей, покрытых вечными снегами, словно гребни волн пеной, напоминали мне море во время бури. А на западе, как бы являясь продолжением этих вспененных гребней, величественно раскинулся океан. Глаз едва различал границу между землей и морем.

Я весь отдался восторженному чувству, которое испытываешь обычно на больших высотах, и на этот раз я не страдал от головокружения, потому что уже освоился с высоким наслаждением смотреть на Землю с высоты. Я забыл о том, кто я и где я! Я жил жизнью эльфов и силфов, легендарных обитателей скандинавской мифологии. Мои ослепленные взоры тонули в прозрачном свете солнечных лучей. Упиваясь этим очарованием высоты, я не думал о бездне, в которую вскоре должна была ввергнуть меня судьба. Но появление профессора и Ганса, отыскавших меня на вершине горного пика, вернуло меня к действительности.

Дядюшка, обратясь лицом к западу, указал мне на подернутые дымкой туманные очертания Земли, выступавшие над морем.

— Гренландия, — сказал он.

— Гренландия? — воскликнул я.

— Да, мы всего на расстоянии тридцати пяти лье от нее. Во время оттепели белые медведи добираются до Исландии на льдинах, течением уносимых с севера. Но это неважно! Мы теперь на вершине Снайфедльс; вот его два пика — южный и северный. Ганс скажет нам, как по-исландски называется тот, на котором мы сейчас стоим.

Охотник ответил:

— *Scartaris*.

Дядюшка взглянул на меня с торжествующим видом.

— К кратеру! — сказал он.

Кратер Снайфедльс представлял собою опрокинутый конус, жерло которого имеет около полулье в диаметре. Глубину же его я определил приблизительно в две тысячи футов. Можно себе вообразить, что творилось бы в таком резервуаре взрывчатых веществ, если бы вулкан вздумал метать свои грома и молнии. Воронка вряд ли была шире пятисот футов в окружности, и по ее довольно отлогим склонам легко можно было спуститься до самого дна кратера. Я невольно сравнил кратер с жерлом огромной пушки, и это сравнение меня напугало.

«Взобратся в жерло пушки, которая, возможно, заряжена и каждую минуту может выстрелить, настоящее безумие!» — подумал я.

Но отступить было уже невозможно. Ганс с равнодушным видом шагал во главе нашего отряда. Я молча следовал за ним.

Чтобы облегчить спуск, Ганс описывал внутри кратера большие эллипсы. Приходилось идти среди вулканических «висячих» залежей, которые, случалось, обрывались при малейшем сотрясении и скатывались на дно пропасти. Гулкое эхо сопровождало их падение.

На пути встречались внутренние ледники; тогда Ганс шел с особой осторожностью, ощупывая почву палкой с железным наконечником, чтобы узнать, нет ли где расщелин. В сомнительных местах мы связывались между собой длинной веревкой, чтобы тот, у кого нога начинала скользить, мог опереться на спутников. Предосторожность эта была необходима, но она не исключала опасности.

Между тем, несмотря на трудности, непредвиденные нашим проводником, спуск шел благополучно, если не считать утери связки веревок, выпавшей из рук одного из исландцев и скатившейся кратчайшим путем в пропасть.

В полдень мы оказались на дне кратера. Я взглянул вверх и через жерло конуса, как через объектив аппа-

рата, увидел клочок неба. Лишь в одном месте глаз различал пик Скартариса, уходящий в бесконечность.

На дне кратера находились три трубы, через которые во время вулканических извержений вулкана Снайфедльс центральный очаг извергал лаву и пары. Каждое из этих отверстий в диаметре достигало приблизительно ста футов. Их зияющие пасти разверзались у наших ног. У меня не хватало духа взглянуть внутрь их. Профессор Лиденброк быстро исследовал расположение отверстий; он задыхался, бегал от одного отверстия к другому, размахивал руками и выкрикивал какие-то непонятные слова. Ганс и его товарищи, сидя на обломке лавы, посматривали на него; они, видимо, принимали его за сумасшедшего.

Вдруг дядюшка дико крикнул. Я подумал, что он оступился и падает в зев бездны. Но нет! Он стоял, раскинув руки, расставив ноги, перед гранитной скалой, возвышавшейся в самой середине кратера, подобно грандиозному пьедесталу для статуи Плутона. Во всей позе дядюшки чувствовалось, что он до крайности изумлен, но изумление его сменилось вскоре безумной радостью.

— Аксель, Аксель! — кричал он. — Иди сюда, иди!

Я поспешил к нему. Ганс и исландцы не тронулись с места.

— Взгляни, — сказал профессор.

И с тем же изумлением, если не с радостью, я прочел на скале, со стороны, обращенной к западу, начертанное руническими письменами, полустертыми от времени, тысячу раз проклятое имя:

1АМТ ЧТКПНЧЧЖ

— Арне Сакнуссем! — воскликнул дядюшка. — Неужели ты и теперь еще будешь сомневаться?

Я ничего не ответил и пошел, в смущении, обратно к своей скамье из отложений лавы. Очевидность сразила меня.

Сколько времени я предавался размышлениям, не помню. Знаю только, что когда я поднял голову, то

увидал на дне кратера только лишь дядюшку и Ганса. Исландцы были отпущены и теперь спускались уже по наружным склонам Снайфедльс, возвращаясь в Стапи.

Ганс безмятежно спал у подножья скалы, в желобе застывшей лавы, где он устроил себе импровизированное ложе; дядюшка метался внутри кратера, как дикий зверь в волчьей яме. У меня не было ни сил, не желания встать; и, следуя примеру проводника, я погрузился в мучительную дремоту, боясь услышать подземный гул или почувствовать сотрясение в недрах вулкана.

Так прошла первая ночь внутри кратера.

На следующее утро серое, затянутое свинцовыми тучами небо нависло над кратером. Поразила меня не столько полная темнота, сколько бешеный гнев дядюшки. Я понял причину его ярости, и у меня мелькнула смутная надежда. И вот почему.

Из трех дорог, открывавшихся перед нами, Сакнуссем избрал один путь. По словам ученого исландца, этот путь можно было узнать по признаку, указанному в шифре, а именно, что тень Скартариса касается края кратера в последние дни июня месяца.

Действительно, этот пик можно было уподобить стрелке гигантских солнечных часов, которая в известный день, отбрасывая свою тень на кратер, указывает путь к центру Земли. Вот почему, если не выглянет солнце, не будет и тени. А следовательно, и нужного указания! Было уже 25 июня. Стоило тучам покрыть небо на шесть дней, и нам пришлось бы отложить изыскания до следующего года.

Я отказываюсь описать бессильный гнев профессора Лиденброка. День прошел, но никакая тень не легла на дно кратера; Ганс не трогался с места, хотя его должно было удивлять, чего же мы ждем, если только он вообще был способен удивляться! Дядюшка не удостоивал меня ни единым словом. Его взоры, неизменно обращенные к небу, терялись в серой, туманной дали.

26 июня — и никаких изменений! Целый день шел мокрый снег. Ганс соорудил шалаш из обломков лавы. Я несколько развлекался, следя за тысячами импровизированных каскадов, образовавшихся на склонах кра-

тера и с диким ревом разбивавшихся о каждый встречный камень.

Дядюшка уже больше не сдерживался. Даже более терпеливый человек при таких обстоятельствах вышел бы из себя: ведь это значило потерпеть крушение у самой гавани!

Но, по милости неба, за великими огорчениями следуют и великие радости, и профессор Лиденброк получил удовлетворение, способное заслонить испытанное им отчаяние.

На следующий день небо было все еще затянуто тучами; но в воскресенье, 28 июня, в предпоследний день месяца, смена луны вызвала и перемену погоды. Солнце заливало кратер потоками света. Каждый пригорок, каждая скала, каждый камень, каждая кочка получала свою долю солнечных лучей и тут же отбрасывала свою тень на землю. Тень Скартариса вырисовывалась вдали своим острым ребром и непрямо следовала за лучезарным светилом.

Дядюшка следовал по ее стопам.

В полдень, когда предметы отбрасывают самую короткую тень, знаменательная тень Скартариса слегка коснулась края среднего отверстия в кратере.

— Тут! — вскричал профессор. — Тут пролегает путь к центру земного шара! — прибавил он по-датски. Я посмотрел на Ганса.

— *Forüt!* — спокойно сказал проводник.

— Вперед! — повторил дядя.

Было один час тридцать минут пополудни.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Теперь только начиналось настоящее путешествие. До сих пор трудности следовали одна за другой; теперь они должны были в буквальном смысле слова вырастать у нас под ногами.

Я не заглядывал еще в этот бездонный колодец, в который мне предстояло спуститься. Теперь настал этот момент. Я мог еще или принять участие в риско-

ванном предприятии, или отказаться попытать счастье. Но мне было стыдно отступить перед нашим проводником. Ганс так охотно соглашался участвовать в этом романтическом приключении; он был так хладнокровен, так мало думал об опасностях, что я устыдился оказаться менее храбрым, чем он. Не будь его, у меня нашлось бы множество веских доводов, но в присутствии проводника я не стал возражать; тут я вспомнил прелестную фирландку и шагнул ближе к центральному отверстию в кратере.

Как я уже сказал, оно имело сто футов в диаметре, или триста футов в окружности. Я нагнулся над одной из скал и взглянул вниз. Волосы встали у меня дыбом. Ощущение пустоты овладело всем моим существом. Я почувствовал, что центр тяжести во мне переместился, голова закружилась, точно у пьяницы. Нет ничего притягательнее бездны. Я готов был упасть. Чья-то рука удержала меня. То был Ганс. Положительно, мне следовало взять еще несколько «уроков по головокружению», вроде тех, что я брал в копенгагенском храме Спасителя. Хотя я только мельком заглянул в колодец, все же успел разглядеть его строение. Внутренние, почти отвесные, стены колодца представляли собою ряд выступов, которые должны были облегчать сходжение в пропасть. Но если и была лестница, то перила отсутствовали. Веревка, прикрепленная у края отверстия, могла бы послужить нам надежной опорой, но как же отвязать ее, когда мы совершим прыжок в бездну?

Однакож существовало простое средство, которое и применил дядюшка. Он взял веревку толщиной в дюйм и длиной в четыреста футов, перекинул ее через проем в выступе лавы у самого края отверстия и спустил оба ее конца вниз. Таким образом каждый из нас, держа в руках оба конца веревки, получал некоторую опору и мог легче спускаться в бездонные бездны; спустившись на двести футов, было совсем нетрудно стянуть вниз веревку, выпустив из рук один ее конец. Этот прием можно было повторять *ad infinitum*¹.

— Теперь займемся багажом, — сказал дядюшка,

¹ До бесконечности (лат.).

когда все приготовления были закончены, — разделим его на три тюка, и каждый из нас привяжет на спину по одному тюку; я говорю только о хрупких предметах.

Очевидно, отважный профессор не относил нас к числу последних.

— Ганс, — продолжал он, — возьмет инструменты и часть съестных припасов; ты, Аксель, вторую треть съестных припасов и оружие; я — остаток провизии и приборы.

— Но кто же, — сказал я, — спустит вниз одежду, лестницу и кучу веревок?

— Они спустятся сами.

— Как так? — спросил я.

— Сейчас увидишь.

И дядюшка, недолго думая, горячо принялся за дело. По его приказу Ганс собрал в один тюк все мягкие вещи и, крепко связав его, без дальнейших церемоний сбросил в пропасть.

Я услышал, как наш багаж с гулким свистом, рассекая воздух, летел вниз. Дядюшка, нагнувшись над бездной, следил довольным взглядом за путешествием своих вещей, пока не потерял их из виду.

— Хорошо, — сказал он. — А теперь очередь за нами!

Я спрашиваю любого здравомыслящего человека: возможно ли слушать такие слова без содрогания?

Профессор взвалил себе на спину тюк с приборами, Ганс — с утварью, я — с оружием. Мы спускались в следующем порядке: впереди шел Ганс, за ним дядюшка и, наконец, я. Схождение совершалось в полном молчании, нарушаемом лишь падением камней, которые, оторвавшись от скал, с грохотом скатывались в пропасть.

Я спознал, судорожно ухватясь одной рукой за двойную веревку, а другой опираясь на палку. Единственной моей мыслью было: как бы не потерять точку опоры! Веревка казалась мне слишком тонкой для того, чтобы выдержать трех человек. Поэтому я пользовался ею по возможности меньше, показывая чудеса эквилибристики на выступах лавы, которые я отыскивал, нащупывая ногой.

И когда такая скользкая ступень попадалась под ноги Гансу, он хладнокровно говорил:

— *Gif akt!*

— Осторожно! — повторял дядюшка.

Через полчаса мы добрались до скалы, прочно укрепившейся в стене пропасти.

Ганс потянул веревку за один конец; другой конец взвился в воздух; соскользнув со скалы, через которую веревка была перекинута, конец ее упал у наших ног, увлекая за собой камни и куски лавы, сыпавшиеся подобно дождю, или, лучше сказать, подобно убийственному граду.

Нагнувшись над краем узкой площадки, я убедился, что дна пропасти еще не видно.

Мы снова пустили в ход веревку и через полчаса оказались еще на двести футов ближе к цели.

Я не знаю, до какой степени должно доходить сумасшествие геолога, который пытается во время такого спуска изучать природу окружающих его геологических напластований?

Что касается меня, я мало интересовался строением земной коры; какое мне было дело до того, что представляют собою все эти плиоценовые, миоценовые, эоценовые, меловые, юрские, триасовые, пермские, каменноугольные, девонские, силурийские или первичные геологические напластования? Но профессор, повидимому, вел наблюдения и делал заметки, так как во время одной остановки он сказал мне:

— Чем дальше я иду, тем больше крепнет моя уверенность. Строение вулканических пород вполне подтверждает теорию Дэви. Мы находимся в первичных слоях, перед нами порода, в которой произошел химический процесс разложения металлов, раскалившихся и воспламенившихся при соприкосновении с воздухом и водой. Я безусловно отвергаю теорию центрального огня. Впрочем, мы еще увидим это!

Все то же заключение! Понятно, что я не имел никакой охоты спорить. Мое молчание было принято за согласие, и нисхождение возобновилось.

После трех часов пути я все же не мог разглядеть дна пропасти. Взглянув вверх, я заметил, что отвер-

стие кратера заметно уменьшилось. Стены, наклоненные внутрь кратера, постепенно смыкались. Темнота увеличивалась.

А мы спускались все глубже и глубже. Мне казалось, что звук при падении осыпавшихся камней становился более глухим, как если бы они ударялись о землю.

Я внимательно считал, сколько раз мы пользовались веревкой, и поэтому мог определить глубину, на которой мы находились, и время, истраченное на спуск.

Мы уже четырнадцать раз повторили маневр с веревкой с промежутками в полчаса. На спуск ушло семь часов и три с половиною часа на отдых, что составляло в общем десять с половиною часов. Мы начали спускаться в час, значит теперь было одиннадцать часов.

Глубина, на которой мы находились, равнялась двум тысячам восьмистам футов, считая четырнадцать раз по двести футов.

В это мгновение раздался голос Ганса.

— *Halt!* — сказал он.

Я сразу остановился, едва не наступив на голову дядюшки.

— Мы у цели, — сказал дядюшка.

— У какой цели? — спросил я, скользя к нему.

— На дне колодца.

— Значит, нет другого прохода?

— Есть! Я вижу направо нечто вроде туннеля. Мы расследуем все это завтра. Сначала поужинаем, а потом спать.

Еще не совсем стемнело. Мы открыли мешок с провизией и поели; затем улеглись, по возможности удобнее, на ложе из камней и обломков лавы.

Когда, лежа на спине, я открыл глаза, на конце этой трубы гигантского телескопа в три тысячи футов длиной я заметил блестящую точку.

То была звезда, утратившая способность мерцать, — по моим соображениям, Бета в созвездии Малой Медведицы.

Вскоре я заснул глубоким сном.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

В восемь часов утра яркий свет разбудил нас. Тысячи граней на лавовых стенах вбирали в себя его сияние и отражали в виде целого дождя искр.

Этой игры света было достаточно, чтобы различить окружающие предметы.

— Ну, Аксель, что ты на это скажешь? — воскликнул дядюшка, потирая руки. — Провел ли ты когда-нибудь такую спокойную ночь в нашем доме на Королевской улице? Тут нет ни шума тележек, ни крика продавцов, ни брани лодочников!

— О, конечно, нам весьма спокойно на дне этого колодца, но в этом спокойствии есть нечто ужасающее.

— Ну-ну! — воскликнул дядюшка. — Если ты уже теперь боишься, что же будет дальше? Мы еще ни на один дюйм не проникли в недра Земли!

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что мы добрались только до основания острова! Дно этого колодца — в жерле кратера Снайфедльс и находится примерно на уровне моря.

— Вы убеждены в этом?

— Вполне! Взгляни на барометр.

Действительно, ртуть, поднимавшаяся по мере того как мы спускались, остановилась на двадцать девятом дюйме.

— Ты видишь, — продолжал профессор, — мы находимся еще в сфере атмосферного давления, и я жду с нетерпением, когда можно будет барометр заменить манометром.

Барометр, конечно, должен стать ненужным с той минуты, когда тяжесть воздуха превысит давление, существующее на уровне океана.

— Но, — сказал я, — не следует ли опасаться того, что все возрастающее давление станет трудно переносимым?

— Нет! Мы спускаемся медленно, и наши легкие привыкнут дышать в более сгущенной атмосфере. Воздухоплавателям не хватает воздуха при подъеме в

верхние слои атмосферы, а у нас, возможно, окажется избыток воздуха. Но последнее все же лучше! Не будем же терять ни минуты. Где вещевой мешок, который мы раньше сбросили вниз?

Я вспомнил, что мы его тщетно искали накануне вечером. Дядюшка спросил об этом Ганса, а тот, оглядев все вокруг зорким глазом охотника, ответил:

— *Der hippel!*

— Там, наверху!

Действительно, вещевой мешок, зацепившись за выступ скалы, повис приблизительно футов на сто над нашими головами. Цепкий исландец, как кошка, вскарабкался на скалу и через несколько минут спустил наш мешок.

— А теперь, — сказал дядюшка, — позавтракаем, но позавтракаем, как люди, которым предстоит далекий путь.

Сухари и сушеное мясо мы запили несколькими глотками воды с можжевелевой водкой.

После завтрака дядюшка вынул из кармана записную книжку и, поочередно беря в руки разные приборы, записывал:

Понедельник, 1 июля.

Хронометр: 8 ч. 17 м. утра.

Барометр: 29 дюймов 7 линий.

Термометр: 6°.

Направление: В.-Ю.-В.

Последнее показание компаса относилось к темной галерее.

— Теперь, Аксель, — воскликнул профессор восторженно, — мы действительно углубимся в недра земного шара! Теперь собственно начинается наше путешествие.

Сказав это, дядюшка взял одной рукой висевший у него на шее аппарат Румкорфа, а другой соединил электрический провод со спиралью в фонаре, и яркий свет рассеял мрак галереи.

Второй аппарат, который нес Ганс, был также приведен в действие. Остроумное применение электриче-

ства позволяло нам, пользуясь искусственным светом, подвигаться вперед даже среди воспламеняющихся газов.

— В дорогу! — сказал дядюшка.

Мы снова взвалили на спину свои мешки. Ганс взялся вдобавок подталкивать перед собой тюк с одеждой и веревками; и мы все трое вступили в темный туннель.

В ту минуту, когда мы вступали в его зияющую пасть, я взглянул вверх и в последний раз через эту гигантскую подзорную трубу увидел небо Исландии, «которое мне не суждено снова увидеть»!

Во время извержения 1229 года лава проложила себе путь сквозь этот туннель; она отлагалась на его стенках, образуя на них плотный и блестящий шлаковый покров; электрический свет отражался от его зеркальной поверхности, усиливаясь в сто крат. Трудность пути состояла, главным образом, в том, чтоб не скользить слишком быстро по плоскости, угол наклона которой равен сорока пяти градусам. К счастью, некоторые залежи и неровности могли служить ступенями, а багаж нам приходилось тащить за собой на длинной веревке.

Но то, что служило для нас ступенями, на соседних стенах превращалось в сталактиты. Лава, в некоторых местах пористая, вздувалась пузырями, кристаллы черного кварца, усеянные стекловидными капельками, свешивались со свода, подобно люстрам, казалось, загоравшимся при нашем приближении. Можно было подумать, что подземные духи освещали свой дворец, чтобы принять посланцев Земли.

— Какое великолепие! — невольно воскликнул я. — Что за зрелище! Какие изумительные оттенки принимает лава! От краснобурого до яркожелтого! А эти кристаллы, похожие на светящиеся шары!

— А-а, ты теперь восхищаешься, Аксель! — ответил дядюшка. — А-а, ты находишь это зрелище великолепным, мой мальчик! Надеюсь, ты и не то еще увидишь. Пойдем же! Пойдем!

Правильнее было бы сказать: «Скатимся же!», ибо

нам предстояло без всякого труда скатиться по наклонной плоскости. То был *facilis descensus Averni*¹ Виргилия!

Компас, на который я частенько посматривал, указывал с неколебимой точностью на юго-восток. Поток лавы не уклонялся ни вправо, ни влево. Он неуклонно следовал по прямой линии.

Между тем температура почти не поднималась, что подтверждало теорию Дэви; я несколько раз с удивлением посматривал на термометр. Мы были в дороге уже два часа, а он показывал только 10°, иначе говоря, температура повысилась всего лишь на 4°! Это заставляло меня предполагать, что мы «спускаемся» больше в горизонтальном направлении, чем в вертикальном! Впрочем, не было ничего легче узнать, на какой глубине мы находимся. Профессор измерял исправно угол наклона пути, но хранил про себя результаты своих наблюдений.

В девять часов вечера он дал сигнал остановиться. Ганс тотчас же присел. Лампы укрепили на выступе стены. Мы находились в какой-то пещере, где не было недостатка в воздухе. Напротив! Мы чувствовали как бы дуновение ветра. Чему приписать это явление? Откуда это колебание атмосферы? Я отложил разрешение этого вопроса. Голод и усталость лишили меня способности размышлять. Семь часов безостановочного пути истощили мои силы. Оклик «*halt!*» обрадовал меня. Ганс разложил провизию на обломке лавы, и мы поели с аппетитом. Меня все же беспокоила одна вещь: наш запас воды истощился наполовину. Дядюшка рассчитывал пополнить его из подземных источников, но еще ни разу мы их не встретили. Я не мог не обратить его внимания на это обстоятельство.

— Тебя удивляет отсутствие источников? — спросил дядюшка.

— Конечно! И больше того, беспокоит! У нас хватит воды только на пять дней.

— Успокойся, Аксель, я ручаюсь, что мы найдем воду, и даже в большем количестве, чем необходимо.

¹ «Легкий спуск в Аверн!» (то есть в преисподнюю) (лат.).

— Когда же?

— Когда мы выйдем из этих напластований лавы. Ты воображаешь, что источники могли пробиться сквозь эти толщи?

— Но, быть может, туннель уйдет на большую глубину. Мне кажется, что мы не очень-то много прошли в вертикальном направлении.

— На чем основано твое предположение?

— Но ведь если бы мы немного продвинулись вглубь земной коры, температура была бы выше.

— Это по твоей теории! — ответил дядюшка. — А что показывает термометр?

— Едва пятнадцать градусов! Следовательно, с того времени, что мы идем по туннелю, температура поднялась на девять градусов.

— Сделай отсюда вывод.

— А вывод таков! По точнейшим наблюдениям, повышение температуры в недрах Земли равняется градусу на каждые сто футов. Но эта цифра может, конечно, изменяться под влиянием некоторых местных условий. Так, в Якутске, в Сибири, замечено, что повышение в один градус приходится уже на тридцать шесть футов. Все зависит, очевидно, от теплопроводности скал. Я прибавлю, что даже вблизи потухшего вулкана было замечено, что повышение температуры в один градус приходится лишь на сто двадцать пять футов. Примем последнюю гипотезу, как самую благоприятную, и вычислим.

— Ну, вычисляй, мой мальчик!

— Это нетрудно, — сказал я, набрасывая цифры в записной книжке. — Девять раз сто двадцать пять дает тысячу сто двадцать пять футов.

— Вполне точно вычислено.

— Ну, и что же?

— Ну, а по моим наблюдениям мы находимся теперь на глубине десяти тысяч футов ниже уровня моря.

— Не может быть!

— Именно так! Или цифры утратили всякий смысл.

Вычисление профессора оказалось правильным; мы спустились уже на шесть тысяч футов глубже, чем когда-либо удавалось это человеку, например, в Циц-

бюэльских копиях в Тироле и Бюттембергских в Богемии.

Температура, которая в этом месте должна была доходить до восьмидесяти одного градуса, едва поднялась до пятнадцати. Это наводило на различные размышления.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

На следующий день, во вторник, 30 июня, в шесть часов утра мы вновь пустились в путь.

Мы все еще шли по лавовой галерее, которая вела вниз легким уклоном, как те деревянные настилы, которые и поныне заменяют лестницы в некоторых старинных домах. Так продолжалось до двенадцати часов семнадцати минут, когда мы нагнали Ганса, поджидавшего нас.

— А-а! — воскликнул дядя. — Мы в самом конце трубы!

Я огляделся вокруг. Мы находились у перекрестка, от которого вели два пути, оба темных и узких. Какой же из них нам следовало избрать? Вот в чем была трудность!

Однако дядюшка, не желавший обнаружить своего колебания ни передо мной, ни перед проводником, решительно указал на восточный туннель, в который мы тотчас же и вошли.

Впрочем, раздумье при выборе пути могло продолжаться очень долго, потому что не было ни малейшего указания, могущего склонить дядюшку в пользу того или другого хода; приходилось буквально идти на удачу.

Наклон в этой новой галерее едва чувствовался, и разрез ее то расширялся, то суживался. Иногда перед нами развертывалась настоящая колоннада, точно портик готического собора. Зодчие средневековья могли бы изучить тут все виды церковной архитектуры, развившейся из стрельчатой арки. Еще через одну милю нам пришлось нагибать головы под сдавленными сводами романского стиля, где мощные колонны, укрепленные

в фундаментах, поддерживали их. В иных местах вместо колонн появлялись невысокие навалы, похожие на сооружения бобров, и нам приходилось пробираться ползком по узким ходам.

Температура была все время сносной. Я невольно представлял себе, как высока должна была быть здесь температура, когда потоки лавы, извергаемые Снайфедльс, неслись по этой дышавшей покоем галерее. Я представлял себе, как огненные потоки разбивались об углы колонн, как горячие пары скоплялись в этом узком пространстве!

«Только бы не пришла древнему вулкану фантазия вспомнить былое!» — подумал я.

Впрочем, я не делился с дядюшкой Лиденброком своими мыслями, да он и не понял бы их. Его единственным стремлением было: идти все вперед! Он шел, скользил, даже падал, преисполненный уверенности, которой нельзя было не удивляться.

К шести часам вечера, не слишком утомившись, мы прошли два лье в южном направлении и едва четверть мили в глубину.

Дядюшка дал знак остановиться и отдохнуть. Мы поели, почти не обмолвившись словом, и заснули без долгих размышлений.

Наши приготовления на ночь были весьма несложны: дорожное одеяло, в которое каждый из нас закутывался, составляло всю нашу постель. Нам нечего было бояться ни холода, ни неожиданных посетителей. В пустынях Африки или в лесах Нового Света путешественникам приходится вечно быть настороже. Тут — совершенное одиночество и полнейшая безопасность. Нечего было опасаться ни дикарей, ни хищных животных, ни злоумышленников!

Утром мы проснулись бодрые и подкрепившиеся! И снова двинулись в путь! Мы шли, как и накануне, по тому же грунту затвердевшей лавы. Строение почвы под лавовым покровом невозможно было определить. Туннель не углублялся больше в недра Земли, но постепенно принимал горизонтальное направление. Мне показалось даже, что наш путь ведет к поверхности Земли. К десяти часам утра, в этом нельзя было со-

мневаться, стало труднее идти, и я начал отставать от спутников.

— В чем дело, Аксель? — спросил нетерпеливо профессор.

— Я не могу идти быстрее, — ответил я.

— Что? Всего каких-нибудь три часа ходьбы по столь легкой дороге!

— Легкой, пожалуй, но все же утомительной.

— Но ведь мы же спускаемся!

— Поднимаемся! Не в обиду вам будь сказано!

— Поднимаемся? — переспросил дядя, пожимая плечами.

— Конечно! Вот уже с полчаса как наклон пути изменился, и если будет продолжаться так дальше, мы непременно вернемся в Исландию.

Профессор покачал головой, давая понять, что он не хочет ничего слышать. Я пытался привести новые доводы. Дядюшка упорно молчал и дал сигнал собираться в дорогу. Я понял, что его молчание вызвано дурным расположением духа.

Все же я мужественно взвалил свою тяжелую ношу на спину и быстрым шагом последовал за Гансом, который шел впереди дядюшки. Я боялся отстать. Моей главной заботой было не терять из виду спутников. Я содрогался от ужаса при мысли заблудиться в этом лабиринте.

Впрочем, если восходящий путь и был утомительнее, все же я утешался мыслью, что он вел нас к поверхности Земли. Он вселял в сердце надежду. Каждый шаг подтверждал мою догадку, и меня окрыляла мысль, что я снова увижу мою милую Гретхен.

Около полудня характер внутреннего покрова галереи изменился. Я заметил это по отражению электрического света от стен. Вместо лавового покрова поверхность сводов состояла теперь из осадочных горных пород, расположенных наклонно к горизонтальной плоскости, а зачастую и вертикально. Мы находились в отложениях силурийского периода.

— Совершенно очевидно! — воскликнул я. — Осадочные породы, как то: сланцы, известняки и песчаники, относятся к древней палеозойской эре истории

Земли! Мы теперь удаляемся от гранитного массива. Выходит, что мы поступаем, точно гамбуржцы, которые поехали бы в Любек через Ганновер.

Мне следовало бы держать свои наблюдения про себя. Но мой пыл геолога одержал верх над благоразумием, и дядюшка Лиденброк услышал мои восклицания.

— Что случилось? — спросил он.

— Смотрите, — ответил я, указывая ему на пласты слоистых песчано-глинистых и известковых масс, в которых наблюдались первые признаки шиферного сланца.

— Ну, и что же?

— Значит, мы дошли до того периода, когда появились первые растения и животные.

— А-а! Ты так думаешь?

— Да взгляните же, исследуйте, понаблюдайте!

Я заставил профессора направить лампу на стены галереи. Я ожидал от него обычных в таких случаях восклицаний, но он, не сказав ни слова, пошел дальше.

Понял ли он меня, или нет? Или он, как старший родственник и ученый, не хотел сознаться из чувства самолюбия, что он ошибся, избрав восточный туннель, или же дядюшка намеревался исследовать до конца этот ход? Было очевидно, что мы сошли с лавового пути и что по этой дороге нам не дойти до очага Снайфедльс.

Все же у меня возникало сомнение, не придавал ли я слишком большого значения этому изменению в строении слоев? Не заблуждался ли я сам? Действительно ли мы находимся в слоистых пластах земной коры, лежащих выше зоны гранитов?

«Если я прав, — думал я, — то должен найти какие-нибудь остатки органической жизни, и перед очевидностью придется сдаться. Итак, поищем!»

Не прошел я и ста шагов, как мне представились неопровержимые доказательства. Так и должно было быть, ибо в силурийский период в морях обитало свыше тысячи пятисот растительных и животных видов. Мои ноги, ступавшие до сих пор по затвердевшей лаве,

ощутили под собою мягкий грунт, образовавшийся из отложений растений и раковин. На стенах ясно виднелись отпечатки морских водорослей, фукусов и ликоподий. Профессор Лиденброк закрывал на все глаза и шел все тем же ровным шагом.

Упрямство его переходило всякие границы. Я не выдержал. Подняв раковину, вполне сохранившуюся, принадлежавшую животному, немного похожему на нынешнюю мокрицу, я подошел к дядюшке и сказал ему:

— Взгляните!

— Превосходно! — ответил он спокойно. — Это редкий экземпляр вымершего еще в древние времена, низшего животного из отрядов трилобитов. Вот и все!

— Но не заключаете ли вы из этого?..

— То же, что заключаешь и ты сам? Разумеется! Мы вышли из зоны гранитных массивов и лавовых потоков. Возможно, что я избрал неверный путь, но я удостоверюсь в своей ошибке лишь тогда, когда мы дойдем до конца этой галереи.

— Вы поступаете правильно, дорогой дядюшка, и я одобрил бы вас, если бы не боялся угрожающей нам опасности.

— Какой именно?

— Недостатка воды.

— Ну что ж! Уменьшим порции, Аксель.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

В самом деле, с водой пришлось экономить. Нашего запаса могло хватить еще только на три дня; в этом я убедился за ужином. И мы теряли всякую надежду встретить источник в этих пластах переходной эпохи. Весь следующий день мы шли под бесконечными арочными перекрытиями галереи. Мы шли, лишь изредка обмениваясь словом. Молчаливость Ганса передалась и нам.

Подъем в гору почти не чувствовался. Порою даже казалось, что мы спускаемся, а не поднимаемся. Последнее обстоятельство, впрочем, едва ощутимое, не

обескураживало профессора, ибо структура почвы не изменялась и все признаки переходного периода были налицо.

Сланец, известняк и древний красный песчаник в покровах галереи ослепительно сверкали при электрическом свете. Могло показаться, что находишься в коях Девоншира, который и дал свое имя этой геологической формации. Облицовка стен являла великолепные образцы мрамора, начиная от серого, как агат, с белыми прожилками, причудливого рисунка, до ярко-розового и желтого в красную крапинку; тут были и образцы темного мрамора с красными и коричневыми крапинами, оживленного игрою оттенков от присутствия в нем известняков. Мраморы были богаты остатками низших животных. В сравнении с тем, что мы наблюдали накануне, в творчестве природы замечался некоторый прогресс; вместо трилобитов я видел остатки более совершенных видов; между прочим, из позвоночных были ганоидные рыбы и завроптерисы, в которых глаз палеонтолога мог обнаружить первые формы пресмыкающихся. Моря девонского периода были богаты животными этого вида, и отложения их в горных породах новейшей эры встречаются миллиардами.

Очевидно, перед нами проходила картина животного мира от самой низшей до высшей ступени, на которой стоял человек. Но профессор Лиденброк, казалось, не обращал на окружающее никакого внимания.

Он ожидал одного из двух: или разверстого у его ног отверстия колодца, в который он мог бы спуститься, или препятствия, которое преградило бы ему дальнейший путь. Но наступил вечер, а надежды дядюшки были тщетны.

В пятницу, после мучительной ночи, истомленный жаждой, наш маленький отряд снова пустился в скитания по лабиринтам галереи.

Мы шли уже два часа, когда я заметил, что отблеск наших ламп на стенах стал значительно слабее. Мрамор, сланец, известняк, песчаник, составлявшие облицовку стен, уступили место темному и тусклому покрову. В одном месте, где туннель становился очень узким, я провел рукой по левой стене. Когда я отдер-

нул руку, она была совсем черная. Я вгляделся внимательно. Рука была испачкана каменноугольной пылью.

— Каменноугольные копи! — воскликнул я.

— Копи без рудокопов, — ответил дядюшка.

— Ну, кто знает!

— Я-то знаю! — сухо возразил профессор. — Я твердо убежден, что эта галерея, проложенная в каменноугольных пластах, не есть дело рук человеческих. Но дело ли это природы, или нет, меня мало интересует. Время ужинать. Давайте-ка поужинаем!

Ганс приготовил ужин. Я ел мало и выпил несколько капель воды, составлявших мою порцию. Только фляжка проводника была до половины наполнена водой; вот все, что осталось для утоления жажды трех человек!

Поужинав, мои спутники растянулись на своих одеялах, черпая отдых в живительном сне. Но я не мог заснуть; я считал минуты до самого утра.

В субботу, в шесть часов утра, мы двинулись дальше. Через двадцать минут мы оказались в большой пещере; я сейчас же понял, что эта «каменноугольная копь» не могла быть прорыта рукой человека: ведь иначе своды были бы снабжены подпорками, а здесь они держались лишь каким-то чудом.

Эта своеобразная пещера имела сто футов в ширину и полтораста в высоту. Грунт ее был очень сильно расколот подземными сотрясениями. Твердые пласты, уступая мощному давлению, сдвинулись с места, образовав огромное пустое пространство, в которое впервые ныне проникали обитатели Земли.

Вся история каменноугольного периода была начерчена на этих темных стенах, и геолог мог легко проследить по каменным слоистым массам различные фазы в развитии земной коры. Угленосные отложения перекрывались слоями песчаника или плотной глины и были как бы придавлены верхними слоями.

В период, предшествовавший вторичной эпохе, Земля, вследствие действия тропической жары и

постоянной влажности воздуха, была покрыта чрезвычайно богатой и пышной растительностью. Атмосфера, состоящая из водяных паров, окружала земной шар со всех сторон, застилая свет солнца.

Отсюда и пришли к заключению, что причина высокой температуры кроется не в этом новом источнике тепла. Возможно, что дневное светило в ту эру не было еще в состоянии выполнять свою блестящую роль. Разделение на климаты еще не существовало, и палящий зной распространялся по всей поверхности земного шара равно, как у полюсов, так и у экватора. Откуда же этот зной? Из недр земного шара.

Вопреки теориям профессора Лиденброка, в недрах сфероида таился вечный огонь, действие которого чувствовалось в самых верхних слоях земной коры. Растения, лишенные благодетельных лучей солнца, не давали ни цветов, ни аромата, но корни их черпали мощную силу в горячей почве первозданного мира.

Деревьев встречалось мало, лишь травянистые растения, зеленый дерн, папоротники, ликоподии, сигиллярии, астерофиллиты и другие редкие семейства, роды которых в то время насчитывались тысячами, покрывали земную поверхность.

Именно этой обильной растительности обязан своим возникновением каменный уголь. Растения, унесенные водою, образовали мало-помалу значительные залежи.

Тогда стали действовать естественные химические силы. Растительные залежи на дне морей превратились сначала в торф. Затем, под влиянием газов и брожения, происходила полная минерализация органической массы.

Таким путем образовались огромные пласты каменного угля, которые все же должны истощиться в течение трех столетий из-за чрезмерного потребления, если только промышленность не примет необходимых мер.

Так думал я, обозревая угольные богатства, собранные в этом участке земных недр. Богатства эти, конечно, никогда не будут разработаны. Разработка этих подземных копей требовала бы слишком больших

усилий. Да и какая в том надобность, если уголь еще можно добывать в стольких странах у самой поверхности земного шара? Стало быть, эти нетронутые пласты останутся в таком же состоянии, покуда не пробьет последний час существования Земли.

А мы все шли и шли. Весь уйдя в геологические наблюдения, я не замечал времени. Температура явно стояла на той же шкале, что и во время нашего пути среди пластов лавы и сланцев. Только мой нос ощущал сильный запах углеводорода. Я тотчас же понял, что в этой галерее скопилось значительное количество опасного, так называемого, рудничного газа, столь часто являвшегося причиной ужасных катастроф.

К счастью, у нас был остроумный прибор Румкорфа. Имей мы неосторожность осматривать эту галерею с факелом в руке, страшный взрыв положил бы конец нашему существованию.

Наше путешествие по угольной копи длилось вплоть до вечера. Дядюшка едва сдерживал свое нетерпение, — он никак не мог примириться с горизонтальным направлением нашего пути. Мрак, столь глубокий, что за двадцать шагов ничего не было видно, мешал определить длину галереи, и мне начинало казаться, что она бесконечна, как вдруг, в шесть часов, мы очутились перед стеной. Не было выхода ни направо, ни налево, ни вверх, ни вниз. Мы попали в тупик.

— Ну, тем лучше! — воскликнул дядюшка. — Я знаю теперь по крайней мере, что следует делать. Мы сбились с маршрута Сакнуссема, и нам остается только вернуться назад. Отдохнем ночь, и не пройдет трех дней, как мы снова будем у того места, где галерея разветвляется надвое.

— Да, — сказал я, — если у нас хватит сил!

— А отчего же нет?

— Оттого, что завтра у нас не останется и капли воды.

— И ни капли мужества? — сказал профессор, строго взглянув на меня.

Я не осмелился возражать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

На следующий день, на рассвете, мы пошли обратно. Необходимо было спешить. Мы находились в пяти днях пути от перекрестка.

Я не буду распространяться о трудностях нашего возвращения. Дядюшка выносил все тяготы, внутренне негодуя, как человек, вынужденный покориться необходимости; Ганс относился ко всему с покорностью, свойственной его невозмутимому характеру. Что же касается меня, сознаюсь, я предавался сетованиям и отчаянию, теряя бодрость перед лицом такой неудачи.

Как уже упомянуто, вода у нас совершенно вышла к исходу первого дня пути. Нам приходилось для утоления жажды довольствоваться можжевелевой водкой; но этот адский напиток обжигал горло, и даже один его вид вызывал во мне отвращение. Воздух казался мне душливым. Я выбивался из сил. Порою я готов был лишиться чувств. Тогда делали привалы. Дядюшка с исландцем старались ободрить меня. Но я заметил, что сам дядюшка изнемогал от мучительной жажды и усталости.

Наконец, во вторник, 8 июля, ползком, на четвереньках, мы добрались, полумертвые, до скрещения двух галерей. Там я замертво свалился на землю. Было десять часов утра.

Ганс и дядюшка напрасно пытались заставить меня съесть немного сухарей. С моих распухших губ срывались протяжные стоны. Я впал в глубокое забытие.

Через несколько минут дядюшка подошел ко мне и, приподняв меня на руках, прошептал с искренней жалостью в голосе:

— Бедный мальчик!

Слова эти тронули меня, ведь суровый профессор не баловал меня нежностями. Я схватил его дрожащие руки. Он не отдернул их и посмотрел на меня. На его глазах были слезы.

Затем он взял фляжку, висевшую у него сбоку, и, к моему великому удивлению, поднес ее к моим губам.

— Пей, — сказал он.

Не ослышался ли я? Не сошел ли дядюшка с ума? Я посмотрел на него пристально. Я ничего не понимал.

— Пей, — повторил он.

И, взяв фляжку, он вылил мне в рот всю воду, какая оставалась в ней.

Какое наслаждение! Глоток воды освежил мой воспаленный рот. Всего один глоток, но его было достаточно, чтобы оживить меня.

Я горячо поблагодарил дядюшку.

— Да, — сказал он, — последняя капля воды! Понимаешь ли ты? Последняя! Я бережно хранил ее в моей фляжке. Двадцать раз, сто раз боролся я со страстным желанием выпить остаток воды! Но, мой Аксель, я хранил эту воду для тебя!

— Милый дядя! — лепетал я, и слезы текли из моих глаз.

— Да, бедняжка, я знал, что, добравшись до этого перекрестка, ты упадешь полумертвый, и сохранил последние капли воды, чтобы оживить тебя.

— Благодарю, благодарю! — восклицал я.

Как ни скупой была утолена моя жажда, я все же чувствовал некоторый подъем сил. Мышцы моей гортани, судорожно сведенные, разошлись, сухость губ уменьшилась. Я мог говорить.

— Видите, — сказал я, — у нас нет теперь иного выбора! Вода кончилась. Надо вернуться на землю.

Пока я говорил, дядюшка избегал моего взгляда; он опустил голову, отводил глаза в сторону...

— Надо вернуться! — воскликнул я. — Надо идти обратно к Снайфедльс, если только господь бог даст нам сил добраться до вершины кратера!

— Вернуться! — воскликнул дядюшка, скорее отвечая самому себе.

— Да, вернуться, и не теряя ни минуты.

Последовало довольно долгое молчание.

— Итак, Аксель, — продолжал профессор странным голосом, — несколько капель воды не вернули тебе мужества и энергии?

— Мужества!

— Я вижу, что ты столь же малодушен, как и прежде, и слышу от тебя все те же слова отчаяния!

С каким же человеком я имел дело и какие планы все еще лелеял его дерзкий ум?

— Как, вы не хотите?..

— Отказаться от предприятия в тот именно момент, когда все указывает на то, что оно может удалиться? Никогда!

— Так, значит, нам надо идти на верную гибель?

— Нет, Аксель, нет! Возвращайся на землю! Я не хочу твоей смерти! Пусть Ганс проводит тебя. Оставь меня одного!

— Покинуть вас!

— Оставь меня, говорю я тебе! Я предпринял это путешествие. Я доведу его до конца или не вернусь вовсе... Ступай, Аксель, ступай!

Дядюшка говорил с величайшим раздражением. Его голос, на минуту смягчившийся, снова сделался резким и угрожающим. Он с мрачной энергией хотел одолеть неодолимое! Я не мог покинуть его в глубине этой бездны, а с другой стороны, чувство самосохранения побуждало меня бежать от него.

Проводник понимал, что происходило между нами. Наша жестикуляция указывала достаточно ясно, что спор шел о выборе дороги, и каждый настаивал на своем; но Ганс, казалось, выказывал мало интереса к вопросу, от которого зависела его собственная жизнь; он был готов по знаку своего господина идти вперед или же оставаться на месте.

Как же мне заставить его понять меня! Мои слова, мои стенания, самые интонации моего голоса не оказывали влияния на эту холодную натуру. Я хотел внушить нашему проводнику, показать ему со всей ясностью, какая опасность нам грозит. Вдвоем мы, пожалуй, могли бы образумить упрямого профессора и принудить его вернуться. В случае надобности мы снова взберемся на вершину Снайфедльс!

Я подошел к Гансу и коснулся его руки. Он был недвижим. Я указал ему на жерло кратера. Он пальцем

не пошевелил. На моем лице можно было прочитать все мои страдания. Исландец покачал головой и спокойно указал на дядюшку.

— Master! — сказал он.

— Господин? — вскричал я. — Он безумец! Нет, он не господин твоей жизни! Надо бежать! Надо насильно увести его! Слышишь? Понимаешь ли ты меня?

Я схватил Ганса за руку. Я пытался его поднять. Я боролся с ним. Тут вмешался дядюшка.

— Успокойся, Аксель, — сказал он. — Ты ничего не добьешься от этого непоколебимого человека. Выслушай, что я хочу тебе предложить.

Я скрестил руки, в упор глядя на дядюшку.

— Отсутствие воды, — сказал он, — вот единственное препятствие для выполнения моих планов. В восточной галерее, среди напластований лавы, сланца и угля, нам не встретилось ни единой капли воды. Но возможно, что нам больше посчастливится в западном туннеле.

Я недоверчиво покачал головой.

— Выслушай меня до конца, — продолжал профессор, возвышая голос. — Пока ты лежал без движения, я исследовал расположение галереи. Она углубляется внутрь земного шара и в несколько часов доведет нас до гранитной зоны. Там должны быть в изобилии источники. Так подсказывает сама природа скалы, а инстинкт, в согласии с логикой, подтверждает мои наблюдения. Поэтому вот что я предлагаю тебе. Колумб просил у своего экипажа дать ему три дня для открытия Нового Света. Я прошу у тебя еще только один день. Если в течение этого времени мы не встретим необходимой нам воды, то я клянусь тебе, что мы вернемся на поверхность Земли.

Несмотря на свое отчаяние, я был тронут этими словами и тем, что дядюшка, держа такие речи, совершал насилие над собой.

— Хорошо! — воскликнул я. — Будь по-вашему, и да вознаградит вас господь за вашу сверхчеловеческую энергию! Дело в нескольких часах. Итак, вперед!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

И вот мы начали спускаться по второй галерее. По обыкновению, Ганс шагал впереди. Мы еще не прошли и ста метров, как профессор, приблизив лампу к стене, закричал:

— Вот первозданная формация! Мы на верном пути! Вперед, вперед!

Когда в первые дни существования мира Земля стала понемногу охлаждаться, уменьшение ее объема производило в земной коре смещения, разломы, растяжения, трещины, пустоты. Сквозной коридор, в который мы только что вступили, и был трещиной такого рода, через которую некогда изливалась изверженная лава. Тысячи подобных щелей образовали в первозданных пластах земной коры безвыходный лабиринт. По мере того как мы спускались, яснее обозначались напластования, характерные для первичной формации. Геология относит к первичной формации глубинные породы, образующие верхнюю оболочку земной коры, и считает, что к таковым относятся три различных группы слоев — сланцы, гнейсы, слюдяные сланцы, словом, породы, покоящиеся на этой непоколебимой скале, именуемой гранитной.

Никогда минералоги не находились в таких удивительно благоприятных условиях для изучения природы. Мы могли осмотреть собственными глазами и осязать своими руками то, что бур, грубый и бессмысленный инструмент, не в состоянии извлечь из недр Земли.

В слоях сланца самых изумительных зеленых оттенков залегали жилы медной руды, марганцевой руды с прожилками платины и золота. Мне думалось, что алчность людская никогда не воспользуется этими богатствами, скрытыми в недрах земного шара. Низвергнутые в эти бездны в первые дни мироздания, сокровища эти погребены в таких глубинах, что ни мотыгой, ни киркой не вырыть их из могилы.

За сланцами следовали слоистые гнейсы, примечательные правильностью и параллельностью своих ли-

стоватых минералов; затем шли большие пласты слюдяных сланцев, привлекавших внимание блеском листов белой слюды.

Свет наших аппаратов, отраженный мелкими гранями скалистой массы, преломлялся под всеми углами, и можно было вообразить, что путешествуешь внутри полого алмаза чистейшей воды и изумительной грани.

К шести часам этот каскад огней стал заметно угасать и вскоре совсем потух, покров стен принял явно кристаллическую структуру и более темную окраску; слюда, соединяясь более тесно с полевым шпатом и кварцем, образовала самую твердую из всех каменных пород, которая служит надежной опорой четырем вышележащим формациям земной коры. Мы были замурованы в огромном гранитном склепе.

Восемь часов вечера. Воды все еще нет. Мои страдания ужасны. Дядюшка попрежнему идет вперед. Он не желает остановиться. Он прислушивается, ожидая уловить журчание какого-нибудь источника. Напрасно!

А между тем мои ноги отказывались мне служить. Я крепился, чтобы не заставить дядюшку сделать привал. Остановка привела бы его в отчаяние, ведь день приходил к концу, последний день, принадлежавший ему!

Наконец, силы меня покинули. Я упал на землю, крикнув:

— Помогите! Умираю!

Дядюшка тотчас же очутился около меня. Он всматривался в мое лицо, скрестя руки; потом с его уст чуть слышно сорвалось:

— Все идет прахом!

Неописуемо было его гневное движение; вот все, что я успел увидеть; мои глаза сомкнулись.

Когда я их снова открыл, я увидел, что мои спутники лежат, завернувшись в одеяла. Неужели они спят? Что касается меня, я уже не мог заснуть. Я слишком страдал, особенно при мысли, что выхода нет! Последние слова дядюшки звучали в моих ушах. Действительно: «Все идет прахом!», потому что при моей слабости нечего было и думать подняться на поверхность Земли. Мы находились на глубине, равной

полутора милям! Мне казалось, что вся эта масса лежит на моих плечах. Я чувствовал себя раздавленным ее тяжестью и тщетно пытался встать.

Так прошло несколько часов. Глубокая тишина царила вокруг нас. Безмолвие могилы. Ни один звук не проникал через эти стены, толщиной по крайней мере в пять миль.

И вдруг мне почудилось сквозь дремоту, что я слышу какой-то шорох. В туннеле было темно. Когда я всмотрелся, мне показалось, что исландец уходит, держа лампу в руках.

Почему он уходит? Неужели Ганс покидает нас? Дядюшка спал. Я хотел крикнуть. Звук не слетал с моих пересохших губ. Мрак стал полным, не слышно было ни малейшего шороха.

«Ганс уходит! Ганс! Ганс!»

Я пытался крикнуть. Но потерял голос. Когда первый припадок ужаса прошел, я устыдился: как мог я подозревать этого столь честного человека! Быть не может, чтобы он хотел бежать. Ведь он спускался вглубь галереи, а не поднимался наверх. Будь у него дурной умысел, он пошел бы не вниз, а наверх. Подумав, я несколько успокоился, и у меня блеснула догадка. Ганс, этот уравновешенный человек, конечно, имел основания покинуть свое ложе. Не пошел ли он на поиски источника? Не услышал ли он в тишине ночи журчанье, которое ускользнуло от моего слуха?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Целый час мое возбужденное воображение было занято поисками причин, которые могли поднять на ноги нашего невозмутимого охотника. Самые нелепые мысли мелькали у меня в голове. Мне казалось, что я схожу с ума!

Наконец, послышались шаги из глубин бездны. Ганс возвращался. Слабые блики света забегали по стенам и упали у самого входа в туннель. Показался Ганс.

Он подошел к дядюшке, положил ему руку на плечо и осторожно разбудил его. Дядюшка вскочил.

— Что случилось?

— *Vatten*, — ответил охотник.

Надо думать, что под влиянием сильных страданий всякий становится полиглотом. Я не знал ни одного слова по-датски и, однако, инстинктивно понял, что значит слово, сказанное нашим проводником.

— Вода, вода! — воскликнул я, хлопая в ладоши и жестикулируя, как сумасшедший.

— Вода! — повторил дядя. — *Hvar?* — спросил он исландца.

— *Nedat*, — ответил Ганс.

«Где?» — «Внизу!» Я понимал все. Я схватил руку охотника и пожал ее, а он преспокойно посмотрел на меня.

Мы живо собрались и вскоре вошли в галерею, наклон которой достигал двух футов на каждый туаз.

Час спустя мы прошли до тысячи туазов и спустились на две тысячи футов.

В эту минуту я ясно услышал какой-то необычайный звук в гранитной стене, как бы глухой рокот отдаленного грома. Не встречая обещанного источника в первые же полчаса, я снова почувствовал тревогу; но дядюшка объяснил мне происхождение доносившегося до нас гула.

— Ганс не ошибся, — сказал он, — то, что ты слышишь, это рев потока.

— Поток? — воскликнул я.

— Вне всякого сомнения. Здесь, рядом с нами, течет подземная река!

Подгоняемые надеждой, мы ускорили свой шаг. Я не чувствовал более усталости. Уже одно журчание освежало меня. Шум заметно усиливался. Долгое время горный ручей рокотал где-то над нашими головами, теперь же его рев и клокотанье слышалось в толще левой стены. Я нервно проводил рукой по ее скалистому покрову, но тщетно.

Прошло еще полчаса. Еще полмили было пройдено.

Было очевидно, что охотник в то короткое время, что он отсутствовал, не мог уйти далеко. Руководимый

чутьем, свойственным горцам, узнающим присутствие ключей в почве, он «почуял» этот поток сквозь скалу, но, конечно, не набрел на драгоценную влагу и не утолил ею своей жажды.

Вскоре даже оказалось, что если мы будем идти дальше, мы опять отдалимся от ручья, потому что журчание его начинало ослабевать.

Мы вернулись назад. Ганс остановился как раз у того места, где поток слышался яснее всего.

Я сел около стены, а за стеной, в двух футах от меня, kloкотал ручей. Но нас все еще отделяла от него гранитная стена.

Тщетно размышляя, тщетно раздумывая, есть ли какой-нибудь способ добыть эту воду, я затем предался отчаянию.

Ганс взглянул на меня, и мне показалось, что у него на губах мелькнула улыбка.

Он встал и взял лампу. Я последовал за ним. Он подошел вплотную к стене.

Я следил, ожидая, что он будет делать. Он прикладывал ухо к холодному камню в разных местах стены и внимательно прислушивался. Я понял, что он искал точку, где именно журчание потока раздастся с наибольшей отчетливостью. Он нашел это место в левой стене, на расстоянии трех футов от земли.

Как я был потрясен! Я не смел и подумать о том, что собирается предпринять охотник! Но я не мог не понять его, не поздравить и не осыпать его похвалами, когда увидел, что он взялся за кирку, чтобы пробить скалу.

— Спасены! — воскликнул я.

— Да! — повторял дядюшка в неистовстве. — Ганс прав! Молодчина охотник! Мы бы не додумались до этого!

Еще бы! Такое средство, как ни просто оно, не пришло бы нам на ум. Но ведь было в высшей степени рискованно долбить киркой эти устои земного шара! Мог произойти обвал, и мы погибли бы под грудой камня! Поток, прорвавшись сквозь отверстие в скале, мог поглотить нас! Эти опасности не были пустой игрой воображения; но в эту минуту боязнь обвала или на-

воднения не могла остановить нас, а жажда наша была столь сильна, что мы не утрастились бы опуститься на дно океана, чтобы утолить ее!

Ганс принялся за работу, которая была бы не под силу ни дядюшке, ни мне. Нетерпение управляло бы нашей рукой, и скала под беспорядочными ударами разлеталась бы в куски. Проводник же, напротив, спокойно и осторожно долбил скалу частыми, но короткими ударами, и продолбил отверстие шириной в шесть дюймов. Шум потока становился все явственнее, и мне казалось, что я уже чувствовал на своих губах его живительную влагу.

Вскоре кирка проникла в гранитную стену на два фута. Работа продолжалась уже больше часа. Я дрожал от нетерпения! Дядюшка хотел было приняться за дело более решительно. Я с трудом удерживал его; и он уже взялся за кирку, когда вдруг послышался какой-то свист. Струя воды прорвалась сквозь отверстие и ударила о противоположную стену.

Ганс, едва не опрокинутый силой удара, вскрикнул от боли. Я понял, чем был вызван этот крик, когда, подставив руки под струю, я в свою очередь не удержался от крика. Источник был горячий.

— Температура воды градусов сто! — воскликнул я.

— Ничего, она остынет, — ответил дядюшка.

Галерея наполнилась водяными парами, и тут же образовался ручей, сбегавший вниз извилинами; вскоре мы смогли зачерпнуть из него воды и напиться.

Ах, какая радость! Какое несравненное наслаждение! Откуда эта вода? Что это за вода? Все было безразлично. Это была вода, хотя и теплая, но она возвращала нам угасавшую жизнь. Я пил, не отрываясь, даже не замечая ее вкуса.

Только насладившись как следует, я через минуту воскликнул:

— Да ведь вода железистая!

— Превосходная, полезная для желудка вода, — возразил дядюшка. — Она содержит много железа и заменила бы поездки в Спа или Теплиц!

— А как вкусно-то!

— Охотно верю! Ведь это вода, добытая на глубине двух миль под землей! У нее чернильный привкус, но в этом нет ничего неприятного. Ганс добыл для нас превосходный источник! И я предлагаю поэтому назвать его именем спасительный ручей.

— Согласен! — воскликнул я.

И название *Hans-back*¹ было тотчас же принято.

Ганс не возгордился этим. Освежившись немного, он с обычным спокойствием сел в углу.

— А теперь, — сказал я, — следует хорошенько за-
пастьись водой.

— Для чего? — возразил дядюшка. — Я полагаю, что источник неистощим.

— Все равно! Наполним наш мех и фляжки, а потом попробуем заткнуть отверстие.

Последовали моему совету. Ганс попытался с помощью гранитных осколков и палки заделать пробитую в стене дыру. Это было не легко. Мы обжигали руки, не достигая цели. Давление было слишком сильно, и наши усилия не увенчались успехом.

— Очевидно, исток этого ручья расположен очень высоко, судя по напору струи.

— Без сомнения, — ответил дядюшка. — Если эта струя воды падает с высоты тридцати двух тысяч футов, то давление равняется тысяче атмосфер. Но вот что мне пришлось в голову...

— Что?

— Зачем мы так упорно хотим заделать отверстие?

— Да затем...

Я затруднялся найти причину.

— Когда наши фляжки будут пусты, сможем ли мы наполнить их снова?

— Очевидно, нет.

— Так дадим этой воде течь свободно! Она естественно потечет вниз, будет указывать нам дорогу и вместе с тем освежать!

— Хорошая мысль! — воскликнул я. — Если этот ручей будет нашим спутником, у нас появится больше оснований надеяться на успех нашего путешествия.

¹ Ручей Ганса.

— А! Теперь и ты приходишь к тому же заключению, мой мальчик, — сказал, улыбаясь, профессор.

— Еще лучше, я уже пришел.

— Не горюпись! Сперва отдохнем несколько часов.

Действительно, я совсем забыл, что была ночь. Хронометр указал мне на это обстоятельство. Вскоре, достаточно подкрепившись и отдохнув, мы погрузились в глубокий сон.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

На следующее утро мы уже забыли о перенесенных страданиях. Проснувшись, я был удивлен, что не томлюсь более жаждой, и искал тому причину. Ручей, который, журча, струился у моих ног, дал мне ответ.

Мы позавтракали и напились превосходной железистой воды. Я чувствовал себя снова совершенно бодрым и твердо решил идти дальше. Отчего бы такому убежденному человеку, как дядюшка, с таким находчивым проводником, как Ганс, и с таким «сорви-голова» племянником, как я, не достигнуть цели? Вот какие прекрасные мысли рождались в моем мозгу! Если бы мне сделали предложение вернуться на вершину Снайфедльс, я отверг бы его с негодованием. Но речь шла, к счастью, только о схождении.

— Вперед! — воскликнул я, будя своим восторженным возгласом древнее эхо земного шара.

В пятницу, в восемь часов утра, путешествие возобновилось. Гранитный извилистый коридор, петляя, представлял собою сложную путаницу лабиринтов и неожиданно заводил в тупики, но в общем главное его направление было на юго-восток. Дядя усердно наблюдал за компасом, чтобы иметь ясное представление о пройденном пути.

Галерея шла почти горизонтально, понижаясь не более, как на два дюйма через каждый туаз. Ручей мирно продолжал свой путь по узкой галерее. Он представлялся мне каким-то добрым духом, сопутствующим нам в наших блужданиях по кругам земного шара; и

моя рука ласкала хладную няду, чья песенка звучала в лад с нашими шагами. В моем воображении все принимало радужную мифологическую окраску.

Что касается дядюшки, он проклинал горизонтальность направления, ибо был «поклонником вертикали». Путь, по которому следовал дядюшка, тянулся бесконечно в одном направлении; и вместо того чтоб спускаться по радиусу Земли, дядюшка шел, как он выражался, по гипотенузе. Но у нас не было другого выбора, и пока мы приближались хоть медленно к центру Земли, не приходилось жаловаться.

Однако время от времени наклон увеличивался; ручей, журча, струился по галерее, и мы вместе с ним спускались в глубины.

В общем, и в этот день и в следующий дорога шла большей частью в горизонтальном направлении и сравнительно мало в вертикальном.

В пятницу, 10 июля, вечером мы должны были, по нашим расчетам, находиться в тридцати лье к юго-востоку от Рейкьявика и на глубине двух с половиной лье под Землей.

Но тут у нас под ногами разверзлась бездна. Дядюшка невольно захлопал в ладоши, обрадовавшись крутизне ее ската.

— Вот что нас поведет к цели! — воскликнул он. — И без труда, ведь выступы скалы образуют настоящую лестницу!

Мы начали спускаться. Я не считал это опасным, так как свыкся уже с подобными упражнениями. К тому же Ганс при спуске так приладил веревки, что исключалась возможность несчастья.

Эта шахта представляла собою пробитую в массиве узкую расселину, называемую «взбросом». Она, очевидно, образовалась благодаря сжатию земной коры в эпоху остывания Земли. Если она служила некогда выводным каналом для веществ, извергаемых Снайфедльс, то для меня было неясно, почему разрушительные действия вулканических извержений не оставили в ней никакого следа. Мы спускались словно по винтовой лестнице, которую можно было счесть за творение человеческих рук.

Через каждые четверть часа приходилось останавливаться, чтобы дать хорошенько отдохнуть ногам. Тогда мы садились на какой-нибудь выступ и, свесив ноги, болтали, закусывали и пили воду из ручья.

Само собой разумеется, что ручей Ганса обратился в водопад и уменьшился при этом в объеме, но воды в нем все же было более чем достаточно для утоления нашей жажды; впрочем, как только скат становился пологим, ручей начинал попрежнему тянуть свою песню. В эти минуты в моем воображении рисовался образ невозмутимого охотника за гагарами, тогда как, срываясь каскадами с крутизны, ручей напоминал мне моего достойного дядюшку в разгневанном состоянии.

Шестого и седьмого июля мы шли по спиральям этой трещины и проникли еще на два лье вглубь земной коры, что составляло свыше пяти лье ниже уровня моря. Но 8-го около полудня трещина приняла направление к юго-востоку, с более отлогим наклоном, приблизительно в сорок пять градусов.

Отсюда дорога стала ровной и совершенно однообразной. Иного трудно было бы и ожидать. В такой местности и не могло быть никакого разнообразия.

Наконец, в среду 15-го, мы находились на глубине семи лье под Землей и на расстоянии свыше пятидесяти лье от Снайфедльс. Хотя мы и были несколько утомлены, наше здоровье не оставляло желать ничего лучшего, и дорожная аптека еще не раскрывалась.

Дядюшка записывал ежечасно показания компаса, хронометра, манометра и термометра, которые впоследствии он думал опубликовать в научных записках о своем путешествии. Поэтому он мог дать себе точный отчет в настоящем положении. Когда он сообщил мне, что мы отошли в горизонтальном направлении на пятьдесят лье, я не мог удержаться от восклицания.

— Что с тобой? — спросил он.

— Ничего, я только сообразил...

— Что, друг мой?

— А то, что если ваши вычисления правильны, то мы уже вышли за пределы Исландии.

— Ты думаешь?

— Мы можем легко в этом убедиться.

Я отмерил циркулем по карте нужное расстояние.

— Я не ошибся, — сказал я, — мы миновали мыс Портланд и, сделав пятьдесят лье в юго-восточном направлении, находимся теперь под водой.

— Под водой, — повторил дядюшка, потирая руки.

— Стало быть, — воскликнул я, — над нашими головами океан!

— Да, это весьма естественно, Аксель! Разве каменноугольные копи в Ньюкасле не лежат под водными потоками?

Профессор, конечно, находил наше положение весьма простым, но мысль, что я разгуливаю под дном океана, все же немного меня беспокоила. Впрочем, простирались ли над нашей головой равнины и горы Исландии, или же бушевали волны Атлантического океана, какое это имело значение? Только бы гранитные устои были прочны! Однако я скоро свыкся с этой мыслью, потому что галерея, то прямая, то извилистая, с неожиданными поворотами и обрывами, вела нас все время к юго-востоку и на большую глубину.

Через четыре дня, в субботу 18 июля, мы пришли к вечеру, в какой-то просторный грот; дядюшка вручил Гансу его еженедельные три рейхсталера, и было решено, что завтра день отдыха.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Я проснулся в воскресенье утром с обычной мыслью, что надо немедля отправляться в путь. И хотя мы находились в глубочайших безднах, все же сознавать это было приятно. Впрочем, мы уже стали настоящими троглодитами. Я не вспоминал больше о солнечном и лунном сиянии, о звездах, о деревьях, домах, городах, о всех тех земных благах, которые были для жителей подлунного мира необходимостью. В качестве ископаемых мы пренебрегали этими дарами.

Грот представлял собою просторную залу. По его гранитной поверхности мирно протекал наш верный ручей. На таком расстоянии от истоков температура

воды в нем сравнялась с температурой окружающей ее среды и стала вполне пригодна для питья.

После завтрака профессор в течение нескольких часов приводил в порядок свои ежедневные записи.

— Итак, — сказал он, — я начну с вычислений, чтобы точно определить, где мы находимся; по возвращении я собираюсь начертить карту нашего путешествия, представив схематическим рисунком строение Земли в профильном разрезе, что даст представление о том, какой путь проделала наша экспедиция.

— Это весьма любопытно, дядюшка, но будут ли ваши записи достаточно точны?

— О да! Я тщательно измерил величину углов. Я уверен, что не ошибся. Определим сначала, где мы находимся. Возьми компас и посмотри, какое направление он указывает.

Я посмотрел на прибор и, проверив свое наблюдение, ответил:

— Восток-юго-восток.

— Отлично! — сказал профессор, записывая указание и быстро произведя какие-то вычисления, из которых я узнал, что мы, оказалось, прошли восемьдесят пять лье.

— Значит, мы путешествуем под Атлантическим океаном?

— Совершенно верно.

— И в настоящую минуту, быть может, над нашей головой бушует буря и корабли борются с морской стихией?

— Весьма возможно.

— И киты ударяют своими хвостами о стены нашей темницы?

— Успокойся, Аксель, им не удастся поколебать ее стен. Но вернемся к нашим вычислениям. Мы находимся на юго-востоке, в восьмидесяти пяти лье от Снайфедльс и, согласно моим записям, на глубине шестнадцати лье от земной поверхности.

— Шестнадцать лье! — воскликнул я.

— Конечно.

— Да ведь это, согласно науке, предел нижнего слоя земной коры.

- Не отрицаю.
- И, по закону возрастания температуры, тут должна бы быть жара в тысячу пятьсот градусов.
- Должна бы, мой мальчик!
- И вся эта гранитная твердыня должна была бы расплавиться!
- Ты видишь, что ничего этого нет и что факты, как бывает часто, опровергают теорию.
- Я принужден согласиться, но это поражает меня.
- Что показывает термометр?
- Двадцать семь и шесть десятых градуса.
- Значит, для подтверждения теории ученых не хватает еще тысячи четырехсот семидесяти четырех и четырех десятых градуса. Следовательно, пропорциональное повышение температуры — ошибка! Следовательно, Хемфри Дэви не заблуждался! Следовательно, я был прав, веря ему! Что ты можешь возразить на это?
- Увы, ничего!
- Правду сказать, я мог бы многое возразить. Я решительно отвергаю теорию Дэви и твердо держался теории центрального огня, хотя и не замечал его проявлений. Я допускал скорее, что это жерло потухшего вулкана, перекрытое огнеупорной лавой, которая не позволяла жару проникать через свои стены.
- Но, не пускаясь в долгие размышления, я ограничился признанием существующего положения вещей.
- Дорогой дядюшка, — продолжал я. — Допустим, что все ваши вычисления точны, но позвольте мне вывести из них неизбежное заключение.
- Валяй, мой мальчик, сколько душе твоей угодно.
- В той точке, где мы находимся, под широтами Исландии, земной радиус равен приблизительно одной тысяче пятистам восьмидесяти трем лье, не так ли?
- Да, тысяче пятистам восьмидесяти трем...
- Скажем, круглым счетом, тысяче шестистам. Из них мы прошли двенадцать лье.
- Правильно.
- И это при диагонали в восемьдесят пять лье?
- Именно так.
- Пройденных в двадцать дней?

— В двадцать дней!

— Но шестнадцать лье составляют сотую часть земного радиуса. Если и далее мы будем так подвигаться, то нам понадобится еще две тысячи дней или около пяти с половиной лет, чтобы попасть к центру Земли.

Профессор не отвечал.

— И это, не принимая в расчет того, что если спуску по вертикальной линии в шестнадцать лье соответствует переход по горизонтальной линии в восемьдесят, то это составит восемь тысяч лье в юго-восточном направлении, и, следовательно, нужно очень много времени, чтобы добраться с какой-либо точки земной поверхности до центра.

— К черту твои вычисления! — вскричал разгневанный дядюшка. — К черту твои гипотезы! На чем они основаны? Кто тебе сказал, что эта галерея не ведет прямо к нашей цели? А затем в мою пользу говорит пример нашего предшественника. То, что делаю я, уже сделал другой, и то, что удалось ему, удастся также и мне.

— Надеюсь, но ведь мне все же разрешается...

— Тебе разрешается молчать, Аксель, если ты намерен продолжать свои благоглупости!

Я видел, что в дядюшке снова заговорил раздражительный профессор, и принял это к сведению.

— А теперь, — продолжал он, — взгляни-ка на манометр. Что он указывает?

— Весьма значительное давление.

— Хорошо! Ты видишь, что если спускаться постепенно, то привыкаешь к более плотной атмосфере и ничуть от этого не страдаешь.

— Ничуть, если не считать боли в ушах.

— Это пустяки, и ты можешь легко избавиться от этого, участив дыхание и тем ускорив обмен воздуха в легких.

— Хорошо, — ответил я, решив больше не противоречить дядюшке. — Есть даже известное удовольствие в том, что погружаешься в более плотную атмосферу. Заметили ли вы, с какой силой в ней распространяется звук?

— Несомненно! Тут и глухой стал бы отлично слышать.

— Но эта плотность, конечно, будет возрастать?

— Да, согласно закону, еще недостаточно точно установленному. Известно, что сила тяготения уменьшается по мере углубления в Землю. Ты знаешь, что ее действие всего ощутительнее на поверхности Земли и что в центре земного шара предметы не имеют веса.

— Я знаю это; но скажите, не приобретает ли воздух в конце концов плотность воды?

— Несомненно, под давлением в семьсот десять атмосфер.

— А ниже этого предела?

— Плотность будет неизменно возрастать.

— Как же мы будем тогда спускаться?

— Мы наложим в карманы камни.

— Право, дядюшка, у вас на все есть ответ!

Я не смел больше забегать вперед; я рисковал натолкнуться еще на какую-нибудь преграду, которая вывела бы из себя профессора.

Однако было ясно, что под давлением, которое могло подняться до нескольких тысяч атмосфер, воздух перешел бы, наконец, в твердое состояние, а тогда, допуская даже, что наши тела и выдержали бы такое давление, все же пришлось бы остановиться.

Но я не привел этого довода. Дядюшка снова стал бы козырять своим вечным Сакнуссемом, — пример отнюдь не убедительный, так как, даже признавая факт путешествия ученого исландца, можно было бы привести очень простое возражение.

В шестнадцатом веке ни барометр, ни манометр не были еще изобретены, — как же мог Сакнуссем установить, что он дошел до центра земного шара.

Но я оставил это возражение при себе и выжидал событий.

Остальная часть дня прошла в вычислениях и разговорах. Я соглашался во всем с профессором Лиденброком и завидовал полному безучастию Ганса, который, не разбирая причин и следствий, слепо шел туда, куда его вели обстоятельства.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Сознаюсь откровенно, до сих пор все шло хорошо, и я не имел права жаловаться. Если «в среднем» трудности не станут увеличиваться, то ничто не помешает нам достичь нашей цели. А тогда — какая слава! Я дошел до того, что рассуждал вроде Лиденброка. Удивительно! Неужели в этом сказывалось влияние необычайной среды, в которой я жил? Может быть.

В продолжение нескольких дней более крутая дорога, иногда даже ужасающе отвесная, завела нас глубоко в недра Земли. В иные дни мы проходили от одного до двух лье. Спуск был опасен, но ловкость и удивительное хладнокровие Ганса приходили нам на помощь. Этот исландец, никогда не терявший присутствия духа, оберегал нас с неизменной преданностью, и благодаря ему мы преодолели много трудностей, а это нам одним было бы не под силу.

Кстати, его молчаливость возростала изо дня в день. Мне даже казалось, что он стал дичиться нас. Внешняя обстановка безусловно воздействует на мозг. Человек, который замыкается между четырех стен, утрачивает в конце концов способность владеть мыслью и словом. От долгого пребывания в одиночном заключении человек тупеет или становится сумасшедшим, не упражняя своих мыслительных способностей!

Прошло две недели после нашего последнего разговора, и за это время не произошло никаких событий, сколько-нибудь примечательных. Я припоминаю, и не без основания, лишь один значительный случай. Он слишком дорого мне обошелся, чтобы я мог забыть хотя бы малейшую его подробность.

Седьмого августа мы постепенно достигли глубины в тридцать лье, иначе говоря, над нашей головой нависла земная кора в тридцать лье толщи, со скалами, океаном, материками и городами. Мы были в это время, должно быть, на расстоянии двухсот лье от Исландии.

Теперь наклон туннеля едва чувствовался. Я шел впереди, дядюшка нес один из аппаратов Румкорфа,

я другой. Я изучал гранитные стены и вдруг, оглянувшись, заметил, что остался один.

«Пустяки, — подумал я, — или я слишком быстро шел, или же Ганс и дядя остановились. Нужно их отыскать. К счастью, подъем не крутой».

И я вернулся обратно. Я шел четверть часа. Я оглядывался. Ни души! Я стал кричать. Никакого ответа! Голос мой терялся, сливаясь с многоголосым эхом. Беспокойство стало овладевать мною. Я дрожал с ног до головы. «Спокойствие прежде всего! — сказал я громко. — Я непременно найду моих спутников. Дорога только одна! Я шел впереди, вернусь обратно».

Целых полчаса я шел в обратном направлении. Я прислушивался, не позовут ли меня. При такой плотной атмосфере я мог уже издали услышать голоса. Мертвая тишина царила в бесконечной галерее.

Я остановился. Мне не верилось, что я нахожусь в полном одиночестве. Мне хотелось думать, что я заблудился, а не потерялся. А если я заблудился, то мы снова найдем друг друга!

Я беспрестанно повторял себе: «Раз дорога только одна, раз они идут по ней, я должен их нагнать. Нужно только идти назад! Впрочем, не видя меня и забыв, что я шел впереди, они, может быть, вздумали тоже вернуться назад? Ну что ж! даже в таком случае, стоит лишь поспешить, я нагоню их. Это ясно!»

Я повторил последние слова, далеко не убежденный в их правоте. Впрочем, мне понадобилось немало времени, чтобы довести до сознания эти столь простые вещи и поверить в них.

Сомнение овладевало мною. Действительно ли я шел впереди? Конечно! Ганс следовал за мною, а за ним дядюшка. Он даже остановился на несколько минут, чтобы лучше укрепить на спине свою ношу. Я припомнил все это. Вероятно, именно в это время я ушел далеко вперед.

«Впрочем, — подумал я, — у меня ведь есть надежное средство не заблудиться — мой верный ручей укажет мне путь в этом коварном лабиринте. Мне нужно идти вверх по его течению, и я обязательно найду своих спутников».

Я ободрился и снова двинулся в путь, не теряя ни минуты времени.

Как я хвалил теперь предусмотрительность дя-дюшки, не позволившего охотнику заделать отверстие, пробитое в гранитной стене! Ведь этот благодетельный источник, подкреплявший нас в дороге, теперь будет моим поводом по лабиринтам земной толщи.

Прежде чем идти дальше, я захотел немного освежиться. Я нагнулся, чтобы окунуть лицо в ручей Ганса. Представьте себе мой ужас!

Я коснулся сухого и шершавого гранита! Ручей уже не протекал у моих ног!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Отчаяние мое было неопишимо. На человеческом языке нет слов, чтобы передать мои чувства. Я был погребен заживо; мне грозила смерть от мук голода и жажды.

Невольно я прикасался горячими руками к земле. Какой сухой показалась мне эта скала!

Но как мог я потерять русло ручья? Ручей исчез! Теперь я понял причину той необыкновенной тишины, поразившей меня, когда в последний раз прислушивался, не донесется ли зов моих спутников. Значит, когда я сделал первый неосторожный шаг по этому пути, я не заметил, что ручей исчез! Очевидно, дорога передо мной разветвилась, и я избрал одно направление, в то время как ручей Ганса безмятежно следовал по своему пути и вместе с моими спутниками устремлялся в неведомые глубины.

Как же вернуться? Никаких следов не было. На граните нога не оставляла отпечатка. Я ломал себе голову, стараясь найти решение этой неразрешимой задачи. Мое положение выражалось одним словом: конец!

Да, погиб в пропасти, казавшейся неизмеримой! Страшная тяжесть земной коры, в тридцать лье толщи, обрушивалась на меня. Я чувствовал себя раздавлен-

ным ею. Невольно мои мысли обратились к земным воспоминаниям. В моем взволнованном сознании быстро пронесли Гамбург, дом на Королевской улице, моя бедная Гретхен, весь тот мир, от которого я оторвался! Я грезил наяву: все события нашего путешествия — морской путь, Исландия, встреча с г-ном Фридриксоном, Снайфедльс — я все пережил сызнова. Я говорил себе, что если бы я в моем положении мог сохранить хотя бы тень надежды, это было бы признаком сумасшествия, и что лучше было бы совершенно потерять всякую надежду!

В самом деле, какая человеческая сила могла вывести меня на поверхность Земли или раздвинуть эти гранитные своды, нависшие над моей головой? Кто мог направить меня на обратный путь и свести с моими спутниками?

«Ах, дядюшка, дядюшка!» — с отчаяньем вскричал я.

Это было единственным упреком, который вырвался у меня, ибо я понимал, что должен был испытывать этот несчастный человек, в свой черед отыскивая меня.

Поняв, наконец, что нечего надеяться на человеческую помощь, лишенный возможности предпринять что-либо для своего спасения, я подумал о помощи неба. В моей памяти воскресли воспоминания детских лет, воспоминания о моей матери, которую я потерял в самые ранние годы своей жизни. Я стал молиться, хотя и не мог претендовать на то, чтобы бог, к которому я так поздно обратился, услышал мою горячую мольбу.

Воззвав к небу, я несколько успокоился и сосредоточил все свои душевные силы на том, чтобы еще раз обдумать мое трагическое положение.

Съестных припасов у меня оставалось еще на три дня, и фляжка еще была полна. А там конец. Но куда идти, вверх или вниз? Вверх, все вверх!

Так я доберусь до того места, где отклонился от источника, до злополучного разветвления.

Теперь, раз ручей будет моим путеводителем, я

могу, поднимаясь все время вверх, достичь вершины Снайфедльс.

Как же раньше я не подумал об этом? Ведь тут, очевидно, и крылась надежда на спасение. Итак, прежде всего нужно было найти ручей Ганса.

Я встал и, опираясь на палку, пошел вверх по галерее. Подъем был довольно крутой. Я шел, полный надежды, без колебаний, как человек, у которого нет выбора.

Я шел уже полчаса и не встретил никаких препятствий. Я старался узнать дорогу по расположению туннеля, по выступам некоторых скал, но особенно стям поворотов. Но мне не бросилось в глаза ни одного характерного признака, и я вскоре понял, что эта галерея не может довести меня до разветвления. Она не имела выхода. Я наскочил на непроницаемую стену и упал на гранитный покров галерей.

Я не в состоянии изобразить того ужаса, того отчаяния, которые охватили меня. Я был уничтожен. Моя последняя надежда разбилась об эту гранитную стену.

Заблудившись в лабиринте, извилистые ходы которого пересекались во всех направлениях, я видел, что все попытки вырваться отсюда останутся безуспешными. Предстояло умереть самой жалкой смертью! И, удивительная вещь, я сразу же представил себе, какие возникнут научные споры, если когда-нибудь найдут мой окаменелый труп на глубине тридцати лье под поверхностью Земли!

Я хотел услышать свой голос, но лишь хриплые звуки срывались с моих пересохших губ. Я задыхался.

В довершение меня постигла новая беда! Моя лампа испортилась при падении. Я не был в состоянии исправить ее. Свет тускнел и грозил погаснуть!

Я видел, как электрический ток становился все слабее в спирали аппарата. Вереницы зыбких теней замелькали на темных стенах. Я не решался закрыть глаза, боясь потерять малейший атом угасающего света! Каждое мгновение мне казалось, что лампа гаснет и «вечная ночь» уже охватывает меня.

Вот и последняя вспышка света. Я следил, как свет меркнет, ловил его угасание, сосредоточивал на нем всю силу зрения, как на последнем доступном мне ощущении, и вдруг погрузился в непроглядный мрак. Я дико крикнул! Там, на Земле, даже во тьме ночи, свет никогда не теряет вполне своих прав! Он рассеян, он слаб, но сетчатая оболочка глаза все же ощущает его! А здесь — ничего! Глубокий мрак обращал меня в слепого в полном смысле этого слова!

Тут я вовсе потерял голову. Я поднялся, вытянув руки, мучительно пытаюсь нащупать путь. Я пустился бежать наугад по этому запутанному лабиринту, как пещерный житель, призывая, крича, рыдая, ударяясь о выступы скал, падая и вставая, окровавленный, слизывая капли крови, стекавшие с моего лица, и все ожидая, что натолкнусь на какую-нибудь стену, о которую можно разбить голову!

Куда увлекало меня мое безумие? Я сам этого не знал! Через несколько часов, совершенно выбившись из сил, я упал замертво около гранитной стены и потерял сознание!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Когда я пришел в себя, мое лицо было мокро от слез. Сколько времени находился я в таком состоянии, не могу сказать. Я потерял всякое представление о времени. То было полное одиночество, полная беспомощность.

Во время падения я потерял много крови. Я буквально истекал кровью! Ах, как я горевал, что не умер, что мне еще «предстоит умереть»! Я не хотел больше думать. Я отгонял от себя всякую мысль и, подавленный горем, валялся на земле.

Я уже чувствовал, что снова близок к обмороку, а там и к окончательному исчезновению, как вдруг послышался ужасающий грохот, поразивший мой слух. Казалось, я слышал раскаты грома; звуковые волны терялись понемногу в глубинах бездны.

Что породило этот шум? Несомненно, какая-нибудь катастрофа в недрах Земли! Взрыв газа или падение огромной скалы.

Я прислушивался. Я ждал, не повторится ли шум.

Так прошло четверть часа. Полнейшая тишина царила в галерее. Я не слышал даже биения моего сердца. Вдруг мне почудилось, когда я случайно приложил ухо к стене, что откуда-то, издали, доносятся человеческие голоса. Я задрожал.

«Галлюцинация!» — подумал я.

Нет! Прислушиваясь, я действительно услышал какой-то шепот. Но разобрать, что говорилось, не позволяла моя слабость. Но я слышал голоса. В этом я был уверен.

На минуту я испугался, не мой ли то был голос, повторенный эхом? Не закричал ли я, сам того не соизнавая? Я затаил дыхание и вновь приложил ухо к стене.

Да, конечно, это голоса, человеческие голоса.

Пройдя несколько шагов вдоль стены, я стал слышать яснее. Мне удалось разобрать невнятные, незнакомые слова. Казалось, кто-то шептался за стеной. Чей-то печальный голос чаще всего произносил слово «*förlorad*»¹.

Кто его произносил? Очевидно, Ганс или дядюшка. Но если я слышал их голоса, то и они могли меня услышать.

— Помогите! — закричал я что было сил. — Помогите!

Я прислушался, стараясь уловить ответ, крик, вздохи. Ни звука! Прошло несколько минут. Тысячи мыслей проносились в моей голове. Я подумал, что мой голос, вероятно, слишком слаб, чтоб дойти до моих спутников.

«Ведь это, конечно, они, — повторял я. — Кто же еще может быть здесь, на глубине тридцати лье под землей?»

Я прислушался снова. Водя ухом по стене, я нашел математическую точку, где голоса, повидимому,

¹ *Förlorad* — погиб.

достигали высшей степени силы. До моего слуха снова донеслось слово «förlorad»; потом раздался все тот же раскат грома, какой вывел меня только что из оцепенения.

«Нет, — сказал я себе, — нет! Голоса слышны не из-за стены. Гранитная стена не пропустила бы даже гораздо более сильного звука. Звуки проходят по самой галерее! Тут своеобразное, чисто акустическое явление!»

Я стал прислушиваться, и на этот раз — да, на этот раз! — услышал свое имя, отчетливо произнесенное!

Дядюшка называл мое имя. Он говорил с проводником, и слово «förlorad» было датское слово!

Теперь я понял все. Для того чтобы они услышали меня, надо говорить у самой стены, которая передаст мой голос, как провод передает электрический ток.

Нельзя было терять времени! Отойди мои спутники хоть на короткое расстояние, акустическое явление могло исчезнуть. Я подошел вплотную к стене и произнес возможно отчетливее:

— Дядя Лиденброк!

Я стал ждать с величайшим нетерпением. Передача звука на расстояние требует известного времени. Плотность воздуха увеличивает только его силу, а не скорость. Прошло несколько секунд. Целая вечность! Наконец, до моего слуха донеслись следующие слова:

— Аксель, Аксель, это ты?..

.....
— Да, да!

.....
— Дитя мое, где ты?..

.....
— Я заблудился! Стоит тьма кромешная!

.....
— А лампа?

.....
— Погасла...

.....
— А ручей?..
.....

— Исчез...

— Аксель, бедный Аксель, мужайся!..

— Погодите немного, я устал! У меня нет сил отвечать. Но говорите со мною!..

— Мужайся, — продолжал дядюшка. — Ничего не отвечай, слушай меня. Мы искали тебя, ходили вверх и вниз по галерее, но не могли тебя найти! Я горько оплакивал тебя, мое дитя! Наконец, предполагая, что ты идешь вдоль ручья Ганса, мы пошли прежней дорогой, мы стреляли из ружей! Хотя наши голоса благодаря своеобразной акустике и слышны, но соединиться мы еще не можем. Но не отчаивайся, Аксель! Мы слышим друг друга, а это уже что-нибудь да значит!..

Надо было что-то предпринять! Смутная надежда пробудилась во мне. Прежде всего нужно было выяснить одно важное обстоятельство. Я приложил губы к стене и крикнул:

— Дядя!..

— Что, дитя мое?

— Скажи, как далеко мы друг от друга?..

— Это не трудно узнать...

— Хронометр цел?..

— Да...

— Возьмите его. Произнесите мое имя и точно заметьте время, когда начнете говорить. Я повторю его, как только звук дойдет до меня, и вы так же точно отметьте, с какой скоростью мой ответ дойдет до вас...

— Хорошо! Время, прошедшее между моим вопро-

сом и твоим ответом, укажет, во сколько секунд звук доходит до тебя...

— Да, дядя...

— Ты готов?..

— Да...

— Теперь будь внимателен, я произношу твое имя...

Я приложил ухо к стене и, как только слово «Аксель» достигло моего слуха, немедленно повторил его, потом стал ждать...

— Сорок секунд! — сказал дядюшка. — Между вопросом и ответом прошло сорок секунд; следовательно, звук донесся до меня в двадцать секунд. А так как на секунду приходится тысяча двадцать футов, то это составит двадцать тысяч четыреста футов, иначе говоря, немногим больше полутора лье.

— Полутора лье!..

— Не так страшно, Аксель!..

— Но как мне идти, вверх или вниз?..

— Вниз, все вниз! Мы дошли до большой площадки, к которой сходится множество галерей. Та, в которую ты попал, несомненно приведет тебя к нам, ибо все эти трещины, расселины в Земле, повидимому, идут радиусами от огромной пещеры, в которой мы находимся. Встань и иди вперед. Иди, ползи, если понадобится, скользи по крутым спускам. Наши руки подхватят тебя! В путь, дитя мое, в путь!..

Эти слова подбодрили меня.

— До свиданья, дядя, — крикнул я. — Я ухожу! Теперь мы не сможем больше переговариваться. Прощай же!..

— До свиданья, Аксель, до свиданья!..

То были последние слова, донесшиеся до меня. Наш необычный разговор, который мы вели сквозь толщу Земли, на расстоянии полутора лье, закончился этими утешительными словами.

Удивительное акустическое явление легко объяснимо законами физики. Оно зависит от расположения галереи и проводимости каменной породы. Существует несколько примеров такого распространения звуков, передающихся помимо воздуха. Я вспомнил, что подобное явление наблюдалось в нескольких местах, между прочим, во внутренней галерее собора св. Павла в Лондоне, и особенно в замечательных пещерах Сицилии, в каменоломнях близ Сиракуз, из которых самая знаменитая известна под именем «Дионисово ухо».

Эти воспоминания приходили мне на ум, и мне стало ясно, что раз голос дядюшки доносился до меня, то между нами не было преграды. Следуя за звуком, я должен был неизбежно дойти до своих спутников, если силы мне не изменят. Я встал.

Я скорее полз, чем шел. Спуск был довольно крутой. Я стал соскальзывать вниз.

Вскоре быстрота, с которой я спускался, увеличилась в ужасающей степени, мне угрожало настоящее падение. У меня не хватало силы остановиться.

Вдруг земля исчезла из-под моих ног. Я чувствовал, что лечу вниз, подсакивая на неровностях отвесной галереи — настоящего колодца! Я ударился головой об острую скалу и лишился чувств.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Когда я снова пришел в себя, вокруг стояла полутьма, я лежал на земле, на мягких одеялах. Дядюшка сидел возле меня, стараясь уловить в моем лице признаки жизни. Услышав мой вздох, он схватил меня за руку. Поймав мой взгляд, он вскрикнул от радости.

— Он жив! Он жив! — закричал дядюшка.

— Да, — произнес я слабым голосом.

— Дитя мое, — сказал дядюшка, прижимая меня к своей груди, — вот ты и спасен!

Тон, каким он произнес эти слова, глубоко тронул меня, а еще более меня растрогали его заботы. Но какие же понадобились испытания, чтобы вызвать у профессора такое излияние чувств!

Подошел Ганс. Когда он увидел, что дядюшка держит мою руку в своих руках, смею утверждать, что в его глазах мелькнуло выражение живой радости.

— God dag, — сказал он.

— Здравствуй, Ганс, здравствуй, — прошептал я. — А теперь, дорогой дядюшка, объясните мне, где мы находимся.

— Завтра, Аксель, завтра! Сегодня ты еще слишком слаб. Я обложил твою голову компрессами, лежи спокойно! Усни, мой мальчик, а завтра ты все узнаешь.

— Но скажите хотя бы, — продолжал я, — который час и какое сегодня число?

— Одиннадцать часов вечера; сегодня воскресенье, девятое августа, а теперь я запрещаю тебе говорить до завтрашнего дня.

Действительно, я был очень слаб, и глаза мои закрывались сами собой. Мне нужно было хорошенько выспаться, и я заснул с той мыслью, что моя разлука со спутниками продолжалась четыре долгих дня.

Проснувшись на следующее утро, я стал осматриваться. Мое ложе, устроенное из наших дорожных одеял, помещалось в гроте, украшенном великолепными сталактитами и усыпанном мелким песком. В гроте царил полумрак. Ни лампы, ни факелы не были зажжены, а все же извне, сквозь узкое отверстие, в грот проникал откуда-то слабый свет. До меня доносился плеск воды, точно волны во время прилива набегали на берег, а порою я слышал свист ветра.

Я спрашивал себя, действительно ли я проснулся, не грежу ли я во сне, не пострадал ли мой мозг при падении, не начинаются ли у меня слуховые галлюцинации? Но нет! Зрение и слух не могли обманывать меня!

«Да ведь это луч дневного света проникает через расщелину в скале! — думал я. — А плеск волн? А ветер? Неужели я ошибаюсь? Неужели мы снова вышли на поверхность Земли? Неужели дядюшка отказался от своей затеи, или он довел дело благополучно до конца?»

В моем мозгу теснилось множество вопросов, но тут подошел профессор.

— Здравствуй, Аксель, — сказал он весело. — Я готов держать пари, что ты хорошо себя чувствуешь!

— О да, — сказал я, приподнимаясь.

— Так и должно быть, потому что ты спал спокойно. Ганс и я поочередно дежурили ночью подле тебя и видели, что дело заметно идет на поправку.

— Верно, я чувствую себя вполне здоровым и в доказательство окажу честь завтраку, которым вы накормите меня.

— Тебе следует поесть, мой мальчик! Лихорадка у тебя уже прошла. Ганс натер твои раны какой-то мазью, составляющей тайну исландцев, и они необыкновенно быстро затянулись. Что за молодчина наш охотник!

Разговаривая со мною, дядюшка приготовил для меня кое-какую пищу; я накинулся на нее с жадностью, несмотря на его увещания быть осторожнее. Я забрасывал дядюшку вопросами, на которые он охотно отвечал.

И тут я узнал, что упал я как раз в конце почти отвесной галереи; а поскольку меня нашли лежащим среди груды камней, из которых даже самый маленький мог раздавить меня, то, значит, часть скалы обвалилась вместе со мною, и я скатился прямо в объятия дядюшки, окровавленный и без чувств.

— Право, — сказал он, — достойно удивления, что ты не убится. Но, ради бога, не будем впредь разлучаться, иначе мы потеряем друг друга.

«Не будем больше разлучаться!» Так, значит, путешествие еще не кончилось? Я вытаращил глаза от удивления.

Дядюшка тотчас же спросил:

— Что с тобой, Аксель?

— Я желал бы предложить вам вопрос. Вы говорите, что я здоров и невредим?

— Без сомнения!

— Мои руки и ноги в порядке?

— Конечно!

— А моя голова?

— Голова, не считая нескольких ушибов, цела и невредима!

— Я опасаюсь, что пострадал мой мозг.

— Пострадал?

— Да! Мы разве не на поверхности Земли?

— Нет, конечно!

— Значит, я сошел с ума! Ведь я вижу дневной свет, слышу шум ветра и плеск волн.

— Ну и что же?

— Вы можете объяснить мне это явление?

— Нет, не объясню! Явление это необъяснимо. Но ведь геология еще не сказала своего последнего слова. Ты в этом убедишься на опыте.

— Так выйдем же отсюда! — воскликнул я, вскакивая.

— Нет, Аксель, нет! Свежий воздух повредит тебе.

— Свежий воздух?

— Да, ветер довольно сильный. Ты можешь простудиться.

— Но, уверяю вас, что я чувствую себя превосходно.

— Немного терпения, мой мальчик! Рецидив болезни задержит нас, а времени терять нельзя, потому что переправа может оказаться продолжительной.

— Переправа?

— Да. Отдохни еще сегодня, а завтра мы поплывем.

— Поплывем?

Последнее слово совсем взбудоражило меня.

Как? Поплывем? Неужели к нашим услугам река, озеро или море? Неужели какое-нибудь судно стоит на якоре у пристани?

Мое любопытство было возбуждено до крайности. Дядюшка напрасно старался удержать меня. Когда он

увидел, что его упорство причинит мне больше вреда, чем удовлетворение моего желания, он уступил. Я быстро оделся. Из предосторожности я закутался в одеяло и вышел из грота.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Яркий свет ослепил меня. Глаза, привыкшие к темноте, невольно закрылись! Когда я снова смог их открыть, я был скорее озадачен, чем поражен.

— Море! — вскричал я.

— Да, — ответил дядюшка, — море Лиденброка, и я надеюсь, что ни один мореплаватель не будет оспаривать у меня честь этого открытия и мое право назвать его моим именем.

Водная гладь простиралась перед нашими взорами, сливаясь с горизонтом. Сильно изрезанный песчаный берег озера или моря, о который плескались волны, был усеян мелкими раковинами, вместилищами живых организмов первичной формации. Волны разбивались о берег с гулким рокотом, свойственным замкнутым пространствам. Легкая пена на гребнях волн взлетала от дуновения ветерка, и брызги попадали мне в лицо. На этом плоском берегу, в ста туазах от воды, теснились отроги первобытного горного кряжа — огромные скалы, которые, расширяясь, вздымались на неизмеримую высоту. Прорезая берег острыми ребрами, эти скалы выступали далеко в море, о них с ревом разбивались волны. Вдали грозно вздымалась подобная же громада утесов, резко вырисовывавшаяся на туманном фоне горизонта. То был настоящий океан, с причудливыми очертаниями берегов, но берегов пустынных и внушающих ужас своей дикостью. Я мог далеко окинуть взглядом эту морскую ширь, потому что какое-то «особенное» сияние освещало все окрест до малейшей подробности. То не был солнечный свет, с его ослепительным снопом лучей и великолепным сиянием, и не бледный и неверный свет ночного светила, отраженный и призрачный. Нет! Сила этого

светоча, его рассеянное холодное сияние, прозрачная белизна, его низкая температура, его яркость, превосходящая яркость лунного света, — все это с несомненностью говорило о его электрическом происхождении. В нем было нечто от северного сияния, от явления космического порядка; свет этот проникал во все уголки пещеры, которая могла бы вместить в себе целый океан.

Свод пещеры, если хотите, небо, как бы затянутое тучами, образовавшимися из водяных паров, грозило через несколько дней обрушиться на Землю проливным дождем. Я полагал, что при столь сильном атмосферическом давлении испарения воды не могло быть, а между тем благодаря еще неизвестной мне физической причине густые тучи собирались в воздухе. Но пока стояла прекрасная погода. Электрические волны создавали удивительную игру света, преломляясь в облаках, высоко стоявших в небе. Резкие тени ложились порою на их нижний край, и часто в разрыве облаков вспыхивал луч удивительной яркости. Но все же то не был солнечный луч, ибо от него веяло холодом. Свет его создавал грустное, в высшей степени меланхолическое впечатление. Вместо небесной тверди с ее созвездиями я чувствовал над своей головой затянутый тучами гранитный небосвод, давивший на меня всюю своею тяжестью, и как ни огромно было это внутриземное пространство, все же тут было бы тесно даже самому незначительному из спутников нашей планеты.

Мне вспомнилось тогда, что по теории одного английского капитана Земля подобна огромному полному шару, внутри которого газ, под собственным давлением, поддерживает вечный огонь, в то время как два другие светила, Плутон и Прозерпина, вращаются по предначертанию своей орбиты. Был ли он прав?

Мы были в сущности пленниками в этой необъятной пещере. Нельзя было определить ни ее ширины, потому что берег уходил в бесконечность, ни ее длины, потому что взор терялся в туманных очертаниях горизонта. Высота же пещеры превышала, вероятно, несколько лье. Где именно этот свод опирался на гранит-

ные устои, глаз не мог того разглядеть; но иные облака проносились на высоте, вероятно, не менее двух тысяч туазов; это была абсолютная высота, превышающая высоту, до которой доходят земные испарения, что, несомненно, следует приписать значительной плотности воздуха.

Слово «пещера», очевидно, не подходит для обозначения этого необъятного пространства. Но на человеческом языке недостает слов тому, кто дерзнул проникнуть в бездонные глубины земного шара.

Я не мог постигнуть, каким геологическим явлением следует объяснить существование подобного внутривоздушного пространства. Неужели оно могло возникнуть благодаря охлаждению Земли? Я знал из рассказов путешественников о существовании нескольких знаменитых пещер, но ни одна из них не достигала таких размеров.

Если Гуахарский грот в Колумбии, исследованный на протяжении двух тысяч пятисот футов Гумбольдтом, не открыл ученому тайны своих глубин, все же можно предположить, что они велики. Мамонтова пещера в Кентукки, конечно, гигантских размеров, ибо свод ее поднимается на высоту пятисот футов над озером неизмеримой глубины, причем путешественники исходили по ней свыше десяти лье и не исследовали ее конца. Но что значат эти пещеры в сравнении с той, которой я любовался, с ее туманным небом, с ее рассеянным электрическим светом и безбрежным морем, заключенным в ее лоне? Мое воображение было бессильно перед этой необъятностью.

Я созерцал в глубоком молчании все эти чудеса. У меня не доставало слов для выражения моих чувств. Мне казалось, что я нахожусь на какой-то далекой планете, на Уране или Нептуне, и наблюдаю явления, непостижимые для моей «земной» натуры. Новые явления требуют новых обозначений, а мое воображение отказывалось мне служить. Я восхищался, размышлял, смотрел с изумлением, не чуждым некоторого страха.

Неожиданность этого зрелища оживила краски на моем лице; изумление — лучшее лекарство, и я выздо-

равливал с помощью этого нового терапевтического средства; помимо того, живительная сила плотного воздуха бодрила меня, обильно снабжая мои легкие кислородом.

Нетрудно понять, что после сорока семи дней заключения в тесной галерее дышать влажным воздухом, насыщенным солеными испарениями, было бесконечным наслаждением.

Я несколько не раскаивался, что вышел из мрачного грота. Дядюшка, нагледевший уже на все эти чудеса, не удивлялся больше ничему.

— Чувствуешь ли ты себя в силах немного прогуляться? — спросил он меня.

— Ну, конечно! — ответил я. — Что может быть приятнее!

— Ну, так обопришь на мою руку, Аксель, и пройдемся вдоль берега.

Я охотно принял дядюшкино предложение, и мы стали бродить по берегам этого новоявленного океана. Слева крутые скалы, громоздившиеся одна на другую, образовали титаническую цитадель, производившую необычайное впечатление. По склонам утесов низвергались с шумом бесчисленные водопады, легкие клубы водяных паров, вырывавшиеся из расщелин в скалах, указывали на наличие горячих источников, а ручьи с тихим журчанием вливались в общий бассейн.

Среди ручейков я сразу же признал нашего верного спутника, ручей Ганса, который медленно струился в море, как будто так повелось с самого создания мира.

— Вот мы и теряем своего путеводителя! — сказал я со вздохом.

— Э! — ответил профессор. — Тот или другой, не все ли равно?

«Какая неблагодарность!» — подумал я.

Но в эту минуту неожиданное зрелище привлекло мое внимание. На расстоянии ста шагов от нас, за выступом мыса, виднелся мощный, густой лес. Деревья в нем были средней вышины, зонтикообразной формы, с ясно очерченными геометрическими линиями.

Движение воздуха словно не касалось их листы, ибо, несмотря на легкий ветерок, они стояли не шелхнувшись, точно роща окаменелых кедров.

Я ускорил шаг. Я не мог определить род этих необыкновенных деревьев. Не принадлежали ли они к одному из двух тысяч видов растений, уже известных в науке, или же нужно было отвести им особое место среды флоры болот? Нет! Когда мы подошли поближе, мое недоумение оказалось не меньшим, чем первоначальное удивление.

В самом деле, перед нами были произведения земли, но созданные по гигантскому образцу. Дядюшка сейчас же подыскал им название.

— Да это просто грибной лес! — сказал он.

И он не ошибался. Можете судить, как пышно развиваются эти съедобные растения в теплом и сыром месте. Я знал, что, согласно Бульяру, «*lycoperdan giganteum*»¹ достигает восьми или девяти футов в окружности; но тут были белые грибы вышиной от тридцати до сорока футов, с шляпками соответствующего диаметра! Они росли здесь тысячами. Ни один луч света не проникал в их густую тень, и полный мрак царил под их куполами, прижавшимися тесно один к другому, подобно круглым крышам африканского города.

Мне хотелось, однако, проникнуть в их чашу. Мертвенным холодом веяло от их мясистых сводов. Полчаса бродили мы в этой сырой мгле и с истинным удовольствием вернулись к берегу.

Но растительность этой подземной области не ограничивалась одними грибами. Дальше виднелись целые леса других деревьев с бесцветной листвою. Их легко было узнать: то были низшие виды земной растительности, достигшие необычайных размеров: ликоподии вышиною в сто футов, гигантские сигиллярии, папоротники вышиною с северную ель, лепидодендроны с цилиндрическими раздвоенными стволами, заканчивавшиеся длинными листьями, усеянными жесткими волосками.

¹ Вид гигантского гриба (лат.).

— Удивительно, великолепно, бесподобно! — восклицал дядюшка. — Вот вся флора вторичной эпохи мира, эпохи переходной! Вот ползучие растения наших садов, бывшие деревьями в первые эры существования Земли! Гляди, Аксель, восхищайся. Да это истинный праздник для ботаника!

— Вы правы, дядюшка. Провидению, повидимому, было угодно сохранить в этой огромной теплице допотопные растения, восстановленные так удачно воображением ученых.

— Ты сказал правильно, мой мальчик, — это теплица! Но было бы еще правильнее прибавить и зверинец вдобавок!

— Зверинец?

— Ну, конечно! Взгляни на эту пыль, что поднимается под нашими ногами, на эти кости, разбросанные по земле.

— Кости? — воскликнул я.

— Да, кости допотопных животных!

Я бросился к этим вековым останкам, состоявшим из неразрушимого минерального вещества, и, не колеблясь, установил происхождение этих гигантских костей, походивших на высохшие стволы деревьев.

— Вот нижняя челюсть мастодонта, — сказал я, — вот коренные зубы динотериума; вот эта бедренная кость могла принадлежать только самому крупному животному, мегатериуму. Да, это настоящий зверинец! Кости эти попали сюда не в результате стихийного бедствия. Животные, окаменелости которых мы видим, водились на берегах этого подземного моря, под тенью этих древовидных растений. Взгляните, вот и целые скелеты! А все же...

— Все же? — спросил дядя.

— Я не могу объяснить себе существование четвероногих в этой гранитной пещере.

— Почему?

— Потому что животная жизнь возникла на Земле только в древний период, когда благодаря наносным отложениям океанических глубин образовались осадочные породы, так называемые вторичные, сменившие скалы первичного периода.

— Ах, так, Аксель! На твой вопрос есть очень простой ответ, а именно, что эта почва образовалась из осадочных пород.

— Как? На такой глубине? Под поверхностью Земли?

— Разумеется! Это явление объяснимо геологическими законами. В известную эпоху Земля была покрыта упругой корой, подверженной переменным вертикальным колебаниям, подчиненным законам притяжения. Весьма вероятно, что происходило нередко опускание земной коры и часть осадочных пород была увлечена в глубины развершейся бездны!

— Это, конечно, могло быть! Но если допотопные животные обитали в этих подземных областях, кто может поручиться, что одно из таких чудовищ не рыщет и теперь в этом темном лесу или за этими утесами?

При этой мысли я не без ужаса оглянулся вокруг; но ни одного живого существа не было видно на этих пустынных берегах.

Я немного утомился и присел на выступ мыса, о подножие которого с шумом бились волны. Отсюда я обнимал взором всю бухту, образуемую изгибами берега. В глубине бухты, среди пирамидальных скал, виднелась маленькая гавань. В этой тихой заводи, защищенной от ветра, могли бы спокойно стоять на якоре бриг и две-три шхуны. Мне казалось, что вот-вот снимется с якоря какое-нибудь судно и выйдет на всех парусах при южном ветре в открытое море!

Но эта иллюзия быстро рассеялась! Мы были единственными живыми существами в подземном мире. Порою ветер стихал, и глубокая тишина пустыни воцарялась и на море и на бесплодных скалах. Я старался проникнуть взглядом сквозь туманную даль и разорвать завесу, прикрывшую таинственную линию горизонта. Тысячи вопросов готовы были слететь с моих губ! Где кончается море? Куда оно ведет? Сможем ли мы когда-нибудь исследовать противоположный берег?

Дядюшка не сомневался в этом! Я желал побывать там и в то же время опасался этой прогулки.

Целый час провели мы, наслаждаясь развернувшейся перед нами картиной. Потом мы пошли обратно в грот по песчаному берегу. Я спал всю ночь глубоким сном, утомленный фантастическим зрелищем.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

На следующий день я проснулся совершенно здоровым. Я решил, что купанье было бы мне весьма полезно, и погрузился на несколько минут в воды этого «Средиземного» моря, получившего название, очевидно, по заслугам!

Вернувшись после купанья, я поел с превосходным аппетитом. Ганс отлично справлялся с приготовлением нашей неприхотливой пищи, тем более что теперь к его услугам был и огонь и вода, и он мог несколько разнообразить наш завтрак. В качестве десерта он подал нам несколько чашек кофе, и никогда еще этот превосходный напиток не казался мне столь вкусным.

— Теперь, — сказал дядюшка, — час морского прилива и отлива, и надо воспользоваться случаем изучить это явление.

— Прилива и отлива?..

— Ну, разумеется!

— Неужели влияние солнца и луны простираются так далеко?

— Отчего же нет? Разве не все тела подвержены действию закона всеобщего тяготения? Следовательно, и эта водная масса не может избежать всеобщего закона; и ты увидишь, что вода, несмотря на давление атмосферы на ее поверхность, начнет подниматься, как в Атлантическом океане.

Мы во-время вышли и смогли наблюдать, как волны мало-помалу заливали плоский берег.

— Начинается прилив! — воскликнул я.

— Да, Аксель, и по количеству пены ты можешь судить, что вода в море поднимается, пожалуй, футов на десять.

— Невероятно!

— Нет, вполне естественно!

— Что бы вы ни говорили, дядюшка, но мне все это кажется необычайным, и я едва верю своим глазам. Кто бы мог вообразить, что в земной коре существует настоящий океан, с приливом и отливом, с свежим ветром и бурями!

— А почему же нет? Разве это противоречит законам физики?

— Конечно, нет, если отказаться от теории центрального огня.

— Следовательно, до сих пор теория Дэви оправдывается?

— Очевидно! И она не противоречит существованию морей и стран внутри земного шара!

— Да, но необитаемых!

— Так-с! Но почему же в этих водах не может быть каких-нибудь рыб неизвестного до сих пор вида?

— Во всяком случае, мы до сих пор ни одной еще не видели.

— Ну что ж! Попробуем смастерить удочки и полюбопытствуем, идет ли рыба на приманку, как в подлунных водах!

— Попробуем, Аксель; нам ведь следует проникнуть во все тайны этих новых областей.

— Но скажите, дядюшка, где мы собственно находимся? Я вам еще не предложил этого вопроса, на который ваши приборы уже, вероятно, дали ответ.

— В горизонтальном направлении нас отделяет от Исландии расстояние в триста пятьдесят лье.

— Какая даль!

— Я убежден, что не ошибаюсь в расчете.

— А магнитная стрелка все еще показывает на юго-восток?

— Да, с западным склонением в девятнадцать градусов и сорок две минуты, совершенно как на земле. Что же касается вертикального направления, то тут произошло любопытное явление, которое я внимательно наблюдал.

— Какое же?

— Стрелка, вместо того чтобы наклоняться к полюсу, как полагается в северном полушарии, напротив того, отклоняется.

— Стало быть, из этого нужно заключить, что точка магнитного притяжения находится между поверхностью земного шара и тем местом, где мы теперь находимся.

— Совершенно верно, и надо полагать, что если бы мы оказались под полярными странами, примерно около семидесятого градуса северной широты, где Джемс Росс открыл магнитный полюс, то стрелка встала бы вертикально. Следовательно, таинственный центр притяжения находится не очень глубоко.

— Вы правы! А ученые и не подозревают об этом явлении!

— Научные теории, мой мальчик, не все безошибочны, но этим нечего смущаться, потому что в конце концов они приходят к истине.

— А на какой же глубине мы теперь находимся?

— На глубине около тридцати пяти лье.

— Итак, — сказал я, бросив взгляд на карту, — над нашей головой лежит гористая часть Шотландии, а именно та, где снежные вершины Грампианских гор достигают наибольшей высоты.

— Да, — ответил профессор улыбаясь. — Несколько тяжелый груз, но свод прочен! Великий архитектор вселенной соорудил его из хорошего материала, и человек никогда не сумел бы сделать его столь устойчивым! Что значат арки мостов и своды соборов в сравнении с этим куполом в три с лишним лье в диаметре, под которым может свободно бушевать настоящий океан!

— О, я нисколько не боюсь, что небо упадет мне на голову. А теперь, дядюшка, какие у вас планы? Не думаете ли вы вернуться на поверхность Земли?

— Вернуться? Помилуй! Напротив, надо продолжать путешествие, раз все до сих пор шло так хорошо!

— Я все-таки не понимаю, как мы опустимся под дно морское?

— О! Я и не собираюсь броситься очертя голову! Но если океаны, образно говоря, те же озера, потому

что они окружены сушей, то тем более основания предполагать, что это внутреннее море заключено в горный массив.

— В этом нет сомнения!

— Раз так, то я уверен, что на противоположном берегу найду новое выходное отверстие.

— Как же, по вашему мнению, широко это море?

— От тридцати до сорока лье.

— Так! — произнес я, думая, однако, что дядюшкино предположение может оказаться не совсем точным.

— Нам нельзя терять времени, и завтра же мы выходим в море.

Я невольно стал искать глазами судно, которое могло бы нас перевезти.

— Ах, вот оно что! — сказал я. — Мы выходим в море! Хорошо! А на какое же судно мы погрузимся?

— Для этой переправы не потребуется судна, мой мальчик; хороший, прочный плот вполне нас удовлетворит.

— Плот! — воскликнул я. — Плот тоже нелегко достать, и я не вижу...

— Ты не видишь, Аксель, но мог бы услышать, если бы прислушался.

— Услышать?

— Да. Услышав удары молотка, ты бы понял, что Ганс не терял времени!

— Он строит плот?

— Да.

— Как? Разве он уже успел нарубить деревьев?

— Деревья уже были свалены бурей. Пойдем-ка, ты посмотришь, как идет его работа.

Через четверть часа, по ту сторону мыса, образующего маленькую бухту, я увидел Ганса, мастерившего плот. Еще несколько шагов, и я был возле него. К моему большому изумлению, плот был почти готов; он был сколочен из каких-то диковинных бревен. Множество толстых досок, обрубков, всяких веревок лежало на земле. Из всего этого можно было построить целую флотилию.

— Дядюшка! — вскричал я. — Что это за деревья?
— Ель, сосна, береза, хвойные деревья Севера, окаменевшие от действия минеральных солей в воде.

— Неужели?

— Называется такое окаменелое дерево «surtarbrandur».

— Но ведь оно, стало быть, твердо, как камень, и не будет держаться на воде?

— Бывает и так! Ведь некоторые деревья совершенно превратились в антрацит, другие же, как, например, вот эти, только начали превращаться в окаменелость. Взгляни-ка, — продолжал дядюшка, бросая в море драгоценный обломок.

Кусок дерева, сначала погрузившись в воду, всплыл и теперь покачивался на волнах.

— Убедился? — спросил дядюшка.

— Убедился, тем более что все это просто невероятно!

На другой вечер благодаря искусству проводника плот совершенно был готов; длина его равнялась десяти футам, ширина — пяти; бревна «суртарбрандура», связанные крепкими веревками, образовали прочное сооружение, и, когда это импровизированное судно было спущено на воду, оно отлично держалось на волнах моря Лиденброка.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Тринадцатого августа мы встали рано. Нужно было испробовать новый способ передвижения.

Оснастку плота составляли: мачта, сооруженная из двух длинных шестов, подпертых горбылями, рея, на которую пошел третий шест, и парус, сшитый из одеял; веревок было достаточно, плот был сработан на славу.

В шесть часов профессор дал знак к отплытию. Провизия, багаж, приборы, оружие и солидный запас пресной воды, взятой из горных ручьев, были уже погружены.

Ганс снабдил плот рулем, и благодаря этому он мог управлять нашим суденышком. Он встал у руля, отвязал канат. Парус был поднят, и мы отвалили от берега. Когда мы уже выходили из бухты, дядюшка, придерживавшийся географической номенклатуры, пожелал назвать бухту моим именем.

— Полноте, — сказал я. — Я предложил бы вам другое имя.

— Какое же?

— Гретхен! На карте бухта Гретхен будет выглядеть очень недурно.

— Пусть будет бухта Гретхен!

Таким образом, имя моей милой романтической фирландки было связано с нашей научной экспедицией. Легкий ветерок дул с северо-востока. Подгоняемые попутным ветром, мы вышли в открытое море. Плотность атмосферы значительно увеличивала силу ветра, вздувавшего наш парус, как какой-нибудь кузнечный мех.

Через час дядюшка мог довольно точно определить скорость, с которой мы плыли.

— Если мы будем и дальше плыть с такой скоростью, — сказал он, — то в сутки мы пройдем по меньшей мере тридцать лье и скоро увидим противоположный берег.

Я ничего не возразил и пересел поближе к рулю. Северный берег сливался уже с туманной линией горизонта. Перед моими глазами расстилалось необозримое водное пространство. Черные тучи отбрасывали темные тени и, казалось, еще более омрачали угрюмые воды. Серебристые лучи электрического света, отражаясь в водной зыби, придавали ей фосфорический блеск. Вскоре берег совершенно скрылся из виду; исчезли всякие признаки, по которым можно было бы судить, насколько быстроходен наш плот; и, если бы не фосфоресцирующий след за кормой, я мог бы подумать, что мы стоим на месте.

Около полудня нам стали встречаться исполинские водоросли, избородившие зелеными волнами поверхность моря. Я знал жизнеспособность этих растений, которые стелются по морскому дну на глубине более

чем двенадцать тысяч футов, которые способны размножаться при давлении почти четырехсот атмосфер, и часто образуют мели, затрудняющие движение кораблей. Но, кажется, нигде не растет такая гигантская морская трава, как в море Лиденброка.

Наш плот лавировал среди этих мощных водорослей «фукус» длиной в три-четыре тысячи футов, тянувшихся, извиваясь, как змеи, насколько хватает глаз; мне доставляло удовольствие следить за этими бесконечными лентами, гадая, когда же им будет конец; но прошло уже несколько часов, а зеленые ленты не обрывались.

Какова же была сила природы, взрастившей такие растения, и каков должен был быть вид Земли в первые эры мироздания, когда под влиянием теплоты и влажности вся ее поверхность представляла одно лишь растительное царство!

Наступил вечер, и, как я уже заметил накануне, сила света не уменьшалась. Это излучение было постоянным явлением природы и не подлежало изменению.

После ужина я прилег у мачты и сразу же заснул крепким сном, полным безоблачных грез.

Ганс сидел у руля, напряженно следя за ходом нашей пловучей платформы, хотя из-за попутного ветра управлять рулем ему не приходилось.

Профессор Лиденброк поручил мне с момента выхода из бухты Гретхен вести «корабельный журнал», отмечая в нем малейшие наблюдения, записывая интересные явления, направление ветра, скорость движения, пройденное расстояние — одним словом, все события этого замечательного плавания.

Поэтому я ограничусь тем, что воспроизведу здесь эти ежедневные записи, продиктованные, так сказать, самими событиями, чтобы дать тем самым более точное описание нашей переправы морем.

Пятница, 14 августа. Свежий северо-западный ветер. Плот плавно плывет при попутном ветре. Берег остался позади нас в тридцати лье. Горизонт пустынен.

Сила света не изменяется. Погода ясная, иначе говоря, высоко парят легкие облака в атмосфере, напоминавшей расплавленное серебро! Термометр показывает $+32^{\circ}$.

В полдень Ганс, приделав крючок к бечевке, насаживает на него кусочек мяса и закидывает самодельную удочку в воду. Проходят часа два, рыба не клюет. Неужели эти воды необитаемы? Нет! Удочку дергает. Ганс вытгивает веревку: на крючке бьется рыба.

— Рыба! — кричит дядюшка.

— Осетр! — воскликнул я в свой черед. — Маленький осетр!

Профессор внимательно разглядывает рыбу; он со мной не согласен: у этой рыбы плоская, округленная голова, передняя часть туловища покрыта сплошным панцирем, состоящим из костных пластинок; ротовая щель лишена зубов; довольно развитые нагрудные плавники при отсутствии хвостового плавника. Это животное, несомненно, принадлежит к тому классу, к которому естествоиспытатели причислили осетра, но оно отличается от него существенными признаками.

Дядюшка не ошибся, после беглого осмотра он заключил:

— Рыба принадлежит к семейству, вымершему много столетий тому назад, окаменелые остатки которого находят в пластах девонского периода.

— Как! — сказал я. — Неужели мы поймали одного из обитателей первобытных морей?

— Да, — ответил профессор, продолжая исследовать рыбу, — и ты увидишь, что эти рыбообразные ископаемые не имеют ничего общего с современными рыбами. Поймать такой экземпляр живым — истинное счастье для естествоиспытателя.

— Но к какому же семейству рыба принадлежит?

— К отряду ганоидных, семейству цефаласписов. роду...

— Ну?

— Роду птерихтисов, готов в этом поклясться! Но этот экземпляр представляет собою особенность, которая, как говорят, встречается только у рыбы в подземных водах.

- Какую же?
- Рыба слепа.
- Слепа?
- Не только слепа, но у нее совершенно отсутствует орган зрения.

Я смотрю: совершенно верно! Но, быть может, это единственный случай! Мы снова закидываем удочку. Море, повидимому, изобилует рыбой, потому что за два часа мы вылавливаем множество птерихтисов, равно как и других рыб, принадлежащих тоже к вымершему семейству диптерисов, род которых дядюшка, однако, не может определить. Все они лишены органа зрения. Этот неожиданный улов значительно увеличивает наш запас съестных припасов.

Итак, можно, очевидно, наверняка предположить, что море это содержит исключительно всякого рода ископаемых, причем как рыбы, так и пресмыкающиеся тем лучше сохранились, чем дальше от нас эпоха, к которой они относятся.

Может быть, мы встретим даже какое-нибудь пресмыкающееся, которое наука сумела восстановить по обломку кости или хряща?

Я беру подзорную трубу и осматриваю море. Оно пустынно. Конечно, мы еще слишком недалеко от берега

Я смотрю в воздух. Почему бы не пролететь, рассекая своими крыльями эти тяжелые атмосферные слои, какой-нибудь из птиц, восстановленных тем же бессмертным Кювье? Рыбы могли бы служить им обильной пищей. Я вглядываюсь, но воздух необитаем, как и берега.

Между тем мое воображение уносит меня в мир чудесных гипотез палеонтологии. Мне снятся сны наяву. Мне кажется, что я вижу на поверхности вод огромных Херсид, этих допотопных черепах, похожих на плывучие островки. На угрюмых берегах бродят громадные млекопитающие первобытных времен: лептотерий, найденный в пещерах Бразилии, и мерикотерий, выходящий из ледяных областей Сибири. Вдали за скалами прячется толстокожий лофиодон, гигантский тапир, собирающийся оспаривать добычу у аноплотерия — жи-

вотного, имеющего нечто общее с носорогом, лошадью, бегемотом и верблюдом, как будто создатель второпях смешал несколько пород животных в одной. Тут гигантский мастодонт размахивает хоботом и крошит прибрежные скалы клыками; там мегатерий взрывает землю огромными лапами и своим ревом пробуждает звучное эхо в гранитных утесах. Вверху, по крутым скалам, карабкается предок обезьяны — протопитек. Еще выше парит в воздухе, словно большая летучая мышь, рукокрылый птеродактиль. Наконец, в высших слоях атмосферы огромные птицы, более сильные, чем казуар, более крупные, чем страус, раскидывают свои широкие крылья и ударяются головой о гранитный свод

В моем воображении оживает весь этот ископаемый мир. Я переносюсь в первые дни мироздания, намного предшествовавшие появлению человека, когда не вполне сформировавшаяся Земля не создала еще условий, необходимых для его существования. Я переносюсь в ту эру, когда вообще не водились еще живые существа на Земле. Исчезли млекопитающие, потом — птицы, пресмыкающиеся мезозойской эры, наконец рыбы, ракообразные, моллюски. В небытие погружаются зоофиты переходной эпохи. Вся жизнь на Земле заключена в одном мне, только мое сердце бьется в этом безлюдном мире. Не существует ни времен года, ни климатов; температура земного шара непрерывно возрастает и начинает превышать теплоту лучезарного светила. Растительность принимает гигантские размеры. Я брожу, как тень, среди древовидных папоротников, ступая нерешительными шагами по пестрому мергелю и песчанику; я прислоняюсь к стволам огромных хвойных деревьев и сплю в тени сфенофелий, астерофелий и ликоподий, достигающих в высоту ста футов.

Века протекают, как мгновения. Я переживаю ряд эволюций на Земле. Исчезают растения; гранитные скалы теряют свою твердость; под влиянием все усиливающейся жары камни плавятся; воды растекаются по поверхности земного шара; воды кипят и испаряются, водяные пары окутывают землю, которая

понемногу превращается в газообразную раскаленную добела массу, лучезарную, как солнце!

В центре этого туманного пятна, в миллион четырехста тысяч раз превышающего объем земного шара, который в будущем ему предстоит образовать, я уношусь в межпланетные пространства! Мое тело становится невесомым. И, подобно атому, сливается с газообразной массой, описывающей в бесконечности свою пламенную орбиту!

Что за грезы! Куда уносят они меня? Моя рука лихорадочно набрасывает на бумагу подробности этих странных превращений! Я все забыл: и профессора, и проводника, и плот! Мой мозг во власти галлюцинаций...

— Что с тобой? — спрашивает дядюшка.

Я смотрю на него широко раскрытыми глазами и не вижу его.

— Осторожнее, Аксель, ты упадешь в море!

В ту же минуту меня схватывает сильная рука Ганса; без его поддержки я упал бы в воду, увлеченный своими видениями.

— Он с ума сошел! — кричит профессор.

— Что случилось? — спрашиваю я, наконец, придя в себя.

— Ты болен?

— Нет, у меня была галлюцинация, теперь это прошло. Ведь все благополучно?

— Да, ветер попутный, море спокойно! Мы быстро плывем вперед и, если я не ошибся в своих предположениях, скоро пристанем к берегу.

При этих словах я встаю и пристально смотрю вдаль; но линия воды все еще сливается с линией облачного свода.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Суббота, 15 августа. Море так же однообразно. Берегов не видно. Одна лишь бескрайняя даль.

Голова у меня все еще болит после галлюцинации.

Дядюшке ничего не грезилось, но он не в духе. Он

то обзирает в подозрную трубу море во всех направлениях, то с досадой скрещивает руки, и лицо его принимает сердитое выражение.

Я вижу, что к профессору Лиденброку возвращается его прежняя нетерпимость, что я и отмечаю в моем журнале. Только опасность, которой я подвергался, и мои страдания вызвали у него теплое человеческое чувство, но, как только я выздоровел, он снова стал раздражителен.

— Вы, кажется, чем-то обеспокоены, дядюшка, — спрашиваю я, видя, что он часто подносит к глазам подозрную трубу.

— Обеспокоен? Нет!

— Значит, теряете терпение?

— Есть отчего!

— Но ведь мы плывем так быстро...

— Ну, что ж из того? Не скорость слишком мала, а море слишком велико!

Тут я вспоминаю, что профессор перед отплытием определил длину этого подземного моря в тридцать лье. Но мы уже проплыли в три раза большее расстояние, а южные берега еще и не показывались.

— Мы плывем, но не спускаемся в недра Земли, — продолжает профессор. — Ведь это только потерянное время, а я совсем не для того забрался в такие дебри, чтобы совершать увеселительную прогулку по этому пруду!

Итак, он называет нашу переправу прогулкой, а море — прудом!

— Но, — говорю я, — раз мы избрали путь, указанный Сакнуссемом...

— В этом и весь вопрос! Тот ли это путь? Встретил ли Сакнуссем эту водную поверхность? Плыл ли он по ней? Не сбил ли нас с пути ручей, который мы избрали своим проводником?

— Во всяком случае, нам нечего жалеть, что мы попали сюда. Зрелище великолепное, и...

— Дело не в зрелищах! Я поставил себе определенную цель и хочу достигнуть ее! Поэтому не говори мне о красотах!

Я прижимаю это к сведению и не обращаю внимания на то, что профессор кусает губы от нетерпения. В шесть часов вечера Ганс требует свое жалованье, и ему выдаются его три рейхсталера.

Воскресенье, 16 августа. Ничего нового. Та же погода. Ветер свежеет. Просыпаясь, спешу установить силу света. Я попрежнему боюсь, как бы световые явления не потеряли силу, а потом и совсем не исчезли. Но напрасно: тень от плота ясно вырисовывается на поверхности воды.

Право, это море бескрайнее. Оно, вероятно, так же широко, как Средиземное море или даже как Атлантический океан. А почему бы не так?

Дядюшка часто измеряет его глубину. Он привязывает самую тяжелую кирку к концу веревки и опускает ее на глубину двухсот морских саженей. Дна не достать. С большим трудом вытаскиваем наш лот из воды.

Когда кирку вытянули, наконец, на плот, Ганс обращает мое внимание на то, что на ее поверхности заметны сильно вдавленные места. Можно подумать, что этот кусок железа был сильно ущемлен между двумя твердыми телами.

Я смотрю на охотника.

— *Tander!* — говорит он.

Я не понимаю. Обращаюсь к дядюшке, но дядюшка весь погружен в размышления. Я не решаюсь его тревожить. Обращаюсь снова к исландцу. Тот поясняет мне свою мысль, открывая и закрывая несколько раз рот.

— Зубы! — говорю я с изумлением, внимательно вглядываясь в железный брусок. Ну, конечно! Это следы зубов, вдавленные в металл! Челюсти, вооруженные такими зубами, должны быть чрезвычайно сильны! Стало быть, здесь, глубоко под водой, существует какое-то допотопное чудовище, прожорливее акулы и страшнее кита? Я не могу оторвать взгляда от кирки, наполовину изгрызенной! Неужели

мои видения прошлой ночи обратятся в действительность?

Эти мысли тревожат меня весь день, и мое волнение немного утихает в те часы, когда я сплю.

Понедельник, 17 августа. Я стараюсь припомнить, какие инстинкты свойственны тем допотопным животным, которые, следуя за слизняками, ракообразными и рыбами, предшествовали появлению на земном шаре млекопитающих. В то время мир принадлежал пресмыкающимся. Эти чудовища владели морями триасового периода. Природа наделила их самой совершенной организацией. Какое гигантское строение! Какая невообразимая сила! Самые крупные и страшные из современных пресмыкающихся — аллигаторы и крокодилы — лишь слабое подобие своих предков мезозойской эры.

Я дрожу при мысли о возможном появлении этих морских гадов. Живыми их не видел еще ни один человеческий глаз! Они обитали на Земле за целые тысячелетия до появления человека, но кости этих ископаемых, найденные в каменистых известняках, называемых англичанами «*lias*»¹, дали возможность восстановить их анатомическое строение и представить себе их гигантские размеры.

Я видел в гамбургском музее скелет одного из этих пресмыкающихся длиною в тридцать футов. Неужели же мне, жителю Земли, суждено увидеть воочию одного из представителей допотопного семейства? Нет! Это невозможно! Однакож его сильные зубы оставили на железе свой отпечаток, по которому я узнаю, что они конической формы, как у крокодила.

Мои глаза с ужасом устремлены на море. Я боюсь, что вот-вот вынырнет один из обитателей подводных пещер.

Я подозреваю, что профессор Лиденброк думает о том же, если даже и не разделяет мои опасения, потому что, осмотрев кирку, он кидает взгляд на океан.

¹ Лейас — нижний отдел юрской системы.

«Черт возьми, — говорю я про себя, — зачем только ему вздумалось измерять глубину? Он потревожил, быть может, какое-нибудь животное в его логовище, и если мы не подвергнемся нападению во время плавания...»

Взглянув на оружие, я удостоверяюсь, что оно в порядке; дядюшка замечает мой взгляд и выражает свое одобрение.

Волнение на поверхности воды указывает на то, что в морских глубинах неспокойно. Опасность приближается. Надо быть настороже!

Вторник, 18 августа. Наступает вечер, или, лучше сказать, то время, когда у нас смыкаются веки, ибо на этом океане нет ночи, и немеркнущий свет утомляет глаза, как если бы мы плыли под солнцем полярных морей. Ганс сидит у руля. И, пока он бодрствует, я сплю.

Два часа спустя я просыпаюсь от страшного сотрясения. Плот с невероятной силой взмывает над волнами и отбрасывается на двадцать туазов в сторону.

— Что случилось? — кричит дядюшка. — Не наскочили ли мы на мель?

Ганс указывает пальцем на темную глыбу, видневшуюся на расстоянии двухсот туазов от нас, которая то всплывает, то погружается. Я всматриваюсь и вскрикиваю:

— Да это же колоссальная морская корова!

— Да, — отвечает дядюшка, — а вот тут — морская ящерица необыкновенной величины

— А там, дальше, — чудовищный крокодил! Взгляните, какая у него широкая челюсть и какие зубы! Ах, он исчезает!

— Кит, кит! — кричит затем профессор. — Я узнаю его по громадным плавникам. Посмотри, какой столб воды и воздуха он выбрасывает!

Действительно, два водяных столба вздымались над морем на значительную высоту. Мы удивлены, поражены, объаты ужасом при виде этого стада морских чудовищ. Они сверхъестественной величины, и самое

меньшее из них может одним ударом своего хвоста вдребезги разбить весь плот. Ганс пытается переменить направление, чтобы избежать опасного соседства, но замечает с другой стороны не менее страшных врагов: морскую черепаху в сорок футов ширины и морскую змею в тридцать футов длины, громадная голова которой показывается из волн.

Бегство невозможно. Чудовища приближаются; они носятся вокруг плота с такой скоростью, что курьерский поезд не догнал бы их; они описывают концентрические круги вокруг плота. Я схватываю карабин. Но что может сделать пуля с чешуей, прикрывающей туши этих животных?

Мы замерли от ужаса. Вот они уже совсем близко! С одной стороны — крокодил, с другой — змея. Остальное стадо морских чудищ исчезло. Я собираюсь выстрелить. Ганс знаком останавливает меня. Морские гады проносятся в пятидесяти туазах от плота, бросаются друг на друга и в ярости не замечают нас.

В ста туазах от плота завязывается бой. Мы ясно видим сражающихся чудовищ.

Но мне кажется, что появляются и другие животные, чтобы принять участие в схватке: морская свинья, кит, ящерица, черепаха. Они всплывают поочередно. Я указываю на них Гансу. Но тот отрицательно качает головой.

— *Tua*, — говорит он.

— Что? Два? Он утверждает, что лишь два...

— Он прав, — восклицает дядюшка, не отнимая от глаз подозрительной трубы.

— Не может быть!

— Да! У первого из этих чудовищ морда морской свиньи, голова ящерицы, зубы крокодила, что и ввело нас в заблуждение. Это самое страшное из допотопных пресмыкающихся — ихтиозавр!

— А другое?

— Другое — змея, скрытая под щитом черепахи, страшный враг первого — плезиозавр!

Ганс не ошибся. Тут — только два чудовища! У меня перед глазами пресмыкающиеся океанических вод мезозойской эры. Я различаю кровавый глаз

ихтиозавра, величиной с человеческую голову. Природа наделила его чрезвычайно сильным органом зрения, способным выдержать давление глубинных водяных слоев. Его справедливо назвали китом пресмыкающихся, так как он столь же быстр в движениях и огромен, как кит. Длина его достигает не менее ста футов, и я могу судить о его величине, когда он высовывает из волн вертикальные хвостовые плавники. В его огромной челюсти насчитывается, по мнению естествоиспытателей, не менее ста восьмидесяти двух зубов!

Плезиозавр — змея с цилиндрическим туловищем, коротким хвостом, лапами в форме весел. Туловище плезиозавра сплошь одето щитом, а свою гибкую лебединую шею он может высовывать на тридцать футов из воды.

Животные сражаются с неопишуемой яростью, вздымая целые водяные горы; наш плот рискует каждый миг перевернуться. Слышен страшный рев. Животные в этой схватке буквально слились друг с другом. Я не могу отличить одно от другого. Ярость победителя может обрушиться на нас.

Проходит час, два часа. Битва продолжается с той же ожесточенностью. Животные то приближаются, то удаляются от плота. Мы стоим неподвижно, приготовившись стрелять.

Вдруг и ихтиозавр и плезиозавр исчезают под волнами. Проходит несколько минут. Не закончится ли борьба в морских глубинах?

Внезапно над водой поднимается огромная голова, голова плезиозавра. Чудовище смертельно ранено. Я не вижу на нем его панцыря. Только его длинная шея торчит кверху, наклоняется, снова выпрямляется, ударяется о волны, как гигантский бич, и извивается, как перерезанный червяк. Волны расходятся на далекое расстояние. Брызги ослепляют нас. Но скоро агония пресмыкающегося приходит к концу, его движения слабеют, конвульсии прекращаются и длинный остов изувеченной змеи вытягивается неподвижной массой на легкой зыби моря.

Вернулся ли ихтиозавр в свою подводную пещеру, или он снова появится на поверхности моря?

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ. ЧЕТВЕРТАЯ

Среда, 19 августа. К счастью, поднявшийся ветер позволяет нам бежать с театра военных действий. Ганс попрежнему стоит у руля. Дядюшка, отвлеченный разыгравшейся битвой от размышлений, которыми он был поглощен, вновь погружается в созерцание моря.

Путешествие снова принимает однообразный характер, но это однообразие я все же не променял бы на опасное разнообразие вчерашнего дня.

Четверг, 20 августа. Ветер северо-восточный, довольно изменчивый. Тепло. Мы плывем со скоростью трех с половиной лье в час.

Около полудня послышался отдаленный гул. Я лишь отмечаю факт, не входя в объяснение его. Гул не стихает.

— Должно быть, где-то вдалеке, — говорит профессор, — волны разбиваются о прибрежные утесы или о какой-нибудь скалистый островок.

Ганс взбирается на мачту, но не подает сигнала о близости какой-либо отмели. Море стелется ровной гладью до самой линии горизонта.

Проходит три часа. Кажется, что мы слышим рев отдаленного водопада.

Я высказываю свое мнение дядюшке, но он качает головой. Однако я убежден, что не ошибаюсь. Неужели же мы несемся навстречу водопаду, который низвергает нас в бездну?

Возможно, что этот способ спускаться вниз и придется по душе профессору, ведь он мало чем отличается от спуска по вертикали, но я...

Во всяком случае, в нескольких милях от нас, с подветренной стороны, видимо, происходит какое-то явление, порождающее этот гул, потому что теперь сила звука сильно возросла. Откуда же исходит этот грохот — с неба или с океана?

Я вглядываюсь в облака водяных паров, висящие в атмосфере, и стараюсь проникнуть в их толщу. Небо спокойно. Облака, поднявшись к самому своду, каза-

лось, так и застыли на месте, растворяясь в холодных излучениях светила. Причину гула приходится, следовательно, искать в другом месте.

И я вопрошаю тогда прозрачный и совершенно безоблачный горизонт. Вид его неизменен. Но если гул объясняется близостью водопада или тем, что море низвергается в какой-нибудь подземный водоем, и этот рев исходит от ниспадающей водной массы, то ведь течение должно стать более быстрым и бурным, и мы сможем почувствовать угрожающую нам опасность. Я наблюдаю течение. На море ровная зыбь. Пустая бутылка, брошенная в море, держится на воде.

Около четырех часов Ганс снова взбирается на мачту, обозревает сверху весь полукруг, описываемый перед нами океаном, и взгляд его останавливается на одной точке. Его лицо не выражает изумления, но он глаз не сводит с этой точки.

— Он что-то увидел, — говорит дядюшка.

— Как будто!

Ганс спускается, указывает рукой на юг и говорит:

— *Der nere!*

— Там? — переспрашивает дядюшка.

И, хватая подзорную трубу, он внимательно смотрит в нее целую минуту, которая кажется мне вечностью.

— Да, да! — кричит он.

— Что же вы видите?

— Огромный столб воды, вздымающийся над морем.

— Опять какое-нибудь морское чудовище?

— Может быть.

— Так повернем на запад; ведь мы знаем, как опасно встречаться с этими первобытными морскими гадами!

— Будем плыть, как плыли, — отвечает дядюшка.

Я обращаюсь к Гансу. Ганс с невозмутимым спокойствием управляет рулем.

Однако если на расстоянии по крайней мере двенадцати лье можно различить струю воды, то животное должно быть сверхъестественной величины. Самая

обыкновенная осторожность требовала бежать. Но мы не для того прибыли сюда, чтобы соблюдать осторожность.

И мы плывем, как плыли! Чем ближе мы подплываем, тем огромнее становится водяной столб. Какое же чудовище может вмещать в себе такое количество воды и непрерывно его выбрасывать?

В восемь часов вечера мы находимся всего лишь в двух лье от животного. Его огромная туша вздымается в море, подобно островку. Обман зрения или страх? Но мне кажется, что длина этого чудовища превышает тысячу туазов! Что же это за китообразное животное, о существовании которого не подозревали ни Кювье, ни Блюменбах? Оно лежит неподвижно, словно спит; море, повидимому, не в силах его поднять, и только волны плещутся о его бока. Водяной столб, высотой в пятьсот футов, падает с оглушительным шумом, как дождь. А мы, безумцы, плывем прямо к этой чудовищной туше, которую не насытила бы и на один день целая сотня китов.

Мною овладевает ужас. Я не хочу плыть дальше! Если понадобится, я разрублю снасть! Я возмущаюсь профессором, но он не обращает на меня никакого внимания.

Вдруг Ганс встает, указывает пальцем на угрожающую точку и говорит:

— *Holme!*

— Остров! — кричит дядюшка.

— Остров? — говорю я, пожимая плечами.

— Очевидно, — отвечает профессор и раскатисто хохочет.

— Но этот водяной столб?

— *Geyser!* — говорит Ганс.

— Конечно, гейзер! — отвечает дядюшка. — Гейзер, годобный тем, какие существуют в Исландии!¹

Сначала я никак не хотел согласиться с тем, что мог так грубо ошибиться: принять островок за морское чудовище! Но очевидность доказывает противное, и я

¹ *Geyser Hecia* — «Горячий ключ», находящийся у подножия Геклы.

принужден, наконец, признаться в своей ошибке. Просто-напросто: естественное явление!

Чем ближе мы подплывали, тем грандиознее представлялись нам размеры водяной струи. Островок в самом деле удивительно похож на китообразное животное, голова которого поднимается над морем на десять туазов. Гейзер — в Исландии произносят: «Гейсер», что означает «Ярость», — величественно вздымается на берегу островка. Время от времени раздается глухой взрыв, и мощная струя воды, как бы в припадке ярости, взлетает до самых облаков, разбрасывая вокруг целые снопы пара. Водяной столб, и ничего больше! Ни трещинных излияний, ни горячих источников, ничего, кроме этого водяного столба вулканического происхождения! Космические излучения, пропуская свои лучи сквозь призму водяных капель, создавали феерическое впечатление.

— Пристанем к берегу, — говорит профессор.

Но необходимо осторожно обогнуть этот водяной столб, который моментально пустил бы наш плот ко дну. Ганс, искусно маневрируя, пристает к острову.

Я выскакиваю на скалу. Дядюшка проворно следует за мной, и только охотник остается на своем посту, как человек, привыкший ничему не удивляться.

Мы ступаем по граниту, смешанному с кремнистым туфом; земля дрожит под нашими ногами, как перегретый паровой котел, от нее пышет жаром. Мы подходим к небольшому водоему, из которого бьет горячий ключ. Я опускаю в кипящую воду термометр, и он показывает сто шестьдесят три градуса.

Значит, вода выходит из раскаленного очага. Это решительно противоречит теориям профессора Лиденброка. Я не могу не отметить этого факта.

— Ну, и что ж? — возражает он. — Что в этом такого, что говорило бы против моей теории?

— Ничего, — отвечаю я сухо, видя, что имею дело с неисправимым упрямым.

Все же должен признаться, что нам до сих пор удивительно везло и что, по неизвестной мне причине, наше путешествие совершается при благоприятных условиях температуры; но мне кажется очевидным,

даже несомненным, что мы рано или поздно окажемся в таких местах, где центральный жар достигнет высшей степени и выйдет за пределы всех термометрических измерений.

— Поживем, увидим! — говорит профессор. И, назвав вулканический островок именем своего племянника, он дает знак к отплытию. Я еще несколько минут наблюдаю за гейзером. Я замечаю, что его струя бьет вверх неравномерно, что иногда сила ее уменьшается, потом снова возрастает; я приписываю это явление неравномерному давлению паров, скопившихся в его хранилище.

Наконец, мы отплываем, обходя чрезвычайно крутые южные скалы. Ганс во время остановки привел плот в порядок.

Перед отплытием я произвожу несколько наблюдений, чтобы определить пройденное расстояние, и записываю результаты в свой журнал. Мы прошли со времени нашего отплытия из бухты Гретхен двести семьдесят лье и находимся в шестистах двадцати лье от Исландии, под Англией.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Пятница, 21 августа. На другой день великолепный гейзер исчез из виду. Свежий ветер уносит наш плот от острова Аксея. Рев воды мало-помалу затих.

Погода, если позволено так выразиться, скоро переменится. Атмосфера насыщается парами, которые вбирают в себя электричество, порождаемое испарением соленой воды; тучи все ниже нависают над морем и принимают однообразную оливковую окраску; электрические лучи едва пробиваются сквозь густую завесу, опущенную над сценой, где должна разыгаться бурная драма.

Я переживаю совершенно особое состояние, свойственное всякому живому существу на земле перед стихийным бедствием. Слоисто-кучевые облака на южной стороне горизонта являют собой грозное зрелище:

в них есть нечто неумолимое, как это наблюдается перед грозой. Воздух удушливый, море спокойное.

Облака скопляются в плотные, тяжелые хлопья, расположенные в живописном беспорядке; постепенно эти хлопья взбухают, количество их уменьшается, но зато увеличивается их объем, и плотность их такова, что они не могут отделиться от горизонта; но усиливающийся ветер гонит облака вверх, и они понемногу сливаются воедино, темнеют и скоро образуют один грозный слой; порою клуб пара, еще пронизанный лучом света, врывается в этот сероватый покров и вскоре исчезает в его пустой массе.

Атмосфера, очевидно, насыщена электричеством: я весь пропитан им; волосы мои становятся дыбом, словно при приближении к электрической машине. Мне кажется, что если бы мои спутники дотронулись до меня в эту минуту, они получили бы сильный удар.

В десять часов утра признаки бури становятся еще ощутимее.

Мне не хочется еще верить угрозам неба, и все же я не могу не сказать:

— Готовится буря!

Профессор не отвечает. Он в убийственном настроении, в которое его приводит эта безбрежная водная пустыня. Он только пожимает плечами.

— Будет гроза, — говорю я, указывая на горизонт. — Тучи нависают над морем, словно собираются раздавить его!

Полнейшая тишина. Даже ветер стих. Природа как бы замерла, ни дуновения... Поднятый парус висит складками на мачте, и на ее конце я замечаю уже блуждающий огонек «Св. Эльма». Плот застыл на мертвой морской зыби. Но раз мы не плывем, к чему же парус, ведь это может погубить нас при первом же порыве ветра?

— Спустить парус, — говорю я, — убрать мачту! Так будет благоразумнее!

— Нет, черт возьми! — кричит дядюшка. — Ни за что! Пусть подхватит нас ветер! Пусть мчит нас буря! Должен же я, наконец, увидеть прибрежные скалы, хотя бы наш плот разбился о них в щепки!

Не успел еще дядюшка окончить свою тираду, как южная часть горизонта изменила свой вид. Грозовые тучи разражаются ливнем; воздух бурно врывается в пустое пространство, образовавшееся от сгущения паров, заполняет его и порождает ураган. Буря исходит из самых недр пещеры. Темнеет. Мне с трудом удастся сделать еще несколько отрывочных заметок.

Плот бросает то вверх, то вниз. Ветер сбивает с ног дядюшку. Я подползаю к нему. Он держится за кусок каната и, повидимому, с удовольствием наблюдает игру разбушевавшихся стихий.

Ганс не шевельнется. Длинные волосы, развеваемые ветром, окутывают его каменное лицо и придают ему тем более оригинальный вид, что на концах волос загораются искры. Он похож на первобытного человека.

Однако мачта еще держится. Парус надувается, как наполненный воздухом пузырь, готовый лопнуть. Плот несется со скоростью, которую я не в состоянии определить, но все же в скорости он уступает грозовой туче: дождевые капли начинают бить прямо по плоту.

— Парус, парус! — кричу я, делая знаки спустить его.

— Нет! — отвечает дядюшка.

— *Nej*, — говорит Ганс, слегка качая головой.

Между тем дождь, точно низвергающийся водопад, застилает горизонт, а мы, как безумные, несемся все вперед! Не успевают ливень обрушиться на нас, как тучи разверзаются, вздымаются волны и электричество, скопившееся в высших слоях атмосферы благодаря химическим процессам, начинает свою игру. Молнии пересекают гранитный свод; удары грома следуют один за другим; вся масса паров раскаляется; град, пронизанный ярким светом, ударяется о наши инструменты и приборы, и разбушевавшиеся воды будто полыхают огнем.

Глаза мои ослеплены, уши — оглушены; я должен крепко держаться за мачту, которая гнется, как тростник, от порывов ветра!..

.
.

[Тут мои путевые записки становятся весьма неполными. Я могу делать лишь беглые заметки, так сказать, на лету! Но в их немногословности, даже в нечеткости почерка, гайтся отпечаток чувств, владевших мною в ту пору; и они лучше, чем моя память, передают впечатления тех дней.]

.....

.....

Воскресенье, 23 августа. Где мы? Куда унесло нас? Ночь была ужасающая. Ураган не утихает.

Мы живем среди рева бури и непрерывных раскатов грома. Из ушей течет кровь. Нельзя обменяться ни единым словом.

Молнии сверкают беспрестанно. Я вижу, как зигзаги молний, коснувшись водной поверхности, снова взвиваются вверх, ударяясь о гранитный свод. А что, если свод обрушится? Иной раз молния раскалывается или же принимает форму огненного шара, который разрывается, как бомба. Разгул стихий как будто не возрастает; он достиг той высшей степени, какую может вынести человеческое ухо. Тучи мечут огни; электричество разряжается, не переставая; тысячи водяных столбов взлетают в воздух и снова падают в вспененные волны.

Куда мы несемся?.. Дядюшка лежит, растянувшись во весь рост, на краю плота.

Жар усиливается. Я смотрю на термометр, он показывает... (цифра стерта).

Понедельник, 24 августа. Буре конца не будет! Отчего бы состоянию этой столь плотной атмосферы, раз изменившись, не стать окончательным?

Мы изнемогаем от усталости. Ганс все тот же. Плот неизменно несется к юго-востоку. Мы находимся на расстоянии свыше двухсот лье от острова Акселя.

В полдень ветер крепчает; приходится крепко привязать к плоту все предметы, составляющие наш груз. Мы также привязываем и самих себя. Волны перекатываются через наши головы. За последние три

дня нельзя перекинуться ни единым словом. Открываем рот, шевелим губами, но ни одного внятного слова не удастся произнести: даже если пробуем говорить в самое ухо, и то ничего не слышим.

Дядюшка приближается ко мне, что-то говорит. Мне кажется, он хочет сказать: «Мы погибли!» Однако я не уверен в этом.

Я пишу ему: «Спустим парус!»

Он знаком выражает свое согласие. И вдруг огненный шар падает на плот. Мачта и парус мгновенно взлетают в воздух, точно какой-то птеродактиль — фантастическая птица первых веков.

Мы цепенеем от ужаса. Шар, бело-лазоревый, величиной с десятидюймовую бомбу, медленно перекачивается с одного места на другое, вскакивает на мешок с провизией, снова тихонько соскальзывает, подпрыгивает, чуть не задевает ящик с порохом. О, ужас! Мы взлетим на воздух! Нет, сверкающий диск катится дальше: приближается к Гансу, который глаз от него не отрывает, затем к дядюшке; тот бросается на колени, чтобы увернуться от него; потом ко мне, мертвенно бледному и дрожащему от нестерпимого блеска и жара; шар вертится около моей ноги; я пытаюсь ногу отдернуть. Но это мне не удается.

Запах озона наполняет воздух, проникает в гортань и легкие. Мы задыхаемся.

Отчего же я не могу отдернуть ногу? Электрический шар намагнитил все железо на плоту: приборы, инструменты, оружие начинают перемещаться и со звоном ударяются друг о друга; гвозди на моих башмаках плотно пристали к железной пластинке, вставленной в дерево. Вот почему я не могу отдернуть ногу!

Наконец, с громадным усилием мне удастся освободить ногу в то самое мгновение, когда шар в своем вращательном движении подбирается уже к ней...

Ах, какой ослепительный свет! Тут шар взрывается! Мы облиты огненными струями!

Потом все гаснет. Я успеваю только рассмотреть, что дядюшка лежит на плоту, а Ганс попрежнему

сидит за рулем и «извергает огонь», потому что насквозь пропитан электричеством!

Куда мы плывем? Куда?

Вторник, 26 августа. Я прихожу в себя после длительного обморока. Гроза продолжается; молнии сверкают, извиваясь, как клубок змей.

Неужели мы все еще на море? Да, и несемся с невероятной скоростью! Мы проплыли под Англией, под Ламаншем, Францией, а быть может и под всей Европой!

Снова слышится гул! Очевидно, волны разбиваются о скалы!.. Но тогда...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

На этом заканчиваются записи моего, как я его называл, «корабельного журнала», который мне удалось спасти во время крушения. Буду продолжать свой рассказ.

Что произошло во время крушения плота, наскочившего на подводные камни, я не могу сказать. Я почувствовал, что упал в воду; и если я избежал смерти, если тело мое не было разбито об острые утесы, то этим я обязан Гансу, который вытащил меня своей сильной рукой из пучины.

Мужественный исландец отнес меня подальше от набегавших волн на горячий песок, где я очутился рядом с дядюшкой.

Потом он вернулся обратно на скалистый берег, о который бились разъяренные волны, чтобы спасти что-нибудь из нашего имущества, уцелевшего от катастрофы. Я не мог говорить; я был разбит от волнения и усталости; мне понадобился целый час, чтобы прийти в себя.

Дождь лил как из ведра; дождь припустил еще пуще, но это последнее усилие предвещало конец

грозы. Казалось, хляби небесные разверзлись, но мы укрылись от ливня под выступом скалы. Ганс приготовил обед, до которого я не дотронулся, потом мы все, измученные трехдневной бессонницей, погрузились в мучительный сон.

На следующий день погода была великолепная. Небо и море слились воедино. Не осталось и следов бури. Профессор радостно приветствовал меня, когда я проснулся. Он был необыкновенно весел.

— Ну, мой мальчик, — воскликнул он, — хорошо ли ты спал?

Как было не вообразить, что мы находимся в доме на Королевской улице, что я, как обычно, спускаюсь к завтраку, что нынче будет сыграна моя свадьба с Гретхен?

Ах, если бы буря унесла плот на запад, мы прошли бы под Германией, под моим родным городом Гамбургом, под той улицей, где живет самое дорогое для меня существо! Сорок лье, не более, разделяли бы нас тогда! Но сорок лье только в вертикальном направлении, сквозь толщу гранита, а в действительности свыше тысячи лье!

Все эти мучительные мысли пронеслись в моем уме прежде, чем я ответил на вопрос дядюшки.

— Ну, что же, — снова заговорил он, — у тебя как будто нет охоты ответить мне, хорошо ли ты спал?

— Очень хорошо, — ответил я, — я еще разбит, но это пустяки!

— Конечно, пустяки, небольшое утомление, вот и все!

— Но вы, кажется, очень веселы сегодня, дядюшка?

— Я в восторге, мой мальчик, в восторге! Мы достигли...

— Цели нашего путешествия?

— Нет, конца этого моря, казавшегося бескрайним. Теперь мы снова пойдем сухим путем и действительно углубимся в недра Земли.

— Дядюшка, позвольте мне задать вам один вопрос.

— Пожалуйста, Аксель, спрашивай!

— А как же с возвращением?

— С возвращением? Ты думаешь о возвращении, когда мы еще не достигли цели!

— Нет, я хочу только спросить, каким способом мы вернемся?

— Простейшим способом, какой только может быть! Стоит нам дойти до центра сфероида, и мы или найдем новую дорогу, чтобы вернуться на поверхность Земли, или же преспокойно пойдем назад по пройденному уже пути. Надеюсь, что он не закроется за нами.

— В таком случае надо исправить плот.

— Безусловно необходимо.

— Но хватит ли съестных припасов для выполнения этого столь грандиозного плана?

— Да, несомненно. Ганс дельный малый и, наверно, спас большую часть груза. Впрочем, удостоверимся в этом сами.

Мы покинули грот, открытый всем ветрам. Я питал надежду, переходившую в тревогу: мне казалось невозможным, чтобы при страшном ударе плота о скалы наш груз не пошел прахом. Но я ошибался. Подойдя к берегу, я увидел Ганса среди груды вещей, разложенных по порядку. Дядюшка пожал ему руку с выражением живейшей благодарности. Этот человек, в своей, возможно беспримерной, сверхчеловеческой преданности, работал, пока мы спали, и, рискуя своей жизнью, спас самые ценные предметы.

Нет слов, мы понесли довольно значительные потери; короче сказать, погибло наше оружие; но в конце концов можно было обойтись и без него! Запас пороха уцелел во время грозы, а ведь был момент, когда мы, по его милости, чуть не взлетели на воздух!

— Что же! — воскликнул профессор. — Раз нет ружей, придется отказаться от охоты.

— Хорошо, а приборы?

— Вот манометр! Он больше всего необходим, я отдал бы за него все остальное! Манометром я могу определять глубину. А без него мы рискуем прозевать центр Земли и вынырнуть неожиданно-негаданно где-нибудь на южном полушарии.

Дядюшкины шутки были несносны.

— А компас? — спросил я.

— Вот он тут, на скале, в полном порядке, так же как хронометр и термометр. Наш охотник прямо-таки драгоценный человек!

С этим пришлось согласиться; что же касается приборов, все было налицо. Что касается инструментов и утвари, то я заметил разложенные на песке лестницы, веревки, кирки и прочее.

Однако надо было выяснить также вопрос о съестных припасах.

— А провизия? — спросил я.

— Давай посмотрим, — ответил дядя.

Ящики с съестными припасами находились на берегу в полной исправности; море пощадило большую часть из них, и в общем, располагая запасом сухарей, мяса, водки и рыбы, можно было прожить еще целых четыре месяца.

— Четыре месяца! — воскликнул профессор — Времени достаточно, чтобы вновь повторить этот путь. А из остатков провизии я дам торжественный обед моим коллегам по Иоганнеуму!

Я уже давно мог бы свыкнуться с темпераментом дядошки, и все же этот человек постоянно удивлял меня.

— А теперь, — сказал он, — запасемся на всякий случай дождевой водой, наполнившей во время грозы все гранитные водоемы, и тогда нам нечего будет опасаться жажды. Что касается плота, то пусть Ганс починит его, хотя я думаю, что он нам больше не понадобится!

— Как так? — воскликнул я.

— Мне так думается, мой мальчик! Я полагаю, что мы вернемся не той дорогой, какую пришли сюда.

Я посмотрел на профессора с некоторым недоверием. Я спросил себя, уж не сошел ли он с ума? И однако: «Он сам не знал, насколько был прав!»

— А теперь позавтракаем, — предложил он.

Я вскарабкался вслед за ним на высокий мыс, куда он направился, отдав нужные указания охотнику. Здесь мы отлично подкрепились сушеным мясом, сухарями и чаем, и я должен сознаться, что это был один из вкуснейших завтраков в моей жизни. Потребность в пище, свежий воздух, отдых после пережитых

потрясений — все это способствовало возбуждению аппетита.

Во время завтрака я спросил дядюшку, где мы находимся в настоящую минуту.

— Мне кажется, — сказал я, — это трудно вычислить.

— Вычислить точно, — отвечал он, — пожалуй, даже невозможно, так как во время трехдневной грозы я не мог отмечать скорости движения и направления плота: но мы можем приблизительно определить место нашего нахождения.

— Действительно, последнее наблюдение было произведено нами на острове Гейзера...

— На острове Акселя, мой мальчик. Не отказывайся от чести дать свое имя первому острову, открытому в недрах земного шара.

— Пусть будет так! До острова Акселя мы сделали по морю приблизительно двести семьдесят лье и находились на расстоянии шестисот с лишним лье от Исландии.

— Пожалуй! Исходя из этого и считая четыре дня бури, во время которой скорость нашего движения не могла быть менее восьмидесяти лье в сутки...

— Значит, это оставит еще триста лье.

— Да, а ширина моря Лиденброка от одного берега до другого достигает, стало быть, шестисот лье, что ты скажешь, Аксель? Ведь оно может, пожалуй, поспорить по своей величине со Средиземным морем?

— Да, в особенности если мы переплыли его в ширину!

— Это вполне возможно!

— И вот что интересно, — прибавил я, — если наши расчеты верны, то над нашими головами лежит теперь это самое Средиземное море.

— В самом деле?

— В самом деле! Ведь мы находимся в девятистах лье от Рейкьявика!

— Недурное путешествие, мой мальчик! Но утверждать, что мы находимся теперь под Средиземным морем, а не под Турцией или Атлантическим океаном,

можно только в том случае, если мы не уклонились от взятого раньше направления.

— Но ведь ветер, кажется, не менялся, и я думаю поэтому, что этот берег лежит к юго-востоку от бухты Гретхен.

— Хорошо, в этом легко убедиться, взглянув на компас. Посмотрим, что он указывает!

Профессор направился к скале, на которой Ганс разложил приборы. Он был весел, шутлив, потирал руки! Он совсем помолодел! Я последовал за ним, любопытствуя поскорее узнать, не ошибся ли я в своем предположении.

Когда мы дошли до скалы, дядюшка взял компас, положил его горизонтально и взглянул на магнитную стрелку, которая, качнувшись, остановилась неподвижно. Дядюшка поглядел, потом протер глаза и снова поглядел. Наконец, он с изумлением повернулся ко мне.

— Что случилось? — спросил я.

Он предложил мне посмотреть на прибор. У меня вырвался крик удивления. Стрелка показывала север там, где мы предполагали юг! Она поворачивалась в сторону берега, вместо того чтобы указывать в открытое море!

Я встряхнул компас, осмотрел его; прибор был в полной исправности. Но в какое бы положение мы ни приводили стрелку, она упорно указывала неподвижное нами направление.

Таким образом, не оставалось никакого сомнения, что во время бури ветер незаметно для нас переменялся и пригнал плот обратно к тому самому берегу, который дядюшка считал оставленным далеко позади.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Я не в состоянии описать те чувства, которые последовательно овладели профессором Лиденброком: его изумление, сомнение и, наконец, гнев. Никогда я не видал человека, сперва столь обескураженного,

потом столь раздраженного. Утомительность переезда, перенесенные опасности — все приходилось испытать снова! Мы вернулись назад, вместо того чтобы подвигнуться вперед!

Но дядя скоро овладел собою.

— Ах, какую шутку сыграла со мною судьба! — вскричал он. — Стихии вступают в заговор против меня! Воздух, огонь и вода соединенными усилиями мешают моему путешествию! Хорошо же! Пусть изведуют, на что способна моя сила воли. Я не покорюсь, не отступлю ни на шаг, и мы увидим, кто победит — человек или природа!

Стоя на скале, раздраженный и грозный, Отто Лиденброк, подобно неукротимому Аяксу, казалось, вызывал богов на поединок. Но я счел уместным вмешаться, чтобы обуздать дядюшкин порыв бешенства.

— Послушайте меня, — сказал я ему решительным тоном, — всякое честолюбие должно иметь свои пределы. Нельзя бороться против невозможного; мы слишком плохо вооружены для морского путешествия; нельзя проплыть пятьсот лье на простой связке бревен, с одеялом вместо паруса и шестом вместо мачты, да еще против сильнейшего ветра. Мы не можем управлять плотом, мы станем игрушкой морской стихии. Будет безумием вторично предпринять эту рискованную переправу!

Я мог минут десять приводить целый ряд таких неопровержимых доводов, не встречая возражений, но только потому, что профессор не обращал на меня ни малейшего внимания и не слышал ни одного моего слова.

— К плоту! — крикнул он.

Таков был его ответ. Я и просил и сердился, но все было напрасно: я столкнулся с волей, более твердой, чем гранит.

Ганс тем временем закончил починку плота. Можно было подумать, что этот чудак угадывал дядюшкины планы. С помощью нескольких кусков «суртарбрандура» он снова скрепил плот. Парус был уже поднят, и ветер играл в его волнующихся складках.

Профессор сказал несколько слов проводнику, и тот

немедленно стал грузить багаж на плот и готовиться к отплытию. Воздух был довольно чистый, и дул попутный северо-западный ветер.

Что же было мне делать? Восстать одному против двух? Немыслимо! Если б Ганс был на моей стороне! Но нет! Можно было подумать, что исландец отказался от собственной воли и дал обет самоотречения. От слуги, столь глубоко преданного своему господину, я ничего не мог добиться. Мне приходилось пускаться вместе с ними в путь.

Я собирался уже занять свое обычное место на плоту, но дядюшка удержал меня

— Мы отплываем только завтра, — сказал он

Я махнул рукой, как человек, на все согласный.

— Нам ничего не следует упускать, — продолжал он, — и раз судьба занесла нас на это побережье, я сперва исследую его, а потом уже поеду.

Эти слова станут понятными, если иметь в виду, что хотя мы и вернулись к северному берегу, но не к тому месту, откуда раньше отплыли. Бухта Гретхен лежала, вероятно, западнее. Поэтому намерение внимательно исследовать побережье было вполне естественно.

— Итак, в поиски за открытиями! — сказал я.

И, предоставив Гансу продолжать его работу, мы отправились в разведку. Расстояние между нашей стоянкой у берега моря и подножием горных отрогов было весьма значительно. До первых отвесных скал было не менее получаса ходьбы. Под нашими ногами хрустели бесчисленные раковины всевозможных форм и величин, в которых жили животные первичного периода. Я заметил также огромные черепашие щиты, диаметр которых нередко превышал пятнадцать футов. Они принадлежали гигантским глиптодонам плиоцена. Почва была покрыта множеством обломков и округлыми гальками, обточенными волнами и выброшенными на берег, где они отлагались слой за слоем. Это навело меня на мысль, что в былые времена море, вероятно, покрывало это пространство. На скалах, рассеянных по всему берегу, волны оставили явные следы разрушения.

Все это могло до известной степени объяснить существование моря на глубине сорока лье под поверхностью земного шара. Но, по моему мнению, вся эта водная масса должна была постепенно погрузиться в недра Земли, и своим происхождением она, очевидно, обязана водам мирового океана, просочившимся сквозь какую-нибудь трещину в земной коре. Однако приходилось предположить, что эта трещина в настоящее время закрылась, ведь иначе пещера, или, вернее, огромный водоем, наполнилась бы до краев в довольно короткое время. Возможно также, что вода в водоеме под действием внутриземного огня отчасти испаряется. Этим объясняется и образование облаков, нависших над нашими головами, и образование электричества, вызывающего грозы внутри плутонического грунта.

Такое объяснение явлений, свидетелями которых нам довелось быть, казалось мне удовлетворительным, ибо все чудеса природы, как бы необыкновенны они ни были, всегда объяснялись физическими законами.

Итак, мы шли по осадочным породам водного происхождения, как и все породы данного периода, столь широко распространенные на поверхности земного шара. Профессор внимательно осматривал всякую трещину в скале. Для него важно было исследовать глубину каждого отверстия, которое нам попадалось на глаза.

Мы прошли уже с милю по берегу моря Лиденброка, как порода вдруг приняла другой вид. Она была вся как бы перевернута в результате сильных вздыманий нижних слоев земной коры. В некоторых местах провалы и поднятия слоев свидетельствовали о мощном смещении земной коры.

Мы с трудом пробирались среди гранитных обломков, смешанных с кремнями, кварцем и аллювиальными отложениями, как вдруг перед нами открылось поле, или, вернее, равнина, усеянная костями. Можно сказать, это было огромное кладбище, вмещавшее в себе в течение двадцати веков нетленный прах многих поколений. Взбросы наносной земли поднимались уступами. Они придавали местности волнистый вид и тянулись вплоть до самого горизонта, где и терялись в ту-

манной дымке. Тут, на пространстве около трех квадратных миль, была, быть может, запечатлена вся история органической жизни, лишь слабо начертанная в почве позднейшего происхождения. Однако нетерпение и любопытство увлекали нас вперед. Под нашими ногами с треском рассыпались кости ископаемых доисторических животных, за обладание которыми поспорили бы музеи больших городов. Тысяча Кювье не могла бы справиться с восстановлением скелетов органических существ, покоившихся в этом великолепном костехранилище.

Я был поражен. Дядюшка воздел свои длинные руки к мощному своду, заменявшему нам небо. Его широко открытый рот, сверкавшие из-за очков глаза, покачивание головою, сверху вниз и справа налево, вся его поза выражали безграничное удивление. Он набрел на неоценимую коллекцию лептотериев, мерикотериев, лофодонов, аноплотериев, мегатериев, мастодонтов, протопитеков, птеродактилей, всевозможных допотопных чудовищ, собранных тут точно ради него одного. Вообразите себе физиономию страстного библиомана, вдруг очутившегося в знаменитой Александрийской библиотеке, сожженной Омаром и чудом возникшей из пепла! Таков был мой дядюшка, профессор Лиденброк! Каково же было удивление дядюшки, когда, бродя среди этих органических останков, он нашел череп!

Дядюшка закричал дрожащим голосом:

— Аксель, Аксель, человеческий череп!

— Человеческий череп, дядя! — ответил я, пораженный не менее его.

— Да, племянник! О, Мильн Эдвардс! О, Катрфаж! Отчего нет вас здесь, где нахожусь я, Отто Лиденброк!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Чтобы понять восклицание дядюшки, обращенное к этим знаменитым французским ученым, надо знать, что незадолго до нашего отъезда произошло событие, в высшей степени важное для палеонтологии.

28 марта 1863 года землекопами, работавшими под руководством Буше де Пёрта в каменоломнях Мулэн-Кюиньона близ Абдевиля, в департаменте Соммы, во Франции, была найдена на глубине четырнадцати футов под землею человеческая челюсть. Это был первый ископаемый данного вида, изъятый из земли. Возле него нашли каменные мотыги и обтесанные куски кремня, от времени покрытые плесенью.

Открытие наделало много шума не только во Франции, но и в Англии и в Германии. Некоторые ученые Французского института, между прочим Милы Эдвардс и Катрфаж, заинтересовавшись этим вопросом, доказали неоспоримую подлинность найденной кости и выступили самыми горячими борцами в «тяжбе по поводу челюсти», как выражались англичане.

К геологам Соединенного королевства, признавшим несомненность этого факта, — Факонеру, Бёску, Карпентеру и прочим, — присоединились немецкие ученые, и среди них, первым и самым восторженным, оказался мой дядюшка Лиденброк.

Подлинность ископаемого человека четвертичной эпохи казалась неоспоримо доказанной и признанной.

Но эта теория встретила яростного противника в лице Эли де Бомона. Высокоавторитетный ученый утверждал, что горные породы Мулэн-Кюиньона не относятся к формациям дилuvia, а принадлежат к менее древней формации, и, будучи в этом отношении единомышленником Кювье, не допускал мысли, чтоб род человеческий возник вместе с животными четвертичной эпохи. Дядюшка Лиденброк, в согласии с громадным большинством геологов, не уступал, спорил и приводил столь веские доводы, что Эли де Бомон остался почти единственным сторонником своей теории.

Мы знали все подробности дела, но нам не было известно, что со времени нашего отъезда выяснение этого вопроса подвинулось вперед. Челюсти того же самого вида были найдены в рыхлой бесцветной почве некоторых пещер во Франции, Швейцарии и Бельгии, равно как и оружие, утварь, орудия, скелеты детей,

подростков, взрослых и стариков. Существование человека четвертичного периода с каждым днем подтверждалось все более и более.

Мало того! Останки, вырытые из юнейших пластов третичной геологической формации, позволили более смелым ученым приписать человеческому роду еще более почтенный возраст. Правда, эти останки представляли собой не человеческие кости, а только изделия рук человеческих: большая берцовая кость и бедровые кости ископаемых животных, правильно обточенные, так сказать, высеченные скульптором, носили на себе отпечаток человеческого труда.

Таким образом, человек сразу поднялся по лестнице времен на много веков выше; он опередил мастодонта, стал современником «южного слона»; существование его исчисляется сотнями тысяч лет, поскольку геологи относят к тому времени наиболее известную плиоценовую формацию.

Таково было состояние палеонтологической науки. Поэтому станет понятным удивление и радость дядюшки, если прибавить к тому же, что, пройдя двадцать шагов, он натолкнулся на экземпляр человека четвертичного периода.

Сразу же можно было определить, что это человеческий скелет. Неужели сохранился он в течение целых столетий благодаря особым свойствам почвы, как на кладбище Сен-Мишель в Бордо? Этого я не сумею сказать. Но скелет, обтянутый пергаментной кожей, его еще эластичные члены, — на вид по крайней мере! — крепкие зубы, густые волосы, ужасающей длины ногти на руках и на ногах — все это представилось нашим взорам таким, каким тело было при жизни.

Я онемел перед призраком минувших времен. Дядюшка, обычно столь разговорчивый, тоже молчал. Мы подняли скелет. Поставили его стоймя. Он смотрел на нас своими пустыми глазницами. Мы ощупали этот костяк, издававший звук при каждом нашем прикосновении.

После короткого молчания в дядюшке вновь заговорил профессор Отто Лиденброк; увлеченный горячностью темперамента, он забыл, в каких обстоятель-

ствах мы находились, будучи пленниками этой пещеры. Он, несомненно, вообразил себя стоящим на кафедре перед слушателями, в Иоганнеуме, ибо принял наставительный тон, как бы обращаясь к воображаемой аудитории.

— Милостивые государи, — начал он, — имею честь представить вам человека четвертичного периода. Некоторые великие ученые отрицали его существование, другие, не менее великие, напротив, подтверждали. Теперь любой Фома неверующий от палеонтологии, будь он здесь, должен был бы, коснувшись его пальцем, признать свою ошибку. Мне хорошо известно, что наука должна относиться крайне осторожно к открытиям подобного рода! Я не могу не знать, какую выгоду извлекали разные Барнумы и прочие шарлатаны того же сорта из ископаемого человека! Мне известна история с коленной чашкой Аякса, с так называемым телом Ореста, якобы найденным спартамцами, и телом Астерии, длиною в десять локтей, о чем говорит Павзаний. Я читал сообщение по поводу скелета из Тропани, открытого в шестнадцатом веке, в котором пытались признать Полифема, и историю гигантов, вырытых из земли в шестнадцатом веке в окрестностях Палермо. Вы так же, как и я, прекрасно знаете результаты исследования костей огромных размеров, имевшего место в тысяча пятьсот семьдесят седьмом году в Люцерне, и, по утверждению известного врача Феликса Платера, принадлежавших гиганту в девятнадцать футов! Я с жадностью прочел трактат Коссаниона и все опубликованные хроники, брошюры, доклады и дискуссии по поводу скелета Тевтобокка, короля кимвров, захватчика Галлии, выкопанного в провинции Дофине в тысяча шестьсот тринадцатом году! В восемнадцатом веке я боролся бы на стороне Пьера Компе против преадамитов Шойхера! У меня была в руках рукопись, озаглавленная: *Гиган...*

Тут сказался природный недостаток дядюшки: выступая публично, он запинался на каждом слове, трудном для произношения.

— Рукопись, озаглавленная: *Гиган...*

Он не мог выговорить это слово.

— *Гиганто*

Немыслимо! Злополучное слово застревало на языке! И хорошо же посмеялись бы в Иоганнеуме!

— *Гигантогеология!* — произнес, наконец, профессор Лиденброк, дважды выругавшись.

Далее все пошло гладко

— Да, господа! — продолжал он, воодушевляясь. — Мне известны все эти истории! Я знаю также, что Кювье и Блюменбах признали в упомянутых костях попросту кости мамонта четвертичного периода и других животных. Но сомнение было бы оскорблением, нанесенным науке! Труп перед вами! Вы можете видеть и осязать его. Это не просто скелет, а настоящее тело, избежавшее тления исключительно в интересах антропологии!

Я рад был бы не оспаривать этого утверждения.

— Если бы я мог промыть его в растворе серной кислоты, — говорил между тем дядюшка, — я бы очистил его от земли и удалил с него все приставшие к нему блестящие ракушки. Но у меня нет драгоценного растворителя! И все же, даже в таком виде, этот человеческий остов сам расскажет нам собственную историю!

Тут профессор схватил скелет ископаемого и стал повертывать его во все стороны, выказывая ловкость рук фокусника.

— Вы видите, — продолжал он, — ископаемый человек едва достигает шести футов. Принадлежит он бесспорно к кавказской расе. К расе белых, как и мы! Череп ископаемого правильной яйцевидной формы, скулы не выдаются, челюсть развита нормально. В нем нет никаких признаков прогнатизма, отметиной которого является острый лицевой угол. Измерьте этот угол. Он почти близок к прямому. Но я иду еще дальше по пути логического мышления и даже осмелюсь утверждать, что этот человеческий образец принадлежит к роду Иафета, рассеянному от Индии до пределов Западной Европы. Не смейтесь, господа!

Никто не смеялся, но профессор, выступая с ученым докладом, привык к тому, что лица его слушателей расплывались в улыбке.

— Да, — продолжал он с удвоенным воодушевлением, — перед нами ископаемый человек, современник мастодонтов, костями которых полон этот амфитеатр. Но как он попал сюда, какие пласты земной коры хранили это тело, прежде чем оно оказалось в этом огромном полом пространстве земного шара, на это я не берусь ответить. Несомненно, что ископаемое относится к четвертичному периоду; неясности, заслуживающие пристального внимания, все еще обнаруживаются в коре земного шара; остывание нашей планеты порождает складчатость, трещины, сбросы, опускания верхних слоев земной коры. Но, как бы то ни было, человек налицо, он окружен произведениями своих рук, топором, обточенным кремнем, этим ассортиментом каменного века; и я, будучи туристом, подобно ему, пионером в науке, не могу сомневаться в достоверности его древнего происхождения.

Профессор кончил, и я восторженно аплодировал ему. Впрочем, профессор был прав; и более ученые люди, чем его племянник, затруднились бы спорить с ним.

Новые находки. Ископаемое тело не было единственным в этом обширном костехранилище. На каждом шагу мы натывались на трупы, и дядюшка имел полную возможность выбрать из них образцовый экземпляр для убеждения неверующих.

Поистине изумительное зрелище представляло это кладбище, где покоились останки многих поколений человеческих и животных особей. Но тут возникал важный вопрос, который мы не могли разрешить. Как оказались тут все эти существа? Не были ли они сброшены с поверхности Земли мертвыми на берег моря Лиденброка во время землетрясения? Или же они жили в этом внутриземном мире, под этим искусственным небом, рождаясь и умирая, подобно обитателям Земли? До сих пор мы встретили живыми только морских гадюк и рыб! Неужели и человек блуждал на этих пустынных берегах?

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Вот уже полчаса ходим мы по этим грудам костей. Горячее любопытство влечет нас все дальше и дальше. Какие еще чудеса, какие научные сокровища таила эта пещера? Я приготовился ко всяким неожиданностям, готов был всему изумляться.

Морской берег давно уже скрылся за кладбищенскими холмиками. Профессор мало беспокоился о том, что мы можем заблудиться, и увлекал меня вглубь. Мы шли молча, купаясь в электрических волнах. Этот рассеянный свет, происхождение которого я не могу объяснить, освещал все предметы равномерно; определенного фокуса, способного отбрасывать тень, не существовало. Водяные испарения совсем прекратились. Скалы, дальние горы, несколько неясные массивы леса вдали принимали причудливый вид благодаря равномерному распределению световых лучей.

Пройдя более мили, мы очутились у опушки исполинского леса, но уже не «грибного», как то было около бухты Гретхен.

Это была растительность третичного периода во всем ее великолепии. Гигантские пальмы уже исчезнувших видов, превосходные пальмаситы, сосны, тисовые деревья, кипарисы, туи, представлявшие собою семейство хвойных пород, были переплетены между собою непроницаемой сетью лиан. Пушистый ковер мха и печеночника одевал землю. Ручьи журчали под их тенистой листвою, мало достойной этого эпитета, потому что деревья не отбрасывали тени. На опушке леса росли древовидные папоротники, напоминавшие папоротники, выращиваемые в теплицах. Но листва на деревьях, кустарниках, как и все здешние растения, была бесцветна из-за отсутствия живительной солнечной теплоты. Все сливалось в этой однообразной, словно бы выцветшей окраске коричневатых тонов. Листва этой мощной растительности третичного периода, лишенная цвета и запаха, казалось, была вырезана из бумаги, вылинявшей на открытом воздухе.

Дядюшка Лиденброк отважился вступить в этот гигантский лес. Не без боязни последовал я за ним.

Раз природа произвела такую здоровую и питательную растительность, отчего бы не водиться тут и опасным млекопитающим? Я замечал на широких прогалинах, которые образуют подточенные временем и поваленные наземь деревья, стручковые растения и множество кормовых трав, столь излюбленных жвачными животными всех периодов. Далее виднелись вперемежку деревья различных поясов земного шара: дуб рос около пальмы, австралийский эвкалипт соседствовал с норвежской сосной, северная береза переплеталась с ветвями зеландского кавриса.

Внезапно я остановился и схватил дядюшку за руку.

Рассеянный свет позволял различить малейшие предметы в чаще леса. Мне показалось, что я увидел... Нет! Я в самом деле видел, своими собственными глазами, что между деревьями двигались какие-то огромные фигуры. Действительно, то были исполинские звери, стадо мастодонтов, не ископаемых, нет! а живых и похожих на тех, останки которых были найдены в 1801 году в болотах Огайо! Я видел громадных слонов, хоботы которых извивались под деревьями, подобно легиону змей. Я слышал, как своими длинными клыками они долбили древние стволы. Ветви трещали, и оборванная листва исчезала в широкой пасти чудовищ.

Весь мир доисторических времен, третичного и четвертичного периода, пригрезившийся мне во сне, предстал предо мной наяву! И мы были одни тут, в недрах Земли, во власти их хищных обитателей!

Дядюшка тоже видел их.

— Пойдем, — сказал он вдруг, хватая меня за руку, — вперед, вперед!

— Нет! — воскликнул я. — Нет! Мы безоружны! Что сможем мы сделать среди стада четвероногих гигантов? Уйдемте, дядюшка, уйдемте! Ни одно человеческое существо не может безнаказанно раздражить этих страшилищ.

— Ни одно человеческое существо? — ответил дядюшка тихим голосом. — Ты ошибаешься, Аксель! Посмотри, посмотри-ка туда! Мне кажется, что я вижу живое существо! Существо, подобное нам. Человека!

Я посмотрел, пожимая плечами, решившись довести свое недоверие до крайних пределов. Однако мне пришлось сдаться перед очевидностью.

Действительно, не далее как за четверть мили от нас, прислонившись к стволу огромного кавриса, стояло человеческое существо. Протей этих подземных стран, новый сын Нептуна, пасший несметное стадо мастодонтов!

*Immanis pecoris custos immanior ipse!*¹

Да, *immanior ipse*. Это было уже не ископаемое, как тот скелет в костехранилище, а живой гигант, который мог управлять этими чудовищами. Рост его превышал двенадцать футов. Голова величиной с голову буйвола исчезала в целом лесе вклучоченных волос. Он размахивал огромной ветвью — посохом, достойным первобытного пастуха!

Мы стояли, остолбенев от ужаса. Но нас могли заметить. Надо было бежать.

— Идемте, идемте! — кричал я, увлекая за собой дядюшку, который впервые послушался меня!

Через четверть часа мы уже скрылись с глаз этого страшного врага.

А теперь, когда я спокойно вспоминаю об этом случае, когда хладнокровие снова вернулось ко мне и месяцы прошли со времени сверхъестественной встречи, что думать мне о ней? Неужели верить? Нет, невозможно! То было просто зрительной галлюцинацией, этого не было в действительности! В этом подземном мире не существует ни одного человеческого существа! Допустить, чтоб человеческий род мог обитать в этой пещере, в недрах земного шара, не сообщаясь с Землей, — полнейшая бессмыслица. Безумие, чистейшее безумие! Я скорее готов допустить существование какого-нибудь животного, строение которого походит на человеческое, какой-нибудь обезьяны первичной геологической эры, какого-нибудь протопитека, мезоритека, подобного тому, которого открыл Ларте в залежах

¹ Стада гигантского страж и сам гигантоподобный (лат.).

Сансаны, заключающих в себе кости ископаемых животных! Но этот превосходил ростом все размеры, известные в современной палеонтологии! Ну и что ж? Обезьяна? Да, обезьяна, как бы ни было это невероятно! Но человек, живой человек, потомок целого ряда поколений, погребенных в недрах Земли!.. Да, никогда не поверю!

Мы покинули призрачный и светозарный лес, немые от удивления, охваченные ужасом... Мы бежали помимо своей воли. Это было поистине паническое бегство, как бывает только в кошмарах. Мы устремлялись к морю Лиденброка, и я не знаю, что случилось бы со мною, если бы страх не заставил меня обратиться к более практическим наблюдениям.

Хотя я и был уверен, что эта девственная земля не носила на себе следов наших ног, я замечал все же, что нагромождение скал напоминало порою скалы близ бухты Гретхен. Впрочем, это подтверждалось и указаниями компаса и нашим невольным возвращением на северный берег моря Лиденброка. Сходство иногда было поразительное. Ручьи и каскады низвергались по уступам скал. Мне казалось, что я узнаю куски «суртарбрандура», наш верный ручей Ганса и грот, где я вернулся к жизни. Но, пройдя несколько шагов, расположение какого-нибудь горного кряжа, какой-нибудь ручеек, разрез скалы снова вызывали во мне сомнения.

Я поделился с дядюшкой своими сомнениями. Он колебался, как и я. Однообразие панорамы не позволяло дядюшке узнать местность.

— Очевидно, — сказал я, — мы пристали не к тому месту, откуда отплыли; буря прибила наш плот несколько выше, и если мы пойдем по берегу, то дойдем до бухты Гретхен.

— В таком случае, — отвечал дядюшка, — излишне продолжать разведки, и самое лучшее — вернуться к плоту. Но не ошибаешься ли ты, Аксель?

— Трудно утверждать, дядюшка, ведь все эти скалы похожи друг на друга. Однако мне кажется, что я узнаю мыс, у подножья которого Ганс строил плот. Мы, видимо, находимся близ какого-то залива, а, по-

жалуй, ведь это и есть бухта Гретхен! — прибавил я, изучая берега бухты, показавшейся мне знакомой.

— Нет, Аксель, мы наткнулись бы по крайней мере на наши собственные следы, а я ничего не вижу...

— А я вижу, — воскликнул я, бросившись к какому-то предмету, блестящему на песке.

— Что такое?

— А вот что! — ответил я.

И я показал дядюшке заржавевший кинжал, поднятый мною с земли.

— А! — сказал он. — Так ты взял с собой это оружие?

— Я? Вовсе нет! Но вы...

— Нет, насколько я помню, — возразил профессор. — У меня никогда не было такого кинжала.

— Это странно!

— Нет, все очень просто, Аксель! У исландцев часто встречается подобного рода оружие, и Ганс, которому оно принадлежит, вероятно, потерял его...

Я покачал головой. Кинжал Гансу не принадлежал.

— Возможно, это оружие первобытного воина! — воскликнул я. — Живого человека, современника великана пастуха? Но нет! Это оружие не каменного века! Даже не бронзового! Этот клинок из стали...

Тут дядюшка прервал мои домыслы, уводившие меня далеко в сторону, и прибавил холодно:

— Успокойся, Аксель, и образумься! Кинжал — оружие шестнадцатого века, настоящий кинжал с трехгранным клинком, который рыцари укрепляли у пояса и которым наносили в бою последний удар. Кинжал испанского происхождения. Он не принадлежит ни тебе, ни мне, ни охотнику, ни даже человеческим существам, живущим, может быть, в недрах земного шара!

— Вы осмеливаетесь утверждать?..

— Смотри, его зазубрили не человекоубийством; клинок его покрыт ржавчиной, давность которой не один день, не один год, не целое столетие!

Профессор, по обыкновению, воодушевился, увлекаясь своей мыслью.

— Аксель, — продолжал он, — мы на пути к великому открытию! Этот клинок лежит здесь на песке лет сто, двести, триста лет, и зазубрился о скалы подземного моря!

— Но не сам же он попал сюда! — воскликнул я. — Кто-нибудь был здесь до нас...

— Да! Человек...

— И этот человек...

— Этот человек высек свое имя этим кинжалом! Этот человек захотел еще раз собственноручно указать путь к центру Земли! В поиски! В поиски!

И мы пошли вдоль высокой отвесной скалы, с чрезвычайным вниманием исследуя малейшие трещины, которые могли перейти в галерею.

Так мы дошли до места, где берег суживался. Море почти достигало подножия предгорий, оставляя не более одного туаза для прохода. Между выступами скал был виден вход в темный туннель.

Тут, на плоском гранитном камне, мы увидели две таинственные буквы, наполовину стертые, — инициалы смелого и фантастического путешественника:

· А · Ч ·

— А. С.Г.— вскричал дядюшка. — Арне Сакнуссем! Везде Арне Сакнуссем!

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

С самого начала путешествия я испытал так много необычайного, что мог считать себя застрахованным от неожиданностей и даже неспособным удивляться. Но все же при виде этих двух букв, высеченных на скале триста лет назад, я был чрезвычайно изумлен. Мало того, что на скале высечено было имя ученого алхимика, в моих руках находился еще стилет, которым он его вырезал! Невозможно более сомневаться в суще-

ствовании путешественника и в действительности его путешествия.

Пока эти мысли кружились в моей голове, профессор Лиденброк отдал дань восторженному преклонению перед Арне Сакнуссемом.

— Гений, достойный удивления! — восклицал он. — Ты все предусмотрел, чтобы облегчить смертным путь через кору земного шара во имя будущих открытий; и подобные тебе пойдут по твоим следам, которые ты оставил три века назад во мраке этих подземных глубин! Ты дал возможность потомкам созерцать эти чудеса! Твое имя, высеченное то тут, то там твоею собственною рукою, указывает отважному путнику дорогу к центру нашей планеты! Ну, что ж! И я поставлю свое имя на этой последней гранитной странице! И да будет утес у моря, открытого тобою, назван мысом Сакнуссема!

Восторг и воодушевление дядюшки передались и мне. Пафос его речи поднял мой упавший дух.

Я забыл все опасности путешествия и рискованность обратного пути. Я хотел совершить то же, что совершил другой, и ничто человеческое не казалось мне невозможным!

— Вперед, вперед! — воскликнул я.

Я устремился было к темной галерее, но профессор удержал меня. И он, этот пылкий человек, посоветовал мне быть более терпеливым и хладнокровным.

— Вернемся сначала к Гансу, — сказал он, — и приведем сюда плот.

Не без досады я послушался его и быстро зашагал среди прибрежных скал.

— Знаете ли, дядюшка, — сказал я, идя рядом с ним, — нам замечательно везет до сих пор!

— Вот как! Ты так думаешь, Аксель?

— Конечно! Даже буря удачно направила нас на верный путь. Будь благословенна гроза! Она приблизила нас к берегу, от которого хорошая погода удалила бы нас! Вообразите себе на минуту, что мы бы уткнулись носом в южный берег моря Лиденброка. Что случилось бы с нами? Имя Сакнуссема ускользнуло бы

от наших глаз, и мы оказались бы теперь в безвыходном положении.

— Да, Аксель, это прямо-таки чудо, что мы, плывя к югу, были унесены на север к мысу Сакнуссема. Должен прямо сказать, что в этом факте есть нечто положительно необъяснимое!

— Э! Пустое! Нам нет нужды объяснять факты, а надо ими пользоваться!

— Конечно, мой мальчик, но...

— Мы снова берем курс на север, пройдем под северными странами Европы, Швецией, Россией, Сибирью, — кто знает, где еще, — вместо того чтобы идти под пустынями Африки или океаническими водами!

— Да, Аксель, ты прав, и все идет к лучшему, раз мы покончили с плаванием по горизонтали, которое ни к чему бы нас не привело. Теперь мы будем спускаться, еще спускаться, все время спускаться! Знаешь ли ты, что до центра Земли нам осталось всего полторы тысячи лье?

— Пустяки! — воскликнул я. — Об этом и говорить не стоит! В путь! В путь!

Мы вели подобные бредовые речи, пока не наткнулись на охотника. Все было готово к немедленному отплытию, не был забыт ни один тюк! Мы взошли на плот, Ганс взялся за руль, и мы полным ходом пошли вдоль берега, к мысу Сакнуссема.

Ветер был неблагоприятен для такого судна, как наш плот. Поэтому иной раз нам приходилось прибегать к помощи шестов, чтобы двигаться вперед. Скалы нередко вдавались в море, и мы принуждены были делать большие обходы. Наконец, после трехчасового плавания, иначе говоря, около шести часов вечера, мы нашли место, удобное для высадки.

Я выскочил на землю, дядюшка и исландец последовали за мной. Этот переезд не охладил моего возбуждения. Напротив, я даже предложил «сжечь наши корабли», чтобы отрезать путь к отступлению. Но дядюшка был против этого. Я находил, что он чересчур хладнокровен.

— По крайней мере, — сказал я, — мы тронемся немедленно в путь.

— Согласен, мой мальчик, но необходимо сперва исследовать новую галерею, чтобы узнать, не нужно ли приготовить лестницы.

Дядюшка привел в действие аппарат Румкорфа; плот был привязан к берегу. Впрочем, до отверстия в галерее было всего каких-нибудь двадцать шагов, и наш маленький отряд во главе со мной тотчас же направился к галерее.

Отверстие в скале, почти круглое, имело приблизительно пять футов в диаметре. Темный туннель был пробит в голых скалах и до гладкости отполирован продуктами вулканических извержений, которым он некогда служил выходом на земную поверхность. Нижний край отверстия находился в уровень с землей, и в туннель можно было войти без труда.

Мы шли сначала по плоской, почти горизонтальной поверхности; но не успели мы сделать и шести шагов, как наш путь был прегражден огромной каменной глыбой.

— Проклятая глыба! — закричал я гневно, натолкнувшись на непреодолимое препятствие.

Как мы ни искали, и справа и слева, и сверху и снизу, мы не могли найти ни прохода, ни разветвления. Я чувствовал себя крайне раздосадованным и ни за что не хотел признать реальность преграды. Я нагнулся. Осмотрел глыбу снизу. Заглянул сверху. Ни единой трещины! Все та же гранитная преграда! Ганс попробовал освещать лампой стену во всех направлениях, но нигде не обнаружил ни малейшего просвета. Приходилось отказаться от намерения идти дальше.

Я сел на землю; дядюшка ходил по коридору взад и вперед большими шагами.

— Но как же прошел Сакнуссем? — воскликнул я.

— Да, — сказал дядюшка, — неужели и ему преградила путь эта потайная дверь?

— Нет, нет! — живо возразил я. — Этот обломок скалы неожиданно заградил проход, вероятно, вследствие землетрясения или какого-либо магнитного явления, действующего в земной коре. Очевидно, галерея служила прежде путем для лавовых излияний и

продуктов вулканических извержений. Взгляните-ка, гранитный потолок изборозжен трещинами, повидимому, недавнего происхождения. Они возникли в момент вулканического извержения, когда огромные камни проламывали галерею с такой силой, как будто тут поработала рука какого-нибудь гиганта! Но однажды, под более сильным давлением, в проход втиснулась и застряла в нем глыба, образовавшая как бы замок свода и заградившая весь путь. Эта преграда, которой не встретил Сакнуссем, появилась тут позднее. Нам нужно ее устранить, иначе мы окажемся недостойны достичь центра Земли!

Вот как заговорил я! Дух профессора всецело овладел мною. Меня воодушевляла жажда открытий. Я забыл прошлое и пренебрегал будущим. Для меня уже ничего не существовало на поверхности сфероида, откуда я низвергся в бездны. ни городов, ни селений, ни Гамбурга, ни Королевской улицы, ни моей бедной Гретхен, вероятно, считавшей меня навсегда погребенным в недрах Земли!

— Что же, — заговорил дядюшка, — возьмемся за кирку, возьмемся за лом, проложим себе путь! Разрушим стены!

— Скала слишком крепка для лома! — воскликнул я.

— Ну, а кирка!

— Но... толща стены слишком велика для кирки!

— Но...

— Но у нас есть порох! Заложим мину! Взорвем глыбу!

— Взорвем?

— Да! Нужно только выдолбить углубление в скале!

— Ганс, за работу! — закричал дядюшка.

Исландец немедленно принес с плота кирку, чтобы пробить в стене углубление для мины. Работа была не из легких. Углубление должно было вместить двадцать килограммов пироксилина, разрушительная сила которого в четыре раза больше силы пороха.

Я был чрезвычайно возбужден. Пока Ганс работал, я помогал дядюшке приготовить длинный фитиль.

— Мы пройдем! — сказал я.

— Конечно, пройдем, — подтвердил дядюшка.

В полночь саперные работы были закончены, заряд пироксилина был заложен в углубление, и фитиль, протянутый через всю галерею, оканчивался снаружи.

Одной искры было достаточно, чтобы привести в действие страшный снаряд

— До завтра, — сказал профессор.

Пришлось покориться и ждать еще целых шесть часов.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

Следующий день, четверг 27 августа, стал знаменательной датой этого внутриземного путешествия. Я не могу вспомнить о нем без ужаса, вызывавшего сердцебиение. С этого дня наш разум, наши суждения, наша изобретательность не играют уже никакой роли, — мы стали игрушкой явлений природы.

В шесть часов мы были уже на ногах. Приблизился момент проложить себе при помощи пороха путь сквозь гранитную толщу.

Я добился чести поджечь фитиль. Затем я должен был присоединиться к моим спутникам, поджидавшим меня на плоту, который мы не разгружали, надеясь тотчас же отплыть в открытое море. Таким образом мы думали избежать последствий взрыва, действие которого могло распространиться за пределы гранитного массива.

По нашим расчетам фитиль должен был гореть минут десять, прежде чем взорвать порох. Следовательно, у меня было достаточно времени, чтобы вернуться на плот.

Я готовился выполнить свою задачу не без некоторого волнения.

Наскоро позавтракав, дядюшка и охотник отправились на плот, а я остался на берегу. При мне был зажженный фонарь.

— Иди, мой мальчик, — сказал дядюшка, — и возвращайся к нам немедленно.

— Будьте спокойны, дядюшка, — отвечал я, — не замешкаюсь!

Я тотчас же направился ко входу в галерею. Открыл фонарь и взял в руки конец фитиля.

Профессор держал хронометр.

— Готово? — крикнул он мне.

— Готово!

— Так зажигай.

Я быстро поднес фитиль к огню и опроретью бросился к берегу.

— Садись, — закричал дядюшка, — и отплывем!

Сильным толчком Ганс отбросил плот в море. Плот отошел на двадцать туазов от берега.

Наступил тревожный момент. Профессор внимательно следил за стрелкой хронометра.

— Еще пять минут... — считал он. — Еще четыре! Три!

Пульс у меня лихорадочно бился.

— Еще две! Одна!.. Обрушьте, гранитные горы!

Что произошло вслед за тем? Я не слышал взрыва. Но форма прибрежных утесов внезапно изменилась у меня на глазах; скалы раздвинулись, как завеса. Бездонная пропасть разверзлась у самого берега. Море, словно охваченное вихрем головокружения, вздыбилось одной огромной волной, и на гребне этой волны оказался наш плот, почти в отвесном положении.

Мы были, все трое, сбиты с ног. Свет сменился глубочайшей тьмой. Я почувствовал, что исчезла надежная опора, и не под моими ногами, а под плотом. Я подумал, что плот проваливается в бездну. Но этого не случилось. Мне хотелось обменяться словом с дядюшкой, но из-за шума воды он бы не услышал меня.

Несмотря на царивший мрак, рев воды, испуг, смятение, я понял, что произошло.

За скалой, взлетевшей в воздух, открылась бездна. Взрыв произвел настоящее землетрясение в этой почве, иссеченной трещинами; бездна разверзлась, и море, превратившееся в бешеный поток, увлекало нас с собой.

Я считал себя погибшим.

Прошел час, два часа, не знаю, сколько именно!

Мы прижимались друг к другу, держась за руки, чтобы не свалиться с плота. Порою плот ударялся о стену и нас отчаянно встряхивало. Однако такие толчки случались редко, из чего я заключил, что галерея становилась значительно шире. Несомненно, это и был путь Сакнуссема; но мы спускались не одни, а, по вине своей неосторожности, вместе с морем!

Мысли эти, разумеется, мелькали в моей голове в расплывчатой, неясной форме. Мне стоило труда связно думать при этом головокружительном плавании, похожем на падение в пропасть. Судя по напору воздуха, хлеставшего мне в лицо, скорость движения плота превосходила скорость курьерских поездов. В этих условиях было невозможно зажечь факел, а наш последний электрический аппарат разбился во время взрыва.

Поэтому я был сильно изумлен, увидев близ себя вспыхнувший огонек. Он осветил спокойное лицо Ганса. Ловкому охотнику удалось зажечь фонарь, и, хотя огонек еле мерцал, он все же хоть слабо, но разгонял эту кромешную тьму.

Галерея сильно расширилась. Я не ошибся. Тусклое освещение не позволяло видеть одновременно обе ее стены. Мы низвергались в стремнину с быстротой, превосходившей силу падения самых бурных водопадов Америки. Поток, уносивший нас, напоминал связку водяных стрел, пущенных с невероятной силой. Я не могу привести сравнения, более образного!

Порою плот, подхваченный водоворотом, начинал кружиться, как волчок. Как только мы приближались к одной из стен галереи, я освещал ее фонарем, и поэтому, что выступы скал сливались в одну непрерывную линию, я мог заключить о скорости, с которой мы плыли. Я определил скорость падения воды в тридцать лье в час.

Мы с дядюшкой озирались растерянно по сторонам, сидя на корточках возле обломка мачты, сломавшейся во время катастрофы. Мы старались сидеть спиной против ветра, чтобы можно было перевести дыхание.

Так проходили часы. Положение не изменялось, но одно обстоятельство еще более ухудшило его.

Приводя в порядок наш груз, я обнаружил, что большая часть имущества погибла во время взрыва, когда взбаламученное море грозило затопить наш плот. Взяв фонарь, я стал осматривать наши запасы. Из приборов остались только компас и хронометр; от лестниц и веревок — кусок каната, намотанный на остаток мачты! Ни кирки, ни лома, ни молотка — все инструменты погибли, и в довершение несчастья провизии осталось всего на один день! Я боялся мук голода, а разве нам не угрожала гибель в пучине? И достанет ли времени умереть от истощения?

Я обшарил каждый уголок на плоту, каждую щель между бревен и досок! Пусто! Всего лишь кусок сушеного мяса и несколько сухарей!

Я буквально оцепенел! Я отказывался верить своим глазам! Но пусть бы провизии хватило на целые месяцы, как спастись из бездны, в которую нас уносил бешеный поток?

Однако по необъяснимой прихоти воображения я забывал о близкой опасности перед ужасами будущего. Как знать, не удастся ли нам спастись, выбраться из разъяренной водной стихии и вернуться на поверхность Земли? Каким образом? Я этого не знал. Куда именно? Не все ли равно. Но один шанс на тысячу — все же шанс! А меж тем смерть от голода — реальность, не оставлявшая никакой надежды.

Первой моей мыслью было рассказать дядюшке, в какое бедственное положение мы попали, высчитать, сколько времени осталось нам жить. Но у меня хватило мужества промолчать. Я не желал, чтобы дядюшка потерял самообладание.

В это время свет фонаря стал понемногу ослабевать и, наконец, потух. Фитиль сгорел до конца. Наступила снова непроглядная тьма. Нельзя было и надеяться рассеять этот непроницаемый мрак. Хотя у нас был еще факел, но как могли бы мы зажечь его при таком ветре? Тогда я поступил, как ребенок: я закрыл глаза из страха темноты.

Прошло довольно много времени, скорость падения воды удвоилась. Я заметил это по тому, с какой силой ветер бил мне в лицо. Мы неслись с головокружитель-

ной быстротой. Казалось, что мы уже не скользим по воде, а низвергаемся в пропасть! Ганс и дядюшка, вцепившись в меня, удерживали меня всеми силами.

Внезапно я почувствовал толчок; то не было ударом о твердый предмет, но наше низвержение прекратилось. Возникла преграда: огромный водяной столб обрушился на наш плот. Я захлебывался. Стал тонуть...

Однако наводнение продолжалось недолго. Через несколько секунд я почувствовал себя на свежем воздухе и вздохнул полной грудью. Дядюшка и Ганс крепко держали меня за руки, и плот еще выдерживал нас.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

Было, видимо, около десяти часов вечера. Первое, что я ощутил после последнего штурма, — полное безмолвие. Ко мне вернулась прежде всего способность слышать: я понял, что рев воды, вселявший в меня ужас, смолк, в галерее воцарилась тишина. Наконец, донеслись до меня, как бы сказанные шепотом, слова дядюшки:

— Мы поднимаемся!

— Что вы хотите сказать? — вскричал я.

— Да, мы поднимаемся! Поднимаемся!

Я протянул руку; дотронулся до стены; моя рука была вся в крови. Мы поднимались с чрезвычайной быстротой.

— Факел! Факел! — закричал профессор.

Гансу не без труда удалось зажечь факел, и пламя, несмотря на наш подъем вверх, горело ровно, бросая достаточно света, чтобы озарить всю сцену.

— Я так и думал, — сказал дядюшка. — Мы находимся в узком колодце, не имеющем и четырех туазов в диаметре. Вода, дойдя до дна пропасти, стремится снова достигнуть своего уровня и поднимает нас с собою.

— Куда?

— Не знаю, но надо ко всему приготовиться. Ско-

рость, с которой мы поднимаемся, я определяю в два туаза в секунду, это составляет сто двадцать туазов в минуту, или свыше трех с половиною лье в час. Так можно очутиться невесте где!

— Да, если ничто нас не остановит, если эта бездна имеет выход! Но что, если она закрыта, если воздух под давлением водяного столба будет постепенно сгущаться, что, если мы будем раздавлены?

— Аксель, — ответил профессор с большим спокойствием, — наше положение почти безнадежно, но все же есть некоторая надежда на спасение, и ее-то я и имею в виду. Если мы можем каждую минуту погибнуть, то каждую же минуту мы можем и спастись. Поэтому будем наготове, чтобы воспользоваться малейшим благоприятным обстоятельством.

— Но что же нам теперь делать?

— Надо подкрепиться, поесть!

При этих словах я пристально взглянул на дядюшку. Пришлось сказать то, в чем я не хотел раньше признаться.

— Поесть? — спросил я.

— Да, немедленно!

Профессор сказал несколько слов по-датски. Ганс покачал головой.

— Как! — вскричал дядюшка. — Провизия погибла?

— Да, вот все, что осталось! Кусок сушеного мяса на троих!

Дядюшка смотрел на меня, не желая понять смысла моих слов.

— Что же, — сказал я, — вы все еще верите, что мы можем спастись?

На мой вопрос ответа не последовало.

Прошел час. Я начал испытывать сильный голод. Мои спутники также хотели есть, но никто не решался дотронуться до скудных остатков пищи.

Между тем мы попрежнему неслись вверх с чрезвычайной быстротой. Порою у нас захватывало дыхание, как у воздухоплателей на больших высотах. Но если аэронавтам, по мере того как они поднимаются в высшие слои воздуха, приходится испытывать все больший холод, то нам приходилось испытывать как

раз обратное. Жара усиливалась в ужасающей степени и в этот момент достигала, наверно, сорока градусов

Что должна была означать эта перемена атмосферы? До сих пор факты подтверждали теорию Дэви и Лиденброка; до сих пор огнеупорные горные породы, электричество и магнетизм создавали особые условия, нарушавшие законы природы, влияли на понижение температуры, ибо теория центрального огня оставалась, на мой взгляд, все-таки единственно истинной, единственно объясняющей все. Не попадали ли мы теперь в такую среду, где эти явления совершались в силу законов природы и где жара доводила скалы до расплавленного состояния? Я опасался этого и высказал свои соображения профессору.

— Если мы не потонем или не разобьемся, если мы не умрем от голода, у нас всегда еще останется возможность спореть заживо.

Тот лишь пожал плечами и погрузился в свои размышления.

Прошел еще час, и, за исключением небольшого повышения температуры, положение не изменилось. Наконец, дядюшка нарушил молчание.

— Видишь ли, — сказал он, — надо на что-нибудь решиться.

— Решиться? — спросил я.

— Да! Нам нужно подкрепить наши силы. Если мы попытаемся продлить на несколько часов наше существование, сберегая остатки пищи, мы ослабеем вконец!

— Да, и этот конец не заставит себя ждать.

— Но если представится случай спастись, если потребуются решительные действия, откуда мы возьмем силу для этого, если ослабеем от истощения?

— Но что же, дядюшка, станется с нами, когда мы съедем последний кусок?

— Ничего, Аксель, ничего! Но насытишься ли ты, пожирая этот кусок глазами? Ты рассуждаешь, как человек, лишенный воли, как существо, лишенное энергии!

— Да неужели же вы не теряете надежды? — вскричал я с раздражением.

— Нет! — твердо ответил профессор.

— Как? Вы еще верите в возможность спасения?

— Да! Конечно, да! Я не допускаю, чтобы существо, наделенное волей, пока бьется его сердце, пока оно способно двигаться, могло бы предаться отчаянию.

Какие слова! Человек, произносивший их в таких обстоятельствах, обладал, конечно, необыкновенно твердым характером.

— Что же вы думаете сделать в конце концов? — спросил я.

— Съесть этот остаток пищи до последней крошки и тем самым восстановить наши силы. Пусть это будет наш последний обед, но по крайней мере мы станем снова сильными людьми, вместо того чтобы падать от истощения!

— Так съедем же все, что у нас есть! — воскликнул я.

Дядюшка разделил кусок мяса и несколько сухарей, оставшихся после катастрофы, на три равные части. На каждого приходилось приблизительно около фунта пищи. Профессор поглощал еду с лихорадочной жадностью; я ел без всякого удовольствия, несмотря на голод, почти с отвращением; Ганс медленно пережевывал маленькие кусочки, наслаждаясь пищей со спокойствием человека, которого не мучит забота о будущем. Он нашел еще фляжку, до половины наполненную можжевелевой водкой, дал нам выпить из нее, и этот благотворный напиток несколько оживил меня.

— *Förträfflig!* — произнес Ганс, глотнув из фляжки.

— Превосходно! — подтвердил дядюшка.

Я снова возымел некоторую надежду. Но наш последний обед был закончен. Было пять часов утра.

Человек так уж создан, ведь ощущение нездоровья — явление чисто негативное. Раз потребность в пище удовлетворена, трудно представить себе муки голода. Надо испытать это, чтобы понять! Стало быть, какой-нибудь сухарик и кусок говядины заставляет нас забыть прошлые горести!

Все же после этого обеда каждый из нас погрузился в размышления. Ганс, уроженец крайнего За-

пада, размышлял с фаталистическим смирением обитателей восточных стран. Что касается меня, я весь ушел в воспоминания, уносившие меня на поверхность Земли, которую мне никогда не следовало бы покидать. Дом на Королевской улице, моя бедная Гретхен, добрая Марта — предстали как призраки перед моими глазами, и в заунывном гуле, доносившемся до меня через гранитный массив, мне слышались шумы земных городов.

Дядюшка, «всегда на своем посту», исследовал внимательно, с факелом в руке, характер почвы; он хотел выяснить наше положение, изучая строение ее пластов. Подобный расчет, вернее, просчет, не мог быть даже сколько-нибудь приблизительным, но ученый всегда остается ученым, если ему удастся сохранить хладнокровие, а профессор Лиденброк обладал этим качеством в высшей степени.

— Изверженный гранит! — говорил он. — Мы все еще в слоях первичной эры; но мы поднимемся! Мы поднимемся! И кто знает...

Кто знает? Он все еще надеялся. Он ощупывал рукой отвесную стену и через несколько минут заговорил снова:

— Вот гнейс! Вот слюдяной сланец! Отлично! Скоро появятся слои переходной эпохи, а тогда...

Что хотел сказать этим профессор? Мог ли он измерить толщину земной коры над нашими головами? Обладал ли он каким-нибудь средством, чтобы произвести это вычисление? Нет! Манометра не было, и никакое вычисление не могло его заменить.

Между тем температура поднималась все выше, мы буквально обливались потом в этой раскаленной атмосфере, напоминавшей жар, пышащий из печи литейного завода во время плавки металла. Вскоре Гансу, дядюшке и мне пришлось снять наши куртки и жилеты; самая легкая одежда причиняла тяжесть, даже боль.

— Уж не поднимаемся ли мы прямо к накаленному добела очагу? — воскликнул я, когда жара еще усилилась.

— Нет, — ответил дядюшка, — это невозможно! Невозможно!

— Однако, — сказал я, дотрагиваясь до стены, — стена раскалена!

В это мгновение моя рука коснулась воды, и тотчас же я ее отдернул.

— Кипяток! — воскликнул я.

Профессор ответил гневным движением.

Тут мною овладел непреодолимый ужас, который уже не покидал меня. Я чувствовал, что надвигается катастрофа, какой не могло бы представить самое смелое воображение. Эта мысль, сначала смутная, постепенно овладела моим сознанием. Я отгонял ее, но она упорно возвращалась. Я не осмеливался формулировать ее. Но несколько невольных наблюдений подтвердили мое убеждение. При неверном свете факела я заметил движение в гранитных пластах; очевидно, готовилось совершиться какое-то явление, в котором играло роль электричество. И эта невероятная жара, эта кипящая вода!.. Я хотел взглянуть на компас...

Компас обезумел!

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

Да, обезумел! Стрелка прыгала от одного полюса к другому резкими скачками, пробегала по всем делениям круга и затем возвращалась обратно, как будто с ней приключилось головокружение.

Я хорошо знал, что, по общепринятым теориям, кора земного шара никогда не находится в состоянии полного покоя; изменения, происходящие под влиянием распада безрудных пород, постоянного движения водных масс, действия магнетизма производят постоянные перемещения в земной коре даже тогда, когда существа, рассеянные по ее поверхности, и не подозревают об этой внутриземной деятельности. Следовательно, это явление не испугало бы меня, по крайней мере не породило бы в моем уме страшной мысли.

Но другие факты, некоторые *sui generis*¹ характерные подробности, не могли меня вводить в заблуждение. С ужасающим нарастанием повторялся невыносимый грохот. Я мог сравнить его только с шумом, который производят множество повозок, быстро несущихся по мостовой. Это были непрерывные раскаты грома.

Затем магнитная стрелка, сотрясаемая электрическими явлениями, подтверждала мое предположение. Древние слои земной коры грозили распасться, гранитные массивы сомкнуться, трещины исчезнуть, пустоты заполниться, и мы, бедные атомы, обречены быть раздавленными этим грозным извержением!

— Дядюшка, дядюшка, мы погибли! — закричал я.

— Что еще за страхи овладели тобою? — спросил он с удивительным спокойствием. — Что с тобой?

— Что со мной? Да посмотрите же, как шатаются эти стены, как гранитные пласты расходятся, какая стоит тропическая жара! А кипящая вода, а эти гущающиеся пары, а скачущая магнитная стрелка, — все эти признаки землетрясения!

Дядюшка тихо покачал головой.

— Землетрясения? — спросил он.

— Да!

— Мне кажется, мой мальчик, что ты ошибаешься!

— Как? Вы не понимаете смысла этих признаков...

— Землетрясения? Нет! Я ожидаю лучшего!

— Что вы хотите сказать?

— Извержения, Аксель!

— Извержения? — воскликнул я. — Так мы находимся в жерле действующего вулкана?

— Я так думаю, — сказал профессор улыбаясь, — и это самое лучшее, что может ожидать нас!

Самое лучшее! Не сошел ли дядюшка с ума? Что это означало? Откуда такое спокойствие, почему он улыбается?

— Как! — воскликнул я, — мы захвачены извержением? Судьба выбросила нас на путь вулканических

¹ Своего рода (лат.).

излияний расплавленной лавы, раскаленного камня, кипящей воды! Мы будем вытолкнуты, выброшены, извержены, подняты на воздух вместе с обломками скал, дождем пепла и шлака, в вихре пламени! И это самое лучшее, что может с нами случиться?

— Да, — ответил профессор, поглядев на меня поверх очков. — Ведь в этом единственная наша надежда вернуться на поверхность Земли.

Тысячи мыслей толпились в моей голове. Дядюшка был прав, безусловно прав, и никогда еще он не казался мне более смелым и более убежденным, чем в этот момент, когда, ожидая извержения, с таким поразительным спокойствием взвешивал все шансы.

Между тем мы все время поднимались. Вся ночь прошла в этом восходящем движении. Окружавший нас грохот возрастал. Я задыхался, мне казалось, что пришел мой последний час. И тем не менее человеческое воображение так своеобразно, что я предавался поистине ребяческим фантазиям. Не я владел своими мыслями, а они увлекали меня!

Нас, очевидно, выбрасывало извержением вулкана; под нами была кипящая вода, а под водой слой лавы, скопление обломков скал, которые на вершине кратера будут разбросаны по всем направлениям. Мы, положительно, находились в жерле вулкана, в этом нельзя было сомневаться.

На этот раз мы имели дело не с Снайфедльс, потухшим вулканом, а с вулканом в разгаре его деятельности. Я спрашивал себя, какая это могла быть гора и в каком месте на Земле мы будем выброшены?

В северных странах! В этом не было и сомнения! Если считать от мыса Сакнуссема, то нас увлекло на несколько сот лье на север. Неужели мы находимся под Исландией? Будем ли мы выброшены через кратер Геклы или одной из семи огнедышащих гор острова? На протяжении пятисот лье на запад я насчитывал под этим градусом широты лишь несколько малоизвестных вулканов на северо-западном берегу Америки. В восточном направлении существовал только один — Эск, на восьмидесятом градусе широты, на острове Майен, недалеко от Шпицбергена! Конечно,

в кратерах не было недостатка, и они были достаточно обширны, чтобы извергнуть целую армию! Но который из них послужит нам выходом, вот это я и старался угадать!

К утру восходящее движение ускорилося. Температура, вместо того чтобы уменьшаться при приближении к поверхности Земли, поднималась благодаря близости действующего вулкана. У меня не оставалось больше ни малейшего сомнения о способе нашего передвижения. Огромная сила, сила нескольких сот атмосфер, исходившая от скопления паров в недрах Земли, неодолимо выталкивала нас. Но каким бесчисленным опасностям она нас подвергала!

Вскоре желтые отсветы стали проникать в постепенно расширяющуюся галерею; я замечал направо и налево глубокие ходы, похожие на огромные туннели, из которых вырывались густые пары; огненные языки, треща, лизали стены.

— Посмотрите, посмотрите, дядюшка! — кричал я.

— Ну, что же, это серное пламя! Вполне естественное явление при извержении.

— Но если пламя нас охватит?

— Не охватит!

— А если мы задохнемся?

— Не задохнемся! Галерея расширяется, и, если будет нужно, мы бросим плот и скроемся в расселине.

— А вода? Подъем воды?

— Воды уже нет, Аксель, но есть тестообразная лавовая масса, она-то и вынесет нас к отверстию кратера.

В самом деле, вместо водяного столба появились довольно плотные, хотя и кипящие, изверженные массы. Температура становилась невыносимой, и термометр показал бы, вероятно, более семидесяти градусов! Я обливался потом. Только быстрый подъем не давал нам задохнуться.

Однако профессор не привел в исполнение своего намерения покинуть плот и хорошо сделал. Эти неплотно пригнанные бревна представляли все-таки

прочную поверхность, точку опоры, которую нам ничто не заменило бы.

Около восьми часов утра произошло новое явление. Восходящее движение внезапно прекратилось. Плот застыл на месте.

— Что такое? — спросил я, почувствовав сильный толчок.

— Остановка, — ответил дядюшка.

— Неужели извержение приостановилось?

— Надеюсь, что нет!

Я встал. Попытался оглядеться вокруг. Может быть, плот, задержанный выступом скалы, оказывал временное сопротивление изверженной массе? В таком случае надо было поскорее освободить его.

Но дело было не в этом. Движение массы пепла, шлаков и гальки приостановилось.

— Неужели извержение прекратилось? — воскликнул я.

— А, — сказал дядя, — ты этого опасешься, мой мальчик? Но не волнуйся, этот покой не может долго длиться; прошло уже пять минут, и вскоре мы опять начнем наше восхождение к отверстию кратера.

Профессор, говоря это, все время следил за хронометром и еще раз оказался правым в своих предсказаниях. Вскоре плот швырнуло вверх: один рывок, другой — так продолжалось приблизительно две минуты.

— Хорошо, — сказал дядюшка и взглянул при этом на часы, — через десять минут мы снова тронемся в путь!

— Через десять минут?

— Да! Мы имеем дело с вулканом, действующим с перерывами. Он дает нам роздых!

Это было совершенно верно. В назначенную минуту нас снова стало подталкивать вверх с чрезвычайной силой; нам пришлось держаться за бревна, чтобы не свалиться с плота. Потом толчки опять прекратились.

Впоследствии, думая об этом странном явлении, я не находил удовлетворительного объяснения. Однако мне кажется очевидным, что мы очутились не в главном жерле вулкана, а, вероятно, в боковом ходе, где ощущались лишь ослабленные толчки.

Я не могу сказать, сколько раз повторялось наше продвижение подобным способом; могу утверждать только, что всякий раз, как вулканическая деятельность возобновлялась, нас швыряло вверх с все нарастающей силой, как какой-нибудь летательный снаряд. Во время остановок мы задыхались; во время броска вверх горячий воздух спирал дыхание.

Порою я мечтал, как о великом наслаждении, очутиться вдруг в северных странах, при тридцатиградусном морозе! Мое воспаленное воображение переносило меня в снежные равнины Арктики, и мне порою чудилось, что подо мною льды Северного полюса! Впрочем, изнуренный частыми толчками, я вскоре лишился чувств. Если бы не рука нашего Ганса, я разбил бы череп о гранитную стену. Вот почему я не сохранил ни одного отчетливого воспоминания о том, что произошло в последующие часы.

Я смутно припоминаю непрерывный гул, сотрясение гранитных масс, вращательное движение плота. Он несся по полям лавы под дождем пепла. Огненные языки полыхали вокруг нас. Ураган, исходивший как бы из гигантского вентилятора, яростно раздувал подземный огонь. В последний раз передо мной промелькнуло, словно в зареве пожара, лицо Ганса, затем я уже более ничего не чувствовал, кроме нечеловеческого ужаса, который испытывают несчастные, привязанные к жерлу пушки, в тот момент, когда раздается выстрел, чтобы разметать в воздухе их тело...

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

Придя в себя, я почувствовал, что меня держит за пояс сильная рука нашего проводника. Другой рукой он поддерживал дядюшку. Я не был тяжело ранен, но скорее чувствовал общую разбитость. Я лежал на склоне горы, в двух шагах от пропасти, в которую мог бы свалиться при малейшем движении. Ганс спас меня от верной гибели, когда я чуть не соскользнул в жерло кратера.

— Где мы? — спросил дядюшка, повидимому, крайне рассерженный тем, что снова оказался на поверхности Земли.

Охотник в недоумении пожал плечами.

— В Исландии? — сказал я.

— *Nej*, — ответил Ганс.

— Как? Нет? — воскликнул профессор.

— Ганс ошибается, — сказал я, поднимаясь.

После бесчисленных неожиданностей этого путешествия нам предстоял новый сюрприз. Я ожидал увидеть горный пик, покрытый вечным снегом, освещенный бледными лучами полярного неба, бесплодные пустыни северных стран за полярным кругом; а мы, напротив, лежали на склоне горы, выжженной знойными лучами палящего солнца.

Я не хотел верить своим глазам; но мое тело, облаканное солнцем, исключало всякое сомнение. Мы вышли из кратера полунагие, и лучезарное светило, не баловавшее нас последние два месяца, щедро изливало на нас потоки света и тепла.

Когда глаза мои привыкли к этому сиянию, я попытался исправить ошибку своего воображения.

Профессор заговорил первый:

— В самом деле, это не похоже на Исландию.

— А на остров Майен? — заметил я.

— Тоже нет, мой мальчик. Это не северный вулкан с гранитными скалами и снежной вершиной.

— Однако...

— Смотри, Аксель, смотри!

Над нашими головами, не более как в пятистах футах, зиял кратер вулкана, из которого через каждую четверть часа показывался, сопровождаемый страшным гулом, высокий столб пламени с примесью пемзы, пепла и лавы. Я чувствовал, как содрогалась гора: точно огромный кит, пыхтя и отдуваясь, выбрасывала она из своей широкой пасти струю огня и воздуха. Ниже, по довольно крутому скату, расстилались на расстоянии футов семисот — восьмисот изверженные массы, из чего следовало, что общая высота вулкана составляла около трехсот туазов. Подножие вулкана тонуло в зелени: я различал оливковые и фиговые

деревья и виноградную лозу, отягощенную румяными гроздьями.

Приходилось согласиться, что пейзаж отнюдь не напоминал северные страны.

Когда взгляд падал на эту зеленую изгородь, он тут же терялся в водах восхитительного моря или озера, обращавшего эту волшебную страну в островок, пространством в несколько лье. На востоке виднелась за крышами домов небольшая гавань, где на лазурных волнах покачивались неведомые суда. Дальше, на водной глади, выступали островки, столь многочисленные, что напоминали собою муравейник. На западе глаз различал полукружие далеких берегов; на иных вырисовывались стройные очертания голубых гор, на других, более дальних, виден был необычайно высокий конус, из вершины которого поднимался столб дыма. На севере сверкала в солнечных лучах необъятная водная ширь, на которой мелькали кое-где мачты или надувшиеся паруса. Неожиданность этого зрелища в сто раз усиливала его дивную красоту.

— Где мы? где мы? — чуть слышно вопрошал я.

Ганс был равнодушен ко всему, а дядюшка смотрел вокруг, не чувствуя красоты пейзажа.

— Как бы ни называлась эта гора, — сказал он, наконец, — но на ней немного жарко; взрывы не прекращаются и, положительно, не стоило спастись от извержения, чтоб тебе на голову свалился обломок скалы. Спустимся и посмотрим, что нам делать. Впрочем, я умираю от голода и жажды!

Несомненно, профессор не был мечтателем. Что касается меня, то, забывая голод и утомление, я остался бы тут еще несколько часов, но пришлось следовать за моими спутниками.

Склон вулкана был очень крутой; мы скользили по оврагам, полным лавы, обходя потоки лавы, которые стекали, подобные огненным змеям. Спускаясь, я болтал без умолку, так как фантазии моей не было границ

— Мы в Азии! — восклицал я. — На берегах Индии, на Малайских островах, в Океании! Мы прошли

под целым полушарием, чтобы выйти к антиподам Европы.

— А магнитная стрелка? — возразил дядюшка.

— Да, магнитная стрелка, — сказал я в недоумении. — Если верить ей, мы шли все время на север.

— Значит, она нас обманула?

— О, конечно, обманула!

— Если только это не Северный полюс!

— Полюс? Нет, но...

Тут было нечто необъяснимое. Я не знал, что и думать!

Между тем мы приближались к зеленеющей равнине, ласкавшей взор. Голод и жажда мучили меня. К счастью, после двух часов ходьбы мы оказались в чудесной долине с оливковыми и гранатовыми рощами и виноградниками, казалось, не знавшими хозяина. Впрочем, в нашем бедственном положении мы много не раздумывали! Как подкрепили нас сочные фрукты и румяные гроздья, которыми мы насладились досыта! Невдалеке, в траве, под прохладной тенью деревьев, я обнаружил родник с холодной, пенящейся водой, которой мы освежили лицо и руки.

Пока мы наслаждались отдыхом, из-за оливковой рощи появился мальчик.

— А, — вскричал я, — вот и обитатель этой счастливой страны!

Мальчуган был одет нищенски. Встреча с нами, видимо, его сильно испугала. И действительно, полунагие, с всклокоченными бородами, мы не могли вселить доверия, и, если только эта страна не была заселена разбойниками, мы были способны навести страх на ее обитателей.

Перепуганный мальчик бросился было бежать, но Ганс погнался за ним и привел его назад, несмотря на его крики и сопротивление.

Дядюшка, желая успокоить мальчугана, заговорил с ним и спросил его сперва по-немецки:

— Как называется эта гора, малыш?

Мальчик не отвечал.

— Отлично! — сказал дядюшка. — Значит, мы не в Германии. — И он повторил вопрос по-английски.

Мальчик молчал. Я был в недоумении.

— Да неужели же он нем? — вскричал профессор и, несколько гордясь своим знанием языков, задал ему тот же вопрос по-французски.

Снова никакого ответа.

— Так попробуем по-итальянски, — продолжал дядюшка и спросил на этом языке: — *Dove noi siamo?*

— Где мы находимся? — повторил я, теряя терпение.

Опять молчание.

— Да заговоришь ли ты, наконец? Как называется этот остров, — закричал рассерженно дядюшка, схватив мальчугана за ухо. — *Come si noma quest'isola?*

— *Stromboli*, — ответил пастушок, вырвавшись из рук Ганса и скрываясь в оливковых рощах.

Больше мы в нем не нуждались. Стромболи! Какое впечатление произвело на меня это легендарное название! Мы находимся посреди Средиземного моря, в мифологической Эолии, в древнем Стромболи, на острове, где некогда Эол держал на цепи ветры и бури. А эти голубые горы на востоке были горы Калабрии! И этот вулкан, вздымавшийся на южном горизонте, — Этна, страшная Этна!

— Стромболи, Стромболи! — восклицал я.

Дядюшка вторил мне и жестами и словами. Мы с ним составляли своеобразный хор.

О, какое путешествие! Какое удивительное путешествие! Спустившись через жерло одного вулкана в недра Земли, мы вышли на поверхность через жерло другого, и этот другой находился более чем на тысячу двести лье от Снейфедльс, от пустынной Исландии, где-то там, на краю мира!

Превратности путешествия привели нас в одну из прелестнейших стран Земли. Мы покинули область вечных снегов, чтобы попасть в страну вечной зелени, и, расставшись с туманами ледяного пояса, очутились под лазурным небом Сицилии!

После великолепного обеда, состоявшего из фруктов и свежей воды, мы отправились в путь, чтобы добраться до какой-нибудь гавани Стромболи. Расска-

зять, как мы попали на остров, нам казалось неблагоприятным: суеверные итальянцы приняли бы нас за чертей, выброшенных из ада. Поэтому лучше было выдать себя за потерпевших кораблекрушение. Это было менее героично, но более безопасно!

Дорогою я слышал, как дядюшка бормотал про себя:

— Но магнитная стрелка! Магнитная стрелка, указывающая на север! Как это объяснить?

— Право, — сказал я пренебрежительно, — не нужно вовсе объяснять, это будет проще!

— Помилуй, чтобы профессор Иоганнеума не сумел объяснить какое-либо космическое явление! Это было бы позором!

Говоря это, дядюшка, полунагой, в кожаном поясе и с очками на носу, снова преобразился в страшного профессора минералогии.

От оливковой роши до гавани Сан-Виценцо было час пути, тут Ганс потребовал плату за тринадцатую неделю своей службы у нас. Деньги были ему выданы, и эта церемония сопровождалась самыми горячими рукопожатиями с нашей стороны. Он как будто немного расчувствовался, слегка пожал нам руки и улыбнулся.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ

Мне остается закончить рассказ, которому откажутся поверить даже люди, привыкшие ничему не удивляться. Но я заранее приготовился к недоверчивости людей.

Рыбаки в Стромболи окружили нас вниманием, какое оказывается потерпевшим кораблекрушение. Они снабдили нас одеждой и пищей. После двух суток ожидания, 31 августа, палубное судно доставило нас в Мессину, где, проведя несколько дней, мы совершенно отдохнули и оправились.

В пятницу, 4 сентября, мы отплыли на борту «Фортуны» — почтовом пакетботе французского императорского пароходства, и через три дня высадились в Мар-

селе в самом беззаботном расположении духа, если не считать мысли о проклятой магнитной стрелке. Это необъяснимое явление не на шутку мучило меня. 9 сентября вечером мы прибыли в Гамбург.

Удивление Марты, ликование Гретхен не поддаются описанию!

— Теперь, когда ты стал героем, — сказала моя милая невеста, — тебе уже не следует покидать меня, Аксель!

Я взглянул на нее. Она плакала, улыбаясь сквозь слезы.

Само собою разумеется, что возвращение профессора Лиденброка произвело в Гамбурге громадное впечатление. По милости болтливой Марты экспедиция профессора к центру Земли получила широкую огласку. В его путешествие не верили, а когда профессор вернулся, поверили еще меньше!

Однако благодаря присутствию Ганса и некоторым известиям, полученным из Исландии, общественное мнение постепенно переменялось.

Тогда дядюшка сделался великим человеком, а я — племянником великого человека, ведь это тоже что-нибудь да значит! Гамбург устроил в честь нас целое торжество. В Иоганнеуме состоялось публичное заседание, на котором профессор сделал сообщение о своем путешествии, упустив лишь казус с магнитной стрелкой. В тот же день он передал в городской архив документ Сакнуссема и выразил свое глубокое сожаление, что обстоятельства не позволили ему проследовать по стопам исландского путешественника до самого центра Земли. Несмотря на заслуженную славу, он держался весьма скромно и тем лишь упрочил свою репутацию!

Оказанные профессору почести должны были, конечно, возбудить и много зависти. И так как теории дядюшки, опиравшиеся на несомненные факты, противоречили общепринятым в науке теориям центрального огня, то ему пришлось вести ожесточенную полемику с учеными всех стран.

Что касается меня, то я не могу признать его теорию охлаждения: вопреки тому, что я видел, я верю и

буду всегда верить в центральный огонь; но я признаю, что еще недостаточно изученные физические свойства Земли смогут внести некоторые изменения в эту теорию.

В то время как вокруг столь животрепещущих вопросов шли горячие споры, дядюшка переживал большое огорчение. Несмотря на его просьбы, Ганс покинул Гамбург; человек, которому мы были обязаны всем, не дал возможности отблагодарить его. Исландец почувствовал тоску по родине.

— *Farval*, — сказал он однажды и, попрощавшись таким образом, уехал в Рейкьявик, куда и прибыл благополучно.

Мы очень привязались к нашему смелому охотнику за гагарами; люди, обязанные ему своей жизнью, будут всегда вспоминать его с любовью; и, конечно, я не умру, не повидавшись с ним.

В заключение я должен прибавить, что наше «Путешествие к центру Земли» привлекло к себе чрезвычайное внимание всего мира. Оно было напечатано и переведено на все языки; самые распространенные журналы заимствовали из него важнейшие главы, которые подвергались комментариям, разбирались, опровергались и защищались с одинаковым убеждением в лагере верующих и неверующих. Редкий случай! Дядюшка еще при жизни пользовался славой, столь громкой, что Барнум предложил ему показывать его за высокую плату в Соединенных Штатах.

Но неприятное чувство, причинявшее ему истинное мучение, примешивалось к его славе. Не поддавался объяснению случай с магнитной стрелкой! Для ученого подобное необъяснимое явление становится умственной пыткой. Но судьба сулила дядюшке всю полноту счастья.

Однажды, когда я приводил в порядок коллекцию минералов в его кабинете, мне попался на глаза пресловутый компас, и я стал его разглядывать.

Компас лежал в своем углу уже шесть месяцев, не подозревая, какое он причинил беспокойство.

Вдруг, о, чудо! Я громко вскрикнул. Прибежал профессор.

— Что случилось? — спросил он.

— Компас!..

— Ну, что же?

— Стрелка показывает на юг, а не на север!

— Что ты говоришь!

— Посмотрите! Полюсы переместились.

— Переместились!

Дядюшка посмотрел, сравнил и вдруг подпрыгнул так, что дом задрожал.

Точно луч света озарил наш разум!

— Итак, — воскликнул он, когда снова мог заговорить, — со времени нашего прибытия к мысу Сакнуссема проклятая стрелка показывала на юг вместо севера?

— Очевидно.

— Этим и объясняется наше блуждание. Но какое же явление могло вызвать перемещение полюсов?

— Очень простое.

— Объясни, мой мальчик.

— Во время бури на море Лиденброка огненный шар, намагнитивший железо на плоту, зарядил и нашу стрелку отрицательным электричеством!

— Вот оно что! — вскричал профессор и громко рассмеялся. — Так, значит, электричество сыграло с нами эту шутку?

С того дня дядюшка стал счастливейшим из ученых, а я — счастливейшим из смертных, потому что моя прелестная фирландка, выйдя из-под опеки, заняла в доме по Королевской улице положение племянницы и супруги. Необходимо прибавить, что ее дядей стал знаменитый профессор Отто Лиденброк, член-корреспондент всех научных, географических и минералогических обществ пяти частей света.

**ПУТЕШЕСТВИЕ
И
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
КАПИТАНА ГАТТЕРАСА**

*Перевод под редакцией
Е. Н. Бирковой*



Часть первая

АНГЛИЧАНЕ НА СЕВЕРНОМ ПОЛЮСЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Форвард»

«Завтра, с отливом, бриг «Форвард», под командой капитана К. З., при помощнике капитана Ричарде Шандоне, отойдет из Новых доков Принца по неизвестному назначению».

Вот что можно было прочесть в газете «Ливерпуль Геральд» от 5 апреля 1860 года.

Отплытие простого брига не составляет важного события для самого крупного торгового порта в Англии. Кто приметит этот корабль среди множества судов всех размеров и национальностей, которые едва вмещаются в громадных доках, простирающихся на две мили в длину?

Однако 6 апреля с самого утра изрядная толпа теснилась на набережной Новых доков; казалось, там собралась чуть ли не вся многолюдная корпорация ливерпульских моряков. Грузчики окрестных верфей побросали свою работу, коммерсанты — свои мрачные конторы, купцы — свои опустевшие магазины. Разноцветные омнибусы, курсирующие вдоль доков, ежеминутно высаживали на набережную все новые партии любопытных; казалось, весь город был охвачен одним желанием: присутствовать при отплытии брига «Форвард».

«Форвард» представлял собою винтовой бриг в сто семьдесят регистровых тонн, с машиной в сто двадцать

лошадиных сил. По внешнему виду он мало чем отличался от других стоявших в порту бригов. Но если он не представлял ничего необычного в глазах простой публики, то знатоки замечали в нем некоторые особенности, относительно которых моряк никогда не ошибется.

На борту «Наутилуса», стоявшего невдалеке на якоре, несколько человек матросов перебрасывались словами, делая самые разнообразные догадки о назначении брига.

— На что бы ему такие мачты? — спрашивал один из матросов. — Где это видано, чтобы паровое судно несло так много парусов?

— Должно быть, — ответил широколицый краснощекий боцман, — этот бриг больше надеется на ветер, чем на свою машину, и если его верхние паруса так велики, то это потому, что нижним придется частенько бездействовать. Я уверен, что «Форвард» отправляется в северные или южные полярные моря, а там ледяные горы зачастую задерживают ветер, и тогда плохо приходится судну.

— Ваша правда, мистер Корнгиль, — подхватил третий матрос. — А заметили вы совершенно отвесный форштевень?

— К тому же, — прибавил Корнгиль, — форштевень снабжен острой, как бритва, стальной наделкой, которая может разрезать надвое трехпалубный корабль, если «Форвард» на полном ходу налетит на него.

— Без всякого сомнения, — подтвердил плававший по реке Мерсей лоцман, — ведь при помощи винта бриг преисправно отмахивает по четырнадцати миль в час. А как он поднимался против течения во время пробного плавания — просто загляденье! Поверьте мне, это судно — отменный ходок.

— Да и под парусами бриг не ударит в грязь лицом, — продолжал Корнгиль, — он хорошо ходит против ветра и отлично слушается руля. Я буду не я, если бриг не махнет в полярные моря! И еще одна особенность! Заметили вы, как широк у него гелмпорт, в который проходит головка руля?

— Что правда, то правда, — согласились собеседники Корнгилья. — Но что же все это означает?

— А то, голубчики мои, — с презрительным самодовольством бросил Корнгиль, — что у вас и глаз во лбу нет, да и смекалки не хватает. Это означает, что рулю хотели дать побольше простора, чтобы его легко можно было снять и снова поставить на место. А среди льдов, сами знаете, это случается частенько.

— Правильно! — воскликнули хором матросы «Наутилуса».

— Да и сам груз брига, — прибавил один из них, — говорит за то, что мистер Корнгиль прав. Я узнал от Кклифтона, который очертя голову нанялся на бриг, что «Форвард» берет на пять или на шесть лет продовольствия и огромный запас угля. Уголь, съестные припасы — вот весь его груз, да еще шерстяная одежда и тюленьи шкуры.

— Ну, значит, — сказал Корнгиль, — тут и сомневаться нечего. Но раз уж ты, молодчик, знаешь Кклифтона, то не говорил ли он тебе, куда отправляется судно?

— Ничего не сказал, потому что и сам того не знает. Так завербован и весь экипаж. Куда идет судно — узнает каждый, когда придут на место.

— Узнают, как же! К черту в зубы — вот куда! — заметил какой-то скептик.

— Но зато какое жалованье, — продолжал, воодушевляясь, приятель Кклифтона, — какое славное жалованье! В пять раз больше обыкновенного! Да если бы не такая плата, Ричард Шандон не завербовал бы ни одной души. И то сказать, какое-то чудное судно, идет бог весть куда и как будто не очень-то собирается вернуться назад! Нет, я ни за что бы не согласился!

— Согласился бы ты или нет, дружище, — возразил Корнгиль, — тебя все равно не взяли бы на «Форвард».

— Это почему?

— Да потому, что ты не отвечаешь поставленным условиям. Мне говорили, что женатые не принимаются на бриг, а ведь ты уже среди них. Поэтому тебе нечего заирать нос, он и без того у тебя курносый.

Все расхохотались, даже матрос, получивший щелчок.

— Да и самое название брига что-то уж больно смелое, — продолжал Корнгиль. — «Форвард» — «Вперед!» Но до каких же это пор вперед? И в довершение всего никто не знает, кто его капитан.

— Как не знать — знают, — сказал молодой, наивный на вид матросик.

— Что ты сказал? Его знают?

— Да, знают.

— Слушай, молодчик, — сказал Корнгиль, — уж не считаешь ли ты Шандона капитаном брига?

— Но... — начал было матросик.

— Так знай же, что Шандон — помощник капитана, и ничего больше. Это бравый и смелый моряк, китобой, он хорошо себя зарекомендовал, парень надежный и во всех отношениях достойный командовать судном. Но как бы то ни было, он не командует бригам; он такой же капитан, как ты или я, не в обиду мне будь сказано. Что же касается человека, который после бога должен быть первым на корабле, то о нем ничего неизвестно даже самому Шандону. В свое время настоящий капитан должен явиться, только неизвестно, когда это произойдет и на каком побережье — в Новом или Старом свете. Ричард Шандон не говорил, да и не имеет права говорить, куда направит бриг.

— Уверяю вас, мистер Корнгиль, — возразил молодой матрос, — что кое-кто уже объявлен капитаном на бриге, о нем говорится в письме, которое получил Шандон и в котором ему предлагалась должность помощника капитана.

— Как так! — воскликнул Корнгиль, хмуря брови. — Ты будешь меня уверять, будто на бриге имеется капитан?

— Так оно и есть, мистер Корнгиль.

— Кому ты это говоришь? Мне?

— Ну да, потому что так сказал мне тамошний боцман Джонсон.

— Мистер Джонсон?

— Ну да, он сам мне это сказал.

— Сам Джонсон?
— И не только сказал, но даже показал мне капитана.

— Показал капитана? — переспросил ошеломленный Корнгиль.

— Да, показал!

— И ты его видел?

— Собственными глазами.

— Кто же это такой?

— Собака.

— Собака?..

— Собака о четырех ногах?

— Да!

Велико было изумление матросов «Наутилуса». При других обстоятельствах они просто бы расхохотались. Собака — капитан брига в сто семьдесят тонн! Просто умора! Но «Форвард» был такой чудной корабль, что прежде, чем смеяться или что-нибудь отрицать, следовало хорошенько поразмыслить. Даже Корнгилью было не до смеха.

— И Джонсон показал тебе этого диковинного капитана-собаку? — обратился он к матросику. — И ты его видел?

— Как вижу вас, не в обиду вам будь сказано.

— Ну, что вы скажете? — спросили матросы Корнгилья.

— Ничего не скажу, — резко ответил он, — решительно ничего, разве только, что «Форвардом» командует или сам сатана, или сумасшедшие, которых следовало бы засадить в Бедлам.

Матросы молча смотрели на бриг, где уже заканчивались приготовления к отплытию; никому из них и в голову не приходило, что боцман Джонсон мог подшутить над молодым матросом.

Молва о собаке облетела уже весь город, и в толпе любопытных многие отыскивали глазами собаку-капитана, едва ли не считая ее каким-то сверхъестественным существом.

Впрочем, уже давно «Форвард» обращал на себя всеобщее внимание: его необычная конструкция, таинственность предприятия, отсутствие капитана, самый

способ, каким Ричарду Шандону было предложено наблюдать за постройкой брига; тщательный подбор экипажа; неизвестное назначение корабля, о котором лишь немногие догадывались, — все это окружало бриг атмосферой тайны.

Ничто так не волнует мечтателя, поэта, а в особенности философа, как отплывающее судно. Мысль летит за кораблем, представляя себе его во время борьбы с волнами и ветром, во время его отважных странствий, которые далеко не всегда заканчиваются возвращением в порт. Подвернись тут какое-нибудь необычное обстоятельство, и корабль предстанет в фантастическом образе даже перед людьми с очень ленивым воображением.

Так было и с «Форвардом». Конечно, большинство зрителей не могли делать авторитетных замечаний, подобно Корнгиллю, но каждый высказал свое мнение, и за три месяца распространилось немало всяких слухов; в городе только и было толков что о «Форварде».

Бриг был заложен на верфи в Бёркенхеде, предместье Ливерпуля, находящемся на левом берегу реки Мерсей; Бёркенхед связывали с портом беспрестанно сновавшие взад и вперед паровые катера.

Верфи «Скотт и К^о» — одни из лучших судостроительных фирм в Англии — получили от Шандона смету и подробный проект, где с величайшей точностью были указаны водоизмещение, размеры и приложены тщательно выполненные чертежи судна. Все говорило о проницательности и опытности разработавшего проект инженера. Шандон располагал значительными средствами; работы начались немедля и по требованию неизвестного судовладельца выполнялись быстро.

Конструкция брига давала полную гарантию его прочности; очевидно, он должен был выдерживать громадное давление, потому что его корпус, сделанный из индийского дуба, отличающегося чрезвычайной твердостью, был связан железными креплениями. Некоторые моряки задавали вопрос: почему корпус корабля, снабженный такими креплениями, не был сделан

целиком из железа, как у многих паровых судов? На это получался один и тот же ответ: у таинственного инженера имелись на то свои особые основания.

Мало-помалу бриг принимал на верфи определенную форму; его прочность и плавные обводы восхищали знатоков. Как это заметили матросы «Наутилуса», форштевень брига, составлявший прямой угол с килем, был снабжен не волнорезом, а стальной наделкой, отлитой в мастерских Хоторна в Ньюкасле. Форштевень придавал бригу необычный вид, хотя у него не было ничего общего с военными судами. Все же у него на шканцах стояла шестнадцатифунтовая пушка; укрепленная на вертикальной оси, она легко поворачивалась во все стороны. Впрочем, несмотря на пушку и форштевень, вид у брига был далеко не воинственный.

5 февраля 1860 года странный корабль был благополучно спущен на воду при огромном стечении зрителей.

Но если бриг не был ни военным, ни торговым судном, ни увеселительной яхтой, — ибо никто не совершает прогулок с запасом продовольствия на шесть лет, — то что же это был за корабль?

Быть может, он отправлялся на поиски сэра Джона Франклина и его кораблей «Эребуса» и «Террора»? Но ведь в предыдущем 1859 году лейтенант Мак-Клинтон вернулся из плавания в полярные моря, представив неопровержимые доказательства гибели этой злополучной экспедиции.

Быть может, «Форвард» собирался сделать новую попытку открыть пресловутый Северо-Западный проход? Но капитан Мак-Клур открыл его еще в 1853 году, а его лейтенанту Кресуэлу выпала честь первым обогнуть американский материк от Берингова до Девисова пролива.

Однако для людей компетентных было очевидно, что «Форвард» готовится к плаванию в полярные моря. Уж не направляется ли он к Южному полюсу, намереваясь пройти дальше китобоя Уэделя и капитана Джемса Росса? Но зачем, с какой целью?

Хотя можно было о многом догадаться по конструкции брига, — каких только не строили предположений!

На другой день после спуска брига на воду машина была доставлена из мастерских Хоторна, находившихся в Ньюкасле.

Машина эта, в сто двадцать лошадиных сил, с качающимися цилиндрами, занимала немного места. Мощность ее была весьма значительна для судна в сто семьдесят тонн, несшего много парусов и весьма быстроходного.

Бриг блестяще выдержал испытания, и боцман Джонсон по этому поводу нашел нужным сказать приятелю Клифтона:

— Когда «Форвард» одновременно идет под парусами и под паром, то под парусами он идет быстрее.

Приятель Клифтона, по правде сказать, не слишком-то понял смысл этой сентенции, но ему казалось, что всего можно ожидать от корабля, которым командует собака.

После установки машины стали грузить продовольствие; это заняло немало времени, ибо корабль запасался припасами на целых шесть лет. Продовольствие состояло из соленого и вяленого мяса, копченой рыбы, сухарей и муки; погрузили мешки с кофе и ящики с чаем, и в трюме выросли настоящие горы. Ричард Шандон тщательно следил за погрузкой этого драгоценного товара. Все было размещено, снабжено ярлыками и занумеровано в строжайшем порядке; погрузили также в большом количестве так называемый пеммикан, компактный продукт, изобретенный индейцами, содержащий очень много питательных веществ.

Самый подбор съестных припасов доказывал, что плавание будет продолжительным. При виде бочонков с лимонным соком, пакетов с горчицей, известковых препаратов, щавельного семени и ложечной травы, словом, сильных противоцинготных средств, столь необходимых при плавании в южных и северных полярных морях, человек смысленный сразу же догадывался, что «Форвард» отправляется в области вечного льда. Без сомнения, Шандону наказали обратить осо-

бенное внимание на эту статью груза, так как он позаботился о нем не меньше, чем об аптеке.

Если на бриге было немного оружия, — что успокаивало людей робкого десятка, — то его пороховой погреб был переполнен, а это не обещало ничего хорошего. Единственная, стоявшая на полубаке пушка не могла претендовать на такое количество пороха, — следовательно, и тут было над чем призадуматься. На бриге находились также огромные пилы, различного рода мощные механизмы, рычаги, свинцовые кувалды, ручные пилы, большие топоры и т. д., а также множество цилиндров со взрывчатым веществом, которого хватило бы, чтобы взорвать Ливерпульскую таможню. Все это было очень странно, если не страшно. Само собой разумеется, корабль был снабжен ракетами, сигнальными аппаратами и фонарями.

Зрители, толпившиеся на набережных доков, любовались также длинным вельботом из красного дерева, пирогой из жести, обтянутой гуттаперчей, и надувными лодками: это были резиновые мешки, которые легко можно было надуть и превратить в байдарки. В этот день толпою владело особенное любопытство и волнение, ибо с началом отлива «Форвард» должен был отправиться в свой неведомый рейс.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Неожиданное письмо

Вот текст письма, полученного Ричардом Шандоном восемь месяцев тому назад:

«Абердин, 2 августа 1859 года.

Ричарду Шандону.

Ливерпуль.

Милостивый государь!

Настоящим письмом уведомляю вас о передаче шестнадцати тысяч фунтов в банкирскую контору «Маркуарт и К^о» в Ливерпуле. Прилагаемые при сем и

подписанные мною ордера позволяют вам располагать кредитом в указанном банке всего на сумму в шестнадцать тысяч фунтов.

Вы меня не знаете. Это неважно. Но я вас знаю. А это главное.

Предлагаю вам место помощника капитана на бриге «Форвард», которому предстоит, быть может, продолжительное и опасное плавание.

Если вы откажетесь, то все отпадает. Если же согласитесь, то будете ежегодно получать пятьсот фунтов стерлингов, а по истечении каждого года в течение всей кампании размер вашего оклада будет увеличиваться на одну десятую.

Бриг «Форвард» еще не существует. Он должен быть построен под вашим наблюдением с таким расчетом, чтобы не позже, чем в первых числах апреля 1860 года, мог выйти в море. При сем прилагается подробный проект и смета. Вы должны будете строго их придерживаться. Бриг будет построен на верфи гг. Скотт и К°, с которыми вы и войдете в соглашение.

В особенности обращаю ваше внимание на экипаж «Форварда»; он будет состоять из меня — капитана, вас — помощника капитана, второго помощника, боцмана, двух механиков, ледового лоцмана, восьми матросов и двух кочегаров, всего — из восемнадцати человек, в том числе и доктора Клоубонни, который явится к вам в свое время.

Желательно, чтобы лица, отправляющиеся на бриге «Форвард», были англичане, люди независимые, бессемейные, неженатые, выносливые и готовые ко всему, к тому же воздержанные, ибо употребление крепких напитков, даже пива, не будет допускаться на бриге. Вы преимущественно будете выбирать людей сангвинического темперамента, обладающих большим запасом жизненной энергии.

Вы предложите им плату, в пять раз превышающую обычную; по истечении каждого служебного года она будет увеличиваться на одну десятую. По окончании плавания каждому из матросов будет выдано по пятьсот, а вам — две тысячи фунтов стерлингов.

Необходимые для этого суммы будут внесены в банк вышеупомянутых гг. Маркуарт и К^о.

Поход будет продолжительным и трудным, но он принесет вам славу. Итак, вам нечего колебаться, мистер Шандон!

Отвечайте по адресу: Гетеборг (Швеция), до востребования К. З.

P. S. 15 февраля текущего месяца вы получите большого датского дога, с отвислыми губами, темно-бурого, с поперечными черными полосами. Вы примете его на борт и распорядитесь кормить ячменным хлебом и наваром из брикетов говяжьего сала. О прибытии собаки потрудитесь уведомить в Ливорно (Италия) вышеуказанного адресата К. З.

Капитан «Форварда» явится в надлежащее время. В момент отплытия вы получите новые инструкции.

Капитан брига «Форвард» К. З.».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Доктор Клоубонни

Ричард Шандон был заправский моряк; в течение долгих лет он командовал китобойными судами в арктических морях и во всем Ланкастере пользовался солидной репутацией. Подобное письмо, разумеется, удивило Шандона, но как человек, выдавший виды, он подошел к вопросу трезво и хладнокровно.

Шандон удовлетворял всем поставленным условиям: у него не было ни жены, ни детей, ни родственников, он был вольной птицей. Советоваться ему было не с кем, и он сразу же направился в банк «Маркуарт и К^о».

«Если денешки налицо, — размышлял он, — остальное устроится само собой».

В банке его приняли с почительностью, какую заслуживает человек, которого ожидают в кассе шестнадцать тысяч фунтов. Выяснив вопрос о деньгах, Шан-

дон потребовал лист бумаги и размашистым почерком моряка написал по указанному адресу письмо, в котором выразил свое согласие.

В тот же день он вошел в соглашение с бёркенхедскими судостроителями; спустя сутки киль брига «Форвард» уже лежал на стапеле верфи.

Ричард Шандон был человек лет сорока, сильный, энергичный и смелый; эти три качества необходимы каждому моряку и придают ему самоуверенность, мужество и хладнокровие. Его считали человеком завистливым и неуживчивым; матросы скорее боялись, чем любили его. Но такая слава не могла помешать Шандону успешно вербовать экипаж, так как всем было известно, что он умел выпутаться из любых трудностей.

Шандон опасался одного — как бы таинственная сторона предприятия не отпугнула моряков.

«Лучше всего, — сказал он себе, — держать язык за зубами. Всегда найдутся морские волки, которые захотят знать всю подноготную, зачем, мол, да почему; но так как я и сам толком ничего не знаю, то нелегко будет им отвечать. Этот «К. З.» наверняка какой-нибудь чудака; но в конце концов он меня знает и рассчитывает на мою опытность, а этого достаточно. Что касается корабля, то мы отделаем его на славу, и не будь я Ричард Шандон, если бриг не отправится в полярные моря. Однако все это останется в тайне между мной и моими помощниками».

Затем Шандон занялся вербовкой экипажа, придерживаясь требований капитана относительно семейного положения матросов и состояния их здоровья.

Он знал одного славного молодца, весьма надежного и опытного моряка по имени Джемс Уолл. Уоллу было лет под тридцать, и он уже не раз побывал в северных морях. Шандон предложил ему место второго помощника. Джемс Уолл ни минуты не колебался, потому что страстно любил свое ремесло и желал только одного — поскорее отправиться в море. Шандон рассказал ему, а также некоему Джонсону, нанятому на бриг боцманом, все, что знал сам.

— Что ж, попытаем счастья, — сказал Уолл, — не все ли равно, куда плыть? Если даже речь идет о Северо-Западном проходе... ну, что ж, возвращались люди и оттуда!

— Не всегда, — возразил Джонсон. — Из этого, впрочем, не следует, что туда нельзя идти.

— Можно смело сказать, — начал опять Шандон, — что это плавание предпринимается в благоприятных условиях. «Форвард» — отличное судно и с помощью своей машины может уйти далеко. Восемнадцать человек экипажа — больше нам и не надо.

— Восемнадцать человек! — сказал Джонсон. — Как раз столько было на корабле американца Кейна, когда он отправился в свое знаменитое плавание к Северному полюсу.

— А все-таки странно, — продолжал Уолл, — что находится еще желающий пройти из Девисова пролива в Берингов. Экспедиции, посланные на поиски адмирала Франклина, обошлись Англии больше семисот шестидесяти тысяч фунтов, а между тем не дали никаких практических результатов. Черт возьми, интересно знать, кто это решается рискнуть своим состоянием для такой затеи?

— Имейте в виду, Джемс, — ответил Шандон, — что все это одни предположения. Куда мы пойдем — в северные или южные моря, — я и сам не знаю. Быть может, дело идет о каких-нибудь открытиях. Впрочем, на днях должен явиться некий доктор Клоубонни, который наверное знает больше нас и все разъяснит. Поживем — увидим.

— Ладно, увидим, — сказал Джонсон. — А я тем временем постараюсь подыскать надежных ребят. Что до их жизненной энергии, как выражается капитан, то за это я ручаюсь вам наперед. В этом отношении можете вполне на меня положиться.

Джонсон был прямо бесценный человек; он приобрел большой опыт в арктических плаваниях. Он был боцманом на корабле «Феникс», входившем в состав экспедиций, отправлявшихся в 1853 году на поиски Франклина. Этот отважный моряк был свидетелем смерти французского лейтенанта Белло, которого он

сопровождал во время его переходов по льдам. Джонсон знал чуть ли не всех моряков в Ливерпуле, и он немедленно приступил к вербовке экипажа.

Шандон, Уолл и Джонсон действовали так успешно, что в первых числах декабря экипаж был уже в полном составе. Однако дело не обошлось без трудностей: многих соблазняла высокая плата, но вместе с тем страшила судьба экспедиции; иной матрос, смело приняв предложение, через некоторое время брал слово назад и возвращал задаток, так как друзья отговаривали его от участия в таинственной экспедиции. Но все как один старались проникнуть в тайну и надоедали расспросами Шандону, который всякий раз спроваживал их к Джонсону.

— Что я могу тебе сказать, друг мой? — неизменно отвечал Джонсон. — Я знаю не больше твоего. Во всяком случае, ты будешь в хорошем обществе, среди молодцов не робкого десятка, а это что-нибудь да значит! Поэтому тут нечего долго раскидывать умом: согласен или нет?

И большинство матросов соглашалось.

— Пойми же, наконец, — добавлял иногда боцман, — что у меня большой выбор. Такой платы еще не получал ни один матрос. А как вернешься, получишь вдобавок кругленький капиталец. Штука, братец ты мой, лакомая!

— Что и говорить, лакомая, — соглашался матрос. — Будешь обеспечен на всю жизнь!

— Не скрою от тебя, — продолжал Джонсон, — что плавание будет долгое, трудное и опасное. Так и сказано в наших инструкциях. Ты должен знать, за что берешься. Работать наверняка придется изо всех сил, а может, и сверх силы. Поэтому, если ты не из храбрых, если не прошел огонь, воду и медные трубы, если у тебя нет дьявольской выдержки, если ты не готов ко всему на свете, — ну, словом, если дрожишь за свою шкуру, то поворачивай оглобли и дай место молодцам посмелее тебя.

— Но, мистер Джонсон, — говорил припертый к стене матрос, — вы-то хоть знаете капитана?

— Пока что наш капитан — Ричард Шандон.

Надо сказать, что так думал и сам Шандон; он легко поддавался мысли, что в последнюю минуту поступит точные указания о маршруте путешествия и он останется капитаном «Форварда». Он не раз высказывал такое мнение в беседе с помощниками или с приятелями на бёркенхедской верфи, следя за работами по постройке брига, шпангоуты которого уже торчали на стапелях, напоминая скелет кита.

Шандон и Джонсон строго придерживались инструкций относительно выбора матросов. Вид у завербованных был вполне надежный, и они обладали жизненной энергией в количестве, достаточном, чтобы двигать машину «Форварда». Все говорило за то, что они смогут противостоять лютой стуже. Это были уверенные в себе, энергичные, решительные, крепкого сложения люди. Однако не все они были богатырского телосложения. Шандон даже сперва не решался принять некоторых из них, например, матросов Гриппера, Гарри и гарпунщика Симпсона, показавшихся ему несколько худощавыми. Но так как они были люди крепкие, смелые и сильные, то в конце концов их приняли.

Весь экипаж состоял из протестантов одного и того же толка. Во время экспедиций общая молитва и чтение библии объединяют людей различного еклада и подкрепляют их в минуты уныния; на корабле нельзя допускать разномыслия в вопросах веры. Шандон убедился на опыте, насколько полезны такие собрания и как они поддерживают дух экипажа; из этих соображений к ним всегда прибегают на судах во время продолжительных полярных плаваний.

Покончив с вербовкой экипажа, Шандон, Джонсон и Уолл занялись заготовкой продовольствия, строго придерживаясь инструкций капитана, инструкций точных, ясных, подробных, определяющих как количество, так и качество любого из продуктов. Благодаря ордерам, которые имел Шандон, все оплачивалось чистоганом, со скидкой восьми процентов, добросовестно отмечавшейся всякий раз Шандоном.

В январе 1860 года все было в полной готовности: экипаж, продовольствие и груз. Бриг начал уже при-

нимать определенную форму. Шандон каждый день бывал в Бёркенхеде.

23 января, утром, по своему обыкновению, Шандон находился на палубе одного из тех широких паровых катеров, которые снабжены рулем на носу и корме, чтобы избежать крутых поворотов, и совершают рейсы между берегами реки Мерсей. В воздухе стоял обычный туман, заставлявший моряков прибегать к помощи компаса, хотя рейс длился не более десяти минут.

Как ни густ был туман, он не помешал Шандону заметить приземистого, полного человека с умным веселым лицом и приветливым взглядом. Человек этот подошел к Шандону, схватил его за обе руки и стал трясти их с горячностью, живостью и фамильярностью «чисто южной», как выразился бы француз.

Однако этот субъект, как ни странно, не был уроженцем юга; он сыпал словами и энергично жестикулировал; казалось, его мысли непременно должны были выразиться в словах и жестах, иначе могли бы взорвать его черепную коробку. Глаза его, маленькие, как это часто бывает у умных людей, и большой подвижной рот были чем-то вроде предохранительных клапанов, через которые вырывался излишек внутреннего напряжения; говорил он так много и так быстро, что Шандон ничего не мог разобрать.

Однако он узнал маленького человека, хотя никогда его не видел: он сразу понял, с кем имеет дело, и, улучив момент, когда незнакомец на миг замолчал, спросил:

— Доктор Клоубонни?

— Он самый, собственной персоной! Вот уже добрые четверть часа я ищу вас и спрашиваю у всех и каждого. Поймите же мое нетерпение! Еще пять минут — и я сошел бы с ума! Итак, вы помощник капитана, Ричард Шандон? Значит, вы существуете? Вы не миф? Вашу руку, вашу руку! Позвольте еще раз пожать ее! Да, это рука Ричарда Шандона! Но если существует Ричард Шандон, то существует и бриг «Форвард», которым он командует; если он командует бригом, то отправится в море, а если отправится в море, то возьмет с собой доктора Клоубонни!

— Ну да, доктор, я Ричард Шандон, бриг «Форвард» существует и отправится в плавание.

— Это вполне логично, — ответил доктор, сделав глубокий вдох, — вполне логично. Я от души этому рад, я на вершине блаженства! Давно уже я жду такого случая, давно уже хотел предпринять подобное путешествие. Я уверен, что мы с вами...

— Позвольте... — перебил его Шандон.

— Я уверен, — продолжал доктор, не слушая Шандона, — что мы с вами заберемся далеко и не сделаем ни шагу назад.

— Однако... — возразил Шандон.

— Потому что вы уже доказали свою опытность и мне известен ваш послужный список. Да, вы — отличный моряк!

— Не угодно ли вам...

— Разве можно хоть на минуту сомневаться в вашем мужестве, вашей храбрости и вашем искусстве! Капитан, назначивший вас своим помощником, не ошибся, уверяю вас!

— Да не в этом дело, — сказал Шандон, теряя терпение.

— А в чем же? Ради бога, не мучайте меня!

— Черт возьми, да вы не даете мне и слова сказать! Скажите, пожалуйста, доктор, что побудило вас принять участие в экспедиции брига «Форвард»?

— Письмо, очень любезное письмо, — вот оно, письмо добрейшего капитана, очень лаконичное, но весьма убедительное!

С этими словами доктор протянул Шандону письмо следующего содержания:

«Инвернесс, 22 января 1860 года.

Доктору Клоубонни.

Ливерпуль.

Если доктору Клоубонни угодно отправиться на бриге «Форвард» в продолжительное плавание, то он может явиться к помощнику капитана Ричарду Шандону, получившему соответствующие инструкции.

Капитан брига «Форвард» К. З.»

— Письмо получено сегодня утром, и я готов сегодня же подняться на борт «Форварда».

— Вы, доктор, по крайней мере знаете, какова цель этой экспедиции? — спросил Шандон.

— Ничуть не бывало! Впрочем, это неважно, главное — лишь бы отправиться куда-нибудь. Говорят, будто я человек ученый; но это неправда, сэр, я ничего не знаю; правда, я сочинил кое-какие книжонки, которые расходятся недурно, — но лучше бы мне этого не делать. Публика слишком уж снисходительна, если покупает их. Ничего я не знаю, говорю вам, за исключением того, что я величайший невежда. Но мне дают возможность пополнить, или, вернее, уточнить, мои познания — в области медицины, хирургии, истории, географии, ботаники, минералогии, конхиологии, геодезии, химии, физики, механики и гидрографии; ну что ж, я согласен и, уверяю вас, не заставлю себя просить!

— Так значит, — разочарованным тоном сказал Шандон, — вам неизвестно, куда отправляется «Форвард»?

— Напротив, известно! Он отправляется туда, где можно чему-нибудь научиться, что-нибудь открыть, сопоставить, где можно встретить другие обычаи, другие страны, изучать другие народы и присущие им нравы; словом, бриг отправляется туда, где мне еще не приходилось бывать.

— Но скажите точнее! — воскликнул Шандон.

— Могу и точнее, — ответил доктор, — я слышал, что бриг отправляется в северные моря. Ну что ж, на север так на север!

— По крайней мере, — спросил Шандон, — вы знаете капитана брига?

— Понятия о нем не имею! Но, поверьте мне, это достойный человек!

Сойдя на берег в Бёркенхеде, Шандон разъяснил доктору положение вещей, и таинственность предприятия сразу же воспламенила воображение Клоубонни. При виде брига он пришел в восторг. С этого дня доктор не расставался с Шандоном и каждое утро осматривал корпус «Форварда».

Впрочем, ему было поручено организовать аптеку на бриге.

Клоубонни был врач, и хороший врач, но практикой занимался мало. В двадцать пять лет он, как и многие, был уже доктором медицины, а в сорок — настоящим ученым, известным всему городу; он был выдающимся членом Литературного и философского общества в Ливерпуле. Он обладал небольшим состоянием, и это позволяло ему лечить больных бесплатно, что, впрочем, не уменьшало ценности его советов. Любимый всеми, как личность в высшей степени обаятельная, он никогда не причинял вреда ни другим, ни себе. Живой и, пожалуй, несколько болтливый, он отличался чистосердечием и щедростью.

Как только в городе узнали о водворении доктора на бриге, его друзья приложили все усилия, чтобы отговорить его от участия в экспедиции, но это только укрепило ученого в раз принятом им решении: если доктор где-нибудь пустил корни, то едва ли кому-нибудь удалось бы сдвинуть его с места.

С этого времени всякого рода толки, догадки, предположения и опасения стали расти, как грибы, не по дням, а по часам; это не помешало, однако, спустить «Форвард» на воду 5 февраля 1860 года. Через два месяца бриг был уже готов к отплытию.

15 февраля, как сказано было в письме капитана, по Эдинбургской железной дороге в Ливерпуль в адрес Ричарда Шандона был доставлен датский дог. Собака казалась злой, трусливой и мрачной, и глаза у нее были какие-то странные. На медном ошейнике было вырезано слово «Форвард». Шандон в тот же день принял собаку на борт и о получении ее сообщил по адресу: «Ливорно, К. З».

Экипаж «Форварда» состоял из: 1) капитана К. З., 2) Ричарда Шандона, помощника капитана, 3) Джемса Уолла, второго помощника, 4) доктора Клоубонни, 5) Джонсона, боцмана, 6) Симпсона, гарпунщика, 7) Бэлла, плотника, 8) Brentона, первого механика, 9) Пловера, второго механика, 10) Стронга (негра), повара, 11) Фокера, ледового лоцмана, 12) Уолстена, оружейника, 13) Болтона, матроса, 14) Гарри,

матроса, 15) Клифтона, матроса, 16) Гриппера, матроса, 17) Пэна, матроса, 18) Уорена, кочегара

Таким образом, не считая капитана, экипаж был весь налицо.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Собака-капитан

5 апреля наступил день отплытия «Форварда». Присутствие доктора на бригае несколько успокаивало умы: куда бы ни отправился достойный ученый, можно было смело следовать за ним. Но все же большая часть матросов была в некоторой тревоге, и Шандон, опасаясь, как бы дезертирство не произвело некоторого опустошения в рядах экипажа, торопился выйти в море: потеряв берег из виду, матросы волея-неволей покорятся своей участи.

Каюта доктора Клоубонни находилась под ютом и занимала всю кормовую часть брига. Каюты капитана и его помощника, расположенные друг против друга, выходили окнами на палубу. Каюту капитана, снабдив различными инструментами, мебелью, дорожной одеждой, книгами, бельем и утварью, подробно перечисленными в списке, наглухо заперли. По распоряжению неведомого капитана ключ от этой каюты был отправлен в Любек, следовательно, только он сам мог в нее войти.

Это очень беспокоило Шандона, ибо отнимало у него шансы на командование бригам. Он превосходно оборудовал свою каюту, так как ему были хорошо известны условия полярных экспедиций.

Каюта Уолла находилась рядом с кубриком, служившим матросам спальней. Там было очень просторно, и едва ли они нашли бы на другом судне более удобное помещение. О них заботились, как о ценном грузе; посреди кубрика стояла большая печь.

Доктор Клоубонни, вступивший во владение своей каютой 6 февраля, то есть на другой день после спуска брига на воду, весь ушел в свои хлопоты.

— Самым счастливым животным на свете, — рассуждал он, — была бы улитка, если бы она могла по своему желанию построить себе раковину. Постараюсь же быть разумной улиткой.

Действительно, эта раковина, в которой ему суждено было пробыть долгое время, принимала очень уютный вид. Клоубонни радовался, как ребенок или как ученый, приводя в порядок свое научное хозяйство. Его книги, гербарии, точные механизмы, физические приборы, коллекции термометров, барометров, гигрометров, дождемеров, подзорных труб, компасов, секстантов, карт, планов, склянки, порошки, пузырьки его довольно богатой походной аптечки — все это приводилось в порядок, которому мог бы позавидовать Британский музей. Пространство в шесть квадратных футов содержало неисчислимы богатства; доктору стоило только, не сходя с места, протянуть руку, чтобы мгновенно сделаться медиком, математиком, астрономом, географом, ботаником или конхиологом.

По правде сказать, он гордился своим хозяйством и был счастлив в своем пловучем святилище, где с трудом могли бы уместиться трое самых тощих его приятелей. Впрочем, вскоре появились и друзья и притом в таком количестве, что даже покладистый доктор не выдержал и под конец сказал, перефразируя известное изречение Сократа:

— Мой дом невелик, но дай бог, чтобы он никогда не наполнялся друзьями.

Для полноты описания «Форварда» добавим, что конура большого датского дога находилась как раз под окном таинственной каюты; но свирепый обитатель конуры предпочитал бродить по нижней палубе и трюму; казалось, не было возможности приручить его, и никто не мог совладать со странным нравом собаки. По ночам ее жалобный вой зловеще отдавался в глубине трюма.

Быть может, она тосковала по своему отсутствующему хозяину? Или инстинктивно предчувствовала опасности предстоящего путешествия? Или предвещала грядущие напасти? Последнее казалось матро-

сам вероятнее всего. Правда, некоторые подшучивали над ее повадками, но в душе считали собаку каким-то дьявольским отродьем.

Один из матросов, по имени Пэн, на редкость грубый малый, бросился однажды на собаку, чтобы ее отколотить, но оступился, упал на шпиль и раскрыл себе голову. Разумеется, и в этом случае обвинили во всем злосчастную собаку.

Клифтон, самый суеверный из всего экипажа, заметил, что, находясь на юте, собака постоянно бродила на наветренной стороне; позже, когда бриг уже вышел в море и ему приходилось лавировать, странное животное после каждого поворота меняло место и упорно держалось наветренной стороны, словно настоящий капитан.

Доктор Клоубонни, который своей кротостью и приветливостью, казалось, мог бы смирить тигра, напрасно старался задобрить собаку, он только даром потратил труд и время.

Так как собака не откликалась ни на одно имя «собачьего календаря», то матросы под конец стали называть ее «Капитаном», ибо она прекрасно знала все морские порядки и, видимо, не раз уже побывала в плавании.

Понятно, чем был вызван шутливый ответ боцмана приятелю Клифтона, и не удивительно, что большинство матросов приняло его всерьез. Некоторые, правда, улыбались, вспоминая слова боцмана, но втайне ожидали, что в один прекрасный день собака примет человеческий образ и на бриге раздастся громкая команда капитана.

Хотя Ричард Шандон и не разделял этих суеверных страхов, но в душе он не был спокоен. Вечером 5-го, накануне отплытия, он сидел, дружески беседуя в кают-компании с доктором, Уоллом и Джонсоном.

Все четверо осушали уже по десятому стакану грога, надолго прощаясь с этим напитком, потому что, согласно предписаний, полученных в письме из Абердина, на время плавания все люди на бриге, начиная с капитана и кончая кочегаром, становились «водохлебами», то есть не должны были получать ни вина, ни

лива. Крепкие напитки отпускались только в случае болезни, да и то по предписанию врача.

Уже добрый час беседовали они об отъезде. Если все распоряжения капитана действительно осуществляются, то Шандон получит завтра письмо, содержащее последние инструкции.

— Если из этого письма, — говорил Шандон, — я не узнаю имени капитана, то по крайней мере станет известным хоть место назначения брига. Иначе — куда же мы пойдем?

— На вашем месте, — ответил нетерпеливый доктор, — я отплыл бы, не дожидаясь письма. Ручаюсь, что это письмо нагонит нас в дороге.

— Вы так уверены, доктор? Но интересно знать, куда бы вы направили корабль?

— К Северному полюсу! Это само собой разумеется, — тут не может быть ни малейшего сомнения.

— Ни малейшего сомнения? — протянул Уолл. — Но почему же не к Южному полюсу?

— К Южному? — воскликнул доктор. — Никогда! Неужели капитан захочет пересекать весь Атлантический океан? Вы только представьте себе это, дорогой друг.

— У доктора на все готов ответ, — сказал Уолл.

— Допустим, что на север, — начал опять Шандон. — Но куда же именно, доктор: к Шпицбергену? Или к Гренландии? Или к Лабрадору? Или, наконец, в Баффинов залив? Если все дороги ведут к одному месту, то есть к непроходимым льдам, то, во всяком случае, дорог этих много, и мне было бы очень трудно выбрать ту или другую. Можете ли вы дать мне точный ответ?

— Нет, — ответил Клоубонни, досадуя, что не может ничего сказать. — Но если вы так и не получите письма — что вы будете делать?

— Да ничего; стану ждать.

— Вы не отправитесь? — воскликнул доктор, отчаянно потрясая стаканом.

— Конечно, нет.

— Так будет благоразумнее всего, — спокойно заговорил Джонсон, в то время как доктор, которому не сиделось на месте, взволнованно расхаживал вокруг стола. — Да, так будет благоразумнее, хотя дальнейшая проволочка может иметь дурные последствия. Во-первых, теперь самое благоприятное время года, и если мы в самом деле двинемся на север, то необходимо воспользоваться таяньем льдов, чтобы пройти Девисов пролив. Во-вторых, экипаж с каждым днем все больше волнуется; друзья да товарищи подбивают наших матросов оставить бриг, и их запугивания могут сыграть с нами скверную шутку.

— К тому же, — добавил Джемс Уолл, — если среди матросов начнется паника, то они сбегут все до одного, и как вы наберете тогда новую команду?

— Но что же делать! — воскликнул Шандон.

— Ждать, как вы и сказали, — ответил доктор, — но ждать только до завтрашнего дня и не отчаиваться. Обещания капитана исполнялись до сих пор с поразительной точностью; поэтому нет оснований думать, что в свое время нам не будет сообщено, куда направляется бриг. Лично я ни на минуту не сомневаюсь, что завтра мы будем уже в Ирландском море, а потому, друзья мои, предлагаю вам выпить последний стакан грога за успех нашего плавания. Правда, оно начинается в несколько странных обстоятельствах, но с такими моряками, как вы, у нас тысяча шансов на счастливый исход!

И все четверо чокнулись в последний раз.

— А теперь, — обратился Джонсон к Шандону, — если позволите дать вам совет, приготовьте все к отплытию. Экипаж должен быть убежден, что вы вполне уверены в своих действиях. Получите вы завтра письмо или нет, — все равно снимайтесь с якоря. Не разводите паров; ветер, видимо, установился, и что может быть легче, как спуститься по течению. Пускай лоцман взойдет на борт; в час отлива выходите из дока и становитесь на якорь за Бёркенхедским мысом; наши люди не будут иметь никаких сношений с берегом, и если этому дьявольскому письму суждено по-

пасть в наши руки, то, поверьте, оно найдет нас там, как и во всяком другом месте.

— Умно сказано, Джонсон, — воскликнул доктор, протягивая руку старому моряку.

— Будь по-вашему! — согласился Шандон.

После этого все разошлись по своим каютам. В эту ночь думы об отплытии тревожили их и во сне.

На другой день с первой почтой Ричард Шандон не получил ни строчки.

Тем не менее он энергично готовился к отплытию. Слух об этом разнесся по всему Ливерпулю, и, как мы уже знаем, огромная толпа зрителей хлынула на набережную Новых доков Принца.

Одни приходили на бриг, чтобы в последний раз обнять товарища, другие — чтобы отговорить приятеля, третьи — чтобы взглянуть на странное судно, четвертые — чтобы разузнать про цель плавания. Многим не понравилось, что в этот день Шандон был молчаливее и сдержаннее, чем обычно.

Однако у него имелись на это уважительные причины.

Пробило десять. Пробило одиннадцать. Прилив должен был кончиться к часу дня. Шандон стоял на рубке и тревожно разглядывал толпу, ища человека, который разрешит его сомнения. Напрасные надежды! Матросы «Форварда» молча исполняли приказания помощника капитана, не спуская с него глаз; все напряженно ждали вести, которая, однако, не приходила.

Джонсон заканчивал последние приготовления к отплытию. Погода стояла пасмурная; на море поднялось сильное волнение; дул свежий юго-восточный ветер, но выход из реки Мерсей не представлял затруднений.

Полдень. Опять ничего. Доктор Клоубонни взволнованно шагал по палубе, поглядывая по сторонам, жестикулировал и «жаждал моря», как он выражался со свойственной ему ученой изысканностью. Он был сильно взволнован, хотя и старался сдерживаться. Шандон до крови кусал себе губы.

В эту минуту подошел Джонсон.

— Если вы хотите воспользоваться отливом, — сказал он, — то времени терять не следует. Нам понадобится час, чтобы выйти из дока.

Шандон в последний раз осмотрелся по сторонам и взглянул на циферблат. Был уже первый час.

— Снимайтесь! — сказал он шкиперу.

— Эй, вы, расходитесь! — крикнул Джонсон, приказывая посторонним очистить палубу «Форварда».

Толпа заколыхалась, направляясь к сходням, матросы стали отдавать последние швартовы.

Началась суматоха, так как матросы бесцеремонно спроваживали с палубы любопытных; к гаму толпы примешивалось рычание собаки. Внезапно дог стал яростно протискиваться сквозь густую толпу. Он глухо ворчал.

Собаке дали дорогу; она вспрыгнула на ют, и — трудно поверить, но подтвердить это могут сотни свидетелей — собака-капитан держала в зубах письмо.

— Письмо! — вскричал Шандон. — Так, значит, *он* на бриге?

— Без сомнения, *он* был здесь, но теперь его уже нет, — ответил Джонсон, показывая на палубу, совершенно очищенную от праздных зрителей.

— Капитан, Капитан, сюда! — кричал доктор, стараясь схватить письмо, которое собака не давала ему, делая большие прыжки. Казалось, она хотела вручить пакет самому Шандону.

— Сюда, Капитан! — крикнул моряк.

Собака подошла к нему. Шандон без труда взял письмо, и Капитан три раза громко пролаял среди глубокой тишины, царившей на бриге и набережной.

Шандон держал в руке письмо, не вскрывая его.

— Да читайте же! — воскликнул доктор.

Шандон взглянул на конверт. Там не было обозначено ни числа, ни адреса, стояло только:

«Помощнику капитана Ричарду Шандону, на бриге «Форвард».

Шандон распечатал письмо и прочел:

«Направляйтесь к мысу Фарвель. Вы придете туда 20 апреля. Если капитан не явится, вы пересечете Девисов пролив и пройдете Баффиновым заливом до залива Мелвилла.

Капитан «Форварда» К. З.»

Шандон тщательно сложил это лаконическое письмо, сунул его в карман и отдал приказ об отплытии. Под свист восточного ветра голос его звучал как-то особенно торжественно.

Вскоре «Форвард» был уже вне дока и, направляемый ливерпульским лоцманом, маленький бот которого шел невдалеке, вступил в фарватер реки Мерсей. Толпа повалила на внешнюю набережную доков Виктории, чтобы в последний раз взглянуть на загадочное судно. Мигом были поставлены марсея, фок и бизань, и «Форвард», оправдывая свое название, быстро обогнул Бёркенхедский мыс и полным ходом вышел в Ирландское море.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В открытом море

Порывистый, но попутный ветер налетал бурными шквалами. «Форвард» быстро рассекал волны; винт его бездействовал.

В три часа дня навстречу попался пароход, совершающий рейсы между Ливерпулем и островом Мэн. Его капитан окликнул бриг, и это было последнее слово напутствия, услышанное экипажем «Форварда».

В пять часов лоцман сдал командование бригом Ричарду Шандону и пересел на свой бот, который, искусно лавируя, вскоре скрылся на юго-западе.

К вечеру бриг обогнул мыс на южной оконечности острова Мэна. Ночью море сильно волновалось; «Фор-

вард» шел попрежнему отлично, оставил мыс Эйр на северо-западе и направился к Северному проливу.

Джонсон был прав: в открытом море инстинкт моряков одержал верх над всякими опасениями. Убедившись в надежности брига, матросы стали забывать о необычности этого плавания. Быстро наладилась нормальная судовая жизнь.

Доктор с наслаждением вдыхал морской воздух. Во время шквалов он бодро расхаживал по палубе; для ученого мужа у него была неплохая морская походка.

— Что ни говорите, а море — славная вещь, — сказал Клоубонни Джонсону, поднимаясь на палубу после завтрака. — Я поздно познакомился с ним, но постараюсь наверстать упущенное.

— Вы правы, доктор; я готов отдать все материка за кусок океана. Говорят, будто морякам быстро надоедает их ремесло, но я вот уже сорок лет хожу по морю, а оно мне все так же нравится, как и в первый день.

— Какое наслаждение чувствовать под ногами надежный корабль, а насколько я могу судить, «Форвард» ведет себя молодцом.

— Вы не ошиблись, доктор, — сказал Шандон, подходя к собеседникам. — «Форвард» — превосходное судно, я утверждаю, что ни один корабль, предназначенный для плавания во льдах, не был лучше оборудован и снаряжен. Это мне напоминает, как тридцать лет назад капитан Джеймс Росс, отправлявшийся на поиски Северо-Западного прохода...

— На бриге «Победа», — с живостью перебил доктор, — он был такой же почти вместимости, как и наш, и также снабжен машиной.

— Как? Вы это знаете?

— Как видите, — продолжал доктор. — В то время машины находились еще в младенческом состоянии, и машина брига «Победа» была причиной многих досадных задержек. Капитан Джеймс Росс, долго и напрасно чинивший ее по частям, кончил тем, что разобрал ее и бросил на первой же зимней стоянке.

— Черт побери! — вырвалось у Шандона. — Да вы, я вижу, знаете все подробности!

— А то как же! — отвечал доктор. — Я прочел сочинения Парри, Росса, Франклина, донесения Мак-Клура, Кеннеди, Кейна, Мак-Клинтока, — кое-что и осталось в памяти. Добавлю еще, что тот же Мак-Клинток на винтовом, вроде нашего, бриге «Фокс» гораздо легче и успешнее достиг своей цели, чем все его предшественники.

— Совершенно верно, — ответил Шандон. — Мак-Клинток — отважный моряк: мне довелось с ним плавать. Можете еще добавить, что, как и он, в апреле месяце мы будем в Девисовом проливе; и если нам удастся пробраться между льдами, то мы далеко продвинемся.

— Если только, — сказал доктор, — нас в первый же год не затрет льдами в Баффиновом заливе, как это было с «Фоксом» в тысяча восемьсот пятьдесят седьмом году, и тогда нам придется зимовать среди сплошного льда.

— Надо надеяться, что мы окажемся счастливее, мистер Шандон, — отвечал Джонсон. — Если уж на таком судне, как «Форвард», не пройти, куда хочешь, то верно придется махнуть рукой на все эти затеи.

— Впрочем, — начал опять доктор, — если капитан будет находиться на бриге, то он, конечно, будет знать, как ему поступать, — не то, что мы; ведь письмо до того лаконично, что никак не догадаешься о цели экспедиции.

— Достаточно уж того, — с живостью ответил Шандон, — что мы знаем, какого держаться курса. Полагаю, что еще добрый месяц мы сможем обойтись без сверхъестественного вмешательства незнакомца и его распоряжений. Впрочем, на этот счет мое мнение вам уже известно.

— Ну, да! Я думал, как и вы, — заметил доктор, — что этот человек оставит за вами командование бригам, а сам не появится, но...

— Но что? — с оттенком неудовольствия спросил Шандон.

— После получения второго письма я переменял мнение.

— Почему же, доктор?

— Да потому, что это письмо хотя и указывает вам путь, но не говорит о целях плавания; между тем необходимо знать, куда мы идем. Мы в открытом море, и я спрашиваю вас: как это мы можем получить третье письмо? В Гренландии почтовая связь, вероятно, оставляет желать лучшего. Знаете что, Шандон, я думаю, что капитан ждет нас в каком-нибудь датском поселении, в Хольстейнборге или Упернивике. Возможно, что он отправился туда, чтобы запастись тюленьими шкурами, закупить собак и сани и приготовить все необходимое для полярных экспедиций. Поэтому меня ничуть не удивит, если в одно прекрасное утро он выйдет из своей каюты и самым естественным манером начнет командовать бригам.

— Может быть, — процедил сквозь зубы Шандон. — Однако ветер свежее, и не следует в такую погоду рисковать брамселями.

Шандон покинул доктора и приказал убрать верхние паруса.

— Однако он упорно стоит на своем, — сказал боцману доктор.

— Да, — отвечал Джонсон, — и это тем печальнее, доктор, что, быть может, вы окажетесь правы.

В субботу, под вечер, «Форвард» обогнул Галловейский мыс, маяк которого был замечен на северо-востоке. Ночью он миновал мыс Кинтайр, затем мыс Фэр на восточном побережье Ирландии. К трем часам прошел остров Ратлин и Северным проливом вышел в океан.

Это было в воскресенье, восьмого апреля.

Англичане, в особенности моряки, педантично соблюдают воскресные дни. Поэтому часть утра была посвящена молитве и чтению вслух библии, которое охотно взял на себя доктор.

Переходивший в ураган ветер грозил отбросить бриг к ирландскому берегу; волнение было сильное, качка — крайне утомительна. Немудрено было бы заболеть морской болезнью, и если доктор не заболел, то лишь потому, что он этого сильно не хотел. В полдень мыс Малин скрылся из виду на юге; это был последний клочок европейской земли, оставленный

позади отважными мореплавателями, многим из них не суждено было снова увидеть родину; они долго следили глазами за исчезающей на горизонте землей.

С помощью секстанта и хронометра определили положение брига: 55°57' широты и 7°10' долготы.

Ураган стих к девяти часам вечера; «Форвард», не убавляя хода, держал курс на северо-запад. В этот день бриг обнаружил свои высокие морские качества; ливерпульские знатоки не ошиблись: «Форвард» оказался превосходным парусным судном.

В течение нескольких дней бриг быстро двигался на северо-запад; ветер стал южным; море сильно волновалось; «Форвард» шел на всех парусах. Буревестники и тупики носились над ютом; доктор очень ловко подстрелил одну из птиц, и она упала на палубу.

Симпсон, гарпунщик, поднял ее и подал Клоубонни.

— Неважная дичь, доктор, — сказал он.

— Напротив, из нее можно приготовить отличное блюдо.

— Как? Вы станете есть эту дрянь?

— Да, и вы тоже, друг мой, — сказал Клоубонни.

— Брр! — воскликнул Симпсон. — Мясо этой птицы отдает ворвань и горчит, как у всех морских птиц.

— Ладно! — сказал доктор. — Я особенным способом приготовлю эту дичь, и если вы догадаетесь, что это мясо морской птицы, то я никогда в жизни больше не застрелю ни одного буревестника.

— Значит, вы, доктор, вдобавок ко всему еще и повар? — спросил Джонсон.

— Ученый должен знать всего понемногу.

— В таком случае, берегись, Симпсон, — сказал боцман. — Доктор — уж такой ловкий, что, пожалуй, мы и в самом деле примем буревестника за отменную куропатку.

Клоубонни не ударил лицом в грязь: он искусно снял с буревестника подкожный слой жира, которого больше всего на ножках, от этого исчезла горькова-

тость и противный привкус рыбы. Приготовленного таким образом буревестника все, в том числе и Симпсон, признали отличной дичью.

Во время последнего шторма Ричард Шандон смог вполне оценить достоинства своего экипажа. Он изучал каждого матроса в отдельности, что обязан делать каждый благоразумный командир судна, желающий избежать в будущем непредвиденных осложнений. Он знал теперь, на кого можно рассчитывать.

Джемс Уолл душой и телом был предан Шандону; дело он знал хорошо, был усердный исполнитель, но ему не хватало инициативы; как второстепенное должностное лицо он был на месте.

У Джонсона, человека испытанного в борьбе с морем, избородившего полярные моря, не было недостатка в хладнокровии и отваге.

Симпсон, гарпунщик, и Бэлл, плотник, были люди надежные, дисциплинированные и преданные долгу. Ледовый лоцман Фокер, воспитанный в школе Джонсона, мог оказать экспедиции большие услуги.

Лучшими из матросов, повидимому, были Гарри и Болтон: Болтон, парень веселый и словоохотливый, любил побалагурить; у Гарри, малого лет тридцати пяти, было энергичное лицо, но он был бледноват и несколько задумчив.

Матросы Клифтон, Гриппер и Пэн, видимо, менее энергичные и решительные, не прочь были при случае и пороптать. Гриппер в момент отплытия чуть не ушел с брига, только чувство стыда удержало его на «Форварде». Если все будет хорошо, если не придется подвергаться большим опасностям и работа не будет слишком изнурительной, то на этих трех матросов можно вполне положиться. Но им необходима была сытная пища, потому что путь к их сердцу шел, так сказать, через желудок. Хотя и предупрежденные заранее, они все еще не хотели считать себя «водохлебами», за обедом скорбели об отсутствии водки и джина, тем не менее они старались отыгаться на кофе и чае, которые могли пить вволю.

Что касается механиков, Брентона и Пловера, и кочегара Уорена, то до сих пор они только и делали,

что прохаживались по палубе или сидели, скрестив на груди руки.

Итак, Шандон достаточно изучил своих подчиненных.

14 апреля «Форвард» пересек великое течение Гольфстрим, которое направляется вдоль восточных берегов Америки, доходит до Ньюфаундленда, затем уклоняется на северо-восток и обгибает берега Норвегии. Бриг находился на 51°37' широты и 22°58' долготы, в двухстах милях от Гренландии. Заметно похолодало; термометр опустился до тридцати двух градусов¹, то есть до точки замерзания.

Доктор, не считая нужным одеваться по-зимнему, ходил, как все матросы. Занятно было глядеть, как Клоубонни щеголял в высоких сапогах, в которые он, так сказать, входил всей своей особой, в широкой клеенчатой шляпе и в таких же брюках и куртке. Во время сильных дождей или когда волны перекатывались через палубу, он сильно смахивал на тюленя. Надо сказать, это сходство чрезвычайно льстило его самолюбию.

В течение двух дней продолжалась буря; северо-западный ветер значительно замедлял движение брига. С 14 до 16 апреля море не утихало, но в понедельник хлынул проливной дождь, почти мгновенно успокоивший море.

Шандон обратил внимание доктора на это обстоятельство.

— Ну, да, — сказал доктор, — этим подтверждаются интересные наблюдения китобоя Скорсби, члена Королевского Ливерпульского общества, в котором и я состою членом-корреспондентом. Он отмечает, что во время дождя волны почти исчезают, даже при сильном ветре. Напротив, в сухую погоду море волнуется даже от слабого ветра.

— Как же объясняют это явление, доктор?

— Очень просто: его вовсе не объясняют.

В это время ледовый лоцман, стоявший на вахте

¹ По Фаренгейту. Равняется 0° по Цельсию.

на брам-салинге, заметил милях в пятнадцати справа под ветром плывущую глыбу льда.

— Ледяная гора под этой широтой! — воскликнул доктор.

Шандон взглянул в подзорную трубу в указанном направлении и подтвердил сообщение лоцмана.

— Вот так штука! — воскликнул доктор.

— Это вас удивляет? — смеясь, заметил Шандон. — Неужели нам так повезло, что мы, наконец, можем чем-нибудь вас удивить?

— В первый момент это меня удивило, хотя, собственно говоря, тут нечему удивляться, — с улыбкой отвечал доктор. — Ведь бриг «Энн де Пуль» из Гриспонда в тысяча восемьсот тринадцатом году под сорок четвертым градусом северной широты был буквально затерт льдами; его капитан Деймент насчитывал целые сотни айсбергов.

— Значит, — сказал Шандон, — и в этом отношении кое-чему мы можем поучиться у вас?

— Очень немногому, — скромно ответил доктор. — Могу только добавить, что ледяные горы встречались и под менее высокими широтами.

— Я это хорошо знаю, дорогой доктор, потому что, будучи юнгой на военном шлюпе «Флай»...

— В тысяча восемьсот восемнадцатом году, — подхватил доктор, — в конце марта, вы прошли между двумя плавающими ледяными островами под сорок вторым градусом широты.

— Ну, это уж чересчур! — воскликнул Шандон.

— Зато совершенно справедливо. Поэтому нечего удивляться тому, что, находясь на два градуса севернее, «Форвард» встретил на траверсе айсберг.

— Вы, доктор, — продолжал Шандон, — настоящий кладезь премудрости, из которого только и остается, что черпать.

— О, мой источник иссякнет гораздо скорее, чем вы думаете. Но если бы мне удалось наблюдать вблизи это интересное явление, я был бы счастливейшим из докторов.

— Могу себе представить... Джонсон, — обратился

Шандон к боцману, — мне кажется, ветер начинает свежеть?

— Да, — отвечал боцман. — Но мы идем очень медленно, и вскоре течение Девисова пролива даст себя знать.

— Вы правы, Джонсон. Если мы хотим быть двадцатого апреля в виду мыса Фарвель, необходимо идти под парами, иначе нас снесет к берегам Лабрадора. Уолл, прикажите развести пары.

Приказание Шандона было исполнено; через час давление в котле было уже достаточным; паруса были убраны, и винт, вспенивая воду своими лопастями, помчал бриг против северо-западного ветра.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Великое полярное течение

Вскоре многочисленные стаи буревестников и тупиков — обитателей этих печальных мест — возвести о близости Гренландии. «Форвард» быстро двигался к северу, оставляя за собой длинную полосу черного дыма.

Во вторник, 17 апреля, около одиннадцати часов утра ледовый лоцман впервые заметил на небе ледяной отблеск. Ледяное поле должно было находиться по крайней мере в двадцати милях к северу. Несмотря на довольно густые облака, над горизонтом стояло ослепительное белое сияние. Опытные моряки не могли ошибиться насчет этого явления: по яркости отблеска они заключили, что его отбрасывает большое скопление льда, находящееся вне поля зрения, миль за тридцать от брига.

К вечеру подул южный попутный ветер; Шандон в целях экономии приказал поднять паруса и прекратить пары. «Форвард» под марселями, кливером и фоком быстро направился к мысу Фарвель.

Восемнадцатого числа, в три часа, был замечен ледяной поток; на поверхности моря, на фоне неба, ярко вырисовывалась тонкая яркобелая полоска.

Повидимому, поток шел от восточных берегов Гренландии, а не из Девисова пролива, потому что льды преимущественно держатся у западных берегов Баффинова залива. Час спустя «Форвард» уже пробирался между льдинами; в самых сплоченных частях ледяного потока льдины колыхались от зыби, хотя были крепко спаяны между собой.

На следующий день на рассвете вахтенный приметил какой-то корабль: то был датский корвет «Валькирия», шедший контр-галсом к «Форварду» и направлявшийся к Ньюфаундленду. Сила течения пролива начала чувствоваться, и, чтобы противостоять ей, пришлось прибавить парусов.

Шандон, доктор, Джемс Уолл и Джонсон стояли на юте, наблюдая скорость и направление течения.

— Доказано ли, — спросил доктор, — что в Баффиновом заливе существует постоянное течение?

— Ну, конечно, — ответил Шандон, — ведь парусные суда с трудом идут против него.

— Тем более, — добавил Джемс Уолл, — что оно встречается у восточных берегов Америки и западных берегов Гренландии.

— В таком случае этот факт подтверждает мнение моряков, уверенных в существовании Северо-Западного прохода, — сказал доктор. — Скорость этого течения приблизительно пять миль в час, и трудно допустить, чтобы оно начиналось в заливе.

— Ваше рассуждение очень убедительно, доктор, — заметил Шандон, — потому что этот поток направляется с севера на юг, а в Беринговом проливе существует другое течение, которое идет с юга на север и, по всей вероятности, дает начало первому.

— Таким образом, господа, — сказал доктор, — можно допустить, что Америка¹ совершенно отделена от полярных земель и что воды Тихого океана, обогнув ее северные берега, изливаются в Атлантический океан. Впрочем, вследствие более высокого уровня Тихого океана воды его должны направляться к морям Европы.

— Однако, — возразил Шандон, — должны же существовать какие-нибудь факты, подтверждающие эту

теорию. Если же они есть, — не без иронии добавил он, — то наш всеведущий ученый должен их знать.

— Еще бы! И если это вас интересует, — любезно отозвался доктор, — я вам скажу, что китов, раненных в Девисовом проливе, через некоторое время убивали у берегов Восточной Азии, причем в теле их еще торчали европейские гарпуны.

— Если они не обогнули мыс Горн или мыс Доброй Надежды, то неизбежно должны были обойти вокруг северных берегов Америки. Это несомненно так, доктор, — заметил Шандон.

— Но чтобы вполне вас убедить, дорогой Шандон, — улыбаясь, сказал Клоубонни, — я могу привести и другие факты, например, наличие в Девисовом проливе большого количества пловучих деревьев: лиственниц, осин и других древесных пород, характерных для теплых стран. Мы знаем, что Гольфстрим не дал бы этим деревьям достигнуть пролива; но если их там находят, то, значит, они могли попасть в него только через Берингов пролив.

— Вы меня убедили, доктор; впрочем, трудно было бы вам не поверить после таких доводов.

— Кстати, — заметил Джонсон, — вот предмет, который нам многое объяснит. Я вижу в море дерево довольно крупных размеров, и если мистер Шандон позволит, мы поднимем на борт этот древесный ствол и спросим у него, из какой страны он прибыл.

— Отлично! — воскликнул доктор. — Сначала правило, затем подтверждающий его факт.

Шандон отдал приказание; бриг направился к замеченному куску дерева, и немного спустя матросы не без труда подняли его на борт.

Это был ствол красного дерева, до самой сердцевины источенный червями, без чего он, впрочем, и не мог бы плавать.

— Вот великолепное доказательство! — восторженно воскликнул доктор. — Дерево это не могло быть занесено в Девисов пролив течениями Атлантического океана; с другой стороны, реки Северной Америки тоже не могли занести его в полярный бассейн, поскольку красное дерево растет только под эквато-

ром; ясно, как божий день, что оно попало сюда прямо мехонько через Берингов пролив. Впрочем, посмотрите, господа, на этих червей: они водятся только в теплых странах.

— Это наносит удар ученым, отрицающим существование знаменитого прохода, — заметил Уолл.

— Это положительно убивает их! — отвечал доктор. — Я постараюсь набросать маршрут этого дерева: оно занесено в Тихий океан какой-нибудь рекой Панамского перешейка или Гватемалы; затем течение увлекло его вдоль берегов Америки до Берингова пролива, и волей-неволей дерево попало в полярные моря. Заметьте, это дерево еще довольно крепкое и еще не стало губчатым, поэтому можно думать, что оно недавно покинуло родину и благополучно миновало препятствия, какие встречались в проливах, ведущих в Баффинов залив; подхваченный северным течением, ствол прошел Девисов пролив и, наконец, попал на борт «Форварда», к великой радости доктора Клоубонни, который просит у господина Шандона позволения сохранить на память кусок этого дерева.

— Сделайте одолжение, — сказал Шандон. — Но позвольте мне в свою очередь сказать вам, что вы будете не единственным обладателем такого рода находки. У губернатора датского острова Диско...

— ...у берегов Гренландии, — прервал его доктор, — имеется стол, сделанный из дерева, добытого из моря при таких же обстоятельствах, — мне это известно, дорогой Шандон. Но я не завидую северному сановнику, потому что, не будь так трудно вылавливать эти стволы, я мог бы отделать целую спальню таким деревом, — так его здесь много.

Всю ночь со среды на четверг дул яростный ветер. Пловучие стволы попадались все чаще. Приблизиться к берегу было опасно в эту пору года, когда часто встречаются льдины, поэтому Шандон приказал убавить паруса, и «Форвард» пошел несколько медленнее под фоком и стакселем.

Термометр опустился ниже нуля. Шандон велел выдать экипажу теплую одежду: шерстяные куртки и брюки, фланелевые фуфайки и теплые чулки, какие

носят норвежские крестьяне. Каждый матрос был снабжен, кроме того, морскими непромокаемыми сапогами.

Что касается Капитана, то он довольствовался своей природной шубой; повидимому, он был мало чувствителен к колебаниям температуры и, вероятно, уже не раз переносил подобного рода лишения. Впрочем, как датский дог, он и не имел права быть слишком требовательным. Его редко видели, так как он почти все время прятался в самых темных уголках корабля.

К вечеру в просвете тумана показались берега Гренландии под $37^{\circ}2'7''$ долготы. Доктор, вооружившись подзорной трубой, несколько минут наблюдал цепь остроконечных гор, покрытых ледниками; но густой туман вскоре закрыл их, точно театральный занавес, упавший в самом интересном месте пьесы.

20 апреля утром «Форвард» оказался в виду айсберга высотой в сто пятьдесят футов, севшего в этом месте на мель еще в незапамятные времена. Оттепели не оказывали на него никакого действия и щадили его причудливые формы. Его видел еще Сноу; Джемс Росс в 1829 году зарисовал его, а в 1851 году французский лейтенант Белло, на корабле «Принц Альберт», совершенно ясно мог его разглядеть. Понятно, что доктор пожелал иметь изображение этой замечательной горы и очень удачно срисовал ее.

Нет ничего удивительного, что такие громады садятся на мель и неразрывно сливаются с морским дном; обычно они возвышаются над водой примерно на одну треть своего объема, так что айсберг, о котором идет речь, сидел в море на глубине около восьмидесяти морских саженей.

Наконец, при температуре, не превышавшей в полдень $+12^{\circ}$ (-11° Ц), под хмурым, затянутым туманом небом наши мореплаватели увидели мыс Фарвель. «Форвард» пришел в срок к месту назначения, и если бы таинственный капитан вздумал явиться в такую дьявольскую погоду, ему не пришлось бы сетовать на неаккуратность Шандона.

«Так вот он, — сказал себе доктор, — этот знаменитый мыс, так метко названный! ¹ Многие, подобно нам, прошли его, но немногим суждено было снова его увидеть. Неужели здесь навеки надо распрощаться с друзьями, оставшимися в Европе? Вы прошли здесь, Фробишер, Найт, Барло, Вогем, Скрогс, Баренц, Гудзон, Блосвиль, Франклин, Крозье, Белло, но вам не суждено было снова увидеть родной очаг, и мыс этот поистине был для вас мысом Прощания».

В 970 году мореплаватели, отправившиеся из Исландии, открыли Гренландию, Себастиан Кабота в 1498 году поднялся до 56° широты; Гаспар и Мигель Котреаль между 1500 и 1502 годами достигли 60°, а Мартин Фробишер в 1576 году поднялся до залива, носящего и поныне его имя.

Джону Девису принадлежит честь открытия пролива в 1585 году; два года спустя, во время своей третьей экспедиции, этот отважный моряк и славный китобой достиг семьдесят третьей параллели, отстоящей от полюса на двадцать семь градусов.

Баренц в 1596 году, Уэймут в 1602 году, Джемс Холл в 1605 и 1607 годах, Гудзон, имя которого дано обширному заливу, глубоко врезающемуся в материк Америки, в 1610 году, Джемс Пуль в 1611 году — более или менее продвинулись по проливу, отыскивая Северо-Западный проход, который должен был значительно сократить путь между Новым и Старым светом.

Баффин в 1616 году открыл в заливе, носящем его имя, пролив Ланкастера; в 1619 году по следам его отправился Джемс Манк, а в 1719 году — Барло, Вогем и Скрогс, пропавшие без вести.

В 1776 году лейтенант Пикерсгилл, посланный на встречу капитану Куку, пытавшемуся подняться на север через Берингов пролив, достиг 68°; в следующем году Йонг с этой же целью поднялся до острова Женщин.

В 1818 году Джемс Росс прошел вдоль берегов Баффинова залива и исправил гидрографические ошибки своих предшественников.

¹ Farewell — по-английски: прощай.

Наконец, в 1819 и 1820 годах знаменитый Парри отправился в пролив Ланкастера, преодолев большие трудности, дошел до острова Мелвилла и получил премию в пять тысяч фунтов стерлингов, назначенную парламентом тому из английских мореплавателей, кто пересечет стосемидесятый меридиан при широте высшей, чем семьдесят седьмая параллель.

В 1826 году Бичи достиг острова Шамиссо; Джеймс Росс с 1829 до 1833 года зимовал в проливе Принца Регента и наряду с другими важными исследованиями открыл магнитный полюс.

Между тем Франклин занялся сухопутным исследованием северных берегов Америки, от реки Макензи до мыса Тернагейн; с 1823 до 1835 года по его следам шел капитан Бак, исследования которого были дополнены в 1839 году Дизом, Симпсоном и доктором Рэ.

Наконец, сэр Джон Франклин отплыл из Англии в 1845 году на двух кораблях «Эребус» и «Террор» с целью открытия Северо-Западного прохода; он проник в Баффинов залив, миновал остров Диско, и с тех пор о нем больше не было известий.

На поиски экспедиции Франклина направился целый ряд спасательных экспедиций, результатом которых было открытие Северо-Западного прохода и подробное исследование полярных земель, берега которых чрезвычайно изрезаны.

Самые отважные моряки Англии, Франции и Соединенных Штатов отправлялись в эти суровые страны, и благодаря их усилиям прежнюю, неверную, запутанную, карту полярного материка можно теперь увидеть только в архиве Королевского географического общества в Лондоне.

В таких чертах представлялась воображению доктора любопытная история полярных стран, когда он, опершись на поручни, следил взглядом за длинной бороздой, тянувшейся по волнам за бригом. Имена смелых моряков возникали в его памяти, и, казалось, он видел под прозрачными сводами ледяных гор бледные тени людей, не вернувшихся на родину.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Девисов пролив

В течение дня «Форвард» легко прокладывал себе дорогу среди разбитых льдин. Ветер был благоприятный, но температура очень низкая; воздушные течения охлаждались, проносясь над ледяными полями.

Ночью были приняты крайние меры предосторожности, так как ледяные горы в громадном количестве скопились в тесном проходе; нередко на горизонте их насчитывали целыми сотнями. Отделившись от крутых берегов, они таяли под лучами апрельского солнца и погружались в пучину океана, источенные волнами. Встречались также скопления пловучего леса, столкновений с которым следовало избегать. Поэтому на вершине фок-мачты устроили из бочки с подвижным дном так называемое «воронье гнездо», в котором ледовый лоцман, частично защищенный от ветра, наблюдал за морем, предупреждал о замеченных льдинах и, в случае надобности, указывал путь бригау.

Ночи становились все короче. Благодаря рефракции солнце показалось уже 31 января; день ото дня оно все дольше держалось над горизонтом. Но обильный снегопад сильно затруднял видимость, и плавание становилось все тяжелее.

21 апреля в просвете тумана показался мыс Отчаяния. Экипаж изнемогал от работы; со дня вступления брига в область льдов матросы не имели ни минуты отдыха; пришлось прибегнуть к помощи паровой машины, чтобы проложить «Форварду» дорогу среди скучившихся ледяных масс.

Доктор и Джонсон беседовали на корме, а Шандон отправился в свою каюту, чтобы соснуть несколько часов. Клоубонни любил разговаривать со старым моряком, который приобрел большой опыт и знания в своих многочисленных путешествиях. Доктор чувствовал к нему большую симпатию, и боцман отвечал ему тем же.

— Не правда ли, — говорил доктору Джонсон, — страна эта не похожа на другие страны? Ее назвали

Зеленой Землей¹, а между тем она лишь в течение нескольких недель в году оправдывает свое название.

— Как знать, любезный Джонсон, — ответил доктор, — не имела ли эта страна в десятом веке полного права на такое название? Немало переворотов совершилось на земном шаре, и вы наверное очень удивитесь, если я вам скажу, что, по словам исландских летописцев, восемьсот или девятьсот лет тому назад на этом материке процветало до двухсот поселков.

— Это настолько меня удивляет, доктор, что мне даже трудно поверить, потому что Гренландия — печальная страна.

— Как она ни печальна, а все-таки дает приют своему населению и даже цивилизованным европейцам.

— Без сомнения. На острове Диско и в Уперни-вике мы встретим людей, которые решились поселиться в этих урюмых местах. Однако я всегда думал, что они остаются там скорее по необходимости, чем по собственному желанию.

— Охотно верю. Впрочем, человек ко всему привыкает, и, по-моему, гренландцы менее достойны сожаления, чем рабочие наших больших городов. Быть может, они и несчастные, но, во всяком случае, не обездоленные люди. Я говорю: несчастные, хотя это слово не вполне выражает мою мысль. Действительно, если они не пользуются благами стран умеренного пояса, то на долю этих людей, освоившихся с суровым климатом, выпадают удовольствия, каких мы даже не можем себе представить.

— Надо думать, что это так, доктор, потому что небо справедливо. Но я часто бывал у берегов Гренландии, и всякий раз у меня сжималось сердце при виде этих безотрадных пустынь. Следовало бы хоть немного скрасить все эти мысы, косы и заливы, давши им более приветливые названия, потому что мыс Разлуки и мыс Отчаяния едва ли могут привлечь к себе мореплавателей.

¹ Гренландия от — Grn Land.

— Мне тоже приходило это на ум, — ответил доктор. — Но названия эти представляют географический интерес, которым не следует пренебрегать. Если рядом с именами Девиса, Баффина, Гудзона, Росса, Парри, Франклина, Белло я встречаю мыс Отчаяния, то вскоре нахожу также залив Милосердия; мыс Провидения как бы противостоит мысу Горя; мыс Недоступный посылает меня к мысу Эдема; я покидаю мыс Поворотный для того, чтобы отдохнуть в заливе Убежища. Перед моими глазами проходит непрерывный ряд опасностей, неудач, препятствий, успехов, бедствий и достижений, связанных с именами моих великих соотечественников, и, словно коллекция древних медалей, эти названия воскрешают всю историю полярных морей.

— Вы глубоко правы, доктор, и дай нам бог во время нашего путешествия побольше встречать заливов Успеха и поменьше мысов Отчаяния.

— Я сам от души этого желаю, Джонсон. Но скажите, экипаж хоть немного образумился, забыл свои страхи?

— Пожалуй, немного забыл. Но, по правде сказать, с тех пор как мы вошли в пролив, матросы опять начали толковать о фантастическом капитане. Они ожидали, что он явится на бриг у берегов Гренландии, а между тем его нет как нет. Между нами говоря, доктор, не кажется ли вам это несколько странным?

— По правде сказать, да.

— И вы верите, что капитан этот в самом деле существует?

— Ну, конечно!

— Но почему же он так странно себя ведет?

— Откровенно говоря, Джонсон, я думаю, что этот человек хотел как можно дальше завести экипаж, чтобы возвращение было уже невозможно. Будь он на бриге в момент отплытия, всякий бы захотел знать, куда направляется судно, а это могло затруднить капитана в его действиях.

— Почему же?

— Допустим, что он задумал какое-нибудь предприятие, превосходящее силы человека, хочет проник-

нуть туда, куда еще никто не проникал, — как вы думаете, удалось ли бы ему при таких условиях наберобовать экипаж? Но, отправившись в путь, можно уйти так далеко, что останется только одно: продвигаться вперед.

— Очень может быть, доктор. Я знавал многих отважных авантюристов, одно имя которых приводило всех в ужас и которые никогда не нашли бы людей, готовых сопровождать их во время их опасных экспедиций...

— Кроме меня, Джонсон! — воскликнул доктор.

— А также и меня, — ответил Джонсон. — Итак, я утверждаю, что наш капитан принадлежит к числу именно таких авантюристов. Но поживем, увидим. Полагаю, что в Упернивике или в заливе Мелвилла этот молодец преспокойно явится на бриг и объявит нам, куда ему взбрело на ум направить судно.

— Я такого же мнения, Джонсон. Однако трудненько будет подняться до залива Мелвилла. Посмотрите: льдины окружают нас со всех сторон, и «Форвард» с трудом пробирается вперед. Взгляните на эту беспредельную ледяную равнину.

— Мы, китобои, доктор, называем такую равнину ледяным полем.

— А вот с той стороны — раздробленное поле. Видите эти длинные льдины, которые соприкасаются краями? Что это такое?

— Это паковый лед; если скопление льдов имеет круглую форму, мы называем его просто «пак», а если оно длинное, его зовут «потоком».

— А как называются льдины, которые плавают поодиночке?

— Это дрейфующие льдины; будь они немного выше, они назывались бы айсбергами, или ледяными горами. Столкновение с ними очень опасно, и корабли стараются их обходить. Посмотрите на это возвышение, образованное напором льдов, — вот там, на той ледяной поляне; мы называем его торосом; если бы основание его было под водой, то это был бы ледяной риф. Чтобы легче было ориентироваться в

полярных морях, пришлось дать особое название различным видам льдов.

— Ах, какое изумительное зрелище! — восклицал доктор, созерцая чудеса полярных морей. — Какие причудливые, разнообразные картины и как они действуют на воображение!

— Без сомнения, — ответил Джонсон. — Иной раз льдины принимают прямо фантастические формы, и матросы объясняют их на свой лад.

— Полюбуйтесь, Джонсон, на это скопление льдов! Ни дать ни взять восточный город с минаретами и мечетями, освещенный бледными лучами луны! А там, дальше, длинный ряд готических арок, напоминающих часовню Генриха Седьмого или здание Парламента.

— Правда, доктор, здесь на всякий вкус что-нибудь найдется. Но в этих городах и храмах жить опасно, да и приближаться к ним не рекомендуется. Иные из этих минаретов шатаются на своем основании, и самый маленький из них легко может раздавить судно вроде нашего «Форварда».

— И находились же люди, которые отваживались забираться сюда, без помощи пара! — продолжал Клоубонни. — Кажется прямо невероятным, что парусные суда могли продвигаться среди этих пловучих ледяных скал!

— А между тем они продвигались, доктор! Когда ветер был противный, — а мне не раз доводилось это испытывать, — на одну из таких льдин забрасывали якорь, и некоторое время судно дрейфовало вместе с ней, в ожидании, когда можно будет двинуться дальше. Правда, при таком способе передвижения требовались целые месяцы для того, чтобы пройти путь, который мы свободно проходим в несколько дней.

— Мне кажется, — заметил доктор, — температура начинает несколько понижаться.

— Это было бы очень досадно, — ответил Джонсон. — Для того чтобы массы льдов распались и ушли в Атлантический океан, необходима оттепель. В Девисовом проливе льды встречаются в гораздо боль-

шем количестве, потому что между Уолсингемским и Хольстейнбургским мысами берега заметно сближаются. Но за шестьдесят седьмым градусом мы встретим в мае и июне более удобные для навигации воды.

— Да, но сперва надо пройти пролив.

— Ну, конечно, доктор. В июне и июле мы нашли бы проход свободным от льдов, как нередко его находят китобойные суда; но у нас очень точные инструкции: нам велено быть здесь уже в апреле. Если я не ошибаюсь, наш капитан — парень не робкого десятка, у которого крепко засела в голове какая-то мысль. Он для того пораньше и отправился в море, чтобы подальше уйти. Впрочем, поживем — увидим.

Доктор не ошибся, заметив понижение температуры; в полдень термометр показывал уже $+6^{\circ}$ (-14° Ц); северо-западный ветер разогнал тучи и помогал течению нагромождать массы пловучих льдов на пути брига. Впрочем, не все льдины двигались в одну сторону; многие, и притом самые высокие, увлекаемые подводным течением, шли в противоположном направлении.

Плавание брига было сопряжено с большими трудностями; механики не имели ни минуты отдыха. Управление машиной производилось с палубы при помощи целой системы рычагов; по распоряжению вахтенного офицера ход брига то ускоряли, то замедляли. Порой нужно было проскользнуть в расселине среди ледяных полей; порой приходилось пускаться наперегонки с айсбергом, угрожавшим запереть единственный свободный проход. Нередко случалось, что какая-нибудь льдина, неожиданно рухнув в море, заставляла бриг быстро податься назад, чтобы не быть раздавленным. Скопившиеся в проливе массы льдов, увлекаемых и нагромождаемых северным течением, грозили преградить путь кораблю в случае, если бы их спаяло морозом.

В этих местах встречались бесчисленные стаи птиц: буревестники и чайки носились над морем, испуская оглушительные крики; толстоголовые, с короткой шеей и приплюснутым клювом, чайки рассекали

воздух длинными крыльями, не обращая внимания на снежные вихри, поднимаемые бурей. Своим полетом пернатые несколько оживляли безотрадный полярный пейзаж.

Множество пловучих деревьев неслось по течению, с шумом сталкиваясь между собой; кашалоты с громадной, словно раздутой головой, приближались к кораблю, но их и не думали преследовать, хотя Симпсону, гарпунщику, очень этого хотелось. К вечеру заметили тюленей, которые плавали между большими льдинами, выставив из воды круглую голову.

Двадцать второго числа температура еще более понизилась. «Форвард» ускорил ход, чтобы проникнуть в удобные проходы; встречный северо-западный ветер окончательно установился; паруса убрали.

В воскресенье у экипажа выдался свободный день. На этот раз молитвы и священное писание читал Шандон. Затем матросы занялись охотой на глупышей и набили их изрядное количество. Изготовленная надлежащим образом, по рецепту Клоубонни, дичь оказалась приятным добавлением к столу офицеров и матросов.

В три часа пополудни «Форвард» достиг Кин-де-Сэля и горы Суккертоппен; море сильно волновалось; с серого неба по временам спускался густой туман. Однако в полдень удалось произвести обсервацию и определить положение корабля. Бриг находился под $65^{\circ}20'$ широты и $54^{\circ}22'$ долготы. Итак, чтобы встретить более благоприятные условия плавания и свободное от льдов море, надо было пройти еще два градуса.

В течение 24, 25 и 26 апреля продолжалась беспрерывная борьба со льдами; управление машиной стало крайне утомительным; поминутно приходилось то закрывать, то пускать пары, которые со свистом вырывались из клапанов.

Во время густого тумана близость айсбергов можно было определить лишь по глухому грохоту обвалов. Бриг рисковал натолкнуться на скопления пресного льда, замечательного своей прозрачностью и твердого, как гранит. Ричард Шандон не упускал слу-

чая пополнить запасы пресной воды и каждый день погружал на бриг несколько тонн этого льда.

Доктор никак не мог привыкнуть к оптическим обманам, которые в этих широтах нередко вызывает преломление световых лучей. Айсберг, удаленный на десять—двенадцать миль от брига, представлялся ему незначительной белой массой, находившейся совсем близко. Клоубонни настойчиво старался привыкнуть к этому странному феномену, чтобы впредь не поддаваться иллюзии.

Порой приходилось тянуть судно вдоль ледяных полей или работать шестами, которыми матросы отталкивали от брига опасные льдины, — все это вконец изнурило экипаж, а между тем в пятницу 27 апреля «Форвард» находился еще на непроходимом рубеже полярного круга.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Толки матросов

Ловко пробираясь свободными проходами, «Форвард» все-таки успел на несколько минут продвинуться к северу. Но вскоре брига предстояло самому напасть на врага, вместо того чтобы уклоняться от него. Близилась ледяная поля протяжением в несколько миль, а так как эти движущиеся массы нередко обладают силой давления, равной десяти миллионам тонн, то столкновения с ними следовало всячески остерегаться. На палубу брига принесли ледовые пилы, чтобы в случае надобности немедленно пустить их в ход.

Часть матросов философски относилась к трудностям, другие же роптали, хотя и не оказывали явного сопротивления. Гарри, Болтон, Пэн и Гриппер, занимаясь установкой ледопильных приспособлений, перепрысывались словами.

— Черт побери, — весело говорил Болтон, — мне почему-то припомнилась славная таверна на Уотер-стрит, в которой не худо было бы встать на якорь

между стаканом джина и бутылкою портера. Ты не видишь отсюда эту таверну, Гриппер?

— По правде сказать, — ответил Гриппер, отличавшийся угрюмым нравом, — я, хоть убей, ничего не вижу.

— Я только к слову сказал, дружище. Ясно как день, в этих ледяных городах, что так по вкусу доктору, не встретишь ни единого погребка, где добрый матрос мог бы промочить глотку пинтой-другой виски.

— Так оно и есть, Болтон. Добавь еще, что здесь даже нечем как следует подкрепиться. Что за дурацкая затея: лишать спиртных напитков людей, плавающих в северных морях?

— А разве ты забыл, Гриппер, — возразил Гарри, — что говорил доктор? Никаких крепких напитков, если хочешь быть здоровым и уйти подальше.

— Да я ничуть не желаю, Гарри, уходить далеко. По-моему, хватит с нас и того, что мы забрались сюда. К чему это упорно лезть вперед, когда здесь сам черт ногу сломит?

— Ну, что ж, и не пойдем! — воскликнул Пэн. — Как подумаешь, что даже забыл вкус джина, так и забрет тоска!

— Вспомни, — заметил Болтон, — что говорил тебе доктор!

— А мало ли что говорят? — пробасил Пэн. — Может быть, про здоровье толкуют только для отвода глаз, а на самом деле хотят навести экономию на крепких напитках.

— Кто знает, этот чертов Пэн, может, и прав, — заметил Гриппер.

— Будет тебе! — возразил Болтон. — Разве можно судить здраво с таким красным носом? И если от воздержания твой нос малость полиняет, то, право, не о чем горевать.

— Чего тебе дался мой нос? — огрызнулся задетый за живое Пэн. — Мой нос не нуждается в твоих советах, да и не спрашивает их. Не суй свой нос куда не следует!

— Ну, не сердись, Пэн. Я не знал, что нос у тебя такой обидчивый. Я бы и сам не прочь пропустить

стаканчик виски, особенно в такой холод; но если от этого больше вреда, чем пользы, то я уж как-нибудь обойдусь без виски.

— Ты-то обойдешься, — вмешался в разговор ко-чегар Уорен, — да другие-то, быть может, не обойдутся.

— Что ты хочешь сказать, Уорен? — спросил Гарри, пристально глядя на него.

— А то, что так или иначе на бригае есть крепкие напитки, и, по-моему, на корме не отказывают себе в рюмке джина.

— А ты откуда знаешь? — спросил Гарри.

Уорен ничего не ответил; он говорил наобум, лишь бы только сказать что-нибудь.

— Ты же видишь, Гарри, — обратился к товарищу Болтон, — что Уорен ничего не знает.

— Да что там! — сказал Пэн. — Возьмем да попросим у Шандона порцию джина, — уж, кажется, мы заслужили. Посмотрим, что он на это скажет.

— Не советую, — заметил Гарри.

— Это почему? — в один голос спросили Пэн и Гриппер.

— Да потому, что вам откажут. Поступая на бриг, вы знали условия Шандона. Надо было думать об этом раньше.

— К тому же, — подтвердил Болтон, принявший сторону Гарри, характер которого ему нравился, — Ричард Шандон не полновластный хозяин на бригае; он подчинен другому, как и все мы.

— Кому же это? — спросил Пэн.

— Капитану!

— Заладили одно: капитан да капитан! — воскликнул Пэн. — Да разве вы не видите, что среди этих льдов нет ни таверн, ни капитанов? Просто они придумали способ вежливо отказывать нам в том, что мы имеем полное право требовать.

— Капитан есть, — заявил Болтон, — и я бьюсь об заклад на двухмесячное жалование, что мы вскоре его увидим!

— Вот это здорово! — сказал Пэн. — А то мне больно уж хочется сказать ему пару теплых слов.

— Кто говорит тут о капитане? — вмешался в разговор новый собеседник.

То был Клифтон, человек довольно суеверный и к тому же завистливый.

— Может быть, получены какие-нибудь известия о капитане? — спросил он.

— Нет! — в один голос ответили матросы.

— Так вот, в одно прекрасное утро он очутится у себя в каюте, и никто не узнает, откуда и как он явился.

— Полно вздор-то молоть! — ответил Болтон. — Уж не думаешь ли ты, Клифтон, что капитан какой-нибудь домовый или леший, каких немало в горах Шотландии?

— Смейся, сколько твоей душе угодно, а я все-таки останусь при своем. Всякий день, проходя мимо каюты, я заглядываю в замочную скважину, и на этих днях наверняка расскажу вам, на кого похож капитан и каков он из себя.

— Черт побери! — буркнул Пэн. — Уж, конечно, он такой же, как и все. И если ему вздумается тащить нас невесть куда, — то мы выложим ему правду в лучшем виде.

— Вот это здорово! Пэн еще и в глаза не видал капитана, а уж хочет с ним ссориться, — сказал Болтон.

— Кто это его не видал? — спросил Клифтон с видом человека, которому что-то известно. — Это еще вопрос, знают его или нет!

— Что ты хочешь сказать, черт побери? — спросил Гриппер.

— Ладно! Всяк про себя разумеет.

— Да мы-то тебя не разумеем.

— А разве Пэн уже не повздорил с ним?

— С капитаном?

— Ну да! С собакою-капитаном, ведь это одно и то же.

Матросы переглянулись, но ничего не ответили.

— Человек он или собака, — пробормотал сквозь зубы Пэн, — а уж будьте спокойны, на днях с ним расправятся!

— Слушай, Клифтон, — серьезно сказал Болтон, — ведь Джонсон пошутил. Неужели ты думаешь, что эта собака — заправский капитан?

— А то как же? — с убеждением ответил Клифтон. — Будь у вас столько же смекалки, как у меня, вы заметили бы чудные замашки этой собаки.

— Какие такие замашки? Да ну же, говори!

— Разве вы не заметили, с каким начальническим видом она расхаживает на юте да посматривает на паруса, как все равно вахтенный?

— Это правда, — подтвердил Гриппер. — Я даже видел своими глазами, как однажды вечером проклятый дог опирался лапами на штурвал!

— Быть не может! — вырвалось у Болтона.

— Опять же, — продолжал Клифтон, — разве по ночам он не уходит с брига и не рыщет по льду, не глядя ни на стужу, ни на медведей?

— Это верно, — подтвердил Болтон.

— Видал ли кто-нибудь, чтобы этот пес, как всякая добрая собака, терся около человека, бродил возле кухни или пожирал глазами Стронга, когда тот тащит Шандону лакомый кусок? По ночам, когда дог уйдет на две или на три мили от брига, разве вы не слышите его воя, от которого пробирает дрожь, точно стоишь на ледяном ветру? Наконец, видал ли кто-нибудь, чтоб эта собака ела? Она ни от кого не возьмет ни куска; корм ее остается нетронутым, и если только кто-нибудь не кормит ее тайком, то я прямо-таки могу сказать, что она ничего не жрет. Назовите меня набитым дураком, если этот пес не сродни самому сатане.

— Очень может быть, — согласился плотник Бэлл, убежденный аргументами Клифтона.

Остальные матросы молчали.

— А все-таки, — спросил Болтон, — куда мы идем?

— Не знаю, — ответил Бэлл. — В свое время Ричард Шандон получит добавочный наказ.

— Но через кого?

— Да, через кого?

— И каким манером? — допытывался Болтон.

— Да отвечай же, Бэлл! — приставали матросы.
— Через кого и каким манером? А я откуда знаю? — ответил припертый к стене плотник.

— Через собаку-капитана! — крикнул Клифтон. — Он уже один раз написал письмо, так может и еще написать. Если бы я знал хоть половину того, что знает этот пес, — для меня было бы плевое дело стать первым лордом адмиралтейства!

— Так, значит, — начал снова Болтон, — ты стоишь на своем, и, по-твоему, этот пес — капитан?

— Так оно и есть.

— В таком случае, — вполголоса сказал Пэн, — если он не хочет издохнуть в собачьей шкуре, то пусть поторопится обернуться человеком, потому что, клянусь вам, я сверну ему шею.

— А зачем? — спросил Гарри.

— Затем, что так мне угодно, — грубо ответил Пэн. — Не желаю никому давать отчета!

— Полно вам, ребята! — крикнул Джонсон в ту минуту, когда разговор начал принимать дурной оборот. — За работу! Живо приготовьте пилы! Надо пройти через ледяной затор.

— Чего захотел! Нынче пятница — тяжелый день! — буркнул Клифтон, пожимая плечами. — Помните мое слово, пройти полярный круг не шуточное дело!

Однако в этот день труды экипажа так и остались безуспешными. «Форвард», на всех парах устремлявшийся на ледяное поле, не мог его разбить; на ночь пришлось встать на якорь.

В субботу при восточном ветре температура еще понизилась; погода прояснилась: кругом виднелись необъятные равнины, ослепительно сверкавшие в лучах полярного солнца. В семь часов утра термометр опустился до -8° (-21° Ц).

Доктору очень хотелось спокойно посидеть у себя в каюте и погрузиться в чтение арктических путешествий, но, по своему обыкновению, он задал себе вопрос: что в данный момент для него было бы неприятнее всего? Он тут же ответил себе, что подняться при такой температуре на палубу и принять участие

в работе экипажа — перспектива далеко не заманчивая. Итак, верный раз усвоенной системе, Клоубонни вышел из своей теплой каюты и стал помогать матросам тянуть судно.

Зеленые очки, защищавшие глаза доктора от вредного действия отраженных лучей, придавали ему чрезвычайно благодушный вид. Во время дальнейших своих исследований он всегда носил защитные снежные очки, спасавшие глаза от воспаления, которое так легко получить в полярных широтах.

К вечеру «Форвард» на несколько миль продвинулся к северу благодаря усилиям экипажа и искусству, с каким Шандон пользовался малейшим благоприятным обстоятельством. В полночь бриг прошел шестьдесят шестую параллель. Лот показал двадцать три сажени глубины; из этого помощник капитана заключил, что «Форвард» находится вблизи мели, на которую в свое время села «Победа», корабль «ее величества». Берег находился в тридцати милях к востоку.

Внезапно масса льдов, до тех пор неподвижных, раскололась на части и пришла в движение; вскоре айсберги нагрянули со всех сторон, и бриг очутился среди пловучих гор, грозивших его раздавить. Управлять кораблем стало настолько трудно, что у штурвала поставили Гарри, лучшего рулевого. Ледяные горы, казалось, немедленно смыкались за бригом. Необходимо было прорваться через этот лабиринт льдов; благоразумие и долг требовали одного — идти вперед! Положение еще осложнилось невозможностью определить направление корабля среди движущихся ледяных масс, по которым трудно было ориентироваться.

Экипаж разделили на две партии, работавшие на правом и левом борту. Каждый матрос, вооруженный длинным шестом с железным наконечником, отталкивал опасные льдины. Вскоре «Форвард» вошел в такой узкий проход между двумя высокими горами, что концами своих реев задевал ледяные, твердые, как камень, стены канала. Через некоторое время бриг очутился в извилистом проходе; в воздухе кружились

снежные вихри, плавающие льдины сталкивались между собой и с зловещим грохотом раскалывались на куски.

Вскоре обнаружили, что зашли в тупик; громадная льдина, попавшая в канал, неслась прямо на «Форвард»; казалось, не было возможности уклониться от нее или вернуться назад по загроможденному льдами пути.

Шандон и Джонсон, стоя на носу, тревожно следили за происходившим. Шандон правой рукой указывал рулевому направление, которого следовало держаться, а левой подавал знаки Джемсу Уоллу, который передавал приказания механику, управлявшему машиной.

— Чем все это кончится? — спросил доктор у Джонсона.

— Как богу будет угодно, — ответил боцман.

Между тем громадная льдина, в сто футов высотой, находившаяся всего в кабельтове от «Форварда», надвигалась и грозила его раздавить.

— Проклятие! — крикнул Пэн, добавив скверное ругательство.

— Молчать! — прогремел чей-то могучий голос, который трудно было распознать среди завываний вьюги.

Казалось, ледяная громада вот-вот обрушится на бриг; наступила минута невыразимого ужаса. Матросы, кинув шесты и не слушая приказаний Шандона, бросились на корму.

Вдруг раздался страшный грохот. Водяной смерч хлынул на палубу брига, приподнятого громадной волной. У всех вырвался крик ужаса; между тем Гарри, стоя у руля, держал бриг в нужном направлении, хотя «Форвард» швыряло из стороны в сторону.

Но когда все со страхом подняли глаза на ледяную гору, — ее уже не было и в помине, проход был свободен; далее тянулся длинный канал, освещенный косыми лучами солнца, и бриг мог беспрепятственно продолжать свой путь.

— Не можете ли вы, доктор, объяснить мне это удивительное явление? — спросил Джонсон.

— Это очень просто объясняется, друг мой, — ответил доктор, — и случается довольно часто. Пловучие массы льда во время оттепелей раскалываются на отдельные глыбы, которые носятся по морю, сохраняя при этом равновесие. Мало-помалу они подвигаются к югу, где вода сравнительно теплее. Основание их, расшатанное от столкновений с другими льдинами, начинает подтаивать и выкрашиваться; наступает, наконец, минута, когда центр тяжести этих ледяных глыб перемещается, и они опрокидываются. Если бы эта гора перекувырнулась двумя минутами позже, то в падении своем, конечно, раздавила бы бриг...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Новость

Наконец, 30 апреля, в полдень, «Форвард» прошел полярный круг, имея на траверсе Хольстейнборгский мыс. На востоке высились живописные горы. Море казалось свободным, или, вернее сказать, можно было легко уклониться от встречи со льдами. Ветер стал юго-восточным, и бриг под фоком, бизанью, марсельями и брамсельями вошел в Баффинов залив.

День выдался спокойный, и экипаж мог отдохнуть несколько часов. Множество птиц носилось и плавало вокруг судна; в числе их доктор заметил чистиков, с виду напоминавших чирков, с черной шей, крыльями и спиной и белой грудью. Они быстро ныряли и нередко оставались под водою более сорока секунд.

Этот день не ознаменовался бы ничем новым, если бы на бриге не произошло одно весьма странное событие.

В шесть часов утра, войдя к себе в каюту после вахты, Шандон нашел на столе письмо со следующей надписью:

«Помощнику капитана на бриге «Форвард», Ричарду Шандону, Баффинов залив».

Шандон просто не верил своим глазам. Прежде чем разорвать конверт и прочесть странное послание, он позвал доктора, Джемса Уолла и Джонсона и показал им письмо.

— Странно, — сказал Джонсон.

«Очаровательно», — подумал доктор.

— Наконец-то, — вскричал Шандон, — мы узнаем тайну!..

Он поспешно вскрыл конверт и прочел следующее:

«Капитан брига «Форвард» доволен хладнокровием, искусством и мужеством, проявленным матросами, вашими помощниками и вами при трудных обстоятельствах, и просит вас объявить экипажу его благодарность.

Держите курс прямо на север, к заливу Мелвилла, откуда постарайтесь войти в пролив Смита.

Капитан брига «Форвард» К. З.

Понедельник, 30 апреля, на траверсе Хольштейнборгского мыса».

— И это все? — воскликнул доктор.

— Все, — ответил Шандон.

Письмо выпало у него из рук.

— Этот фантастический капитан, — сказал Уолл, — даже не упоминает о своем намерении явиться на бриг. Из этого я заключаю, что мы никогда его не увидим.

— Но каким же образом попало сюда это письмо? — спросил Джонсон.

Шандон молчал.

— Мистер Уолл прав, — отвечал доктор, подняв письмо и разглядывая его со всех сторон. — Капитан не явится на бриг по очень простой причине...

— По какой именно? — с живостью спросил Шандон.

— Потому, что он уже находится на бригае, — спокойно ответил доктор.

— На бригае? — воскликнул Шандон. — Что вы хотите этим сказать?

— Как же иначе объяснить получение письма?

Джонсон кивнул головой в знак согласия.

— Это невозможно! — энергично возразил Шандон. — Я знаю всех своих людей; ведь иначе придется допустить, что капитан находится в числе матросов с самого начала плавания. Это невозможно, говорю вам! За последние два года я сто раз встречал каждого из них в Ливерпуле. Ваше предположение, доктор, не выдерживает критики.

— В таком случае, что же вы предполагаете, Шандон?

— Все, что угодно, только не это. Я допускаю, что капитан или преданный ему человек, воспользовавшись темнотой, туманом, всем, чем хотите, успел взобраться на бриг. Мы находимся недалеко от берега; кто-нибудь мог незаметно пробраться на каяке между льдинами, подойти к бригу и подбросить письмо... Густой туман помог осуществить этот план...

— ..и не позволял видеть бриг, — добавил доктор. — Если мы не заметили взбиравшегося на борт незнакомца, то как же он мог бы увидеть «Форвард» среди тумана?

— Конечно, нет, — заметил Джонсон.

— А я все-таки не отказываюсь от своего предположения, — настаивал доктор. — Что вы думаете о нем, Шандон?

— Я допускаю все, что угодно, только не то, что этот человек находится на бриге, — горячо ответил Шандон.

— Вероятно, — добавил Уолл, — среди матросов есть человек, получивший инструкции капитана.

— Возможно, — сказал доктор.

— Но кто же именно? — спросил Шандон. — Я давно уже знаю всех своих матросов.

— Кто бы он ни был, — ответил Джонсон, — человек или сатана, но его примут с честью. Но из его письма можно извлечь другого рода приказание, или, вернее, указание.

— Какое же? — спросил Шандон.

— Что мы должны отправиться не только к заливу Мелвилла, но даже в пролив Смита.

— Это верно, — подтвердил доктор.

— В пролив Смита, — машинально повторил Шандон.

— Поэтому очевидно, — продолжал Джонсон, — что «Форвард» отправляется не на поиски Северо-Западного прохода, так как мы оставим влево единственный ведущий к нему путь — пролив Ланкастера. Это обещает нам опасное плавание в неисследованных морях.

— Да, пролив Смита, — сказал Шандон, — это тот самый путь, по которому шел в тысяча восемьсот пятьдесят третьем году американец Кейн. Но какие опасности встречал он на пути! Долгое время Кейна считали погибшим в этих суровых краях. Впрочем, если нужно туда отправиться, что ж — мы пойдем! Но интересно знать, до какого места? Неужто до самого полюса?

— А почему бы и не до полюса? — вырвалось у доктора.

При одной мысли о такой безумной попытке Джонсон пожал плечами.

— Вернемся к нашему капитану, — начал Джемс Уолл. — Если он существует, то может ждать нас только на Диско или в Упернивике, на Гренландском побережье. Впрочем, это выяснится через несколько дней.

— Вы сообщите содержание письма экипажу? — обратился доктор к Шандону.

— На месте господина Шандона я не стал бы этого делать, — сказал Джонсон.

— А почему? — удивился Шандон.

— Потому что все это так таинственно и фантастично, что может удручающе подействовать на матросов. В нашей экспедиции и без того много странного, и они со страхом думают о будущем. Если же ко всему этому присоединится что-то сверхъестественное, то в критическую минуту нам нельзя будет рассчитывать на экипаж. Что вы скажете на это, господин Шандон?

— А вы, доктор, как полагаете? — спросил Шандон.

— По-моему, Джонсон прав, — ответил доктор.

— А вы, Джемс?

— Мне ничего не остается, — сказал Уолл, — как присоединиться к мнению этих господ.

Несколько минут Шандон размышлял, потом внимательно перечел письмо.

— Господа, — сказал он, — как ни основательно ваше мнение, я не могу принять его.

— Почему же, Шандон? — спросил доктор.

— Потому что изложенные в письме инструкции чрезвычайно точны. Мне приказано объявить экипажу благодарность капитана. До сих пор я слепо исполнял его распоряжения, каким бы путем их ни получал, а потому и на этот раз я не могу...

— Однако... — начал было Джонсон, боявшийся вызвать волнение среди матросов.

— Я вполне понимаю, почему вы так настойчивы, дорогой Джонсон, — прервал его Шандон, — но потрудитесь прочесть: «...и просит вас объявить экипажу его благодарность».

— В таком случае, исполняйте полученные вами приказания, — покорился Джонсон, строгий блюститель дисциплины. — Прикажете собрать экипаж?

— Прошу вас, — сказал Шандон.

Весть о письме капитана быстро разнеслась по брига. Матросы немедленно собрались на палубе, и Шандон громко прочел таинственное письмо.

Матросы выслушали в мрачном молчании, потом разошлись, делая тысячи различных предположений. Клифтон дал волю своему суеверному воображению. Приписывая собаке-капитану участие в этом деле, он при встрече с догом отдавал ему честь.

— А что я вам говорил? — твердил он матросам. — Сами видите, этот пес умеет писать!

Никто ему не возражал, даже плотник Бэлл, и тот ничего не мог сказать в ответ.

Тем не менее всем было ясно, что хотя капитана с ними нет, его тень или его дух присутствует на бригае. Самые благоразумные из матросов воздерживались от каких бы то ни было предположений.

Первого мая, в полдень, наблюдения показали 68° широты и $56^{\circ} 32'$ долготы. Потеплело, и термометр стоял на -25° (-4° Ц).

Доктор забавлялся, глядя на проделки белой медведицы, игравшей с двумя медвежатами на краю берегового припая. Сопровождаемый Уоллом и Симпсоном, Клоубонни попробовал было преследовать их на шлюпке; но медведица, не отличавшаяся геройством, проворно убралась со своим потомством, и доктору пришлось отказаться от охоты.

При попутном ветре ночью бриг прошел мыс Чидли, и вскоре высокие горы Диско показались на горизонте. Затем миновали залив Годхавн, где находилась резиденция датского генерал-губернатора. Шандон не счел нужным останавливаться, и «Форвард» оставил позади себя каяки эскимосов, пытавшиеся подойти к бригу.

Остров Диско известен также под именем острова Кита. Отсюда 12 июля 1845 года сэр Джон Франклин отправил в адмиралтейство свое последнее донесение. К этому же острову пристал 27 августа 1859 года, на обратном пути в Англию, капитан Мак-Клинток, привезший несомненные доказательства гибели экспедиции Франклина.

Доктор обратил внимание на совпадение этих двух фактов; на него нахлынули печальные воспоминания. Но в скором времени горы Диско скрылись из виду.

У берегов громоздились бесчисленные айсберги из тех, что даже во время оттепелей не отделяются от берега; вершины их были самых причудливых форм.

На следующий день, к трем часам, на северо-востоке показался Сандерсон-Хоп; земля осталась вправо от брига, на расстоянии пятнадцати миль. Горы были темнокрасного оттенка. Вечером киты из семейства полосатиков, с плавником на спине, резвились среди плавающих льдин, выбрасывая фонтаны воды.

Ночью с 3 на 4 мая доктор в первый раз наблюдал, как солнце в полночь касается линии горизонта, не опускаясь за него своим лучезарным диском. Начи-

ная с 31 января, оно стало описывать на небе все более длинные дуги, и теперь круглые сутки было светло.

Людей непривычных удивляет и даже утомляет этот постоянный свет. Трудно поверить, до какой степени ночная темнота необходима для наших глаз. Доктор очень страдал от этого непрерывного света, который делался еще ослепительнее вследствие отражения солнечных лучей от ледяных полей.

5 мая «Фёрвард» прошел семьдесят вторую параллель. Двумя месяцами позднее он встретил бы немало китобоев, занимающихся своим промыслом в этих высоких широтах, но теперь пролив еще не очистился от льдов, и промысловые суда не могли проникнуть в Баффинов залив.

На следующий день бриг, миновав остров Женщины, подошел к Упернивику — самому северному датскому поселению на берегах Гренландии.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Опасное плавание

Шандон, доктор Клоубонни, Джонсон, Фокер и повар Стронг сели на вельбот и отправились на берег.

Губернатор, его жена и пятеро детей, все чистокровные эскимосы, вышли навстречу посетителям и приветствовали их. Доктор, будучи филологом, немного знал датский язык, и этого было достаточно, чтобы завязать с туземцами дружеские отношения. Впрочем, Фокер, переводчик экспедиции, он же ледовый лоцман, знал слов двадцать на эскимосском языке, а с двадцатью словами при некоторой находчивости можно далеко уйти.

Губернатор родился на острове Диско и никогда не покидал своей родины. Он показал путешественникам город, состоявший из трех деревянных домишек, занимаемых им и лютеранским пастором, из школы и из складов, где хранился провиант для судов, потер-

певших крушение. Остальные городские здания были просто-напросто ледяные хижины, в которые эскимосы залезают ползком через единственное отверстие.

Почти все население высыпало навстречу «Форварду», и многие из туземцев вышли на середину залива на своих каяках, которые были длиной в пятнадцать футов, а шириной не больше двух.

Доктор знал, что слово «эскимос» значит «поедающий сырую рыбу», но ему также было известно, что слово это в здешних краях считается бранным. Поэтому он называл туземцев гренландцами.

Однако пропитанная жиром одежда, сапоги из тюленьих шкур, лоснящиеся грязные лица, до странности одинаковые у мужчин и у женщин, красноречиво говорили, какую пищу употребляют эти люди. Вдобавок они, как все племена, питающиеся исключительно рыбой, страдали кожными болезнями, но это не мешало им быть бодрыми и хорошо себя чувствовать.

Лютеранский пастор и его жена, с которыми Клоубонни намеревался побеседовать на интересовавшие его темы, уехали в Прёвен, лежащий к югу от Упернивика; таким образом, доктору пришлось ограничиться беседой с губернатором. Но этот высокий сановник был не слишком-то развит: чуточку поменьше развития — и он был бы сущим ослом; чуточку побольше — он был бы грамотным.

Доктор расспрашивал губернатора о торговле, обычаях и нравах эскимосов и узнал, прибегая к языку жестов, что тюлень на копенгагенском рынке стоит около сорока фунтов; за медвежью шкуру платят сорок датских талеров, за шкуру голубого песка — четыре, за шкуру белого — два-три талера.

Клоубонни пожелал также для пополнения своих сведений посетить эскимосское жилище. На что только не отважится ученый в своей ненасытной жажде познания? Однако отверстие ледяного дома оказалось таким тесным, что пылкому доктору так и не удалось туда протиснуться.

Счастье его, что он туда не попал! Нет ничего отвратительнее жилища гренландских эскимосов, где

в беспорядке навалены трупы животных и пропитанная жиром одежда и нестерпимо воняет тюлениной, гнилой рыбой и невымытым человеческим телом; можно прямо задохнуться от смрада, так как нет ни одного окна, только дыра в потолке, через которую выходит дым.

Фокер сообщил все эти жуткие подробности доктору. Несмотря на это, ученый муж проклинал свою тучность. Ему так хотелось на опыте испытать, каковы эти своеобразные запахи.

— Я убежден, — заявил он, — что в конце концов и к этой вони привыкнешь.

В этих словах сказался целиком характер достойного Клоубонни!

Пока Клоубонни производил свои этнографические изыскания, Шандон, выполняя инструкции, старался обеспечить экспедицию средствами передвижения на льду. Ему пришлось заплатить четыре фунта за сани и шесть упряжных собак, с которыми эскимосы скрепя сердце согласились расстаться.

Шандон охотно бы завербовал Ханса Кристиана, искусного каюра, участвовавшего в экспедиции капитана Мак-Клинтока, но Ханс находился в это время на юге Гренландии.

Наконец, приступили к главному вопросу повестки дня: нет ли в Упернивике какого-нибудь европейца, который ожидал бы прибытия «Форварда»? Приходилось ли слышать губернатору, чтобы какой-нибудь чужеземец, точнее сказать, англичанин, поселился в их краях? Давно ли заходили в порт китоловные или другие суда?

На эти вопросы губернатор отвечал, что уже больше десяти месяцев ни один чужеземец не высаживался на их берегах.

Шандон попросил дать ему список всех китобоев, побывавших в порту за последнее время; ни одного из них он не знал. Было отчего прийти в отчаяние!

— Согласитесь, доктор, что тут решительно ничего не поймешь, — сетовал помощник капитана. — Никого на мысе Фарвель! Никого на острове Диско! Никого в Упернивике!

— Скажите мне через несколько дней: «Никого в бухте Мелвилла» — и я поздравляю вас как капитана «Форварда», дорогой Шандон.

Под вечер шлюпка возвратилась на бриг. Из свежих продуктов Стронгу удалось раздобыть лишь несколько десятков гагачьих яиц; яйца оказались зеленоватого цвета и вдвое больше куриных. Этого было маловато, но все же некоторое разнообразие: экипажу порядком-таки надоела солонина.

Хотя на следующий день ветер был попутный, но Шандон не давал приказа об отплытии. Он решил для очистки совести подождать еще день, надеясь, что за это время явится на бриг задержавшийся в пути капитан. Шандон приказал каждый час палить из пушки. Выстрелы разносились громовыми раскатами над ледяными горами и только перепугали чаек, альбатросов и каменных куропаток. Ночью с брига пускали ракеты за ракетами, но все было напрасно! Пришлось двинуться дальше.

8 мая в шесть часов утра «Форвард», шедший под марсельями, фоком и грот-брамселем, потерял из виду Упернивик и маячившие на берегу шесты, на которых были развешаны отвратительные внутренности моржей и желудки оленей.

Ветер был юго-восточный, температура повысилась до 32° (0° Ц). Солнце пробивалось сквозь туман, и под его лучами льдины начинали мало-помалу расходиться.

Однако зрение матросов уже начало страдать от нестерпимого блеска льдов и белизны снегов. Оружейник Уолстен, Гриппер, Клифтон и Бэлл заболели «снежной слепотой». В полярных странах очень распространена эта глазная болезнь, эскимосы нередко от нее слепнут. Доктор посоветовал больным, а также всем своим спутникам закрывать лицо прозрачной зеленой тканью.

Собаки, купленные Шандоном в Упернивике, были довольно дикого нрава; однако Капитан жил в ладу со своими новыми товарищами и, казалось, знал их привычки. Клифтон первым заметил, что дог, вероятно, и прежде встречался со своими гренланд-

скими родичами. Вечно голодные, кое-как питавшиеся на материке, гренландские собаки быстро окрепли на брига, где их хорошо кормили.

9 мая «Форвард» прошел на расстоянии нескольких кабельтовых мимо самого западного из Баффиновых островов. Доктор заметил в заливе, между материком и островами, несколько скал, которые назывались Красными утесами; они были покрыты снегом густого карминного оттенка. Доктор Кейн приписывает этой окраске снега чисто растительное происхождение. Клоубонни хотелось вблизи исследовать этот любопытный феномен, но льды не позволили ему подойти к берегу. Хотя становилось с каждым днем все теплее, но нетрудно было заметить, что айсберги и ледяные поля скапливаются в северной части Баффинова залива.

Начиная с Упернивика, берега приняли иной вид: на сероватом небосклоне резко выделялись очертания колоссальных ледников. 10 мая «Форвард» оставил вправо залив Хингстона почти под семьдесят четвертым градусом северной широты; на западе показался пролив Ланкастера, тянувшийся на несколько сот миль.

Все это громадное водное пространство было сковано льдами; на ледяной равнине там и сям подымались правильной формы торосы, похожие на гигантские кристаллы. Шандон приказал развести пары, и до 11 мая «Форвард» пробирался по извилистым проходам, обозначая свой маршрут на небе черной полосой дыма.

Вскоре на пути брига встали преграды: свободные проходы закрывались вследствие перемещения плавающих льдов, в любой миг перед носом брига могло не оказаться воды. Если бы «Форвард» попал в ледяные тиски, ему было бы нелегко из них вырваться. Все это знали и были не на шутку встревожены.

На корабле, с безумным упорством стремившемся на север, к неизвестной цели, началось брожение умов. Морские волки забывали о выгодах, какие им сулило плавание, и уже начинали жалеть, что зашли так далеко. Стали появляться признаки деморализации. Суеверный Клифтон заражал товарищей

своими страхами, а коноводы Пэн, Гриппер и Уолстен подливали масла в огонь.

Изнурительный труд еще больше подорвал моральные силы экипажа. 12 мая бриг был окончательно затерт льдами, машина оказалась бессильной. С трудом приходилось прокладывать путь среди ледяных полей. Работа пилами была крайне утомительна: лед достигал шести-семи футов толщины. В ледяном массиве делали два параллельных пропила, каждый длиной в сотню футов, и находившийся между ними лед взламывали топорами и ганшпугами. Потом забрасывали якорь в отверстие, сделанное большим буравом: тут начиналась работа шпилем, судно подтягивали вручную. Труднее всего было спускать под лед отколотые куски, расчищая дорогу судну; их отталкивали длинными шестами с железным наконечником.

Работа пилами, шпилем, шестами и подтягивание судна, работа непрерывная, неотложная и опасная, среди туманов, в снегопад, на морозе, глазные болезни, страх перед будущим — все это лишало матросов «Форварда» энергии и вызывало упадок духа.

Если матросы имеют дело с человеком энергичным, отважным, убежденным, твердо знающим, чего он хочет, куда идет, к какой цели стремится, то уверенность капитана поддерживает дух экипажа. Матросы единодушны со своим начальником; они крепки его силою, спокойны его спокойствием. Но на бриге чувствовалось, что Шандон не уверен в своих действиях, что он колеблется, не зная ни цели экспедиции, ни назначения «Форварда».

Помощник капитана был человек от природы решительный, но и он нередко становился в тупик: ему случалось отменять только что отданные приказания, давать не совсем точные распоряжения, и его колебания и раздумия не ускользали от внимания матросов.

К тому же Шандон не был капитаном брига — первым после бога властелином на судне. Этого было достаточно, чтобы его приказания подвергались обсуждению. Но от обсуждения до неповиновения — один шаг.

Недовольные вскоре склонили на свою сторону старшего механика, до сих пор слепо исполнявшего свой долг.

К 16 мая, через шесть дней после того, как «Форвард» подошел к ледяным полям, Шандону не удалось и на две мили продвинуться к северу. Грозил опасность, что бриг будет затерт льдами и застрянет в этих местах до следующего лета. Положение становилось критическим.

К восьми часам вечера Шандон и доктор, в сопровождении матроса Гарри, отправились на разведку по бесконечным ледяным полям, стараясь не слишком удаляться от брига, так как было трудно ориентироваться среди этих белоснежных пустынь, вид которых беспрестанно менялся. Странные, изумлявшие доктора явления вызывались преломлением световых лучей. Иной раз, казалось, что надо сделать прыжок всего в какой-нибудь фут, а на поверку выходило, что перескочить приходилось пространство в пять-шесть футов. Случались и обратные явления, но в обоих случаях дело кончалось если не опасным, то все же неприятным падением на груды твердых и острых, как стекло, ледяных обломков.

Шандон и его товарищи напрасно искали удобный для судна проход. Пройдя три мили, они не без труда поднялись на ледяную гору высотой около трехсот футов. Взору их предстала безотрадная картина: хаос льдов напоминал развалины какого-то гигантского города с поверженными обелисками, с опрокинутыми башнями и руинами дворцов. Казалось, солнце с трудом пробиралось вдоль изломанной линии горизонта; лучи его почти не грели, словно проходили сквозь какое-то невидимое вещество, не пропускающее тепла.

Насколько хватало глаз, море всюду было сковано льдом.

— Ну, как тут пройти? — спросил доктор.

— Не знаю, — ответил Шандон, — но хотя бы пришлось порохом взрывать эти горы, мы все-таки пройдем! Я ни за что не допущу, чтобы нас затерло здесь до будущего лета.

— Как это случилось с бригам «Фокс» примерно в этих местах. Да, — прибавил доктор, — мы пройдем с помощью некоторой доли... философии. Философия, как вы сами убедитесь, стоит всех машин в мире!

— Надо сказать, — заметил Шандон, — что этот год начинается для нас не очень-то благополучно.

— Что и говорить. К тому же я замечаю, Шандон, что Баффинов залив принимает тот же вид, в каком он был до тысяча восемьсот семнадцатого года.

— Значит, вы думаете, доктор, что вид этого залива по временам меняется?

— Так оно и есть, дорогой Шандон. По временам здесь происходят значительные перемещения льдов, и ученые даже не пытаются объяснить это явление. Так, до тысяча восемьсот семнадцатого года Баффинов залив был постоянно загроможден льдами, но вдруг какой-то ужасный катаклизм отбросил айсберги в океан, причем большая их часть села на мель у берегов Ньюфаундленда. С тех пор Баффинов залив почти освободился от льдов и сделался местом встречи многочисленных китобоев.

— Так выходит, — сказал Шандон, — что с того времени стало легче путешествовать на север?

— Куда легче. Однако замечено, что вот уже несколько лет, как залив стал опять замерзать и угрожает сделаться надолго недоступным для мореплавателей. Поэтому мы должны как можно дальше продвинуться вперед. Правда, мы несколько напоминаем людей, которые идут по неведомым проходам и за которыми то и дело закрываются двери.

— Может быть, вы мне посоветуете вернуться назад? — спросил Шандон, пристально глядя доктору в глаза.

— Я не привык пятиться назад, и если бы даже нам не суждено было вернуться, — я все-таки скажу: надо идти вперед! Только необходимо действовать осмотрительно, помня, как дорого может нам стоить каждая оплошность.

— А вы, Гарри, что скажете? — спросил Шандон матроса.

— Я пошел бы вперед, начальник! Я того же мнения, что и доктор. Впрочем, действуйте, как вам будет угодно. Приказывайте, мы будем повиноваться.

— Не все так говорят, Гарри, — продолжал Шандон, — не все обнаруживают желание повиноваться. А что, если экипаж откажется исполнять мои приказания?

— Я высказал свое мнение, — холодно ответил Гарри, — потому что вы меня спросили. Вы можете со мной и не считаться.

Шандон ничего не ответил. Он внимательно осмотрел горизонт, и затем все трое спустились с горы.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

«Чертов палец»

В отсутствие Шандона экипаж был занят работами, имевшими целью предохранить бриг от давления ледяных масс. Это трудное дело было поручено Пэну, Клифтону, Болтону, Грипперу и Симпсону; кочегар и оба механика помогали своим товарищам; когда машина не требовала их присутствия, они становились простыми матросами и должны были участвовать во всех работах.

Но повиновались матросы не без ропота.

— Осточертело мне все это, — ворчал Пэн. — Если через три дня лед не тронется, то, клянусь богом, я сложу руки!

— Сложишь руки? — переспросил его Гриппер. — Уж лучше работать ими хорошенько, чтобы поскорей вернуться назад. Уж не думаешь ли ты, что кому-нибудь охота зимовать здесь до следующего лета?

— Да, скверная была бы зимовка, — ответил Пlover, — ведь бриг не защищен ни с одной стороны.

— Да и кто знает, — заметил Brenton, — очистится ли весной море ото льдов.

— Речь идет не о весне, — возразил Пэн. — Нынче четверг, и если в воскресенье утром море не очистится, мы двинемся на юг.

— Вот это дело! — воскликнул Клифтон.
— Идет? — спросил Пэн.
— Идет! — ответили товарищи.
— Правильно, — сказал Уорен. — Если уж надо убиваться и тянуть бриг, то, по мне, лучше вести его назад.

— Посмотрим, что будет в воскресенье, — сказал Уолстен.

— Пусть только мне прикажут, — заметил Брентон, — я живо пушу машину.

— И без тебя пустим, — ответил Клифтон.

— А если кому-нибудь из начальства вздумается здесь зимовать, — что ж, вольному воля, — сказал Пэн. — Пусть себе остается, он сложит ледяной дом и заживет там, как настоящий эскимос.

— Ну, это не годится, Пэн, — возразил Брентон. — Никого нельзя оставлять, понимаете вы или нет? Да, мне думается, Шандон и так согласится; видать, ему не по себе, и если с ним потолковать по душе...

— Ну, это еще вилами писано, — возразил Пlover. — Шандон — человек крутой и упрямый. Пощупать его не мешает, да только осторожно.

— Подумать только, — вздохнул Болтон, — через месяц мы можем быть уже в Ливерпуле! Мы живо перемахнем через южную границу льдов. В начале июня Девисов пролив бывает свободен, и уж мы сумеем добраться до Атлантического океана.

— К тому же, — добавил осторожный Клифтон, — если мы вернемся с Шандоном, он возьмет на себя ответственность за все, мы получим свои деньги, да еще и наградные. А если воротимся без него, — кто знает, как еще повернется дело.

— Умные речи приятно и слушать, — сказал Пlover. — Этот дьявол Клифтон рассуждает, как все равно ученый. Не годится нам ссориться с господами из адмиралтейства, никого не будем здесь оставлять, — так будет надежнее.

— А что, если начальство не пожелает идти назад? — коварно спросил Пэн, который то и дело подзуживал товарищей.

Вопрос был поставлен ребром, но матросы уклонились от прямого ответа.

— Об этом потолкуем в свое время, — пробормотал Болтон. — Только бы нам залучить Ричарда Шандона, а это, думается мне, не так уж трудно.

— А все-таки кое-кого я оставлю здесь, — сказал Пэн, добавив скверное ругательство, — хотя бы он отгрыз мне руку.

— Это собаку?

— Да, собаку: я живо сведу с нею счеты!

— Вот это дело! — заметил Клифтон, возвращаясь к своей излюбленной теме. — Ведь эта проклятая тварь всему виной.

— Она околдовала нас, — заявил Пlover.

— Затасила в эти проклятые места! — сказал Гриппер.

— И нагромодила у нас на пути такую прорву льдов, какой еще никогда не видывали здесь в эту пору, — прибавил Уолстен.

— А на меня напустила глазную болезнь, — пожаловался Брентон.

— И отменила выдачу джина и водки, — заметил Пэн.

— Она всему виной! — воскликнули в один голос возмущенные матросы.

— И вдобавок ко всему она же и капитан! — ввернул Клифтон.

— Так погоди же ты, окаянный капитан! — крикнул Пэн в приступе злобы. — Тебе хотелось побывать здесь, ну, так ты и останешься здесь!

— Но как бы его изловить? — спросил Пlover.

— Теперь самое подходящее время, — ответил Клифтон. — Шандона нет на брига; второй помощник дрыхнет у себя в каюте; туман такой, что хоть глаз выколи, и Джонсон ничем нас не заметит...

— А где собака? — спросил Пэн.

— Спит в трюме около угольной ямы, — ответил Клифтон, — и если кому вздумается...

— Это уж мое дело! — яростно крикнул Пэн.

— Берегись, Пэн! Ей ничего не стоит перекусить железный брус.

— Пусть она только пошевелинется, — я мигом распрячу ей брюхо, — погрозился Пэн, вытаскивая нож.

И он бросился к выходу, а за ним Уорен, захотевший помочь товарищу в этом предприятии.

Вскоре матросы вернулись, неся на руках собаку, у которой крепко были связаны веревкой лапы и морда. Пэн и Уорен набросились на нее, когда она спала, и несчастное животное не могло от них увернуться.

— Ура! Молодчина, Пэн! — крикнул Пlover.

— А теперь что ты будешь с ней делать? — спросил Клифтон.

— Утоплю. Посмотрим, вернется ли она назад... — со свирепой усмешкой сказал Пэн.

В двухстах шагах от брига находилась отдушина тюленя, круглое отверстие, которое он прогрызает зубами, находясь под водой. Сквозь это отверстие тюлень выходит на лед подышать воздухом; он не дает отдушине замерзнуть, ибо у него так устроены челюсти, что он снаружи не может прогрызть отверстие, чтобы в случае опасности скрыться от врагов.

Пэн и Уорен направились к этой отдушине и, несмотря на яростное сопротивление собаки, безжалостно швырнули ее в воду, а затем заложили отверстие большой льдиной, не позволившей догу выбраться наружу, так что животное было плотно закупорено в ледяной тюрьме.

— Счастливого пути, господин Капитан! — с торжеством крикнул Пэн.

Несколько минут спустя Пэн и Уорен были уже на брига. Джонсон ничего не заметил; туман все сгустился вокруг корабля, стал падать густой снег.

Через час Ричард Шандон, доктор и Гарри вернулись на «Форвард».

Они обнаружили на северо-востоке свободный проход. Шандон решил воспользоваться им и отдал соответствующие распоряжения. Экипаж подчинился довольно охотно, желая убедить Шандона, что дальнейшее продвижение невозможно. Впрочем, матросы готовы были повиноваться еще три дня.

Почти всю ночь и весь следующий день работа пилами и подтягивание корабля производились довольно

дружно; «Форвард» на две мили продвинулся к северу. 18 числа он находился в виду берега, в пяти или шести кабельтовых от утеса, который вследствие своей странной формы был назван «Чертовым пальцем».

В этих местах суда «Принц Альберт» в 1851 году и «Адванс» Кейна в 1853 году были затерты льдами и простояли несколько недель.

Странная форма «Чертова пальца», пустынная, мрачная окрестность, огромные скопления айсбергов, из которых иные были более трехсот футов высотой, треск льдин, зловеще повторявшийся эхом, — все это нагоняло жуть. Шандон понял, что «Форвард» необходимо как можно скорей вывести из этих безотрадных мест. По его расчетам, за сутки можно было бы продвинуться еще мили на две. Но и этого было бы мало.

Шандон чувствовал, что его начинает одолевать страх; фальшивое положение, в какое он попал, парализовало его энергию. Повинуясь инструкциям и продвигаясь вперед, он подвергал бриг чрезвычайной опасности; тяга вручную вконец измотала экипаж, чтобы прорубить во льду, имевшем толщину от четырех до пяти футов, канал длиною в двадцать футов, требовалось более трех часов; силы начинали изменять экипажу. Молчание и необычное усердие матросов удивляли Шандона, но он опасался, что это — затишь перед грозой.

Каково же было изумление, досада и даже отчаяние Шандона, когда он заметил, что вследствие не приметного перемещения ледяных полей «Форвард» за ночь с 18-го на 19-е потерял все, что приобрел ценной таких трудов! В субботу утром он находился в еще более критическом положении и в виду того же грозного «Чертова пальца». Число айсбергов увеличилось; они проплывали в тумане подобно призракам.

Шандон окончательно растерялся; страх закрался в сердце этого мужественного человека, страх овладел и экипажем «Форварда». Помощник капитана узнал об исчезновении собаки, но наказать виновных не решился, опасаясь вызвать на бриге бунт.

Весь день стояла ужасная погода; бушевала метель, снежные вихри заволакивали бриг непрогляд-

ной пеленой. По временам ураган разрывал завесу тумана, и «Чертов палец», поднимавшийся подобно привидению, показывался во всем своем грозном величии.

«Форвард» забросил якорь на большую льдину, — ничего другого не оставалось делать. Мрак так стужился, что рулевой не мог разглядеть даже Джемса Уолла, стоявшего на вахте на носу корабля.

Буря удвоил свою ярость; среди волнуемых ветром туманов «Чертов палец», казалось, разросся до ужасающих размеров.

— Боже мой! — крикнул вдруг Симпсон, в ужасе отпрянув назад.

— Что такое? — спросил Фокер.

Со всех сторон раздались крики:

— Он нас раздавит!

— Мы погибли!

— Мистер Уолл! мистер Уолл!

— Мы пропали!

— Начальник! Начальник! — отчаянно вопили вахтенные.

Уолл бросился к юту; Шандон вместе с доктором выбежал на палубу и начал осматриваться.

В просвете тумана «Чертов палец», казалось, быстро приближался к бригу; он увеличился до чудовищных размеров, на его вершине виднелся другой опрокинутый конус; стоя на остром конце, он раскачивался в неустойчивом равновесии из стороны в сторону и каждый миг готов был рухнуть и раздавить судно.

Зрелище было ужасное! Матросы инстинктивно отшатнулись в сторону, и несколько человек даже спрыгнули с брига.

— Ни с места! — грозно крикнул Шандон. — Не смей покидать свой пост!

— Не бойтесь, друзья мои, — уговаривал матросов доктор, — право же, нет никакой опасности! Ну, посмотрите, Шандон! Посмотрите, Уолл: это мираж — только и всего!

— Вы правы, доктор, — ответил Джонсон. — Эти невежественные люди испугались тени.

После слов доктора большинство матросов вернулись на свои места и, переходя от ужаса к изумлению, не могли надивиться странному феномену, который вскоре исчез.

— Ишь ты! Они называют это миражем! — сказал Клифтон. — Но поверьте, ребята, тут дело не обошлось без нечистой силы!

— Так оно и есть! — подхватил Гриппер.

В просвете тумана Шандон вдруг заметил большой свободный от льдов проход, о существовании которого он даже и не подозревал. Этим проходом бриг мог отойти от берегов. Шандон решил воспользоваться этим обстоятельством. Людей расставили по обем сторонам канала, протянули трос, и матросы повели бриг на север.

В течение долгих часов матросы усердно работали в полном молчании. Шандон приказал развести пары, желая воспользоваться столь кстати открытым проходом.

— Нам здорово повезло, — сказал он Джонсону, — и если удастся пройти еще несколько миль, то все наши невзгоды кончатся. Брентон, скорее поднимите пары; как только давление будет достаточным, доложите мне. А покамест экипаж должен удвоить свои усилия. Матросы хотят уйти подальше от «Чертова пальца», и прекрасно! Воспользуемся их добрым намерением.

Внезапно бриг остановился.

— В чем дело, Уолл? — спросил Шандон. — Неужели лопнули тросы?

— Нет, — сказал Уолл, наклонясь над бортом. — Эге! да матросы бегут назад! Смотрите, они карабкаются на бриг! Они чего-то до смерти перепугались.

— Что такое? — вскричал Шандон, бросаясь на нос.

— На бриг, на бриг! — вопили матросы, и в голосе их звучал неподдельный ужас.

Шандон посмотрел на север и невольно вздрогнул.

Какой-то чудовищный зверь, высунув язык из огромной дымящейся пасти, неся гигантскими прыжками в кабельтове от брига. Казалось, он был ростом в добрых двадцать футов; шерсть на нем стояла дыбом; он преследовал матросов; по временам он оставался и своим хвостом, в десять футов длиной, взметал целые вихри снега. При виде этого чудовища даже самые смелые были охвачены ужасом.

— Это медведь! — вопил один матрос.

— Морское чудовище!

— Зверь из бездны!

Шандон бросился в каюту за своим ружьем, которое было у него постоянно заряжено; доктор тоже схватился за карабин, готовясь выстрелить в гигантского зверя, напоминавшего допотопных чудовищ.

Между тем страшилище приближалось громадными прыжками. Шандон и доктор выстрелили одновременно, и выстрелы их, приведя в сотрясение слои атмосферы, произвели неожиданный эффект.

Доктор внимательно стал всматриваться и вдруг захохотал.

— Рефракция! — сказал он.

— Мираж! — воскликнул Шандон.

Но крик ужаса, раздавшийся на палубе, преврал их.

— Собака! — крикнул Клифтон.

— Собака-капитан! — повторили его товарищи.

— Собака! Проклятая собака! — закричал Пэн.

Действительно, то был Капитан. Он разорвал веревки, которыми был связан, и выбрался на лед сквозь другое отверстие. Преломление световых лучей, как это нередко бывает в полярных широтах, придало собаке гигантские размеры; обман зрения исчез от сотрясения воздуха. Как бы там ни было, этот случай произвел тяжелое впечатление на матросов, которым не верилось, что это странное явление имеет чисто физические причины. «Чертов палец», появление собаки при таких загадочных обстоятельствах — все это окончательно сбilo их с толку.

Экипаж начал роптать...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Капитан Гаттерас

«Форвард» быстро шел под парами, искусно пробираясь среди ледяных полей и айсбергов. Джонсон стоял у руля. Шандон через свои защитные очки молча наблюдал горизонт. Но недолго пришлось ему порадоваться; вскоре он обнаружил, что проход заперт ледяными горами.

Однако идти назад было бы слишком тяжело, и Шандон предпочел продвигаться вперед.

Собака бежала за бригом по льду, однако на порядочном расстоянии. Всякий раз, как она отставала, слышался какой-то странный свист, как бы звавший Капитана.

В первый раз, услышав свист, матросы переглянулись. Они были одни на палубе и тревожно переговаривались. Посторонних — ни души, а между тем свист повторялся несколько раз.

Первым встревожился Клифтон.

— Слышите? — сказал он. — Посмотрите-ка, как прыгает собака, услышав свист.

— Просто не верится! — ответил Гриппер.

— Кончено! — крикнул Пэн. — Я дальше не пойду!

— Пэн прав, — заметил Брентон. — Это значило бы испытывать судьбу.

— Испытывать черта! — сказал Клифтон. — Пусть я потеряю все свои заработки, если я сделаю хоть шаг вперед.

— Нет, видно, нам не вернуться назад... — уныло промолвил Болтон.

Экипаж был вконец деморализован.

— Ни шагу вперед! — крикнул Уолстен. — Верно я говорю, ребята?

— Да, да! Ни шагу! — подхватили матросы.

— Ну, так пойдем к Шандону, — заявил Болтон. — Я поговорю с ним.

И матросы толпой двинулись на ют.

«Форвард» входил в это время в обширный бассейн, имевший в поперечнике около восьмисот футов;

бассейн со всех сторон был окружен льдами и за исключением прохода, которым шел бриг, другого выхода не имел.

Шандон понял, что по собственной вине попал в тиски льдов. Но что же оставалось делать? Как вернуться назад? Он сознавал всю тяжесть лежавшей на нем ответственности, и рука его судорожно сжимала подзорную трубу.

Доктор, скрестив на груди руки, молча наблюдал; он смотрел на ледяные стены в триста футов вышиной. Над бездной висел полог густого тумана.

Внезапно Болтон обратился к помощнику капитана.

— Мистер Шандон, — взволнованным голосом проговорил он, — дальше идти мы не можем!

— Что такое? — спросил Шандон, которому кровь бросилась в лицо.

— Я говорю, — продолжал Болтон, — что мы уже достаточно послужили капитану-невидимке, а потому решили дальше не идти.

— Решили?.. — воскликнул Шандон. — И вы осмеливаетесь это говорить, Болтон? Берегитесь!

— Угрозы ни к чему не поведут, — буркнул Пэн. — Все равно дальше мы не пойдем!

Шандон шагнул было к возмущившимся матросам, но в этот момент к нему подошел Джонсон и сказал вполголоса:

— Нельзя терять ни минуты, если хотите выбраться отсюда. К каналу приближается айсберг. Он может закрыть единственный выход и запереть нас здесь, как в тюрьме.

Шандон сразу понял всю опасность положения.

— Я рассчитаюсь с вами потом, голубчики, — крикнул он бунтарям, — а теперь — слушай команду!

Матросы бросились по местам. «Форвард» быстро переменял направление. Набросали полную топку угля, чтобы усилить давление пара и опередить пловучую гору. Бриг состязался с айсбергом: корабль мчался к югу, чтобы пройти по каналу, а ледяная гора неслась навстречу, угрожая закрыть проход.

— Прибавить пару! — кричал Шандон. — Полный ход! Слышите, Брентон!

«Форвард» птицей несся среди льдин, дробя их своим форштевнем; корпус судна сотрясался от быстрого вращения винта; манометр показывал огромное давление паров, избыток которых со свистом вырывался из предохранительных клапанов.

— Нагрузите клапаны! — крикнул Шандон.

Механик повиновался, подвергая судно опасности взлететь на воздух.

Но его отчаянные усилия остались бесплодными; айсберг, увлекаемый подводным течением, стремительно приближался к каналу. Бриг находился еще в трех кабельтовых от устья канала, как вдруг гора, точно клин, врезалась в свободный проход, плотно примкнула к своим соседям и закрыла единственный выход из канала.

— Мы погибли! — невольно вырвалось у Шандона.

— Погибли! — как эхо, повторили матросы.

— Спасайся кто может! — вопили одни.

— Спустить шлюпки! — говорили другие.

— В вахтер-люк! — орал Пэн. — Если уж суждено утонуть, то утонем в джине!

Матросы вышли из повиновения, смятение достигло крайних пределов. Шандон чувствовал, что у него почва уходит из-под ног; он хотел командовать, но в нерешительности только бессвязно бормотал; казалось, он лишился дара слова. Доктор взволнованно шагал по палубе. Джонсон стоически молчал, скрестив руки на груди.

Вдруг раздался чей-то громовой, энергичный, повелительный голос:

— Все по местам! Право руля!

Джонсон вздрогнул и бессознательно начал вращать колесо штурвала.

И как раз в пору: бриг, шедший полным ходом, готов был разбиться в щепы о ледяные стены своей тюрьмы.

Джонсон инстинктивно повиновался. Шандон, Клоубонни и весь экипаж, вплоть до кочегара Уорена, оставившего топку, и негра Стронга, бросившего плиту,

собрались на палубе и вдруг увидели, как из каюты капитана, ключ от которой находился только у него, вышел человек.

Это был матрос Гарри.

— Что, что такое, сударь! — воскликнул, бледнея, Шандон. — Гарри.. это вы... По какому праву распоряжаетесь вы здесь?

— Дэк! — крикнул Гарри, и тут же раздался свист, так удивлявший экипаж.

Услышав свою настоящую кличку, собака одним прыжком вскочила на рубку и спокойно улеглась у ног своего хозяина.

Экипаж молчал. Ключ, который мог находиться только у капитана, собака, присланная им и, так сказать, удостоверявшая его личность, повелительный тон, который сам говорил за себя, — все это произвело сильное впечатление на матросов и утвердило авторитет Гарри.

Впрочем, Гарри нельзя было узнать: он сбрил густые бакенбарды, обрамлявшие его лицо, и от этого оно приняло еще более энергичное, холодное и повелительное выражение. Он успел переодеться в каюте и явился перед экипажем во всеоружии капитанской власти.

И матросы, охваченные внезапным порывом, в один голос крикнули:

— Ура! Ура! Да здравствует капитан!

— Шандон, — сказал капитан своему помощнику, — соберите экипаж; я сделаю ему смотр.

Шандон повиновался и взволнованным голосом отдал приказание. Матросы выстроились, капитан стал подходить к помощникам и к матросам и каждому из них говорил несколько слов, давая оценку его поведению.

Окончив смотр, он поднялся на рубку и спокойно проговорил:

— Офицеры и матросы! Я такой же англичанин, как и вы; я избрал своим девизом слова адмирала Нельсона: «Англия надеется, что каждый исполнит свой долг». Как англичанин я не хочу, да и все мы не хотим, чтобы люди, более отважные, побывали там,

где нас еще не было. Как англичанин я не потерплю, — все мы не потерпим, — чтобы на долю других выпала честь достигнуть крайних пределов севера. Если ноге человека суждено ступить на полюс, то лишь ноге англичанина! Вот знамя нашей родины! Я снарядил этот бриг, пожертвовал на это свое состояние, я готов пожертвовать своей и вашей жизнью, лишь бы наше знамя развевалось на Северном полюсе! Верьте мне! Начиная с сегодняшнего дня, за каждый пройденный на север градус вы будете получать по тысяче фунтов. Мы находимся под семьдесят вторым градусом, а всех их — девяносто. Считайте. Впрочем, мое имя ручается за меня: оно означает — энергия и патриотизм. Я — капитан Гаттерас!

— Капитан Гаттерас! — воскликнул Шандон.

Имя это, хорошо известное английским морякам, глухо повторилось в рядах экипажа.

— А теперь, — продолжал Гаттерас, — забросьте якоря на льдины, погасите огонь в машине, и пусть каждый займется своим делом. Шандон, я хочу поговорить с вами о делах, касающихся брига. Зайдите ко мне в каюту с доктором, Уоллом и Джонсоном. Джонсон, распустите экипаж.

Гаттерас, спокойный и невозмутимый, сошел с рубки, а Шандон приказал отдавать якоря.

Но кто такой был этот Гаттерас и почему его имя произвело на всех такое впечатление?

Джон Гаттерас, единственный сын лондонского пивовара, умершего архимиллионером в 1852 году, еще в юношеском возрасте поступил в торговый флот, несмотря на то, что его ожидала блестящая будущность. И не потому сделался он моряком, что чувствовал призвание к торговле, нет, он бредил географическими открытиями. Гаттерас мечтал побывать там, где еще не ступала нога человека.

В двадцатилетнем возрасте он обладал уже крепким сложением, характерным для людей худощавых и сангвинического темперамента: энергичное лицо, с геометрически-правильными и неподвижными чертами, высокий прямой лоб, красивые, но холодные глаза, тонкие губы, редко ронявшие слова. Он был среднего

роста, ловкий, с железными мускулами, словом, во всей его фигуре сквозила несокрушимая воля. Достаточно было взглянуть на него, чтобы признать в нем человека отважного; достаточно послушать, чтобы убедиться в его холодном и вместе с тем пылком темпераменте. То была натура, ни перед чем не отступающая. Этот человек с такой же уверенностью ставил на карту жизнь других, как и свою собственную. Поэтому, прежде чем следовать за ним в его предприятиях, следовало хорошенько подумать.

Высокомерный, как все англичане, Джон Гаттерас однажды так ответил французскому офицеру, который, желая выразиться вежливо и польстить ему, сказал:

— Если бы я не был французом, то хотел бы быть англичанином.

— А если бы я не был англичанином, — ответил Гаттерас, — то хотел бы быть... англичанином.

По ответу можно судить о человеке.

Гаттерас хотел во что бы то ни стало закрепить за своими соотечественниками монополию географических открытий; но, к его крайнему огорчению, в этом отношении англичане мало сделали за последние столетия.

Америка открыта генуэзцем Христофором Колумбом; Индия — португальцем Васко де Гама; Китай — португальцем Фернандо д'Андрادا; Огненная Земля — португальцем Магелланом; Канада — французом Жаком Картье; Зондские острова, Лабрадор, Бразилия, мыс Доброй Надежды, Азорские острова, Мадера, Ньюфаундленд, Гвинея, Конго, Мексика, мыс Белый, Гренландия, Исландия, Южный океан, Калифорния, Япония, Камбоджа, Перу, Камчатка, Филиппинские острова, Шпицберген, мыс Горн, Берингов пролив, Тасмания, Новая Зеландия, Новая Британия, Новая Голландия, Луизиана, остров Ян-Майена — открыты испанцами, скандинавами, русскими, португальцами, датчанами, исландцами, генуэзцами, голландцами. Но в числе их нет ни одного англичанина, и Гаттерас был в отчаянии при мысли, что его соотечественники не входят в славную фалангу мореплавателей, совершивших великие открытия в XV и XVI веках.

Новейшие времена несколько утешали Гаттераса, потому что англичане вознаградили себя открытиями, сделанными Стэртом, Донал-Стюартом, Барком, Уиллсом, Кингом, Греем — в Австралии, Пализером — в Америке, Сирилом Грехемом, Уодингтоном, Каммингамом — в Индии, Бёртоном, Спиком, Грантом и Ливингстоном — в Африке.

Но этого было ему мало, все эти отважные путешественники добились, так сказать, лишь усовершенствований в данной области, но не являлись изобретателями. Гаттерас мечтал о большем, он готов был изобрести целую страну, лишь бы ему выпала честь ее открыть.

Итак, в прошлые века англичанами было сделано не так много великих открытий, если не считать Новой Каледонии, открытой Куком в 1774 году, и открытых им же в 1778 году Сандвичевых островов, где он и погиб. Но все же на земном шаре существовала область, притягивавшая к себе англичан.

Это были именно полярные страны и моря Северной Америки.

Вот хронологическая таблица открытий, совершенных англичанами в полярных странах:

Новую землю	открыл Уиллоби	в 1553 году
Остров Вайгач	» Барру	» 1556 »
Западное побережье Гренландии	» Девис	» 1585 »
Девисов пролив	» Девис	» 1587 »
Шпицберген	» Уиллоби	» 1596 »
Гудзонов залив	» Гудзон	» 1610 »
Баффинов залив	» Баффин	» 1616 »

За последнее время эти малоизвестные страны были обследованы Херном, Макензи, Джоном Россом, Парри, Франклином, Ричардсоном, Бичи, Джемсом Россом, Беком, Дизом, Сомпсоном, Рэ, Инглфилдом, Белчером, Остином, Келлетом, Муром, Мак-Клуром, Кеннеди и Мак-Клинтоком.

Северное побережье Америки было основательно исследовано, и Северо-Западный проход почти открыт, но этого было мало; на очереди была еще более важ-

ная задача, которую Джон Гаттерас уже дважды пытался осуществить, для чего снаряжал на свой счет два судна. Он хотел достигнуть полюса и этим блестящим подвигом завершить ряд открытий, сделанных англичанами.

Добраться до полюса — в этом состояла цель его жизни!

После довольно удачных путешествий в южные моря Гаттерас впервые попытался в 1846 году подняться к северу по Баффинову заливу, но дальше семьдесят четвертого градуса не мог пройти. Он командовал тогда шлюпом «Галифакс»; его экипаж подвергся ужасным лишениям, и Гаттерас так далеко зашел в своей безумной отваге, что с тех пор моряки не очень-то стремились участвовать в экспедициях под его начальством.

В 1850 году Гаттерасу удалось на вербовать на шхуну «Фарвель» десятка два смельчаков, которых главным образом соблазнила предложенная им высокая плата. По этому случаю доктор Клоубонни вступил в переписку с Джоном Гаттерасом, с которым он лично не был знаком, заявив о своем желании принять участие в путешествии. К счастью для Клоубонни, должность доктора была уже замещена на судне.

«Фарвель», следуя по маршруту «Нептуна», отправившемуся из Абердина в 1817 году, поднялся севернее Шпицбергена до семьдесят шестого градуса северной широты. Там пришлось зазимовать; страдания, которым подвергались матросы, были так ужасны, стужа так жестока, что ни один человек из экипажа не возвратился в Англию, за исключением самого Гаттераса, прошедшего по льдам более двухсот миль и доставленного на родину датским китобойным судном.

Возвращение из всей экспедиции одного только человека произвело тяжелое впечатление. Кто после этого решился бы следовать за Гаттерасом в его безумных предприятиях? Однако он не отчаивался. Его отец-пивовар умер, и Гаттерас сделался обладателем состояния, не уступавшего богатству индийского набоба.

Между тем произошло событие, затронувшее самолюбие Гаттераса.

Бриг «Адванс», с экипажем в семнадцать человек, снаряженный коммерсантом Гриннеллом и состоявший под начальством доктора Кейна, отправился на поиски Джона Франклина. В 1853 году он проник в пролив Смита через Баффинов залив и прошел за восемьдесят второй градус северной широты, то есть продвинулся к полюсу ближе, чем кто-либо из его предшественников.

И этот бриг был американским судном, а сам Гриннелл и доктор Кейн — американцами!

Легко понять, что обычное презрение англичанина к янки у Гаттераса перешло в ненависть. Он решил во что бы то ни стало пройти дальше, чем его отважный соперник, и достичь полюса.

Целых два года он жил инкогнито в Ливерпуле, выдавая себя за матроса. В лице Ричарда Шандона он нашел человека, какой был ему необходим, и в анонимном письме предложил ему, так же как и доктору Клоубонни, свои условия. «Форвард» был построен, снаряжен, оборудован. Имени своего Гаттерас не открыл, иначе никто не согласился бы его сопровождать. Гаттерас решил принять начальство над бригам при каких-нибудь чрезвычайных обстоятельствах или когда «Форвард» настолько продвинется вперед, что будет уже поздно возвращаться. Впрочем, он мог предложить экипажу, как мы это видели, столь выгодные денежные условия, что ни один матрос не отказался бы следовать за Гаттерасом хоть на край света.

Да и в самом деле, Гаттерас хотел отправиться на край света!

И вот в критических обстоятельствах Гаттерас, колеблясь, заявил о себе экипажу.

Его верная собака Дэк, сопровождавшая его в путешествиях, первая признала хозяина, и, к радости людей мужественных и крайнему огорчению робких, неожиданно выяснилось, что капитаном брига «Форвард» был Джон Гаттерас.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Планы Гаттераса

Появление на бриге этого отважного человека было по-разному встречено экипажем. Одни всецело встали на сторону Гаттераса, соблазненные деньгами, другие, смельчаки, сочувствовали его замыслам, третьи повиновались, но скрепя сердце, и готовы были возмутиться при первом же удобном случае. Жизнь на бриге вошла в свою колею. Воскресенье 20 мая было посвящено отдыху.

В каюте капитана собрались на совещание Шандон, Уолл, Джонсон и доктор.

— Господа, — сказал капитан своим характерным, мягким и вместе с тем повелительным голосом, — вам известно, что я решил достигнуть полюса. Я хотел бы знать ваше мнение. Что вы думаете об этом, Шандон?

— Мне нечего думать, капитан, — холодно ответил Шандон, — мое дело повиноваться.

Казалось, этот ответ ничуть не удивил Гаттераса.

— Прошу вас, Ричард Шандон, — все тем же холодным тоном продолжал капитан, — высказаться относительно шансов, какие мы имеем на успех.

— За меня ответят факты, капитан, — отвечал Шандон. — Все попытки такого рода до сих пор оказывались неудачными. Желая, чтобы мы были счастливее.

— И мы будем счастливее. Как ваше мнение, господа?

— Что до меня, — ответил доктор, — то я считаю, что ваше намерение, капитан, вполне осуществимо. Несомненно, когда-нибудь мореплаватели достигнут полюса, и я не вижу, почему бы этого не сделать именно нам!

— Это будет для нас тем легче, — отвечал Гаттерас, — что приняты все нужные меры и мы можем воспользоваться опытом наших предшественников. Кстати, Шандон, благодарю вас за ваши труды по снаряжению брига. В числе матросов есть несколько беспокойных голов, но я сумею их обуздать. Вообще же я могу только похвалить вас.

Шандон холодно поклонился. Положение его на бриге, которым он рассчитывал командовать, становилось фальшивым. Гаттерас сразу же это понял и оставил его в покое.

— Что до вас, господа, — обратился он к Уоллу и Джонсону, — то я счастлив, что заручился содействием таких мужественных и опытных людей, как вы.

— Я весь к вашим услугам, капитан, — отвечал Джонсон, — и хотя ваше предприятие представляется мне несколько рискованным, но вы можете вполне на меня рассчитывать.

— И на меня тоже, — добавил Джеймс Уолл.

— Что до вас, доктор, то я отлично знаю вам цену.

— В таком случае, вы знаете больше, чем я сам, — с живостью ответил доктор.

— Считаю нужным, господа, — начал опять Гаттерас, — объяснить вам, на каких неопровержимых фактах основывается мой проект достичь полюса. В тысяча восемьсот семнадцатом году судно «Нептун», отправившись из Абердина, прошло к северу от Шпицбергена к восемьдесят второму градусу. В тысяча восемьсот двадцать шестом году знаменитый Парри, после своей третьей экспедиции в полярные моря, отправился со Шпицбергена на санях-лодках и поднялся на сто пятьдесят миль к северу. В тысяча восемьсот пятьдесят втором году капитан Инглфилд достиг в проливе Смита семьдесят восьмого градуса и тридцати пяти минут широты. Все это были английские суда, находившиеся под командою англичан, наших соотечественников.

Гаттерас остановился.

— Я должен добавить, — продолжал он со смущенным видом, как бы с трудом выговаривая слова, — что в тысяча восемьсот пятьдесят четвертом году американец Кейн, командовавший бригом «Адванс», поднялся еще выше, а его помощник лейтенант Мортон, отправившись по ледяным полям, водрузил знамя Соединенных Штатов выше восемьдесят второго градуса широты. Больше я не буду к этому возвращаться. Необходимо, однако, знать, что капитаны кораблей «Нептун», «Энтерпрайз», «Изабелла» и

«Адванс» установили факт, что за этими высокими широтами существует полярный бассейн, совершенно свободный от льдов.

— Свободный от льдов! — воскликнул Шандон, прерывая капитана. — Не может быть!

— Имейте в виду, Шандон, — спокойно сказал капитан, глаза которого на миг вспыхнули, — что я привожу точные факты и называю подлинные имена. Добавлю еще, что во время стоянки капитана Пенни в тысяча восемьсот пятьдесят первом году в проливе Веллингтона его помощник Стюарт тоже видел свободное от льдов море, и его показания подтверждаются свидетельством сэра Эдуарда Бельчера, зимовавшего в тысяча восемьсот пятьдесят третьем году в Нортумберлендском заливе под семьдесят шестым градусом пятьюдесятью двумя минутами широты и девяносто девятью градусами двадцатью минутами долготы. Факты эти не подлежат никакому сомнению, и отрицать их могут только люди недобросовестные.

— Однако, капитан, — заметил Шандон, — факты эти настолько противоречивы, что...

— Ошибаетесь, Шандон, ошибаетесь! — воскликнул доктор Клоубонни. — Эти факты ничуть не противоречат утверждениям науки. Надеюсь, капитан позволит мне это доказать?

— Прошу вас, доктор, — сказал Гаттерас.

— Так слушайте же, Шандон. Географические данные и изотермы, несомненно, доказывают, что область наибольших холодов на земном шаре находится не у полюса, но, подобно магнитному полюсу Земли, отстоит от Северного полюса на несколько градусов. Исследованиями Брюстера, Берхама и других физиков установлено, что на нашем полушарии существуют два полюса холода: один в Азии, под семьюдесятью девятью градусами тридцатью минутами северной широты и сто двадцатью градусами восточной долготы, а другой в Америке, под семьюдесятью восемью градусами северной широты и девяносто семью градусами западной долготы. В настоящее время нас интересует

последний, и вы видите, Шандон, что он отстоит от полюса больше чем на двенадцать градусов. После этого позвольте вас спросить: почему море у полюса не может быть таким же свободным от льдов, как летом под шестьдесят шестой параллелью, то есть в южных частях Баффинова залива?

— Здорово сказано! — заметил Джонсон. — Доктор гворит об этих вещах, как специалист.

— Так оно и должно быть, — согласился Джемс Уолл.

— Химерь и предположения! Чистой воды гипотезы! — упрямо твердил свое Шандон.

— Рассмотрим оба случая, Шандон, — продолжал Гаттерас. — Море или свободно от льдов, или не свободно; но и в том и в другом случае ничто не может помешать нам достигнуть полюса. Если море свободно, «Форвард» легко доставит нас к цели; если же оно не свободно, то мы попытаемся добраться до полюса на санях. Согласитесь, что это вполне возможно. Если мы достигнем на нашем бриге восемьдесят третьего градуса, нам останется до полюса всего четыреста двадцать миль.

— Но что значат эти четыреста двадцать миль, — быстро вставил доктор, — когда известно, что казак Алексей Марков на санях, запряженных собаками, прошел по Ледовитому океану, вдоль северных берегов Азиатской России, восемьсот миль и притом всего в двадцать четыре дня?

— Слышите, Шандон? — сказал Гаттерас. — Скажите мне теперь: возможно ли, чтобы англичанам не удалось сделать того, что совершил этот казак?

— Конечно, удастся! — воскликнул пылкий доктор.

— Удастся! — повторил боцман.

— Итак, Шандон? — спросил Гаттерас.

— Капитан, — холодно ответил Шандон, — я могу только повторить то, что уже сказал: буду повиноваться!

— Хорошо. Теперь рассмотрим наше теперешнее положение, — продолжал Гаттерас. — Нас затерло льдами; и мне кажется, что в нынешнем году нам не

удастся войти в пролив Смита. Поэтому вот что следует предпринять.

Гаттерас разложил на столе одну из тех превосходных карт, которые были изданы в 1859 году по распоряжению адмиралтейства.

— Не угодно ли вам, господа, следить! Если пролив Смита будет для нас закрыт, то пролив Ланкастера на западном берегу Баффинова залива должен быть свободен. Я считаю, что мы должны подняться этим проливом до пролива Барроу, а оттуда — до острова Бичи. Путь этот проходили тысячу раз парусные суда, следовательно, мы легко пройдем его на винтовом бриге. Достигнув острова Бичи, мы продвигнемся, насколько возможно, к северу по проливу Веллингтона до устья прохода, соединяющего пролив Веллингтона с проливом Королевы, к тому месту, где наблюдалось свободное от льдов море. Сегодня двадцатое мая, следовательно, через месяц, при благоприятных обстоятельствах, мы достигнем этого пункта, а оттуда направимся к полюсу. Что вы на это скажете, господа?

— Очевидно, это единственный путь, которым можно идти, — ответил Джонсон.

— В таком случае, мы пойдем, и завтра же! Сегодня воскресенье, и мы будем отдыхать. Прошу вас, Шандон, следить за тем, чтобы чтение библии совершалось регулярно. Религия оздоравливает душу человека, а моряку приходится всецело надеяться на бога.

— Слушаю, капитан, — проговорил Шандон и вместе с Джонсоном и Уоллом вышел из каюты.

— Доктор, — сказал Гаттерас, когда они остались вдвоем, — моего помощника Шандона погубило оскорбленное самолюбие. Мне уже больше не приходится на него рассчитывать.

На другой день рано утром капитан приказал спустить на воду шлюпку, намереваясь осмотреть айсберги, находившиеся в бассейне, который имел не более двухсот ярдов ширины. Гаттерас заметил, что вследствие неприметного напора льдов проход начинает суживаться. Поэтому необходимо было сделать в нем брешь, чтобы не попасть в тиски ледяных гор.

Средства, к которым прибег Гаттерас, доказывали, что он человек энергичный.

Прежде всего он приказал прорубить ступеньки в ледяной стене, поднялся на вершину горы и убедился, что будет нетрудно проложить дорогу на юго-запад. По его приказанию почти в центре горы была вырыта минная камера. Быстро производившиеся работы были закончены в понедельник днем.

Гаттерас не мог рассчитывать на подрывные шашки с зарядом от восьми до десяти фунтов пороха, которые не произвели бы никакого действия на огромные массы льда; они пригодны только для взламывания ледяных полей. Поэтому он приказал зарядить камеру тысячью фунтами пороха, взрывное действие которого было точно рассчитано. От мины тянулся наружу длинный шнур в резиновой оболочке. Скважину заполнили снегом и обломками льда, которым мороз ближайшей же ночью должен был придать твердость гранита. В самом деле, температура воздуха под действием восточного ветра понизилась до $+12^{\circ}$ (-11° Ц).

На другой день, в семь часов утра, «Форвард» стоял под парами, готовый воспользоваться первым открывшимся проходом. Взорвать мину поручили Джонсону. Длина фитиля была рассчитана таким образом, что он должен был гореть в течение получаса. Итак, у Джонсона было достаточно времени, чтобы вернуться на бриг. И действительно, он поджег фитиль и через десять минут был уже на своем посту. Весь экипаж был на палубе; погода стояла сухая и довольно ясная; снег перестал идти; Гаттерас, стоя на рубке с доктором и Шандоном, отсчитывал время по хронометру.

В восемь часов тридцать пять минут послышался глухой взрыв, гораздо более слабый, чем можно было ожидать. Профиль ледяных гор мгновенно изменился, как во время землетрясения; столб густого белого дыма взвился к небу на огромную высоту; длинные трещины избороздили склоны айсберга, верхняя часть его была снесена, обломки разметало далеко во все стороны, и они падали дождем вокруг «Форварда».

Но проход все-таки не был очищен; огромные льдины, опираясь краями на соседние утесы, висели в воздухе, и можно было опасаться, что они, упав, замкнут кольцо льдов, охватывающих бриг.

Гаттерас в один миг понял создавшееся положение.

— Уолстен! — крикнул он.

Оружейник явился немедленно.

— Что прикажете, капитан? — спросил он.

— Зарядите пушку тройным зарядом, — сказал Гаттерас, — да забейте его покрепче.

— Так, значит, мы будем палить ядрами в гору? — спросил доктор.

— Нет, — ответил Гаттерас. — Это ни к чему. Ядер не надо, Уолстен, а только тройной заряд пороха. Живо!

Через несколько минут пушка была заряжена.

— А интересно знать... что он тут сделает без ядра? — сквозь зубы процедил Шандон.

— Посмотрим, — ответил доктор.

— Готово, капитан! — крикнул Уолстен.

— Хорошо, — сказал Гаттерас. — Брентон! — крикнул он механику. — Внимание! Малый ход вперед!

Брентон открыл клапаны, винт пришел в движение, и «Форвард» стал приближаться к подорванной взрывом гбре.

— Наведите пушку прямо на проход! — крикнул капитан оружейнику.

Тот повиновался. Когда бриг находился в полукабельтове от горы, Гаттерас скомандовал:

— Огонь!

Раздался оглушительный выстрел, и ледяные глыбы от сотрясения мгновенно рухнули в море; воздушные волны сделали свое дело.

— Полный ход вперед, Брентон! — крикнул Гаттерас. — Прямо в проход, Джонсон!

Джонсон стоял у руля; бриг, приводимый в движение винтом, пенившим волны, ринулся в свободный проход. Едва «Форвард» успел пройти канал, как стены ледяной тюрьмы снова сомкнулись.

Это было грозное мгновение. Лишь одно спокойное отважное сердце не дрогнуло при этом — сердце капитана. Экипаж, изумленный этим смелым маневром, не мог удержаться от криков:

— Ура! Да здравствует капитан Джон Гаттерас!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Экспедиция, посланная на поиски Франклина

В среду 23 мая «Форвард» продолжал свое опасное плавание, искусно лавируя между паковым льдом и айсбергами благодаря пару — этой послушной силе, не бывшей в распоряжении многих мореплавателей, отправлявшихся в полярные моря. Казалось, бриг ревился среди пловучих ледяных скал и, словно конь, покорный опытному наезднику, повиновался малейшему желанию своего капитана.

Заметно теплеет. В шесть часов утра термометр показывал $+26^{\circ}$ (-3° Ц), в шесть часов вечера $+29^{\circ}$ (-2° Ц), а в полночь $+25^{\circ}$ (-4° Ц); дул слабый юго-восточный ветер.

В четверг в три часа утра «Форвард» находился в виду залива Владения на американском побережье, при входе в пролив Ланкастера. Вскоре показался мыс Бёрни; несколько эскимосов направились было в каяке к бригу, но Гаттерас не стал их ждать.

Вершины Байам-Мартина, господствующие над Ливерпульским мысом и оставшиеся влево, скрылись в вечерней мгле, не позволявшей разглядеть мыс Хей. Впрочем, он весьма невысок и сливается с прибрежными льдами — обстоятельство, весьма затрудняющее гидрографические исследования в полярных морях.

Тупики, утки и белые чайки появлялись в большом количестве. Наблюдение показало $74^{\circ}01'$ широты, хронометр — $77^{\circ}15'$ долготы.

Горы Екатерины и Елизаветы возносили над облаками свои снежные вершины.

В пятницу в шесть часов бриг миновал мыс Уорендер на правом берегу пролива, а на левом — залив

Адмиралтейства, еще мало исследованный мореплавателями, которые всегда спешат на запад. Море волновалось довольно сильно, и нередко волны перекатывались через палубу брига, оставляя на ней куски льда. Северное побережье было каких-то странных очертаний: гладкие, как стол, плоскогорья отражали яркие лучи солнца.

Гаттерас хотел было пройти вдоль северных берегов, чтобы поскорее достигнуть острова Бичи и входа в пролив Веллингтона, но сплошные гряды льдов, к его великому огорчению, заставили его идти южными проливами.

Поэтому 26 мая «Форвард», среди тумана и падавшего снега, оказался у мыса Йорк, заметного по своей очень высокой, почти отвесной горе. Небо немного прояснилось, к полудню на несколько мгновений выглянуло солнце, и удалось произвести довольно точное определение места, давшее $74^{\circ}4'$ широты и $84^{\circ}23'$ долготы. Итак, «Форвард» находился у конца пролива Ланкастера.

Гаттерас показывал доктору на карте путь, которым шел «Форвард» и должен был идти в дальнейшем. В данный момент положение брига было весьма интересно.

— Мне хотелось бы, — сказал Гаттерас, — находиться еще севернее, но что невозможно, то невозможно... Взгляните, мы сейчас вот в этом месте.

И капитан указал на карте пункт недалеко от мыса Йорк.

— Мы сейчас на перекрестке, открытом для всех ветров; он образован устьями проливов Ланкастера и Барроу, пролива Веллингтона и пролива Регента. Здесь побывали все мореплаватели, отправлявшиеся в полярные воды.

— Как видно, — ответил доктор, — они находились здесь в очень затруднительном положении. Это, как вы сказали, настоящее распутье, где скрещиваются четыре больших дороги, а между тем я не вижу верстовых столбов, указывающих верный путь. Но как же в подобном случае действовали Парри, Росс и Франклин?

— Они бездействовали, доктор, и только подчинялись обстоятельствам. Выбора у них не было, смею вас уверить. Случалось, что пролив Барроу закрывался для одного из них, а на следующий год открывался для другого; случалось также, что корабль относило к проливу Регента. В результате всего этого лабиринт здешних морей был исследован.

— Какая удивительная страна! — сказал доктор, разглядывая каргу. — Она вся изрезана, раздроблена, искрошена без всякого, повидимому, порядка, без всякой логики. Кажется, будто земли, прилегающие к полюсу, нарочно измельчены таким образом, чтобы затруднить к нему доступ. А между тем в южном полушарии материки завершаются ровными, удлиненными оконечностями, каковы мысы Горн, Добрая Надежды и Индийский полуостров. Быть может, такие очертания материков вызваны большей быстротой вращательного движения Земли под экватором. Быть может, земли, удаленные от экватора и на заре мироздания находившиеся еще в жидком состоянии, не смогли сплотиться, слиться между собой в силу недостаточно быстрого вращательного движения.

— Возможно, что и так, ибо все в мире совершается по законам логики и ничто не происходит без причин, которые иногда бог позволяет разгадывать ученым. Поэтому, доктор, пользуйтесь его разрешением.

— К сожалению, я вынужден быть очень осторожным в своих выводах. Но какой страшный ветер господствует в этом проливе! — прибавил доктор, нахлобучивая шапку на уши.

— Да, здесь особенно свирепствует северный ветер, отклоняющий нас от нашего маршрута.

— В таком случае он должен был бы отбросить льды к югу и очистить нам дорогу.

— Совершенно верно, доктор, но ветер не всегда делает то, что ему следовало бы делать. Посмотрите, это скопление льдов, повидимому, непроходимо. Что ж, мы постараемся достигнуть острова Гриффита, затем обогнем остров Корнуолиса и пройдем в пролив Коро-

левы, минуя пролив Веллингтона. Но я непременно хочу пристать к острову Бичи и запастись там углем.

— Запастись углем? — с удивлением спросил доктор.

— Конечно. По распоряжению адмиралтейства для снабжения углем будущих экспедиций на острове Бичи были оставлены большие запасы, и сколько бы Мак-Клинток ни забрал в августе тысяча восемьсот пятьдесят девятого года, остатков хватит и на нашу долю, будьте уверены, доктор.

— В самом деле, — сказал Клоубонни, — эти области исследовались в течение пятнадцати лет, и до тех пор, пока не было установлено, что экспедиция Франклина погибла, адмиралтейство постоянно держало в полярных морях пять или шесть кораблей. Если не ошибаюсь, остров Гриффита, который я вижу вот здесь на карте, находится почти в центре этого района и служил сборным пунктом мореплавателей.

— Вы правы, доктор, злополучная экспедиция Франклина заставила нас познакомиться с далекими полярными странами.

— Именно так, капитан, потому что, начиная с тысяча восемьсот сорок пятого года, экспедиции в полярные моря посылались одна за другой. Только в тысяча восемьсот сорок восьмом году участь, постигшая корабли Франклина «Эребус» и «Террор», начала тревожить общество. И вот старый друг адмирала, семидесятилетний доктор Ричардсон, отправился в Канаду и поднялся по реке Коппермайн до Ледовитого океана. Со своей стороны, Джемс Росс, командовавший судами «Энтерпрайз» и «Инвестигейтор», выступил из Упернивика в тысяча восемьсот сорок восьмом году и прибыл к мысу Йорк, где мы находимся в настоящий момент. Каждый день он бросал в море по бочонку, в котором находились документы, указывавшие местонахождение кораблей; в туманную погоду стреляли из пушек; по ночам пускали ракеты и жгли бенгальские огни, причем суда держались под малыми парусами. Наконец, Джемс Росс провел в порту Леопольда зиму тысяча восемьсот сорок восьмого — сорок девятого года. Поймав там множество песцов, он на-

дел им медные ошейники, на которых обозначил местонахождение жораблей и запасов продовольствия, и выпустил зверей во все стороны. Весной он отправился со своими спутниками на санях вдоль берега острова Сомерсета; в пути они подвергались опасностям и лишениям, многие переболели или отморозили себе конечности. По дороге они воздвигали туры, оставляя под ними медные цилиндры с необходимыми указаниями для затерявшейся экспедиции. Во время отсутствия Джемса Росса его помощник лейтенант Мак-Клур исследовал, правда, безуспешно, северные берега пролива Барроу. Обратите внимание, капитан, что под начальством Джемса Росса находились два офицера, которым впоследствии суждено было прославиться: Мак-Клур, прошедший Северо-Западным проходом, и Мак-Клинтон, обнаруживший остатки экспедиции Франклина.

— Оба они и сейчас здравствуют, это достойные, мужественные капитаны, истинные англичане. Рассказывайте дальше, доктор, историю исследования полярных морей, — вы с ней так хорошо знакомы. Из рассказов об этих отважных попытках всегда можно почерпнуть что-нибудь полезное.

— Итак, возвращаясь к Джемсу Россу, добавлю, что он пытался с запада подойти к острову Мелвилла. При этом он чуть не погубил свои суда, был затерт льдами и волей-неволей очутился в Баффиновом заливе.

— Волей-неволей, — повторил Гаттерас, хмуря брови.

— Он ничего не нашел, — продолжал доктор. — С тысяча восемьсот пятидесятого года английские суда то и дело бороздили полярные моря; обещана была премия в двадцать тысяч фунтов тому, кто обнаружит экипаж «Эребуса» и «Террора». Еще в тысяча восемьсот сорок восьмом году капитаны Келлет и Мур, командовавшие судами «Геральд» и «Пlover», пытались проникнуть в Берингов пролив. Добавлю, что в тысяча восемьсот пятидесятом и в тысяча восемьсот пятьдесят первом годах капитан Остин зимовал у острова Корнуоллис, капитан Пенни исследовал, на

кораблях «Ассистанс» и «Ризолют», пролив Веллингтона; престарелый Джон Росс, герой магнитного полюса, не утерпел и отправился на яхте «Феликс» отыскивать своего друга; бриг «Принц Альберт», снаряженный леди Франклин, отплыл в свою первую экспедицию; следует упомянуть еще о двух американских судах, отправленных Гринеллом под командой капитана Хевена и отнесенных льдами из пролива Веллингтона в пролив Ланкастера. В том же году Мак-Клинтон, помощник капитана Остина, добрался до острова Мелвилла и мыса Дандаса, крайних пунктов, до которых доходил Парри в тысяча восемьсот девятнадцатом году. Там, на острове Бичи, были найдены следы зимовки Франклина в тысяча восемьсот сорок пятом году.

— Да, — сказал Гаттерас, — там же похоронены трое его матросов, более счастливых, чем их товарищи.

— В тысяча восемьсот пятьдесят первом и в тысяча восемьсот пятьдесят втором годах, — продолжал доктор, жестом подтверждая замечание капитана, — «Принц Альберт» предпринял второе путешествие в полярные воды под командой французского лейтенанта Белло, который провел зиму в Батти-бей, в проливе Принца Регента, исследовал юго-западные части Сомерсета и прошел вдоль его берегов до мыса Уокера. Между тем возвратившиеся в Англию суда «Энтерпрайз» и «Инвестигейтор» поступили под команду Коллинсона и Мак-Клура и направились в Берингов пролив на соединение с Муром и Келлетом. Коллинсон вернулся на зиму в Гонконг, а Мак-Клур отправился на север и, проведя там три зимы, тысяча восемьсот пятидесятого — пятьдесят первого, тысяча восемьсот пятьдесят первого — пятьдесят второго и тысяча восемьсот пятьдесят второго — пятьдесят третьего годов, открыл Северо-Западный проход, так ничего и не узнав об участи, постигшей экспедицию Франклина. С тысяча восемьсот пятьдесят второго года по тысяча восемьсот пятьдесят третий год продолжалась еще одна экспедиция, состоявшая из трех парусных судов, «Ассистанс», «Ризолют» и «Норт-Стар», и двух пароходов — «Пионер» и «Интрепид», под началь-

ством сэра Эдуарда Бельчера и его помощника, капитана Келлета. Сэр Эдуард проник в пролив Веллингтона, зимовал в заливе Нортумберленд и прошел вдоль его берегов, а Келлет, достигнув Бридпорта на острове Мелвилла, исследовал эту часть полярных земель, но его поиски не увенчались успехом. В это время в Англии распространился слух, что два брошенных среди льдов корабля были замечены невдалеке от берегов Новой Шотландии. Леди Франклин немедленно же снарядила небольшой винтовой пароход «Изабелла», и капитан Инглфилд прошел Баффиновым заливом до мыса Виктории, под восьмидесятой параллелью, и затем без всяких результатов возвратился на остров Бичи. В начале тысяча восемьсот пятьдесят пятого года американец Гриннелл снарядил новую экспедицию, и доктор Кейн, стремясь достигнуть полюса...

— Слава богу, он его не достиг! — вырвалось у Гаттераса. — Но мы сделаем то, чего он не мог сделать!

— Знаю, капитан, — ответил доктор, — и если я упомянул об этом факте, то лишь потому, что он имеет отношение к поискам Франклина. Впрочем, экспедиция Кейна не увенчалась успехом. Я чуть не забыл сказать, что адмиралтейство, считая остров Бичи сборным пунктом всех экспедиций, поручило капитану Инглфилду в тысяча восемьсот пятьдесят третьем году доставить на остров запас продовольствия на пароходе «Феникс». Инглфилд отправился туда с лейтенантом Белло и потерял в полярных морях этого мужественного офицера, который уже второй раз участвовал в английских экспедициях. Об этой катастрофе мы можем подробно узнать, так как свидетелем ее был наш боцман Джонсон.

— Лейтенант Белло был доблестный француз, и память его чтит вся Англия! — сказал Гаттерас.

— Один за другим, — продолжал доктор, — корабли экспедиции Бельчера начали возвращаться назад. Впрочем, не все, потому что сэр Эдуард был вынужден бросить «Ассистанс» в тысяча восемьсот пятьдесят четвертом году, так же как Мак-Клур бросил «Инвестигейтор» в тысяча восемьсот пятьдесят

третьем. Между тем доктор Рэ в письме от двадцать девятого июля тысяча восемьсот пятьдесят четвертого года, отправленном из Рипалс-бэй, куда он прибыл из Америки, довел до сведения адмиралтейства, что у эскимосов Земли Короля Вильяма находятся различные предметы с кораблей «Эребус» и «Террор». После этого не могло уже быть сомнений относительно участи, постигшей экспедицию. «Феникс», «Норт-Стар» и судно Коллинсона вернулись в Англию, так что в арктических морях не осталось ни одного английского корабля. Правительство, казалось, потеряло всякую надежду разыскать Франклина, но леди Франклин все еще не сдавалась и на остатки своего состояния снарядила корабль «Фокс» под командой Мак-Клинтока. Отправившись в путь в тысяча восемьсот пятьдесят седьмом году, Мак-Клинток провел зиму в тех самых местах, где вы появились перед нами, капитан, дошел до острова Бичи одиннадцатого августа тысяча восемьсот пятьдесят восьмого года, вторично зазимовал в проливе Белло, возобновил свои поиски в тысяча восемьсот пятьдесят девятом году, шестого мая нашел документ, не оставлявший никакого сомнения насчет участи «Эребуса» и «Террора», и вернулся в Англию в конце того же года. Все это происходило в течение пятнадцати лет, и после возвращения «Фокса» ни один корабль не пытал счастья в этих опасных морях.

— Ну, так мы попытаем! — воскликнул Гаттерас.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

«Форвард» отброшен к югу

К вечеру прояснилось, и берег был хорошо виден между мысом Сеппинга и мысом Кларенса, который тянется сперва к востоку, а затем к югу, соединяясь с землей низким перешейком. При входе в пролив Принца Регента море было свободно от льдов; но за портом Леопольда, преграждая путь «Форварду» на север, лежали непроходимые ледяные поля.

Затаив свою досаду, Гаттерас прибег к подрывным зарядам, пытаясь войти в порт Леопольда, куда и прибыл в полдень в воскресенье 27 мая. Якоря были заброшены на крупные айсберги, устойчивые, твердые и прочные, как скалы.

Капитан в сопровождении Джонсона, доктора и Дэка тотчас же сошел на лед и вскоре был уже на берегу. Дэк прыгал от восторга; впрочем, после признания Гаттераса капитаном собака стала очень ласковой и кроткой и рычала только на нескольких матросов, которых недолюбливал и сам Гаттерас.

Бухта оказалась свободной от льдов, которые частенько заносятся сюда восточными ветрами. Величавая красивая волнообразная цепь отвесных гор была окутана снегом. Дом и маяк, построенные Джемсом Россом, находились еще в сохранности, но запасы продовольствия, повидимому, были расхищены песцами и медведями, свежие следы которых отпечатались кругом на снегу. Однако и человек приложил руку к этому расхищению, потому что на берегу залива виднелись еще остатки эскимосских хижин.

Еле заметные земляные насыпи обозначали места могил, в которых покоились останки шести матросов с кораблей «Энтерпрайз» и «Инвестигейтор». Звери и люди пощадили их.

Доктор не без волнения ступил ногой на почву полярного материка. Трудно представить себе, какие чувства охватывают человека при виде остатков жилищ, палаток, хижин, складов, которые природа так чудесно сохраняет в странах вечной стужи.

— Вот, — сказал доктор своим товарищам, — то место, которое Джемс Росс назвал Станом убежища. Если бы экспедиции Франклина удалось добраться сюда, она была бы спасена. Вот оставленная им машина; вот печь, установленная им на фундаменте; возле нее грелся в тысяча восемьсот пятьдесят первом году экипаж «Принца Альберта». Все сохранилось, как было, можно подумать, будто капитан Кеннеди только вчера оставил этот гостеприимный уголок. Вот шляпка, в течение нескольких дней служившая убежищем ему и его матросам. Покинув свой корабль,

Кеннеди был в полном смысле слова спасен лейтенантом Белло, который отправился на его поиски, несмотря на октябрьскую стужу.

— Я лично знал этого храброго и достойного офицера, — сказал Джонсон.

В то время как доктор с пылом археолога разыскивал остатки былых зимовок, Гаттерас собирал продовольствие и топливо, которое в небольшом количестве было обнаружено в складах. На следующий день все собранное перевезли на бриг. Доктор делал небольшие экскурсии, не слишком удаляясь от корабля, и зарисовывал наиболее интересные виды. Мало-помалу теплело; снега начали таять. Клоубонни успел составить довольно полную коллекцию полярных птиц: чаек, альбатросов, нырков, гаг, похожих на домашних уток; у них была белая грудь и спинка, сизое брюшко и сизая же головка, остальное оперение белоснежное с зелеными пятнами. У многих на животе уже был выщипан тот красивый пух, которым самка и самец выстилают свое гнездо. Доктор заметил также больших тюленей, выходивших на лед подышать воздухом, но ему не удалось застрелить ни одного из них.

Во время своих экскурсий Клоубонни нашел камень, на котором было вырезано:

[E I]

1 8 4 9

Знаки эти свидетельствовали о проходе здесь кораблей «Энтерпрайз» и «Инвестигейтор». Доктор дошел даже до мыса Кларенса, до того самого места, где Джон и Джемс Росс в 1833 году с таким нетерпением ожидали передвижения льдов. Земля была усеяна костями и черепами животных; можно было различить следы жилищ эскимосов.

Доктор хотел было поставить в порту Леопольда небольшой тур и спрятать под ним документ, где бы сообщалось о проходе «Форварда» и о цели экспедиции. Но Гаттерас решительно этому воспротивился, не желая оставлять за собой следов, которыми мог бы воспользоваться какой-нибудь его соперник. Несмотря на всю основательность своих доводов, доктор выну-

жден был уступить капитану. Шандон также порицал упрямство Гаттераса, потому что в случае катастрофы ни один корабль не мог бы прийти на помощь «Форварду».

Итак, Гаттерас не согласился с доводами доктора. Закончив погрузку запасов в понедельник вечером, он решил снова попытаться подняться к северу и проложить путь сквозь ледяной затор, но после нескольких рискованных попыток был вынужден войти в пролив Регента. Капитан ни за что не хотел оставаться в порту Леопольда, который хотя в данный момент и был свободен от льдов, но завтра же мог закрыться вследствие неожиданного передвижения ледяных полей, как это нередко случается в полярных морях и чего особенно должны остерегаться мореплаватели.

Гаттерас никому не высказывал своих опасений, хотя они терзали его сердце. Он хотел продвинуться на север, а между тем должен был отступить к югу. Куда же он придет? Неужели он вернется назад, в порт Виктории, в заливе Бутия, где сэр Джон Росс зимовал в 1833 году? Но будет ли пролив Белло свободен ото льдов в это время года, и можно ли будет, обогнув остров Сомерсет, подняться на север проливом Пила? А что, если его на несколько лет затрет льдами, подобно его предшественникам, и он истратит понапрасну и свои силы и запасы продовольствия?

Тревожные мысли роились у него в голове. Однако необходимо было принять какое-то решение, и, переменяв направление, Гаттерас повернул на юг.

Пролив Принца Регента почти на всем протяжении от порта Леопольда до залива Аделаиды сохраняет одинаковую ширину. «Форвард» быстро продвигался среди льдов, более счастливый, чем его предшественники, большинство которых, за исключением брига «Фокс», потратили месяц с лишним, чтобы спуститься по проливу, даже в более благоприятное время года. Не имея в своем распоряжении пара, эти корабли подчинялись прихоти непостоянного и нередко противного ветра.

Большинство матросов радовались повороту на юг; им было не по душе намерение капитана добраться до

полюса, их пугали честолюбивые замыслы Гаттераса, всем известная отвага которого не обещала ничего хорошего. Капитан пользовался малейшим случаем, чтобы продвинуться вперед, чего бы это ему ни стоило. Идти вперед в полярных морях — дело хорошее, но при этом необходимо удерживать завоеванные позиции, а между тем их так легко потерять.

«Форвард» шел на всех парах: черный дым, клубившийся из его трубы, спиралями обвивался вокруг сверкающих вершин айсбергов, погода была непостоянная: резкая стужа то и дело сменялась морозной мглой. Благодаря своей незначительной осадке бриг мог идти у самого берега; Гаттерас не хотел пропустить входа в пролив Белло, потому что из залива Бутия ведет на юг только один проход, недостаточно исследованный судами «Фьюри» и «Гекла». Из этого залива невозможно было бы выбраться, если бы пролив Белло остался незамеченным или оказался закрытым льдами.

Вечером «Форвард» находился в виду залива Эльвина, который был опознан по высоким отвесным утесам, во вторник утром показался залив Бутия, где «Принц Альберт» 10 сентября 1851 года встал на якорь на продолжительную зимовку. Доктор с напряженным вниманием наблюдал берега в подзорную трубу. Отсюда отправлялись в различные стороны все экспедиции, определившие географические очертания острова Сомерсета. Погода стояла ясная, так что можно было разглядеть глубокие лощины, которые со всех сторон врезались в залив.

Повидимому, только доктор и Джонсон интересовались этими пустынными странами. Гаттерас, вечно сидевший над картой, говорил мало и становился все молчаливее по мере того, как бриг подвигался к югу. Часто он поднимался на ют и, скрестив на груди руки, устремив взгляд в пространство, часами наблюдал горизонт. Если он отдавал приказания, то они были кратки и резки. Шандон сохранял ледяное молчание и, мало-помалу замыкаясь в себе, обращался к Гаттерасу только по делу. Джемс Уолл, всецело преданный Шандону, подражал ему в своем поведении.

Остальные выжидали дальнейших событий, готовые использовать их в своих интересах. На бриге не существовало уже ни единства мыслей, ни общности идей, столь необходимых для свершения великих дел, и Гаттерасу это было хорошо известно.

Днем заметили двух китов, быстро плывших к югу, а также белого медведя, по которому сделали несколько выстрелов, но, видимо, промахнулись. Капитан при создавшихся обстоятельствах дорожил каждым часом, а потому не позволил преследовать зверя.

В среду утром бриг прошел пролив Принца Регента; за крутым выступом линия западного берега образовывала излом. Взглянув на карту, доктор узнал мыс Сомерсет-Хауз, или Фьюри.

— Вот место, — сказал он своему приятелю, — где погибло первое английское судно, отправившееся в полярные моря в тысяча восемьсот пятнадцатом году, во время третьей экспедиции Парри к полюсу. «Фьюри» так пострадал от льдов во время второй зимовки, что экипаж был вынужден бросить судно и возвратился в Англию на сопровождавшем его бриге «Гекла».

— Из этого видно, как полезно иметь при себе судно-конвоира, — заметил Джонсон. — Об этом следует подумать всякому, кто отправляется в полярные моря. Но капитан Гаттерас предпочитает обходиться без спутника.

— Вы считаете, что он поступает неблагоприятно? — спросил доктор.

— Ничего я не считаю, доктор. Пойдите! Видите вы вот там на берегу шесты, на которых болтаются обрывки полусгнившей палатки?

— Да, Джонсон, там Парри выгрузил все свои запасы, и если память мне не изменяет, то крыша построенного им домика состояла из марселя, покрытого снастями судна «Фьюри».

— С тысяча восемьсот двадцать пятого года там, вероятно, все сильно изменилось.

— Не слишком, Джонсон. В тысяча восемьсот двадцать девятом году этот жалкий домишко спас жизнь экипажу Джона Росса. В тысяча восемьсот пятьдесят

первом году, когда принц Альберт послал сюда экспедицию, домик еще существовал; девять лет тому назад его починил капитан Кеннеди. Интересно было бы побывать в нем, но Гаттерас не намерен здесь останавливаться.

— Без сомнения, у него на это есть свои основания, доктор. В Англии время — деньги, но здесь время — жизнь. Один день, один час проволочки могут погубить все предприятие. Пускай капитан поступает, как находит нужным.

В четверг 1 июня «Форвард» пересек по диагонали залив Кресуэлла. От мыса Фьюри берег тянулся к северу отвесной стеной скал в триста футов вышиной; но к югу он несколько понижался. Иные вершины имели форму усеченного конуса, другие были самых причудливых очертаний; их острые пики вонзались в небо, прорезая туман.

Несколько потеплело и стало пасмурно. Материк скрылся из виду, термометр поднялся до $+32^{\circ}$ (0° Ц); то там, то сям над водой мелькали рябчики; стаи диких гусей тянулись к северу. Матросам пришлось снять часть своей теплой одежды: влияние лета чувствовалось и в этих арктических странах.

К вечеру «Форвард» обогнул мыс Гарри, идя в четверти мили от берега, где была глубина от десяти до двенадцати морских сажений; далее он шел вдоль берегов материка до залива Брентфорда. Под этой широтой находится пролив Белло, пролив, о существовании которого Джон Росс даже не подозревал во время своей первой экспедиции. На составленной им карте показана здесь непрерывная линия берегов, малейшие изгибы которых Росс тщательно отмечал на карте. Можно предположить, что, когда он производил исследования, вход в этот пролив, совершенно закрытый льдами, нельзя было отличить от берега.

Пролив Белло был открыт капитаном Кеннеди во время экспедиции, предпринятой им в апреле 1852 года, и назван так по имени лейтенанта Белло «в память, — как говорит Кеннеди, — важных услуг, оказанных нашей экспедиции французским офицером».

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Магнитный полюс

По мере того как бриг приближался к проливу, тревога Гаттераса все усиливалась. Да и было отчего тревожиться: решалась судьба всей экспедиции. До сих пор Гаттерас был удачливее своих предшественников, из которых самый счастливый, Мак-Клинтон, лишь через год и три месяца достиг этой области полярных морей. Но этого было мало, и он потерпел бы полную неудачу, если бы ему не удалось вскоре достигнуть пролива Белло. Вернуться назад он не мог — его со всех сторон окружали льды, из которых едва ли можно будет выбраться до весны следующего года.

Поэтому он лично хотел оглядеть берега и, поднявшись на мачту, в «воронье гнездо», несколько часов пробыл там, осматривая окрестности.

Экипаж хорошо понимал всю затруднительность положения, в котором находился корабль; глубокое молчание царило на судне; машина замедлила ход; «Форвард» держался как можно ближе к острову, берега которого были усеяны льдами, не таявшими даже во время самого теплого лета. Чтобы различить между ними проход, нужен был очень опытный глаз.

Гаттерас по карте следил за очертаниями материка. В полдень на несколько мгновений проглянуло солнце, и Гаттерас поручил Уоллу и Шандону произвести точное определение места, результаты которого передавались капитану на мачту.

Прошло полдня в томительном ожидании. Вдруг около двух часов с фок-мачты раздалась громкая команда:

— Держи на запад! Полный ход вперед!

Бриг повиновался мгновенно, повернув в указанном направлении; море запенилось под лопастями винта, и «Форвард» полным ходом понесся между двумя ледяными полями.

Дорога была найдена. Гаттерас спустился с мачты на ют, а лоцман вернулся на свой пост.

— Итак, капитан, — сказал доктор, — мы, наконец, вошли в знаменитый пролив?

— Да, — глухим голосом ответил Гаттерас, — но этого мало: надо еще выйти из него.

С этими словами Гаттерас направился к себе в каюту.

«Он прав, — сказал себе доктор. — Мы оказались в мышеловке. Места для маневрирования судна здесь очень немного. Что, если придется провести зиму в этом проливе?.. Ну, что ж, не мы первые, не мы и последние. Ведь выпутывались же другие из беды, выпутаемся и мы».

Доктор не ошибся. Как раз в этом месте, в маленькой закрытой бухте, названной Мак-Клинтоком бухтою Кеннеди, бриг «Фокс» зимовал в 1858 году. В эту минуту можно было различить высокую гряду гранитных гор и отвесные скалы, окаймлявшие бухту.

Пролив Белло, шириной в одну, а длиной в семнадцать миль, ограниченный с боков горами высотой в тысячу семьсот футов, отделяет остров Сомерсет от Бутии. Разумеется, кораблям в нем нет простора. Быстрота течения здесь от шести до семи миль в час. «Форвард» шел медленно и осторожно, но все же продвигался вперед. Бури нередки в этом тесном проходе, и бриг не избежал их ярости. По приказанию Гаттераса брам-реи, марса-реи и брам-стенги были спущены; несмотря на это, бриг сильно качало; порывами налетали шквалы и ливни; дым с поразительной быстротой относил на восток. Бриг шел почти вслепую среди движущихся льдов; барометр падал. Трудно было стоять на палубе, и большая часть экипажа оставалась в кубрике, укрываясь от непогоды.

Несмотря на снег и дождь, Гаттерас, Джонсон и Шандон стояли на юте. Добавим, что доктор, спросив себя, что в данный момент было бы ему неприятнее всего, тут же поднялся на палубу. Невозможно было ни слышать, ни видеть друг друга. Поэтому свои размышления доктор хранил про себя.

Гаттерас старался проникнуть взглядом сквозь завесу тумана, так как, по его расчетам, к шести часам вечера бриг должен был находиться в конце пролива. Но выход из пролива, казалось, был закрыт. Гаттерас

был вынужден остановиться и занести якоря на айсберг. Всю ночь бриг стоял под парами.

Погода была ужасная. Каждую минуту «Форвард» мог порвать свои цепи; можно было ожидать, что ледяная гора, сдвинутая со своего основания яростным западным ветром, тронется и увлечет за собой бриг. Вахтенные были все время настороже, и приходилось опасаться самого худшего. Разыгралась пурга, градом сыпались ледяные осколки, подхваченные ураганом с поверхности оттаявших льдов.

Температура значительно повысилась за эту ужасную ночь; термометр показывал $+57^{\circ}$ ($+14^{\circ}$ Ц). К своему великому изумлению, доктор заметил на юге вспышки молний, за которыми следовали отдаленные раскаты грома. Это, казалось, подтверждало свидетельство китобоя Скорсби, наблюдавшего подобное же явление за шестьдесят пятой параллелью. Капитан Парри тоже видел этот странный метеорологический феномен в 1821 году.

К пяти часам утра погода переменилась с поразительной быстротой; температура упала до точки замерзания, ветер повернул к северу и улегся. Можно было уже ясно различить на западе выход из пролива, но, увы, совершенно закрытый льдами. Гаттерас пылливо вглядывался в берега, спрашивая себя: можно ли выбраться из пролива?

Между тем бриг снялся с якоря и стал медленно продвигаться среди движущегося льда; льдины с треском дробились о корпус судна. В это время года они были еще от шести до семи футов толщиной, и надо было избегать их давления: если бы бриг даже выдержал его, он все-таки рисковал быть подброшенным и опрокинутым.

В полдень впервые можно было наблюдать великолепное оптическое явление — круги на небе и два ложных солнца. Доктор произвел наблюдения и определил размеры кругов. Отрезки верхней дуги были видимы всего на тридцать градусов от горизонтального диаметра. Два солнца различались очень ясно; цвета в световых кругах располагались от центра к перифе-

рии в следующем порядке: красный, желтый, зеленый, бледноголубой и, наконец, белый, постепенно сливавшийся с фоном неба.

Доктор вспомнил остроумную теорию Томаса Юнга. Этот физик предполагал, что в атмосфере существует облачный покров, состоящий из мельчайших ледяных призм; солнечные лучи, падая на эти призмы, преломляются в них, отклоняясь на шестьдесят — девяносто градусов. Следовательно, солнечные кольца не могут образоваться при ясном небе. Объяснение это доктор находил весьма остроумным.

Моряки, знакомые с полярными странами, обыкновенно считают этот феномен предвестником обильного снегопада. Если бы эта примета сбылась, «Форвард» очутился бы в крайне трудном положении. Поэтому Гаттерас решил идти вперед. Весь день и всю следующую ночь он ни минуты не отдыхал, беспрестанно наблюдая горизонт, поднимаясь на ванты и пользуясь всяким случаем, чтобы приблизиться к выходу из пролива.

Но утром он должен был остановиться перед непреодолимым затором льдов. Доктор поднялся к капитану на ют. Гаттерас отвел его на корму, где они могли беседовать, не опасаясь быть услышанными.

— Мы попали в ловушку, — сказал Гаттерас. — Дальше идти невозможно.

— Невозможно? — переспросил доктор.

— Да, невозможно! Даже если мы пустим в ход весь запас пороха, находящегося на бриге, мы не продвинемся вперед и на четверть мили.

— Что же нам делать?

— Не знаю. Пусть будет проклят этот пагубный год, начавшийся при таких неблагоприятных обстоятельствах!

— Ну, что ж, капитан, если уж необходимо зимовать, так зазимуем... Здесь или в другом месте — не все ли равно?

— Разумеется, — ответил Гаттерас, понижая голос. — Но я не хотел бы начинать зимовку с июня месяца. Зимовка сопряжена с физическими и мораль-

ными трудностями. Экипаж падает духом от долгого бездействия и тяжелых лишений. Поэтому я рассчитывал остановиться где-нибудь поближе к полюсу.

— Да, но волею судьбы Баффинов залив закрыт...

— Но почему же он был открыт для другого, — гневно воскликнул Гаттерас, — для этого американца, для этого...

— Слушайте, Гаттерас, — перебил капитана доктор, — сегодня только пятое июня. Не будем отчаиваться. Проход может неожиданно открыться перед нами. Вам известно, что льды легко разламываются на куски даже в тихую погоду, как будто входящие в их состав разнородные массы обладают какой-то особенной взрывчатой силой. Поэтому мы всегда можем надеяться найти свободное от льдов море.

— Пусть только оно освободится, и мы его пройдем! Весьма вероятно, что за проливом Белло нам представится возможность подняться к северу проливом Пила или проходом Мак-Клинтока, и тогда...

— Капитан, — сказал подошедший в эту минуту Джеймс Уолл, — мы рискуем лишиться руля от столкновений со льдинами.

— Что ж, рискнем рулем, — ответил Гаттерас, — но снять его я не разрешу! Каждую минуту, ночью и днем, мы должны быть в полной готовности. Постарайтесь, Уолл, сохранить руль — пускай отталкивают льдины. Но руль должен остаться на своем месте. Слышите?

— Однако... — начал было Уолл.

— Я не нуждаюсь в ваших замечаниях, — строго сказал Гаттерас. — Можете идти!

Уолл вернулся на свой пост.

— О! — в сердцах воскликнул Гаттерас. — Я отдал бы пять лет жизни, лишь бы только продвинуться подалее к северу! Более опасного прохода я не знаю. В довершение всех бед сейчас мы так близко от магнитного полюса, что компас бездействует, стрелка или совсем не движется, или мечется как безумная, то и дело меняя направление!

— Вы правы, капитан, плавание опасное, — сказал доктор. — Но люди, которые на него отважились,

знали наперед, какие трудности их ожидают, и потому их ничто не должно смущать!

— Ах, доктор, настроение экипажа за это время вновь изменилось; вы же видите, что помощники уже начинают мне возражать. Поступили они на бриг только потому, что им были предложены очень выгодные условия. Но это имеет свою дурную сторону, так как они стремятся поскорей вернуться на родину. Мое предприятие, доктор, не встречает сочувствия, и если я потерплю неудачу, то не по вине матросов, с которыми всегда можно совладать, а по недостатку доброй воли у помощников... Но они дорого за это заплатят!

— Вы преувеличиваете, Гаттерас.

— Ничуть не преувеличиваю! Может быть, вы думаете, что экипаж недоволен препятствиями, которые я встречаю на своем пути? Напротив! Они надеются, что это заставит меня отказаться от моих намерений. Они не ропщут и не будут роптать до тех пор, пока «Форвард» движется на юг. Безумцы! Они воображают, будто приближаются к Англии! Но если только мне удастся подняться к северу, вы увидите, что настроение их переменится. Но клянусь вам, что никто в мире не заставит меня отступить от раз принятого решения! Дайте мне малейший проход, щель, в которую мог бы протиснуться бриг, и хотя бы при этом он потерял часть своей медной обшивки, — я все преодолею!

Желание капитана до некоторой степени исполнилось. Согласно предсказаниям доктора, вечером наступила внезапная перемена; под влиянием ветра, течений и температуры ледяные поля разошлись, и «Форвард» смело помчался вперед, рассекая своим стальным форштевнем плавающие льдины. Шел он всю ночь и во вторник к шести часам утра выбрался из пролива Белло.

Но каково же было бешенство Гаттераса, когда он увидел, что дорога на север преграждена! Однако у него хватило силы воли, чтобы сдержать овладевшее им отчаяние, и, делая вид, что предпочитает единственный открывшийся путь остальным путям, он

вошел в пролив Франклина. Подняться проливом Пила было невозможно, и Гаттерас решил обогнуть остров Принца Уэльского и затем войти в пролив Мак-Клинтока. Но он прекрасно знал, что Шандона и Уолла не обманешь, ибо они понимали создавшееся положение вещей.

6 июня не произошло ничего особенного; небо заволакивали снеговые тучи, и казалось, предвещения солнечных колец начинали сбываться.

В течение тридцати шести часов «Форвард» шел вдоль извилистых берегов Бутии, но ему так и не удалось приблизиться к острову Принца Уэльского. Гаттерас усиливал пары и беспощадно жег уголь, надеясь пополнить запасы топлива на острове Бичи. В четверг дошли до конца пролива Франклина и опять увидели, что дорога на север преграждена.

Отчаяние овладело капитаном. Он не мог вернуться назад, льды заставляли его идти вперед, а между тем дорога за ним беспрестанно закрывалась, точно свободного моря никогда не существовало там, где час назад прошел бриг.

Таким образом, «Форварду» не только не удавалось подняться к северу, но он не мог остановиться ни на минуту из опасения быть затертым льдами. Он бежал перед льдами, как корабль бежит перед бурей.

В пятницу 8 июня бриг находился близ берегов Бутии, у входа в пролив Джемса Росса, которого во что бы то ни стало следовало избегать, так как он ведет прямо к американскому матерiku.

Произведенное в полдень наблюдение показало $70^{\circ}5'17''$ широты и $96^{\circ}46'45''$ долготы. Узнав эти данные, доктор нанес их на карту и убедился, что бриг достиг магнитного полюса, того места, где, по определению Джемса Росса, племянника сэра Джона, находится эта замечательная точка земного шара.

Берега были плоские, и только в расстоянии мили от моря почва приподнималась футов на шестьдесят.

Так как котел «Форварда» нуждался в промывке, то капитан велел забросить якорь на ледяное поле и позволил доктору отправиться на берег в сопровожде-

нии боцмана. А сам Гаттерас, равнодушный ко всему, что не имело непосредственного отношения к его намерениям, заперся у себя в каюте и молча пожирал глазами карту полярных стран.

Доктор и его спутник легко добрались до берега. Клоубонни захватил компас, собираясь производить опыты и проверить изыскания Джемса Росса. Он без труда нашел сложенный из обломков известняка тур. Подбежав к туру, он увидел сквозь отверстие оловянный ящик, заключающий в себе протокол сделанного Джемсом Россом открытия. Казалось, за истекшие тридцать лет ни одно живое существо не побывало на этих безотрадных берегах.

В этом месте магнитная стрелка, надлежащим образом подвешенная, тотчас же под действием земного магнетизма приняла почти вертикальное положение. Следовательно, источник притяжения находился на очень близком расстоянии, а может быть, и непосредственно под стрелкой.

Доктор тщательно произвел опыт.

Если Джемс Росс вследствие несовершенства своих инструментов определил наклон стрелки в $89^{\circ}59'$, то это лишь потому, что истинный магнитный полюс находился на расстоянии одной дуговой минуты от этого места. Доктор был счастливее Росса и к своему крайнему удовлетворению, нашел неподалеку место, на котором стрелка наклонилась ровно на 90° .

— Итак, именно в этом месте находится магнитный полюс Земли! — воскликнул он, топая ногой о землю.

— Именно здесь? — переспросил Джонсон.

— Да, здесь, друг мой!

— В таком случае, — продолжал Джонсон, — надо отбросить предположение о существовании магнитной горы или магнитных масс.

— Все это, дорогой Джонсон, — улыбаясь, ответил доктор, — выдумки невежественных людей. Как видите, тут нет никакой горы, притягивающей к себе корабли, вырывающей у них все железные части, якорь за якорем, гвоздь за гвоздем и так далее. Вашим баш-

макам угрожает не бóльшая опасность, чем в любом другом пункте земного шара.

— Но как же тогда объяснить тот факт, что...

— Его и не пытаются объяснить, для этого мы еще недостаточно осведомлены. Но что здесь, именно в этом месте, находится магнитный полюс — это факт несомненный, неопровержимый, установленный с математической точностью!

— Ах, мистер Клоубонни! Как счастлив был бы капитан, если бы мог сказать то же самое о Северном полюсе!

— И он скажет это со временем, Джонсон, он скажет это.

— Дай-то бог! — ответил Джонсон.

Доктор и его спутник поставили тур на том месте, где был точно определен магнитный полюс. Но с брига подали сигнал о возвращении, и к пяти часам вечера они были уже на «Форварде».

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Гибель экспедиции Джона Франклина

«Форвард» пересек по прямой линии пролив Джона Росса, это ему удалось не без труда, — пришлось пустить в ход пилы и подрывные заряды. Экипаж выбивался из сил. К счастью, температура была сносная, на тридцать градусов выше той, какую застал здесь Джемс Росс в это же время года. Термометр показывал 34° ($+2^{\circ}$ Ц).

В субботу бриг обогнул мыс Феликса на северной оконечности Земли Короля Вильяма, небольшого островка среди полярных морей.

Экипаж находился под тяжелым впечатлением; с любопытством и не без грусти смотрел он на остров, берега которого огибал «Форвард».

И в самом деле, бриг проходил мимо Земли Короля Вильяма, где разыгралась ужаснейшая драма новейших времен: где-то там в нескольких милях к западу погибли «Эребус» и «Террор».

Матросы «Форварда» знали о поисках адмирала Франклина и об их результатах, но подробности катастрофы не были известны экипажу. Клоубонни следил по карте за путем брига, когда к нему подошли Бэлл, Болтон и Симпсон и начали его расспрашивать. Вскоре к ним присоединились остальные товарищи, подстрекаемые любопытством. Между тем бриг неся с огромной быстротой, и берег с его мысами и заливами, точно гигантская панорама, развертывался перед ними.

Гаттерас быстрыми шагами расхаживал по юту. Усевшись на палубе, доктор вскоре был окружен толпой матросов. Понимая их интерес и значение рассказа при создавшихся обстоятельствах, доктор продолжал беседу, которую вел с Джонсоном.

— Вам известно, друзья мои, как Франклин начал свое поприще: подобно Куку и Нельсону, он поступил во флот юнгой. Проведя молодость в больших морских экспедициях, он решил в тысяча восемьсот сорок пятом году отправиться на север для открытия Северо-Западного прохода. Под его начальством были испытанные корабли «Эребус» и «Террор», ими командовал в тысяча восемьсот сороковом году Джеймс Росс во время своей экспедиции к Южному полюсу. «Эребус», на борту которого находился сам Франклин, имел семьдесят человек экипажа и состоял под командой капитана Фитц-Джемса, при лейтенантах Горе и Левесконтте, боцманах Деве, Сардженте, Кауче и враче Стэнлее. На «Терроре» находилось шестьдесят восемь человек экипажа, под начальством капитана Крозье, при лейтенантах Литль Ходжсоне и Ирвинге, боцманах Горсби и Томасе и враче Педди. Имена большей части этих несчастных, из которых ни один не увидел своей родины, запечатлены в названиях заливов, мысов, проливов, каналов и островов полярных стран. Всего — сто тридцать восемь человек. Нам известно, что последние письма, отправленные Франклином с острова Диско, были помечены двенадцатым июля тысяча восемьсот сорок пятого года. «Надеюсь, — писал он, — сегодня ночью отплыть к проливу Ланкастера». Но что же произошло со времени его выхода из залива Диско? Капитаны китобойных судов «Принц Уэльский»

и «Энтерпрайз» видели в последний раз корабли Франклина в заливе Мелвилла, и с той поры о них уже не было ни слуху ни духу. Однако мы можем проследить путь Франклина на запад. Войдя в проливы Ланкастера и Барру, он прибыл к острову Бичи, где и провел зиму тысяча восемьсот сорок пятого — сорок шестого года.

— Но как узнали все эти подробности? — спросил плотник Бэлл.

— Подробности эти поведали нам, во-первых, три могилы, обнаруженные экспедицией Остина в тысяча восемьсот пятидесятом году и заключающие в себе останки трех матросов Франклина, а затем документ, найденный лейтенантом Гобсоном с брига «Фокс» и помеченный двадцать седьмым апреля тысяча восемьсот сорок восьмого года. Итак, нам известно, что после зимовки «Эребус» и «Террор» поднялись проливом Веллингтона до шестидесяти седьмой параллели, но вместо того чтобы продолжать путь на север, правда, путь совершенно непосильный, они направились к югу...

— И это погубило их! — раздался суровый голос. — Спасение было на севере!

Все оглянулись. Перед ними, опершись на поручни юта, стоял Гаттерас. Это он бросил экипажу эти грозные слова.

— Без сомнения, — продолжал доктор, — Франклин хотел добраться до берегов Америки. На этом гибельном пути его захватила буря, а двенадцатого сентября тысяча восемьсот сорок шестого года его корабли были затерты льдами, в нескольких милях отсюда, к северо-западу от мыса Феликса, и затем отброшены на северо-запад от мыса Виктории, вот туда, — добавил доктор, указывая на море. — Экипаж оставил свои суда только двадцать второго апреля тысяча восемьсот сорок восьмого года. Что же происходило в течение этих девятнадцати месяцев? Что делали эти несчастные? Без сомнения, они бродили по окрестностям и делали все возможное для своего спасения, потому что адмирал был человек энергичный, и если это ему не удалось...

— ...то, быть может, потому, что экипаж ему изменил, — мрачно сказал Гаттерас.

Матросы не смели взглянуть на капитана: слова его тяжелым бременем ложились на их совесть.

— Итак, роковой документ сообщает нам, что одиннадцатого июня тысяча восемьсот сорок седьмого года сэр Джон Франклин скончался, не выдержав этих испытаний. Честь ему и слава! — сказал доктор, снимая шапку.

Матросы молча последовали его примеру.

— Что делали эти несчастные в течение шести месяцев после того, как лишились своего начальника? Они оставались на своих кораблях и покинули их только в апреле тысяча восемьсот сорок восьмого года. Из ста тридцати восьми матросов в живых еще оставалось сто пять человек. Тридцать три умерло! Тогда капитаны Крозье и Фитц-Джемс сложили тур на косе Виктории и оставили в нем последнее о себе сообщение. Посмотрите: мы проходим мимо этой косы. Можно еще разглядеть остатки тура, поставленного, можно сказать, на крайнем пункте, до которого дошел Джон Росс в тысяча восемьсот тридцать первом году. Вот мыс Джейн Франклина! Вот мыс Франклина! Вот мыс Левесконта! Вот залив Эребус, где найдена шлюпка, сделанная из остатков одного корабля и поставленная на полозья! Там же найдены серебряные ложки, большое количество съестных припасов, шоколада, чая и священные книги. Сто пять человек, оставшихся в живых под начальством капитана Крозье, отправились к Большой Рыбной Реке. До какого места они дошли? Удалось ли им добраться до Гудзонова залива? Что случилось с ними? Выжил ли хоть один из них?

— Я могу рассказать вам, что с ними случилось, — громким голосом сказал Джон Гаттерас. — Да, они пытались добраться до Гудзонова залива, разделились на несколько партий и пошли на юг. В одном из своих писем доктор Рэ говорит, что в тысяча восемьсот пятидесятом году эскимосы встретили на Земле Короля Вильяма сорок человек, которые охотились на тюленей, шли по льду и тащили за собой лодку. Худые,

бледные, они изнемогали от трудов и болезней. Впоследствии эскимосы нашли на материке тридцать трупов и пять трупов на соседнем острове; одни были кое-как погребены, другие оставлены без погребения, иные лежали под опрокинутой лоджой, другие — под обрывками палатки; сжимая подзорную трубу и заряженное ружье, лежал офицер; поодаль валялись котлы с остатками омерзительной пищи. Когда были получены эти сведения, адмиралтейство обратилось с просьбой к компании Гудзонова залива — отправить лучших агентов на место катастрофы. Те спустились по реке Бак до самого ее устья. Исследовали острова Монреаль, Маконохию и мыс Огль. Но без всяких результатов. Все эти несчастные погибли от лишений, болезней и голода; чтобы продлить свое жалкое существование, они прибегали даже к людоедству! Вот что случилось с ними на пути к югу — на пути, усеянном их обезображенными трупами! Ну, что ж? После этого захотите ли вы отправиться по их следам?

Могучий голос, энергичные жесты, пылающее от возбуждения лицо Гаттераса произвели на слушателей неотразимое впечатление. Матросы, до крайности взволнованные видом этих роковых мест, в один голос закричали:

— На север, на север!

— Да, на север! Там спасение и слава! На север! Само небо за нас! Ветер переменялся! Проход свободен! Вперед!

Матросы бросились по своим местам. Мало-помалу ледяные поля стали расходиться, «Форвард» быстро переменял направление и на всех парах двинулся к проливу Мак-Клинтока.

Гаттерас не ошибся, рассчитывая встретить более свободное ото льдов море. Он шел по предполагаемому пути Франклина, вдоль восточных берегов острова Принца Уэльского, достаточно уже известных; но противоположные берега этой земли еще не были исследованы. Очевидно, передвижение льдов на юг происходило по восточному проходу, потому что пролив, казалось, совершенно очистился. Итак, «Форвард» спешил наверстать потерянное время, и, усилив ход,

14 июня он миновал залив Осборна и крайние пункты, до которых доходили экспедиции 1851 года. В проливе было еще много льдин, но уже можно было не бояться, что под килем не хватит воды.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Путь на север

Экипаж, казалось, вошел в обычную колею дисциплины и повиновения. Работы было немного, она была неустойчива, и у матросов оставалось достаточно свободного времени. Температура держалась выше нуля, а оттепели должны были устранить главные трудности плавания.

Дэк, который стал очень ласковым и общительным, подружился с доктором, и они зажили душа в душу. Но во всякой дружбе один из друзей жертвует собой для другого, и таким именно другом оказался доктор. Дэк делал с ним все, что хотел. Доктор повиновался собаке, как собака повинуется своему хозяину. Дэк был, видимо, расположен к большинству матросов и помощников, но он инстинктивно избегал Шандона и недолюбливал — да как еще! — Пэна и Фокера; при их приближении он обнаруживал свою ненависть глухим рычаньем. Но Фокер и Пэн не осмеливались затрагивать собаку — «доброе гения Гаттераса», как выражался Клифтон.

Словом, экипаж приободрился и вел себя сносно.

— Мне кажется, — сказал однажды Джемс Уолл Ричарду Шандону, — наши матросы принимают всерьез рассказы капитана и верят в успех.

— Они жестоко ошибаются, — заявил Шандон. — Если бы они пораскинули мозгами и трезво взглянули на вещи, то увидали бы, что мы делаем один безумный шаг за другим.

— Однако перед нами почти свободное море, мы идем по уже исследованному пути... Мне думается, вы преувеличиваете, Шандон.

— Ничуть не преувеличиваю, Уолл. Вы скажете, что я испытываю к Гаттерасу ненависть и зависть, — пусть так, но эти чувства не ослепляют меня. Скажите, вы не заглядывали в угольную яму?

— Нет, — ответил Уолл.

— Ну, так загляните. Вы увидите, с какой быстротой тают запасы топлива. По-настоящему следовало бы идти только под парусами, а к помощи винта прибегать лишь в крайних случаях, когда приходится двигаться против течения или против ветра. Топливо надо очень экономить; ведь, может быть, нам придется пробыть в этих краях несколько лет. Но Гаттерас в безумном ослеплении рвется вперед, он хочет во что бы то ни стало добраться до этого недоступного полюса, и ему нет дела до таких мелочей. Будь попутный или противный ветер, «Форвард» все равно идет на всех парах. Если будет так продолжаться, мы окажемся в скверном положении, а то и вовсе погибнем.

— Неужели это правда, Шандон? Неужели наше дело уж так плохо?

— Да, Уолл, очень плохо. Я имею в виду не только машину, которая из-за отсутствия топлива ничуть нам не поможет в критический момент, но главное — зимовку, которая рано или поздно неизбежна. Надо же принимать меры против стужи в странах, где зачастую ртуть замерзает в термометре.

— Но если я не ошибаюсь, Шандон, капитан надеется пополнить запас на острове Бичи. Ведь там должен находиться в большом количестве уголь.

— А разве в этих морях всегда приходишь туда, куда хочешь, Уолл? Разве можно быть уверенным, что тот или другой пролив будет свободен ото льдов? А если мы не доберемся до острова Бичи, если нельзя будет подойти к нему, — что тогда?

— Вы правы, Шандон. В самом деле, Гаттерас поступает безрассудно. Но почему вы не скажете ему обо всем этом?

— Нет, Уолл, — отвечал Шандон с плохо скрываемым раздражением. — Я решил молчать; за бриг я не отвечаю. Я буду выжидать дальнейших событий; мне

приказывают, я повинуюсь, а высказывать свое мнение я не обязан.

— Позвольте вам сказать, Шандон, что вы не правы. Дело идет о наших общих интересах, и неосторожность капитана может всем нам дорого обойтись.

— А разве он станет меня слушать, Уолл?

Уолл был вынужден с этим согласиться.

— Но может быть, — продолжал он, — капитан будет считаться с возражениями экипажа?

— Экипажа! — воскликнул Шандон, пожимая плечами. — Да разве вы не видите, дорогой Уолл, что экипаж сейчас вовсе не думает о своей безопасности? Матросы знают, что они продвигаются к семьдесят второй параллели и что за всякий градус, пройденный за этой широтой, они получают по тысяче фунтов.

— Вы правы, Шандон, — согласился Уолл, — капитан нашел самый верный способ держать в повиновении матросов.

— Конечно, — ответил Шандон, — но только до поры до времени.

— Что вы хотите сказать?

— А то, что все будет идти хорошо, пока работа легкая, сравнительно безопасно и море свободно сто льдов. Гаттерас хочет купить матросов, но не прочно то, что построено на одних деньгах. Посмотрим, будут ли они заботиться о получении премии в критических обстоятельствах, когда на нас обрушатся опасности, лишения, болезни, холода и всякие ужасы, которым мы идем навстречу.

— Так вы думаете, что Гаттерас не добьется успеха?

— Нет, Уолл, ничего он не добьется. Если затеваешь такое ответственное предприятие, то необходимо, чтобы все начальники были в дружбе и согласии. А ведь у нас этого и в помине нет. Скажу прямо: Гаттерас сумасшедший. Это доказывает все его прошлое. Может быть, дело так повернется, что придется поручить командование бригам другому человеку, не такому взбалмошному, как наш капитан.

— Но все-таки, — сказал Уолл, недоверчиво покачивая головой, — на его стороне всегда будут...

— Прежде всего, — перебил его Шандон, — доктор Клоубонни, ученый, который только и думает, что о своей науке, затем Джонсон, старый служака, который не любит рассуждать; потом, пожалуй, еще Бэлл и Симпсон. Больше четырех не наберется. А ведь нас на бригае восемнадцать человек! Нет, Уолл, Гаттерас не заручился доверием экипажа, и сам это отлично знает. Он задобрил экипаж деньгами, ловко воспользовался постигшей Франклина катастрофой, чтобы подействовать на воображение матросов, но долго так не может продолжаться, и если ему не удастся высадиться на острове Бичи, то он погиб.

— Если бы только экипаж это подозревал...

— Очень прошу вас, — горячо сказал Шандон, — не передавать мои слова матросам! Они и сами до всего додумаются. Впрочем, в данный момент лучше всего держать курс на север. Но разве можно быть уверенным, что, направляясь к полюсу, Гаттерас на самом деле не пятится назад? Пролив Мак-Клинтока приведет нас к заливу Мелвилла, который соединяется несколькими проливами с Баффиновым заливом. Берегитесь, капитан Гаттерас! На север не так-то легко пробраться, — как бы вам не оказаться на востоке!

В беседе с Уоллом Шандон выдал свои замыслы, и Гаттерас не без оснований подозревал его в измене.

Впрочем, Шандон был прав, утверждая, что экипаж потому в таком хорошем настроении, что надеется в скором времени пройти семьдесят вторую параллель. Жажда наживы овладела матросами и воодушевляла даже самых робких. Клифтон составил подробный счет для каждого из своих товарищей.

Так как доктора премия не касалась, то на «Форварде» должны были получить ее шестнадцать человек. Размер премии был установлен в тысячу фунтов, что составляло шестьдесят два с половиной фунта на человека за каждый градус. Если бы судно достигло полюса, то восемнадцать градусов, которые оставались до него, дали бы сумму в тысячу сто двадцать пять фунтов на человека, то есть целое состояние. Эта фантазия обошлась бы капитану в восем-

надцать тысяч фунтов, но Гаттерас был достаточно богат, чтобы оплатить такого рода прогулку к полюсу.

Разумеется, эти расчеты чрезвычайно разожгли алчность экипажа, и многие матросы, которые две недели назад радовались, что бриг спускается к югу, в настоящее время страстно желали пройти вожделенную «золотоносную широту».

16 июня «Форвард» миновал мыс Аворт. Гора Роулинсона поднимала к небу свои белые зубцы; одетая снегом и застланная туманом, она казалась гораздо дальше, чем на самом деле, и принимала гигантские размеры. Температура держалась на несколько градусов выше нуля. Ручьи и водопады свергались со склонов горы, то и дело рушились снежные лавины с грохотом, похожим на залпы тяжелой артиллерии. Ледники тянулись длинными белыми полотнищами, ослепительно сверкавшими на солнце. Пробуждавшаяся к жизни полярная природа предстала во всей своей красе. Бриг шел вдоль самого берега; защищенные с севера скалы были покрыты чахлым вереском, розовые цветочки которого робко проглядывали из-под снега; кое-где виднелись красноватые пятна лишайника, и по земле стлались кусты карликовой ивы.

Наконец, 19 июня под знаменитым семьдесят вторым градусом широты обогнули мыс Минто, образующий одну из оконечностей залива Омманни. «Форвард» вошел в пролив Мелвилла, который Болтон окрестил «морем Денег». Веселый моряк изощрял свое остроумие, и добродушный доктор от души смеялся.

Несмотря на крепкий северо-восточный ветер, плавание «Форварда» протекало настолько успешно, что 23 июня он достиг 74° широты. Бриг находился теперь в проливе Мелвилла — одном из самых крупных полярных бассейнов. Этот пролив впервые пересек капитан Парри во время экспедиции 1819 года; пройдя его, экипаж заработал премию в пять тысяч фунтов, установленную английским правительством.

Клифтон с удовлетворением заметил, что после семьдесят второй параллели они прошли целых два

градуса: значит, ему причитается уже сто двадцать пять фунтов премии! Но ему возразили, что в полярных странах деньги не имеют значения и что матрос только тогда вправе считать себя богатым, когда он может пропить свой капитал. Еще рано радоваться и потирать руки, надо дожидаться минуты, когда можно будет свалиться под стол в какой-нибудь ливерпульской таверне.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Кит под ветром

Хотя пролив Мелвилла не был свободен ото льдов, плавание в нем не представляло трудностей. До самого горизонта тянулись огромные ледяные поля; то там, то сям появлялись айсберги, неподвижные, точно стоящие на якоре. «Форвард» на всех парах шел по широкому проходу, в которых было легко маневрировать. Ветер то и дело менял свое направление, быстро переходя с одного румба на другой.

Изменчивость ветра в арктических морях — весьма удивительное явление; нередко лишь несколько минут отделяют мертвый штиль от жестокой бури. Это привелось испытать Гаттерасу 23 июня на середине огромного пролива.

Самые устойчивые и холодные ветры обычно дуют от ледяных полей к свободному морю. В этот день потеплело на несколько градусов; ветер перешел к югу, яростные шквалы пронеслись над ледяными полями, из туч валил хлопьями снег.

Гаттерас велел немедленно же взять на гитовы паруса, которые до сих пор помогали винту. Матросы кинулись выполнять команду, но в этот миг фор-брамсель сорвало порывом ветра и унесло в море.

Гаттерас отдавал приказания с величайшим хладнокровием и не сходил с юта во время бури. Приходилось убегать от непогоды и направляться к западу. Ветер вздымал огромные волны, среди которых

колыхались всевозможных форм льдины, оторвавшиеся от берегового припая. Бриг швыряло из стороны в сторону, точно игрушку, и обломки льдин то и дело удалялись о его корпус. По временам «Форвард» вставал дыбом, поднимаясь на вершину водяной горы, причем его стальной форштевень, отражая рассеянный свет, сверкал как раскаленный металлический брус, затем бриг низвергался в бездну, стремглав летел вниз, весь окутанный дымом. Винт, рассекая лопастями воздух, со зловещим свистом вращался над водой. Дождь, смешанный со снегом, лил как из ведра.

Доктор, конечно, не упустил случая промокнуть до костей. Он стоял на палубе, охваченный волнением и восхищением, какие овладевают ученым при виде борьбы стихий. Даже стоящий рядом не расслышал бы доктора. Итак, он молчал, поглощенный созерцанием. Тут ему удалось быть свидетелем странного явления, свойственного только арктическим странам.

Буря охватывала лишь небольшой участок моря, в пределах трех-четырёх миль. Пронсясь над ледяными просторами, ветер быстро теряет свою силу и не может свирепствовать на большом пространстве. По временам в разрывах тумана доктор видел ясное небо и спокойное море, расстилавшееся за гранью ледяных полей. Идя вдоль свободных проходов, бриг неизбежно должен был добираться до спокойного моря. Правда, при этом он рисковал наткнуться на один из подводных айсбергов, которые плывут по течению. Через несколько часов Гаттерасу удалось войти в спокойные воды. На горизонте вздымались крутые гребни волн, но буря замирала в нескольких кабельтовых от «Форварда».

К этому времени вид пролива Мелвилла сильно изменился. Гонимые течением и ветром, множество айсбергов, отделившись от берегов, неслись к северу, то и дело сталкиваясь друг с другом. Можно было насчитать их несколько сотен; пролив был очень широк, и бриг легко между ними лабирировал. Великолепное зрелище представляли эти пловучие горы, плывшие с различной скоростью и, казалось, состязавшиеся в быстроте бега на обширном ристалище.

Доктор был в восторге. Вдруг к нему подошел гарпунщик Симпсон и обратил его внимание на странную, все время меняющуюся окраску моря: тут была вся гамма оттенков от яркосинего до серовато-оливкового; разноцветные полосы тянулись с севера на юг и так резко обозначались, что их можно было проследить до самого горизонта. Кое-где светлые полосы воды граничили с темными.

— Ну, что вы об этом думаете, доктор? — спросил Симпсон.

— То же самое, — ответил доктор, — что думал китобой Скорсби об этих так странно окрашенных полосах. По его мнению, синяя вода лишена миллиардов тех крошечных простейших животных и медуз, которыми изобилует зеленая. Скорсби в этом направлении произвел множество опытов, и я охотно ему верю.

— Да. Но такая окраска моря говорит еще о чем-то другом.

— А именно?

— Да, доктор! Поверьте слову гарпунщика! Будь «Форвард» китобойным судном, у нас были бы крупные козыри в руках.

— Но я никаких китов здесь не вижу, — возразил доктор.

— Повремените немного, мы скоро их увидим, ручаюсь вам! Повстречать зеленые полосы воды под этой широтой — сущая находка для китобоев!

— А почему? — спросил доктор, всегда интересовавшийся мнением специалистов.

— Потому что в зеленой воде больше всего бьют китов, — ответил Симпсон.

— Почему же это, Симпсон?

— Китам здесь есть чем поживиться.

— Вы уверены в этом?

— Я сто раз это проверил, когда плавал в Баффинском заливе. Надо думать, что и в проливе Мелвилла будет то же самое.

— Вы правы, Симпсон.

— Да вот, — воскликнул гарпунщик, наклоняясь над поручнями, — посмотрите-ка, доктор!

— Совсем как след, оставленный килем судна! — заметил доктор.

— Это, — сказал Симпсон, — след кита — маслянистая жидкость, которую он выбрасывает. Будьте уверены: кит недалеко отсюда.

И в самом деле, над морем распространился специфический запах.

Доктор внимательно осматривал поверхность моря. Предсказание Симпсона вскоре сбылось. С мачты раздался голос Фокера:

— Кит под ветром!

Все взглянули в указанном направлении; в миле от брига невысокий столб воды резко выделялся на синеве неба.

— Вот он! Вот он! — крикнул Симпсон, опытный глаз которого быстро различил знакомые очертания кита.

— Скрылся! — заметил доктор.

— Что ж, если понадобится, мы его отыщем, — проговорил Симпсон, у которого чесались руки.

Но, к его удивлению, Гаттерас приказал спустить на воду вельбот, хотя никто не осмеливался просить его об этом. Капитан был не прочь доставить развлечение своему экипажу и вместе с тем добыть несколько бочонков китового жира. Все обрадовались случаю поохотиться.

Двое матросов сели за весла, Джонсон взялся за руль, а Симпсон с гарпуном в руке встал на носу. Доктор непременно захотел участвовать в этой экспедиции. Море было довольно спокойное. Шлюпка быстро отвалила и десять минут спустя уже находилась в доброй миле от «Форварда».

Кит, втянув новый запас воздуха, снова нырнул, но вскоре показался над волнами, выбрасывая на высоту пятнадцати футов столб воды, смешанной со слизью.

— Туда, туда! — воскликнул Симпсон, указывая на место в восьмистах ярдах от шлюпки.

Шлюпка быстро направлялась к киту; на бриге это заметили, и он тоже стал приближаться, идя тихим ходом.

Громадный кит, по прихоти волн, то скрывался, то появлялся на поверхности, выставя наружу темную спину, похожую на подводный утес среди морской зыби. Киты плавают быстро только тогда, когда их преследуют. Не подозревая опасности, гигантское животное лениво и беспечно покачивалось на волнах.

Шлюпка бесшумно шла в полосе зеленой воды, которая была непрозрачна и мешала киту заметить своих врагов. Утлый челнок, держащий нападку на морское чудовище, — это волнующее зрелище. Кит был около ста тридцати футов длиной; но между семьдесят вторым и восьмидесятым градусом встречаются киты более ста восьмидесяти футов. Старинные писатели упоминают даже о китах длиной в семьсот футов, но таковых следует отнести к породе «воображаемых».

Между тем шлюпка приблизилась к киту. По знаку Симпсона весла мгновенно замерли. Симпсон размахнулся гарпуном и ловко метнул его в кита. Гарпун глубоко врезался зубцами в спину чудовища. Раненый кит всплеснул хвостом и нырнул. Весла взлетели кверху. Лежавший на носу моток троса, конец которого был привязан к гарпуну, стал разматываться со страшной быстротой, и кит помчал за собой шлюпку; Джонсон искусно ею правил.

Животное удалялось от брига и добрых полчаса шло по направлению к пловучим айсбергам. Приходилось смачивать трос, чтобы он не воспламенился от трения. Когда движение кита замедлилось, трос начали понемногу выбирать и тщательно свертывать. Вскоре кит опять показался на поверхности моря, яростно ударяя по воде своим огромным хвостом; выбрасываемые им фонтаны воды дождем обдавали шлюпку, которая быстро приближалась к киту. Симпсон схватил длинный гарпун, готовясь вступить в единоборство с морским гигантом.

Но вдруг кит устремился в проход между двумя ледяными горами. Преследование его становилось чрезвычайно опасным.

— Черт побери! — вырвалось у Джонсона.

— Вперед, вперед! Смелей, ребята! — кричал Симпсон, который вошел в раж. — Кит наш!

— Да разве можно соваться между айсбергами? — воскликнул Джонсон, задерживая ход шлюпки.

— Можно! Можно! — кричал Симпсон.

— Нет! Нет! — восклицали одни.

— Можно! — кричали другие.

Пока они спорили, кит вошел в проход между двумя пловучими ледяными горами, которые сближались, подталкиваемые ветром и волнами.

Кит тащил за собой шлюпку в опасный проход. Вдруг Джонсон ринулся вперед и одним ударом тора перерубил трос.

И во-время, потому что горы, внезапно столкнувшись, раздавили злополучного кита.

— Кит погиб! — вскричал Симпсон.

— Зато мы спасены! — ответил Джонсон.

— Честное слово, стоило посмотреть на такую охоту! — заметил доктор, который и глазом не сморгнул.

Ледяные горы сталкиваются с огромной силой. Кит сделался жертвой случайности, нередко повторяющейся в полярных морях. Скорсби говорит, что в течение одного только лета таким образом погибло тридцать китов в Баффиновом заливе. Он видел, как трехмачтовое судно в один миг было раздавлено двумя огромными ледяными стенами, которые столкнулись с ужасной быстротой и пустили ко дну корабль со всем экипажем. Два других корабля на его глазах были насквозь пронзены, словно копьями, острыми льдинами длиной в сто футов; пропоров насквозь корпус судна, их острия соединились.

Через несколько минут шлюпка подошла к бригу и была поднята на свое обычное место.

— Вот хороший урок для смельчаков, которые отваживаются входить в проходы между ледяными горами, — наставительно заметил Джонсон.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Остров Бичи

25 июня «Форвард» находился в виду мыса Дандаса, выступающего на северо-западной оконечности острова Принца Уэльского. Здесь среди множества льдов плавание стало более затруднительным. В этом месте море суживается, и ряд островов: Крозье, Юнга, Дэ, Лаутера и Гаррета, расположенных в одну линию, словно форты у входа в гавань, способствуют скоплению льдов. За время с 25 по 30 июня бриг прошел путь, который при других обстоятельствах мог бы сделать в один день. «Форвард» то останавливался, то возвращался назад, то выжидал удобного случая подойти к острову Бичи; уголь жгли всюю и только на время остановок несколько уменьшали топку; и днем и ночью корабль оставался под парами.

Гаттерасу не хуже Шандона было известно, что уголь приходит к концу; однако, надеясь найти достаточное количество топлива на острове Бичи, он не жалел угля. Отступление на юг сильно его задержало; он отплыл из Англии еще в апреле, но к концу июня продвинулся не дальше своих предшественников.

30 июня заметили мыс Уокера на северо-восточной оконечности острова Принца Уэльского. Это крайний пункт, который видели Кеннеди и Белло 3 мая 1852 года, возвращаясь из похода через остров Сомерсет. В 1851 году капитану Омманни, участнику экспедиции Остина, посчастливилось запастись здесь продовольствием для своего отряда.

Этот очень высокий мыс замечателен своим темнокрасным цветом; в ясную погоду оттуда виден вход в пролив Веллингтона. К вечеру заметили мыс Белло, отделяющийся от мыса Уокера бухтою Мак-Леона. Мыс Белло назван так в честь французского офицера. Услыхав это имя, экипаж приветствовал мыс троекратным «ура».

В этом месте почва состоит из желтоватых известняковых пород; скалы эти сильно выщерблены. Северный ветер нагромоздил у берегов ледяные громады. Вскоре берег скрылся из виду, и «Форвард», идя по

проливу Барроу, стал прокладывать себе путь к острову Бичи среди слабо сплоченных льдов.

Решив держаться прямого направления, чтобы бриг как-нибудь не прошел мимо острова, Гаттерас все последующие дни ни на минуту не покидал своего поста. Он часто поднимался в «воронье гнездо» и старался отыскать удобные проходы. Во время этого плавания он сделал все, чего только могут добиться искусство, хладнокровие, отвага и талант моряка. Правда, обстоятельства не благоприятствовали ему, море было покрыто льдами, хотя в это время года оно обычно бывает почти свободно. Но, не жалея угля, не щадя ни матросов, ни самого себя, Гаттерас достиг, наконец, своей цели.

3 июля в одиннадцать часов утра лоцман сообщил, что на севере показалась земля. Произведя наблюдение, Гаттерас узнал остров Бичи — опорный пункт всех исследователей арктических стран. К этому острову приставали почти все корабли, отправлявшиеся в полярные моря. Там Франклин провел первую зиму, прежде чем войти в пролив Веллингтона. Там Кресуэл, помощник Мак-Клура, пройдя по льдам четыреста семьдесят миль, встретил бриг «Феникс», на котором и вернулся в Англию. Последним из кораблей, посетивших остров Бичи, был бриг «Фокс». 11 августа 1858 года Мак-Клинтон запасся там провиантом и привел в порядок жилища и склады. Это было всего года два назад. Гаттерасу были известны все эти подробности.

Сильно забилося сердце у Джонсона, когда он увидал остров, который посетил, будучи боцманом на корабле «Феникс». Гаттерас стал расспрашивать Джонсона о характере берегов, якорной стоянке и возможности подойти к острову. Погода установилась великолепная; температура держалась на $+57^{\circ}$ ($+14^{\circ}$ Ц).

— Ну, что, Джонсон, узнаете вы это место? — спросил капитан.

— Да, капитан, это остров Бичи! Только нам нужно продвинуться немного севернее, потому что там берега более отлогие.

— А где же дома и склады? — спросил Гаттерас.

— О! Вы увидите их только, когда высадитесь на берег. Их заслоняют вон те высокие холмы.

— А вы выгрузили там много припасов?

— Порядочно, капитан. Адмиралтейство отправило нас сюда на пароходе «Феникс» в тысяча восемьсот пятьдесят третьем году, под командою капитана Инглфилда, а также транспортное судно «Брэдалбан», нагруженное провизией. Припасов, которые мы привезли, хватило бы на целую экспедицию.

— Но в тысяча восемьсот пятьдесят пятом году командир судна «Фокс» широко пользовался этими запасами, — сказал Гаттерас.

— Не беспокойтесь, капитан, — ответил Джонсон. — Тут хватит и на вашу долю. Продукты замечательно сохраняются на холоду, и мы найдем их такими же свежими, как и в день, когда их выгружали на берег.

— Главное для меня не продовольствие, — его нам хватит на несколько лет, — а уголь, — заметил Гаттерас.

— На острове мы оставили больше тысячи тонн угля, капитан. На этот счет вы можете быть спокойны.

— Подойдем к острову, — сказал Гаттерас, внимательно разглядывавший берега в подзорную трубу.

— Видите этот мыс? — спросил Джонсон. — Обогнув его, мы окажемся совсем близко от якорной стоянки. Именно отсюда мы отправились в Англию с лейтенантом Кресуэлом и двенадцатью больными с корабля «Инвестигейтор». Нам посчастливилось доставить в Англию помощника Мак-Клура, но французский офицер Белло, который сопровождал нас на «Фениксе», так и не увидел своей родины! Да, грустно вспомнить об этом... Я полагаю, капитан, нам следует встать на якорь вот здесь.

— Хорошо, — ответил Гаттерас.

И он отдал соответствующее приказание.

«Форвард» находился в кабельтове от берега, в небольшой бухте, защищенной от северного, восточного и южного ветров.

— Мистер Уолл, — сказал Гаттерас, — приготовьте шлюпку и отправьте ее на берег с шестью гребцами для перевозки угля на бриг.

— Слушаю, капитан, — ответил Уолл.

— Я отправляюсь на берег на гичке с доктором и боцманом. Мистер Шандон, угодно вам сопровождать нас?

— Как прикажете, — ответил Шандон.

Несколько минут спустя доктор, захватив с собой ружье и научные приборы, занял место в шлюпке со своими товарищами. Через десять минут они уже высадились на довольно низкий скалистый берег.

— Ведите нас, Джонсон, — сказал Гаттерас. — Вы узнаете местность?

— Как нельзя лучше, капитан. Только вот этого памятника я не видел здесь.

— Я знаю, что это такое! — воскликнул доктор. — Подойдем к нему! Камень этот сам скажет нам, как он здесь очутился.

Путешественники приблизились к памятнику, и доктор сказал, снимая шапку:

— Это, друзья мои, памятник, поставленный в честь Франклина и его товарищей.

Действительно, в 1855 году леди Франклин передала плиту черного мрамора доктору Кейну, а в 1858 году — другую плиту — Мак-Клинтоку, с тем чтобы эти предметы были доставлены на остров Бичи. Мак-Клинток свято исполнил возложенное на него поручение и водрузил плиту невдалеке от надгробного камня, поставленного Джоном Барроу в память лейтенанта Белло.

На плите была начертана следующая надпись:

ПАМЯТИ

ФРАНКЛИНА, КРОЗЬЕ, ФИТЦ-ДЖЕМСА

и всех их доблестных товарищей, офицеров и сослуживцев, пострадавших и погибших за дело науки и во славу родины.

Этот памятник поставлен близ места, где они провели первую полярную зиму и откуда выступили в поход, чтобы преодолеть все препятствия или умереть.

Он свидетельствует о памяти и уважении их друзей и соотечественников и о скорби, утोलяемой верою, той, которая в лице начальника экспедиции утратила преданного и горячо любимого супруга.

Господь ввел их в тихую пристань, где всем уготовано вечное упокоение.

1855.

Слова, начертанные на камне, оставленном на уединенном берегу далекого севера, тяжело отозвались в сердцах моряков; при чтении этой трогательной и скорбной надписи слезы выступили на глазах доктора. На месте, которое прошли Франклин и его товарищи, полные надежды и сил, не осталось ничего, кроме этого куска мрамора. Но, несмотря на мрачное предостережение судьбы, «Форвард» готов был отправиться по следам «Эребуса» и «Террора».

Гаттерас первый стряхнул с себя гнет тяжелых размышлений и быстрыми шагами стал подниматься на довольно высокий холм, слегка прикрытый снегом.

— Оттуда мы увидим склады, капитан, — сказал следовавший за ним Джонсон.

Когда они поднялись на вершину холма, к ним подошли Шандон и доктор.

Перед ними расстилалась необъятная равнина, где не видно было ни малейших следов человеческого жилья.

— Как странно! — сказал боцман.

— Ну, что? Где же склады? — быстро спросил Гаттерас.

— Не знаю... Ничего не вижу... — бормотал Джонсон.

— Вероятно, вы ошиблись, — сказал доктор

— Мне кажется, однако, — в раздумье проговорил Джонсон, — что именно в этом месте...

— Да куда же, наконец, нам идти? — нетерпеливо спросил Гаттерас.

— Спустимся вниз, — сказал боцман. — Быть может, я ошибся. За семь лет немудрено забыть место.

— Особенно в такой убийственно-однообразной местности, — добавил доктор.

— Однако... — пробормотал Джонсон.

Шандон не проронил ни слова.

Через несколько минут Джонсон остановился.

— Нет, я не ошибся! — воскликнул он.

— В чем же дело? — спросил Гаттерас, озираясь по сторонам.

— Что вы хотите сказать, Джонсон? — спросил доктор.

— Взгляните на этот бугор, — сказал боцман, ставя ногу на холмик, на котором были заметны три борозды.

— Что же в нем особенного?

— Это могилы трех матросов Франклина, — ответил Джонсон. — Я уверен в этом. Нет, я не мог ошибиться. В ста шагах отсюда должно находиться жилище, и если его нет, то... то...

Он не решился договорить. Гаттерас бросился вперед; отчаяние овладело им. Действительно, там должны были находиться столь желанные склады со всякого рода припасами, на которые рассчитывал капитан. Но огромные запасы, собранные цивилизованными людьми для бедствующих мореплавателей, были разграблены, расхищены и уничтожены дотла. Кто же совершил это преступление? Звери этих стран — волки, медведи, песцы? Нет, потому что они уничтожили бы только съестные припасы, а между тем там не оставалось ни клочка палатки, ни обломка дерева, ни куска железа или другого металла и — что всего ужаснее для экипажа «Форварда» — ни куска угля!

Очевидно, эскимосы, которым приходилось иметь дело с европейцами, поняли, наконец, значение оставленных здесь предметов, в которых они сами чувствовали острую нужду. После отплытия «Фокса» они беспрестанно возвращались к этому рогу изобилия, расхищая все с явным намерением — не оставить ни малейших следов от находившихся здесь складов. Все кругом было пустынно, — до горизонта расстилалась ровная пелена снегов.

Это окончательно сразило Гаттераса. Доктор молча покачивал головой. Шандон не проронил ни слова, но

внимательный наблюдатель подметил бы у него на губах злорадную усмешку.

В это время прибыли люди, посланные Уоллом. Они сразу все поняли. Шандон, подойдя к Гаттерасу, сказал:

— По-моему, капитан, отчаиваться не следует. К счастью, мы находимся еще при входе в пролив Барроу, которым можем пройти в Баффинов залив.

— Мистер Шандон, — ответил Гаттерас, — к счастью, мы находимся при входе в пролив Веллингтона, которым поднимемся к северу.

— Но как же мы пойдем, капитан?

— Под парусами, сударь! Топлива у нас хватит еще на два месяца, а больше и не нужно для нашей зимовки.

— Позвольте вам заметить... — начал было Шандон.

— Я позволяю вам, сударь, следовать за мною на бриг, — ответил Гаттерас.

И, повернувшись спиною к своему помощнику, он возвратился на судно и заперся у себя в каюте.

Целых два дня дул противный ветер; капитан не выходил на палубу. Доктор воспользовался вынужденной остановкой, чтобы исследовать остров Бичи. Он собрал кое-какие растения, которые, пользуясь летним теплом, местами пробивались на скалах: кустики вереска, разновидности лишайника, род желтого лютика, какое-то похожее на щавель растение с листьями шириной в несколько линий и довольно крупные экземпляры камнеломки.

Фауна острова оказалась богаче его флоры. Доктор наблюдал длинные вереницы гусей и журавлей, направляющихся к северу. Встречались ему также куropатки, черно-синие гагары, лозники, принадлежащие к семейству голенастых, полярные нырки с удлиненным туловищем, полярные рябчики, очень хорошие на вкус, черные альбатросы с крыльями, испещренными белыми крапинками, с красными, как коралл, лапками и клювом, крикливые стаи исландских чаек и крупные белогрудые чомги.

Доктору посчастливилось подстрелить несколько серых зайцев, еще не успевших одеться в белую зимнюю шубу, и голубого песца, которого с замечательным искусством затравил Дэк. Медведи, очевидно побаивавшиеся человека, держались на расстоянии, не достигаемом для пули, тюлени сделались чрезвычайно осторожными — вероятно, по той же причине, что и их заклятые враги — медведи.

В воде залива в огромном количестве встречался моллюск-труборог, очень приятный на вкус. Класс членистоногих (семейство двукрылых) был представлен обыкновенным комаром, которого доктор, к великому своему удовольствию, изловчился поймать, хотя и был при этом укушен. В качестве конхиолога он был менее удачлив и собрал лишь несколько экземпляров съедобных ракушек и двустворок.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Смерть Белло

Третьего и четвертого июля термометр показывал $+57^{\circ}$ ($+14^{\circ}$ Ц), это была самая высокая температура, какую приходилось наблюдать за все время экспедиции. Но в четверг пятого июля ветер перешел к юго-востоку и повалил сильный снег. За ночь температура упала на 23° . Не обращая внимания на дурное настроение экипажа, Гаттерас приказал готовиться к отплытию. С тех пор как он миновал мыс Дандас, то есть за тринадцать дней, «Форвард» ни на один градус не продвинулся к северу.

Группа матросов, во главе которых был Клифтон, уже начинала роптать; но так как им было по душе решение Гаттераса пройти пролив Веллингтона, то все охотно принялись за дело.

С трудом удалось поставить паруса; но, поставив за ночь фок, марсея и брамсея, Гаттерас смело двинулся среди пловучих льдов, которые неслись по течению на юг. Экипаж очень уставал от плавания по

извилистым проходам, так как матросам приходилось то и дело переставлять паруса.

Пролив Веллингтона не очень широк, он становится совсем узким между берегами Северного Девона (на востоке) и островом Корнуоллиса (на западе). Остров этот считался полуостровом до тех пор, пока сэр Джон Франклин не обогнул его с запада на восток в 1846 году, после того как им была обследована северная часть прохода.

Пролив Веллингтона исследован в 1851 году капитаном Пенни на китобойных судах «Леди Франклин» и «София». Один из его помощников, Стюарт, достигнув мыса Бичера под $76^{\circ}20'$ широты, видел отсюда свободное ото льдов море. Свободное море! Это была заветная мечта Гаттераса.

— Что нашел Стюарт, то найду и я, — сказал капитан доктору, — и под парусами отправлюсь тогда к полюсу.

— Но не боитесь ли вы, — ответил доктор, — что экипаж...

— Что мне экипаж! — сурово отрезал Гаттерас.

Затем, понизив голос, он прошептал, к крайнему изумлению доктора:

— Бедняги!..

В первый раз удалось доктору подметить проявление таких чувств у сурового капитана.

— Но нет! — с жаром продолжал Гаттерас. — Они должны отправиться со мной. И они отправятся!

Хотя «Форвард» теперь уже не опасался дрейфующих льдов, ибо льдины далеко разошлись друг от друга, но все же он очень медленно продвигался на север, так как противные ветры часто заставляли его останавливаться. Бриг с трудом обогнул мысы Спенсера и Инниса и десятого числа, во вторник, прошел, наконец, семьдесят пятый градус широты, к величайшей радости Клифтона.

«Форвард» шел в тех местах, где американские суда «Рескью» и «Адванс», которыми командовал Хевен, попали в тяжелое положение. Доктор Кейн участвовал в этой экспедиции; в конце сентября 1850

года эти суда были затерты льдами и отброшены в пролив Ланкастера.

Шандон рассказал об этой катастрофе Джемсу Уоллу в присутствии нескольких матросов.

— Суда «Адванс» и «Рескью», — говорил он, — так здорово било, швыряло и подбрасывало льдами, что решено было не держать на борту огня, а между тем было восемнадцать градусов мороза. Целую зиму несчастный экипаж находился в плену у льдов, постоянно готовый бросить свои суда. Три недели спали, не раздеваясь. В таком ужасном положении, продрейфовав добрую тысячу миль, суда были отнесены на середину Баффинова залива.

Можно себе представить, какое впечатление этот рассказ произвел на упавших духом матросов!

Пока шел этот разговор, Джонсон беседовал с доктором об одном событии, происшедшем в этой местности. Доктор сообщил Джонсону о том, что бриг находится под $75^{\circ}30'$ широты.

— Да ведь это случилось здесь! Как раз здесь! — воскликнул Джонсон. — Вот она, эта роковая земля!

На глазах старого боцмана выступили слезы.

— Вы имеете в виду смерть лейтенанта Белло? — спросил доктор.

— Да, доктор, смерть этого доброго, храброго, мужественного офицера!

— И вы говорите, что катастрофа произошла именно в этом месте?

— Именно здесь, на этом берегу Северного Девона! О! Во всем этом было что-то роковое. Вернись капитан Пуллен немного раньше на свое судно, и все обошлось бы благополучно.

— Что вы хотите сказать, Джонсон?

— Выслушайте меня, доктор, и вы увидите, от чего иной раз зависит жизнь человека. Вы знаете, что лейтенант Белло участвовал в экспедиции, которая отправилась в тысяча восемьсот пятидесятом году на поиски Франклина?

— Да, Джонсон, он находился на корабле «Принц Альберт».

— Ну, так вот, в тысяча восемьсот пятьдесят третьем году, приехав из Франции, Белло получил разрешение отправиться на судне «Феникс», на котором я служил матросом под начальством капитана Инглфилда. Мы доставили на остров Бичи запасы продовольствия на транспорте «Брэдальбан».

— Те запасы, которые, к несчастью, ускользнули от нас?

— Те самые, доктор. Прибыли мы на остров Бичи в начале августа, а десятого числа того же месяца капитан Инглфилд оставил «Феникс» и отправился на розыски капитана Пуллена, который уже месяц как покинул свое судно «Норт-Стар» и о котором не было вестей. По возвращении он надеялся послать адмиралтейские депеши сэру Эдварду Бельчеру, который зимовал в проливе Веллингтона. И вот вскоре после отъезда нашего капитана капитан Пуллен вернулся на свое судно! Ах, зачем он не вернулся до отъезда капитана Инглфилда!.. Лейтенант Белло, опасаясь, как бы не затянулась поездка нашего капитана, и зная, что адмиралтейские депеши очень срочные, вызвался лично их доставить. Он передал командование обоими кораблями капитану Пуллему и двенадцатого августа двинулся в путь, захватив с собой сани и резиновую лодку. С ним отправились Гарвей, боцман с корабля «Норт-Стар», и три матроса — Мэдден, Дэвид Хук и я. Мы предполагали, что сэр Эдвард Бельчер находится где-нибудь недалеко от мыса Бичера, к северу от пролива. Вот мы и направились в эту сторону на санях, придерживаясь восточных берегов материка. В первый день мы остановились в трех милях от мыса Инниса. На другой день сделали привал на льдине, милях в трех от мыса Боудена. Ночью было светло как днем, берег был от нас всего в трех милях, и лейтенант Белло решил ночевать на материке. Он попытался добраться туда в резиновой лодке, но два раза сряду сильным юговосточным ветром его относило от берега. Гарвей и Мэдден тоже попытались добраться до берега и оказались счастливее лейтенанта. У них была с собой веревка, и они установили сообщение между санями и

берегом; три предмета с помощью веревки были уже доставлены на берег, но когда мы переправляли четвертый, то почувствовали, что наша льдина тронулась с места. Лейтенант Белло велел своим товарищам отпустить веревку, и всех нас — лейтенанта, Дэвида Хука и меня — мигом отнесло далеко от берегов. Дул сильный юго-восточный ветер, валил снег. Но пока еще не было особенной опасности, и лейтенант вполне мог спастись, ведь спаслись же мы!

На минуту Джонсон замолчал, задумчиво глядя на роковой берег, потом продолжал:

— Потеряв из виду своих товарищей, мы попытались укрыться под палаткой, но это нам не удалось; тогда мы стали ножами прорубать себе во льду убежище. Лейтенант посидел еще полчаса, рассуждая с нами об опасности нашего положения. Я сказал ему, что ничего не боюсь. «Без божьей воли, — ответил он, — и волос с головы не упадет». Тут я спросил его, который час. «Около четверти седьмого», — ответил лейтенант. Это было восемнадцатого августа в четверть седьмого утра. Тогда Белло связал свои книги и сказал, что хочет посмотреть, куда движется льдина. Не прошло и четырех минут, как я отправился его искать; я обошел кругом льдину, на которой мы находились. Видеть его — не видел, но, возвращаясь назад, заметил его палку, она валялась на противоположном краю полыньи, которая была шириной около пяти саженей; лед в ней был весь изломан. Я начал звать лейтенанта, но ответа не было. В это время дул очень сильный ветер. Я еще раз обошел льдину, но не мог найти никаких следов бедного лейтенанта.

— Что же, по-вашему, с ним случилось? — спросил растроганный рассказом доктор.

— Я полагаю, что, когда лейтенант вышел из убежища, его снесло ветром в полынью. Пальто на нем было застегнуто, поэтому плавать и подняться на поверхность воды он не мог. Ах, доктор, это было величайшее горе, какое я только испытал в жизни! Просто не верилось... Этот молодой офицер погиб жертвой своего долга, потому что, повинуясь приказу капитана Пуллена, хотел добраться до берега, прежде

чем тронется лед. Достойный был человек, все его любили на корабле, такой приветливый и смелый. Его оплакивала вся Англия. Даже эскимосы, когда узнали от капитана Инглфилда, возвратившегося из залива Паунда, о смерти лейтенанта, плакали, как плачу я сейчас, и все повторяли: «Бедняга Белло, бедняга Белло!»

— Но как же вам и вашему товарищу удалось добраться до берега? — спросил доктор, взволнованный печальным рассказом.

— Нам-то повезло, доктор. Двадцать четыре часа мы провели на льдине без огня и еды. Наконец, приблизились к ледяному полю, которое село на мель. Мы живо перепрыгнули на него и с помощью единственного оставшегося у нас весла притянули к себе льдину, которую можно было управлять как плотом. Вот так-то мы и добрались до берега, но... одни, без нашего славного офицера.

К концу рассказа «Форвард» уже миновал гибельный берег, и Джонсон потерял из виду место катастрофы. На следующий день залив Гриффина остался вправо от брига, а через два дня — мысы Гриннелла и Хельпмана. Наконец, 14 июля «Форвард» обогнул мыс Осборна, а 15-го встал на якорь в бухте Беринга, в конце пролива. Плавание не представляло особых затруднений, и Гаттерас встретил здесь почти такое же свободное море, как и Бельчер, который на кораблях «Пионер» и «Ассистенс» отправился зимовать почти под семьдесят седьмой градус северной широты. Было это во время его первой зимовки в 1853—1854 году в бухте Беринга, где теперь стоял на якоре «Форвард».

После ряда тяжелых испытаний, с трудом избегнув гибели, Бельчер был вынужден бросить «Ассистенс» среди вечных льдов.

Шандон рассказал и об этой катастрофе деморализованному экипажу. Известна ли была Гаттерасу измена его старшего помощника? Трудно было сказать, ибо капитан ничего об этом не говорил.

На высоте бухты Беринга находится узкий проход, соединяющий пролив Веллингтона с проливом

Королевы. Льды скопились там в громадном количестве. Тщетно пытался Гаттерас обогнуть с севера остров Гамильтона, — ему помешал бурный ветер. Пришлось войти в пролив между островом Гамильтона и островом Корнуоллиса. Эта бесплодная попытка отняла пять драгоценных дней.

Между тем похолодало; 19 июля было $+26^{\circ}$ (-4°Ц); впрочем, на следующий день снова потеплело. Это были первые признаки приближения зимы. Следовало торопиться. Установившийся западный ветер мешал продвижению брига; тем не менее Гаттерас старался как можно скорее добраться до места, где Стюарт видел свободное море. 19 июля капитан решил во что бы то ни стало пройти свободным проходом; дул встречный ветер, но с помощью паровой машины корабль мог бы еще бороться с налетавшими снежными вихрями, если бы не приходилось беречь остатки топлива. Кроме того, проход был слишком широк, чтобы бриг можно было тянуть канатом. Не обращая внимания на усталость экипажа, Гаттерас решил использовать средство, к какому прибегают китобои в подобных обстоятельствах. Он приказал спустить шлюпки до самой воды, подвесив их на таях по бокам брига. Шлюпки прочно закрепили с носа и с кормы; у одних весла находились с правого, а у других — с левого борта; матросы разместились на банках и стали усиленно работать веслами, двигая корабль против ветра.

«Форвард» медленно шел проходом. Понятно, с какой усталостью была сопряжена подобная работа. Экипаж начал роптать. Четыре дня бриг подвигался таким образом и 23 июля, наконец, добрался до острова Беринга, в проливе Королевы.

Ветер держался все время противный. Экипаж выбился из сил. Доктор нашел, что здоровье матросов стало сдавать, и у некоторых обнаружил признаки цинги. Он начал всеми средствами бороться с этим страшным недугом, пользуясь тем, что в его распоряжении был большой запас лимонного сока и известковых препаратов.

Гаттерас понял, что ему уже нельзя полагаться на экипаж. Тут ничего не добьешься уговорами. Поэтому он решил действовать круто и в случае надобности прибегнуть к самым суровым мерам. В особенности он опасался Ричарда Шандона и Джемса Уолла, который, однако, не осмеливался явно выражать свое неудовольствие. На стороне Гаттераса были доктор, Бэлл и Симпсон. Эти люди были преданы ему телом и душой. К числу колеблющихся он относил Фокера, Болтона, оружейника Уолстена и Брентона, старшего механика, чувствуя, что в любой момент они могут повернуть против него. Что касается Пэна, Гриппера, Клифтона и Уорена, то они громко высказывали свои мятежные замыслы и хотели заставить капитана «Форварда» вернуться в Англию.

Гаттерас прекрасно знал, что от измученных, упавших духом матросов уже нельзя требовать прежней работы. Двадцать четыре часа он продержался в виду острова Беринга, не продвинувшись ни на шаг. Между тем температура понижалась, и в июле под этими высокими широтами уже сказывалось приближение зимы. 24-го термометр опустился до $+22^{\circ}$ (-6° Ц). По ночам нарастал молодой лед, от шести до восьми линий толщиной; если бы его покрыло снегом, он вскоре мог бы выдержать тяжесть человека. Море стало мутным, приняло грязноватый оттенок; это значило, что в воде уже начали образовываться ледяные кристаллы. Эти грозные признаки сильно тревожили Гаттераса. Если бы проходы закрылись, ему пришлось бы зимовать в этих местах, далеко от цели путешествия, даже мельком не взглянув на свободное море, которое, по словам его предшественников, находилось где-то совсем близко. Поэтому он решил во что бы то ни стало продвинуться на несколько градусов к северу. Видя, что вконец измученная команда уже не в силах грести, а паруса бесполезны ввиду противного ветра, Гаттерас приказал развести пары.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Начало мятежа

Это неожиданное приказание весьма удивило экипаж «Форварда».

— Развести пары! — воскликнули одни.

— А чем? — спрашивали другие.

— У нас в трюме топлива всего-навсего на два месяца! — крикнул Пэн.

— А чем мы будем топить зимой? — спросил Клифтон.

— Придется, видно, сжечь бриг до самой ватерлинии, — ответил Гриппер.

— И топить печи мачтами, начиная с брам-стенги и кончая бугшпритом, — угрюмо добавил Уорен.

Шандон пристально смотрел на Уолла. Оторопевшие механики не решались спуститься в машинное отделение.

— Вы слышали, что я сказал? — с раздражением в голосе крикнул Гаттерас.

Брентон направился к люку, но, дойдя до него, остановился.

— Не ходи, Брентон! — раздался чей-то голос.

— Кто это сказал? — крикнул Гаттерас.

— Я! — бросил Пэн, подходя к капитану.

— Что скажете? — спросил капитан.

— Я говорю... я говорю, — буркнул Пэн, добавив крепкое словечко, — что с нас хватит, что дальше мы не пойдем, что мы не хотим околеть зимой от каторжного труда и от холода и что котел не затопят!

— Мистер Шандон, — холодно сказал Гаттерас, — прикажите арестовать этого человека.

— Но, капитан, — возразил Шандон, — человек этот сказал...

— Если вы повторите то, что он сказал, я арестую и вас в вашей каюте, — сказал Гаттерас. — Взять его! Слышите!

Джонсон, Бэлл и Симпсон пошли было к обезумевшему от ярости матросу.

— Попробуйте только меня тронуть!.. — вскричал

Пэн. Он схватил ганшпуг и угрожающе размахивал им над головой.

Гаттерас подошел к нему.

— Пэн, — твердо сказал капитан, — еще одно движение — и я пушу тебе пулю в лоб!

С этими словами он взвел курок револьвера и прицелился в матроса.

Послышался ропот.

— Эй вы там, ни слова! — крикнул Гаттерас. — Или этот человек погиб!

Джонсон и Бэлл обезоружили Пэна, который уже не пытался сопротивляться, и увели его в трюм.

— Идите, Брентон, — сказал Гаттерас.

Машинист вместе с Пloverом и Уореном отправился на свой пост. Гаттерас вернулся на ют.

— Этот Пэн — порядочный негодяй, — сказал доктор.

— Он был на волосок от смерти, — спокойно ответил капитан.

Вскоре добились нужного давления в котле. «Форвард» снялся с якоря и, забирая на восток, направился к мысу Бичера, дробя форштевнем молодой лед.

Между островом Беринга и мысом Бичера встречается множество островов, словно застрявших среди водяных полей. В узких проливах, которых так много в этих местах, скапливались льды; с наступлением похолодания они уже начали сплываться. То тут, то там образовывались торосы, и нетрудно было предвидеть, что эти грузные, плотные, примыкающие друг к другу льдины будут спаяны первыми же морозами и образуют непреодолимую преграду.

«Форвард» с большим трудом продвигался вдоль протоков, среди снежных вихрей. Погода была переменчивая, как всегда в этих краях. По временам на горизонте появлялось солнце, температура повышалась на несколько градусов, препятствия исчезали как по мановению волшебного жезла, и там, где еще недавно громоздились льды, открывалась прелестная, ласкающая взор моряка, водная пелена. Небо сверкало великолепными оранжевыми красками, на которых утомленный глаз отдыхал от вечной белизны снегов.

В четверг 26 июля, пройдя остров Дандаса, «Форвард» направился к северу; но тут он наткнулся на сплошной лед, высотой в восемь-девять футов, состоявший из небольших, оторвавшихся от берега айсбергов. Бриг долго шел вдоль кромки льда, держа курс на запад. Бесперывный треск льдов и жалобный скрип снастей сливались в заунывный гул, напоминавший не то вздохи, не то стоны. Наконец, «Форвард» вошел в свободный проход и стал с трудом продвигаться вперед; иной раз огромная льдина задерживала судно на долгие часы; туман скрывал дали и сильно мешал лоцману. Нетрудно избежать препятствий, если видишь вокруг хоть на милю; но во время метели поле зрения нередко ограничивается одним кабельтовым. Бриг сильно качало.

По временам легкие, прозрачные облака принимали какие-то странные оттенки, казалось, они отражали отблеск ледяных полей. Бывали дни, когда желтоватые лучи солнца даже не могли проникнуть сквозь завесу густого тумана.

Множество птиц оглашали воздух пронзительными криками; тюлени, лениво лежа на пловучих льдинах, при проходе брига с легким испугом приподнимали голову и поворачивали ее, следя за кораблем. «Форвард» задевал их пловучие жилища, иной раз оставляя на них куски своей медной обшивки.

Наконец, 1 августа, после шестидневного затрудненного плавания, на севере показался мыс Бичера. Гаттерас последние часы провел на брам-салинге; свободное море, обнаруженное Стюартом 30 мая 1851 года под $76^{\circ}20'$ широты, должно было находиться где-то неподалеку, а между тем, насколько хватало глаз, нигде не видно было свободного ото льдов бассейна. Капитан спустился с мачты, не проронив ни слова.

— Вы верите в существование свободного моря? — спросил Шандон Уолла.

— Начинаю сильно в этом сомневаться, — ответил Уолл.

— Ну, не был ли я прав, когда назвал это «открытие» гипотезой и химерой? А между тем никто

мне не поверил, да и вы сами, Уолл, высказались против меня.

— Впредь будем вам верить, Шандон.

— Да, — ответил старший помощник, — но будет уже поздно...

И Шандон пошел к себе в каюту, из которой он почти не выходил после ссоры с капитаном.

К вечеру подул южный ветер. Гаттерас приказал поставить паруса и прекратить пары. Несколько дней экипаж напряженно работал. То и дело приходилось или уваливаться под ветер, или обстенивать паруса, чтобы замедлить ход брига; обледенелые снасти плохо ходили в разбухших блоках и затрудняли работу. Прошло больше недели, прежде чем корабль достиг мыса Барроу; таким образом, в десять дней он не сделал и тридцати миль.

Но вот снова подул северный ветер, и опять пришлось прибегнуть к помощи винта. За семьдесят седьмым градусом северной широты Гаттерас все еще надеялся встретить свободное ото льдов море, которое видел сэр Эдуард Бельчер.

А между тем, если верить Пенни, часть моря, которую в настоящее время пересекал «Форвард», должна была быть свободной, ибо Пенни, достигнув конца льдов, исследовал на шлюпке пролив Королевы до семьдесят седьмого градуса широты.

Неужели Пенни дал ложные показания? Или, может быть, в полярных странах наступила в этом году ранняя зима?

15 августа увидели гору Перси, выступавшую из тумана; вершина ее была покрыта вечными снегами; резкий ветер швырял в лицо колючую, издававшую треск крупу. На следующий день солнце в первый раз скрылось за горизонтом. Закончился долгий ряд двадцатичетырехчасовых дней. Люди под конец привыкли к непрерывному свету; животных он также не слишком беспокоил. Гренландские собаки ложились спать в обычное время, и даже Дэк неизменно засыпал каждый вечер, как если бы сгустилась ночная темнота.

Но все же после 15 августа ночи были еще не

совсем темные, и хотя солнце уже скрывалось за горизонтом, но благодаря рефракции давало еще достаточно света.

19 августа, после тщательных наблюдений, на восточном берегу был обнаружен мыс Франклина, а на западном — мыс Леди Франклин. Благодарные соотечественники адмирала пожелали, чтобы на крайнем пункте, которого достиг этот отважный мореплаватель, имя его преданной жены находилось рядом с его именем. Трогательная эмблема искренней, до гроба соединявшей их любви!

Доктора тронуло это сближение, эта, так сказать, моральная связь между двумя клочками земли на крайнем севере.

Исполняя советы Джонсона, доктор уже начал привыкать к холоду; он почти все время находился на палубе, невзирая на стужу, ветер и снег. Хотя он несколько похудел, здоровье его не страдало от сурового климата. Впрочем, он был готов встретить еще большие невзгоды и не без удовольствия отмечал признаки приближающейся зимы.

— Посмотрите, — сказал он однажды Джонсону, — посмотрите: стаи птиц направляются к югу! Как быстро они несутся, издавая прощальные крики!

— Да, доктор, что-то подсказало им, что пора убираться, и они пустились в путь.

— Мне думается, Джонсон, многие из нас не прочь бы последовать их примеру.

— Только трусы, доктор. Черт побери! У птиц нет запасов продовольствия, как у нас, и им волей-неволей приходится отыскивать себе пищу. Но моряки, которые чувствуют под собой крепкий корабль, могут махнуть хоть на край света.

— Вы думаете, Гаттерасу удастся осуществить свои замыслы?

— Удастся, доктор.

— Я тоже так думаю, Джонсон, — и если бы даже с ним остался только один верный товарищ..

— Нас будет двое!

— Да, Джонсон! — ответил доктор, пожимая руку честному моряку.

Земля Принца Альберта, вдоль берегов которой шел «Форвард», называется также Землей Гриннелла. Гаттерас из ненависти к янки никогда не называл ее этим именем, под которым, однако, она общеизвестна. Вот причина двойного наименования: англичанин Пенни назвал ее Землей Принца Альберта, а командир судна «Рескью», лейтенант Хевен, почти в одно и то же время окрестил ее Землей Гриннелла, в честь американского коммерсанта, снарядившего в Нью-Йорке на свой счет экспедицию.

Огибая ее берега, «Форвард» сталкивался с целым рядом серьезных препятствий и шел попеременно то под парусами, то под парами. 18 августа бриг находился в виду горы Британия, едва заметной в тумане, а на следующий день встал на якорь в заливе Норт-Умберленда. Он был со всех сторон окружен льдами.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Борьба со льдами

Гаттерас командовал при отдаче якоря; затем он ушел к себе в каюту, взял карту и тщательно определил местонахождение брига; как оказалось, он находился под $76^{\circ}57'$ широты и $99^{\circ}20'$ долготы, то есть всего в трех минутах от семьдесят седьмой параллели. Как раз в этих местах сэр Эдуард Бельчер провел первую арктическую зиму на судах «Пионер» и «Асистенс». Отсюда на санях и лодках он предпринимал различные походы, во время которых открыл Столовый остров, Северный Корнуол, архипелаг Виктории и пролив Бельчера. Он заметил, что за семьдесят восьмым градусом берега начинают уклоняться к юго-востоку; повидимому, они примыкали к берегам пролива Джонса, ведущего в Баффинов залив. Но на северо-западе, — говорил Бельчер в своем отчете, — простиралось безбрежное «свободное» море.

Гаттерас с волнением смотрел на то место морской карты, где большим белым пятном были обозначены еще не исследованные области, и его взгляд не-

престанно возвращался к полярному бассейну, который он надеялся встретить свободным ото льдов.

«Невозможно сомневаться после свидетельств Стюарта, Пенни и Бельчера, — говорил он себе. — Так и должно быть на самом деле! Эти отважные моряки собственными глазами видели свободное море. Можно ли сомневаться в их показаниях? Конечно, нет! Но что, если море было свободно только потому, что в тот год поздно наступила зима? Но нет, это было обнаружено несколько раз, в разные года. Такой бассейн существует, и я его найду! Я увижу его!»

Гаттерас поднялся на ют. Густой туман окутывал «Форвард». С палубы с трудом можно было разглядеть верхушки мачт. Гаттерас приказал лоцману спуститься с «вороньего гнезда» и занял его место; он старался воспользоваться малейшим просветом в тумане, чтобы осмотреть северо-западную часть горизонта.

По этому поводу Шандон сказал второму помощнику:

— Ну, а где же, Уолл, свободное море?

— Вы были правы, Шандон, — отвечал Уолл. — А между тем угля у нас осталось всего на шесть недель.

— Уж доктор придумает какое-нибудь хитрое средство топить печи без угля, — ответил Шандон. — Я слышал, что с помощью огня теперь получают искусственный лед; быть может, он умудрится из льда добыть огонь.

И, пожав плечами, Шандон ушел к себе в каюту.

На следующий день, 20 августа, туман рассеялся всего на несколько минут. Долгое время Гаттерас, сидя в «вороньем гнезде», жадно всматривался вдаль; затем он молча спустился на палубу и приказал идти дальше. По его лицу было видно, что он потерял всякую надежду.

«Форвард» снялся с якоря и наудачу двинулся к северу. Из-за сильной качки марса-реи и брам-реи были спущены со всем такелажем. Стеньги были спущены, так как нельзя было рассчитывать на постоянно менявшийся ветер, который в извилистых проходах ста-

новился почти бесполезным. На море местами начинали уже появляться широкие белесые, словно маслянистые пятна, предвещавшие близкие морозы. Когда ветер стихал, море начинало быстро замерзать; но этот молодой лед легко ломался и расходился при новых порывах ветра. К вечеру температура понизилась до $+17^{\circ}$ (-7° Ц).

Входя в забитый льдами проход, бриг начинал действовать как таран, — на всех парах устремлялся на преграду и разбивал ее. Иной раз казалось, что «Форвард» окончательно попал в западню, но неожиданное передвижение ледяных масс открывало ему новый проход, в который бриг поспешно входил. Во время остановок пар, вырвавшийся из клапанов, сгущался в холодном воздухе и снежными хлопьями падал на палубу. Ход брига замедлялся и по другой причине: нередко в лопасти винта попадали твердые, как камень, куски льда, разбить которые машина не могла. Тогда приходилось давать задний ход; бриг пятился назад, а матросы ломачами и ганшпугами освобождали винт от застрявших в лопастях осколков. Борьба с этими преградами изматывала матросов; приходилось то и дело останавливаться.

Так продолжалось тринадцать дней; «Форвард» с трудом продвигался вдоль пролива Пенни. Экипаж повиновался, хотя и не без ропота. Все поняли, что вернуться назад теперь уже нет возможности. Движение на север представляло меньше опасностей, чем отступление на юг. Необходимо было подумать о зимовке.

Матросы обсуждали между собой положение, в каком очутился бриг. Однажды они даже заговорили об этом с Ричардом Шандоном, который, как им было известно, держал их сторону. Нарушая свой долг и дисциплину, Шандон позволял матросам в своем присутствии обсуждать действия капитана.

— Так, по-вашему, мистер Шандон, — спросил Гриппер, — нам уже нельзя повернуть назад?

— Теперь уже поздно, — ответил Шандон.

— Так значит, — начал другой матрос, — нам придется подумать о зимовке?

— В этом наше единственное спасение! Но мне ведь никто не верил...

— В другой раз мы вам будем верить, — ответил Пэн, который уже вышел из-под ареста.

— Но ведь я здесь не хозяин... — сказал Шандон.

— Как знать! — возразил Пэн. — Джон Гаттерас может идти, куда ему угодно, но кто нам велит тащиться за ним?

— Вспомните только его первое плавание в Баффинов залив и чем оно кончилось, — сказал Гриппер.

— А его плавание на «Фарвеле», — подхватил Клифтон. — Он погубил корабль в водах Шпицбергена!

— Оттуда вернулся один только Гаттерас, — заметил Гриппер.

— Со своим псом, — добавил Клифтон.

— Охота была рисковать своей шкурой в угоду этому человеку! — воскликнул Пэн.

— И потерять премию, которую мы честно заработали, — заметил Клифтон, как всегда, занятый корыстными расчетами. — Когда мы пройдем семьдесят восьмой градус, до которого уже недалеко, — добавил он, — то каждому из нас будет причитаться по триста семьдесят пять фунтов.

— А не потеряем мы их, если вернемся без капитана? — спросил Гриппер.

— Нет, если будет доказано, что вернуться было необходимо, — отвечал Клифтон.

— Но ведь... капитан...

— Успокойся, Гриппер, — сказал Пэн, — у нас будет капитан, да еще какой бравый! Мистер Шандон его знает. Когда командир судна сходит с ума, его сменяют и ставят другого. Так ведь, мистер Шандон?

— Друзья мои, — уклончиво ответил Шандон, — я всегда буду с вами заодно. Будем ждать дальнейших событий.

Итак, над головой Гаттераса собирались тучи. Но непоколебимый, энергичный, самоуверенный капитан отважно шел вперед. Правда, он не мог всякий раз направлять судно, куда хотел, но следует сказать, что «Форвард» выдержал испытание: путь, пройденный

им за пять месяцев, другие мореплаватели проходили в два-три года. Гаттерас вынужден был провести здесь зиму, но что это значило для людей мужественных и решительных, для испытанных, отважных сердец, для бесстрашных, закаленных моряков? Разве сэр Джон Росс и Мак-Клур не провели три зимы подряд в арктических странах? Что сделали одни — могут сделать и другие.

— Безусловно, — рассуждал Гаттерас, — если понадобится, и мы перезимуем. Какая досада, — говорил он доктору, — что нам не удалось войти в пролив Смита в северной части Баффинова залива. Теперь я наверняка был бы уже у полюса.

— Ну что же, — всякий раз отвечал доктор с несколько наигранной уверенностью. — Мы все-таки достигнем полюса, только не на семьдесят пятом, а на девяносто девятом меридиане. Не все ли равно? Если все пути ведут в Рим, то так же несомненно, что все меридианы ведут к полюсу.

31 августа термометр показывал $+13^{\circ}$ (-10° Ц). Приближался конец навигации; «Форвард» оставил справа остров Эксмут, а через три дня прошел Столовый остров, лежащий посреди пролива Бельчера. Несколько раньше этим проливом можно было бы пройти в Баффинов залив, но теперь об этом нечего было и думать. Этот рукав был совершенно загроможден льдами, и теперь под килем «Форварда» не оказалось бы и на дюйм воды. Кругом простирались безбрежные ледяные поля, обреченные на восьмимесячную неподвижность.

К счастью, еще можно было продвинуться на несколько минут к северу, с разбегу разбивая молодой лед или взрывая его зарядами. При низкой температуре больше всего приходилось опасаться тихой погоды, во время которой проходы быстро замерзали. Поэтому экипаж радовался даже противным ветрам. Стоило простоять безветренной ночи — и море замерзало.

Но «Форвард» не мог остановиться на зимовку в этих местах: здесь его со всех сторон обдували ветры, к тому же он рисковал столкнуться с айсбергами, и

его могло отнести течение пролива. Надо было подумать о безопасном убежище. Гаттерас надеялся добраться до берегов Корнуолла и найти где-нибудь за мысом Альберта достаточно защищенную бухту. И так, он упорно держал курс на север.

Но 8 сентября непроходимая, непреодолимая ледяная преграда выросла с севера перед бригам; температура опустилась до $+10^{\circ}$ (-12° Ц). Встревоженный Гаттерас тщетно искал свободного прохода, сто раз подвергая опасности свое судно и с необычайным искусством выходя из беды. Его можно было обвинить в безрассудстве, опрометчивости, в безумной отваге, в ослеплении, но все же он был отличным, выдающимся капитаном.

Положение «Форварда» стало чрезвычайно опасным. И в самом деле, море позади него замерзло, и через несколько часов лед настолько окреп, что матросы могли спокойно по нему ходить и тянуть бриг.

Видя, что нельзя обойти препятствие, Гаттерас решил двинуться на него в атаку и пустил в ход самые сильные подрывные заряды, содержавшие восемь — десять фунтов пороха. Лед прорубали во всю его толщину; отверстие набивали снегом, заложив в него заряд в горизонтальном положении, чтобы взрыв захватил возможно большую площадь льда, и, наконец, поджигали фитиль, находившийся в гуттаперчевой трубке.

Таким образом пытались взорвать ледяное поле; распилить его было невозможно, потому что распиленные части смерзались чуть ли не под самой пилкой. Как бы то ни было, Гаттерас надеялся на следующий день проложить себе дорогу.

Ночью поднялся сильный ветер; ледяная кора колыхалась, словно под ней разыгралась буря. Вдруг с мачты раздался испуганный голос лоцмана:

— Гляди за корму! Гляди за корму!

Гаттерас взглянул в указанном направлении. И то, что он увидел в ночной темноте, заставило его невольно вздрогнуть.

Огромная ледяная гора, гонимая ветром к северу, с быстротой лавины неслась прямо на бриг.

— Все вверх! — скомандовал капитан.

Ледяная гора находилась не больше чем в полумиле от «Форварда». Лыдины громоздились, лезли друг на друга, сталкивались, как чудовищные песчинки, подхваченные ураганом; стоял оглушительный грохот.

— Такой страшной опасности мы еще ни разу не подвергались, доктор, — сказал Джонсон.

— Да, — спокойно отвечал Клоубонни, — страшно-вато.

— Нам придется отразить настоящий приступ, — продолжал боцман.

— В самом деле! Совсем как стадо допотопных чудовищ, которые, как предполагают, некогда обитали у полюса. Смотрите, как они толпятся! Они стараются обогнать друг друга.

— Некоторые из них вооружены острыми копьями, которых я посоветовал бы вам остерегаться, — заметил Джонсон.

— Форменный штурм! — воскликнул доктор. — Что ж, поспешим на бастионы!

И он ринулся на корму, где экипаж, вооруженный шестами, ломami и ганшпугами, готовился отразить грозный приступ.

Лавина льдов приближалась; она все увеличивалась в размерах, увлекая за собою окружающие ее льдины. По приказанию Гаттераса стоявшая на носу пушка стреляла ядрами, чтобы разбить грозный фронт льдов. Но вот ледяная громада приблизилась к бригу и обрушилась на него. Раздался страшный треск, и часть правого фальшборта была снесена.

— Ни с места! — вскричал Гаттерас. — Берегись!

Лыдины с непреодолимой силой рвались кверху, глыбы весом в несколько сот килограммов лезли вверх по бортам брига; те, что поменьше, взлетали на высоту марсов, падали острыми обломками, рвали ванты и снасти. Экипаж изнемогал под натиском армии льдов, которые своей массой могли бы раздавить сотню кораблей, подобных «Форварду». Каждый старался от-

разить нападение ледяных скал, причем не один матрос был ранен их острыми гранями. Болтону сильно повредило левое плечо. Грохот все усиливался. Дэк бешено лаял на этих новых врагов. Сгустившийся мрак усугублял ужас положения, не скрывая, однако, льдин, белизна которых отражала рассеянный в атмосфере свет.

Гулко раздавалась команда Гаттераса посреди этой фантастической, небывалой, сверхъестественной борьбы со льдами. Бриг под давлением громадной тяжести накренился на левую сторону, причем его грота-рей упирался своим концом в ледяную гору; казалось, мачта вот-вот сломается.

Гаттерас понимал опасность положения; настало грозное мгновение; бриг сильно накренился, каждый миг его мачты могли быть снесены.

Гигантская ледяная глыба величиной с бриг поднималась около самого его борта; она неудержимо ползла кверху, становилась все выше и уже нависала над ютом. Если бы она рухнула на корабль, — он был бы раздавлен в лепешку. Но вот она встала дыбом и поднялась выше брам-реев; громада угрожающе покачивалась.

Крик ужаса вырвался у матросов. Все в страхе шарахнулись на правый борт.

В этот миг бриг был подброшен кверху. Несколько мгновений висел он в воздухе, потом резко накренился и упал на лед, причем от удара затрещал весь его корпус.

Но что же произошло?

Приподнятый бешеным натиском льдов, под напором льдин, давивших на него с кормы, корабль прошел непреодолимую преграду. Через минуту, длившуюся целую вечность, «Форвард» рухнул по другую сторону преграды на ледяное поле, проломил его своей тяжестью и очутился в своей родной стихии.

— Взяли барьер! — крикнул Джонсон, стоявший на носу.

— Слава богу! — вырвалось у Гаттераса

И в самом деле, бриг находился среди ледяного бассейна. Со всех сторон его окружали льды, и, хотя

его киль был в воде, «Форвард» не мог двигаться. Он был недвижим, но ледяное поле двигалось вместо него.

— Дрейфуем, капитан! — крикнул Джонсон.

— Что делать, — отозвался Гаттерас.

Впрочем, как было воспрепятствовать этому?

Утром обнаружили, что ледяное поле, увлекаемое подводным течением, быстро продвигается к северу. Пловучая масса льдов увлекала с собой «Форвард», зажатый среди беспредельного ледяного поля. На случай возможной катастрофы (ведь бриг легко мог быть повален набок или раздавлен напором льдов) Гаттерас приказал вынести на палубу побольше съестных припасов, лагерные принадлежности, одежду и одеяла. По примеру капитана Мак-Клура, оказавшегося в таком же положении, Гаттерас велел окружить бриг поясом из надутых воздухом мешков, чтобы предохранить корпус от серьезных повреждений. При температуре $+7^{\circ}$ (-14° Ц) льды вскоре начали нагромождаться вокруг «Форварда» и обступили его со всех сторон; над стеною льдов поднимались лишь мачты брига.

Семь дней плыли таким образом; мыс Альберта, находящийся на западной оконечности Корнуолла, был замечен 10 сентября, но вскоре скрылся из виду. С этого момента ледяное поле начало двигаться на восток. Куда оно шло? Где остановится? Кто мог бы ответить на эти вопросы?..

Экипаж ничего не делал и только ждал дальнейших событий. Наконец, 15 сентября, около трех часов пополудни, ледяное поле, вероятно натолкнувшись на другое, внезапно остановилось. Бриг сильно встряхнуло. Гаттерас, который успел произвести точные наблюдения, взглянул на карту. «Форвард» остановился на крайнем севере, в пункте, откуда не было видно никаких признаков земли, под $95^{\circ}35'$ долготы и $78^{\circ}15'$ широты, в центре той области, того неисследованного моря, где, по мнению географов, находится полюс холода.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Приготовление к зимовке

В среднем южное полушарие, на тех же самых широтах, холоднее северного. Но температура в Новом Свете на целых пятнадцать градусов ниже температуры других частей света, и нет ничего ужаснее области, известной под названием полюса холода.

Средняя годовая ее температура не превышает -2° (-19° Ц). Ученые следующим образом объясняют это, и доктор Клоубонни вполне разделял их точку зрения.

По мнению ученых, на севере Америки господствуют юго-западные ветры, отличающиеся наибольшим постоянством; направляясь от Тихого океана, они приносят с собою ровную и умеренную температуру. Но, чтобы достигнуть арктических морей, эти ветры должны пронестись над огромным американским материком, покрытым снегами, вследствие чего они по пути охлаждаются и заносят в гиперборейские¹ страны лютую стужу.

Итак, Гаттерас находился у самого полюса холода, за пределами стран, исследованных его предшественниками. Предстояло провести суровую зиму на затертом льдами корабле, с экипажем, готовым к мятежу, — было над чем задуматься! Но Гаттерас, со свойственной ему энергией, решил бороться со всеми невзгодами. Он смело взглянул в лицо опасностям и не опускал головы.

С помощью искушенного в полярных путешествиях Джонсона Гаттерас начал принимать все меры, необходимые для зимовки. По его расчетам, «Форвард» отнесло на двести пятьдесят миль от последней исследованной земли, то есть от Корнуолла. Ледяное поле сдавило бриг со всех сторон, точно гранитное ложе, и никакие человеческие усилия не могли бы освободить его из этих тисков.

В обширных морях, скованных зимней арктической стужей, не было ни капли свободной воды. Ледяные

¹ Гиперборейские — страны крайнего севера.

поля простирались на необозримое пространство, нигде не было видно ровной поверхности. Бессчетные айсберги поднимались над снежной равниной. Самые высокие из них защищали «Форвард» с трех сторон, так что он подвергался действию только юго-восточного ветра. Представьте себе скалы вместо льдин и зеленые берега вместо снегов; вообразите, что море приняло свой обычный вид, — тогда бриг стоял бы на якоре в живописной, защищенной от суровых ветров бухте. Но здесь, под полярной широтой, как все кругом печально, какая унылая природа, какой безнадежный ландшафт!

Несмотря на полную неподвижность брига, его все-таки пришлось укрепить на якорах, на случай внезапного передвижения льдов и подледных волнений. Узнав, что «Форвард» находится у полюса холода, Джонсон стал особенно тщательно соблюдать все меры предосторожности, необходимые для зимовки.

— Придется нам хлебнуть горя! — сказал он доктору. — И то сказать, такое уж счастье выпало нашему капитану: угораздило же его застрять в самом скверном месте земного шара! Но ничего! Вот увидите, уж мы как-нибудь да извернемся.

А доктор в глубине души был в восторге. Он не променял бы свое положение ни на какое другое в мире. И в самом деле, какое блаженство: провести зиму у самого полюса холода!

Прежде всего экипаж занялся оснасткой брига; паруса остались на реях, они не были убраны в трюм, как это делали первые мореплаватели, зимовавшие в полярных водах. Их только свернули и уложили в чехлы, и вскоре лед образовал вокруг них непроницаемую оболочку. Не спустили даже брамстенги; «воронье гнездо» также осталось на своем месте. Это была своего рода маленькая обсерватория. Убрали только снасти.

Необходимо было обколоть лед вокруг брига, который с трудом выдерживал его давление. Глыбы льда, окружавшие корпус «Форварда», имели огромный вес. Корабль ушел во льды ниже нормальной ватерлинии. Предстояла трудная и продолжительная работа. Через

несколько дней подводная часть брига была освобождена из плена, и обстоятельством этим воспользовались, чтобы осмотреть ее. Она не пострадала благодаря прочной конструкции судна и только лишилась почти всей своей медной обшивки. Освобожденный бриг приподнялся почти на девять дюймов. Затем вокруг всего судна обрубили наискось, соответственно формам корпуса лед, вследствие чего льды соединились под килем брига и больше не оказывали на него давления.

Доктор принимал деятельное участие во всех этих работах; он искусно владел снеговым ножом и своими шутками ободрял матросов. Клоубонни учился сам и учил других. Он весьма одобрил принятые меры.

— Очень умно придумано! — сказал он.

— Без этого, доктор, — ответил Джонсон, — судну ничем бы не выдержать давления льдов. Теперь мы смело можем обнести бриг снежной стеной высотой до планширя, а толщиной хоть в десять футов; материала сколько угодно.

— Превосходная мысль, — согласился доктор. — Снег — плохой проводник тепла, поэтому тепло не будет уходить наружу, он отражает лучи, вместо того чтобы их поглощать.

— Правильно, — сказал Джонсон. — Мы построим форменное укрепление в защиту от холода и диких зверей, на случай если им вздумается нанести нам визит. Вот посмотрите, когда работы будут закончены, вид будет совсем неплохой. Мы прорубим в снегу две лестницы, одна будет вести на нос, другая — на корму. Вырубим ступеньки и польем их водой; вода живо превратится в твердый, как камень, лед — и у нас будет лестница, как во дворце!

— Отлично, — ответил доктор. — Какое счастье, что мороз производит снег и лед, предохраняющие от холода. Не будь этого, мы оказались бы в прескверном положении.

Итак, бригу предстояло исчезнуть под толстым слоем льда, который должен был сохранять тепло. Над палубой во всю ее длину натянули толстую просмоленную парусину, вскоре покрывшуюся снегом.

Парусина свисала вниз, закрывая бока брига. Палуба, защищенная от атмосферных влияний, стала местом прогулок; ее покрыли слоем снега в два с половиной фута толщины, снег утоптали и утрамбовали, и он превратился в твердую массу, не пропускавшую наружу тепло. Затем площадку усыпали песком, который смерзся со снегом и образовал очень прочную мостовую.

— Еще немного, — сказал доктор, — стоит посадить здесь несколько деревьев, и я подумаю, что гуляю в Гайд-парке или даже в висячих садах Вавилона.

Невдалеке от брига в ледяном поле проделали круглое отверстие, настоящий колодец, который необходимо было содержать в исправности. Каждое утро прорубали лед, образовавшийся за ночь на поверхности, потому что колодец должен был доставлять воду как на случай пожара, так и для постоянных ванн, которые предписывались экипажу в целях гигиены. Для экономии топлива воду черпали из глубины моря, где она менее холодна. Достигалось это при помощи аппарата, изобретенного одним французским ученым¹. Аппарат этот, опущенный на известную глубину, наполнялся водой через цилиндр с двойным подвижным дном.

Обычно на зимнее время корабль разгружают от излишних вещей, чтобы освободить побольше места; их сохраняют в складах где-нибудь на берегу. Но разве это возможно, когда судно стоит на якоре среди ледяного поля?

Внутреннее оборудование брига было приспособлено для борьбы с двумя главными врагами человека в полярных широтах — холодом и сыростью. Первый неминуемо влечет за собою вторую. Борьба с холодом еще можно, но сырость всегда одолевает человека. Поэтому необходимо было устранить этого страшного врага.

«Форвард», предназначенный для плавания в арктических морях, был прекрасно приспособлен для зимовки. Просторный кубрик был устроен весьма целе-

¹ Франсуа Араго.

сообразно; там не было никаких углов, в которых прежде всего заводится сырость. Дело в том, что при известном понижении температуры на переборках, особенно в углах, образуется лед, который тает и создает в помещении постоянную сырость. Было бы лучше всего, если бы кубрик имел круглую форму. Кубрик отапливался большой печью, хорошо вентилировался и представлял собой очень уютное помещение. Стены его были обтянуты оленьими шкурами, а не шерстяной материей, так как она задерживает пары, которые, скапливаясь, насыщают воздух влагой.

Под ютом сняли переборки, и помощники получили большую теплую кают-компанию с хорошей вентиляцией. Перед этой каютой, как и перед кубриком, находилось что-то вроде передней, предохранявшей жилье от соприкосновения с наружным воздухом. Таким образом, тепло не выходило наружу, и люди постепенно переходили из одной температуры в другую. В передней оставляли покрытую снегом одежду; ноги обчищались о находившиеся у порога скребки, чтобы не заносить в помещение сырости.

Парусиновые рукава проводили воздух, необходимый для тяги при топке печей; через другие рукава водяные пары выходили наружу. Кроме того, в обенх каютах устроили конденсаторы, которые поглощали пары во избежание сырости на стенах. Два раза в неделю конденсаторы опоражнивались; иногда в них находилось по несколько ведер воды. Это уже был шаг к победе над врагом!

Топка печей очень легко регулировалась при помощи рукавов, проводивших воздух. Было установлено, что требуется лишь небольшое количество угля, чтобы поддерживать в помещении температуру $+50^{\circ}$ ($+10^{\circ}$ Ц).

Гаттерас велел определить запасы угля, причем оказалось, что при самой строгой экономии топлива хватит всего на два месяца.

Устроили сушилку для одежды, требовавшей постоянной стирки. Просушивать ее на воздухе было невозможно, потому что она быстро твердела и делалась ломкой.

Осторожно разобрали самые важные детали машины и наглухо заперли помещение, где они были сложены.

Порядок жизни на бригае стал предметом серьезных обсуждений. Гаттерас тщательно выработал распорядок дня и приказал вывесить в кубрике. Команда вставала в шесть часов утра; койки три раза в неделю проветривались; каждое утро пол жилых помещений натирали нагретым песком; горячий чай подавали за завтраком, обедом и ужином; пищу, по возможности, разнообразили. Она состояла из хлеба, муки, говяжьего жира, изюма для пудингов, сахара, какао, чая, риса, лимонного сока, мясных консервов, солины и соленой свинины, маринованной в уксусе капусты и овощей. Кухня была изолирована от жилых помещений; пришлось отказаться от использования ее тепла, так как варка пищи — постоянный источник паров и сырости.

Здоровье человека в значительной мере зависит от того, чем он питается. В полярных странах нужно как можно больше употреблять в пищу животных продуктов. Доктор имел решающий голос при обсуждении пищевого режима экипажа.

— Надо брать пример с эскимосов, — говорил он, — сама природа была их наставницей, и в этом отношении они наши учителя. Арабы и африканцы довольствуются несколькими финиками и горстью риса; но здесь необходимо есть, и есть много. Эскимосы ежедневно поглощают от десяти до пятнадцати фунтов жира. Если такая пища вам не по вкусу, то придется прибегнуть к другим продуктам, богатым сахаром и жирами. Одним словом, нам необходимы углеводы! Так давайте же производить углеводы! Мало того, что мы будем набивать печь углем, необходимо также снабжать этим топливом ту драгоценную печь, которую мы носим в себе.

Вместе с тем экипажу предписывалось соблюдать самую строгую опрятность. Каждый должен был принимать через день ванну из полужамерзшей воды, доставляемой колодцем, — превосходное средство для сохранения естественной теплоты тела. Доктор подавал всем пример; сначала он делал это как нечто

весьма ему неприятное, но вскоре начал находить удовольствие в такого рода гигиеническом купанье.

Когда приходилось работать, охотиться или ходить на разведку в сильный мороз, — принимали меры, чтобы не отморозить лица и конечностей. Когда это случалось, кровообращение восстанавливали, натирая пораженное место снегом. Впрочем, все были с ног до головы одеты во все шерстяное, а выходя наружу, надевали доху из оленьих шкур и брюки из моржовой шкуры, совершенно непроницаемые для ветра.

Различные работы и переделки на бригае заняли около трех недель и к 10 октября были благополучно закончены.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Старый песок Джемса Росса

В этот день термометр показывал —3° (—16° Ц). Погода стояла сравнительно тихая; благодаря отсутствию ветра экипаж довольно легко переносил мороз. Гаттерас, пользуясь ясной погодой, отправился на разведку; пройдя по снежным полям, он взобрался на самую высокую ледяную гору, поднимавшуюся на севере, но ничего не увидел в подзорную трубу, кроме бесконечного ряда ледяных гор и полей. Ни одного клочка земли; кругом безнадежный ледяной хаос. На обратном пути капитан размышлял о том, сколько времени продлится их плен.

Охотники, в том числе доктор, Джемс Уолл, Симпсон, Джонсон и Бэлл, снабжали бриг свежим мясом. Птицы исчезли; они улетели на юг, в менее суровые страны. Одни только белые межники (разновидность куропаток, характерная для полярных стран) не бежали перед зимней стужей; бить куропаток было трудно; они водились в огромном количестве и обещали экипажу обильный запас дичи.

Было немало медведей, песцов, горностаев и волков. Французский, английский или норвежский охотник не имел бы права жаловаться на недостаток

дичи; но эти звери не подпускали охотников на выстрел. К тому же их трудно было различить на фоне ослепительно белых снегов. Еще до наступления морозов эти звери меняют окраску и одеваются в зимний мех. Вопреки мнению некоторых натуралистов доктор утверждал на основании собственных наблюдений, что эта метаморфоза не вызвана значительным похолоданием, ибо происходит еще до октября месяца. Таким образом, она не имеет никакой физической причины и носит особый характер, доказывая, что провидение печется о тварях, заранее готовя их к арктической зиме.

Нередко встречались также морские коровы, морские собаки — животные, известные под общим наименованием тюленей. Они представляли особенную ценность как из-за своих шкур, так и из-за жира, который является прекрасным топливом. Впрочем, и печень тюленей в случае надобности могла служить превосходной пищей. Тюленей насчитывали сотнями, а в двух-трех милях к северу от брига ледяное поле было все избуравлено отдушинами этих огромных амфибий. Но беда в том, что они каким-то удивительным инстинктом чуяли приближение охотников и, раненые, быстро скрывались, ныряя под лед.

Однако девятнадцатого числа Симпсону удалось добыть одного из них в четырехстах ярдах от корабля. Симпсон ухитрился закупорить отдушину тюленя, так что животное очутилось во власти охотников. Тюлень долго сопротивлялся, но в него пустили несколько пуль и, наконец, прикончили. Длиной он был в девять футов; у него была голова бульдога, огромные челюсти с шестнадцатью зубами, могучие грудные плавники, похожие на крылья, и короткий хвост, снабженный другой парой плавников. Это был великолепный экземпляр из семейства морских собак. Доктор, желавший сохранить голову тюленя для своей зоологической коллекции, а кожу — на всякий случай, препарировал свою добычу, прибегнув к весьма простому и дешевому способу. Он погрузил тушу тюленя в полынью, где тысячи мелких морских рачков дотла уничтожили его мясо; в несколько часов их работа была

закончена с таким искусством, которому мог бы позавидовать лучший представитель почтенной корпорации ливерпульских кожевников.

Как только солнце, 23 сентября, пройдет точку осеннего равноденствия, начинается арктическая зима. Животворное светило склонялось все ниже к горизонту и 23 октября совсем скрылось, освещая косыми лучами вершины ледяных гор. Доктор, как ученый и путешественник, послал ему последнее «прости» — до февраля ему уже не увидеть солнца.

Не следует думать, что во время полярной ночи в арктических странах царит полный мрак. Луна заменяет здесь солнце; к тому же ярко светят звезды и планеты, нередко бывают северные сияния, а снежные равнины отбрасывают на небо отблеск. Солнце в момент своего наибольшего склонения к югу, 21 декабря, находится всего на тринадцать градусов ниже горизонта, и каждые сутки в течение нескольких часов наблюдается как бы сумеречный свет. Но туманы и метели зачастую погружают в полный мрак эти холодные страны.

Однако до последнего времени погода стояла довольно хорошая; одни только куропатки и зайцы имели право жаловаться, потому что охотники не оставляли их в покое. Поставили много капканов на песцов, но эти лукавые животные не попадались в ловушку; иной раз они разгребали снег под капканом и преспокойно съедали приманку. Доктор посылал их к черту, сожалея о том, что делает сатане такой подарок.

25 октября термометр показывал -4° (-20° Ц). Разразился страшный буран; над равниной кружились крупные хлопья снега, заволакивая все кругом белой завесой. На бриге довольно долгое время беспокоились об участи Бэлла и Симпсона, которые, увлекшись охотой, зашли слишком далеко. Они вернулись на судно только на следующее утро. Целый день они пролежали на льду, завернувшись в оленьи шкуры; буран с ревом пронесся над ними и покрыл их сугробом снега в пять футов высотой. Они чуть не замерзли, и доктору стоило немалых трудов восстановить у них нормальное кровообращение.

Буря продолжалась без перерыва целых восемь дней. Нельзя было даже выглянуть наружу. В течение одного дня температура иной раз колебалась в пределах пятнадцати — двадцати градусов.

Во время этих невольных досугов каждый жил своей особой жизнью: одни спали, другие курили, третьи разговаривали вполголоса, замолкая при приближении Джонсона или доктора. Людей экипажа уже ничто не связывало. Собирались они только по вечерам на общую молитву да по воскресным дням на чтение библии и богослужение.

Клифтон рассчитал, что за пределами семьдесят восьмого градуса его премия достигнет трехсот семидесяти пяти фунтов; он находил, что это кругленькая сумма, дальше его честолюбие уже не простиралось. Его мнение разделяли и другие матросы, надеясь в свое удовольствие попользоваться деньгами, приобретенными ценой таких лишений и трудов.

Гаттерас почти не показывался. Он не принимал участия ни в охоте, ни в прогулках. Его ничуть не интересовали метеорологические явления, которыми так восхищался доктор. Он жил одной лишь мыслью, которую можно было резюмировать в двух словах: «Северный полюс». Он ждал только минуты, когда освобожденный «Форвард» снова двинется в свое опасное плавание.

Вообще настроение на бригае было подавленное. И в самом деле, что может быть печальнее, чем вид попавшего в плен судна, которое больше не находится в своей родной стихии и формы которого скрадываются под толстым слоем льда; «Форвард» уже не был похож на себя; предназначенный для движения, он не мог тронуться с места; его превратили в деревянный дом, в склад, в неподвижное жилище, его — не боявшегося ветров и бурь. Это неестественное, нелепое положение невольно угнетало моряков и наводило на грустные размышления.

В часы досуга доктор приводил в порядок свои дорожные записки, в точности воспроизведенные в настоящем рассказе; он ни минуты не сидел без дела,

и его настроение никогда не изменялось. Замечая, что буран затихает, он с удовольствием думал об охоте.

3 ноября в шесть часов утра при температуре -5° (-21° Ц) Клоубонни отправился на охоту вместе с Джонсоном и Бэллом. Ледяные поля расстилались гладкой скатертью. Снег, выпавший в большом количестве за предыдущие дни, затвердел от мороза, и идти было легко. Стояла сухая, резкая стужа. Луна светила изумительно ярко, создавая чудесную игру света на изломах льдин; следы шагов, освещенные по краям, тянулись блестящей полосой за охотниками, огромные тени которых резко выделялись на снегу.

Доктор захватил с собой своего приятеля Дэка, не без оснований предпочитая его гренландским собакам, которые на охоте бесполезны и, повидимому, не обладают темпераментом собак умеренного пояса. Дэк носился по снегу, обнюхивал дорогу и нередко делал стойку перед свежими следами медведей. Но, несмотря на все его искусство, охотники, после двухчасовой ходьбы, не встретили ни одного зайца.

— Неужели же вся дичь переселилась на юг? — сказал доктор, останавливаясь у подошвы холма.

— Может быть, и так, — ответил Бэлл.

— А я этого не думаю, — возразил Джонсон, — зайцы, песцы и медведи освоились со здешним климатом. По-моему, это буран их разогнал; но вот увидите, они появятся с первым же южным ветром. Другое дело, если бы речь шла об оленях или мускусных быках.

— А между тем на острове Мельвилла встречаются большие стада этих животных, — сказал доктор. — Правда, остров этот находится несколько южнее. Во время своих зимовок Парри всегда имел там достаточный запас этого превосходного мяса.

— Ну, а нам не повезло, — ответил Бэлл. — Хорошо было бы запасть хотя бы медвежатиной

— Но это как раз труднее всего, — заметил доктор. — Мне кажется, что медведей слишком мало и они уж очень дикие; они слишком осторожны и еще

недостаточно цивилизованы, чтобы подставлять лоб под пули.

— Бэлл говорит о медвежатине, — сказал Джонсон, — но сейчас жир этих животных для нас гораздо важнее их мяса и меха.

— Правда твоя, Джонсон, — ответил Бэлл. — Ты все думаешь о топливе?

— Да и как не думать! При самой строгой экономии у нас хватит угля не больше чем на три недели.

— Да, — сказал доктор, — и это главная опасность. Сейчас только начало ноября, а между тем февраль — самый холодный месяц в полярных странах. Во всяком случае, за недостатком медвежьего жира мы можем рассчитывать на жир тюленей.

— Ненадолго, доктор, — ответил Джонсон, — потому что в скором времени они уйдут от нас. От холода, а может быть из осторожности, но вскоре тюлени перестанут выходить на поверхность льда.

— В таком случае, — сказал доктор, — остаются одни медведи. По правде сказать, это самые полезные животные здешних стран, потому что они доставляют все необходимое человеку — пищу, одежду, освещение и отопление. Слышишь, Дэк, — добавил доктор, лаская собаку, — нам нужны медведи; ищи, друг мой, ищи!

Между тем Дэк обнюхивал лед; понукаемый доктором, он вдруг стрелой бросился вперед. Он громко лалял, и, несмотря на расстояние, его лай ясно доносился до охотников.

Исключительно хорошая слышимость при низкой температуре — замечательное явление, с которым может сравниться только яркий блеск звезд полярного небосклона. Лучи света и звуковые волны распространяются на огромные расстояния, особенно во время сухих и холодных гиперборейских ночей.

Охотники, прислушиваясь к отдаленному лаю, отправились по следам Дэка. Пройдя милю, они совсем запыхались, ибо легкие быстро устают на таком морозе. Дэк находился в пятидесяти шагах от ледяного холма, на котором стоял, странно раскачиваясь, какой-то огромный зверь.

— Наше желание исполнилось! — воскликнул доктор, взводя курок ружья.

— Медведь, и к тому же из крупных, — сказал Бэлл.

— И какой-то чудной, — добавил Джонсон, готовясь выстрелить после своих товарищей.

Дэк бешено лаял. Бэлл приблизился шагов на двадцать и выстрелил, но, повидимому, промахнулся, потому что животное продолжало тяжело покачивать головой.

Подойдя поближе, Джонсон тщательно прицелился и спустил курок.

— Опять ничего! — воскликнул доктор. — Ах, эта проклятая рефракция! Мы не подошли даже на выстрел... Никак не привыкнешь к этому! Медведь находится от нас больше чем в тысяче шагов.

— Вперед! — крикнул Бэлл.

Охотники быстро приближались к зверю, который нимало не испугался выстрелов. Он казался огромным, но, несмотря на опасность, охотники уже предвкушали победу. Подойдя поближе, они снова выстрелили; медведь, как видно, смертельно раненный, сделал огромный прыжок и свалился у подошвы холма.

Дэк бросился к нему.

— Вот медведь, с которым нетрудно было справиться, — сказал доктор.

— Хорош медведь! Повалился с третьего выстрела, — презрительно бросил Бэлл.

— Как странно... — пробормотал Джонсон.

— Может быть, мы явились как раз в ту минуту, когда он подыхал от старости, — засмеялся доктор.

— Старый или молодой, все равно он наша законная добыча! — заявил Бэлл.

С этими словами охотники подошли к холму и, к своему крайнему удивлению, увидели, что Дэк теребит... труп белого песца!

— Вот так штука! — воскликнул Бэлл. — Это уж слишком!

— В самом деле! Стреляли по медведю, а убили песца! — сказал доктор.

Джонсон не знал, что сказать.

— Ну да! Опять этот мираж, вечно мираж! — расхохотался Клоубонни, но в его смехе звучала некоторая досада.

— Как же это так, доктор? — спросил плотник.

— Да все то же, друг мой. Преломление лучей ввело нас в заблуждение как относительно расстояния, так и относительно величины животного! Вместо песка показало нам медведя! Впрочем, и другие охотники нередко делали такие промахи в подобных же условиях. А мы-то с вами размышлялись!

— Ну, что же! Медведь или песец — все равно съедим, — сказал Джонсон. — Возьмем его.

Боцман собирался вкинуть песка себе на плечи, как вдруг воскликнул:

— Это еще что такое?

— В чем дело? — спросил доктор.

— Посмотрите-ка, доктор! У этого песка на шее ошейник!

— Ошейник? — переспросил Клоубонни, наклоняясь к трупку песка.

Действительно, на белом меху животного виднелся полустертый медный ошейник, на котором, как показалось доктору, была вырезана какая-то надпись. В один миг он снял ошейник, повидимому, давно уже надетый на шею песка.

— Что это значит? — спросил Джонсон.

— Это значит, друзья мои, — ответил Клоубонни, — что мы убили песка, которому больше двенадцати лет, одного из тех песцов, что были выпущены Джемсом Россом в тысяча восемьсот сорок восьмом году!

— Да неужели! — воскликнул Бэлл.

— Без всякого сомнения. Мне очень жаль, что мы убили бедную тварь. Во время зимовки Джемсу Россу пришло в голову наловить капканами множество белых песцов; им надели на шею медные ошейники, на которых было обозначено местонахождение кораблей «Энтерпрайз» и «Инвестигейтор», а также складов продовольствия. Песцы пробегают громадные пространства в поисках добычи, и Джемс Росс надеялся, что хоть один из них да попадет в руки участ-

ников экспедиции Франклина. Вот как было дело! И эта бедная тварь, которая в свое время могла бы спасти жизнь двух экипажей, даром погибла от наших пуль!

— Ну, нет! Есть мы его не станем, — заявил Джонсон. — И то сказать — двенадцатилетний песец! Во всяком случае, мы сохраним его шкуру на память об этой занятой встрече.

Джонсон вскинул убитого песца себе на плечи. Охотники отправились назад, ориентируясь по звездам. Их экспедиция не оказалась, однако, совсем бесплодной, потому что на обратном пути удалось настрелять довольно много белых куропаток.

За час до возвращения на бриг один феномен чрезвычайно изумил доктора. Это был в полном смысле слова дождь падающих звезд. Тысячи и тысячи метеоров бороздили небо, как ракеты во время фейерверка. Свет луны померк. Нельзя было наглядеться на это чудесное зрелище, которое продолжалось несколько часов. Подобное же явление наблюдали Моравские братья в Гренландии в 1799 году. Казалось, небо давало земле праздник под безотрадными полярными широтами.

По возвращении на бриг доктор всю ночь наблюдал величественное явление, прекратившееся только к семи часам утра, при глубоком затишьи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Последний кусок угля

Медведи, казалось, были совершенно неуловимы, но 4, 5 и 6 ноября удалось убить несколько тюленей. Ветер переменился, потеплело на несколько градусов, и опять начались жестокие метели. Невозможно было сойти с корабля, и приходилось непрестанно бороться с сыростью. В конце недели в конденсаторах оказывалось по несколько ведер льда.

15 ноября погода снова переменялась, и термометр опустился до -24° (-31° Ц). То была самая низкая температура, какую только приходилось наблюдать до сих пор. Такую стужу легко выносить при тихой погоде, но за последнее время свирепствовал ветер, который резал лицо словно острыми ножами.

Доктору было крайне досадно, что он таким образом очутился в плену, ибо от холодного ветра снег окреп, образовался твердый наст и можно было бы предпринять далекую экскурсию.

Заметим, однако, что всякое усиленное движение на таком морозе влечет за собой одышку. Человек не может выполнить в подобных условиях и четвертой доли своего обычного труда. Пользоваться железными инструментами также нельзя, ибо, если схватить их голой рукой, испытываешь ощущение ожога, и клочки кожи остаются на неосторожно взятом предмете.

Итак, экипаж оказался запертым на бригае. Зимовщики прогуливались каждый день по два часа на крытой палубе, где матросам разрешалось курить; в кубрике курить не полагалось.

Как только огонь в печи ослабевал, тотчас же на стенах и в пазах палубы выступал снег; все металлические предметы — дверные ручки, болты, гвозди — покрывались инеем.

Мгновенность этого явления удивляла доктора. Выдыхаемые людьми водяные пары сгущались в воздухе и, переходя из газообразного состояния в твердое, падали на них хлопьями снега. В нескольких шагах от печи стоял уже мороз, поэтому матросы обычно сидели у самого огня, прижавшись друг к другу.

Однако доктор советовал им постепенно приучаться к суровой температуре, которая к тому же могла еще понизиться. Он советовал матросам мало-помалу подвергать свой кожный покров укусам холода и подавал пример всей команде. Но лень или оцепенение приковывали каждого к привычному месту, которого никто не хотел оставить, предпочитая всему сон, даже в нездоровом тепле.

По мнению доктора, переход из теплой комнаты на мороз ничуть не опасен; этого не следует делать

только когда человек вспотел. В подтверждение сказанного доктор приводил немало примеров, но советы его почти всегда пропадали даром.

Что касается Джона Гаттераса, то, повидимому, он был нечувствителен к холоду. Он молча прогуливался по палубе, не ускоряя и не замедляя шагов. Неужели мороз не влиял на его крепкий организм? Или он обладал в высокой степени той жизненной энергией, которую тщетно искал у своих матросов? Быть может, он был настолько поглощен своей навязчивой идеей, что становился невосприимчивым к внешним явлениям? Экипаж с удивлением наблюдал, как капитан спокойно переносит двадцатичетырехградусный мороз; нередко Гаттерас отлучался с брига на несколько часов, но по возвращении его лицо ничуть не бывало обморожено.

— Удивительный человек, — сказал однажды доктор Джонсону, — он просто изумляет меня! Он словно носит в себе раскаленную печь! Это одна из самых могучих натур, какие только мне приходилось наблюдать.

— В самом деле, — отвечал Джонсон, — он ходит на открытом воздухе, одетый не теплее, чем в июне месяце.

— Одежда не имеет тут особенного значения, — заметил доктор. — И в самом деле, какой толк от теплой одежды тому, кто сам не производит теплоты? Это все равно, что согреть кусок льда, закутав его в шерстяное одеяло. Но Гаттерас в этом не нуждается. Такова уж его натура, и я не удивился бы, если бы он излучал такое же тепло, как раскаленные угли.

Джонсон, которому было поручено каждое утро расчищать прорубь, заметил, что лед достиг уже более десяти футов в толщину.

Почти каждую ночь доктор мог наблюдать великолепное северное сияние. С четырех часов вечера на севере небосклон начинал чуть заметно светлеть, принимая палевые тона. Часам к восьми окраска сгущалась, и над горизонтом проступала золотистая кайма, опиравшаяся краями о ледяные поля. Постепенно сияние всплывало все выше, двигаясь по направлению

к магнитному меридиану. Темноватые полосы пересекали лучезарный фон. Затем светящаяся зона начала выбрасывать во все стороны разноцветные лучи, которые то разгорались, то меркли. Нередко в самый разгар северного сияния возникали одна над другой несколько лучезарных дуг, тонувших в волнах красных, желтых, зеленых лучей. Ослепительное, несравненное зрелище! Но вот дуги начинали сближаться, образуя лучистые венцы, сиявшие неземным великолепием. Мало-помалу они сливались, зарево меркло, лучи бледнели, краски гасли, и чудесное сияние, неприметно расплываясь, таяло на юге в померкших облаках.

Невозможно себе представить все очарование этой феерии, которая разворачивается в высоких широтах, в каких-нибудь восьми градусах от полюса. Северное сияние, иногда наблюдаемое в умеренном поясе, не может дать даже приблизительного представления об этом грандиозном явлении природы. Можно подумать, что провидение, сжалившись над безотрадным севером, уделило ему самое изумительное из своих чудес.

Нередко на небе появлялись ложные луны, усиливая блеск ночного светила. Иной раз вокруг луны образовывались кольца, и она ослепительно сияла в центре светозарных кругов.

26 ноября было большое волнение, и вода била фонтанами из проруби. Толстый слой льда колыхался от морской зыби, и зловещий треск льдин говорил о подводной борьбе. К счастью, бриг прочно сидел во льду, только цепи его сильно гремели. Впрочем, в предупреждение несчастной случайности Гаттерас приказал закрепить их.

С каждым днем мороз все крепчал; небо заволось густым туманом; ветер яростно разметывал снежные сугробы. Трудно было определить, летел ли снег с неба, или поднимался с ледяных полей. Все кругом слилось в бушующей белесой мгле.

Экипаж занимался различными работами; главная из них состояла в приготовлении тюленьего жира и сала, которые мгновенно превращались в глыбы льда. Этот лед рубили топорами на куски, твердостью не

уступавшие мрамору; таким образом, собрали около двенадцати тонн сала и жира. Надобности в таре не было, да и бочонки все равно лопнули бы под давлением жидкости при резких изменениях температуры.

28 ноября термометр упал до -32° (-36° Ц). Угля оставалось всего на десять дней, и все с ужасом ждали минуты, когда запас топлива иссякнет.

В целях экономии Гаттерас приказал прекратить топку печи в кают-компании, и с этого дня Шандон, доктор и сам капитан должны были находиться в кубрике вместе с экипажем. Гаттерасу пришлось таким образом чаще быть с матросами, которые бросали на него хмурые, а порою и свирепые взгляды. Он слышал их жалобы, упреки и даже угрозы, но не подвергал их взысканию. Казалось, он был глух. Он не требовал места у огня и, молча, скрестив руки на груди, сидел где-нибудь в углу.

Несмотря на советы доктора, Пэн и его друзья не делали никаких упражнений: целые дни просиживали они, облокотясь на печь, или лежали, закутавшись в одеяла, на своих койках. Здоровье их стало быстро сдавать; они и не думали бороться с пагубным климатом, и не удивительно, что на бригае вскоре появилась цынга.

Доктор давно уже начал каждое утро выдавать экипажу лимонный сок и кальциевые пилюли. Но эти испытанные средства оказывали лишь слабое действие, болезнь развивалась, и вскоре у многих стали проявляться ее страшные признаки.

Тяжело было видеть несчастных, которые корчились от боли. Ноги у них чудовищно распухли и покрылись иссиня-черными пятнами; десны кровоточили, из распухших губ вырывались нечленораздельные звуки; переродившаяся, утратившая фибрин кровь уже не могла поддерживать жизнь в конечностях.

Клифтон первый заболел этим ужасным недугом, вслед за ним слегли Гриппер, Брентон и Стронг. Матросы, которых еще не коснулась болезнь, не могли не видеть страданий своих товарищей, потому что другого теплого помещения, кроме кубрика, не было.

Приходилось жить всем вместе, и вскоре кубрик превратился в лазарет, так как из восемнадцати человек экипажа тринадцать вскоре заболели цынгой. Пэну, повидимому, суждено было избежать болезни; этим он был обязан своей на редкость крепкой натуре. У Шандона проявились было первые признаки цынги, но тем дело и кончилось. Благодаря прогулкам помощнику капитана удалось сохранить здоровье.

Доктор самоотверженно ухаживал за больными; но у него сжималось сердце при виде страданий, которых он не мог облегчить. Он изо всех сил старался ободрить упавших духом матросов. Слова утешения, философские рассуждения и веселые шутки развлекали больных, скрашивая томительное однообразие зимних дней; он читал им вслух; память у Клоубонни была удивительная, и у него всегда был наготове запас занимательных рассказов; его охотно слушали и здоровые, собираясь вокруг печи. Но стоны больных, их жалобы, крики отчаяния порой прерывали его речь, и, не докончив рассказа, он возвращался к роли заботливого, преданного врача.

Впрочем, сам доктор был здоров и даже не похудел. Его тучность заменяла ему самую теплую одежду. По словам Клоубонни, он был очень доволен, что одет подобно моржам или китам, которые благодаря толстому слою подкожного жира легко переносят арктическую стужу.

А Гаттерас, казалось, не испытывал ни физических, ни моральных мучений. Страдания экипажа, видимо, мало его трогали. Но, быть может, он только умело скрывал свои чувства. Внимательный наблюдатель мог бы иной раз подметить, что в его железной груди бьется горячее сердце.

Доктор постоянно изучал Гаттераса, анализировал его характер, но так и не мог разгадать эту удивительную натуру, этот сверхъестественный темперамент.

Между тем температура еще понизилась; место прогулок опустело; одни лишь гренландские собаки бродили по палубе, жалобно завывая.

У печи постоянно сидел дневальный, поддерживавший в ней огонь. Нельзя было допустить, чтобы огонь погас: едва он ослабевал, стужа проникала в помещение, стены покрывались инеем, испарения мгновенно сгущались и падали снежинками на злополучных обитателей брига.

Среди таких невыразимых страданий наступило 8 декабря; утром доктор, по своему обыкновению, пошел взглянуть на термометр, находившийся на палубе, и увидел, что ртуть в чашечке замерзла.

— Сорок четыре градуса мороза! — ужаснулся доктор.

И в этот день в печь бросили последнюю горсть угля!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Рождественские морозы

Наступили дни отчаяния. Мысль о смерти, о смерти от холода предстала во всем своем ужасе; последняя горсть угля горела со зловещим треском; огонь готов был погаснуть, температура в помещении заметно понизилась. Но Джонсон пошел за новым топливом, которое добыли из тюленьих туш. Он бросил куски жира в печь, прибавил пакли, пропитанной жиром, и довольно быстро восстановил в кубрике прежнее тепло. Запах горелого сала был отвратителен, но приходилось его терпеть. Джонсон сознавал, что новое топливо оставляет желать лучшего и, конечно, не имело бы успеха в богатых домах Ливерпуля.

— А между тем, — сказал он, — этот неприятный запах может иметь благие результаты.

— Какие же именно? — спросил плотник.

— Он приманит к нам медведей, которые очень падки на такие запахи.

— А на что нам медведи? — спросил Бэлл.

— Ты знаешь, Бэлл, что нам больше не придется рассчитывать на тюленей! — ответил Джонсон. — Они скрылись, и притом надолго, и если мед-

веди не доставят нам топлива, то я не знаю, что с нами случится.

— Ты прав, Джонсон, дело наше плохо... Совсем дрянь! И если нам не удастся добыть этого топлива... то уж я не знаю, как и быть...

— Одно только и остается!..

— Что же такое? — спросил Бэлл.

— Да, Бэлл, в крайнем случае... Впрочем, капитан никогда... Но, быть может, придется прибегнуть к этому средству.

Джонсон печально покачал головой и погрузился в размышления, которых Бэлл не хотел прерывать. Он знал, что этих кусков жира, добытых с таким трудом, хватит не больше чем на восемь дней, даже при самой строгой экономии.

Боцман не ошибся. Несколько медведей, привлеченных запахом горелого жира, были замечены недалеко от «Форварда». Здоровые матросы пустились за ними в погоню; но медведи бегают на редкость быстро и одарены чутьем, благодаря которому избегают всех охотничьих уловок. Не было возможности к ним приблизиться, и пули, пущенные самыми искусными стрелками, пропали даром.

Экипажу брига грозила опасность замерзнуть; люди не выдержали бы и сорока восьми часов, если бы температура, царившая в ледяных просторах, проникла в кубрик. Каждый с ужасом видел, что топливо подходит к концу.

Наконец, 20 декабря, в три часа пополудни, огонь в топке погас; матросы, стоявшие вокруг печи, угрюмо поглядывали друг на друга. Один лишь Гаттерас неподвижно сидел в своем углу; доктор, по своему обыкновению, взволнованно шагал по кубику; он положительно не знал, что предпринять.

Температура в помещении мгновенно понизилась до -7° (-22° Ц).

Но если доктор стал в тупик, если он не знал, что теперь делать, то другим это было хорошо известно. Шандон, холодный и решительный, Пэн, с горящими яростью глазами, и два-три матроса, которые могли еще двигаться, подошли к Гаттерасу.

— Капитан! — сказал Шандон.

Гаттерас, погруженный в раздумье, не слышал его.

— Капитан! — повторил Шандон, касаясь рукой его плеча.

Гаттерас выпрямился.

— Что такое? — спросил он.

— Капитан, у нас больше нет топлива!

— Так что же? — отозвался Гаттерас.

— Если вам угодно, чтобы мы замерзли, — со злой иронией произнес Шандон, — то мы покорнейше просим вас уведомить нас об этом!

— Мне угодно, — сурово ответил Гаттерас, — чтобы каждый исполнил свой долг до конца.

— Есть нечто выше долга, капитан, — возразил Шандон, — это — право человека на самосохранение. Повторяю, все топливо вышло, и если такое положение вещей продлится два дня, то ни один из нас не останется в живых!

— Дров у меня нет, — глухо ответил Гаттерас.

— В таком случае, — яростно крикнул Пэн, — их можно нарубить там, где они есть!

Гаттерас побледнел от гнева.

— Где же это? — спросил он.

— На бриге! — нагло ответил Пэн.

— На бриге? — повторил капитан, сжав кулаки и сверкнув глазами.

— Ну, конечно, — ответил Пэн. — Когда судно не может больше нести свой экипаж, то такое судно жгут!

В начале этой фразы Гаттерас схватил топор, в конце ее топор уже был занесен над головой Пэна.

— Негодяй! — крикнул Гаттерас.

Доктор бросился к Пэну и оттолкнул его; топор глубоко врезался в палубу. Джонсон, Бэлл и Симпсон стали рядом с Гаттерасом, готовые его защитить. Но вдруг с коек, превратившихся в смертные одры, слышались жалобные, тоскливые, скорбные голоса.

— Огня! Огня! — стонали больные, продрогшие до костей под своими одеялами.

Гаттерас овладел собой и, помолчав несколько минут, спокойным голосом сказал:

— Если уничтожить бриг, то как же мы вернемся в Англию?

— Быть может, — ответил Джонсон, — можно сжечь менее существенные части судна, например планширь и фальшбот.

— Шлюпки все-таки останутся, — подхватил Шандон. — Впрочем, что мешает нам построить небольшое судно из остатков брига?

— Никогда! — отрезал Гаттерас.

— Но все-таки... — попробовали возразить кое-кто из матросов.

— У нас большой запас спирта! — ответил Гаттерас. — Сожгите его до последней капли.

— Что ж, спирт так спирт! — воскликнул Джонсон с деланой беззаботностью.

При помощи толстых фитилей, пропитанных спиртом, бледное пламя которого лизало стенки печи, Джонсону удалось на несколько градусов повысить температуру в кубрике.

В течение нескольких дней после этой прискорбной сцены дул южный ветер; потеплело; снова поднялась метель. В дневные часы, когда снегопад затихал, иные матросы ненадолго уходили с брига, но большую часть экипажа офталмия и цынга приковали к кораблю. Впрочем, нельзя было ни охотиться, ни ловить рыбу.

Но морозы ослабили лишь на время; 25-го числа ветер вдруг переменялся, замерзшая ртуть опять скрылась в чашечке термометра; пришлось прибегнуть к спиртовому термометру, который не замерзает даже в самые сильные холода.

Доктор ужаснулся, увидав, что спирт в термометре опустился до -66° (-52° Ц). Приходилось ли человеку когда-либо переносить такую температуру?

Лед расстилался по полу матовым зеркалом; в кубрике стоял густой туман; влага осаждалась на всех предметах толстым слоем инея; нельзя было разглядеть друг друга; конечности быстро коченели; голову сжимало словно железным обручем; неясные, ослабевшие, замерзающие мысли путались и порождали бред... Страшный симптом: язык не мог выговорить ни слова.

С того дня, как экипаж высказал угрозу сжечь бриг, Гаттерас ежедневно долгие часы бродил по палубе. Он наблюдал, бодрствовал. Дерево брига — это его, Гаттераса, плоть! Отрубив кусок дерева, у него отсекали бы часть тела! Он был вооружен и зорко сторожил, несмотря на снег, лед и холод, от которого каменела одежда, облегавшая его словно гранитной броней. Дэк, понимавший своего хозяина, следовал за ним по пятам с лаем и рычаньем.

Однако, когда 25 декабря Гаттерас вошел в кубрик, доктор, собрав остаток сил, направился навстречу капитану.

— Гаттерас, — сказал он, — мы погибаем от недостатка топлива.

— Никогда! — ответил Гаттерас, зная, что кроется за вопросом доктора.

— Это необходимо, — вполголоса продолжал Клоубонни.

— Никогда! — еще решительнее повторил Гаттерас. — Ни за что не соглашусь!.. Но они могут меня послушаться.

Этим же словами экипажу предоставлялась свобода действий. Джонсон и Бэлл бросились на палубу. Гаттерас слышал, как дерево брига затрещало под топорами. Он заплакал.

В этот день было рождество, семейное торжество в Англии, детский праздник. И как тяжело становилось на сердце при воспоминании о веселых детях, собравшихся вокруг разукрашенной лентами елки! Кому не приходили на память аппетитные куски ростбифа, приготовленного из мяса специально откормленных быков? А торты, а пирожки со всевозможной начинкой, испеченные по случаю этого дня, столь дорогого сердцу каждого англичанина! А здесь — горе, отчаяние, неопишное бедствие и вместо рождественской елки — куски дерева от судна, затерянного в недрах ледяных пустынь.

Между тем тепло быстро вернуло бодрость и силы матросам: горячий чай и кофе создали мимолетное ощущение благополучия; надежда так упорно коренится в сердце человека, что экипаж приободрился и

даже начал надеяться. При таких обстоятельствах кончился злополучный 1860 год, ранняя зима которого разбила честолюбивые замыслы Гаттераса.

Первое января 1861 года ознаменовалось неожиданным открытием. Немного потеплело; доктор вернулся к своим обычным занятиям и читал отчет сэра Эдуарда Бельчера о его экспедиции в полярные моря. Вдруг одно до тех пор не замеченное место привело его в изумление, так что он два раза пробежал эти строки. Сомнений не могло быть!

Сэр Эдуард Бельчер сообщал, что, прибыв к устью пролива Королевы, он нашел там следы пребывания людей.

«Это, — пишет он, — остатки жилищ, гораздо более благоустроенных, чем те, какие могут построить некультурные бродячие племена эскимосов. Стены глубоко уходят в землю; пол поверх слоя щебня выстлан камнем. На снегу валялось множество оленьих, тюленьих и моржовых костей. Мы нашли там уголь...»

Тут доктора осенила блестящая мысль, он пошел с книгой к Гаттерасу и показал ему это место отчета.

— Уголь! — воскликнул капитан.

— Да, Гаттерас, уголь, то есть спасение для всех нас!

— Уголь! На этом пустынном берегу! — продолжал Гаттерас. — Нет, это невозможно!

— Но почему же вы сомневаетесь, Гаттерас? Бельчер никогда бы не сообщил этого факта, если бы не был вполне в нем уверен, если бы не видел собственными глазами.

— Ну, а дальше, доктор?

— Мы находимся всего в ста милях от берега, где Бельчер видел уголь. Но что такое экскурсия в сто миль? Суший пустяк. Не раз совершались подобного рода поиски среди льдов и в такие же морозы. Так отправимся, капитан?

— Отправимся! — воскликнул Гаттерас. Он мгновенно принял решение. Воображение у него было пылкое, и ему уже рисовалось близкое спасение.

Джонсону немедленно сообщили о решении капитана; старый моряк одобрил его и передал отрядную

новость своим товарищам. Одни порадовались, другие отнеслись к затее капитана с полным равнодушием.

— Уголь на этих берегах! — пробормотал лежавший на одре болезни Уолл.

— Пусть делают, как знают, — таинственно шепнул ему Шандон.

Но прежде чем начать приготовления к путешествию, Гаттерас захотел определить географическое положение «Форварда». Понятно, насколько важно было это сделать, как математически точно требовалось определить местонахождение брига. Иначе, удалившись от судна, его нельзя было бы отыскать.

Гаттерас поднялся на палубу и в несколько приемов определил лунные расстояния, а также высоты главных звезд.

Эти наблюдения были очень затруднительны, потому что на морозе стекла и зеркала инструментов мгновенно покрывались слоем льда от дыхания Гаттераса. Не раз, прикоснувшись к медной оправе подзорной трубы, капитан обжигал себе веки.

Однако он получил весьма точные данные и вернулся в кубрик, чтобы их обработать. Закончив вычисления, капитан в недоумении приподнял голову, сделал на карте какую-то отметку и взглянул на доктора.

— В чем дело? — спросил Клоубонни.

— Под какой широтой находились мы в начале зимовки?

— Под семьдесят восьмым градусом пятнадцатью минутами широты и девяносто пятым градусом тридцатью пятью минутами западной долготы, как раз у полюса холода.

— Так вот. Наше ледяное поле дрейфует, — вполголоса сказал Гаттерас. — Мы находимся на два градуса дальше к северо-западу, по крайней мере в трехстах милях от вашего склада угля!

— И эти бедняги даже не подозревают об этом! — воскликнул доктор.

— Молчите! — шепнул Гаттерас, прикладывая палец к губам.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Приготовления к походу

Гаттерас не сказал экипажу о своем открытии. И он был прав. Ведь если бы эти несчастные узнали, что их неуклонно относит на север, то, быть может, впали бы в еще большее отчаяние. Доктор понял Гаттераса и одобрил его молчание.

Гаттерас хранил в глубине души волновавшие его чувства. То была первая счастливая минута за долгие месяцы, проведенные в непрестанной борьбе со стихиями. Бриг отнесло на сто пятьдесят миль к северу, и он находился всего в восьми градусах от полюса. Но Гаттерас так глубоко затаил свою радость, что даже доктор о ней не подозревал. Правда, Клоубонни нередко спрашивал себя, почему глаза Гаттераса сверкают необычным огнем; но тем дело и кончалось, и ему даже в голову не приходил самый естественный ответ.

Приближаясь к полюсу, «Форвард» тем самым удалялся от залежей угля, обнаруженных Бельчером; чтобы добраться до них, необходимо было пройти по направлению к югу не сто, а целых двести пятьдесят миль. После краткого обсуждения этого вопроса доктор и Гаттерас решили, что поход необходим.

Если Бельчер сказал правду, — а его правдивость не подлежала сомнению, — то на острове Корнуолле все должно было находиться в том же состоянии, в каком было им оставлено. После 1853 года ни одна экспедиция не отправлялась на крайний север. Под этою широтой почти совсем не встречаются эскимосы. Неудача, постигшая Гаттераса на острове Бичи, не могла повториться на берегах Корнуолла. Низкая температура превосходно предохраняет от порчи всякого рода припасы. Итак, были все основания предпринять этот поход по ледяным просторам.

Рассчитали, что экспедиция должна продлиться не больше сорока дней, и Джонсон занялся необходимыми приготовлениями.

Прежде всего он позаботился о санях; они были гренландского типа, шириной в тридцать пять дюймов и длиной в двадцать четыре фута. Эскимосы нередко

делают сани даже более пятидесяти футов длиной. Состояли эти сани из полозьев, загнутых с двух концов; полозья стягивались, наподобие лука, крепкими веревками. Это сообщало саням эластичность, и можно было почти не опасаться толчков. Сани свободно скользили по льду; но в снегопад, когда снег был слишком рыхлый, кузов саней приподнимали, подставляя вертикальные подпорки. Сани становились еще легче на ходу и не требовали большой тяги. Полозья натирали, по способу эскимосов, серой, смешанной со снегом, и сани неслись по льду с удивительной легкостью.

Запрягались они шестеркой гренландских собак. Животные эти были очень выносливы, несмотря на свою худобу, и ничуть не страдали от суровой зимы. Их упряжь из оленьей кожи была в полной исправности; вообще на все снаряжение, приобретенное у гренландцев в Упернивики, можно было вполне положиться. Шестерка собак могла везти две тысячи фунтов груза без особого напряжения.

Лагерные принадлежности состояли из палатки, взятой на случай, если бы невозможно было построить ледяной домик, большого полотнища брезента, который расстилался на снегу и не позволял ему таять при соприкосновении с телом человека, шерстяных одеял и буйволовых шкур. Кроме того, захватили надувную лодку.

Продовольствие состояло из пяти ящиков пеммикана, весивших около четырехсот пятидесяти фунтов; на каждого человека и на каждую собаку полагалось ежедневно по фунту пеммикана. Собак было семь, считая Дэка; людей же должно было отправиться не больше четырех. Взяли также двенадцать галлонов спирта, весом около ста пятидесяти фунтов, чай и сухари в достаточном количестве, небольшую походную кухню, много фитилей, пакли, пороху, пуль и четыре двустольных ружья. По способу, предложенному капитаном Парри, все участники экспедиции опоясывались полыми резиновыми поясами. Теплота человеческого тела и постоянное движение не дают замерзнуть чаю, кофе и воде, налитым в эти пояса.

Джонсон особенно тщательно подготовил лыжи, прикреплявшиеся к ногам ремнями; они прекрасно скользили. На смерзшемся затвердемом снегу лыжи с успехом заменялись мокасинами из оленьей кожи. Каждый путешественник имел по две пары лыж и мокасинов.

Все эти приготовления, занявшие целых четыре дня, имели огромное значение, ибо малейшая упущенная из виду деталь могла привести к гибели экспедиции. Ежедневно в полдень Гаттерас определял положение корабля; он уже больше не дрейфовал, и в этом надо было твердо удостовериться, чтобы знать, куда держать направление при возвращении на бриг.

Гаттерас занялся подбором людей, которые должны были его сопровождать. Это был очень существенный вопрос. Некоторых матросов нельзя было взять с собой, но их не следовало бы оставлять на бриге. Так как общее спасение зависело от успешности путешествия, то Гаттерас решил выбрать себе надежных и преданных товарищей.

Шандон, разумеется, был устранен; впрочем, он нисколько и не жалел об этом. Джемс Уолл лежал в постели и не мог принять участия в экспедиции.

Состояние больных не ухудшалось, лечение, состоявшее в постоянных растираниях и в приеме больших доз лимонного сока, не представляло особенных затруднений и не требовало присутствия врача. Клоубонни мог примкнуть к экспедиции, отъезд его не вызвал возражений.

Джонсону очень хотелось сопровождать капитана в его опасном путешествии, но капитан отвел старого моряка в сторону и ласковым голосом сказал:

— Джонсон, я доверяю только вам одному! Вы единственный человек, которому я могу поручить мое судно. Необходимо, чтобы вы остались здесь и следили за Шандоном и остальными. Зима приковала их к месту, но кто знает, на какие губительные решения может толкнуть их злоба. Я вручу вам формальные инструкции, в силу которых в случае необходимости вы примете начальство над бригом. Вы будете моим двойником. Наше отсутствие продлится четыре или

пять недель; я буду спокоен, зная, что вы меня замените. Вам необходимы дрова, Джонсон. Я знаю это! Но, насколько возможно, пощадите мое бедное судно! Понимаете, Джонсон?

— Понимаю, капитан, — отвечал Джонсон, — я останусь, если вам так угодно.

— Благодарю, — сказал Гаттерас, пожимая руку боцману.

— Если мы долго не будем возвращаться, — добавил капитан, — подождите вскрытия льдов и постарайтесь продвинуться к полюсу. Если же другие не согласятся на это, то не думайте больше о нас и ведите «Форвард» в Англию.

— Такова ваша воля, капитан?

— Да, безусловно такова! — сказал Гаттерас.

— Ваше приказание будет исполнено, — кратко отвечал Джонсон.

Когда это решение было принято, доктор пожалел, что ему придется расстаться со своим старым другом боцманом, хотя и понимал, что капитан поступает благоразумно.

Плотник Бэлл и Симпсон также приняли участие в путешествии. Первый, человек крепкий, мужественный и преданный, мог быть весьма полезен при устройстве на снегу лагеря; второй, хотя и менее решительный, вошел в состав экспедиции, потому что мог принести пользу как охотник и рыболов.

Таким образом, в отряд вошли: Гаттерас, доктор, Бэлл, Симпсон и верный Дэк. Кормить приходилось четырех человек и семь собак. Соответственно этому было рассчитано количество провианта.

В первых числах января температура в среднем держалась на -33° (-37° Ц). Гаттерас с нетерпением ждал перемены погоды и то и дело посматривал на барометр, на который, однако, не следовало полагаться. Под высокими широтами этот прибор утрачивает свою точность. Природа в полярных странах во многом отступает от своих общих правил: так, при ясном небе не всегда наступает похолодание, а при выпадении снега не обязательно повышается температура. Барометр, как замечено многими полярными пу-

тешественниками, нередко падает при северных и восточных ветрах; когда он падает, наступает хорошая погода: когда он поднимается, выпадает дождь или снег. Словом, его указаниям не рекомендуется доверять.

Наконец, 5 января восточный ветер принес некоторое потепление — ртуть в термометре поднялась до -18° (-28° Ц). Гаттерас решил выступить в поход на следующий день; он не мог видеть, как на его глазах разрушали судно. Вся надстройка на юте уже перешла в печь.

Итак, 6 января, несмотря на метель, был дан приказ о выступлении. Доктор сделал последние наставления больным; Бэлл и Симпсон молча пожали руки своим товарищам. Гаттерас хотел было сказать на прощанье несколько слов экипажу, но раздумал, заметив, что на него со всех сторон устремлены враждебные взгляды. Ему показалось даже, что на губах Шандона промелькнула ироническая усмешка. Кто знает, быть может, глядя на дорогой его сердцу «Форвард», Гаттерас несколько мгновений колебался, не решаясь уходить.

Но отменить свое решение он уже не мог; нагруженные и запряженные собаками сани ждали путешественников на ледяном поле. Бэлл пошел впереди, другие следовали за ним. Джонсон добрую четверть мили сопровождал путешественников; затем Гаттерас попросил его вернуться на бриг, и старый моряк ушел, на прощание помахав рукой уходящим.

В эту минуту Гаттерас, обернувшись, в последний раз взглянул на бриг, мачты которого исчезали в метельной мгле.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Через ледяные поля

Маленький отряд направился к юго-востоку. Симпсон управлял собаками. Дэк усердно помогал гарпунщику, и его, повидимому, не слишком удивляло ремесло сородичей. Гаттерас и доктор шли сзади, а Бэлл

разведывал путь, ощупывая лед палкой с железным наконечником.

Потепление предвещало близкий снегопад. И в самом деле, вскоре снег повалил крупными хлопьями. Метель, застилая даль, увеличивала трудности похода. Путешественники часто сбивались с прямого пути и двигались медленно, проходя в среднем по три мили в час.

Поверхность ледяного поля от жестоких морозов и ветров стала шероховатой и ухабистой. Сани то и дело встряхивало, и на неровностях они сильно кренились. Но все обходилось благополучно.

Гаттерас и его товарищи кутались в шубы, сшитые по гренландской моде. Правда, они не отличались изяществом покроя, зато были отлично приспособлены к климатическим условиям. Лицо было плотно закрыто узким капюшоном, непроницаемым для ветра и снега, наружу выглядывали только глаза, рот и нос. Впрочем, их и не следовало защищать от ледяного воздуха, потому что нет ничего неудобнее поднятых воротников и кашне, быстро каменеющих на морозе, — вечером их пришлось бы рубить топором, а такой способ раздевания весьма неприятен, даже в арктических странах! Необходимо давать свободный выход дыханию, потому что выделяющиеся при этом пары, встречая препятствие, немедленно замерзают.

Беспредельная, утомительная своим однообразием равнина тянулась вдаль. Кругом громоздились льдины, торосы самых разнообразных очертаний, которые под конец начинали казаться одинаковыми, ледяные глыбы, словно отлитые по одному образцу; нередко встречались и ледяные горы, прорезанные извилистыми долинами. Путешественники шли с компасом в руках и лишь изредка перебрасывались словами. Открывать рот на таком морозе — сущее мученье, так как между губами мгновенно образуются острые кристаллы, не тающие даже от теплого дыхания. Каждый ощупывал перед собой дорогу палкой. Бэлл оставлял глубокие следы в мягком снегу; остальные шли по его следам; где проходил Бэлл, там могли пройти и другие.

По всем направлениям тянулись, то и дело скрепящаяся, следы медведей и песцов; но в первый день не заметили ни одного из этих зверей. Охотиться на них было бы и опасно и бесполезно, ибо не следовало обременять сани, без того сильно нагруженные.

Обычно во время таких походов путешественники оставляют по дороге съестные припасы, скрывая их от диких зверей в тайниках, замаскированных снегом, и на обратном пути постепенно забирают продовольствие, которое им таким образом не приходится возить с собой.

Но Гаттерас не мог прибегнуть к этому средству на ледяных, по всей вероятности, подвижных полях. Склады можно устраивать на суше, но не на ледяных полях, к тому же у капитана не было уверенности, что они вернутся назад тем же самым путем.

В полдень остановились на привал под защитой ледяной горы. Завтрак состоял из пеммикана и горячего чая; живительная влага быстро подняла у всех настроение. Поэтому путники сильно налегали на чай.

После часового отдыха отряд снова двинулся в путь. В первый день прошли около двадцати миль. К вечеру люди и собаки выбились из сил.

Однако, несмотря на усталость, для ночлега необходимо было построить снежный дом; палатки было бы недостаточно. Сооружение домика заняло полтора часа. Бэлл оказался очень искусным строителем, глыбы наколотого ножами затверделого снега быстро накладывались одна на другую; когда выросли стены, стали возводить купол. Верхняя глыба, составлявшая замок свода, придавала необходимую прочность всей постройке. Мягкий снег заменял известку, заполнял промежутки между глыбами и, твердея, прочно их связывал.

В эту импровизированную пещеру вело узкое отверстие, в которое можно было протискиваться только ползком; доктор не без труда прополз в него, другие последовали за ним. Ужин быстро приготовили на спирту на походной кухне. Температура в снежном домике была вполне сносной, и бушевавший снаружи ветер не проникал в него.

— Кушанье подано! — весело провозгласил доктор.

Путешественники подкрепились обычной пищей, однообразной, но питательной. После ужина все думали только о сне; брезент, разостланный на снегу, предохранял от сырости. Путешественники просушили свои чулки и обувь у походной кухни, а затем все трое, завернувшись в шерстяные одеяла, легли спать под охраной четвертого, который караулил и не давал снегу заметать отверстие хижины. Без этой предосторожности путешественники рисковали быть заживо погребенными.

Дэк находился вместе с людьми; гренландские собаки остались снаружи; поужинав, они забились в снег, и вскоре над ними намело сугроб.

Усталые путники быстро заснули. Доктор сменил дежурного в три часа утра; ночью свирепствовал буря. Как ужасно было положение этих людей, затерянных в полярной пустыне, заживо погребенных в могиле, стены которой все утолщались под снежными наметами!

На другой день, в шесть часов утра, отряд уже продолжал свой однообразный путь. Кругом все те же долины, те же ледяные горы, то же гнетущее однообразие; полная невозможность ориентироваться! Снова похолодало, и снег покрылся настом; это позволило путешественникам ускорить ходьбу. Нередко встречались небольшие возвышения, очень похожие на туры или на тайники эскимосов; доктор для очистки совести расколот один из этих холмиков и обнаружил, что он состоит из сплошного льда.

— А что вы надеялись здесь найти, Клоубонни? — спросил Гаттерас. — Ведь до нас в этом пункте земного шара еще не ступала нога человека!

— Это весьма вероятно, — ответил доктор, — но все же, как знать?

— Не будем тратить время на бесполезные изыскания, — продолжал капитан. — Мы должны как можно скорее возвратиться на судно, если бы даже нам не удалось найти желанного топлива.

— Я сильно надеюсь, что мы его найдем, — сказал доктор.

— Ах, доктор! Напрасно я ушел с корабля, это была ошибка, — то и дело твердил Гаттерас. — Капитан должен быть на своем судне, и больше нигде!

— Там остался Джонсон.

— Да, но... Однако поспешим! поспешим!

Все дружно шагали. В морозном воздухе разносились окрики Симпсона, понукавшего собак. Снег фосфоресцировал, и собаки, казалось, бежали по пылающей земле, а из-под полозьев взлетали облака искрящейся морозной пыли. Доктор пошел было вперед, чтобы исследовать этот своеобразный феномен, как вдруг, перескочив через торос, он исчез из глаз товарищей. Бэлл, шедший за доктором, подбежал к торосу.

— Где вы, доктор? — с тревогой в голосе позвал Бэлл. Тут подошли Гаттерас и Симпсон.

— Доктор! — крикнул Гаттерас.

— Я здесь! В яме! — отвечал спокойный голос. — Бросьте мне веревку, и я тотчас же поднимусь на поверхность земного шара.

Оказывается, доктор упал в расщелину футов в десять глубиной; ему протянули веревку, он обвязал ее вокруг талии, и товарищи не без труда вытащили его наружу.

— Вы не ушиблись? — спросил Гаттерас.

— Ничуть! Что мне делается! — отвечал Клоубонни, стряхивая снег, покрывавший его добродушную физиономию.

— Как же это вас угораздило?

— Во всем виновата рефракция, — смеясь, ответил доктор. — Вечно эта рефракция! Мне казалось, что надо перескочить расщелину шириной в какой-нибудь фут, и вдруг я полетел в яму глубиной в добрых десять футов. Уж эти мне оптические обмань! Впрочем, это, друзья мои, единственные, оставшиеся у меня иллюзии. Однако освободиться от них мне будет трудно! Помните же, что нельзя делать ни одного шага, не нащупав перед собой почву, потому что в этих местах полагаться на показания чувств было бы весьма неблагоприятно. Глаза видят здесь не то, что

есть, уши слышат новость что. Нечего сказать, хорошенькая страна!

— Можем мы идти дальше? — спросил капитан.

— Идем, Гаттерас, идем! Это маленькое падение принесло мне больше пользы, чем вреда.

Отряд продолжал продвигаться на юго-восток. Вечером, пройдя двадцать пять миль, путешественники остановились; они изнемогали от усталости, но это не помешало доктору подняться на вершину ледяной горы, пока Бэлл занимался постройкой снежного домика.

Почти полная луна ослепительно сияла на безоблачном небе. Крупные звезды переливались яркими лучами. С вершины ледяной горы открывался необозримый ледяной простор. Хаотически разбросанные по равнине торосы самых фантастических форм сверкали в лунных лучах, четко выделяясь на фоне неба и отбрасывая длинные резкие тени. Они напоминали своими очертаниями то гордые колонны, то развалины неведомого храма, то надгробные памятники какого-то огромного, лишенного деревьев кладбища, грустного, безмолвного, беспредельного, где двадцать людских поколений покоились вечным, непробудным сном...

Несмотря на стужу и усталость, доктор долго созерцал эту картину, товарищи с трудом его оторвали. Надо было подумать об отдыхе; снежный домик был готов, путешественники забились в него, как кроты, и тут же уснули.

В ближайшие дни не произошло ничего заслуживающего внимания. Путь был легким или затрудненным, шагали быстро или медленно, смотря по приходам погоды, то суровой и холодной, то сырой и промозглой. В зависимости от характера местности пользовались мокасинами или лыжами.

Настало 15 января; луна в последней своей четверти ненадолго появилась на небосклоне; солнце, хотя и не поднималось над горизонтом, ежедневно в течение шести часов посылало слабый сумеречный свет, которого было, впрочем, недостаточно, чтобы разглядеть дорогу. Попрежнему приходилось держать путь по компасу. Бэлл шел впереди, за ним — Гаттерас, а в арьергарде — доктор и Симпсон. Они стара-

лись идти по прямой линии так, чтобы видеть одного только Гаттераса, но, несмотря на все усилия, путники нередко уклонялись от прямого направления на тридцать и даже на сорок градусов, и тогда вновь приходилось сверяться с компасом.

15 января, в воскресенье, по подсчетам Гаттераса, отряд уже продвинулся миль на сто к югу. Утром занялись починкой одежды и лагерных принадлежностей. Было совершено и краткое богослужение.

Тронулись в путь в полдень; мороз был крепкий, небо ясное; термометр показывал -32° (-36° Ц).

Ничто не предвещало перемены погоды. Вдруг с поверхности снегов стал отделяться густой морозный пар. Мгла поднималась все выше, застилая все кругом. Достигнув высоты девяноста футов, завеса тумана неподвижно застыла. Путешественники потеряли друг друга из вида. Пар прилипал к одежде и осаждался на меху длинными острыми кристалликами.

Путешественники были захвачены врасплох этим странным феноменом; прежде всего им пришла мысль собраться вместе. Тотчас же раздались крики:

- Эй, Симпсон!
- Бэлл, сюда!
- Клоубонни!
- Доктор!
- Капитан, где вы?

Все четверо, вытянув перед собой руки, разыскивали друг друга в густом тумане, застилавшем все перед глазами. Больше всего их тревожило то обстоятельство, что на оклики не последовало ответа. Можно было подумать, что этот пар не пропускает звуков.

Тогда каждому пришло в голову выстрелить из ружья, чтобы подать друг другу сигнал к сбору. Но если звук голоса оказался слишком слабым, то выстрелы, наоборот, были чересчур уж сильны; эхо подхватило их, и долго над снежной равниной гремели раскаты, перекатываясь неясным гулом, направление которого невозможно было определить.

Тогда каждый стал действовать соответственно своему характеру: Гаттерас остановился и, скрестив на груди руки, решил выждать; Симпсон ограничился тем,

что остановил упряжных собак, правда, это удалось ему не без труда. Бэлл направился назад, тщательно нащупывая рукой свои следы. Доктор, наталкиваясь на глыбы льда, падал, поднимался, бродил из стороны в сторону, возвращался по своим следам и окончательно сбился с пути.

Через пять минут он сказал себе:

«Однако дело, выходит, дрянь! Странный климат! Чересчур уж много сюрпризов! Не знаешь, на что и рассчитывать! А как больно колются эти острые ледяные призмы, черт возьми!»

— Ау! ау! Капитан! — снова крикнул он.

Ответа не последовало. На всякий случай доктор снова зарядил ружье, но даже сквозь толстые перчатки ствол обжег ему руки. В это время Клоубонни показалось, что в нескольких шагах от него движется какая-то огромная неясная тень.

— Наконец-то! — воскликнул он. — Гаттерас! Симпсон! Бэлл! Это вы? Да отвечайте же!

Послышалось глухое рычанье.

«Эге! Что это такое?» — подумал добряк.

Огромная тень приближалась; уменьшившись в размерах, она приняла более ясные очертания. Страшная мысль промелькнула в голове доктора.

«Медведь!» — сказал он себе.

Медведь, видимо, был огромный. Заблудившись в тумане, он бродил из стороны в сторону, рискуя наткнуться на путешественников, о присутствии которых даже не подозревал.

«Дело осложняется!» — подумал, останавливаясь, доктор.

По временам он чувствовал у себя на лице дыхание зверя, но через несколько мгновений тот исчезал в тумане; порой медведь подходил чуть не вплотную к доктору; он размахивал лапами и своими страшными когтями рвал на нем шубу. Тогда Клоубонни пятился назад, и движущаяся громада исчезала подобно фантасмагории.

Отступая перед врагом, доктор вдруг заметил, что почва начинает подыматься; цепляясь руками за острые выступы, он вскарабкался на ледяную глыбу,

потом на другую и стал палкой ощупывать вокруг себя снег.

«Ледяная гора! — сказал он себе. — Если только мне удастся взобраться на ее вершину — я спасен!»

Промолвив это, доктор с поразительным проворством взобрался на высоту почти восьмидесяти футов; он поднял голову над поверхностью застывшего моря тумана, верхние слои которого выделялись на фоне неба.

— Прекрасно! — сказал доктор и, оглянувшись по сторонам, увидел, что его три товарища один за другим вынырнули из пелены тумана.

— Гаттерас!

— Клоубонни!

— Бэлл!

— Симпсон!

Эти четыре возгласа раздались почти одновременно. Небо было озарено великолепным сиянием, которое бледными лучами серебрило застывший морозный туман; вершины ледяных гор сверкали как расплавленное серебро. Путешественники находились в кольце тумана около ста футов в поперечнике. Благодаря прозрачности верхних слоев воздуха и сильному морозу слова доносились удивительно отчетливо, и путешественники могли беседовать, стоя на различных утесах. Не получив ответа на выстрелы, каждый из них постарался подняться выше тумана.

— Где сани? — крикнул Гаттерас.

— В восьмидесяти футах под нами, — ответил Симпсон.

— В исправности?

— Да.

— А медведь? — спросил доктор.

— Какой медведь? — недоумевал Бэлл.

— Медведь, которого я встретил и который чуть было не размозжил мне голову.

— Медведь! — вскричал Гаттерас. — Спустимся вниз!

— Не надо, — возразил доктор, — а то мы опять разбредемся, и тогда начинай все сначала!

— А что, если медведь нападет на собак?.. — сказал Гаттерас.

В этот миг из тумана послышался лай Дэка, отчетливо долетавший до слуха путешественников.

— Это Дэк! — воскликнул Гаттерас. — Наверно, что-то случилось. Я спускаюсь!

В тумане раздавалось разноголосое рычание, лай и завыванье, какой-то чудовищный концерт. Дэк и гренландские собаки бешено лаяли. Шум этот был похож на гулкое жужжание, в которое сливаются звуки в комнате, стены которой обложены матрацами. В непроглядной мгле происходила невидимая битва; туман ходил волнами, как море во время борьбы водяных чудовищ.

— Дэк! Дэк! — крикнул капитан, собираясь нырнуть в туман.

— Погодите, Гаттерас! погодите! — крикнул доктор. — Туман как будто начинает рассеиваться.

Туман не рассеивался, но медленно опускался, как вода в спущенном пруде. Казалось, пар возвращался на поверхность снегов, где он зародился. Сверкающие вершины ледяных гор увеличивались в размерах; другие вершины, до тех пор погруженные во мглу, выплывали из тумана, подобно вновь образовавшимся островам. Вследствие легко объяснимого оптического обмана стоявшим на ледяных утесах путешественникам казалось, будто они поднимаются на воздух; на самом же деле под ними понижался уровень тумана.

Вскоре показалась верхняя часть саней, затем упряжные собаки, потом кучка каких-то неведомых зверей, наконец, копошившиеся громадные туши и прыгающий вокруг Дэк, голова которого то скрывалась в застывшем слое тумана, то выныривала из него.

— Песцы! — вырвалось у Бэлла.

— Медведи! — воскликнул доктор. — Один, три, пять!

— Наши собаки! наши припасы! — сетовал Симпсон.

Стая песцов и медведей, набросившись на сани, уничтожала продукты. Голод объединил зверей; собаки яростно лаяли, но грабители не обращали на них ни малейшего внимания и продолжали бесчинствовать.

— Огонь! — крикнул капитан, стреляя в зверей. Товарищи последовали его примеру. Как только раздались выстрелы, медведи подняли голову и издали забавное хрюканье, это был сигнал к отступлению. Они пустились наутек рысцой, более быстрой, однако, чем галоп лошади, и, сопровождаемые стаей песцов, вскоре скрылись на севере, среди хаоса льдов.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Тур

Этот характерный для полярных стран феномен продолжался три четверти часа, следовательно, медведи и песцы могли вдоволь поживиться. Съестные припасы как раз впору подкрепили этих зверей, изглодававшихся за время суровой зимы. Изодранный могучими когтями брезент саней, разбитые, с высаженным дном ящики с пеммиканом, опустошенные мешки с сухарями, рассыпанный на снегу чай, бочонок с рассевшимися клепками, из которого вытек драгоценный спирт, лагерные принадлежности, изорванные и разбросанные в беспорядке, — все свидетельствовало о ярости диких зверей и об их ненасытной жадности.

— Вот несчастье! — воскликнул Бэлл, глядя на печальную картину.

— И, как видно, непоправимое, — добавил Симпсон.

— Первым делом надо определить размеры урона, — сказал доктор, — а там уж потолкуем.

Гаттерас, не говоря ни слова, подбирал разбросанные ящики и мешки. Собрали пеммикан и годные для пищи сухари. Потеря целого бочонка спирта была очень чувствительна, потому что без спирта не будет горячих напитков — ни чая, ни кофе. Доктор составил опись сохранившихся припасов, установив потерю двухсот фунтов пеммикана и ста пятидесяти фунтов сухарей. Итак, если они будут продолжать путь, то придется довольствоваться половинными порциями.

Стали обсуждать, как быть дальше. Не вернуться ли на бриг, с тем чтобы потом предпринять новую экспедицию? Но не обидно ли потерять пройденные сто пятьдесят миль? Если они вернутся без спасительного топлива, это произведет на матросов удручающее впечатление. И кто после этого отважится пуститься в новый поход по льдам?

Итак, благоразумие требовало идти вперед, чего бы это ни стоило.

Доктор, Гаттерас и Бэлл стояли за продолжение похода, но Симпсон советовал вернуться на бриг. Здоровье его расстроилось во время тяжкого похода, и он день ото дня слабел; но так как никто не разделял его мнения, то Симпсон молча встал перед упряжкой, и отряд тронулся в путь.

В течение трех следующих дней, с 15 по 17 января, путешествие протекало все с тем же однообразием. Отряд подвигался медленно, путешественники быстро уставали и испытывали слабость в ногах; собаки с трудом тащили сани. Еды явно не хватало, и люди и животные быстро слабели. Погода была попрежнему непостоянна, сильная стужа внезапно сменялась сыр-ым, пронизывающим туманом.

18 января ландшафт резко изменился. На горизонте выросло множество пирамидальных гор; их острые пики вонзались в небо. Местами из-под снега проступала земля; почва, как видно, состояла из гнейса, сланцев и кварца, кое-где прорезанных пластинами известняка. Путешественники, наконец, вступили на твердую почву. По всем данным, это был остров Корнуолл.

Доктор от удовольствия даже топнул ногой о землю; до мыса Бельчера оставалось всего сто миль. Но дорога стала гораздо труднее в этой пересеченной местности, где то и дело встречались острые утесы, крутые уступы, расщелины и пропасти. Предстояло проникнуть вглубь страны, перевалить через прибрежный хребет и пробираться тесными ущельями, в которых снег достигал тридцати — сорока футов глубины.

Тут путешественники невольно пожалели о сравни-

тельно ровной и легкой дороге на ледяных полях, столь удобных для санной езды. Приходилось напрягаться из последних сил. Измученные собаки не могли уже одни справиться с санями; люди припрягались к животным и, помогая им, выбивались из последних сил. Иной раз приходилось даже выгружать из саней продукты, чтобы подняться на крутой холм, на обледенелых склонах которого не за что было уцепиться. Иногда за час удавалось пройти всего каких-нибудь десять футов. Таким образом, в первый день прошли только пять миль по земле Корнуолла, которая вполне оправдывает свое название, так как в точности воспроизводит неровности, острые пики, крутые хребты и хаос скал на юго-западной оконечности Англии.

На следующий день поднялись на вершину хребта. Вконец измученные путешественники уже не в силах были построить себе снежный домик; пришлось ночевать в палатке, кутаясь в буйволодые шкуры и просушивая на груди мокрые чулки. Последствия таких «гигиенических» условий скоро дали себя знать. Термометр ночью опустился до -44° (-42° Ц), и ртуть замерзла.

Здоровье Симпсона вконец расстроилось: сильная простуда, жестокий ревматизм, нестерпимые боли во всем теле подкосили его, и ему пришлось лечь в сани, которыми он уже не мог управлять. Место его занял Бэлл, ему тоже нездоровилось, но он еще держался на ногах. Даже доктор начинал испытывать последствия тяжелого путешествия и влияние суровой зимы; впрочем, у него не вырывалось ни единой жалобы. Он шагал впереди, опираясь на палку, указывая дорогу, и, как всегда, первый бросался на помощь товарищам. Гаттерас, невозмутимый, непроницаемый, нечувствительный к стуже, здоровый, как в первый день путешествия, молча шел за санями.

20 января стояла такая лютая стужа, что малейшее движение вызывало у путников упадок сил. Дорога стала еще трудней, и Гаттерас с Бэллом припряглись к собакам; от сильных толчков передок саней сломался, пришлось его чинить. Такие задержки повторялись по несколько раз в день.

Путешественники шли по глубокому оврагу, по пояс в снегу, обливаясь потом, несмотря на жестокий мороз. Все молчали. Вдруг Бэлл, шедший рядом с доктором, с ужасом взглянул на соседа, ни слова не говоря, схватил горсть снега и начал сильно растирать ему лицо.

— Да ну вас, Бэлл! — кричал, отбиваясь, доктор.

Но Бэлл продолжал изо всех сил растирать ему лицо.

— Слушайте, Бэлл! — вопил Клоубонни, у которого рот, нос и глаза были залеплены снегом. — Да вы с ума сошли! В чем дело?

— Дело в том, — ответил Бэлл, — что если у вас еще цел нос, то этим вы обязаны мне.

— Нос? — переспросил доктор, ощупывая лицо.

— Да, доктор, он у вас уже начинал отмерзать. Взглянул я на вас и вижу: ваш нос стал белый, как мел. Если бы я не тер его изо всех сил, вы наверняка бы потеряли это украшение; положим, оно не очень-то удобно во время полярного путешествия, но в жизни без него не обойдешься.

Действительно, еще несколько минут, и доктор отморозил бы себе нос. Однако благодаря энергичному растиранию Бэлла циркуляция крови была во-время восстановлена, и нос был спасен.

— Благодарю вас, Бэлл, — сказал доктор. — Я не останусь у вас в долгу.

— Буду надеяться, доктор, — ответил плотник. — Дай бог, чтобы с нами не приключилось чего-нибудь похуже.

— Увы, Бэлл, — сказал доктор, — вы имеете в виду Симпсона! Бедный малый ужасно страдает!

— Вы боитесь за него? — с живостью спросил Гаттерас.

— Да, капитан, — ответил доктор.

— Чего же вы боитесь?

— Жестоким цынги. У него уже пухнут ноги и появляются язвы на деснах. Бедняга лежит под одеялами на санях полузамерзший, тряска каждый миг причиняет ему ужасную боль. Мне очень его жаль, но помочь я ничем не могу.

— Бедный Симпсон! — пробормотал Бэлл.

— Следовало бы нам остановиться на денек или на два, — сказал доктор.

— Остановиться! — вскричал Гаттерас. — Это в то время, когда жизнь восемнадцати человек зависит от нашего возвращения!

— Однако... — начал было доктор.

— Слушайте, доктор, и вы, Бэлл, у нас осталось продуктов всего на двадцать дней! Можно ли терять хоть минуту?

Доктор и Бэлл ничего не отвечали, и сани после короткой остановки тронулись дальше.

Вечером остановились у подошвы ледяного холма. Бэлл быстро вырубил в нем пещеру, где и приютились путешественники. Доктор всю ночь напролет не отходил от больного; цынга уже оказывала свое губительное действие, боли были ужасны, и с распухших губ больного то и дело срывались стоны.

— Ах, доктор, доктор!..

— Мужайтесь, друг мой! — утешал его Клоубонни.

— Конец мне приходит, чует мое сердце. Нет больше моих сил! Лучше уж умереть...

На эти безнадежные слова доктор отвечал неустанными заботами. Измученный за день, он ночью готовил для больного успокоительное питье. Но лимонный сок уже не действовал, а растирания не могли остановить течение болезни.

На следующий день несчастного уложили в сани, хотя он и умолял, чтоб его бросили в пещере, оставили одного, дали бы спокойно умереть. Затем отряд продолжал свой опасный путь, преодолевая все новые препятствия.

Морозный туман пронизывал путников до мозга костей; снег и крупа хлестали в лицо; они трудились, как вьючные животные, и были постоянно голодны.

Дэк, подобно своему хозяину, несмотря на усталость, вел себя молодцом. Неутомимый, всегда бодрый, он инстинктом находил самую удобную дорогу, и путешественники полагались на его удивительное чутье.

Утром 23 января стоял непроглядный мрак; было новолуние. Дэк побежал вперед. Несколько часов он

не появлялся; Гаттерас начал было уже беспокоиться, тем более что на снегу виднелось множество медвежьих следов. Он не знал, что предпринять, как вдруг послышался звонкий лай.

Гаттерас подогнал собак и вскоре увидел своего верного пса на дне лощины.

Дэк стоял как вкопанный и громко лаял у подножия тура, сложенного из обледенелых глыб известняка.

— На этот раз, — сказал доктор, развязывая ремни лыж, — мы не ошиблись — перед нами настоящий тур!

— А нам-то что за дело? — возразил Гаттерас.

— Если это тур, Гаттерас, то там может находиться какой-нибудь важный для нас документ. Быть может, там спрятаны продукты. Из-за этого одного тура сто́ит тщательно исследовать.

— Но кто же из европейцев заходил сюда? — спросил Гаттерас, пожимая плечами.

— Если тут не было европейцев, — ответил доктор, — то разве эскимосы не могли устроить здесь тайник и оставить в нем свою добычу после удачной охоты или рыбной ловли? Насколько мне известно, они нередко это проделывают.

— В таком случае разберите тур, Клоубонни. Но боюсь, что ваши труды пропадут даром.

Доктор и Бэлл, вооружившись кирками, направились к туру. Дэк продолжал бешено лаять. Глыбы известняка, крепко спаянные льдом, от нескольких ударов кирки разлетелись на куски.

— Верно, там что-нибудь да есть, — сказал доктор.

— Думаю, что так, — ответил Бэлл.

Они быстро разобрали тур и вскоре обнаружили тайник, где находился лист промокшей насквозь бумаги. У доктора бурно забилося сердце. Он схватил бумагу, но подбежавший Гаттерас вырвал ее у него из рук и прочитал:

— «Альтам... «Порпойз», тринадцатого дек... тысяча восемьсот шестьдесят... двенадцать градусов долг... восемь градусов... тридцать пять минут шир...»

— «Порпойз»! — воскликнул доктор.

— «Порпойз»! — как эхо, повторил Гаттерас. —

Я никогда не слышал, чтобы судно с этим названием плавало в здешних морях.

— Несомненно, однако, — сказал доктор, — что с месяц назад здесь прошли путешественники или, быть может, моряки, потерпевшие крушение.

— Так оно, верно, и было, — согласился Бэлл.

— Что же нам теперь делать? — недоумевал доктор.

— Идти дальше, — холодно ответил Гаттерас. — Не знаю, что это за корабль «Порпойз», но я знаю, что бриг «Форвард» ждет нас.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Смерть Симпсона

Отряд снова тронулся в путь; у каждого в голове роились новые, неожиданные мысли, ведь всякая находка в полярных странах имеет очень важное значение. Гаттерас тревожно хмурил брови.

«Порпойз»? — спрашивал он себя. — Что это за корабль? И чего ему надо так близко к полюсу?»

При этой мысли мурашки пробежали у него по спине. Доктор и Бэлл, размышляя о последствиях, какие может повлечь за собой находка документа, пришли к выводу, что придется или им спасти других, или же другим спасти их самих.

Но трудности, препятствия на пути и усталость вскоре заставили их думать лишь о собственном весьма плачевном положении.

Здоровье Симпсона все ухудшалось, и признаки близкого конца не могли ускользнуть от доктора. Но помочь больному Клоубонни был не в силах; он сам страдал жестокой офталмией, которая могла окончиться слепотой, если бы доктор не принял нужных мер. Полярные сумерки давали достаточно света, но этот отраженный свет жег глаза. Трудно было убежать от него, ибо стекла очков, покрываясь слоем льда, становились непрозрачными. А между тем необходимо было зорко следить за малейшими преградами на пути и обнаруживать их по возможности еще

издали. Волей-неволей приходилось пренебрегать офтальмией. Доктор и Бэлл, прикрывая глаза капюшоном, попеременно управляли санями.

Полустертые полозья саней плохо скользили, тянуть их становилось все тяжелее, а между тем дорога была все так же трудна, ибо отряд находился на земле вулканического происхождения, усеянной острыми утесами и пересеченной крутыми хребтами. Приходилось порой подниматься на высоту тысячи пятисот футов, чтобы перевалить через горный хребет. Стояла лютая стужа; свирепствовали бураны и метели. Несчастные путники выбивались из сил.

Путешественники страдали также от окружающей их белизны. Блеск снегов вызывал тошноту, своего рода опьянение, обмороки. Почва, казалось, уходила из-под ног. Ни одного ориентира на беспредельной снежной пелене! Человек испытывал такое же ощущение, как во время сильной качки, когда палуба ускользает из-под ног. Путешественники никак не могли освоиться с этим. Через некоторое время у них начала кружиться голова. Конечности коченели, путниками овладевала сонливость, и нередко они шли, погруженные в дремоту. Внезапный толчок, неожиданный ухаб или падение выводили их из оцепенения. Но через несколько минут они снова начинали дремать.

25 января отряд стал спускаться по крутому обледенелому склону. Приходилось напрягать все силы; один неверный шаг, и путешественники стремглав полетели бы в пропасть, на дно ущелья.

К вечеру яростный буран разразился над снежными горами. Невозможно было устоять на ногах; приходилось ложиться на землю, но мороз был так жесток, что при этом люди рисковали быстро замерзнуть.

Бэлл с помощью Гаттераса не без труда построил снежный домик, где и приютились злополучные путники. Каждый съел по горсти пеммикана и выпил несколько глотков горячего чая. Оставалось всего четыре галлона спирта, на котором приготавливали горячие напитки. Не следует думать, что снег может заменить воду: его на этих широтах необходимо предварительно растопить. В умеренном поясе, где ртуть редко опу-

скается ниже нуля, снег можно без вреда употреблять вместо воды, но за полярным кругом дело обстоит совершенно иначе: снег там до того холодный, что дотронуться до него рукой так же опасно, как схватить кусок раскаленного добела железа, хотя снег и плохой проводник тепла. Разница между его температурой и температурой человеческого тела так велика, что, если проглотить снег, можно сразу задохнуться. Эскимосы предпочитают терпеть самую жестокую жажду, чем утолять ее снегом, который ни в коем случае не может заменить воду, — он скорее усиливает, чем уменьшает жажду. Итак, путешественникам приходилось превращать снег в воду, а для этого необходимо было жечь спирт.

В три часа утра, в самый разгар бури, доктор встал на вахту. Он прикорнул было в уголку хижины, как вдруг стоны Симпсона привлекли его внимание. Он вскочил на ноги, причем сильно стукнулся головой о ледяной свод; не обращая внимания на ушиб, он наклонился над Симпсоном и стал растирать его распухшие и посиневшие ноги. Через четверть часа он хотел было подняться, но снова стукнулся головой о потолок, несмотря на то, что стоял в это время на коленях.

— Странно, — сказал он себе.

Он поднял руку над головой: оказалось, что потолок хижины значительно опустился.

— Боже мой! — воскликнул доктор. — Вставайте, друзья мои!

При этом окрике Бэлл и Гаттерас быстро вскочили и в свою очередь стукнулись головой о потолок. В хижине стояла непроглядная темнота.

— Сейчас нас раздавит! — крикнул доктор. — Наружу! Наружу!

И все трое поспешно вытащили наружу Симпсона. И во-время, потому что плохо прилаженные глыбы с треском обрушились на землю.

Несчастные путешественники очутились без крова среди бурана, на жестоком морозе. Гаттерас попытался было разбить палатку, но укрепить ее было невозможно: буря разорвала бы ее в клочки. Путешественники приютились под полотнищем, которое вскоре

покрылось слоем снега; по крайней мере снег не выпускал наружу тепло и предохранял людей от замерзания.

Буран улегся лишь на следующий день. Запрягая голодных собак, Бэлл заметил, что три из них уже начали глотать свою ременную сбрую. Две собаки, видимо, были совсем больны и еле передвигали ноги.

Несмотря на это, отряд кое-как продолжал свой путь. До цели оставалось еще шестьдесят миль.

26 января Бэлл, шедший впереди, вдруг позвал своих товарищей. Они тотчас же подбежали к нему, и плотник с изумлением указал им на ружье, которое стояло, прислоненное к льдине.

— Ружье! — воскликнул доктор.

Гаттерас взял ружье; оно было заряжено и в полной исправности.

— Экипаж судна «Порпойз», вероятно, где-то недалеко от нас, — сказал доктор.

Осматривая ружье, Гаттерас заметил, что оно американской марки. Руки его дрогнули и судорожно сжали обледенелый ствол.

— Вперед! Вперед! — глухо выдавил он из себя.

Отряд продолжал спускаться по склонам гор. Симпсон, казалось, был без сознания и слишком слаб, чтобы стонать.

Буран не унимался; сани двигались все медленнее. За сутки отряд проходил всего по нескольку миль. Несмотря на строгую экономию, припасы заметно убывали. Их еще хватило бы на обратный путь, но Гаттерас настойчиво шел вперед.

Двадцать седьмого числа под снегом нашли секстант и флягу, которая содержала водку, или, вернее, кусок льда, в центре которого весь спирт собрался в виде снежного шарика. Водка была никуда негодной.

Очевидно, Гаттерас шел по следам какой-то катастрофы, по единственно возможному пути, подбирая обломки крушения. Доктор напрасно старался обнаружить новые туры.

Печальные мысли приходили ему в голову. В самом деле, если бы он повстречал этих несчастных, то какую помощь мог бы им оказать? Он и его товарищи сами во всем нуждались; одежда на них изорвалась, прови-

зия приходила к концу. В случае если бы потерпевших крушение оказалось много, то все погибли бы от голода. Гаттерас, видимо, избегал роковой встречи. Но не был ли он прав? Он обязан был спасти свой экипаж. Имел ли он право привести на бриг посторонних людей, ведь, чтобы их прокормить, придется урезать питание своим!

Но эти посторонние — все-таки люди, наши ближние и, быть может, соотечественники! Неужели можно было лишить их последней надежды на спасение, как ни слаба была эта надежда? Доктор захотел узнать мнение Бэлла по этому поводу, но тот ничего не ответил: сердце его ожесточилось от страданий. Не решаясь задать этот вопрос Гаттерасу, Клоубонни предоставил все на волю провидения.

27 января, вечером, Симпсона, казалось, покинули последние силы. Его опухшие, окоченелые конечности, прерывистое дыхание, сгущавшееся вокруг его головы в виде пара, судорожные вздрагивания — все предвещало близкий конец. Лицо его выражало ужас и отчаяние; он с бессильной злобой поглядывал на капитана. В глазах его можно было прочесть немые, но красноречивые и, быть может, справедливые упреки.

Гаттерас не подходил к умирающему, избегал его и был, как никогда, молчалив, сосредоточен и погружен в свои думы.

Следующая ночь была ужасна; буря удвоила свою ярость и три раза срывала палатку; метель заметала несчастных путешественников, залепляла им глаза, леденила их и колола острыми ледяными иглами, подхваченными с окрестных льдин. Собаки жалобно выли. Симпсон лежал на открытом воздухе, страдая от жестокой стужи. Бэлли удалось снова поставить палатку, которая, если и не защищала от холода, то по крайней мере предохраняла от снега. Но яростный порыв ветра в четвертый раз опрокинул палатку и с зловещим свистом умчал ее в снежные поля.

— Ох, какие мучения! — вырвалось у Бэлла.

— Мужайтесь, мужайтесь! — ободрял его доктор, хватаясь за плотника, чтобы не свалиться в расщелину.

Симпсон хрипел. Вдруг, собрав остаток сил, он

приподнялся, протянул сжатый кулак к Гаттерасу, который пристально смотрел на умирающего, издал страшный вопль и упал мертвый, так и не выговорив своей угрозы.

— Умер! — воскликнул доктор.

— Умер! — повторил Бэлл.

Подошедший к трупу Гаттерас подался назад под напором ветра.

Итак, Симпсон, первый из его экипажа, пал жертвой убийственного климата, первый нашел смерть вдалеке от родины; первый, после невыразимых страданий, заплатил жизнью за непреклонное упорство капитана. Умерший считал Гаттераса своим убийцей, но тот не поник головой под тяжестью этого обвинения. Однако из глаз капитана выкатилась слезинка и застыла на его бледной щеке.

Бэлл и доктор со страхом смотрели на Гаттераса. Он стоял, опершись на длинную палку, на яростном ветру, под снегом, и казался каким-то гением гиперборейских стран, страшным своей неподвижностью.

Не трогаясь с места, он простоял до самого рассвета, отважный, упорный, непреклонный, и, казалось, вызывал на бой ревущую вокруг бурю.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Возвращение на бриг

Буря стих к шести часам утра. Ветер внезапно пошел с севера и разогнал облака; термометр показывал —33° (—37° Ц). Первые проблески рассвета посеребрили небо над горизонтом; через несколько дней эти отблески должны были принять золотистый оттенок.

Гаттерас подошел к своим печальным товарищам и мягким, грустным голосом сказал:

— Друзья мои, мы находимся еще в шестидесяти милях от места, указанного Эдуардом Бельчером. Припасов у нас хватит только на обратный путь. Двигаться дальше — значит, идти навстречу неминуемой

гибели, без всякой пользы для других. Придется вернуться назад.

— Вот это благоразумное решение, Гаттерас, — сказал доктор. — Я готов следовать за вами, куда бы вы нас ни повели, но силы уходят с каждым днем. Мы едва таскаем ноги. Я приветствую ваше намерение вернуться на бриг.

— Вы, конечно, не станете возражать, Бэлл? — спросил Гаттерас.

— Не стану, капитан, — отвечал плотник.

— В таком случае, — сказал Гаттерас, — мы отдохнем здесь два дня. Это не слишком много. Сани требуют основательной починки. Я думаю, нам нужно построить себе домик, чтобы как следует отдохнуть.

Приняв это решение, путешественники усердно взялись за постройку. Бэлл принял все меры, чтобы на этот раз постройка была прочной, и вскоре довольно сносный домик вырос в приютившей их долине.

Только после огромной внутренней борьбы Гаттерас принял решение прервать путешествие. Сколько трудов и лишений — и все напрасно! Этот неудачный поход стоил жизни одному человеку! И вдобавок приходилось возвращаться на бриг без куска угля! Что станет с экипажем? Что еще выкинут матросы по наущению Ричарда Шандона? Но Гаттерас уже не мог продолжать борьбу.

Итак, он со всем усердием занялся приготовлениями к обратному пути. Сани были починены; кладь их, которая значительно уменьшилась, весила всего двести фунтов. Починили также одежду, потрепанную, изодранную и затвердевшую на морозе. Новые мокассы и лыжи заменили старые, пришедшие в негодность. Все эти приготовления заняли целый день 29-го и утро 30-го числа. Впрочем, путешественники не слишком торопились, стараясь собраться с силами для обратного пути.

С тех пор как они прибыли сюда, Дэк был сам не свой, его необычные повадки очень удивляли доктора. Собака то и дело бегала, описывая круги, которые, казалось, имели общий центр; это было возвышение или бугорок, образованный наслоениями льда.

Кружась около этого места, Дэк тихонько лаял, нетерпеливо вилял хвостом, поглядывал на своего хозяина и, казалось, обращался к нему с каким-то вопросом.

Доктор объяснял тревожное состояние собаки присутствием покойника, которого товарищи еще не успели похоронить.

Итак, он решил в тот же день совершить этот печальный обряд, так как они должны были выступить в поход на рассвете следующего дня.

Бэлл и доктор, захватив кирки, спустились на дно лощины. Бугор, указанный Дэком, был подходящим местом для могилы. Но труп необходимо было зарыть поглубже, чтобы предохранить его от медвежьих когтей.

Доктор и Бэлл быстро счистили верхние слои рыхлого снега и стали разбивать кирками лед. С третьего удара кирки доктор наткнулся на какой-то твердый, разлетевшийся вдребезги предмет. Он подобрал куски. То были осколки стеклянной фляги. Бэлл нашел замерзший мешок, в котором находились остатки еще свежих сухарей.

— Что это? — пробормотал доктор.

— Что все это значит? — спросил в свою очередь Бэлл, бросая работу.

Доктор позвал Гаттераса, который немедленно явился.

Дэк громко лаял и разгребал лапами толстый слой льда.

— Неужели мы напали на склад провианта? — воскликнул доктор.

— Возможно, — ответил Бэлл.

— Продолжайте, — сказал Гаттерас.

Вскоре они обнаружили кое-какие остатки продуктов и четверть ящика пеммикана.

— Если это кладовая, — сказал Гаттерас, — то до нас в нее наверняка наведались медведи. Как видно, этой провизией уже пользовались!

— Да, — ответил доктор, — и можно опасаться, что...

Он не закончил фразы; его прервал крик Бэлла.

Отбросив довольно большую глыбу, тот указал на окоченелую человеческую ногу, торчавшую из-подо льдин.

— Труп! — воскликнул доктор.

— Это не тайник, а могила, — заметил Гаттерас.

То был труп матроса лет тридцати; он прекрасно сохранился. На нем была одежда, какую носят мореплаватели в полярных странах. Доктор не мог определить, давно ли он умер.

Вслед за эти трупом Бэлл нашел второй, человека лет пятидесяти, на лице которого еще видны были следы убивших его страданий.

— Эти трупы не были похоронены! — воскликнул доктор. — Несчастные были застигнуты смертью в том виде, в каком мы их нашли.

— Вы правы, доктор, — ответил Бэлл.

— Продолжайте, продолжайте! — сказал Гаттерас.

Но Бэлл колебался. Кто мог сказать, сколько еще трупов находится под этим ледяным холмиком?

— Эти люди погибли от несчастного случая, который едва не погубил нас самих, — сказал доктор, — на них рухнул снежный домик. Посмотрим, не остался ли в живых кто-нибудь из них.

Быстро расчистили место, и Бэлл нашел еще тело человека лет сорока. Он еще не успел окоченеть, как остальные, и не походил на мертвеца. Доктор наклонился над незнакомцем, и ему показалось, что тот еще подает признаки жизни.

— Он жив! он жив! — воскликнул Клоубонни.

Бэлл и доктор перенесли тело в снежный домик, между тем как неподвижно стоявший Гаттерас смотрел на обломки рухнувшего жилья.

Доктор раздел донага выкопанного из-подо льда человека. На его теле не было ни малейших признаков ушибов. С помощью Бэлла Клоубонни стал растирать несчастного пропитанной спиртом ватой и вскоре заметил, что жизнь начала к нему возвращаться. Он находился в полном изнеможении и не мог говорить; его язык пристал, точно примерз, к нёбу.

Доктор обыскал его карманы. Они были пусты. Никаких документов! Он попросил Бэлла продолжать растиранье, а сам вернулся к Гаттерасу.

Капитан уже успел исследовать развалины домика, тщательно осмотрев его пол, и шел навстречу Клоубонни, держа в руке обгорелый клочок конверта, на котором можно было прочесть следующие слова.

«...тамонт,

...орпойз»

...ью-Йорк».

— Альтамонт! — воскликнул доктор. — С корабля «Порпойз»! Из Нью-Йорка!

Гаттерас невольно вздрогнул:

— Американец!

— Я спасу его! — заявил доктор. — Ручаюсь вам! И мы добудем ключ к этой ужасной загадке.

Он вернулся к неподвижно лежавшему Альтамонту, а Гаттерас, погруженный в раздумье, остался на развалинах снежного домика. Благодаря заботам доктора к злополучному американцу вернулась жизнь, но не сознание; он ничего не видел, ничего не слышал и не говорил, но, во всяком случае, был жив.

На следующий день утром Гаттерас сказал доктору:

— Однако пора в путь!

— Я готов, Гаттерас. В санях много свободного места, мы положим на них этого беднягу и повезем его на бриг.

— Можете это делать, — отвечал Гаттерас. — Но давайте сперва похороним мертвых.

Трупы двух неизвестных матросов положили под развалинами снежного домика; труп Симпсона занял место, на котором нашли Альтамонта. Все трое в краткой молитве помянули своего товарища и в семь часов утра тронулись в путь.

Так как две упряжных собаки околели, то Дэк добровольно впрягся в сани и исполнял новые обязанности с усердием и выносливостью гренландской собаки.

В течение двадцати дней, с 31 января до 19 февраля, обратный путь сопровождался такими же трудностями и препятствиями, как и продвижение вперед. Путешественники невероятно страдали от стужи, но, на счастье, не было ни метелей, ни ветров.

Солнце выглянуло в первый раз 31 января и с каждым днем все дольше задерживалось над горизонтом.

Бэлл и доктор окончательно выбились из сил; они почти ослепли и к тому же охромели; плотник не мог идти без костылей.

Хотя Альтамонт был жив, но попрежнему без сознания. Приходилось опасаться за его жизнь. Однако разумный уход и крепкая натура одержали победу над смертью. Достойный доктор и сам нуждался в лечении, так как здоровье его пострадало от непомерных трудов.

Гаттерас все думал о «Форварде», о своем бригае. В каком состоянии он его найдет? Что произошло за это время на судне? Справился ли Джонсон с Шандоном и его единомышленниками? Стояли жестокие холода. Неужели уже сожгли злополучное судно? Хоть бы пощадили его корпус и мачты.

Размышляя об этом, Гаттерас шел во главе отряда, словно желая еще издали первым увидеть свой «Форвард».

24 февраля, утром, он вдруг остановился. В трехстах шагах пред ним показался красноватый отблеск, над которым колыхался громадный столб черного дыма, растекавшегося в сером туманном небе.

— Дым! — воскликнул Гаттерас.

Сердце у него забилось с такой силой, что, казалось, готово было разорваться.

— Посмотрите! Вон там! Дым! — сказал он подошедшим товарищам. — Мой корабль горит!

— Но мы находимся еще в трех милях от брига, — ответил Бэлл. — Это горит не «Форвард».

— Нет, «Форвард», — возразил доктор. — Скрадывая расстояния, рефракция приближает к нам судно.

— Бежим! — крикнул Гаттерас, обгоняя своих товарищей.

Его спутники, оставив сани под охраной Дэка, бросились вслед за ним.

Через час они были в виду брига. Ужасное зрелище! Горящий бриг плавал среди растаявших вокруг него льдов. Пламя охватило весь корпус; южный ветер доносил до слуха Гаттераса зловещий треск.

В пятистах шагах от пылавшего судна какой-то человек с отчаянием поднимал к небу руки; он стоял

беспомощный перед пожаром, в пламени которого погибал «Форвард».

Этот одинокий человек был старый боцман. Гаттерас подбежал к нему.

— Мой бриг! Мой бриг! — не своим голосом кричал он.

— Это вы, капитан! — отозвался Джонсон. — Остановитесь! Ни шагу дальше!

— Что такое? — спросил Гаттерас с угрозой в голосе.

— Ах, эти мерзавцы! — воскликнул Джонсон. — Они подожгли бриг и ушли два дня назад.

— Проклятье! — вскричал Гаттерас.

Вдруг раздался страшный взрыв; земля содрогнулась; айсберги осели на ледяных полях; столб дыма взвился под облака, и «Форвард», разлетевшись на куски от взрыва пороховых запасов, исчез в огненной пучине.

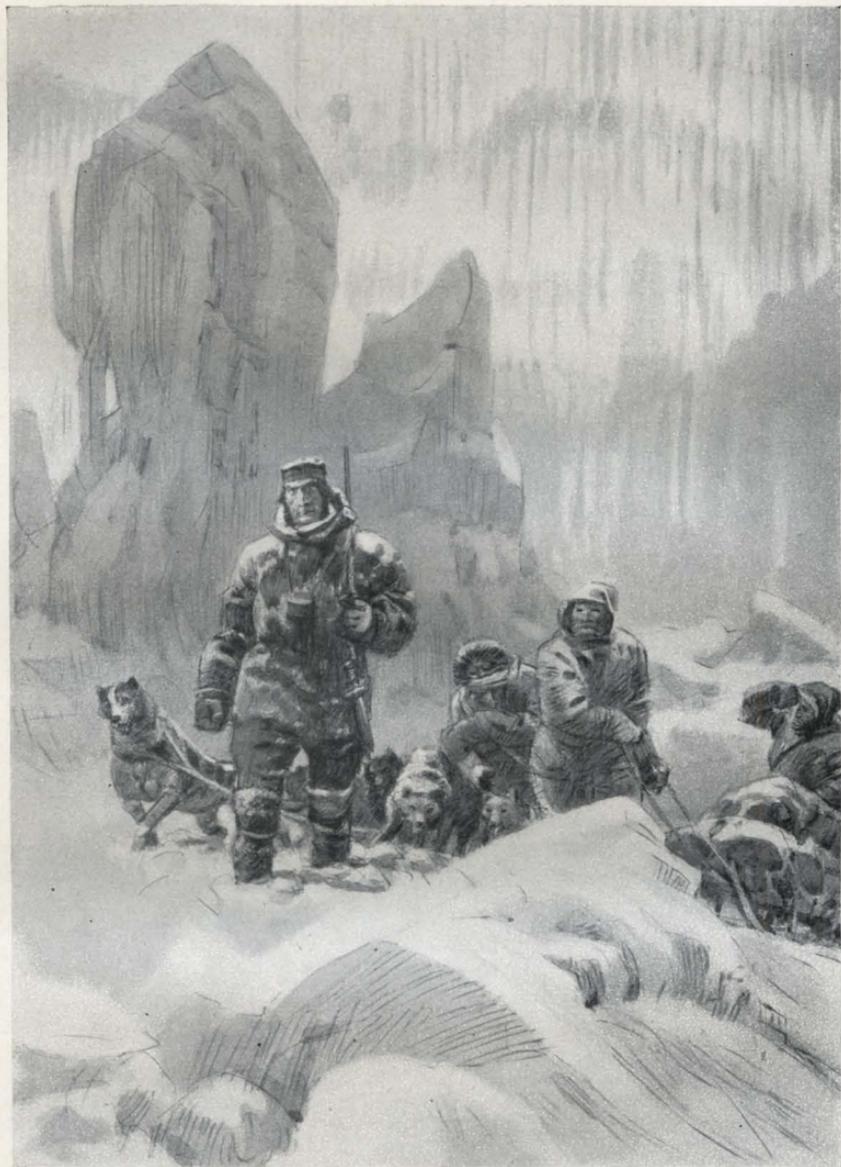
Доктор и Бэлл подошли к Гаттерасу. Охваченный отчаянием, капитан вдруг встрепенулся.

— Друзья мои, — сказал он твердым голосом, — трусы удрали. Но люди мужественные добьются успеха! Джонсон и Бэлл, вы крепки духом! Доктор, вы сильны знанием! А у меня вера! Вот там северный полюс! За дело! За дело!

Товарищи Гаттераса словно возродились к жизни, услышав мужественные слова капитана.

Но как ужасно было положение четырех путешественников и их умирающего спутника, брошенных на произвол судьбы, без всякого снаряжения и припасов под восьмидесятым градусом северной широты, в глубине полярной пустыни!..

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ



Часть вторая

ЛЕДЯНАЯ ПУСТЫНЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Опись доктора

Гаттерас задумал отважное предприятие, решив достигнуть крайней точки севера; он хотел доставить Англии, своей родине, славу открытия Северного полюса. Этот неустрасимый мореплаватель сделал все, что было в человеческих силах. Девять месяцев он боролся с течениями, метелями и буранами, разбивал ледяные барьеры, взламывал ледяные поля, боролся с жестокими морозами полярной зимы; своей экспедицией он подвел итог трудам своих предшественников, проверил на деле и, так сказать, восстановил историю полярных открытий; продвинулся на бриге «Форвард» за пределы исследованных морей, уже наполовину выполнил свою задачу — и вдруг его смелые замыслы рухнули! Измена, или, вернее, малодушие, не вынесших тяжкие испытания матросов и преступное безумие их коноводов поставили Гаттераса в безвыходное положение: из восемнадцати человек экипажа, отплывших на бриге, оставалось лишь четверо, да и те были без всякого снаряжения, без корабля, за две с половиной тысячи миль от родины!

Гибель «Форварда», который взлетел на воздух на глазах путешественников, лишила их последних средств к существованию.

Но даже эта ужасная катастрофа не сломила непреклонного духа Гаттераса. Оставшиеся с ним това-

риши были надежнейшие люди экипажа, геройские сердца. Гаттерас воззвал к энергии и знаниям доктора Клоубонни, к преданности Джонсона и Бэлла, к своей вере в задуманное дело; он дерзнул говорить о надежде в этом отчаянном положении, и голос его был услышан доблестными товарищами. Прошлое этих решительных людей было порукой их мужества в будущем.

Ободренный энергичными словами капитана, доктор решил выяснить положение вещей и, покинув своих товарищей, остановившихся в пятистах шагах от брига, направился к месту катастрофы.

«Форвард», этот великолепный, столь тщательно построенный корабль, перестал существовать. О силе взрыва говорили треснувшие льдины, безобразные, почерневшие, обугленные обломки дерева, исковерканные железные брусья, обрывки тросов, тлеющие подобно пушечным фитилям, и спирали дыма, расстилавшиеся по ледяным полям. Стоявшая на баке пушка была отброшена на несколько туазов и лежала на льдине, точно на лафете. Местность на сто туазов в окружности была усеяна всевозможными обломками; киль выглядывал из-под кучи ледяных обломков. Оттаявшие от пожара айсберги снова приобрели твердость гранита.

Тут только доктор вспомнил о своих потерях: сгорела его каюта, погибли коллекции, разбиты и изуродованы драгоценные инструменты, книги превратились в клочья и пепел. Сколько погибших богатств! Он со слезами на глазах осматривал место ужасной катастрофы и думал уже не о будущем, а о постигшей его непоправимой беде.

Вскоре к нему подошел Джонсон. Лицо старого моряка носило следы недавно пережитых страданий. Ему пришлось бороться со взбунтовавшимися товарищами и защищать порученный его охране корабль.

Доктор протянул руку, которую Джонсон с грустью пожал.

— Что теперь с нами будет, друг мой? — вырвалось у Клоубонни.

— Кто может сказать? — ответил Джонсон.

— Главное, — сказал доктор, — не надо отчаиваться; будем мужественны!

— Вы правы, доктор, — отвечал старый моряк, — в минуту великих несчастий следует принимать великие решения. Да, попали мы с вами в беду! Но постараемся выпутаться из нее!

— Бедный корабль! — вздохнул Клоубонни. — Я привязался к нему, полюбил его, как свой домашний очаг, как дом, в котором провел всю свою жизнь. А теперь и следа от него не осталось!

— Кто бы поверил, доктор, что все это дерево и железо было так дорого нашему сердцу!

— А где шлюпка? — спросил Клоубонни, озираясь по сторонам. — Сна тоже погибла?

— Нет, доктор. Шандон и его товарищи взяли ее с собой.

— А ялик?

— Разлетелся на куски! Видите эти еще не остывшие листы жести? Это все, что от него осталось.

— Значит, у нас только и есть, что надувная шлюпка?

— Да, потому, что вы захватили ее с собой.

— Этого мало, — сказал доктор.

— Проклятые изменники удрали! — воскликнул Джонсон. — Пусть небо накажет их по заслугам!

— Джонсон, — мягко возразил доктор, — не надо забывать, сколько они перестрадали. Только лучшие из людей остаются твердыми и непоколебимыми в беде, но слабым не устоять. Лучше пожалеем о наших товарищах по несчастью, но не будем их проклинать.

Доктор умолк на несколько минут; он с тревогой оглядывал окрестности.

— А что случилось с санями? — спросил Джонсон.

— Они стоят в миле отсюда.

— Под охраной Симпсона?

— Нет, друг мой! Симпсон, бедняга, не вынес страданий.

— Умер? — воскликнул боцман.

— Умер! — ответил доктор.

— Бедняга! — сказал Джонсон. — Впрочем, как знать, — не придется ли нам завидовать его участи?

— Но взамен умершего мы привезли умирающего, — сказал Клоубонни.

— Умирающего?

— Да, капитана Альтамонта.

И доктор в нескольких словах рассказал боцману обо всем происшедшем.

— Американец! — в раздумье произнес Джонсон.

— Да, как видно, это гражданин Соединенных Штатов. Но интересно знать, что это за судно «Порпойз», которое, очевидно, потерпело крушение, и зачем оно пришло сюда.

— На свою погибель, — ответил Джонсон. — Оно везло свой экипаж на верную смерть. Такая участь ждет чуть ли не всех смельчаков, которые заходят в эти гибельные места. Но вы-то, доктор, по крайней мере добрались до цели, к которой стремились?

— До залежей каменного угля? — спросил Клоубонни.

— Да.

Доктор печально покачал головой.

— Так, значит, ничего?

— Ничего! У нас не хватило продуктов, и мы выжили из сил. Мы даже не дошли до берега, о котором упоминает Эдуард Бельчер.

— Итак, — сказал Джонсон, — мы без топлива.

— Да.

— И без провианта?

— Да.

— И вдобавок нет корабля, чтобы вернуться в Англию...

Оба замолчали. Надо было обладать незаурядным мужеством, чтобы взглянуть в лицо таким несчастьям.

— По крайней мере, — сказал Джонсон, — наше положение выяснилось. Теперь мы знаем, на что рассчитывать. Начнем же с самого необходимого. Стужа стоит лютая. Построим себе снежный домик.

— С помощью Бэлла это нетрудно сделать, — ответил доктор. — Затем сходим за санями, привезем американца и будем совещаться с Гаттерасом.

— Бедный капитан! — воскликнул Джонсон, забывшая о своей участи. — Верно, он ужасно страдает.

Доктор и Джонсон вернулись к своим товарищам.

Гаттерас стоял неподвижно, скрестив, по своему обыкновению, руки на груди, устремив взгляд в пространство, как бы стараясь разгадать, что их ждет в будущем. Лицо его приняло обычное выражение непоколебимой твердости. О чем размышлял этот удивительный человек? Думал ли он о своем отчаянном положении и разбитых надеждах? Или, быть может, ему приходило в голову, что надо вернуться назад, поскольку обстоятельства, люди и стихии против него...

Никто не мог разгадать его мыслей. Его лицо было непроницаемо. Верный Дэк стоял возле капитана, не обращая внимания на тридцатидвухградусный мороз (-36° Ц).

Бэлл неподвижно лежал на льду; казалось, он лишился чувств. Это могло стоить ему жизни, — он рисковал замерзнуть.

Джонсон, растолкав товарища, стал поспешно растирать ему лицо снегом и не без труда вывел из оцепенения.

— Да ну же, Бэлл, пошевеливайся! — ворчал старый моряк. — Нельзя, брат, распускаться! Вставай! Надо потолковать о наших делах да соорудить какое-нибудь пристанище. Разве ты забыл, как строят снежные дома? Пойдем, помоги мне, Бэлл. Вот этот айсберг так и напрашивается, чтобы его поковыряли! За дело! Как начнешь работать, так к тебе и придет бодрость да отвага, а без них тут пропадешь.

Бэлл, несколько ободренный этими словами, отправился за Джонсоном.

— А тем временем, — продолжал боцман, — доктор сходит за санями и привезет их вместе с собаками.

— Сию же минуту пойду, — сказал Клоубонни. — Вернусь через час.

— Вы пойдете с доктором, капитан? — спросил Джонсон, подходя к Гаттерасу.

Капитан стоял, погруженный в раздумье, однако он услышал слова Джонсона и ответил мягким тоном:

— Нет, друг мой, я, полагаю, доктор и один с этим справится... Необходимо сегодня же принять какое-то

решение. Я должен остаться один и кое-что обдумать. Идите! Действуйте, как находите нужным, а я подумую, что предпринять.

Джонсон подошел к доктору.

— Как странно! — сказал боцман. — Кажется, гнев капитана уже прошел. Он никогда еще не говорил таким ласковым голосом.

— Да! К нему вернулось прежнее хладнокровие, — ответил доктор. — Поверьте мне, Джонсон, этот человек может спасти нас.

С этими словами Клоубонни нахлобучил капюшон по самые брови и с остроконечной палкой в руке зашагал по направлению к саням в облаках тумана, чуть озаренных лунными лучами.

Джонсон и Бэлл немедленно принялись за работу. Старый моряк своими прибаутками ободрял плотника, который работал молча. Строить домик не пришлось; достаточно было вырубить углубление в ледяной горе. Рубить твердый лед очень тяжело, зато жилищу обеспечена прочность. Вскоре Джонсон и Бэлл работали уже в вырубленном ими углублении, выбрасывая наружу куски, отколотые от ледяной глыбы.

Гаттерас, ходивший взад и вперед быстрыми шагами, по временам останавливался: повидимому, ему не хотелось приближаться к месту гибели его злополучного брига.

Доктор сдержал слово и быстро вернулся. Он привез Альтамонта, лежавшего на санях и накрытого палаткой. Гренландские собаки, тощие, изнуренные, голодные, с трудом тащили сани и глодали свою ремennую упряжь. Пора было накормить людей и животных и дать им отдых.

Пока Джонсон и Бэлл вырубали во льду пещеру, доктор нашел небольшую чугунную печь, почти не пострадавшую от взрыва; ее погнувшуюся трубу легко было выпрямить. Через три часа ледяной дом был готов; установили печь, набили ее щепками, и она весело загудела, распространяя кругом живительное тепло.

Американца внесли в дом и положили на разостланные одеяла; четверо англичан, усевшись возле огня,

стали подкрепляться остатками провизии, находившейся в саях, — горстью сухарей и горячим чаем. Гаттерас не говорил ни слова; все с уважением относились к его молчанию.

После обеда доктор знаком пригласил Джонсона выйти из хижины.

— Теперь, — сказал он, — мы будем составлять опись оставшегося у нас имущества. Необходимо в точности знать, в каком состоянии наши разбросанные повсюду богатства. Надо их собрать, потому что с минуты на минуту может пойти снег, и тогда нам не отыскать ни малейших остатков брига.

— Да, времени терять не следует, — согласился Джонсон. — Главное для нас — продукты и дерево.

— Ну, так начнемте дружно искать, — сказал Клоубонни, — и исследуем весь очаг взрыва, начиная с центра; постепенно доберемся до окружности.

Джонсон и доктор немедленно отправились на место, где находился раньше «Форвард». При бледном свете луны оба внимательно осматривали остатки корабля. Начались лихорадочные поиски. Доктор отдался им если не с удовольствием, то с увлечением охотника, и у него сильно билось сердце всякий раз, как ему удавалось отыскать какой-нибудь почти целый ящик. К несчастью, большинство ящиков оказались пустыми, и обломки их были разбросаны по ледяному полю.

Сила взрыва была сокрушительна. От корабля остались лишь обломки и пепел. То там, то сям валялись крупные части машины, исковерканные, изломанные; лопасти винта, отброшенные от брига на двадцать тузов, глубоко врезались в затвердевший снег; цилиндры были исковерканы и сорваны с цапф, раздавленная, треснувшая во всю длину труба, с висевшими обрывками цепей, высывалась из-под огромной льдины; гвозди, крючки, железные скрепы руля, листы медной обшивки — все металлические части, точно картечь, разлетелись во все стороны.

Но этот металл, который мог бы обогатить целое племя эскимосов, не имел в настоящее время никакого значения. Прежде всего необходимы были продукты, а их доктор находил меньше всего.

«Плохо дело, — говорил он себе. — Очевидно, кладовая, находившаяся возле крыйт-камеры, совершенно разрушена взрывом. Что не сгорело, искрошено вдребезги. Скверно!.. Если Джонсон не окажется счастливей меня, то я прямо не знаю, что с нами будет».

Доктор в своих поисках продвигался все дальше и дальше, и ему, наконец, удалось собрать остатки пеммикана, около пятнадцати фунтов; четыре уцелевших глиняных бутылки, далеко отброшенные и упавшие в рыхлый снег, содержали пять или шесть пинт водки.

Он нашел также два пакета семян ложечной травы, которая должна была заменить лимонный сок и была неплохим противоцинготным средством.

Через два часа доктор и Джонсон встретились и сообщили друг другу результаты своих поисков. К сожалению, уцелели лишь жалкие остатки провианта: небольшое количество солонины, фунтов пятьдесят пеммикана, три мешка сухарей, несколько плиток шоколада, немного водки и около двух фунтов кофе, по зернышкам собранного на льду.

Не найдено было ни одеял, ни коек, ни одежды: очевидно, все это было уничтожено взрывом.

Припасов, которые собрали доктор и Джонсон, могло хватить при экономном потреблении всего на три недели; но этого было недостаточно, чтобы восстановить силы изнуренных людей. Таким образом, по роковому стечению обстоятельств, у Гаттераса сперва не хватило топлива, а теперь грозила опасность умереть с голода.

Что касается топлива, состоящего из остатков брига, обломков мачт и корпуса корабля, то его должно было хватить тоже примерно на три недели. Но прежде чем пустить его в печь, доктор спросил Джонсона, не пригодятся ли эти бесформенные обломки для сооружения небольшого судна или по крайней мере шлюпки.

— Нет, доктор, — отвечал Джонсон, — об этом нечего и думать. Тут нет ни одного куска дерева, который можно было бы пустить в ход. Этот хлам обеспечивает нас теплом на несколько дней, а потом...

— А что будет потом? — спросил доктор.

— Это уж как богу будет угодно, — ответил Джонсон.

Окончив опись, доктор и Джонсон направились к саням, запрягли в них несчастных, измученных собак и вернулись на место взрыва. Нагрузив сани жалкими остатками драгоценного материала, они перевезли его к ледяному дому; затем, полузамерзшие, сели отогреться у очага возле своих товарищей по несчастью.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Первые слова Альтамонта

К восьми часам вечера небо очистилось от снежной мглы; звезды ярко сверкали, холод усилился.

Гаттерас воспользовался переменой погоды и, ни слова не говоря, взял инструменты и вышел из ледяного дома, чтобы определить по звездам последнее местонахождение брига и узнать, не движется ли еще ледяное поле.

Через полчаса он вернулся, улегся в углу и оставался в полной неподвижности, но, повидимому, не спал.

На следующий день выпал обильный снег. Доктор мог поздравить себя с тем, что начал свои поиски накануне, потому что вскоре ледяное поле покрылось белым саваном и все следы взрыва исчезли под слоем снега в три фута толщиной.

Целый день нельзя было выглянуть наружу; к счастью, ледяной домик был уютен или казался уютным измученным путешественникам. Маленькая печь работала исправно, за исключением случаев, когда сильные порывы ветра забивали дым в помещение. На печке готовили горячий чай и кофе, прекрасно подкреплявшие людей в эти суровые холода.

Потерпевшие крушение, — а наших путешественников с полным правом можно так назвать, — испытывали чувство благополучия, которого давно уже не знали: они думали только о своем настоящем положении.

нии, о благотворном тепле и забывали о будущем, почти пренебрегали им, хотя оно и угрожало им близкой гибелью.

Американец уже не так страдал и мало-помалу возвращался к жизни. Он открывал глаза, но был еще не в силах говорить. Губы его, на которых виднелись следы цынги, не могли произнести ни слова; однако слух его не пострадал, и ему сообщили о положении, в котором он находился. Он поблагодарил кивком головы, узнав, что его извлекли из снежной могилы. Благоразумный доктор не сказал американцу, что его смерть отсрочена ненадолго, так как через две, самое большее через три недели съестные припасы придут к концу.

Около полудня Гаттерас вышел из оцепенения и приблизился к доктору, Джонсону и Бэллу.

— Друзья мои, — сказал он, — мы должны сообща решить, какие нам предпринять шаги. Но прежде всего я попрошу Джонсона рассказать, при каких обстоятельствах произошла измена, погубившая нас.

— А к чему это знать? — заметил доктор. — Результаты перед нами, и что тут еще выяснять!

— Я не могу о них не думать, — отвечал Гаттерас. — Но после рассказа Джонсона постараюсь навсегда об этом забыть.

— Так вот как было дело, — начал Джонсон. — Со своей стороны я сделал все, чтобы предупредить это преступление...

— Я в этом уверен, Джонсон, тем более что зачинщики возмущения давно уже это замыслили.

— Я того же мнения, — сказал доктор.

— И я тоже, — продолжал Джонсон. — После вашего отъезда, капитан, на другой же день этот негодяй Шандон, который питал к вам такую ненависть, принял, впрочем, с согласия всех остальных, команду над бригам. Я возражал, но все было напрасно. С той минуты каждый делал, что хотел; Шандон никому не мешал, желая показать экипажу, что время трудов и лишений миновало. Никакой экономии не соблюдалось: печь топили всюю, бриг беспощадно жгли. Съестные припасы, а также ром и водка были отданы в рас-

поряжение всех и каждого. Можете себе представить, каким излишествам предавались люди, давно уже отвыкшие от спиртных напитков! Так обстояло дело с седьмого по пятнадцатое января.

— Так, значит, — сказал Гаттерас, — Шандон явно подбивал экипаж к возмущению?

— Да, капитан!

— Не упоминайте больше о нем! Продолжайте, Джонсон.

— Двадцать четвертого или двадцать пятого января было предложено покинуть бриг. Решено было идти до западного побережья Баффинова залива, затем отправиться на шлюпке на поиски китобоев или добраться до поселений на восточном берегу залива. Провизии было хоть отбавляй, к больным вернулась надежда снова увидеть родину, и они приободрились. Начали готовиться к отъезду, сделали сани для перевозки провианта, топлива и шлюпки, люди должны были поочередно в них впрягаться. Все это заняло время до пятнадцатого февраля. Я все ожидал, что вы вот-вот вернетесь, капитан, хотя, с другой стороны, опасался вашего присутствия. Вы все равно ничего бы не поделали с матросами, которые скорее убили бы вас, чем остались на бриге. Матросы словно опьянели от свободы. Я беседовал с каждым в отдельности, усовещивал их, уговаривал, старался растолковать им всю опасность такой экспедиции, стыдил, укорял в измене. Но даже от самых лучших я ничего не мог добиться. Отъезд был назначен на двадцать второе февраля. Шандону не терпелось. Сани и шлюпку доверху нагрузили напитками и провизией, захватили изрядный запас топлива, — правый борт брига был уже разобран до самой ватерлинии. Напоследок началась настоящая оргия; матросы все кругом истребляли, все уничтожали; тут Пэн, а с ним два или три других матроса спьяну подожгли бриг. Я пытался их удержать силой, но меня сбили с ног и исколотили. Потом эти негодяи, с Шандоном во главе, двинулись на восток и скрылись из глаз. Я остался один. Мог ли я совладать с огнем, который охватил весь бриг? Прорубь замерзла, у меня

не было ни капли воды. «Форвард» горел целых два дня; остальное вы уже знаете.

После рассказа Джонсона в ледяном доме воцарилось довольно продолжительное молчание. Мрачная картина пожара, гибель их драгоценного брига с неотразимой силой вставала в воображении потерпевших крушение. Они сознавали, что лишились возможности вернуться на родину. Они не смели взглянуть друг на друга, опасаясь подметить у кого-нибудь на лице выражение отчаяния. Слышно было только тяжелое дыхание больного.

— Спасибо, Джонсон, — сказал, наконец, Гаттерас, — вы сделали все, что могли, для спасения моего корабля. Но один в поле не воин. Еще раз спасибо вам! Забудем об этой катастрофе. Объединим наши усилия для общего спасения. Нас четверо, все мы связаны дружбой, жизнь одного стоит жизни другого. Пусть каждый выскажет свое мнение, как нам быть дальше.

— Охотно, капитан, — ответил доктор. — Все мы преданы вам и выскажемся по чистой совести. Но прежде всего есть ли у вас какой-нибудь определенный план?

— У меня не может быть никакого особого плана, — печально ответил Гаттерас. — Мои желания могут вам показаться небескорыстными. Я хотел бы прежде всего знать, что вы думаете.

— Капитан, — сказал Джонсон, — прежде чем высказаться при таких тяжелых обстоятельствах, я хотел бы задать вам один важный вопрос.

— Говорите, Джонсон!

— Вчера вы ходили определять место, где мы находимся. Дрейфует ли ледяное поле, или остается на прежнем месте?

— Оно не тронулось с места и, как до нашего ухода, стоит под восемьюдесятью градусами пятнадцатую минутами северной широты и девяноста семью градусами тридцатую пятью минутами западной долготы.

— На каком расстоянии, — продолжал Джонсон, — находимся мы от ближайшего моря на востоке?

— Приблизительно в шестистах милях, — ответил Гаттерас.

— И это море?..

— Пролив Смита.

— Тот самый, который мы не могли пройти в апреле месяце?

— Тот самый!

— Так значит, капитан, наше положение выяснилось и мы с открытыми глазами можем принять какое-нибудь решение.

— Говорите, — сказал Гаттерас, опуская голову на руки.

В таком положении он мог слушать своих товарищей, не глядя на них.

— Итак, Бэлл, — сказал доктор, — что, по-вашему, нам лучше всего предпринять?

— Тут нечего долго думать, — ответил плотник. — Ясное дело, надо, не теряя ни одного дня, ни одного часа, двинуться на юг либо на запад и добраться до ближайшего берега... хотя бы нам пришлось идти два месяца.

— У нас осталось продуктов всего на три недели, — произнес капитан, не подымая головы.

— Значит, этот путь надо пройти в три недели, — сказал Джонсон, — в этом наше единственное спасение. Мы во что бы то ни стало должны добраться до берега в двадцать пять дней, хотя бы под конец пришлось ползти на четвереньках.

— Эта часть полярного континента еще не исследована, — возразил Гаттерас. — Мы можем встретить препятствия, горы, ледники, которые преградят нам путь.

— Почему бы нам не попытаться счастья? — сказал доктор. — Что и говорить, путь будет очень тяжелый. Нам придется очень ограничить себя в еде, разве что охота...

— У нас осталось всего полфунта пороху, — прервал его Гаттерас.

— Я понимаю, Гаттерас, — сказал доктор, — всю основательность ваших возражений и не лщу себя несбыточной надеждой. Но мне кажется, я угадываю ваши мысли. Есть ли у вас какой-нибудь план?

— Нет, — после минутного колебания отвечал капитан.

— Вам не приходится сомневаться в нашем мужестве, — продолжал доктор. — Вы знаете, что мы готовы куда угодно следовать за вами. Но мне кажется, сейчас нечего и думать о том, чтобы идти к полюсу. Измена разбила ваши планы. Вы могли бороться с естественными препятствиями, могли преодолеть их, но перед человеческой подлостью и коварством вы оказались бессильны. Вы сделали все, что было в ваших силах, и я не сомневаюсь, что, если бы не эта измена, вы добились бы успеха. Но не следует ли при теперешнем положении вещей отложить на время наше предприятие и вернуться в Англию с тем, чтобы потом его повторить?

— Что вы скажете, капитан? — спросил Джонсон упорно молчавшего Гаттераса.

Капитан приподнял голову и процедил сквозь зубы:

— И вы уверены, что доберетесь до берегов пролива? А где у вас силы и чем вы будете питаться?

— Далеко не уверен, — ответил доктор, — но ведь берег-то сам не придет к нам, его надо поискать. Быть может, на юге мы встретим эскимосов, с которыми нетрудно будет войти в сношения.

— Наконец, — сказал Джонсон, — разве нельзя встретить в проливе какое-нибудь судно, стоящее на зимовке?

— В крайнем случае, — ответил доктор, — перебравшись по льду через пролив, мы можем дойти до западных берегов Гренландии, а оттуда, пройдя землю Прудхо или через мыс Йорка, добраться до датских поселений. Уж здесь-то на ледяных полях мы решительно ничего не встретим. Гаттерас! Дорога в Англию ведет на юг, а не на север!

— Да, — сказал Бэлл, — доктор совершенно прав. Надо отправляться, и как можно скорей. До сих пор мы слишком мало думали о родине и о своих родных.

— Вы тоже так думаете, Джонсон? — снова спросил Гаттерас.

— Да, капитан!

— А вы, доктор?

— И я тоже, Гаттерас!

Гаттерас замолчал, но лицо его невольно отражало волновавшие его чувства. От решения, которое он примет, зависело все его будущее. Возвратись он в Англию, — и его отважные замыслы погибнут навеки; нечего будет и думать о том, чтобы повторить такую экспедицию.

Видя, что Гаттерас молчит, доктор сказал:

— Считаю нужным добавить, Гаттерас, что нам нельзя терять ни минуты. Надо нагрузить сани съестными припасами и захватить как можно больше дров. Конечно, переход в шестьсот миль будет нам очень тяжел и покажется бесконечным, но тут нет ничего невозможного. Мы должны будем проходить по двадцать миль в день, следовательно, через месяц, то есть двадцать шестого марта, в случае удачи, сможем добраться до желанного берега...

— Нельзя ли подождать еще несколько дней? — сказал Гаттерас.

— На что же вы еще надеетесь? — спросил Джонсон.

— Не знаю... Кто может предвидеть будущее? Еще несколько дней!.. Впрочем, всем нам необходимо окрепнуть. Вы не сделаете и двух переходов, как уже свалитесь от слабости; у вас даже не хватит сил построить ледяной домик.

— Но здесь нас ждет мучительная смерть! — воскликнул Бэлл.

— Друзья мои, — с мольбой в голосе сказал Гаттерас, — еще рано отчаиваться! Если бы я предложил вам искать спасения на севере, вы отказались бы идти за мной! А между тем вполне возможно, что у полюса так же, как и в проливе Смита, живут эскимосы. Свободное море, существование которого не подлежит сомнению, должно омывать берега материков. Природа логична во всех своих проявлениях. Поэтому можно допустить, что растительность вступает в свои права там, где прекращаются сильные холода. На севере нас ждет обетованная земля, а вы хотите от нее бежать!

Увлекаясь своими словами, Гаттерас все больше воодушевлялся. Его возбужденное воображение рисо-

вало волшебные картины страны, самое существование которой еще было под сомнением.

— Еще один день, еще один час! — умолял он.

Впечатлительный и склонный к приключениям, доктор невольно поддался волнению, он готов был уже уступить, но Джонсон, более сдержанный и рассудительный, напомнил ему о благоразумии и долге.

— Идем, Бэлл, к саням, — сказал он.

— Идем! — ответил Бэлл.

И оба направились к выходу.

— Как, Джонсон! Вы? Вы? — вскричал Гаттерас. — Ну что ж, отправляйтесь! А я остаюсь! Остаюсь!

— Капитан!.. — вырвалось у Джонсона, и он остановился.

— Я остаюсь, говорю вам! Отправляйтесь! Что ж, бросьте меня одного, как бросили остальные! Поди сюда, Дэк! Мы останемся с тобой здесь!

Верная собака подошла к своему хозяину и залаяла. Джонсон в нерешительности смотрел на доктора, который сам не знал, что делать. Прежде всего необходимо было успокоить Гаттераса и пожертвовать одним днем ему в угоду. Доктор уже собирался уступить, как вдруг кто-то коснулся его руки.

Он обернулся. Американец, поднявшись со своей постели, полз по земле; но вот он встал на колени; его покрытые язвами губы шевелились, он что-то бормотал.

В крайнем изумлении доктор молча смотрел на него. Гаттерас подошел ближе и уставился на больного, стараясь уловить смысл его невнятных слов. Минут через пять бедняге с трудом удалось выговорить:

— «Порпойз».

— «Порпойз!» — воскликнул капитан.

Американец утвердительно кивнул головой.

— В здешних морях? — спросил капитан с замиранием сердца.

Больной снова кивнул.

— На севере?

— Да! — произнес американец.

— Местонахождение его вам известно?

— Да!

— В точности?

— Да! — повторил Альтамонт.

Наступило молчание. Свидетелей этой неожиданной сцены прохватывала дрожь.

— Слушайте, — сказал, наконец, капитан, — нам необходимо знать местоположение вашего корабля. Я вслух буду считать градусы: когда надо будет, вы остановите меня жестом.

В знак согласия американец кивнул головой.

— Итак, речь идет о градусах долготы. Сто пять? Нет! Сто шесть? Сто семь? Сто восемь? Западной?

— Да, — отвечал американец.

— Дальше. Сто девять? Сто десять? Сто двенадцать? Сто четырнадцать? Сто шестнадцать? Сто семнадцать? Сто девятнадцать? Сто двадцать?..

— Да, — сказал Альтамонт.

— Сто двадцать градусов долготы? — переспросил Гаттерас. — А сколько минут? Я буду считать...

Гаттерас начал с первого градуса. При слове «пятнадцать» Альтамонт знаком остановил капитана.

— Так. Теперь перейдем к градусам широты, — сказал Гаттерас. — Вы меня поняли? Восемьдесят? Восемьдесят один? Восемьдесят два? Восемьдесят три?

Американец опять остановил Гаттераса.

— Хорошо! А сколько минут? Пять? Десять? Пятнадцать? Двадцать? Двадцать пять? Тридцать? Тридцать пять?

Альтамонт снова подал знак, причем слабо улыбнулся.

— Итак, — заявил Гаттерас, — «Порпойз» находится под ста двадцатью градусами пятнадцатью минутами долготы и восемьюдесятью тремя градусами тридцатью пятью минутами широты?

— Да, — в последний раз произнес Альтамонт и упал на руки доктора.

От напряжения он вконец обессилел.

— Итак, друзья мои, — воскликнул Гаттерас, — вы видите, что спасение на севере, только на севере!

Но вслед за этими радостными словами Гаттераса,

казалось, поразила какая-то ужасная мысль. Он изменился в лице: змея зависти ужалила его в сердце!

Так, значит, другой — и притом американец! — на три градуса дальше его продвинулся к полюсу! Зачем? С какой целью?..

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Семнадцать дней пути

Первые же слова, произнесенные Альтамонтом, резко изменили положение потерпевших крушение. До сих пор они не могли надеяться на помощь, было мало шансов добраться до Баффинова залива, путь был слишком долгий и трудный для истощенных людей, у них могло не хватить продуктов, — и вдруг оказалось, что в четырехстах милях от ледяного дома находится корабль со всякого рода запасами, на котором, быть может, они могут продолжать свой дерзкий путь к полюсу! Гаттерас, Джонсон, доктор и Бэлл, бывшие в таком унынии, вновь обрели надежду и не могли прийти в себя от радости! Но они еще слишком мало узнали от Альтамонта. Дав больному передохнуть несколько минут, доктор возобновил волнующую беседу, предлагая вопросы в такой форме, что американец мог отвечать на них кивком головы или движением глаз.

Вскоре доктор узнал, что «Порпойз» — американское трехмачтовое судно из Нью-Йорка; оно было затерто льдами; на нем много топлива и продовольствия. Хотя «Порпойз» лег набок, но, повидимому, не был раздавлен льдами, и можно будет спасти его груз.

Альтамонт и его экипаж бросили «Порпойз» два месяца тому назад, захватив с собой шлюпку, поставленную на сани. Они намеревались добраться до прелива Смита, в надежде встретить там китобойное судно и вернуться на нем в Америку. Но мало-помалу несчастные путешественники слабели от болезней и усталости и один за другим умирали в пути. Под конец из экипажа в тридцать человек уцелели только капитан и

два матроса, но матросы погибли, а Альтамонт чудом остался в живых.

Гаттерасу хотелось узнать, почему «Порпойз» находится под такой высокой широтой.

Альтамонт дал понять, что судно отнесло на север льдами.

Гаттерас с тревогой спросил Альтамонта о цели его путешествия.

Альтамонт отвечал, что он намеревался пройти Северо-Западным проходом.

Гаттерас больше не настаивал и прекратил свой допрос. Тогда слово взял доктор.

— Теперь, — сказал он, — мы должны во что бы то ни стало разыскать «Порпойз». Вместо того чтобы наудачу пробираться к Баффинову заливу, мы можем более кратким путем — на целую треть короче! — добраться до судна, где найдем все необходимое для зимовки.

— Ничего другого нам не остается, — ответил Бэлл.

— А я добавлю, — заметил боцман, — что нельзя терять ни минуты. Надо прикинуть, сколько дней мы будем в пути, и точно рассчитать, сколько продуктов можем тратить каждый день, — чего обыкновенно не делают. И как можно скорее в путь!

— Вы правы, Джонсон, — ответил доктор. — Если мы выступим завтра, двадцать шестого февраля, то должны добраться до судна пятнадцатого марта, иначе мы рискуем умереть с голода. Что вы скажете, Гаттерас?

— Сейчас же начнем готовиться, и скорей в путь! — заявил капитан. — Быть может, идти придется дольше, чем мы думаем.

— Почему это? — спросил доктор. — Альтамонту, кажется, в точности известно положение его судна.

— А если «Порпойз», подобно «Форварду», дрейфовал вместе со льдами? — спросил Гаттерас.

— А ведь и в самом деле, это вполне возможно! — согласился доктор.

Джонсон и Бэлл не оспаривали такой возможности, ибо на своем опыте знали, что такое дрейф.

Альтамонт, внимательно следивший за разговором, знаком дал понять доктору, что хочет что-то сказать. Клоубонни пришел ему на помощь. Четверть часа продолжались всякие расспросы, наконец доктор убедился в том, что «Порпойз» сел на мель близ берега и, следовательно, не мог сдвинуться со своего каменного ложа.

Это сообщение успокоило путешественников, хотя и лишало их последней надежды вернуться в Европу, разве что Бэлл ухитрился бы построить суденышко из остатков «Порпойза». Во всяком случае, прежде всего необходимо было направиться к месту крушения.

Доктор задал американцу последний вопрос: встречал ли он свободное ото льдов море под восемьдесят третьим градусом широты?

— Нет, — ответил Альтамонт.

На этом беседа закончилась. Немедленно начали готовиться к походу. Бэлл и Джонсон в первую очередь занялись саями, которые требовали основательной починки. В дереве не было недостатка, и кузов значительно укрепили. Путешественники использовали опыт, приобретенный ими во время похода на юг. Теперь они уже сумели лучше подготовиться. И так как можно было ожидать обильных и глубоких снегов, то кузов значительно приподняли.

Бэлл устроил в санях для Альтамонта что-то вроде койки, а над ней натянул полотнище палатки. Продуктов было мало, и они не слишком отягчали сани, которые нагрузили до отказа деревом.

Приводя в порядок съестные припасы, доктор составил им тщательную опись. По его расчетам, в продолжение трехнедельного пути каждый путешественник должен был получать три четверти пайка. Полный паек выдавался только четырем упряжным собакам. Если бы Дэк стал в упряжку, то и он имел бы право на полную порцию.

Сборы в путь пришлось, однако, прервать. К семи часам вечера путешественников стала одолевать дремота. Но перед сном они собрались вокруг печи; дров не жалели, и бедняги могли вдоволь наслаждаться теплом, от которого уже давно отвыкли. Пеммикан,

немного сухарей и несколько чашек кофе повысили у них настроение; к тому же их теперь окрыляла надежда.

С семи часов утра снова взялись за работу и закончили ее к трем часам дня.

Начинало уже темнеть. Хотя с 31 января солнце стало появляться над горизонтом, но давало еще слабый свет и оставалось на небе недолго. К счастью, в шесть часов вечера всходила луна, которая в ясную погоду хорошо освещала дорогу. За последние дни наблюдалось похолодание. Термометр показывал -33° (-37° Ц).

Наступила минута отъезда. Альтамонт радовался путешествию, хотя тряска должна была усилить его страдания. Он объяснил доктору, что на борту «Порпойза» имеются противоцинготные средства, необходимые для его излечения. Американца перенесли в сани и уложили как можно удобнее. Запрягли собак, в том числе Дэка. Путешественники в последний раз взглянули на ледяное ложе, где раньше находился «Форвард». На краткий миг лицо Гаттераса исказилось гневом, но он тотчас же овладел собой. Маленький отряд тронулся в путь, держа направление на северо-северо-запад, бодро шагая по застланной туманом равнине.

Каждый занял свое обычное место: Бэлл — во главе каравана, доктор и Джонсон шагали возле саней, наблюдая за их ходом и при случае помогая упряжным собакам, Гаттерас замыкал шествие. Он проверял направление, следя, чтобы шли друг за другом по прямой линии.

Продвигались довольно быстро; крепкий мороз выровнял, как бы разгладил поверхность снегов, и был хороший санный путь; пять собак без труда везли груз, не превышавший девятисот фунтов. Однако люди быстро утомлялись и часто останавливались перевести дух.

К семи часам вечера из тумана выплыла большая красноватая луна. Льды заискрились под ее бледными лучами. Ледяное поле простиралось на северо-запад необозримой белой пеленой. Ни бугра, ни тороса. Эта часть моря, казалось, замерзла спокойно, точно какое-нибудь тихое озеро.

То была безбрежная пустыня, плоская и однообразная. Доктор поделился своими впечатлениями с Джонсоном.

— В самом деле, доктор, — сказал старый моряк, — это настоящая пустыня, но здесь мы не рискуем умереть от жажды.

— Это несомненное преимущество! — ответил доктор. — Но пустыне не видно конца, а это доказывает, что мы очень далеко от материка. Вообще близ берегов встречаются ледяные горы, однако здесь их не видно.

— Горизонт затянут туманом, — заметил Джонсон.

— Это так, но с самого начала пути мы идем по ровному ледяному полю, и впереди все такая же равнина.

— А знаете вы, доктор, что наша прогулка очень опасна? К этому как-то привыкаешь, не думаешь об этом, но мы ведь идем по ледяной коре над бездонной глубиной.

— Совершенно верно, мой друг, но мы не рискуем провалиться. При тридцати семи градусах мороза лед становится чрезвычайно прочным. Заметьте к тому же, что ледяная кора с каждым днем все утолщается, потому что в полярных странах девять дней из десяти идет снег, и это в апреле, мае и даже июне; по моим расчетам, толщина ледяного поля достигает тридцати — сорока футов.

— Это очень утешительно, — сказал Джонсон.

— Да, мы не похожи на тех конькобежцев на реке Серпентайн, которые каждый миг могут провалиться, катаясь по тонкому льду. Такая опасность нам не грозит.

— Известна ли сила сопротивления льда? — спросил старый моряк, всегда старавшийся чему-нибудь научиться у доктора.

— Еще бы не известна! — отвечал Клоубонни. — В наше время научились измерять все на свете, кроме человеческого честолюбия! И в самом деле, разве не честолюбие влечет нас к Северному полюсу, которого человек стремится во что бы то ни стало достигнуть? Возвращаясь к нашей теме, я могу вам сказать сле-

дующее. При толщине в два дюйма лед выдерживает тяжесть человека; при трех с половиной дюймах — лошадь вместе с всадником; при пяти дюймах — восьми-фунтовое оружие; при восьми дюймах — полевую артиллерию с лошадьми, а при десяти дюймах — целую армию! Там, где мы сейчас идем, можно было бы с успехом построить здание вроде ливерпульской таможни или лондонского парламента.

— Трудно даже представить себе такую прочность, — сказал Джонсон. — Вы только что сказали, доктор, что снег здесь идет девять дней из десяти. Это, конечно, так, и я не буду возражать. Но откуда же берется такая масса снега? Ведь замерзшие моря не могут производить такого громадного количества паров, из которых состоят облака.

— Совершенно правильное замечание, Джонсон. По-моему, большая часть падающих здесь снегов и дождей состоит из воды морей умеренного пояса. Снежинка, которую вы видите, быть может, просто капля воды из какой-нибудь европейской реки, капля, которая поднялась в атмосферу в виде пара, вошла в состав облаков и упала на эти поля. Очень может быть, что, утоляя жажду этим снегом, мы пьем воду рек нашей родины.

— Возможно, что и так, — согласился Джонсон.

Разговор их был прерван окриком Гаттераса, указывавшего правильный путь. Туман сгушался, поэтому трудно было держаться прямого направления.

Наконец, к восьми часам вечера, пройдя пятнадцать миль, сделали привал. Погода установилась сухая; поставили палатку, растопили печь, поужинали, и ночь прошла спокойно.

Погода благоприятствовала путникам. Несколько дней они продвигались без затруднений, несмотря на лютую стужу, от которой ртуть замерзала в термометре. Поднимись ветер — и путешественникам не выдержать бы такой температуры. По этому поводу доктор констатировал точность наблюдений, произведенных Парри во время его путешествия на остров Мелвилла. Этот знаменитый мореплаватель утверждает, что тепло одетый человек может безнаказанно переносить самые

жестокие холода, лишь бы не было ветра. Но при большом морозе даже легкий ветер обжигает лицо, вызывая жгучую боль; начинаются жестокие головные боли, и человек может быстро умереть. Доктора это очень тревожило, так как при первом же порыве ветра путники промерзли бы до костей.

5 марта Клоубонни был свидетелем явления, которое можно наблюдать только в полярных странах. Безоблачное небо сверкало звездами, но вдруг повалил густой снег, хотя не было видно ни малейшего облачка. Звезды мерцали сквозь снежные хлопья, которые в каком-то стройном ритме, кружась, падали на лед. Снег шел около двух часов, потом внезапно прекратился. Доктору так и не удалось найти исчерпывающего объяснения этому явлению.

Последняя четверть луны была на исходе; полный мрак царил семнадцать часов в сутки. Пришлось связаться длинной веревкой, чтобы не потерять друг друга. Было почти невозможно идти по прямому направлению.

Между тем отважные путешественники начинали уставать. Железная воля толкала их вперед, но они брели уже с трудом. Все чаще приходилось отдыхать, хотя нельзя было терять ни минуты, ибо припасы быстро таяли.

Время от времени Гаттерас проверял местонахождение отряда, делая наблюдения над луной и звездами.

Дни шли за днями, а пути все не было конца. Гаттерас порой задавал себе вопрос: действительно ли существует «Порпойз»? Быть может, у американца от болезни помутился рассудок? А может быть, он, из ненависти к англичанам и считая себя обреченным на смерть, задумал повести их на верную гибель?

Гаттерас поделился своими предположениями с Клоубонни, но тот решительно их отверг. Впрочем, доктор давно понял, что между английским и американским капитанами существует досадное соперничество.

«Эти двое не уживутся, — решил он. — Трудновато мне будет их мирить».

14 марта, после шестнадцати дней пути, путешественники находились только под восемьдесят вторым

градусом северной широты. Силы их быстро убывали, а между тем отряд был еще в ста милях от судна; в довершение всех бед людям приходилось теперь выдавать только по четверти пайка, чтобы собаки могли получить полную порцию.

К несчастью, не приходилось рассчитывать на охоту, ибо оставалось всего семь зарядов пороха и шесть пуль. Белые зайцы и песцы попадались очень редко, и не удалось убить ни одного из них.

Но в пятницу, 15 марта, доктору удалось застигнуть врасплох лежавшего на льду тюленя. Клоубонни пустил в него несколько пуль, и так как раненый тюлень не мог нырнуть в свою замерзшую отдушину, то его вскоре окружили и прикончили. Это был крупный экземпляр. Джонсон искусно разрубил его тушу на части; но тюлень был очень худ, и от него было мало толку, ибо путешественники не могли, подобно эскимосам, употреблять в пищу тюлений жир.

Доктор хлебнул было эту клейкую жидкость, но тут же должен был выплюнуть. Сам не зная зачем, вернее всего по инстинкту охотника, он сохранил шкуру тюленя, погрузив ее на сани.

На другой день, 16-го, на горизонте появились ледяные горы и холмы. Быть может, они указывали на близость берегов? Или это были нагромождения глыб посреди ледяного поля? Трудно было сказать.

Подойдя к горам, путешественники вырубили снеговыми ножами в ледяном утесе пещеру. После трехчасовой упорной работы они улеглись у горячей печки.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Последний заряд пороха

Джонсону пришлось приютить в ледяном доме измученных гренландских собак. Когда идет сильный снег, он покрывает их толстым слоем, и им тепло, как под одеялом. Но в ясную погоду на сорокаградусном морозе им приходится плохо.

Джонсон, опытный в уходе за собаками, попробовал кормить их черноватым тюленьим мясом, которого путешественники не могли есть. К его крайнему изумлению, собаки жадно накинулись на тюленину. Старый моряк с радостью сообщил об этом доктору.

Клоубонни ничуть не удивился. Ему было известно, что на севере Америки лошади питаются главным образом рыбой, а что годится в пищу лошадям, животным травоядным, вполне могли есть и собаки, животные всеядные.

Хотя путешественники, прошедшие по льдам пятнадцать миль, очень нуждались в отдыхе и их клонило ко сну, доктор решил в этот же вечер обсудить с товарищами создавшееся положение, не скрывая от них суровой правды.

— Мы находимся всего под восемьдесят второй параллелью, — сказал он, — а между тем у нас скоро кончатся продукты.

— Поэтому нельзя терять ни минуты! — заявил Гаттерас. — Вперед! Здоровые повезут слабых.

— Но найдем ли мы корабль в указанном месте? — спросил Бэлл, который от усталости начал терять бодрость духа.

— В этом можно не сомневаться, — возразил Джонсон. — Спасение американца зависит от нашего спасения.

Но чтобы вполне удостовериться, доктор еще раз расспросил Альтамонта. Тот говорил уже довольно свободно, хотя и слабым голосом. Он подтвердил все свои прежние показания, повторив, что судно, потерпев крушение на гранитных скалах, не могло сдвинуться с места и находилось под $120^{\circ}15'$ долготы и $83^{\circ}35'$ широты.

— Нет оснований сомневаться в его показаниях, — сказал доктор. — Самое трудное для нас будет не найти «Порпойз», а добраться до него.

— На сколько дней у нас еще хватит продуктов? — спросил Гаттерас.

— Самое большее на три дня, — ответил доктор.

— В таком случае нам необходимо в три дня дойти до судна! — решительно заявил капитан.

— Вы правы, — продолжал доктор, — и если это нам удастся, будет большое счастье! Правда, до сих пор погода нам благоприятствует. Вот уже пятнадцать дней как не идет снег, сани легко скользят по твердому льду. Ах, если бы у нас на санях было фунтов двести продуктов! Наши собаки легко бы справились с таким грузом! Но дело повернулось иначе, и тут уж ничего не поделаешь!

— Хотя бы нам с толком потратить последние заряды пороха! — сказал Джонсон. — Попадись нам медведь — у нас хватило бы еды до конца пути.

— Совершенно верно, — ответил доктор, — но беда в том, что медведи встречаются редко и не очень-то подпускают к себе человека. К тому же при одной мысли, что третишь последнюю пулю, у тебя в глазах зарябит и дрогнет рука.

— Однако вы — меткий стрелок, — сказал Бэлл.

— Да, но не в том случае, когда от моей меткости зависит обед четырех человек. Впрочем, если нужно, я буду стараться изо всех сил. А покамест, друзья мои, ограничимся этим убогим ужином — остатками пеммикана и постараемся заснуть, а завтра с утра — снова в путь-дорогу.

Несколько минут спустя все уже спали крепким сном, усталость взяла верх над тревожными мыслями.

В субботу, рано поутру, Джонсон разбудил своих товарищей. Запрягли собак, и отряд двинулся к северу.

Небо было безоблачное, воздух кристально чистый, мороз жестокий. Поднявшееся над горизонтом солнце имело форму удлиненного эллипса; в силу рефракции оно казалось растянутым по горизонтали. Яркими, но холодными лучами оно озаряло необъятный ледяной простор. До тепла было еще далеко, но все были рады дневному свету.

Несмотря на стужу, доктор с ружьем в руках отправился на охоту и удалился от товарищей мили на две. Предварительно он определил запас пороха и свинца. У него оставалось всего четыре заряда пороха и три пули. Этого было мало, принимая во внимание, что такого сильного и живучего зверя, как

полярный медведь, можно свалить лишь после десяти — двенадцати выстрелов.

Впрочем, доктор не собирался охотиться на такого крупного зверя и был бы рад подстрелить хоть несколько зайцев и песцов, чтобы пополнить скудные запасы провизии. Долго бродил он по снежным полям. За все время повстречался ему один заяц, но рефракция ввела доктора в обман, и он даром потерял пулю и заряд пороха. Тем и кончилась его охота.

Товарищи вздрогнули от радости, когда услышали выстрел, но, увидав, что доктор возвращается с поникшей головой, не сказали ни слова. Вечером, перед сном, отложили в сторону две четверти нормального пайка, предназначавшиеся на два следующих дня.

На другой день дорога показалась измученным путникам тяжелой, как никогда. Люди еле брели по снегам, собаки с голоду сожрали даже внутренности тюленя и начали уже глодать свою ременную сбрую.

Вдалеке пробежало несколько песцов; доктор, преследуя их, снова даром потерял заряд и потом уже не решался рисковать последней пулей и предпоследним зарядом пороха.

Вечером остановились на привал раньше обычного; путешественники с трудом тащили ноги, и, хотя великолепное северное сияние озаряло дорогу, они не могли идти дальше.

Печально прошел последний ужин в воскресенье вечером в обледенелой палатке. Бедняги сознавали, что, если небо не придет им на помощь, они неминуемо погибнут. Гаттерас молчал, Бэлл уже ничего не соображал. Джонсон о чем-то размышлял с мрачным видом, но доктор все еще не терял надежды.

Джонсону пришлось в голову поставить на ночь капканы; правда, он мало надеялся на успех, так как приманки у него не было. Действительно, отправившись утром осмотреть ямы, он увидел кругом следы песцов, но ни один из них не попался в ловушку.

Джонсон возвращался назад обескураженный, как вдруг увидел больше чем в пятидесяти тузах колоссального медведя, который, видимо, почуял людей и нюхал воздух. Старый моряк решил, что само провиде-

ние посылает ему этого зверя. Он не стал будить товарищей и, схватив ружье доктора, поспешил к тому месту, где видел медведя.

Подойдя на выстрел, моряк прицелился. Но в тот миг, когда он был уже готов спустить курок, у него дрогнула рука; толстые кожаные перчатки мешали ему. Он быстро снял их и голой рукой схватил ружье.

Тут Джонсон вскрикнул от боли: кожа пальцев примерзла к ледяному стволу, он выронил из рук ружье, которое выстрелило от сотрясения, посылая в пространство последнюю пулю.

Доктор тотчас же прибежал на выстрел. Он все понял. Медведь неторопливо удалялся. Джонсон был в отчаянии и не думал уже о боли.

— Я настоящая баба! — сетовал старый моряк. — Хуже ребенка! Не мог вытерпеть пустячной боли. Встоскандалился на старости лет!

— Пойдемте, Джонсон, — сказал доктор, — не то отморозите руки, они у вас уже побелели. Идем! Идем!

— Право же, я не стою ваших забот, доктор! — отвечал боцман. — Бросьте меня здесь! Так мне и надо!

— Да идemте же! Экий упрямец! Идемте, не то будет плохо!

Доктор привел старого моряка в палатку и заставил его опустить руки в кружку с холодной водой, которая не замерзала только потому, что стояла у самой печки. Не успел Джонсон опустить руки в воду, как она стала замерзать.

— Вот видите! — сказал доктор. — Во-время мы пришли! Еще немного — и мне пришлось бы прибегнуть к ампутации.

Доктору не без труда удалось спасти Джонсону руки. Пришлось долго и энергично их растирать, чтобы восстановить кровообращение в пальцах. Через час опасность уже миновала. Клоубонни советовал Джонсону держать руки подальше от печи, чтобы отмороженные пальцы не пострадали от жара.

В это утро путешественники не завтракали; не было ни пеммикана, ни солонины, ни сухарей. Оставалось

всего лишь с полфунта кофе; пришлось ограничиться этим горячим напитком, после чего отряд двинулся в путь.

— Все кончено! — с отчаянием в голосе воскликнул Бэлл.

— Только и надежды, что на бога, — проговорил Джонсон. — Он один может нас спасти.

— Ах, этот капитан Гаттерас! Что за безумец! Правда, ему удалось вернуться из своих прежних экспедиций, но уж из этой он нипочем не вернется! Нам тоже никогда не увидеть родины!

— Мужайтесь, Бэлл! Я согласен, что капитан человек безумной отваги, но около него находится другой, очень изобретательный человек.

— Доктор Клоубонни? — спросил Бэлл.

— Он самый! — ответил Джонсон.

— А что он может поделать в такой напасти? — пожимая плечами, возразил Бэлл. — Уж не превратит ли он эти льдины в куски мяса? Разве он бог, чтобы творить чудеса?

— Как знать? — ответил боцман. — Я все-таки надеюсь на него.

Бэлл с сомнением покачал головой. Он больше не в силах был ни говорить, ни мыслить и снова погрузился в мрачное оцепенение.

В этот день с трудом прошли три мили. Вечером путешественники вовсе не ужинали; собаки готовы были пожрать друг друга; люди жестоко страдали от голода. Они не встретили на своем пути ни одного зверя. Да их уже и не интересовала дичь. Разве можно охотиться с одним ножом? Но Джонсон заметил под ветром на расстоянии мили того же самого огромного медведя, который следовал за злополучным отрядом.

«Он подстерегает нас, — подумал Джонсон, — и уверен, что рано или поздно мы попадем к нему в лапы».

Однако Джонсон ничего не сказал товарищам. Вечером, как всегда, остановились на привал; ужин состоял из одного кофе. У несчастных путников мутилось в глазах, голову сжимало точно железным обру-

чем; муки голода были так ужасны, что не удалось уснуть ни на час. Нелепые, мрачные видения одолевали их.

Настало утро вторника, несчастные не ели уже тридцать шесть часов — и это в стране, где организм требует усиленного питания! Но их одушевляла нечеловеческая энергия, и они двинулись в путь и сами впряглись в сани, которых собаки уже не могли сдвинуть с места.

Через два часа все, кроме Гаттераса, в полном изнеможении упали на снег. Капитан хотел идти дальше. Он просил, уговаривал, умолял товарищей, но они так и не могли подняться на ноги.

С помощью Джонсона Гаттерас кое-как вырубил пещеру в ледяной горе. Казалось, они готовили себе могилу...

— Я согласен умереть с голода, — заявил Гаттерас, — но не хочу замерзнуть!

Когда пещера была, наконец, готова, путешественники забрались в нее и стали согреваться.

Так прошел день. Вечером все пятеро неподвижно лежали в своем ледяном убежище. Вдруг у Джонсона начался бред. Он то и дело упоминал о каком-то огромном медведе.

Эти слова привлекли внимание доктора. Страхнув оцепенение, Клоубонни спросил у Джонсона, почему он говорит о медведе и о каком медведе идет речь.

— О медведе, который идет за нами, — ответил Джонсон.

— Идет за нами? — повторил доктор.

— Уже два дня!

— Два дня! Вы его видели?

— Да, он держится под ветром, на расстоянии мили!

— И вы не сказали мне, Джонсон!

— А зачем?

— И то правда, — согласился доктор. — У нас не осталось ни одной пули.

— Ни куска свинца, ни куска железа, даже ни одного гвоздя! — ответил старый моряк.

Доктор замолчал и призадумался; затем спросил Джонсона:

— И вы уверены, что медведь следует за нами?

— Да, доктор. Он рассчитывает полакомиться человеческим мясом. Он ведь знает, что мы не ускользнем от него...

— Что вы, Джонсон! — воскликнул доктор. Его испугало отчаяние, звучавшее в словах товарища.

— Обед ему обеспечен, — заговорил Джонсон, у которого снова начался бред. — Видно, он голодный. Зачем мы заставляем его ждать?

— Успокойтесь, Джонсон!

— Слушайте, доктор, ведь мы все равно погибнем, так зачем же мучить бедного зверя? Медведю ведь тоже хочется есть. Бог послал ему людей. Что же, его счастье.

Старик, казалось, совсем обезумел. Он так и рвался наружу, и Клоубонни с трудом его удерживал. Подействовали только слова доктора, сказанные решительным тоном:

— Завтра я убью медведя!

— Завтра! — повторил Джонсон, казалось, он стряхнул с себя кошмар.

— Да, завтра.

— У вас нет пули.

— Я сделаю пулю!

— У вас нет свинца.

— Зато есть ртуть.

С этими словами доктор взял термометр, который показывал в помещении $+50^{\circ}$ ($+10^{\circ}$ Ц), вышел наружу и поставил его на льдину. Ртуть упала до -50° (-47° Ц). Оставив термометр на льду, доктор вернулся в ледяной дом.

— Спокойной ночи, — сказал он Джонсону. — Постарайтесь уснуть, и подождем восхода солнца.

Ночь прошла в муках голода; только доктор и боцман еще не потеряли надежду.

На другой день, с первыми лучами солнца, доктор с Джонсоном вышли наружу, бросились к термометру и увидели, что вся ртуть собралась в чашечке в виде плотного цилиндра. Клоубонни разбил инструмент и рукою в перчатке вынул оттуда слиток чрезвычайно твердого металла. Это была настоящая пуля!

— Ну и чудеса! — воскликнул Джонсон. — Что за ловкач вы, доктор!

— Нет, друг мой, — ответил доктор, — у меня просто хорошая память и я много читал.

— Как же это так?

— Я вспомнил один факт, о котором капитан Росс упоминает в отчете о своем путешествии. Он говорит, что из ружья, заряженного ртутной пулей, пробил доску в дюйм толщиной. Будь у меня миндальное масло, то при помощи его можно было бы добиться такого же результата, потому что, по словам Росса, пуля из миндального масла пробивает столб и, не сплющиваясь, падает на землю.

— Это прямо невероятно!

— А между тем это так, Джонсон! Этот кусок металла может спасти нам жизнь! Пусть он еще полежит на морозе, а мы пойдем посмотрим, не ушел ли медведь.

В этот момент Гаттерас вышел из домика. Показав капитану кусок ртути, доктор рассказал ему о своем намерении. Гаттерас молча пожал ему руку; охотники пошли на разведку.

Погода была очень ясная. Шедший впереди Гаттерас первый заметил медведя на расстоянии менее шестисот туазов.

Медведь сидел на льду, спокойно покачивая головой; казалось, он почуял приближение необычных пришельцев.

— Вот он! — крикнул капитан.

— Тише! — остановил его доктор.

Огромный зверь, увидев охотников, даже не пошевелился. Он смотрел на них без тени боязни и злобы. Но подойти к нему было нелегко.

— Друзья мои, — сказал Гаттерас, — речь идет не о пустом удовольствии, а о спасении нашей жизни. Будем осмотрительны!

— Вот именно, — ответил доктор, — тем более что у нас всего один заряд. Упустить медведя никак нельзя; если он от нас ускользнет, нам придется навсегда с ним распрощаться, потому что он бежит быстрее борзой.

— В таком случае надо идти прямо на него, — заметил Джонсон. — Конечно, можно поплатиться жизнью, но что из того? Я готов на это!

— Это сделаю я! — воскликнул доктор.

— Нет, я! — спокойно сказал Гаттерас.

— Но разве вы не нужнее для всего отряда, чем такой старик, как я? — воскликнул Джонсон.

— Нет, Джонсон, — возразил Гаттерас. — Предоставьте это мне. Я не буду рисковать жизнью больше, чем это необходимо. Но, может быть, мне потребуется и ваша помощь.

— Так вы пойдете на медведя, Гаттерас? — спросил доктор.

— Будь я уверен, что убью его, — я пошел бы на него, рискуя, что он раскроит мне череп. Но при моем приближении он непременно ударит. Это такой лукавый зверь! Постараемся все же его перехитрить.

— Что же вы думаете делать?

— Хочу приблизиться к нему на десять шагов, да так, чтобы он меня не заметил.

— Как же это так?

— Я придумал одно рискованное, но простое средство. У вас сохранилась шкура убитого тюленя?

— Да, она в саях.

— Хорошо. Пойдем за ней, а Джонсон пусть остаётся здесь и караулит.

Боцман спрятался за торосом.

Медведь попрежнему сидел на льдине, как-то странно покачиваясь и пофыркивая.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Тюлень и медведь

Гаттерас и доктор вернулись в ледяной дом.

— Вам известно, — сказал капитан, — что полярные медведи охотятся на тюленей, это их основная пища. Целыми днями медведь подстерегает тюленя у края отдушины и, едва тот покажется на поверхности

льда, хватает его и душит в своих объятиях. Поэтому медведь не испугается, если увидит тюленя. Напротив...

— Я догадываюсь, в чем дело. Это очень опасная затея, — сказал доктор.

— Зато, если удастся, — медведь будет наш! — отвечал капитан. — Надо непременно это сделать! Я напялю шкуру тюленя и поползу по снегу. Не будем терять времени. Зарядите ружье и дайте его мне.

Доктор не возражал: он и сам охотно бы это сделал. Захватив два топора — один для себя, другой для Джонсона, он вместе с Гаттерасом пошел к саням.

Там Гаттерас натянул на себя шкуру и превратился в тюленя.

Между тем доктор зарядил ружье, пустив в ход последний заряд пороха и слиток ртути, твердый, как железо, и тяжелый, как свинец; затем он передал ружье Гаттерасу, который спрятал его под шкурой.

— Ступайте к Джонсону, — сказал капитан, — а я подожду несколько минут, чтобы сбить с толку врага.

— Смелее, Гаттерас! — сказал Клоубонни.

— Не беспокойтесь за меня, а главное, не показывайтесь, пока не услышите выстрела.

Доктор поспешил к торосу, за которым стоял Джонсон.

— Ну, что? — спросил боцман.

— Посмотрим, что будет! Гаттерас жертвует собой, чтобы спасти нас.

Взволнованный до глубины души, доктор следил за медведем, который стал проявлять признаки беспокойства, казалось, он чувствовал, что ему угрожает опасность.

Спустя четверть часа тюлень уже полз по снегу в ту сторону, где сидел медведь. Чтобы зверь ничего не заподозрил, он полз по кривой линии, делая вид, что укрывается за льдинами. Он находился уже в пятидесяти туазах от медведя, когда тот его заметил. Зверь весь как-то подобрался; он, видимо, старался спрятаться от тюленя.

Гаттерас с удивительным искусством подражал движениям тюленя. Не будь доктор предупрежден, он наверняка поддался бы обману.

— Так, так! Точь-в-точь! — приговаривал шепотом Джонсон.

Приближаясь к медведю, тюлень, казалось, вовсе его не замечал, — он, видимо, искал отдушины, собираясь нырнуть в свою родную стихию.

А медведь, прячась за горосами, медленно крался к тюленю. Глаза его так и горели жадностью. Вероятно, он давно уже голодал, а тут счастливый случай посылал ему верную добычу.

Тюлень находился уже в десяти шагах от своего врага. Вдруг медведь развернулся, сделал огромный прыжок и в недоумении замер в трех шагах от Гаттераса, который сбросил с себя тюленью шкуру, припал на колено и прицелился прямо в грудь зверю.

Грянул выстрел, медведь повалился на снег.

— Вперед! вперед! — крикнул доктор.

И вместе с Джонсоном он побежал к Гаттерасу.

Гигантский зверь поднялся на задние лапы. Он судорожно бил лапой по воздуху, а другой лапой загреб комок снега и пытался заткнуть свою зияющую рану.

Гаттерас метко послал пулю: зверь был ранен насмерть. Несколько мгновений капитан выжидал с ножом в руке. Улучив момент, он вонзил нож по самую рукоять в грудь медведю. Когда подоспели доктор с Джонсоном, зверь лежал уже мертвым.

— Победа! — радостно крикнул Джонсон.

— Ура! Ура! — кричал доктор.

Гаттерас, как всегда бесстрастно, скрестив руки на груди, смотрел на убитое чудовище.

— Теперь очередь за мной, — заявил Джонсон. — Свалить такого зверя — дело похвальное, но нельзя дать ему замерзнуть, а то он станет как камень, и тогда с ним не совладаешь ни зубами, ни ножом.

И старый моряк стал поспешно сдирать шкуру с чудовищного зверя, который размерами не уступал быку. Он был девяти футов длиной и шести футов в обхвате. Из его пасти торчали два огромных клыка, в три дюйма каждый.

Джонсон вскрыл медведя, в желудке у него ничего не оказалось, кроме воды. Очевидно, зверь уже долгое

время ничего не ел. А между тем он был очень жирный и весил более тысячи пятисот фунтов. Тушу разрубили на четыре части, из которых каждая дала двести фунтов мяса. Охотники перетащили медвежатину к ледяному домику, не позабыв захватить и сердце, которое трепетало еще добрых три часа после смерти зверя.

Спутники доктора готовы были наброситься на сырую медвежатину, но Клоубонни остановил их, обещав в скором времени изжарить мясо.

Войдя в ледяной домик, доктор удивился, что там так холодно. Он подошел к печи; огонь в ней погас. Из-за утренней охоты и пережитых волнений Джонсон позабыл о возложенных на него обязанностях.

Доктор хотел было раздуть огонь, но не нашел ни искорки в остывшей золе.

— Терпенье! — сказал он себе.

Он пошел к саям за трупом и попросил у Джонсона огниво.

— Печь погасла, — сказал он.

— По моей вине, — ответил Джонсон.

Боцман запустил руку в карман, где всегда носил огниво, и очень удивился, не найдя его там.

Тогда он стал шарить в других карманах, но так же безуспешно. Он вернулся в ледяной дом, перетряхнул одеяло, на котором спал ночью, — огнива и там не оказалось.

— Ну, что? — крикнул доктор.

Джонсон подошел к товарищам и молча, в смущении смотрел на них.

— Нет ли у вас огнива, доктор? — спросил он.

— Нет, Джонсон!

— А у вас, капитан?

— Нет, — ответил Гаттерас.

— Да ведь оно всегда было у вас, — сказал доктор.

— Да... Но его нет у меня... — бледнея, отвечал старый моряк.

— Как нет! — воскликнул доктор, невольно вздрогнув.

Другого огнива не было, и утеря его могла повлечь за собой тяжелые последствия.

— Поищите хорошенько, Джонсон, — посоветовал доктор.

Джонсон бросился к льдине, из-за которой он наблюдал зверя, затем прошел на поле битвы, где он разрубал на части медведя, но так и не отыскал огнива. Он вернулся в полном отчаянии. Гаттерас только посмотрел на Джонсона, но ни слова не сказал ему в упрек.

— Дело плохо, — сказал он доктору.

— Даже очень, — ответил Клоубонни.

— К несчастью, у нас нет с собой ни одного оптического инструмента, хотя бы подозрной трубы, а то с помощью чечевичного стекла мы могли бы добыть огонь.

— Знаю, — сказал доктор, — и это тем досаднее, что лучи солнца теперь уже так сильно греют, что вполне могут поджечь трут.

— Что ж, — сказал Гаттерас, — придется пообедать сырым мясом. Потом мы отправимся в путь и постараемся как можно скорей добраться до судна.

— Да, — в раздумье произнес доктор. — Да. Может быть, это и удастся. Почему бы и нет? Можно попробовать...

— О чем вы задумались? — спросил Гаттерас.

— Мне пришла в голову одна мысль...

— Мысль? — воскликнул Джонсон. — Вам пришла в голову мысль? Значит, мы спасены!

— Но удастся ли ее осуществить, это еще вопрос, — добавил доктор.

— В чем же дело? — спросил Гаттерас.

— У нас нет зажигательной чечевицы, так постараемся ее сделать.

— А как? — спросил Джонсон.

— Из льда.

— Как? Вы думаете?..

— А почему бы и нет? Все дело в том, чтобы собрать солнечные лучи в одном фокусе, и кусок льда вполне может заменить зажигательное стекло.

— Возможно ли это? — спросил Джонсон.

— Вполне, только я предпочел бы пресноводный лед. Он прозрачнее и крепче, чем морской.

— Если не ошибаюсь, — сказал Джонсон, указывая на торос, находившийся шагах в ста, — вон та темнозеленая глыба вполне подойдет...

Все трое подошли к льдине, которая действительно оказалась пресноводной.

Доктор велел отколоть от нее небольшой кусочек и стал вчерне обрабатывать его топором, потом он выровнял ножом поверхность льдинки и постепенно отполировал ее рукой. Получилась прозрачная оптическая чечевица, словно сделанная из лучшего стекла.

Потом он достал кусок трута и приступил к опыту.

Солнце светило довольно ярко; доктор подставил ледяную чечевицу под солнечные лучи и собрал их на куске трута.

Через несколько секунд трут воспламенился.

— Ура! Ура! — крикнул не веривший своим глазам Джонсон. — Ах, доктор, доктор!..

Старый моряк не помнил себя от радости и, точно полоумный, метался по сторонам.

Доктор вошел в ледяной дом; через несколько минут печь загудела, и аппетитный запах жаркого вывел Бэлла из мрачного оцепенения.

Легко себе представить, с какой радостью путешественники принялись за обед; однако доктор советовал им поменьше есть после голодовки и сам ел мало.

— Сегодня выдался счастливый денек, — сказал он. — Теперь мы обеспечены едой до конца пути. Но не будем почивать на лаврах. Надо поскорей двигаться дальше.

— Мы находимся всего в сорока восьми часах пути от «Порпойза», — заметил Альтамонт.

— Надеюсь, — улыбаясь, сказал доктор, — мы найдем там огниво.

— Конечно, — отвечал американец.

— Правда, сейчас моя ледяная чечевица действует исправно, — продолжал доктор, — но в пасмурные дни она бесполезна. А таких дней немало в местах, удаленных от полюса меньше чем на четыре градуса.

— Да, меньше чем на четыре градуса, — со вздо-

хом сказал-Альтамонт. — Мой корабль находится там, куда не доходило ни одно судно.

— В путь! — порывисто скомандовал Гаттерас.

— В путь! — повторил доктор, бросая тревожный взгляд на двух капитанов.

Путешественники восстановили свои силы; сытые собаки резво бежали, и отряд стал быстро подвигаться к северу.

Дорогой доктор попробовал было разузнать у Альтамонта, что именно заставило его забраться в такую даль, но американец на его вопросы отвечал уклончиво.

— За ними обоими надо приглядывать, — шепнул доктор на ухо Джонсону.

— Да, — кивнул головой боцман.

— Гаттерас никогда не заговаривает с американцем, а тот не слишком-то выказывает свою благодарность. К счастью, я всегда около них.

— Знаете, доктор, — сказал Джонсон, — теперь, когда этот янки начал оживать, он все меньше мне нравится.

— Если не ошибаюсь, — ответил доктор, — он догадывается о намерениях капитана.

— Уж не думаете ли вы, что у американца такие же планы, как у Гаттераса?

— Как знать, Джонсон? Американцы — народ смелый и предприимчивый; если англичанин на это решился, то почему бы и американцу не отважиться?

— Значит, вы думаете, что Альтамонт...

— Ничего я не знаю, — ответил доктор, — местонахождение его судна на пути к полюсу заставляет задуматься.

— Однако Альтамонт говорит, будто его отнесло на север льдами!

— Говорить-то он говорит!.. Но при этом я подметил у него какую-то странную улыбку.

— Черт возьми, доктор! Вот была бы скверная штука, если бы между людьми такого закала возникло соперничество.

— Дай бог, чтобы я ошибся, Джонсон. Ведь если

между ними вспыхнет ссора, — это может скверно кончиться и даже погубить всех нас.

— Надеюсь, Альтамонт не забудет, что мы спасли ему жизнь.

— А разве в свою очередь он не спасает нам жизнь? Конечно, если бы не мы, его уже не было бы на свете, но что случилось бы с нами без него, без его корабля и всех припасов, которые там?

— Как бы там ни было, доктор, но вы с нами, и я надеюсь, что с вашей помощью у нас дело пойдет на лад.

Путешествие продолжалось без особых приключений. Медвежатины было много, и все были сыты. В маленьком отряде было бодрое настроение благодаря шуткам доктора и его жизнерадостной философии. Этот достойный человек всегда имел наготове в своем учебном багаже какое-нибудь поучительное наблюдение или занятный факт. Он был попрежнему здоров, и ливерпульские друзья сразу узнали бы жизнерадостного, добродушного толстяка.

В субботу утром характер местности резко изменился. Изломанные льдины, то и дело встречающийся паковый лед, хаотически нагроможденные торосы — все доказывало, что ледяное поле в этих местах подвергалось сильному сжатию. Очевидно, это нагромождение возникло в проливах, где льды были стиснуты берегами неведомого материка и находившихся около него островов. Постоянно попадавшиеся крупные глыбы пресного льда указывали на близость берега.

Итак, неподалеку находилась неизвестная земля, и доктор горел нетерпением обогатить карту Северного полушария. Трудно себе представить, какое наслаждение исследовать еще никому не известные берега и карандашом наносить их на бумагу. В этом и состояла цель доктора, подобно тому как Гаттерас поставил себе задачей ступить ногой на Северный полюс. Доктор заранее радовался при мысли, какие названия он будет давать морям, проливам, заливам, малейшим изгибам берегов нового материка. Разумеется, в этом славном перечне он не забудет ни своих товарищей,

ни друзей, ни «милостивую королеву», ни высочайшее семейство; но он не забывал и о самом себе и с законным удовлетворением уже предвидел в будущем некий мыс Клоубонни.

Такого рода мысли занимали его весь день. Вечером, по обыкновению, разбили палатку, и каждый по очереди дежурил в эту ночь, которую проводили так близко от неведомого материка.

На другой день, в воскресенье, после питательного завтрака, состоявшего из вареной медвежьей лапы, снова двинулись на север, уклоняясь несколько к западу. Дорога становилась все труднее, но отряд двигался быстро.

Сидя на санях, Альтамонт с лихорадочным вниманием вглядывался в горизонт; его товарищи тоже невольно поддались тревоге. Последнее астрономическое определение дало $83^{\circ}35'$ широты и $120^{\circ}15'$ долготы; как раз в этих местах должен был находиться американский корабль, следовательно, вопрос о жизни или смерти должен был решиться в тот же день.

Но вот около двух часов дня Альтамонт вдруг выпрямился во весь рост на санях и громким возгласом остановил товарищей; указывая пальцем на какую-то белую массу, которую никто другой не отличил бы от окрестных ледяных гор, он радостно крикнул:

— «Порпойз»!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«Порпойз»

24 марта был большой праздник — вербное воскресенье; в этот день улицы в городах и селах Европы усыпаны цветами и свежими ветвями; весело трезвонят колокола, и воздух напоен ароматом цветов.

Но в этой угрюмой стране — какая грусть, какое мертвое молчание! Леденящий, пронизывающий ветер; нигде не встретишь даже засохшего листочка или былинки...

Однако это воскресенье было днем радости для путешественников, потому что они нашли, наконец, припасы, без которых им грозила неминуемая смерть.

Путешественники все ускоряли шаги, собаки бежали быстрее обычного, Дэк лаял от радости, и вскоре отряд подошел к американскому судну.

«Порпойз» был похоронен под снегом. Не уцелело на нем ни мачт, ни реев, ни снастей: вся оснастка погибла во время крушения. Судно засело между рифами, которых сейчас не было видно. От сильного толчка «Порпойз» лег на борт, и жить в его проломленном корпусе, повидимому, было невозможно.

Капитан, доктор и Джонсон убедились в этом, когда проникли, впрочем, не без труда, внутрь судна. Чтобы добраться до люка, пришлось расчистить слой снега в добрых пятнадцать футов; но, к общей радости, дикие звери, следы которых во множестве виднелись на ледяном поле, не тронули драгоценного склада провизии.

— Здесь у нас будет вдоволь продуктов и топлива, но жить на корабле, как видно, нельзя, — заметил Джонсон.

— Ну, что ж, придется построить ледяной дом, — ответил Гаттерас, — и поудобнее обосноваться на твердой земле.

— Разумеется, — сказал доктор. — Однако спешить незачем; будем действовать осмотрительно. На худой конец можно будет на время приютиться на судне, но необходимо построить дом, который бы защищал нас от холода и диких зверей. Я буду архитектором; вот увидите, как я примусь за дело!

— Не сомневаюсь в ваших талантах, доктор, — ответил Джонсон. — Устроимся как следует, а потом составим опись вещей, находящихся на судне. К сожалению, я не вижу здесь ни шляпки, ни ялика, а из обломков корабля едва ли удастся смастерить суденышко.

— Как знать! — ответил доктор. — Может быть, со временем что-нибудь и придумаем. Сейчас речь идет не о плавании, а о постройке постоянного жилища,

поэтому не будем пока задаваться никакими другими целями, — все в свое время!

— Умно сказано! — заметил Гаттерас. — Начнем с самого необходимого.

Путешественники сошли с корабля, вернулись к саням и рассказали о своем намерении Бэllu и Альтамонту. Бэлл выразил готовность работать. Американец, услышав, что его судно никуда не годится, молча покачал головой. Но в эту минуту было не до споров. Решили на некоторое время приютиться на судне и заняться постройкой просторного жилища на берегу.

К четырем часам пополудни путешественникам удалось с грехом пополам устроиться в кубрике. Из запасного рангоута и обломков мачт Бэлл настлал почти горизонтальный пол; в кубрике поставили обледенелые койки, которые в теплом помещении быстро оттаяли. Альтамонт, опираясь на руку доктора, прошел в отведенный ему уголок. Ступив на палубу своего корабля, он с облегчением вздохнул, что, по мнению Джонсона, не предвещало ничего доброго.

«Он чувствует себя хозяином и словно приглашает нас к себе в гости», — подумал старик.

Остаток дня отдыхали. Дул западный ветер, и погода менялась; термометр показывал—26° (—32° Ц).

«Порпойз» находился в стороне от полюса холода, в сравнительно менее холодных, хотя и более северных широтах.

В этот день путешественники доели остатки медвежатины с небольшим количеством сухарей, найденных в кладовой, выпили по несколько чашек чаю и, одолеваемые усталостью, вскоре крепко заснули.

На другой день Гаттерас и его товарищи проснулись довольно поздно. Мысли их приняли теперь иное направление: их больше не тревожила неуверенность в завтрашнем дне, и они заботились только о том, как бы поудобнее устроиться. Они чувствовали себя переселенцами, прибывшими на место своего назначения, и, забывая о тяготах пути, старались обеспечить себе сносное будущее.

— Уф! — воскликнул доктор, блаженно потягиваясь. — Какое счастье, что больше не надо думать

о том, где ляжешь вечером спать и что будешь есть завтра!

— Первым делом займемся описью судового имущества, — предложил Джонсон.

«Порпойз» был превосходно снаряжен и снабжен запасами провианта, рассчитанными на дальнейшее плавание.

Опись показала, что на судне имеется следующее количество провианта: шесть тысяч сто пятьдесят фунтов муки, жира и изюма для пудингов; две тысячи фунтов солонины и ветчины; тысяча пятьсот фунтов пеммикана; семьсот фунтов сахара и столько же шоколада; полтора ящика чая весом в девяносто шесть фунтов; пятьсот фунтов риса; несколько бочонков маринованных фруктов и овощей; большое количество лимонного сока, семян ложечной травы, щавеля и салата; триста галлонов рома и водки В крийт-камере находился изрядный запас пороха, пуль и свинца; в угле и дровах не было недостатка Доктор тщательно собрал различные физические и мореходные приборы, он обнаружил мощный аппарат Бунзена, взятый, вероятно, для опытов по электричеству.

Всех этих запасов вполне хватило бы на пять человек в течение двух лет даже при полном пайке. Итак, им больше не грозила голодная смерть или замерзание.

— Теперь мы обеспечены всем, — обратился доктор к капитану, — и нам ничто не помешает двинуться к полюсу.

— К полюсу? — вздрогнув, повторил Гаттерас.

— Ну, конечно, — продолжал доктор — Почему бы нам не пробраться туда летом через материк?

— Материком-то можно. Ну, а если встретится море?

— Разве нельзя построить шлюпку из корабельных досок?

— Это американскую-то шлюпку! — презрительно бросил Гаттерас. — И под командой американца, так, что ли?

Доктор понял причину раздражения капитана и

больше не настаивал, поспешив переменить тему разговора.

— Теперь, когда мы выяснили количество запасов, — продолжал он, — нужно построить для них склад, а для нас самих — дом. В строительных материалах нет недостатка, и мы можем устроиться не без удобства. Ну, Бэлл, — обратился он к плотнику, — надеюсь, вы, друг мой, не ударите лицом в грязь! Впрочем, я охотно вам помогу советами.

— Что ж, я готов, доктор, — ответил Бэлл. — Если понадобится, могу вам выстроить из этих льдин хоть целый город!

— Ну, это слишком много для нас! Будем брать пример с агентов Гудзоновой компании, которые строят форты для защиты от диких зверей и индейцев. Вот все, что нам нужно. Необходимо как следует укрепиться: с одной стороны, дом, с другой — склады, под прикрытием куртины и двух бастионов. Постараюсь по этому случаю припомнить все, что мне известно по части кастраметации¹.

— Ей-богу, — сказал Джонсон, — я ничуть не сомневаюсь, доктор, что под вашим руководством мы соорудим что-нибудь замечательное.

— Так вот, друзья мои! Главное — это выбор места. Хороший инженер прежде всего должен исследовать местность. Вы пойдете с нами, Гаттерас?

— Я вполне полагаюсь на вас, доктор, — ответил капитан. — Делайте свое дело, а я покамест осмотрю берега.

Альтамонт был еще слишком слаб для работы, и его оставили на судне, а четверо англичан сошли на берег.

Погода стояла облачная и туманная. В полдень термометр показывал -11° (-23° Ц), но при отсутствии ветра холод был вполне терпим.

Судя по очертанию берегов, на запад в необозримую даль простиралось море, покрытое льдами. Путешественники находились на берегу залива. Восточное побережье было сильно изрезано устьями рек;

¹ Кастраметация — искусство строить укрепленные лагеря.

ярдах в двухстах от пляжа местность резко повышалась. Довольно большой залив был усеян грозными скалами, на которых и разбился «Порпойз». Вдалеке виднелась гора, высоту которой доктор определил примерно в пятьсот туазов. На севере тянулся мыс, который, постепенно понижаясь, глубоко вдавался в море. Небольшой островок поднимался над ледяным полем в трех милях от берега. В заливе можно было бы найти защищенную от ветров якорную стоянку, но вход в него был чрезвычайно затруднен. Изгиб берега образовывал удобную для судов бухточку. Неизвестно только, очищалась ли когда-нибудь от льдов эта часть полярного океана. Но, судя по сообщениям Бельчера и Пенни, в течение летних месяцев все это море было свободно от льдов.

Доктор заметил на склоне горы что-то вроде круглой площадки около двухсот футов в поперечнике. Площадка эта возвышалась над заливом, с одной стороны примыкая к отвесному утесу высотой в двадцать туазов. На площадку можно было бы подняться только по вырубленным во льду ступенькам. Место это, казалось, подходило для прочного сооружения, и его негрудно было бы укрепить. Все сделала сама природа, оставалось только разумно использовать естественные условия.

Доктор, Бэлл и Джонсон поднялись на площадку, вырубая топором ступеньки во льду. Она оказалась совершенно ровной. Оценив преимущества местоположения, доктор решил здесь обосноваться. Первым делом нужно было расчистить площадку от покрывавшего ее смерзшегося снега толщиной в добрых десять футов; необходимо было и дом и склады построить на прочном фундаменте.

Понедельник, вторник и среду работали без устали, очищая площадку от снега. Наконец, добрались до грунта. Почва состояла из крайне твердого зернистого гранита с острым, как у стекла, изломом; в гранит был вкраплен кварц и крупные кристаллы полевого шпата, дробившегося под ударами кирки.

Доктор вычислил размеры и составил план снежного дома, который должен был быть длиной в сорок

футов и шириной в двадцать, при высоте в десять футов, и состоять из трех комнат; залы, спальни и кухни. Больше и не требовалось. Слева будет находиться кухня, справа спальня, а посередине зала.

Пять дней работали без усталости. В материале не было недостатка. Ледяные стены должны были быть достаточно толсты, чтобы выдержать оттепель, ибо дом мог понадобиться и летом.

Дом выростал на славу. У него было четыре окна, два в зале, одно в кухне и одно в спальне. Вместо стекол в рамы были вставлены, по обычаю эскимосов, великолепные ледяные пластины, пропускавшие, подобно матовым стеклам, мягкий свет.

Из залы вел наружу длинный коридор, в конце которого находилась крепкая дверь, снятая с «Порпойза».

Наконец, постройка была окончена. Доктор был в восторге от своего произведения. Трудно было сказать, какого архитектурного стиля было это сооружение, хотя строитель его претендовал на стиль английской готики, столь распространенный у него на родине. Но так как прежде всего нужно было добиться прочности, то доктор укрепил фасад прочными контрфорсами, неуклюжими, как романские столбы. Очень покатая крыша опиралась на гранитный утес, который поддерживал также дымовые трубы.

По окончании главных работ приступили к внутренней отделке и мебелировке помещения. В спальню перенесли с «Порпойза» койки и расставили их вокруг большой печи. Скамьи, стулья, кресла, столы, шкафы поместили в зале, служившей также столовой. Наконец, в кухне водрузили судовую плиту со всевозможной кухонной утварью. На полу растянули паруса, заменявшие ковры, ими же задрапировали вместо портьер внутренние двери.

Стены дома были в пять футов толщиной, оконные проемы походили на амбразуры в крепостной стене.

Дом был чрезвычайно прочен, больше и желать было нечего. Но если послушать доктора, то чего только нельзя было сделать из снега, которому так легко придать любую форму! Целые дни напролет

доктор обдумывал всякие фантастические планы, которые вовсе не собирался приводить в исполнение, но, во всяком случае, своими остроумными выдумками он скрашивал товарищам жизнь и облегчал им труд.

Будучи, кроме всего прочего, библиофилом, он прочел довольно редкую книгу Крафта, озаглавленную: «Подробное описание ледяного дома, построенного в Санкт-Петербурге в январе 1740 года, и всех находившихся в нем предметов». Все, что он там вычитал, вдохновляло изобретательного доктора. Однажды вечером он даже рассказал товарищам о чудесах ледяного дворца.

— Но разве мы не можем сделать того, что было сделано в Санкт-Петербурге? — спрашивал он их. — Чего нам недостает? Хватит и материала и творческой фантазии!

— Наверно, это было уж очень красиво? — спросил Джонсон.

— Сказочная красота, дружище! Построенный по повелению императрицы Анны ледяной дом, в котором она справила свадьбу одного из своих шутов в тысяча семьсот сороковом году, был не больше нашего дома. Перед его фасадом стояли на лафетах шесть ледяных пушек, из которых не раз палили холостыми и боевыми зарядами, причем орудия не разорвались. Тут же находились мортиры, рассчитанные на шестидесятифунтовые бомбы. Значит, и мы можем, в случае необходимости, завести у себя артиллерию: пушечная «бронза» у нас под рукой, сама валится с неба. Но искусство и изящный вкус проявились во всей полноте на фронтоне дома, украшенном чудесными ледяными статуями. На крыльце стояли вазы с цветами и апельсиновые деревья, сделанные изо льда. Справа стоял огромный слон, который днем выбрасывал из хобота воду, а ночью — горящую нефть. Ах, какой великолепный зверинец мы могли бы завести у себя, если бы только захотели!

— Что до зверей, — заметил Джонсон, — то у нас их тут хоть отбавляй. Правда, они не ледяные, но очень даже интересные!

— Мы сумеем от них защититься, — заявил воинственный доктор. — Возвращаясь к санкт-петербургскому дому, добавлю, что там были столы, туалетные столики, зеркала, канделябры, свечи, кровати, матрацы, подушки, занавеси, стулья, настенные часы, игральные карты, шкафы — словом, полная утварь и меблировка, и все было искусно вытесано, высечено, вырезано из льда.

— Так это был настоящий дворец? — спросил Бэлл.

— Великолепный дворец, вполне достойный царицы! О, этот лед! Какое счастье, что провидение создало его, потому что он не только позволяет создавать такие чудеса, но и служит на пользу людям, потерпевшим крушение!

Над оборудованием ледяного дома проработали до 31 марта, то есть до самой пасхи. Этот день был посвящен отдыху; путешественники провели его в зале, где происходило богослужение и чтение библии. Все быстро оценили рациональную конструкцию нового жилища.

На следующий день приступили к постройке складов и порохового погреба. На это ушла еще неделя, считая время, потраченное на разгрузку «Порпойза», которая была сопряжена с затруднениями, так как в сильный мороз нельзя долго работать на открытом воздухе. Наконец, 8 апреля весь провиант, топливо, порох и свинец были уже на суше, в надежном месте. Склады находились на северной стороне площадки, а пороховой погреб — на южной, шагах в шестидесяти от дома. Возле складов устроили для гренландских собак нечто вроде конуры, названной доктором «собачьим дворцом». Дэк находился в доме.

Затем доктор занялся фортификационными работами. Под его руководством площадка была обнесена ледяным валом, защищавшим ее от всякого рода нападений. Получилось нечто вроде естественного эскарпа, и форт был превосходно защищен.

Возводя эту систему укреплений, доктор смахивал на достойного дядюшку Тоби, изображенного Стерном, которого напоминал также своим благодушием и не-

возмутимым характером. Надо было видеть, как тщательно вычислял доктор угол внутреннего откоса, наклон валганга или ширину банкета. Работа шла легко, ибо материалом служил податливый снег. Славному инженеру удалось соорудить ледяной вал толщиной в целых семь футов. Площадка господствовала над заливом, поэтому не было надобности ни в наружном откосе, ни в контрэскарпе, ни в гласисе. Снежный парпет, огибая площадку, примыкал к обеим боковым стенам дома. Фортификационные работы были завершены к 15 апреля. Укрепление вышло хоть куда, и доктор очень гордился своим произведением.

В самом деле, форт мог бы продолжительное время выдерживать осаду эскимосов, если бы подобного рода враги встречались под этой широтой, но эти берега были совершенно безлюдны — Гаттерас, производивший съемку побережья залива, не заметил ни малейшего следа эскимосских хижин, которые обычно встречаются в местах, где кочуют гренландские племена. Повидимому, люди, потерпевшие крушение на судах «Форвард» и «Порпойз», первыми проникли в эту область.

Но если не приходилось опасаться людей, то всегда могли напасть звери, и форт должен был защищать от их атак свой небольшой гарнизон.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Картографический спор

За последние недели здоровье и силы Альтамонта окончательно восстановились; он даже мог принять участие в разгрузке судна. Могучий организм, наконец, взял свое, и бледность лица сменилась здоровым румянцем.

Альтамонт возродился к жизни. Это был крепкий мужчина сангвинического темперамента, с ясным умом и твердой волей, типичный американец, энергичный, предприимчивый, смелый, готовый на все. По словам

Альтамонта, он родился в Нью-Йорке и с юных лет плавал по морям. Его судно «Порпойз» было снаряжено и отправлено в полярную область богатой американской торговой компанией, во главе которой стоял небезызвестный Гриннелл.

Между Альтамонтом и Гаттерасом было немало общего; значительное сходство характеров, но ни малейшей симпатии друг к другу! Черты сходства отнюдь не сближали этих двух людей, впрочем, внимательный наблюдатель живо подметил бы между ними значительную разницу. С виду экспансивный, Альтамонт на деле был менее искренен, чем Гаттерас; он был более уступчив, но далеко не обладал правдивостью капитана; его характер не внушал такого доверия, как суровый темперамент Гаттераса. Раз высказав свою мысль, Гаттерас весь отдавался ей. Американец говорил много, но иной раз нельзя было уловить его мысли.

К таким выводам пришел доктор, долгое время наблюдавший Альтамонта. Клоубонни не без оснований опасался, как бы между капитанами «Форварда» и «Порпойза» не возникла вражда или даже ненависть.

Разумеется, из этих двух капитанов командовать должен был только один. Несомненно, Гаттерас имел все основания требовать подчинения со стороны Альтамонта — и как старший и как более сильный. Но если первый стоял во главе своего экипажа, то второй находился на своем корабле. И это уже давало себя знать.

Из каких-то соображений или инстинктивно Альтамонт сблизился с доктором, которому был обязан жизнью; но к этому достойному человеку он испытывал скорее симпатию, чем благодарность.

Так уж всегда бывало с доктором: друзья вырастали вокруг него, как колосья под солнечными лучами. Говорят, иные люди из кожи лезут, чтобы нажить себе врагов, но доктору и это бы не помогло.

Воспользовавшись расположением Альтамонта, доктор постарался узнать истинную цель его полярного плавания. Но американец, наговорив много,

в сущности ничего не сказал и вернулся к своей излюбленной теме — Северо-Западному проходу.

Доктор подозревал, что экспедиция Альтамонта имела совсем другую цель, именно ту, которой так опасался Гаттерас. Поэтому он решил не допускать соперников до споров на эту щекотливую тему. Однако это ему не всегда удавалось. Самый безобидный разговор мог ежеминутно уклониться в сторону, и любое слово могло вызвать столкновение между соперниками.

И вскоре это столкновение произошло. Когда постройка дома была закончена, доктор решил отпраздновать это событие торжественным обедом; ему пришла блестящая мысль воскресить на полярном материке европейские обычаи и развлечения. Бэлл весьма кстати подстрелил несколько куропаток и белого зайца, первого предвестника близкой весны.

Пиршество состоялось 14 апреля, в воскресенье, после Фоминой недели. Погода стояла ясная и бесснежная, но мороз не смел вторгаться в ледяной дом: весело гудевшие печи живо бы с ним расправились.

Пообедали плотно: с удовольствием ели свежее мясо вместо надоевшего пеммикана и солонины, чудесный пудинг, приготовленный доктором, был дважды вызван на сцену. Ученый кок, в фартуке и с ножом у пояса, сумел бы угодить самому лорд-канцлеру.

За десертом подали вино. Альтамонт не принадлежал к обществу трезвости, поэтому он и не думал отказываться от рюмки джина или водки. Остальные сотрапезники, люди обычно умеренные, без вреда могли позволить себе легкое отступление от правил. Итак, с разрешения доктора в конце этого веселого обеда каждый мог чокнуться с товарищами. Во время тостов в честь Соединенных Штатов Гаттерас упорно молчал.

После обеда доктор затронул один любопытный вопрос.

— Друзья мои, — сказал он, — мы благополучно прошли проливы, одолели ледяные горы, пересекли ледяные поля и, наконец, добрались до этих мест. Но это еще не все. Предлагаю вам дать название гостеприимной стране, в которой мы нашли спасение и отдых. Так издавна поступают мореплаватели всего мира, и ни

один из них не забывал это делать, будучи в положении, подобном нашему. Наряду с гидрографическим описанием берегов мы должны дать имена мысам, заливам и вершинам этой страны. Это совершенно необходимо!

— Что дело, то дело! — воскликнул Джонсон. — Стоит назвать землю каким-нибудь знакомым именем, и она начинает тебе казаться не такой чуждой, и чувствуешь себя уже не таким одиноким и потеряннным в неведомой стране!

— К тому же, — заметил Бэлл, — это поможет давать указания во время пути и выполнять задания. Во время какого-нибудь похода или на охоте мы можем разбрестись в разные стороны, и чтобы найти дорогу, надо знать, как она называется.

— Итак, — заявил доктор, — мое предложение принято. Постараемся теперь столкнуться насчет названий и не забудем при этом ни нашей родины, ни наших друзей. Что до меня, то, глядя на карту, я всегда радуюсь, когда вижу имя моего соотечественника на каком-нибудь мысе, острове или посреди моря. Это, так сказать, вмешательство дружбы в географию.

— Вы правы, доктор, — сказал Альтамонт, — к тому же ваша манера выражаться придает еще большую ценность вашим словам.

— Так начнем по порядку, — ответил доктор.

Гаттерас не принимал участия в разговоре: он о чем-то напряженно размышлял, но, заметив, что взгляды товарищей устремлены на него, он поднялся и сказал:

— Я предлагаю, и надеюсь, никто не будет возражать, — тут Гаттерас взглянул на Альтамонта, — дать нашему дому имя его искусного строителя, самого достойного из нас, и назвать его «Домом доктора».

— Здорово сказано! — воскликнул Бэлл.

— Прекрасно! — подтвердил Джонсон. — Дом доктора!

— Лучше не придумаешь! — заметил Альтамонт. — Да здравствует доктор Клоубонни!

Раздалось дружное троекратное «ура», которому Дэк вторил восторженным лаем.

— Итак, — сказал Гаттерас, — пусть за нашим домом останется это название, и будем надеяться, что со временем мы назовем именем нашего общего друга какой-нибудь новый материк.

— Ах! — воскликнул Джонсон. — Если бы земной рай еще не имел названия, то имя доктора пришлось бы ему как раз под стать!

Растроганный Клоубонни из скромности попробовал было отказаться от этой чести, но это ему не удалось. Пришлось покориться. Итак, было торжественно провозглашено, что этот веселый обед состоялся в большой зале Дома доктора, что он был изготовлен на кухне Дома доктора и что вся компания весело отправится на покой в спальню Дома доктора.

— А теперь, — заявил Клоубонни, — перейдем к более существенным нашим открытиям.

— Прежде всего, — ответил Гаттерас, — нас окружает огромное море, чьи волны еще не бороздил ни один корабль.

— Как это так — ни один корабль? — возразил Альтамонт. — Мне кажется, не следует забывать «Порпойз». Ведь не прибыл же он сюда сухим путем, — насмешливо добавил американец.

— Это и в самом деле можно подумать, глядя на скалы, на которых он сидит! — съязвил Гаттерас.

— Вы правы, капитан, — отвечал задетый за живое Альтамонт. — Но это все-таки лучше, чем взлететь на воздух, как ваш «Форвард»!

Гаттерас готов был уже резко ответить, но доктор вмешался в разговор.

— Друзья мои, — напомнил он, — речь идет не о кораблях, а о новом море...

— Это море вовсе не новое, — возразил Альтамонт. — Оно нанесено на все карты полярных стран. Называется оно Северным Ледовитым океаном, и я не вижу оснований менять его название. Если со временем мы обнаружим, что это всего лишь залив или пролив, тогда подумаем, как его назвать.

— Пусть будет так! — согласился Гаттерас.

— Вопрос решен, — сказал доктор, который уже начинал раскаиваться, что затронул столь щекотливую тему, возбуждающую национальное соперничество.

— Но вернемся к земле, на которой мы сейчас находимся, — продолжал Гаттерас. — Насколько мне известно, она не была нанесена даже на новейшие карты.

Говоря это, он пристально смотрел на Альтамонта; тот невозмутимо выдержал его взгляд и отвечал:

— И на этот раз вы ошибаетесь, Гаттерас!

— Ошибаюсь? Как? Эта неисследованная страна, эта новая земля...

— Уже имеет название, — спокойно ответил Альтамонт.

Гаттерас замолчал. Губы его дрожали.

— Какое же? — спросил доктор, несколько озадаченный заявлением американца.

— Дорогой доктор, — отвечал Альтамонт, — у мореплавателей всех стран существует обычай, а пожалуй, даже и право, давать название стране, в которую они прибыли первыми. Мне кажется, в данном случае я мог и даже должен был воспользоваться этим неоспоримым правом...

— Однако... — начал было Джонсон, которому не нравилась вызывающая манера Альтамонта.

— Мне кажется, — продолжал американец, — трудно отрицать факт прибытия «Порпойза» к этим берегам, даже если бы он пришел по суше, — добавил он, бросая взгляд на Гаттераса. — Тут нечего спорить!

— Такое притязание недопустимо! — сурово, хотя и сдерживаясь, возразил Гаттерас. — Чтобы дать название земле, необходимо по крайней мере ее открыть, а этого, по-моему, вы не сделали. Вы предъявляете какие-то права, а между тем где бы вы были теперь без нас? На глубине восьми футов под снегом!

— А без меня, милостивый государь, — едко возразил американец, — без моего корабля, что было бы теперь с вами? Все вы давным-давно перемерли бы от голода и стужи.

— Друзья мои, — попробовал было вмешаться доктор, — успокойтесь, все это можно уладить. Послушайте меня!

— Господин Гаттерас, — продолжал Альтамонт, указывая на капитана, — может давать названия всем другим землям, какие он откроет, — если только он их откроет, — но эта земля принадлежит мне! Я даже не могу допустить, чтобы она имела два названия, подобно земле Гриннелла, которая называется также землей Принца Альберта, так как была почти в одно и то же время открыта американцем и англичанином. Но в данном случае дело обстоит иначе. За мною неоспоримое право первенства! До меня еще ни один корабль не рассекал этих вод и нога человека не ступала на этот материк. Я дал ему имя, которое и останется за ним!

— Какое имя? — спросил доктор.

— Новая Америка! — ответил Альтамонт.

У Гаттераса судорожно сжались кулаки, но, сделав над собой отчаянное усилие, он смолчал.

— Можете ли вы доказать, — продолжал Альтамонт, — что англичанин ступил на этот материк раньше американца?

Бэлл и Джонсон молчали, хотя надменная самоуверенность Альтамонта раздражала их не меньше, чем самого капитана. Но им нечего было возразить.

Несколько минут длилось тягостное молчание, наконец доктор сказал:

— Друзья мои, верховный человеческий закон — это закон справедливости; он включает в себе все остальные законы. Итак, будем справедливы и не дадим волю дурным чувствам! Первенство Альтамонта, по-моему, очевидно. Спорить больше нечего. Мы вознаградим себя со временем, и на долю Англии придется немало наших будущих открытий. Оставим же за этой землею название Новой Америки. Но, дав ей такое название, Альтамонт, я думаю, еще не окрестил ее заливов, мысов, вершин и кос и, надеюсь, никто не помешает нам назвать вот эту, например, бухту бухтой Виктории.

— Никто, — сказал Альтамонт, — при условии, что вон тот мыс получит название мыса Вашингтона.

— Вы могли бы выбрать другое имя, — воскликнул вне себя Гаттерас, — менее неприятное для слуха англичанина!

— Но не мог бы найти имени более приятного для слуха американца, — высокомерно возразил Альтамонт.

— Слушайте, господа, — сказал доктор, изо всех сил старавшийся примирить соперников, — прошу вас, не спорьте на такие темы. Пусть американцы гордятся великими людьми своей родины. Воздадим должное гению, где бы он ни родился! Альтамонт уже высказал свое желание, теперь очередь за нами. Пусть в честь нашего капитана...

— Нет, доктор! Поскольку это американская земля, я не желаю, чтобы с ней было связано мое имя.

— Это ваше окончательное решение? — спросил доктор.

— Окончательное! — ответил Гаттерас.

Клоубонни больше не настаивал.

— Теперь очередь за нами, — обратился он к боцману и Бэллу. — Оставим здесь следы своего пребывания. Предлагаю назвать остров, лежащий в трех милях отсюда, островом Джонсона в честь нашего боцмана.

— Что вы, доктор! — сконфуженно пробормотал старый моряк.

— А вот ту гору на западе мы назовем Бэлл-Маунт — горою Бэлла, если наш плотник не возражает.

— Слишком много чести, — промолвил Бэлл.

— Вы это вполне заслужили, — сказал доктор.

— Превосходно! — заметил Альтамонт.

— Теперь нам остается только дать название нашему форту, — продолжал Клоубонни, — и на этот раз не будет споров. Если мы нашли в нем убежище, то обязаны этим ни ее величеству, ни Вашингтону, но одному только богу, который в нужный момент свел нас всех вместе и спас от гибели. Итак, пусть этот форт называется фортом Провидения.

— Удачная мысль! — воскликнул Альтамонт.

— Форт Провидения — это звучит замечательно! — воскликнул Джонсон. — Значит, возвращаясь из наших экскурсий на север, мы будем держать курс на мыс Вашингтона, потом войдем в бухту Виктории, от туда махнем в форт Провидения и там в Доме доктора сможем отдохнуть и подкрепить себя едой.

— Итак, дело улажено! — сказал доктор. — Впоследствии, когда мы будем делать новые открытия, нам придется давать и другие названия, но, надеюсь, это больше не вызовет споров. Друзья мои, здесь надо любить друг друга и помогать друг другу. На этом пустынном берегу мы ведь единственные представители рода человеческого. Не будем же допускать в свою душу те ужасные страсти, которые терзают человеческое общество, и объединим свои усилия, чтобы сообща, мужественно и стойко переносить все испытания. Кто знает, каким опасностям, каким страданиям будет угодно небу подвергнуть нас, прежде чем мы увидим родину! Будем же все пятеро, как один, и отрешимся от всякого соперничества, которое вообще не должно бы существовать между людьми, а тем более здесь! Слышите, Альтамонт, и вы, Гаттерас!

Гаттерас и Альтамонт ничего не отвечали, но доктор сделал вид, что не замечает их молчания.

Затем разговор перешел на другую тему и коснулся охоты. Необходимо было пополнить запасы мяса: близились весна, и скоро должны были появиться куропатки, зайцы, песцы и медведи. Итак, решили воспользоваться первым же погожим днем, чтобы произвести разведку на материке Новой Америки.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Экскурсия к северу от бухты Виктории

На другой день рано утром Клоубонни решил подняться на утес, к которому был прислонен Дом доктора. Не без труда взобрался он по уступам на самую вершину. Оттуда перед ним открылся широкий вид. Кругом на огромное пространство поверхность земли

была изломана какими-то вулканическими силами. Снег беспредельным белым покровом устилал материк и море, так что трудно было отличить их друг от друга.

Как только Клоубонни убедился, что возвышение, на котором он стоит, господствует над окрестными равнинами, ему пришла в голову мысль, которая, впрочем, не удивила бы никого из знавших доктора.

Он напряженно размышлял, со всех сторон обсуждая и взвешивая эту идею; и вернувшись в ледяной дом, мог сообщить своим товарищам уже вполне созревший у него в уме план.

— Мне пришло в голову, — заявил он, — поставить маяк на вершине утеса, который подымается над нашими головами.

— Маяк? — в один голос воскликнули его товарищи.

— Да, маяк! Он окажется вдвойне полезным: когда мы будем ночью возвращаться из дальних экскурсий, он будет указывать нам дорогу, а в долгие зимние месяцы — освещать площадку.

— Несомненно, — ответил Альтамонт, — такой аппарат был бы нам очень полезен. Но как его устроить?

— С помощью одного из фонарей «Порпойза».

— Прекрасно! Но что же будет гореть в фонаре? Неужели тюлений жир?

— О нет! Тюлений жир дает слишком слабый свет, который едва ли будет виден в тумане.

— Уж не собираетесь ли вы добывать из каменного угля свежий газ?

— И этот способ освещения в данном случае непригоден; к тому же мы не можем пожертвовать топливом.

— Тогда, — сказал Альтамонт, — я уж не знаю...

— Ну, а я думаю, — заявил Джонсон, — что нет такой вещи на свете, которой не мог бы сделать доктор! После ртутной пули, ледяного зажигательного стекла и постройки форта Провидения я...

— Но скажите же, как вы думаете устроить маяк? — перебил Альтамонт.

— Очень просто, — ответил доктор. — Я устрою электрический маяк!

— Электрический маяк?

— Ну, да! Ведь на борту «Порпойза» имеется батарея Бунзена, и она в полной исправности?

— Да, — отвечал Альтамонт.

— Вероятно, вы ее захватили для каких-нибудь опытов по электричеству; ведь у нас здесь все, что нужно, — и изолированные провода и кислота, необходимая для элементов. Значит, нетрудно получить электрический свет. И светло нам будет, да и не так это сложно.

— Замечательно, — воскликнул Джонсон, — и чем скорее...

— Ну, что ж, материал у нас есть, — сказал доктор, — и через какой-нибудь час мы сложим ледяной столб высотой в десять футов. Этого будет вполне достаточно.

Доктор вышел наружу; его товарищи вслед за ним взобрались на вершину утеса; работа закипела, и вскоре на столбе уже был укреплен фонарь, взятый с «Порпойза».

Затем доктор приладил к фонарю провода, которые другим концом примыкали к батарее, стоявшей в зале ледяного дома, где ей не мог повредить мороз. Оттуда провода тянулись до самого маяка.

Все это было проделано очень быстро, и путешественники ждали только вечера, чтобы насладиться новым эффектом. Когда стемнело, сблизили два угольных стержня, установленных внутри фонаря на некотором расстоянии друг от друга, — и яркие лучи снопом вырвались из фонаря и залили окрестность. Этот свет не ослабевал и не гаснул на ветру. Чудное зрелище представляли электрические лучи, белизной не уступавшие снежным полям; все возвышенности, бугры и торосы стали отбрасывать резкие тени.

Джонсон в восторге захолопал в ладоши.

— Наш доктор ухитрился сделать солнце! — воскликнул он.

— Надо уметь делать все понемногу, — скромно ответил Клоубонни.

Однако мороз дал себя знать и положил конец их восторгам. Все пошли домой отогреваться под одеялами.

Жизнь в ледяном доме текла размеренно. С пятнадцатого до двадцатого апреля стояла переменчивая погода. Температура резко колебалась: за несколько часов она могла подскочить или опуститься на двадцать градусов; снегопады и метели сменялись сухими морозами, и всякий раз, выходя из дому, приходилось иметь в виду возможную перемену погоды.

Но в субботу ветер стих, и это позволило путешественникам предпринять экскурсию, решено было посвятить этот день охоте, чтобы пополнить запас продовольствия.

Альтамонт, доктор и Бэлл, вооруженные двустольными ружьями, с достаточным количеством зарядов, небольшим топором и снеговым ножом, взятыми на случай, если бы понадобилось соорудить себе укрытие, двинулись в путь утром при пасмурной погоде.

За их отсутствие Гаттерас должен был осмотреть берега и произвести кое-какие съемки. Доктор не забыл привести в действие маяк, свет которого успешно боролся с лучами дневного светила. И в самом деле, один только электрический свет, равный силе света трех тысяч свечей или трехсот газовых рожков, может выдержать сравнение с солнечным светом.

Погода стояла сухая, холодная и безветренная. Охотники направились к мысу Вашингтона; по твердому насту идти было нетрудно. В полчаса они прошли три мили, отделявшие мыс от форта Провиденция. Дэк весело прыгал вокруг спутников.

Береговая линия отклонялась к востоку; горы, окружающие залив Виктории, постепенно понижались к северу. На основании этого можно было предположить, что Новая Америка — остров. Но на этот раз в их задачу не входило определение его очертаний.

Охотники быстро шагали вдоль побережья, не встречая ни малейших следов человеческого жилья. Они ступали по девственной почве, которой еще не касалась нога человека.

За первые три часа охотники прошли миль пятнадцать, закусьвая на ходу. Казалось, их охоте не суждено было увенчаться успехом. Действительно, им удалось обнаружить только следы зайцев, песцов и волков. Кое-где уже порхали пуночки, предвестницы весны.

Охотники отклонились в сторону, огибая глубокие ущелья и отвесные скалы, примыкавшие к горе Бэлла. Потеряв напрасно несколько часов, они снова вернулись на побережье. Лед еще не тронулся. Море было сковано на всем своем протяжении; но следы тюленей говорили о том, что эти животные уже начали вылезать на поверхность ледяных полей подышать воздухом. Судя по огромным следам на снегу и проделанным во льду отдушинам, несколько тюленей выходили на берег совсем недавно.

Животные эти очень любят солнце и охотно выходят на сушу понежиться в его живительных лучах.

Доктор обратил внимание товарищей на это обстоятельство.

— Заметим хорошенько это место, — сказал он, — возможно, что летом мы найдем здесь сотни тюленей. В малонаселенных местах к ним очень легко подойти, да и убивать их не составит труда. Только не надо их пугать, потому что тюлени исчезают тогда как по волшебству и больше не возвращаются. Иной раз неумелые промышленники, вместо того чтобы поодиночке охотиться на тюленей, нападают на них гурьбой, с шумом и гамом, и отпускают свою добычу.

— А что, на тюленей охотятся только из-за шкур и жира? — спросил Бэлл.

— Европейцы — да, но эскимосы едят тюленей, хотя сырая тюленина, политая кровью и жиром, далеко не аппетитна. Впрочем, все дело в уменье, и я берусь приготовить чудесные тюленьи котлеты, которыми не побрезгует даже гурман, если не побоится их черноватого цвета.

— За чем же дело стало! — сказал Бэлл. — Попробуем. Даю вам слово, что съем столько тюленьих котлет, сколько вам будет угодно. Слышите, доктор?

— Дорогой Бэлл, вы, вероятно, хотите сказать, — сколько вы сможете съесть. Но сколько ни старайтесь, вам ни за что не сравняться в прожорливости с гренландцем, который съедает ежедневно от десяти до пятнадцати фунтов тюленьины.

— Пятнадцать фунтов! — воскликнул Бэлл. — Вот так желудок!

— Полярный желудок, — ответил доктор, — удивительный желудок: он расширяется и сокращается по желанию, способен переносить длительную голодовку и избыток пищи. В начале обеда эскимос тощ, а в конце — его и не узнаешь, — так он растолстел! Правда, обед эскимоса нередко продолжается целый день.

— Как видно, такая прожорливость свойственна только обитателям холодных стран, — сказал Альтамонт.

— Повидимому, так, — ответил доктор. — В арктических странах приходится много есть; это необходимо для сохранения не только сил, но и самой жизни. Поэтому Компания Гудзонова залива отпускает ежедневно на каждого человека восемь фунтов мяса, или двенадцать фунтов рыбы, или же два фунта пеммикана.

— От такого питания как не быть сильным! — заметил Бэлл.

— Не так уж много оно дает сил, как вы думаете, друг мой: индеец, поглотивший такую уйму, производит не больше работы, чем англичанин, съевший фунт говядины и выпивший пинту пива.

— Выходит, все к лучшему, доктор!

— Разумеется. Однако обед эскимосов может хоть кого удивить. Сэр Джон Росс во время зимовки на земле Бутия постоянно изумлялся прожорливости своих проводников. Он рассказывает, между прочим, что двое эскимосов, — заметьте, только двое, — за одно утро съели целую четверть мускусного быка. Они нарезали мясо длинными лентами и запихивали в рот; затем каждый отрезал у самых губ часть ленты, не вошедшей в рот, и передавал ее товарищу. Иной раз эти обжоры развешивали ленты мяса таким образом,

чтобы они свешивались до самого пола, и мало-помалу пожирали их, а затем, лежа на земле, переваривали, как удав — проглоченного быка.

— Бррр! Что за отвратительное зрелище! — воскликнул Бэлл.

— Всякий обедает по-своему, — философически заметил Альтамонт.

— К счастью, это так! — ответил доктор.

— Да, — сказал Альтамонт, — как видно, в полярных странах потребность в еде исключительно велика. Не удивительно, что полярные путешественники в своих отчетах постоянно упоминают о еде.

— Вы правы, — согласился Клоубонни, — я сам это заметил! Происходит это не только потому, что в полярных странах человек нуждается в усиленном питании, но еще и потому, что там порой очень трудно его добыть. Волей-неволей постоянно думаешь о еде, а что на уме, то и на языке.

— Однако, — сказал Альтамонт, — насколько я помню, на севере Норвегии крестьяне не нуждаются в таком усиленном питании и довольствуются небольшим количеством молока, яиц, хлеба с примесью березовой коры и по временам лосося. Мяса они не едят никогда, а между тем посмотрели бы вы, какие это молодцы!

— Все зависит от физической организации, — ответил доктор, — и объяснить это я не берусь, но я думаю, что второе или третье поколение норвежцев, переселившихся в Гренландию, под конец стало бы питаться на гренландский лад. Если бы и нам суждено было надолго остаться в этой благодатной стране, то и мы, друзья мои, подобно эскимосам, пожалуй, стали бы отпетыми обжорами.

— Доктор так много говорил о еде, что мне даже захотелось есть, — заявил Бэлл.

— Ну, нет, — сказал Альтамонт, — мне после ваших рассказов даже противно думать о тюленине. А! Да вот, кажется, представляется случай испытать себя, — посмотрите, вон там на льдине какое-то большое животное!

— Это морж!— воскликнул Клоубонни. — Тише! Вперед!

Действительно, в двухстах ярдах от охотников на льду разлегался огромный морж; он с наслаждением потягивался и поворачивался с боку на бок, греясь в бледных лучах полярного солнца.

Охотники разошлись в разные стороны, чтобы окружить моржа и отрезать ему путь к отступлению. Прячась за торосами, они приблизились к нему на несколько туазов и дали залп.

Морж свалился, но силы еще не покинули его, он старался проломить лед, чтобы ускользнуть от охотников. Альтамонт ринулся на него с топором и нанес несколько ударов. Животное отчаянно защищалось, но несколько выстрелов прикончили его, и бездыханный морж растянулся на льду, обрызганном его кровью.

Это было крупное животное длиной в пятнадцать футов, считая от морды до хвоста; из него можно было бы добыть несколько бочонков жира.

Доктор отрезал лучшие части от моржовой туши, а все остальное бросил воронам, которые уже носились над льдами.

Смеркалось. Пора было возвращаться в форт Провидения; небо прояснилось; луна еще не вставала, и звезды ярко сверкали.

— Идемте! — сказал доктор. — Время уже позднее. Сегодня нам не очень повезло. Впрочем, если охотник настрелял дичи себе на ужин, то он не имеет права жаловаться. Пойдем кратчайшим путем и постараемся не заблудиться. Звезды укажут нам путь.

Однако не так-то легко ориентироваться по Полярной звезде в странах, где она блещет над самой головой путешественника. Действительно, когда север находится в зените, то другие части света трудно определить. К счастью, луна и крупные созвездия помогли доктору найти дорогу.

Для сокращения пути доктор решил не идти вдоль извилистого побережья, а напрямик пробираться к форту. Так было ближе, зато рискованно, и в самом деле — не прошло и нескольких часов, как охотники окончательно заблудились.

Они уже подумывали о том, чтобы переночевать в ледяном домике, а наутро вернуться на побережье и идти по ледяному полю. Но доктор, зная, что Гаттерас и Джонсон будут беспокоиться, настаивал на продолжении пути.

— Нас поведет Дэк, — заявил он, — а Дэк никак не может ошибиться. Он одарен особым инстинктом и не нуждается ни в компасе, ни в звездах. Пойдем-ка за ним.

Дэк шел впереди; путешественники вполне доверяли его чутью. И они не ошиблись, потому что вскоре на горизонте показался свет; это не могла быть звезда, потому что ее ни за что бы не увидеть в густом тумане.

— Это наш маяк! — воскликнул доктор.

— Вы так думаете? — усомнился Бэлл.

— Я уверен! Идем!

По мере того как путешественники приближались, свет становился все ярче. Вскоре они вступили в полосу светящейся пыли; они шли в гигантском луче; их огромные отчетливые тени тянулись за ними по сверкающей снежной пелене.

Путешественники ускорили шаги и через полчаса уже поднимались по откосу в форт Провидения.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Тепло и холод

Гаттерас и Джонсон с беспокойством поджидали товарищей. Охотники очень обрадовались, добравшись, наконец, до теплого уютного уголка. Вечером температура сильно понизилась, и термометр показывал -73° (-31° Ц).

Измученные, полузамерзшие охотники совсем выбились из сил. К счастью, печи работали исправно, и плита была растоплена. Доктор преобразился в повара и нажарил несколько котлет из моржового мяса. В девять часов вечера все пятеро уселись за сытный ужин.

— Ей-богу, — сказал Бэлл, — пусть меня назовут эскимосом, — но должен признаться, что еда — важное дело во время полярной зимовки. Если попал тебе порядочный кусок, уписывай за обе щеки!

У всех рты были набиты и никто не мог сразу же ответить Бэллу. Но доктор кивнул в знак согласия.

Моржовые котлеты оказались превосходными. Правда, их никто не хвалил, но их живо истребили, а это равносильно одобрению.

За десертом доктор, по своему обыкновению, приготовил кофе. Клоубонни никому не позволял варить этот превосходный напиток, приготавливал его тут же на столе в кофейнике на спиртовке и подавал кипящим. Если кофе не обжигал ему языка, доктор не удаивал проглотить свою порцию. В этот вечер он пил такой горячий кофе, что никто не мог ему подражать.

— Да вы сожжете себе рот, доктор, — сказал Альтамонт.

— Никогда, — ответил он.

— Что у вас, небо луженое, что ли? — спросил Джонсон.

— Ничуть, друзья мои. Советую вам брать пример с меня. Некоторые люди, в том числе и я, пьют кофе, температурой в сто тридцать один градус (+55° Ц).

— Сто тридцать один градус! — воскликнул Альтамонт. — Да ведь даже рука не выдержит такой температуры!

— Разумеется, Альтамонт, потому что рука выносит температуру не выше пятидесяти градусов. Но небо и язык менее чувствительны и выносят то, чего не может выдержать рука.

— Вы меня удивляете, — сказал Альтамонт.

— Что ж, я постараюсь вас убедить.

Доктор взял термометр, погрузил его в горячий кофе, подождал, пока ртуть понизилась до пятидесяти пяти градусов, и затем с видимым удовольствием выпил живительный напиток.

Бэлл хотел было последовать примеру доктора, но обжег себе язык и завопил не своим голосом.

— Это от непривычки, — улыбнулся Клоубонни.

— Не скажете ли вы, доктор, — спросил Альта-

монт, — какую температуру может выдержать человек?

— Охотно, — отвечал доктор. — Были произведены соответствующие опыты, надо сказать, весьма любопытные. Могу привести несколько замечательных фактов. Они вам докажут, что можно ко всему привыкнуть, даже к температуре, при которой жарится бифштекс. Известно, что девушки, работавшие в общественной пекарне города Ларошфуко во Франции, в течение десяти минут оставались в печи, накаленной до трехсот градусов ($+132^{\circ}\text{Ц}$), то есть температура была на восемьдесят восемь градусов выше точки кипения воды. Вокруг них жарились в печи яблоки и говядина.

— Вот так девушки! — воскликнул Альтамонт.

— А вот вам другой, не подлежащий сомнению факт. Восемь наших соотечественников — Фордайс, Бэнкс, Соландер, Благдин, Хом, Нус, лорд Сифорт и капитан Филипс — выдержали в тысяча семьсот семьдесят четвертом году температуру в двести девяносто пять градусов ($+128^{\circ}\text{Ц}$) в печи, где в это время жарился ростбиф и варились яйца.

— И это были англичане? — не без гордости спросил Бэлл.

— Да, Бэлл, англичане, — ответил доктор

— О, американцы сделали бы и почище того, — заявил Альтамонт.

— Они изжарились бы, — засмеялся Клоубонни.

— А почему бы и нет? — возразил американец.

— Во всяком случае, сделать этого они не пыгались, поэтому я ограничусь своими соотечественниками. Упомяну еще об одном факте, который кажется прямо невероятным, но свидетелей его нельзя заподозрить во лжи. Герцог Рагузский и доктор Юнг, француз и австриец, своими глазами видели, как один турок окунулся в ванну, температура которой достигала ста семидесяти градусов ($+78^{\circ}\text{Ц}$).

— Мне кажется, — заметил Джонсон, — что это далеко не так замечательно, как то, что делали служанки общественной пекарни и наши соотечественники.

— Простите, — сказал доктор, — но одно дело выдерживать горячий воздух, а другое — погружаться

в горячую воду. Горячий воздух производит испарину, предохраняющую тело от ожога, а в горячей воде мы не потеем, следовательно, обжигаемся. Поэтому для ванн рекомендуется температура не выше ста семи градусов ($+42^{\circ}\text{C}$). Видно, у этого турка был какой-то необыкновенный организм, раз он мог выдерживать такую высокую температуру.

— Скажите, доктор, — спросил Джонсон, — какая вообще температура у животных?

— У различных классов животных различная температура, — ответил Клоубонни. — Так, самая высокая температура наблюдается у птиц, в особенности у кур и уток. Температура их тела превышает сто десять градусов ($+43^{\circ}\text{C}$), в то время как у филина она не выше ста четырех ($+40^{\circ}\text{C}$). Затем идут млекопитающие и люди; температура тела англичан в среднем — сто один градус ($+37^{\circ}\text{C}$).

— Я уверен, что Альтамонт и здесь будет доказывать превосходство американцев, — засмеялся Джонсон.

— Да, среди нас есть люди очень горячие, — сказал Альтамонт, — но так как мне не приходилось измерять им температуру ни подмышкой, ни во рту, то я боюсь что-нибудь утверждать.

— Люди, принадлежащие к различным расам, — продолжал доктор, — не обнаруживают значительной разницы в температуре, если находятся в одинаковых условиях, причем характер пищи не играет особой роли. Могу вам даже сказать, что температура человеческого тела под экватором и на полюсе одна и та же.

— Следовательно, — спросил Альтамонт, — теплота нашего тела одинакова как здесь, так и в Англии?

— Почти одинакова, — ответил доктор. — Что касается других млекопитающих, то их температура вообще несколько выше температуры человека. Ближе всех в этом отношении стоят к человеку лошадь, заяц, слон, дельфин и тигр; кошка, белка, крыса, пантера, овца, бык, собака, обезьяна, козел, коза обладают температурой в сто три градуса, но свинья всех их превосходит, ибо ее температура даже выше ста четырех градусов ($+40^{\circ}\text{C}$).

— Это прямо обидно для людей, — заметил Альтамонт.

— Затем идут земноводные и рыбы, температура которых изменяется в зависимости от температуры воды. Температура змеи — всего восемьдесят шесть градусов ($+30^{\circ}\text{Ц}$), лягушки — семьдесят ($+25^{\circ}\text{Ц}$); акула обладает примерно такой же температурой, как лягушка. Наконец, насекомые, повидимому, имеют ту же температуру, что окружающие их воздух или вода.

— Все это прекрасно, — вдруг заговорил Гаттерас, до сих пор не принимавший участия в беседе, — и я очень благодарен доктору, который охотно делится с нами своими познаниями. Но мы так долго говорим о высокой температуре, что можно подумать, будто нам предстоит переносить палящую жару. Мне кажется, более уместно было бы поговорить о холоде и назвать самую низкую температуру, которая до сих пор наблюдалась.

— Вот это дело, — заметил Джонсон.

— Извольте, — отвечал Клоубонни. — Могу вам и об этом рассказать.

— Еще бы! — воскликнул Джонсон. — Вам и книги в руки!

— Друзья мои, я знаю только то, чему научился от других, и когда я вам расскажу, вы будете знать не меньше моего. Итак, вот что я могу вам сказать относительно холодов и морозов, наблюдавшихся в Европе. Насчитывают немало памятных зим; повидимому, самые суровые из них повторяются через каждые сорок один год, период, совпадающий с периодом появления наибольшего числа солнечных пятен. Упомяну о зиме тысяча триста шестьдесят четвертого года, когда Рона замерзла до самого Арля; о зиме тысяча четыреста восьмого года, когда Дунай был скован льдом от истоков до устья и волки переходили по льду Каттегат; о зиме тысяча пятьсот девятого года, когда Адриатическое и Средиземное моря замерзли в районах Венеции, Сета и Марселя, а Балтийское море десятого апреля еще не было свободно ото льда; о зиме тысяча шестьсот восьмого года, когда в Англии погиб весь скот; о зиме тысяча семьсот восемьдесят девятого

года, когда Темза замерзла до самого Грейвсенда, на шесть лье ниже Лондона; о зиме тысяча восемьсот тринадцатого года, о которой французы сохранили такие ужасные воспоминания, и, наконец, о зиме тысяча восемьсот двадцать девятого года, самой ранней и вместе с тем самой продолжительной из всех зим девятнадцатого столетия. Так обстоит дело в Европе.

— Но здесь, за полярным кругом, до какого градуса опускается температура? — спросил Альтамонт.

— Черт возьми, — сказал доктор, — кажется, нам пришлось испытать самые большие морозы, когда-либо наблюдавшиеся на земле, так как спиртовой термометр однажды показывал минус семьдесят два градуса (-58° Ц). Если не ошибаюсь, до настоящего времени полярным путешественникам приходилось наблюдать на острове Мелвилла минус шестьдесят один градус, в порту Феликса — минус шестьдесят пять и в форте Упования — минус семьдесят ($-56,7^{\circ}$ Ц).

— Да, — вырвалось у Гаттераса, — нас очень некстати задержала суровая зима.

— Задержала зима? — переспросил Альтамонт, пристально глядя на капитана.

— На пути к западу, — поспешил добавить доктор.

— Таким образом, — продолжал Альтамонт, возвращаясь к прерванному разговору, — человек может выдерживать температуру в диапазоне примерно двухсот градусов?

— Да, — сказал доктор. — На открытом воздухе термометр, защищенный от действия отраженных лучей, никогда не поднимается выше ста тридцати пяти градусов ($+57^{\circ}$ Ц), а при самой жестокой стуже не опускается ниже семидесяти двух (-58° Ц). Таким образом, друзья мои, мы можем приспособиться к любой температуре.

— А что, если солнце вдруг погаснет, — спросил Джонсон, — уж, наверно, земля живо замерзнет?

— Солнце не погаснет, — ответил доктор, — а если бы даже и погасло, то, по всем вероятностям, температура не опустилась бы ниже указанных мною пределов.

— Вот это любопытно!

— Вы знаете, в прежнее время ученые предполагали, что в космическом пространстве за пределами земной атмосферы царит мороз в несколько тысяч градусов; эти цифры пришлось, однако, значительно снизить после опытов французского ученого Фурье. Он доказал, что если бы в космическом пространстве, в котором несется Земля, царил такой страшный холод, то на полюсах было бы гораздо холоднее, чем теперь, и между дневной и ночной температурой существовала бы огромная разница. Из этого следует, что на расстоянии нескольких миллионов миль от Земли не холоднее, чем в арктических странах.

— Скажите, доктор, — спросил Альтамонт, — правда ли, что температура Америки ниже температуры других стран?

— Без сомнения, но, пожалуйста, не вздумайте этим гордиться, — улыбнулся доктор.

— Чем же это объясняют?

— До сих пор еще не находят удовлетворительного объяснения. Так, Галлей предполагал, что некогда Землю задела пронесившаяся мимо комета, причем от толчка сместилась земная ось, а тем самым и полюса. По его мнению, Северный полюс, некогда находившийся в Гудзоновом заливе, переместился к востоку, и область, где раньше находился полюс, до настоящего времени сохранила более низкую температуру, несмотря на то, что ее много веков обогревает солнце.

— Но вы не принимаете этой гипотезы?

— Ни на минуту, потому что если она оправдывается по отношению к восточному побережью Америки, то совершенно несостоятельна в отношении ее западного побережья, температура которой значительно выше. Нет, необходимо допустить существование изотермических поясов, независимых от параллелей, вот и все!

— Не правда ли, доктор, — сказал Джонсон, — очень приятно разговаривать о морозе, сидя в теплом помещении.

— Правильно, старина! Мы даже можем наши теории подтвердить на практике. Полярные страны — это

гигантская лаборатория, где можно производить интересные опыты над использованием низких температур. Только надо соблюдать осторожность и быть благо-разумным: если какая-нибудь часть тела начинает у вас замерзать, скорее трите ее снегом, чтобы восстано-вить кровообращение. Да и когда сидите у огня, будьте осторожнее, потому что можно незаметно полу-чить сильные ожоги рук или ног. В таком случае по-требовалась бы ампутация, а между тем мы не должны оставлять ни малейшей частицы своего тела в поляр-ных странах. А теперь, друзья мои, недурно будет от-дохнуть несколько часов.

— Охотно, — откликнулись товарищи доктора.

— Кто сегодня дежурит у печи?

— Я, — отвечал Бэлл.

— Так смотрите же, чтобы огонь в печи не погас, потому что сегодня дьявольский мороз.

— Не беспокойтесь, доктор! Мороз-то мороз, а вот поглядите, все небо в огне.

— Да, — сказал доктор, подходя к окну, — чудес-ное северное сияние! Какое великолепное зрелище! Не могу вдоволь на него наглядеться.

Доктор всегда восхищался этим метеорологическим явлением, на которое его товарищи не обращали осо-бенного внимания. Он заметил, что северному сиянию всякий раз предшествуют возмущения магнитной стрелки, и по этому вопросу уже подготавливал статью для «Книги погоды».

Бэлл сел дежурить у печки, а его товарищи уле-глись на койки и вскоре заснули крепким сном.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Развлечения во время зимовки

Жизнь в полярных странах удручающе однообразна. Человек вынужден покоряться прихотям погоды, по-стоянному чередованию метелей и холодов. Большую часть времени нельзя выглянуть наружу, приходится

оставаться в ледяном доме. Долгие месяцы проходят в полном бездействии, зимовщики сидят, как кроты в норе.

На следующий день температура понизилась на несколько градусов, и разразилась сильная метель. Ничего нельзя было разглядеть в белесоватой мгле. Доктор волей-неволей оставался дома, и ему было почти нечего делать; приходилось только чуть не каждый час расчищать входной коридор, который заносило снегом, и вытирать ледяные стены, на которых осаждалась влага во время топки помещения. Но ледяной дом был построен солидно, а метель, утолщая его стены, придавала ему еще большую прочность.

Склады тоже были сделаны на славу; снятые с судна вещи сложили в строгом порядке в «интендантстве», как выражался доктор. Хотя они находились в каких-нибудь шестидесяти шагах от дома, но в метель было почти невозможно до них добраться. Поэтому часть продуктов для ежедневного потребления хранилась на кухне.

«Порпойз» во-время разгрузили. Льды медленно, незаметно, сжимали судно и могли мало-помалу раздавить его. Было ясно, что из обломков корабля ничего путного нельзя построить. Однако доктор надеялся кое-как выкроить небольшую шлюпку, чтобы вернуться на ней в Англию. Впрочем, об этом было еще рано думать.

Долгие дни зимовщики были обречены на бездействии. Гаттерас, вечно задумчивый, целый день лежал на койке, Альтамонт пил или спал, а доктор и не думал выводить их из этой спячки, опасаясь каких-нибудь новых досадных столкновений. Капитаны редко говорили друг с другом.

За обедом предусмотрительный доктор старался так направлять разговор, чтобы не задевать больных мест, и искусно обходил щекотливые темы. Клоубонни из всех сил старался чем-нибудь заинтересовать своих товарищей, поучал их и развлекал. Он или приводил в порядок свои путевые заметки, или беседовал с товарищами, затрагивал исторические темы, рассказывал о метеорологических явлениях или о путеше-

ствиях, приводя весьма поучительные для них факты. Он говорил увлекательно, порой пускаясь в философию, делая интересные выводы из самых, казалось бы, незначительных фактов. Память его была прямо неистощима и никогда не изменяла ему. Клоубонни прекрасно применялся к уровню своих слушателей, приводил им множество любопытных фактов, дополняя теорию остроумными замечаниями.

Этот достойный человек был в полном смысле слова душою маленького общества, воплощением искренности и справедливости. Товарищи всецело доверяли доктору; он внушал уважение даже Гаттерасу, который очень его любил. Он всем подавал пример и на словах и на деле, и благодаря ему жизнь этих пяти человек, затерянных в ледяной пустыне в шести градусах от полюса, вошла в нормальную колею. Когда доктор говорил, можно было подумать, что он рассуждает, сидя в своем рабочем кабинете в Ливерпуле.

Но как непохожа была участь наших путешественников на участь мореплавателей, потерпевших крушение на Тихом океане и выброшенных на необитаемый остров, — этих робинзонов, похождениям которых нередко завидуют читатели. В самом деле, плодородная почва и роскошная природа тропиков облегчают жизнь человеку. В этих прекрасных странах, при некоторой сообразительности, затратив немного сил, можно обеспечить себя всем необходимым. Природа там идет навстречу человеку; охота и рыбная ловля доставляют ему все необходимое, деревья приносят ему плоды, пещеры дают безопасный приют, ручьи — воду для питья; тенистые деревья защищают от палящих лучей; зимой ему не грозят морозы; небрежно брошенные в плодородную землю зерна через несколько месяцев приносят богатый урожай — словом, там можно наслаждаться безоблачным счастьем вдали от людей. Кроме того, эти чудесные острова, эти благодатные земли лежат как раз на пути кораблей. Потерпевший крушение может всегда надеяться, что его подберет какое-нибудь судно, и, наслаждаясь жизнью, спокойно ожидать своего избавления.

Но здесь, на берегах Новой Америки, — какой контраст! Часто доктору приходило в голову такое сравнение, но он не делился этими мыслями с товарищами и только проклинал свое вынужденное бездействие.

Клоубонни с нетерпением ждал оттепелей, чтобы возобновить экскурсии, но вместе с тем опасался, как бы с наступлением весны между Гаттерасом и Альтамонтом не возникли новые серьезные столкновения. Чем кончится соперничество этих двух людей, если им удастся когда-нибудь достигнуть полюса?

Необходимо было исподволь привести соперников к взаимному пониманию, внушить им доверие друг к другу. Но какая трудная задача — примирить англичанина с американцем, людей, зараженных национальной враждой, — высокомерного британца с предприимчивым, смелым и грубоватым сыном Нового Света!

Размышляя о беспощадной борьбе за существование и о национальном соперничестве, доктор никогда не пожимал с презрением плечами, но искренне горевал о человеческих слабостях.

Нередко он беседовал на эту тему с Джонсоном. Старый моряк и доктор хорошо понимали друг друга. Оба ломали голову: какой маневр пустить в ход, чтобы добиться примирения? Вражда капитанов сулила в будущем серьезные неприятности и осложнения.

Между тем попрежнему стояла дурная погода, и нечего было и думать даже на короткое время отлучиться из форта Провидения. День и ночь приходилось сидеть в ледяном доме. Скучали все, кроме доктора, который постоянно чем-то был занят.

— Неужели нельзя хоть чем-нибудь развлечься? — сказал однажды вечером Альтамонт. — Это не жизнь, а какая-то спячка; мы похожи на змей, которые на зиму забиваются в норы.

— Вы правы, — ответил доктор. — К сожалению, нас слишком мало для того, чтобы можно было придумать какое-нибудь развлечение.

— Так вы думаете, — продолжал Альтамонт, — что легче было бы бороться со скукой, если бы нас было больше?

— Без сомнения. Когда экипажи кораблей зимовали в полярных странах в полном составе, они придумывали средства убивать скуку.

— Хотелось бы мне знать, — сказал Альтамонт, — как это им удавалось! Надо обладать очень изобретательным умом, чтобы ухитриться хоть немного повеселиться в такой мрачной обстановке. Неужели же они задавали друг другу шарады?

— В этом не было нужды. Они прибегали к таким развлечениям, как литература и театр.

— Как? Они издавали газеты? — удивился Альтамонт.

— И давали театральные представления? — воскликнул Бэлл.

— Разумеется, и это доставляло им огромное удовольствие. Во время зимовки на острове Мелвилла Парри предложил своему экипажу эти два вида развлечений, и его предложение имело колоссальный успех.

— Признаться, хотелось бы мне быть на их месте, — сказал Джонсон. — Должно быть, это было очень занятно.

— Занятно и любопытно, Джонсон. Лейтенант Бичи сделался директором театра, а капитан Сабин — главным редактором «Зимней хроники, или Газеты Северной Георгии».

— Удачные названия! — заметил Альтамонт.

— Газета выходила по понедельникам с первого ноября тысяча восемьсот девятнадцатого года до двадцатого марта тысяча восемьсот двадцатого. Там описывались все выдающиеся события зимовки, охоты, происшествия, приключения, приводились метеорологические и температурные данные; газета содержала более или менее занимательную хронику. Конечно, там нечего было искать остроумия Стерна или увлекательных статей «Дейли телеграфа», но делали, что могли, а главное, экипаж развлекался. Читатели были невзыскательны, не избалованы, и, кажется, еще ни один журналист не строчил с таким увлечением.

— Честное слово, — сказал Альтамонт, — мне бы очень хотелось, дорогой доктор, познакомиться с

выдержками из этой газеты; но, вероятно, статьи с первого до последнего слова там были холодны, как лед.

— Ничуть, — возразил доктор. — Во всяком случае, то, что показалось бы немного наивным Философскому обществу Ливерпуля или Лондонскому институту изящной словесности, вполне удовлетворяло погребенный под снегом экипаж. Не хотите ли убедиться в этом?

— Как? Неужели вы заломнили наизусть?..

— Нет, но на борту «Порпойза» я нашел описание путешествия Парри, и мне остается лишь прочитать вам рассказ этого знаменитого мореплавателя.

— Пожалуйста! — воскликнули товарищи доктора.

— Нет ничего легче!

Клоубонни вынул книгу из шкафа, стоявшего в зале, и быстро разыскал место, о котором шла речь.

— Вот, — сказал он, — несколько выдержек из «Газеты Северной Георгии». Это письмо к главному редактору:

«Мы горячо приветствуем ваше намерение выпускать газету. Мы уверены, что издаваемая под вашей редакцией газета доставит нам истинное удовольствие и поможет нам переносить в течение ста суток гнетущий зимний мрак.

Не без интереса я наблюдал, какое впечатление произвело ваше объявление на наше общество. Употребляя ходячее выражение лондонской прессы, могу вас уверить, что оно вызвало в публике подлинную сенсацию.

После вашего объявления на другой же день на борту корабля наблюдался необычайный, прямо-таки небывалый спрос на чернила. Зеленое сукно было усеяно обрезками перьев, к великому прискорбию нашего служителя, который, стряхивая их, загнал себе обрезок под ноготь.

Наконец, из достоверного источника мне стало известно, что сержант Мартин за день наточил не менее девяти перочинных ножей.

Столы трещат под тяжестью письменных приборов, уже два месяца не видевших света божьего. Говорят даже, будто недра трюма неоднократно разверзались, извергая кипы бумаги, никак не ожидавшей, что так скоро будет нарушен ее безмятежный покой.

Считаю долгом вас уведомить, что кое-кто намеревается опустить в ваш ящик статьи, которые никак не могут вам подойти по недостатку оригинальности, так как их нельзя считать неопубликованными. Смею вас уверить, что не далее как вчера видели одного автора, который, наклонившись над столом, в одной руке держал открытый том «Зрителя», а в другой — чернильницу, разогревая чернила на лампе. Нечего и говорить, что вы должны остерегаться такого рода подвохов. В столбцах «Зимней хроники» не должны появляться статьи, прочитанные нашими предками за завтраком еще сто лет тому назад».

— Прекрасно, — сказал Альтамонт, когда доктор окончил чтение. — Право же, это очень забавно; судя по всему, автор письма был разбитной малый.

— Именно — разбитной, — ответил доктор. — А вот не лишнее юмора объявление:

«Требуется особа средних лет и хорошего поведения для одевания актрис «Королевского театра Северной Георгии». Будет предложено приличное вознаграждение; чай и пиво — по требованию.

Адресоваться в театральный комитет. NB. Предпочтение будет отдано вдове».

— Однако наши соотечественники были веселые ребята, — сказал Джонсон.

— И что же, вдова нашлась? — спросил Бэлл.

— Как будто нашлась, — ответил доктор, — потому что вот ответ театральному комитету:

«Милостивые государи, я вдова; мне двадцать шесть лет от роду, и я могу представить неоспоримые доказательства своего безупречного поведения и незаурядных дарований. Но, прежде чем принять на себя заботы о туалете актрис вашего театра, я хотела бы знать, будут ли они ходить в штанах и дадут ли мне

в помощь несколько дюжих матросов, чтобы затягивать и зашнуровывать корсеты этих дам? Затем вы можете, милостивые государи, рассчитывать на готовую к услугам

А. Б.

Р. С. Не найдете ли вы возможным заменить пиво водкой?»

— Bravo! — воскликнул Альтамонт. — Я, кажется, вижу этих горничных, которые зашнуровывают актрис при помощи шпиль. Веселый народ были спутники капитана Парри!

— Как и все, кто достигает своей цели, — ответил Гаттерас.

Подав такую реплику, капитан снова погрузился в молчание. Доктор, не хотевший распространяться на эту тему, продолжал чтение.

— А вот картина арктических невзгод, — сказал он. — Ее можно было бы разнообразить до бесконечности, но здесь встречаются довольно меткие замечания. Судите сами:

«Выйти утром подышать свежим воздухом, спуститься с корабля на лед — и с первого же шага провалиться в прорубь и против воли принять холодную ванну.

Отправиться на охоту, приблизиться к великолепному оленю, прицелиться, спустить курок и испытать ужасное разочарование, обнаружив, что порох на полке отсырел.

Пуститься в путь с куском свежего хлеба в кармане, почувствовать аппетит и убедиться, что хлеб замерз, стал как каменный и может искрошить вам зубы, между тем как последним ни за что не удастся искрошить хлеб.

Услыхав, что в виду корабля оказался волк, поспешно встать из-за стола и выйти наружу, а по возвращении убедиться, что обед ваш съеден другими.

Возвращаться с прогулки, предаваясь тлубокомысленным и полезным размышлениям, и вдруг очутиться в объятиях медведя».

— Нам с вами, друзья мои, — сказал доктор, — ничего не стоит вообразить и другие невзгоды полярной жизни; но когда испытываешь подобные бедствия, рассказывать о них становится уже удовольствием.

— Честное слово, — сказал Альтамонт, — «Зимняя хроника» — преинтересная газета, и очень жаль, что мы не можем на нее подписаться.

— А что, если мы попробуем издавать собственную газету? — спросил Джонсон.

— Впятером-то? — воскликнул доктор. — Мы все пятеро были бы авторами, и, пожалуй, не оказалось бы читателей.

— Не оказалось бы и зрителей, если бы нам вздумалось давать представления, — заметил Альтамонт.

— Кстати, доктор, — сказал Джонсон, — расскажите нам что-нибудь о театре капитана Парри. Исполнялись ли там новейшие пьесы?

— Разумеется. Сначала были использованы два тома собраний драматических произведений, находившихся на корабле «Гекла», и представления давались по понедельникам, раз в две недели. Но потом, когда репертуар истощился, новоиспеченные драматурги принялись за дело, и сам Парри, по случаю рождества, сочинил комедию на тему дня под названием: «Северо-Западный проход, или Конец путешествия»; она имела огромный успех.

— Замечательное заглавие, — сказал Альтамонт, — но если бы мне пришлось заняться таким сюжетом, то признаюсь, я не знал бы, как быть с развязкой.

— Ваша правда, — сказал Бэлл, — кто знает, чем все это кончится.

— Но зачем думать о последнем акте, если первые идут хорошо? — воскликнул доктор. — Предоставим все судьбе, друзья мои; будем как можно лучше исполнять свою роль, но так как развязка зависит от творца вселенной, то не будем сомневаться в его искусстве. Уж он знает, как нам помочь.

— Всё это мы увидим во сне, — сказал Джонсон. — Уже поздно; пора и на боковую.

— Вы слишком торопитесь в постель, старина, — заметил доктор.

— Что поделаешь, доктор! Мне так уютно в постели! К тому же я всегда вижу приятные сны, мне снятся теплые страны, и, по правде сказать, одна половина моей жизни проходит под экватором, а другая — под полюсом.

— Черт возьми, — сказал Альтамонт, — какая у вас счастливая натура!

— Вот именно, — ответил Джонсон.

— В таком случае, — добавил доктор, — было бы грешно мучить милейшего Джонсона. Его ждет тропическое солнце. Идем спать.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Подозрительные следы

В ночь с двадцать шестого на двадцать седьмое апреля погода переменилась. Температура значительно понизилась. Обитатели Дома доктора сразу обнаружили это по холоду, забиравшемуся к ним под одеяла Альтамонт, дежуривший у печи, не скупился на дрова, желая поддержать в помещении температуру не ниже пятидесяти градусов ($+ 10^{\circ}$ Ц).

Похолодание предвещало скорое окончание метели, что радовало доктора. Это означало, что начнутся привычные занятия, охота, экскурсии, обследование окрестных территорий, и кончится вынужденное безделье, которое способно испортить даже самый лучший характер.

На другой день доктор встал рано и, карабкаясь по ледяным уступам, взобрался на вершину утеса, где стоял маяк.

Ветер повернул к северу; воздух был прозрачен. Плотная белая скатерть снегов покрывала равнину.

Вскоре и остальные путешественники вышли на воздух и первым делом занялись очисткой своего дома от снежных сугробов. Площадку нельзя было узнать: на ней не видно было следов человеческого жилья. Метель сравнивала все неровности почвы. Землю покрывал слой снега не менее пятнадцати футов толщиной.

Прежде всего пришлось расчистить снег вокруг строений; затем вернули дому его прежнюю архитектурную форму, восстановили занесенные снегом стены, придав им нужный отвес. Этому добились без особых трудов: сперва скололи лед снеговым ножом, потом быстро обтесали стены до нужной толщины.

После двухчасовой усердной работы весь лед был сколот, и показалась гранитная почва; затем расчистили дорожку к складам и к пороховому погребу.

Но так как в этом изменчивом климате можно было всегда ожидать метелей, то из склада перенесли в кухню новый запас провизии. Всем приелась соловина, и хотелось свежего мяса. Необходимо было улучшить питание. Дело было за охотниками: они стали готовиться к походу.

Апрель уже подходил к концу, но еще незаметно было признаков полярной весны, час возрождения арктической природы еще не пробил: приходилось ждать не менее шести недель. Слабые лучи солнца не могли прогреть снежные равнины и вызвать к жизни скудную северную флору. Было мало надежды на пернатую и четвероногую дичь. Между тем заяц, несколько белых куропаток и даже молодой песец вполне бы удовлетворили неприхотливых обитателей Дома доктора. Итак, охотники дали себе слово беспощадно преследовать любое животное, которое приблизится на расстояние ружейного выстрела.

Доктор, Бэлл и Альтамонт решили обследовать окрестности. Американец, судя по его замашкам, был искусным, смелым охотником и метким стрелком, хотя и любил прихвастнуть. К ним присоединился и Дэк, такой же рьяный охотник, как Альтамонт, но не склонный к бахвальству.

Трое охотников направились на восток, перебрались через соседний утес и пошли по беспредельной белоснежной равнине. Впрочем, незачем было далеко ходить, потому что уже в двух милях от форта появились многочисленные следы зверей, тянувшиеся к берегам залива Виктории. Казалось, они охватывали форт концентрическими кругами.

Охотников это заинтересовало; некоторое время

они шли по следам, потом, остановившись, переглянулись.

— Ну, да! Теперь мне все ясно! — воскликнул доктор.

— Ясно, как божий день, — подхватил Бэлл. — Это медвежьи следы.

— Превосходная дичь, — заявил Альтамонт, — но, мне думается, нынче она нам не очень-то подходит.

— Почему же? — спросил Клоубонни.

— Ее слишком уж много, — ответил Альтамонт.

— Что вы хотите сказать? — спросил Бэлл.

— Здесь отчетливо можно различить следы пяти медведей, — это уже чересчур!

— Вы в этом уверены? — спросил доктор.

— Посмотрите и судите сами: вот этот след совсем не похож на тот; у того когти гораздо дальше расставлены друг от друга. А вот следы еще одного медведя, который будет поменьше. Сравните как следует, и на небольшом пространстве вы обнаружите следы пяти белых медведей.

— Так оно и есть, — внимательно всмотревшись, подтвердил Бэлл.

— В таком случае, — заявил Клоубонни, — нечего нам попусту хвастаться. Напротив, надо соблюдать осторожность. В конце суровой зимы медведи всегда очень голодные. Теперь они чрезвычайно опасны, и так как мы знаем теперь, сколько их...

— А также их намерения, — добавил Альтамонт.

— Вы думаете, — спросил доктор, — что они обнаружили наше присутствие на этом побережье?

— Наверняка. Впрочем, может быть, мы напали на дорогу, которой шли медведи... Но тогда почему следы описывают круги, а не идут по прямой линии? Очевидно, медведи пришли с юго-востока, остановились здесь и отсюда начали свои поиски.

— Совершенно верно, — сказал доктор. — Несомненно, сегодня ночью они были здесь.

— Наверное, и прошлые ночи, — ответил Альтамонт, — только следы их занесло снегом.

— Нет, — возразил Клоубонни, — скорее всего медведи выжидали, пока кончится буря, затем направи-

лись к берегу залива, надеясь застигнуть врасплох какого-нибудь тюленя, тут они и почували нас.

— Наверное, так и было, — согласился Альтамонт. — Впрочем, легко будет узнать, придут ли они сюда в эту ночь.

— А как же это узнать? — спросил Бэлл.

— Надо на некотором участке стереть их следы. Если завтра мы увидим новые следы, — значит, медведи действительно выслеживают нас.

— Так и сделаем, — сказал доктор. — По крайней мере мы будем знать, как быть дальше.

Охотники принялись за дело, и вскоре следы на протяжении около ста туазов были стерты.

— Как странно! — сказал Бэлл. — Как могли медведи почувать нас на таком расстоянии! Ведь мы не жгли никакого жира, запах которого мог бы их привлечь.

— О! Медведи обладают чрезвычайно острым зрением и тонким обонянием, — отвечал Клоубонни. — К тому же это очень смысленные звери, может быть даже самые умные животные на свете; они живо почували, что здесь происходит что-то необычное.

— А кто может поручиться, — добавил Бэлл, — что во время бурана они не подходили к самому форту?

— Но почему же они остановились сегодня ночью на таком расстоянии от нас? — спросил Альтамонт.

— Трудно сказать, — ответил доктор, — но можно ожидать, что они будут постепенно суживать свои круги вокруг форта Провидения.

— Посмотрим, — сказал Альтамонт.

— Пойдемте дальше, — заявил Клоубонни, — только прошу не зевать: будем начеку!

Охотники продвигались крайне осторожно: ведь медведи могли притаиться где-нибудь за ледяным холмом. Нередко они принимали за медведя высокий белый сугроб, но всякий раз с радостью убеждались в своей ошибке.

На обратном пути они поднялись на соседний конический утес и с его высоты внимательно осмотрели всю равнину от мыса Вашингтона до острова Джонсона.

Они ничего не обнаружили. Все было неподвижно, бело и мертво: ни звука, ни шороха...

Охотники вернулись в ледяной дом.

Гаттерасу и Джонсону рассказали о происшедшем; решено было соблюдать крайнюю осторожность. Настала ночь; ничто не нарушало ее торжественный покой; ничто не предвещало близкой опасности.

На другой день на рассвете Гаттерас и его товарищи, хорошо вооруженные, пошли осматривать снега и обнаружили такие же следы, как и накануне, но уже ближе к дому. Очевидно, враги готовились к осаде форта Провидения.

— Они снова кружат вокруг нас, — сказал доктор.

— И даже выдвинулись вперед, — добавил Альтамонт. — Взгляните на следы, которые идут по направлению к площадке. Это следы огромного медведя.

— Да, мало-помалу медведи приближаются к нам, — сказал Джонсон. — Ясно, что они хотят нас атаковать.

— Это несомненно, — ответил доктор. — Но не будем выходить без нужды. Нам трудно будет с ними справиться.

— Но куда же девалось это проклятое зверье? — воскликнул Бэлл.

— Они, наверно, подстерегают нас, притаившись за льдинами, где-нибудь на востоке. Нам нельзя удаляться от дома.

— Ну, а как же охота? — спросил Альтамонт.

— Отложим ее на несколько дней, — ответил доктор. — Давайте сотрем ближайшие следы, а завтра утром посмотрим, появятся ли новые. Таким образом, мы сможем следить за действиями неприятеля.

Охотники последовали совету доктора. Пришлось снова замкнуться в форте. Близость свирепых зверей не позволяла совершать экскурсии. С наблюдательного пункта внимательно оглядывали окрестности залива Виктории. Маяк сняли, так как теперь от него не было толку, и он мог только привлечь внимание зверей. Фонарь и электрические провода перенесли в помещение, затем поочередно стали сторожить на верхней площадке.

Пришлось снова поскучать. Но что было делать? Вступать в неравную борьбу не следовало; жизнь

каждого была слишком драгоценна, чтобы ею рисковать. Не видя больше людей, медведи, быть может, будут сбиты с толку; но если бы звери стали появляться поодиночке, то был бы смысл на них охотиться.

На этот раз праздность не была так тягостна, приходилось быть начеку, и путешественники охотно несли караул.

Весь день 28 апреля враги не заявляли о своем существовании. На следующий день путешественники пошли осматривать медвежьи следы, и то, что они увидели, крайне их изумило.

Ни одного следа! Снега расстилались до горизонта незапятнанной белой пеленой.

— Вот здорово! — воскликнул Альтамонт. — Медведи сбиты с толку. Выдержки у них не хватило, терпение лопнуло, и они убрались. Счастливого пути, голубчики! А теперь — на охоту!

— Ну, ну! Не торопитесь! — возразил доктор. — Для очистки совести, друзья мои, надо поостеречься еще денек-другой. Как видно, неприятель не подбирался к нам сегодня ночью... с этой стороны...

— Обойдем вокруг площадки, — сказал Альтамонт. — Тогда и решим, что делать.

— Хорошо, — согласился доктор.

Путешественники с величайшим вниманием исследовали снежные поля на две мили в окружности, но нигде не обнаружили медвежьих следов.

— Что ж, теперь можно бы и поохотиться? — предложил нетерпеливый Альтамонт.

— Подождем-ка лучше до завтрашнего дня, — посоветовал доктор.

— Ну, что ж, отложим до завтра, — скрепя сердце согласился Альтамонт.

Охотники вернулись в форт. Как и накануне, каждый из них по часу караулил на наблюдательном посту.

Пришла очередь Альтамонта, и он взобрался на вершину утеса, чтобы сменить Бэлла.

Как только он ушел, Гаттерас собрал вокруг себя товарищей. Доктор отложил в сторону свои записки, а Джонсон оставил свои печи.

Можно было ожидать, что Гаттерас заговорит об опасности их положения. Но он и не помышлял об этом.

— Друзья мои, — сказал он, — воспользуемся отсутствием американца, чтобы потолковать о своих делах. Есть вещи, которые его не касаются, к тому же я не желаю, чтобы он вмешивался в наши дела.

Собеседники капитана переглянулись, недоумевая, к чему он клонит.

— Я решил, — продолжал Гаттерас, — условиться с вами, как нам дальше действовать.

— И прекрасно, — ответил доктор. — Потолкуем, пока мы одни.

— Через месяц, — сказал Гаттерас, — самое большее через шесть недель, можно снова пускаться в дальние походы. Думали ли вы о том, что нам предпринять летом?

— А вы, капитан? — спросил Джонсон.

— Могу смело сказать, что день и ночь я занят одной мыслью. Надеюсь, никто из вас не хочет возвращаться назад?

Все молчали, озадаченные вопросом.

— Что до меня, — заявил Гаттерас, — то я намерен добраться до Северного полюса, хотя бы мне пришлось идти одному. Мы находимся в каких-нибудь трехстах шестидесяти милях от полюса. Никогда еще человек не был так близко к этой желанной цели, и я не упущу такого случая. Я сделаю все, даже невозможное! Что же вы думаете делать?

— То же, что и вы, — с живостью ответил доктор.

— А вы, Джонсон?

— То же, что и доктор, — отвечал боцман.

— Ну, а вы что скажете, Бэлл, — обратился к плотнику Гаттерас.

— Капитан, — ответил Бэлл, — правда, никого из нас не ждет семья в Англии, но родина все-таки остается родиной!.. Неужели вы не думаете о возвращении в Англию?

— Вернуться можно и после того, как мы откроем полюс, — сказал капитан. — И будет гораздо легче. Трудности не увеличатся, потому что, продвигаясь

к северу, мы оставляем позади самую холодную область земного шара. Провизии и топлива у нас хватит еще надолго. Ничто не может остановить нас, и мы совершим преступление, если не дойдем до цели.

— Ну, что ж, — сказал Бэлл, — мы согласны, капитан.

— Прекрасно! Я никогда в вас не сомневался, — ответил Гаттерас. — Мы добьемся успеха, друзья мои, и честь нашего открытия будет принадлежать Англии!

— Но среди нас есть американец, — заметил Джонсон.

При этих словах у Гаттераса вырвался жест досады.

— Знаю, — мрачно бросил он.

— Покинуть его здесь мы не можем, — заметил доктор.

— Нет, не можем, — машинально повторил Гаттерас.

— Он отправится с нами!

— Да. Но в таком случае кто будет начальником?

— Конечно, вы, капитан.

— Я не сомневаюсь, что вы готовы мне повиноваться. Но что, если янки откажется?

— Не думаю, чтобы он посмел, — ответил Джонсон. — Но допустим, что Альтамонт откажется исполнять ваши приказания...

— Тогда он будет иметь дело со мной!

Товарищи капитана молча посмотрели на него.

— Каким же путем мы пойдем? — начал доктор.

— По возможности придерживаясь берегов, — ответил Гаттерас.

— А если встретим свободное море, что весьма вероятно?

— Что ж, тогда переплывем море.

— Но как? Судна-то у нас нет.

Гаттерас ничего не ответил. У него был смущенный вид.

— Может быть, — предложил Бэлл, — из остатков «Порпойза» удастся построить шлюпку?

— Никогда! — запальчиво крикнул Гаттерас.

— Никогда? — переспросил Джонсон.

Доктор покачал головой: он понял причину раздражения капитана.

— Никогда! — повторил Гаттерас. — Шлюпка, сделанная из остатков американского корабля, будет американской шлюпкой!..

— Но, капитан... — начал было Джонсон.

Доктор сделал знак боцману, чтобы тот не настаивал. Следовало отложить этот вопрос до более благоприятного момента. Клоубонни понимал душевное состояние капитана, хотя и не разделял его чувств. Он все же надеялся, что ему удастся заставить своего друга отказаться от нелепого решения.

Он заговорил на другую тему, высказав предположение, что, быть может, им удастся добраться по суше до неведомой точки земного шара, которую называют Северным полюсом.

Словом, доктор искусно уклонился от щекотливого предмета. Разговор был прерван приходом Альтамонта.

Американец ничего нового не сообщил.

Так кончился день; ночь также прошла спокойно. Повидимому, медведи удалились.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Ледяная тюрьма

На другой день Гаттерас, Альтамонт и Бэлл решили отправиться на охоту. Медвежьих следов больше нигде не было видно; повидимому, звери отказались от осады форта. Они или испугались неведомых врагов, или, не видя больше людей, решили, что там, под снежными сугробами, нет ни души.

Во время отсутствия охотников доктор хотел посетить остров Джонсона, чтобы исследовать состояние льда и произвести кое-какие гидрографические съемки. Стужа стояла жестокая, но зимовщики уже освоились с морозами и легко их переносили.

Джонсон должен был остаться в Доме доктора и охранять его.

Охотники стали готовиться к походу. Каждый был вооружен двуствольной винтовкой с нарезными стволами, заряжавшимися коническими пулями. Захватили с собою немного пеммикана на случай, если ночь застигнет их в пути, а также снеговые ножи, которые так необходимы в полярных странах; на охотниках были куртки из оленьей кожи и за поясом топорик.

Тепло одетые, без груза и с легким оружием, они могли далеко уйти; все они были незаурядные стрелки, и можно было надеяться на счастливую охоту.

К восьми часам утра сборы были закончены, и они тронулись в путь. Дэк, весело прыгая, бежал впереди. Охотники перебрались через холм, поднимавшийся на востоке, обогнули утес, где раньше находился маяк, и зашагали по снежным полям, направляясь к югу, туда, где высилась гора Бэлла.

Доктор условился с Джонсоном, что они дадут друг другу сигнал в случае какой-нибудь опасности; затем он спустился на побережье и стал пробираться к заливу Виктории, загроможденному льдами.

Джонсон остался один в форте Провидения; но он не сидел сложа руки. Первым делом он выпустил на двор гренландских собак, которые лаяли и беспокойно метались в «собачьем дворце»; в дикой радости они стали кататься по снегу. Затем старый моряк занялся домашним хозяйством. Надо было пополнить запасы топлива и провизии, навести порядок в складах, починить кое-какую утварь, порванные одеяла, а также обувь ввиду предстоящих летом продолжительных экскурсий. Дела было по горло, и Джонсон работал ловко и проворно, ибо всякий моряк — мастер на все руки.

За работой он все время думал о вчерашнем разговоре, о поразительном упорстве Гаттераса, который ни за что не хотел плыть к полюсу вместе с американцем, в американской шлюпке. В сущности говоря, это было похвальное, героическое упорство.

«Но как переплыть океан без шлюпки? — думал Джонсон. — Когда мы дойдем до свободного моря, как

ни вертись, а без суденышка дело не обойдется. Будь ты хоть лучшим из англичан, все равно не одолеешь вплавь трехсот миль. Пожалуй, можно бы и поступиться патриотизмом. А впрочем, поживем — увидим. Времени у нас еще много, да и доктор не сказал еще своего последнего слова. Человек он бывалый и, наверно, сумеет уговорить капитана. Готов побиться об заклад, что по дороге к острову доктор осмотрит обломки «Порпойза» и сообразит, можно ли из них что-нибудь смастерить».

Такие мысли занимали Джонсона после ухода охотников. Прошел час, как вдруг в двух или трех милях под ветром грянул сухой резкий выстрел.

— Здорово! Уж, верно, напали на дичь, — сказал себе Джонсон, — и к тому же не слишком далеко, потому что выстрел хорошо слышен. Впрочем, воздух очень чистый.

Прогремел второй выстрел, за ним третий.

— Так. Должно быть, набрали на славную добычу, — заметил Джонсон.

Опять раздалось три выстрела, но поближе.

«Шесть выстрелов! — подумал Джонсон. — Все заряды выпущены... Видно, дело-то не шуточное... Неужели же...»

Боцман побледнел; выбежав из дому, он поднялся на вершину утеса.

То, что он увидел, заставило его вздрогнуть.

— Медведи! — вырвалось у него.

Охотники, за которыми следовал Дэк, бежали со всех ног, а за ними гнались пять огромных медведей. Выпустив шесть зарядов, им не удалось свалить ни одного зверя. Медведи уже настигали их. Гаттерас, который бежал позади, удерживал медведей на известном расстоянии: он бросил им сперва свою шапку, потом топорик и, наконец, ружье. По своему обыкновению, медведи останавливались, чтобы обнюхать предметы, возбуждавшие их любопытство, и таким образом отставали от охотников, хотя бежали быстрее лошадей.

Гаттерас, Альтамонт и Бэлл, запыхавшись, подбежали к Джонсону и вместе с ним по склону кубарем скатились к дому.

Еще мгновение, и медведи настигли бы их; капитану едва удалось отразить охотничьим ножом удар громадной лапы.

В один миг Гаттерас и его товарищи заперлись в доме. Медведи в нерешительности остановились на плоской вершине утеса.

— Ну, теперь мы еще посмотрим, чья возьмет! — заявил Альтамонт. — Пятеро против пятерых!

— Четверо против пятерых! — дрожащим голосом сказал Джонсон.

— Как же так? — спросил Гаттерас.

— Доктор!.. — ответил Джонсон, указывая на пустую залу.

— Что доктор?

— Он отправился на остров.

— Ах, несчастный! — вырвалось у Бэлла.

— Разве можно его бросить одного! — сказал Альтамонт.

— Бежим! — воскликнул Гаттерас.

Он распахнул дверь, но тут же опять захлопнул, потому что медведь едва не раскроил ему череп лапой.

— Медведи здесь! — крикнул он.

— Все пятеро? — спросил Бэлл.

— Все! — ответил Гаттерас.

Альтамонт бросился к окну и стал закладывать его амбразуру кусками льда, которые он отбивал от стен. Его товарищи, ни слова не говоря, стали закладывать другие окна. Молчание нарушалось только глухим ворчанием Джа.

Всех занимала одна и та же мысль. Забывая о собственной опасности, они думали только о докторе. О нем, — не о себе! Бедняга Клоубонни! Такой добрый, такой преданный, душа их маленького отряда! В первый раз его не было с ними... Что будет с ним? Ведь ему грозит такая страшная опасность, быть может, даже гибель! Ничего не подозревая, он будет спокойно возвращаться домой, и вдруг увидит перед собой свирепых зверей. И, главное, невозможно его предупредить. Было бы безумием делать вылазку.

— Я все-таки надеюсь, — сказал Джонсон, — что доктор теперь уже начеку. Выстрелы предупредили его

об опасности, и он, наверное, догадался, что случилось что-то неладное.

— А что, если в тот момент он был слишком далеко? Что, если он не догадался, в чем дело? — спросил Альтамонт. — Словом, восемь шансов из десяти, что он вернется домой, даже не подозревая об опасности. Медведей заслоняет эскарп, и он их не увидит.

— В таком случае необходимо отделаться от этих зверюг до прихода доктора, — заявил Гаттерас.

— Но как? — спросил Бэлл.

Нелегко было ответить на такой вопрос. Было бы безумием идти на вылазку. Правда, они завалили глыбами льда коридор, но медведи, конечно, могли бы одолеть эту преграду и пробраться в дом. Теперь звери знали, что имеют дело только с четырьмя врагами, которые были куда слабее их.

Осажденные разошлись по комнатам и стали ждать нападения. Слышно было, как звери тяжело топают по снегу, глухо рычат и царапают когтями ледяные стены.

Необходимо было действовать. Альтамонт решил проделать в стене отверстие и открыть огонь по осаждающим. Он очень быстро пробил насквозь ледяную стену, но едва он просунул в отверстие ружье, как оно было вырвано у него из рук. Американец даже не успел выстрелить.

— Черт возьми! Ну и силища! — воскликнул Альтамонт.

И он поспешил забить бойницу.

Прошел час; выхода из этого положения не предвиделось. Стали снова обсуждать возможности вылазки. Было очень мало шансов на успех, поскольку нельзя было справиться с медведями поодиночке. Но Гаттерасу и его товарищам не терпелось покончить с этой напастью; по правде сказать, им было стыдно, что медведи загнали их в ловушку, — и они уже готовы были решиться на открытое нападение, когда капитану вдруг пришел в голову новый способ обороны.

Он схватил железную кочергу, которой Джонсон выгребал угли, сунул ее в печь; затем стал проделывать в стене отверстие, но пробил ее не насквозь, оставив снаружи тонкий слой льда.

Товарищи Гаттераса молча смотрели на эти приготовления. Когда кочерга накалилась добела, Гаттерас сказал:

— Я отброшу медведей раскаленной кочергой — они не смогут ее схватить, а когда они отойдут, мы станем стрелять в них из бойницы, и им не удастся вырвать у нас ружья.

— Здорово придумано! — воскликнул Бэлл, подходя к капитану.

Гаттерас вынул из печки кочергу и быстро сунул ее в отверстие. Снег громко зашипел, от кочерги повалил пар. Подбежали два медведя, схватили раскаленную кочергу и страшно зарезали. Один за другим загремели четыре выстрела.

— Попали! — крикнул Альтамонт.

— Попали! — повторил Бэлл.

— Надо повторить, — сказал Гаттерас, быстро забивая бойницу.

Кочергу снова засунули в печь, и через несколько минут она вновь раскалилась.

Альтамонт и Бэлл, зарядив ружья, стали по местам. Гаттерас опять проделал отверстие и сунул в него раскаленную кочергу.

Но на этот раз она уперлась в какой-то твердый предмет.

— Проклятие! — крикнул американец.

— В чем дело? — спросил Джонсон.

— А в том, что проклятые звери наваливают льдину на льдину, они хотят замуровать нас в доме и заживо похоронить!

— Не может быть!

— Посмотрите сами: кочерга дальше не идет. Это, наконец, становится смешно!

Но было уже не смешно, — положение все ухудшалось. Смысленные звери решили взять измором врагов. Они стали заваливать вход льдинами.

— Этакая обида! — ворчал раздосадованный Джонсон. — Добро бы еще люди, а то — звери!

Прошло часа два. Положение осажденных становилось ужасным. Приваленные к стене глыбы так ее утолстили, что снаружи не доносилось ни звука. Альта-

монт в волнении шагал из угла в угол. Его приводила в бешенство мысль, что ему при всей его отваге приходится пасовать перед медведями.

Гаттерас с ужасом думал о докторе и о страшной опасности, грозившей ему на обратном пути.

— Ах, если бы доктор был здесь! — сетовал Джонсон.

— Ну, что? Что бы он тут сделал? — спросил Альтамонт.

— О, уж он-то, наверное, выручил бы нас.

— Каким же это образом? — с невольной досадой спросил Альтамонт.

— Если бы я это знал, я не нуждался бы в докторе, — ответил Джонсон. — Впрочем, я догадываюсь, что он сейчас посоветовал бы нам!

— Что же именно!

— Перекусить. Это было бы не вредно. Как вы думаете, Альтамонт?

— Что ж, я не прочь поесть, несмотря на наше дурацкое, прямо-таки унижительное положение, — ответил Альтамонт.

— Держу пари, — сказал Джонсон, — что после обеда мы придумаем, как выпутаться из беды.

Никто не ответил. Все сели за стол.

Воспитанный в школе доктора, Джонсон старался философски относиться к опасности, но это ему никак не удавалось. Шутки застревали у него в горле. К тому же осажденные стали испытывать недомогание. Атмосфера начинала сгущаться в наглухо закрытом помещении, почти не было притока свежего воздуха, так как в печах была плохая тяга. Огонь должен был в скором времени погаснуть. Кислород, поглощаемый легкими и печью, мало-помалу заменялся углекислотой.

Гаттерас первый заметил эту новую опасность, он не скрыл ее от своих товарищей.

— Значит, надо во что бы то ни стало выйти наружу! — воскликнул Альтамонт.

— Да, — сказал Гаттерас, — но подождем ночи. Сделаем отверстие в потолке, и воздух освежится; один из нас подыметя к отверстию и будет стрелять по медведям.

— Больше ничего не остается, — ответил Альтамонт.

Приняв это решение, стали выжидать подходящего момента. Прошло несколько часов. Альтамонт проклинал создавшееся положение.

— Слыханное ли дело, — говорил он, — чтобы медведи приперли к стене людей?

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Мина

Настала ночь. Лампа медленно угасала от недостатка кислорода.

К восьми часам приготовления были закончены. Осажденные тщательно зарядили свои ружья и стали пробивать отверстие в потолке.

Работа продолжалась уже несколько минут. Бэлл ловко справлялся с делом, как вдруг Джонсон, стоявший на страже в спальне, быстро подошел к товарищам.

Он был встревожен.

— Что с вами? — спросил капитан.

— Ничего, так... — нерешительно ответил старый моряк. — Впрочем...

— Что случилось? — спросил его Альтамонт.

— Тише! Вы ничего не слышите?

— Где?

— Вон там... в стене творится что-то неладное.

Бэлл бросил работу и стал прислушиваться.

Вскоре он уловил глухой шум. Казалось, в боковой стене прокапывали отверстие.

— Скребутся, — сказал Джонсон.

— Несомненно, — ответил Альтамонт.

— Неужели медведи? — спросил Бэлл.

— А кто же, кроме них? — воскликнул Альтамонт.

— Они переменили тактику, — продолжал старый моряк, — видно, раздумали брать нас измором.

— Они думают, что мы уже задохлись, — возра-

зил Альтамонт, которого не на шутку разбирала злость.

— Они скоро сюда вломятся, — сказал Бэлл.

— Ну, что ж, — ответил Гаттерас. — Дело дойдет до рукопашной!

— Черт побери! — воскликнул Альтамонт. — Помоему, это гораздо лучше! Надоели мне эти невидимые враги. По крайней мере будем хоть видеть неприятеля.

— Да, — сказал Джонсон, — но едва ли можно будет пустить в ход ружья: здесь слишком тесно.

— И отлично! Возьмемся за ножи и за топоры!

Шум все усиливался. Уже ясно слышно было царапанье когтей. Медведи прокапывали отверстие в том месте стены, где она примыкала к снежному валу, упиравшемуся в утес.

— Медведь теперь не дальше чем в шести футах от нас, — заявил Джонсон.

— Вы правы, Джонсон, — сказал Альтамонт. — Сейчас мы его, голубчика, угостим на славу!

Американец схватил одной рукой топор, а другой нож, выставил вперед правую ногу и откинулся назад, приняв оборонительное положение. Гаттерас и Бэлл последовали его примеру. На всякий случай Джонсон зарядил свое ружье.

Треск раздавался уже совсем близко; слышно было, как лед разлетался на куски под ударами железных когтей.

Теперь только тонкий слой льда отделял их от врагов. Вдруг кора льда треснула, как лопается в обруче бумага, прорываемая клоуном, и какая-то большая черная масса ввалилась в полутемную комнату.

Альтамонт замахнулся было топором.

— Стойте! Ради бога! — раздался знакомый голос.

— Доктор! доктор! — закричал Джонсон.

Действительно, то был доктор; потеряв равновесие, он кувырком покатился на середину комнаты.

— Здравствуйте, друзья мои! — сказал он, легко вскакивая на ноги.

Все остолбенели, но изумление тут же сменилось неопишуемой радостью. Каждый хотел обнять достойного

Клоубонни; взволнованный Гаттерас долго прижимал его к груди, а доктор отвечал капитану горячим пожатием.

— Неужели это вы, доктор? — воскликнул боцман.

— Я самый, старина, собственной персоной. И я даже больше беспокоился о вас, чем вы обо мне.

— Как же вы узнали, что нас осаждают медведи? — спросил Альтамонт. — А мы-то пуще всего боялись, что вы преспокойно будете возвращаться в форт, даже не подозревая об опасности.

— О! Я отлично все видел! — ответил доктор. — Ваши выстрелы предупредили меня. В тот момент я находился около «Порпойза»; я взобрался на торос и вижу: за вами бегут пять медведей. Ну, и испугался же я за вас! Потом вижу, вы стремглав скатились с утеса, а медведи в недоумении остановились на вершине скалы. Тут я немного успокоился, сообразив, что вы успели запереться в доме. Тогда я стал мало-помалу продвигаться вперед то ползком, то прячась за льдинами. Таким-то манером я подошел к форту. Тут я увидел, что медведи работают, точно громадные бобры; загребают глыбы и приваливают их к стене, словом — хотят вас замуровать. К счастью, им не пришлось в голову скатывать с утеса глыбы льда, а то вас расплющило бы в лепешку.

— Но ведь вы сами, доктор, были в большой опасности, — сказал Бэлл, — медведи всякую минуту могли кинуться на вас.

— Им было не до того. Гренландские собаки, выпущенные Джонсоном, несколько раз приближались к форту, но медведи и не думали их преследовать; нет, они рассчитывали полакомиться более вкусной дичью.

— Спасибо за комплимент! — засмеялся Альтамонт.

— О! тут нечем гордиться! Как только я разгадал тактику медведей, то сразу же решил пробраться к вам. Благоразумие требовало подождать до ночи. Когда стемнело, я тихонько подкрался к валу со стороны порохового погреба. Выбрал я это место потому, что отсюда было легче всего прокопать стену. Я принялся за работу и начал рубить лед снеговым ножом; кстати сказать — какое это полезное орудие. Добрых

три часа я рыл, копал, рубил, выбился из сил, голоден, как пес, — но все же добрался до вас...

— Чтобы разделить нашу участь? — спросил Альтамонт.

— Чтобы спасти всех нас. Но прежде всего дайте мне сухарик и кусок мяса: я умираю с голода.

Вскоре доктор уже уписывал за обе щеки изрядный кусок солонины. Это не мешало ему отвечать на вопросы, которыми его засыпали со всех сторон.

— Чтобы спасти нас? — повторил Бэлл.

— Ну, разумеется, — отвечал доктор, энергично работая челюстями.

— В самом деле, — сказал Бэлл, — мы можем удрать тем же путем, каким пришел доктор.

— Вот это да! — воскликнул Клоубонни. — Уступить наши позиции врагу! Да эти зловредные твари живо пронюхали бы, где лежат припасы, и все дочиста бы сожрали!

— Делать нечего, приходится оставаться здесь, — сказал Гаттерас.

— Конечно. Но надо во что бы то ни стало отделаться от медведей.

— Так, значит, вы нашли какое-нибудь средство? — спросил Бэлл.

— И даже очень верное, — ответил доктор.

— Ну, не говорил ли я! — воскликнул Джонсон, потирая руки — Пока доктор с нами, нельзя вешать нос: у него всегда найдется про запас какая-нибудь уловка.

— Слушайте, доктор, — сказал Альтамонт, — а разве медведи не могут пробраться сквозь ход, который вы прокопали?

— Ну нет, я крепко забил отверстие. Теперь мы можем преспокойно ходить в пороховой погреб, медведи не будут даже подозревать об этом.

— Да скажите же, наконец, как вы хотите избавиться нас от непрошенных гостей?

— А очень просто, я даже кое-что уже подготовил для этого.

— Что же именно?

— Вот увидите. Но я и забыл, что пришел не один.

— Как так? — удивился Джонсон.

— Позвольте вам представить моего товарища.

С этими словами Клоубонни вытащил из отверстия в стене недавно убитого им псаца.

— Псец! — воскликнул Бэлл.

— Это моя сегодняшняя добыча, — скромно пояснил доктор. — И этот псец очень нам пригодится!

— Но в чем же состоит ваш план? — с нетерпением спросил Альтамонт.

— В том, чтобы взорвать всех медведей; на это пойдет сто фунтов пороха.

Все в недоумении уставились на доктора.

— Но где же порох? — спросили они.

— В пороховом погребе.

— Ну, а как добраться до погреба?

— Мой ход прямехонько ведет туда. Недаром же я прорыл проход в десять туазов длиной. Я мог бы прокопать бруствер и поближе к дому, но я знал, что делаю.

— Где же вы думаете заложить мину? — спросил американец.

— Посередине вала, то есть как можно дальше от дома, порохового погреба и складов.

— Но как заманить туда медведей всех сразу?

— Это уж мое дело, — ответил Клоубонни. — Но будет болтать, за дело! Мы должны за ночь прорыть проход длиной в сто футов: работа предстоит немалая, но впятером мы ее сделаем, если будем сменять друг друга. Пусть начинает Бэлл, а мы немного отдохнем.

— Черт возьми! — воскликнул Джонсон. — Вы, доктор, здорово придумали!

Доктор с Бэллом полезли в темный проход, а где мог проползти Клоубонни, там и другим было не тесно. Вскоре минеры проникли в пороховой погреб, где стояли рядами бочки с порохом. Доктор объяснил Бэллу, что следовало делать, плотник начал пробивать стену, к которой примыкал бруствер, а Клоубонни вернулся в ледяной дом.

Бэлл работал уже целый час и прорыл ход длиною около десяти футов; там можно было пробираться полз-

ком. Бэлла сменил Альтамонт и за час сделал не меньше Бэлла. Снег выносили в кухню, где доктор растапливал его на плите, чтобы он занимал меньше места.

Альтамонта сменил Гаттерас, а капитана — Джонсон. Через десять часов, то есть к восьми часам утра, ход был прорыт.

На рассвете Клоубонни взглянул на медведей через бойницу, сделанную им в стене порохового погреба.

Терпеливые звери не покидали своих позиций. Они бродили взад и вперед, нюхали воздух, рычали — словом, сторожили с примерной бдительностью, обходя ледяной дом, который исчез под грудой наваленных на него льдин. Наконец, терпение их лопнуло, доктор заметил, что медведи начали разбирать натасканные ими глыбы.

— Вот так штука! — вырвалось у него.

— Что это они затевают? — спросил его стоявший рядом капитан.

— Повидимому, им надоело ждать: они растаскивают глыбы и хотят добраться до нас. Но погодите, голубчики! Мы с вами расправимся. Однако надо торопиться!

Клоубонни пробрался в камеру, которая была вырыта внутри вала и где должны были заложить мину; он велел значительно увеличить камеру. Вскоре на ее потолке остался слой льда всего в фут толщиной, — пришлось даже подпереть потолок, чтобы он не провалился.

В ледяной пол вбили столб, утвердив его на гранитной почве; к столбу привязали труп песца; внизу столб был обвязан веревкой, которая тянулась по проходу до самого погреба.

Товарищи доктора исполняли его распоряжения, хотя и не вполне понимали их значение.

— Вот приманка, — сказал доктор, указывая на песца.

Он велел подкатить к столбу бочонок, содержащий фунтов сто пороха.

— А вот и мина, — добавил Клоубонни.

— А мы сами, чего доброго, не взлетим на воздух вместе с медведями? — спросил Гаттерас.

— Нет! Мы будем достаточно далеко от места взрыва; к тому же дом построен прочно. Впрочем, если он и даст трещины, их нетрудно будет заделать.

— Хорошо, — сказал Альтамонт. — Но как же вы будете действовать?

— А вот как. Дернув веревку, мы повалим столб, который поддерживает над милою ледяной потолок. Труп песка сразу же окажется наружи, и голодные медведи мигом накинутся на эту неожиданную добычу.

— Понятное дело.

— Тут я взрываю мину, и вся компания взлетает на воздух.

Гаттерас, всецело доверявший своему другу, не требовал никаких объяснений. Он ждал. Но Альтамонту хотелось знать все до малейших подробностей.

— Можете ли вы, доктор, рассчитать длину фитиля таким образом, чтобы взрыв произошел в нужный момент?

— Это очень просто, и я даже не стану вычислять.

— Значит, у вас имеется фитиль длиной в сто футов?

— Никакого фитиля у меня нет!

— Так вы хотите сделать пороховую дорожку?

— Ну, нет! Это не надежно!

— Так, значит, один из нас должен пожертвовать собой и взорвать мину?

— Что ж, я готов! — вызвался Джонсон.

— Незачем, дорогой друг, — ответил доктор, пожимая руку боцману. — Жизнь каждого из нас драгоценна, и, бог даст, все мы уцелеем.

— Ну, так я прямо теряюсь, — заявил Альтамонт.

— Плохой бы я был физик, — улыбнулся Клоубонни, — если бы не сумел выпутаться из беды в таких обстоятельствах!

— Так вот оно что, — физика в ход пошла! — воскликнул Джонсон, и лицо его расплылось в улыбке.

— Ну да! Разве у нас нет гальванической батареи и нужной длины проводов, которыми мы пользовались для маяка?

— Так что же?

— Так вот, мы можем взорвать мину в любой момент, притом без малейшего риска.

— Ура! — крикнул Джонсон.

— Ура! — подхватили его товарищи, не беспокоясь, что их могут услышать медведи.

Провода были быстро протянуты от дома до пороховой погреба. Одним концом они были соединены с гальваническим элементом, а другой конец был опущен в бочонок с порохом; провода шли близко друг от друга.

К девяти часам утра всё было готово. Медлить было нельзя, потому что медведи принялись яростно разрушать дом.

Наступил решающий момент. Находившийся в пороховой погребе Джонсон должен был дернуть за веревку, привязанную к столбу. Он занял свой пост.

— Будьте наготове, — сказал доктор товарищам, — на случай, если медведи не будут убиты сразу. Встаньте рядом с Джонсоном и сразу же после взрыва выбегайте наружу.

Гаттерас, Альтамонт и Бэлл поползли в пороховой погребе, а доктор остался у электрического аппарата.

Вскоре послышался приглушенный голос Джонсона:

— Готово?

— Все в порядке! — ответил Клоубонни.

Джонсон с силой дернул веревку; столб пошатнулся. Боцман бросился к амбразуре и стал с волнением смотреть. Ледяной свод рухнул, и труп песца выглянул из-под обломков льда. В первый момент медведи были озадачены, но потом с жадностью бросились на добычу.

— Огонь! — скомандовал Джонсон.

Доктор соединил провода; раздался оглушительный взрыв; дом качнулся, как от подземного толчка, стены дали трещины. Гаттерас, Альтамонт и Бэлл выскочили из пороховой погреба, держа ружья наготове.

Но стрелять было не в кого. Четверо медведей были убиты на месте, их изуродованные, обугленные трупы

валялись на снегу, а пятый медведь, с опаленной шкурой, удирал что есть мочи.

— Ура! Ура! Ура! — закричали товарищи доктора. Сияющий Клоубонни переходил из объятий в объятия.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Полярная весна

Пленники оказались на свободе. Восторг был всеобщий: все горячо благодарили доктора. Правда, старый боцман пожалел о медвежьих шкурах, которые были опалены и никуда не годились, но это не очень омрачило его радость.

Весь день чинили ледяной дом, сильно пострадавший от взрыва. Его очистили от глыб льда, нагроможденных медведями, и скрепили рассевшиеся стены. Легко работалось под веселые песенки боцмана.

На другой день значительно потеплело благодаря внезапной перемене ветра, термометр поднялся до $+15^{\circ}$ (-9° Ц). Эта перемена быстро сказалась и на людях и на природе; все кругом повеселело. Вместе с южным ветром появились и первые признаки полярной весны.

Такая относительно теплая погода продержалась несколько дней; термометр в защищенном от ветра месте показывал $+31^{\circ}$ (-1° Ц); лед начал подтаивать.

По ледяным полям зазмеились трещины: там и сям из-под льда выбивала соленая вода, напоминая фонтаны английского парка; через несколько дней пошел сильный дождь.

Над снежными равнинами плавал густой туман — хорошая примета, предвещавшая дружное таяние снеговых масс. Бледный диск солнца постепенно начал окрашиваться все ярче и описывал на небосклоне все более удлиненные круги. Ночи продолжались какие-нибудь три часа.

Другой, не менее знаменательный признак — появились целые стаи белых куропаток, полярных гусей, ржанок и рябчиков. Кругом звенели их пронзительные

крики, памятные мореплавателям еще с прошлой весны. На берегах залива появились зайцы, на которых успешно охотились, а также арктические мыши — лемминги, чьи норки, расположенные ровными рядами, избуравили весь берег.

Доктор обратил внимание своих товарищей на то, что почти все звери и птицы теряли свой белый зимний наряд и одевались по-летнему. Они спешно готовились к весне, а природа в свою очередь готовила им пищу в виде мхов, маков, камнеломки и низкорослой травы. Под таявшими снегами уже зарождалась новая жизнь.

Но вместе с этими безвредными животными возвратились и их изголодавшиеся враги — песцы и волки. Во время коротких ночей слышался их зловещий вой.

Волки полярных стран — очень близкие родственники собак; они даже лают. Отличить их лай от собачьего очень трудно; они могут обмануть даже собаку. Говорят, будто волки прибегают к этой уловке, чтобы приманить собак и полакомиться их мясом. Факт этот, замеченный в окрестностях Гудзонова залива, был проверен доктором в Новой Америке. Джонсон не выпускал на волю упряжных собак из боязни, как бы их не заманили волки.

Что касается Дэка, то этот пес видывал виды и был слишком осторожен, чтобы угодить в волчью пасть.

Целых две недели путешественники усиленно охотились; свежего мяса было вдоволь. Били куропаток и ортоланов — очень вкусную дичь. Однако охотники не отходили далеко от форта Провидения. Мелкая дичь, так сказать, сама напрашивалась на выстрелы. Стаи птиц оживляли безмолвный берег, и залив Виктории принял необычный, приветливый вид.

Так прошло полмесяца после победы над медведями. Весна брала свои права. Термометр поднялся до $+32^{\circ}$ (0° Ц); по оврагам гремели ручьи, и бесчисленные потоки сбежали каскадами по склонам холмов.

Доктор расчистил один акр земли и засеял его крессом, щавелем и ложечной травой — антицынготными растениями. Из земли уже выползли маленькие зеленые личинки, как вдруг снова ударил мороз.

За ночь, при жестоком северном ветре, термометр опустился почти на сорок градусов и показывал -8° (-22° Ц). Все замерзло; птицы, четвероногие, земноводные исчезли как по мановению волшебного жезла; туленьи отдушины затянулись льдом, трещины на ледяных полях сомкнулись; лед попережнему стал твердым, как гранит, а струи каскадов, схваченные морозами, застыли прозрачными хрустальными лентами.

Эта внезапная перемена произошла в ночь с одиннадцатого на двенадцатое мая. Бэлл чуть не отморозил нос, выставив его на жестокую стужу.

— Ах, полярная природа! — воскликнул слегка озадаченный Клоубонни, — что за штуки ты выкидываешь! Что делать, придется мне снова заняться посевами.

Гаттерас отнесся к этой перемене не так философски, как доктор, — ему не сиделось на месте. Но волей-неволей приходилось выжидать.

— Морозы зарядили надолго? — спросил Джонсон.

— Нет, друг мой, — ответил Клоубонни. — Это последний натиск зимы. Мороз здесь полновластный хозяин и не уйдет без сопротивления.

— Однако здорово он защищается, — заметил Бэлл, потирая себе нос.

— Да! Но я должен был это предвидеть, — сказал доктор, — и не тратить попусту семян, как какой-нибудь неуч, тем более что можно было бы дать им прорасти на кухне у плиты.

— Как, — спросил Альтамонт, — вы могли предвидеть это похолодание?

— Конечно, хоть я и не пророк. Надо было поручить мои посевы покровительству святых Мамерта, Панкратия и Сервасия, память которых празднуется одиннадцатого, двенадцатого и тринадцатого числа текущего месяца.

— Скажите на милость, — воскликнул Альтамонт, — какое влияние могут оказать эти три святых мужа на погоду?

— Очень даже большое, если верить садоводам: они их называют «тремя студенными святыми».

— По какой же это причине, позвольте спросить?

— Потому что в мае месяце периодически наступают холода, и заметьте: наибольшее понижение температуры наблюдается между одиннадцатым и тринадцатым числом.

— Факт действительно любопытный, но как его объясняют? — спросил Альтамонт.

— Его объясняют двояко: или прохождением в эту пору года большого числа астероидов между землей и солнцем, или просто-напросто таянием снегов, которые при этом поглощают огромное количество тепла. И то и другое объяснение правдоподобно. Но следует ли их принимать безусловно? Ответить на это я не берусь. Как бы то ни было, я не могу сомневаться в самом факте. Я упустил все это из виду и... погубил посевы.

Клоубонни оказался прав. По той или другой причине, но до конца мая стояли сильные холода. Пришлось отказаться от охоты не столько из-за морозов, сколько из-за отсутствия дичи. К счастью, запасы свежего мяса еще далеко не истощились.

Жители ледяного дома снова были обречены на бездействие. В течение двух недель, с 11 по 25 мая, их монотонная жизнь ознаменовалась лишь одним событием: плотник неожиданно заболел тяжелой, злокачественной ангиной.

Доктор сразу же определил эту страшную болезнь по его сильно распухшим, покрытым налетом миндалинам.

Но тут Клоубонни был уже в своей стихии, и болезнь, застигнутая врасплох его искусной тактикой, должна была быстро отступить. Лечение было очень простое, а аптека — под рукой. Доктор клал в рот пациенту небольшие кусочки льда; через несколько часов опухоль начала спадать, налеты исчезли. Сутки спустя Бэлл уже был на ногах.

Всех удивлял этот простой способ лечения.

— Это — страна ангин, — поучал Клоубонни, — поэтому необходимо, чтобы рядом с болезнью находилось и лекарство.

— Лекарство-то лекарством, но главное, лекарь! — добавил Джонсон, в глазах которого доктор поднялся на недостижимую высоту.

Клоубонни решил на досуге серьезно поговорить с Гаттерасом. Необходимо было отговорить капитана от его намерения подняться к северу, не захватив с собой ни шлюпки, ни лодки, ни куска дерева, на которых можно было бы переправиться через залив или пролив. Как всегда, верный своим принципам, капитан ни за что не соглашался плыть в шлюпке, сделанной из остатков американского судна.

Доктор не знал, как приступить к делу; между тем необходимо было быстро принять какое-то решение: в июне пора было двигаться в путь. Долго раздумывал он об этом, наконец, отведя в сторону Гаттераса, ласково спросил его.

— Скажите, Гаттерас, вы считаете меня своим другом?

— Конечно, — горячо ответил капитан, — лучшим, можно сказать единственным другом!

— Если я вам дам один непрощенный совет, — продолжал Клоубонни, — то поверите ли вы, что я даю его от чистого сердца?

— Да, потому что вы никогда не руководствуетесь эгоистическими соображениями. Но в чем же дело?

— Погодите, Гаттерас, я хочу вам предложить еще один вопрос. Считаете ли вы меня добрым англичанином, которому, как и вам, дорога слава и честь своей родины?

Гаттерас в недоумении посмотрел на доктора.

— Да, — отвечал он, — но почему вы меня об этом спрашиваете?

— Вы стремитесь к Северному полюсу, — продолжал Клоубонни. — Я понимаю ваше честолюбие и разделяю его, но, чтобы достигнуть цели, надо сделать все, что от вас зависит.

— Что ж, разве до сих пор я не жертвовал всем для успеха своего дела?

— Нет, Гаттерас, но вы не пожертвовали своими предубеждениями и сейчас отвергаете средство, которое совершенно необходимо для дальнейшего продвижения

— А! — воскликнул капитан, — вы говорите о шлюпке и об этом человеке?

— Слушайте, давайте рассуждать спокойно, Гаттерас. Рассмотрим вопрос с разных сторон. Весьма возможно, что земля, где мы провели эту зиму, не простирается до самого полюса, до которого остается еще шесть градусов. Если сведения, которым вы до сих пор доверяли, окажутся правдивыми, то летом мы должны встретить на пути свободное ото льдов море. Теперь я спрошу вас: что мы будем делать, когда увидим перед собой свободный и благоприятный для плавания Северный океан, если у нас не окажется средств его переплыть?

Гаттерас молчал.

— Неужели вы остановитесь в нескольких милях от полюса только потому, что не на чем будет до него добраться?

Гаттерас уронил голову на руки.

— А теперь, — продолжал доктор, — рассмотрим вопрос с точки зрения морали. Я понимаю, что каждый англичанин готов пожертвовать жизнью и состоянием для славы своей родины. Но если шлюпка, сколоченная из досок, взятых с американского судна, с корабля, потерпевшего крушение и потерявшего всякую ценность, — если такая шлюпка, говорю я, пристанет к неизвестному берегу или пройдет неисследованный океан, то неужели это умалит славу совершенного вами открытия? Если бы вы нашли на этих берегах брошенный экипажем корабль, неужели вы не решились бы им воспользоваться? Разве не главе экспедиции принадлежит вся честь открытия? Теперь я спрошу вас: не будет ли такая шлюпка, построенная четырьмя англичанами и управляемая экипажем, состоящим из четырех англичан, английской шлюпкой, от киля до кончика мачты?

Гаттерас молчал.

— Нет! — продолжал Клоубонни. — Будем говорить откровенно, — вас смущает не шлюпка, а Альтамонт.

— Да, доктор, — отвечал капитан. — Я ненавижу этого американца, как только может ненавидеть англичанин! Судьба поставила его у меня на пути, чтобы...

— Чтобы спасти вас!

— Чтобы погубить меня! Мне кажется, он глумится надо мной, распоряжается здесь, как хозяин, воображает, будто разгадал мои намерения и будто моя судьба в его руках. Разве он не выдал себя с головой, когда речь зашла о названиях вновь открытых земель? Говорил ли он хоть раз, что привело его в эти широты? Вам не вышибить у меня из головы мысль, которая меня прямо убивает: этот человек — глава экспедиции, снаряженной правительством Соединенных Штатов...

— Допустим, что так, Гаттерас; но почему вы уверены, что эта экспедиция направлялась к полюсу? Разве Америка, подобно Англии, не вправе попытаться открыть Северо-Западный проход? Во всяком случае, Альтамонт не знает о ваших намерениях, потому что никто из нас — ни Джонсон, ни Бэлл, ни я, ни вы — ни разу при мне об этом не говорил.

— Так пусть же он никогда и не узнает моих намерений!

— Под конец он все равно их узнает; ведь не можем же мы бросить его здесь одного!

— А почему бы и нет? — не без раздражения спросил капитан. — Разве он не может остаться в форту Провидения?

— Он не согласится на это, Гаттерас. К тому же с нашей стороны было бы бесчеловечно бросить Альтамонта одного! Ведь он легко может погибнуть здесь без нас! Нет, Альтамонт должен отправиться с нами! Но сейчас еще рано говорить ему о нашей цели, — ведь он, может быть, ничего не подозревает. Поэтому мы скажем ему, что хотим построить шлюпку, чтобы исследовать на ней берега внозь открытой земли.

Гаттерас долго не сдавался на доводы своего друга. Доктор никак не мог дожидаться ответа.

— А вдруг он не согласится пожертвовать своим кораблем? — спросил, наконец, капитан.

— Тогда мы прибегнем к праву сильного. Вы построите шлюпку без его согласия, и ему больше не на что будет претендовать!

— Дай-то бог, чтобы он не согласился! — воскликнул Гаттерас.

— Может быть, он и не откажется, — сказал доктор. — Надо его спросить. Я беру это на себя.

В тот же вечер за ужином Клоубонни завел речь о предполагаемых на лето экскурсиях и о гидрографической съемке берегов.

— Я думаю, Альтамонт, — сказал он, — вы отправитесь с нами?

— Конечно, — ответил Альтамонт. — Надо же узнать, как далеко простирается Новая Америка.

Гаттерас пристально посмотрел на своего соперника.

— А для этого, — продолжал Альтамонт, — нужно хорошенько использовать обломки «Порпойза». Можно будет построить из них прочную шлюпку, на которой мы можем далеко уплыть.

— Слышите, Бэлл! — радостно сказал доктор. — Завтра же принимайтесь за работу!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Северо-Западный проход

На другой день Бэлл, Альтамонт и доктор отправились к месту крушения «Порпойза». В дереве не было недостатка; особенно пригодилась старая шлюпка с высаженным дном: остов ее решили использовать для новой шлюпки. Плотник немедленно приступил к работе. Необходимо было построить вполне мореходную прочную шлюпку и в то же время достаточно легкую, чтобы ее можно было везти на санях.

В последних числах мая температура повысилась; термометр стоял на точке замерзания; на этот раз весна возвратилась уже окончательно, и путешественникам пришлось сбросить свою зимнюю одежду. Перепадали частые дожди; вешние воды каскадами сбегали по камням и кочкам.

Гаттерас от души радовался оттепели. Свободное море несло ему освобождение.

Он надеялся в скором времени проверить показания своих предшественников о существовании полярного бассейна. От этого зависел успех предприятия.

Однажды вечером, после довольно теплого дня, когда льды начали заметно таять, Гаттерас завел разговор на волновавшую его тему о свободном море.

Он привел свои обычные доводы и, как всегда, нашел в лице доктора горячего сторонника своей теории. Впрочем, выводы Гаттераса были довольно убедительны.

— Несомненно, — сказал он, — если океан очистится от льдов в районе бухты Виктории, то от них очистится и его южная часть вплоть до острова Корнуолла и пролива Королевы. Пенни и Бельчер видели там свободное море, и, конечно, они не могли ошибиться.

— Я тоже так думаю, Гаттерас, — отвечал Клоубонни, — тем более что нет оснований сомневаться в правдивости этих славных мореплавателей. Правда, некоторые утверждают, что их ввел в заблуждение мираж, но это предположение не выдерживает критики. Они так уверенно говорят о свободном море, что нельзя усомниться в его существовании.

— Я всегда был того же мнения, — заговорил Альтамонт, который до сих пор молчал. — Полярный бассейн простирается не только на запад, но и на восток.

— Это вполне можно допустить, — заметил Гаттерас.

— Это необходимо допустить, — ответил Альтамонт, — потому что свободное море, которое видели капитан Пенни и Бельчер у берегов Земли Гринелла, видел также лейтенант Мортон, сподвижник Кейна, в проливе, который носит имя этого отважного ученого.

— Но, к сожалению, мы сейчас не в проливе Кейна, — сухо сказал Гаттерас, — и не можем проверить этого факта.

— Во всяком случае, его можно допустить, — заметил Альтамонт.

— Конечно, — подхватил доктор, которому хотелось прекратить бесполезный спор. — Альтамонт прав, и если только окрестные земли не отличаются какими-

нибудь особенностями, то под одинаковыми широтами всегда можно ожидать одинаковых явлений. Поэтому я думаю, что свободное море простирается и на запад и на восток.

— Во всяком случае, это для нас не имеет особого значения, — сказал Гаттерас.

— Я не согласен с вами, Гаттерас, — возразил американец, которого начинало раздражать притворное равнодушие капитана. — Весьма вероятно, что со временем это будет иметь для нас значение.

— Но когда же, позвольте вас спросить?

— Когда мы будем думать о возвращении.

— О возвращении! — воскликнул Гаттерас. — А кто же об этом думает?

— Никто, — ответил Альтамонт, — но я полагаю, что где-нибудь мы должны же будем остановиться.

— Где же именно? — спросил Гаттерас.

Вопрос был поставлен ребром. Доктор отдал бы руку на отсечение, лишь бы прекратить этот разговор.

Альтамонт не отвечал; капитан повторил свой вопрос.

— Где же именно? — настаивал он.

— Там, куда мы направляемся, — спокойно ответил Альтамонт.

— Кто может это сказать? — сказал Клоубонни, пытаясь успокоить соперников.

— Итак, я полагаю, — продолжал Альтамонт, — что если мы захотим воспользоваться для возвращения полярным бассейном, то можно попытаться проникнуть в пролив Кейна, который приведет нас прямо в Баффинов залив.

— Вы так думаете? — насмешливо спросил Гаттерас.

— Да, думаю. Я думаю также, что если полярные моря сделаются когда-нибудь доступными, то туда будут отправляться именно этой дорогой как кратчайшей. Открытие доктора Кейна — великое открытие!

— В самом деле? — сказал Гаттерас, до крови кусив губы.

— Разве можно это отрицать? — спросил доктор. — Надо каждому воздать должное.

— Не говоря уже о том, — упрямо продолжал американец, — что до этого знаменитого мореплавателя еще никто так долго не продвигался на север.

— Мне отрадно думать, — возразил капитан, — что в настоящее время англичане продвинулись дальше его.

— А американцы? — воскликнул Альтамонт.

— При чем тут американцы? — проронил Гаттерас.

— Да разве я не американец? — гордо поднял голову Альтамонт.

— Вы странный человек, — с трудом сдерживаясь, сказал Гаттерас. — Разве можно ставить на одну доску счастливый случай и науку? Правда, ваш американский капитан далеко продвинулся на север, но только благодаря случайности...

— Случайность! — прервал его Альтамонт. — И вы смеете говорить, что Кейн обязан этим великим открытием не своей энергии, не своим знаниям?

— Я говорю, — отвечал Гаттерас, — что имя этого самого Кейна не следовало бы даже произносить в стране, прославленной открытиями англичан Парри, Франклина, Росса, Бельчера, Пенни и, наконец, Мак-Клура, который прошел Северо-Западным проходом...

— Мак-Клура! — гневно воскликнул Альтамонт. — Вы упоминаете об этом человеке и отрицаете роль случайностей? Разве своим успехом Мак-Клур не был обязан только случаю?

— Нет! — отрезал Гаттерас, все более разгораясь. — Нет! Не случаю, а своему искусству и упорству, благодаря которому он провел четыре зимы среди льдов...

— Еще бы! — возразил Альтамонт. — Его затерло льдами, обратный путь был невозможен, и Мак-Клур под конец бросил свой корабль «Инвестигейтор» и вернулся в Англию.

— Друзья мои... — начал было доктор.

— Впрочем, — перебил его Альтамонт, — оставим в стороне личности и рассмотрим только достигнутые результаты. Вы говорите о Северо-Западном проходе, но ведь проход этот еще нужно открыть.

Гаттерас так и привскочил: его национальное самолюбие было задето за живое.

Доктор снова попытался вмешаться в разговор.

— Вы не правы, Альтамонт, — сказал он.

— Я остаюсь при своем мнении, — продолжал упрямый американец, — Северо-Западный проход еще не открыт, или, если хотите, его еще надо пройти. Мак-Клур не прошел его, и еще ни одно судно, отплывшее из Берингова пролива, не достигало Баффина залива.

Факт был бесспорен. Что можно было на это возразить?

Но Гаттерас, вскочив с места, заявил:

— Я не потерплю, чтобы в моем присутствии оспаривали славу английского капитана!

— Вы не потерпите? — вскочил в свою очередь Альтамонт. — Но факты налицо, попробуйте-ка их опровергнуть!

— Милостивый государь! — воскликнул Гаттерас, побледнев от гнева.

— Друзья мои, — сказал доктор, — успокойтесь! Мы обсуждаем научный факт.

Добрряк Клоубонни хотел видеть только научный спор там, где все дело было в национальной вражде.

— Я готов вам привести факты, — с угрозой в голосе заявил Гаттерас.

— Я тоже! — воскликнул Альтамонт.

Джонсон и Бэлл не знали, как унять расходившихся капитанов.

— Господа, — с достоинством сказал Клоубонни, — я прошу слова! Я требую слова! Все эти факты я знаю не хуже вас, быть может даже лучше, и надеюсь, вы не сомневаетесь, что я буду говорить вполне беспристрастно.

— Да, да! — воскликнули Бэлл и Джонсон; разговор принимал дурной оборот, и они спешили поддерживать доктора.

— Расскажите нам, доктор, — сказал Джонсон. — Оба капитана вас выслушают, да и всем нам будет полезно узнать эти факты.

— Что ж, говорите, — нехотя выдавил из себя американец.

Кивнув головой в знак согласия, Гаттерас опустился на стул и скрестил руки на груди.

— Я буду излагать вам факты со всей объективностью, — заявил доктор. — Вы можете меня остановить, если заметите, что я что-нибудь пропускаю или извращаю события.

— Мы же вас знаем, доктор, — сказал Бэлл. — Выкладывайте все, как есть.

Доктор вынул из шкафа относившиеся к делу документы.

— Вот карта полярных морей, — сказал он. — По ней нам будет легко проследить путь Мак-Клура, — и вы сами сможете судить.

Клоубонни разложил на столе превосходную карту, изданную по распоряжению адмиралтейства, на которой были обозначены все открытия, сделанные за последнее время в полярных морях. Затем он продолжал:

— Вам известно, что в тысяча восемьсот сорок восьмом году два корабля: «Геральд», под командой капитана Келлетта, и «Пlover», под командой капитана Мура, были отправлены в Берингов пролив на розыски экспедиции Франклина. Поиски их не увенчались успехом. В тысяча восемьсот пятидесятом году к ним присоединился Мак-Клур, командовавший кораблем «Инвестигейтор», на котором он совершил в тысяча восемьсот сорок девятом году плавание под начальством Джемса Росса. За Мак-Клуrom следовал его начальник, капитан Коллинсон, на корабле «Энтерпрайз». Но Мак-Клур опередил Коллинсона и, прибыв в Берингов пролив, заявил, что не станет его ждать и двинется дальше; он добавил, что берет на себя ответственность за дальнейшее и что намерен разыскать Франклина или же найти Северо-Западный проход, — вы слышите, Альтамонт?

Альтамонт молчал, не выражая ни одобрения, ни порицания.

— Пятого августа тысяча восемьсот пятидесятого года, — продолжал доктор, — простившись с «Плове-

ром», Мак-Клур направился в восточные воды почти не исследованными путями. Посмотрите: на карте едва обозначены берега материка. Тридцатого августа молодой офицер увидел мыс Батерст, шестого сентября он открыл землю Беринга, которая, как он убедился впоследствии, составляла часть земли Банкаса, и, наконец, Землю Принца Альберта. Затем Мак-Клур смело вошел в длинный пролив, разделяющий эти два больших острова, и назвал его проливом Принца Уэльского. Мысленно войдем в пролив с этим отважным мореплавателем. Мак-Клур надеялся — и не без оснований — проникнуть в пройденный нами бассейн Мелвилла; но в конце пролива льды встали перед ним непреодолимой преградой. Мак-Клур вынужден был провести там зиму тысяча восемьсот пятидесятого — тысяча восемьсот пятьдесят первого годов, в течение которой он совершил путешествие по льдам с целью выяснить, соединяется ли этот пролив с бассейном Мелвилла.

— Это так, — сказал Альтамонт, — однако через пролив он не прошел.

— Погодите, — остановил его доктор. — Во время этой зимовки офицеры Мак-Клура исследовали окрестные берега: Кресуэл — Землю Беринга, Гасуэлт — на юге Землю Принца Альберта, а Уинниэт — на севере мыс Уокера. В июле, при первых оттепелях, Мак-Клур вторично попытался проникнуть в бассейн Мелвилла, приблизился к нему на двадцать миль — всего на двадцать миль! — но ветрами его отбросило к югу, и ему не удалось преодолеть все эти препятствия. Тогда Мак-Клур решил спуститься проливом Принца Уэльского и обогнуть Землю Банкаса, словом, не найдя пути на востоке, попытаться найти его в обход с запада. Он повернул на другой галс. Восемнадцатого числа он находился в виду мыса Келлетта, девятнадцатого — в виду мыса Принца Альфреда, на два градуса выше, затем после страшной борьбы с айсбергами остановился в проходе Банкаса, при входе в сеть проливов, ведущих в Баффинов залив.

— Однако он не мог их пройти, — опять ввернул американец.

— Пойдите, Альтамонт, будьте терпеливы, берите пример с Мак-Клур. Двадцать шестого сентября капитан встал на зимовку в бухте Милосердия, на севере земли Банкса, где и пробыл до тысяча восемьсот пятьдесят второго года. Наступил апрель; у Мак-Клур оставалось съестных припасов всего на полтора года. Не желая возвращаться назад, он на санях пересек пролив Банкса и достиг острова Мелвилла. Будем мысленно следовать за ним. У этих берегов Мак-Клур надеялся встретить суда, которые капитан Остин отправил ему навстречу через Баффинов залив и пролив Ланкастера. Двадцать восьмого апреля Мак-Клур вошел в Зимнюю гавань, где Парри зимовал тридцать три года тому назад. Никаких кораблей там не было. Но капитан нашел в одном туре документ, из которого узнал, что лейтенант Мак-Клинтон, спутник Остина, прошел это место год назад. Другого это привело бы в отчаяние, но Мак-Клур не унывал. На всякий случай он оставил в том же туре новый документ, в котором говорил о своем намерении вернуться в Англию открытым им Северо-Западным проходом через пролив Ланкастера и Баффинов залив. Если от него не будет вестей, то это будет значить, что его отнесло к северу или к западу от острова Мелвилла. Затем Мак-Клур, не теряя мужества, вернулся в бухту Милосердия, где и провел третью зиму тысяча восемьсот пятьдесят второго — пятьдесят третьего годов.

— Я никогда не сомневался в мужестве Мак-Клур, — заявил Альтамонт, — но сомневался в его успехе.

— Пойдем дальше, — сказал доктор. — В ту зиму из-за сильных морозов было мало дичи, и уже в марте пришлось сократить паек на одну треть. Мак-Клур решил отправить в Англию половину своего экипажа или через Баффинов залив, или по реке Макензи и через Гудзонов залив. Другая половина экипажа должна была привести «Инвестигейтор» в Европу. Мак-Клур выбрал самых слабых матросов, для которых четвертая зимовка могла бы оказаться губельной. Отъезд был назначен на пятнадцатое апреля,

приготовления были закончены. Но вот шестого числа, прогуливаясь по льду со своим лейтенантом Кресуэлом, Мак-Клур вдруг увидел бежавшего к нему по льду человека, который отчаянно размахивал руками. Это был Пим, лейтенант капитана Келлетта, с корабля «Геральд», того самого Келлетта, которого, как я уже вам говорил, Мак-Клур покинул в Беринговом проливе два года тому назад. По прибытии в Зимнюю гавань, Келлетт нашел документ, оставленный там Мак-Клуrom. Узнав, таким образом, что тот находится в бухте Милосердия, капитан Келлетт отправил своего лейтенанта Пима навстречу бесстрашному молодому моряку. Лейтенанта сопровождал отряд матросов с корабля «Геральд»; в этом отряде находился французский лейтенант де Брэ, служивший в качестве волонтера в штабе капитана Келлетта. Надеюсь, вы не сомневаетесь, что встреча наших соотечественников действительно имела место?

— Ничуть, — ответил Альтамонт.

— Ну, так пойдем дальше и посмотрим, был ли пройден Северо-Западный проход. Обратите внимание, если связать открытия Парри с открытиями Мак-Клура, то выходит, что они обогнули северные берега Америки.

— Да, но не на одном и том же корабле, — возразил Альтамонт.

— Зато это был один человек. Но дальше. Мак-Клур отправился к капитану Келлетту на остров Мелвилла и в двенадцать дней прошел сто семьдесят миль, отделяющих бухту Милосердия от Зимней гавани. Договорившись с капитаном «Геральда», что он пришлет к нему больных, Мак-Клур вернулся на свой корабль. Всякий другой решил бы, что им сделано уже достаточно, но отважный молодой человек задумал еще раз попытать счастья. Прошу обратить внимание: его лейтенант Кресуэл, сопровождавший больных с корабля «Инвестигейгор», покинул бухту Милосердия, дошел до Зимней гавани и, пройдя по льдам сто семьдесят миль, второго июня добрался до острова Бичи и несколько дней спустя с двенадцатью матросами поднялся на борт корабля «Феникс».

— Я служил тогда на «Фениксе» под начальством капитана Инглфилда, с которым мы вернулись в Европу, — сказал Джонсон.

— Седьмого октября тысяча восемьсот пятьдесят третьего года, — продолжал доктор, — Кресуэл прибыл в Лондон, пройдя весь путь от Берингова пролива до мыса Фарвель.

— Ну, что же, — сказал Гаттерас, — войти с одной стороны, а выйти — с другой, разве это не значит пройти?

— Это так, — ответил Альтамонт, — но ведь он совершил по льдам переход в четыреста семьдесят миль.

— Что ж из того?

— В этом вся суть! — воскликнул американец. — Спрашиваю вас: судно Мак-Клура прошло проходом или нет?

— Нет, — ответил доктор, — потому что после четвертой зимовки Мак-Клур принужден был бросить свой корабль среди льдов.

— Морским путем должен проходить не человек, а корабль. Если когда-нибудь Северо-Западный проход сделается доступным, то проходить его будут корабли, а не люди в санях. Необходимо поэтому, чтобы его грюшел корабль или по крайней мере шлюпка.

— Шлюпка? — воскликнул Гаттерас, усмотрев в словах американца определенное намерение.

— Альтамонт, — поспешно возразил доктор, — вы придираетесь к словам, и всякому ясно, что вы не правы.

— Вам нетрудно объявить меня неправым, господа, — возразил Альтамонт, — вас четверо, а я один. Но я все-таки остаюсь при своем мнении.

— И оставайтесь! — вскричал Гаттерас. — Да только держите язык за зубами!

— Какое право вы имеете так со мной говорить? — вспыхнул Альтамонт.

— Право капитана! — надменно заявил Гаттерас.

— Разве я вам подчинен? — возразил Альтамонт.

— Без всякого сомнения. И берегитесь! Если...

Тут доктор, Джонсон и Бэлл развели их в стороны.

Соперники бросали друг на друга угрожающие взгляды. Доктор был огорчен до глубины души.

Но после двух-трех примирительных фраз Альтамонт, насвистывая национальную песенку «Янки Дудль», улегся на своей койке. Спал он или нет, было неизвестно, но он не произнес больше ни слова.

Гаттерас вышел из палатки и стал большими шагами расхаживать под открытым небом. Через час он вернулся и лег спать, также не проронив ни слова.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Полярная Аркадия

Двадцать девятого мая солнце в первый раз совсем не зашло: оно лишь слегка коснулось горизонта и тотчас же опять всплыло на небосклон. Начинаясь период дней, длящихся круглые сутки. На другой день лучезарное светило появилось, окруженное великолепным кольцом, сверкавшим всеми цветами радуги. Такого рода явления повторялись часто, они постоянно привлекали внимание доктора, отмечавшего день и час появления колец, их размеры и вид. Но эллиптическое кольцо, которое он наблюдал в этот день, было довольно редким явлением.

Вскоре появились стаи крикливых птиц; дрофы и канадские гуси, прилетевшие из далекой Флориды и Арканзаса, с изумительной быстротой устремлялись к северу.

Казалось, они на своих крыльях принесли весну. Доктору удалось подстрелить несколько этих птиц, а также трех-четырех журавлей и даже одного аиста.

Снега быстро таяли на солнце; таяние ускоряла морская вода, выступавшая на ледяных полях из трещин и отдушин, проделанных тюленями. Смешавшись с морской водой, снег образовал грязную массу, которую арктические путешественники называют «кашей».

Доктор опять принялся за свои посевы; в семенах у него не было недостатка. Он очень удивился, заме-

тив среди просохших камней побегии особой разновидностью шавеля. Клоубонни не мог надивиться творческой мощи природы, которая проявлялась даже в царстве льдов и мороза. Посеянный им кресс-салат через три недели дал молодые побегии длиной около десяти линий.

На кустиках вереска стали робко распускаться крошечные, бледнорозовые, почти бесцветные цветочки; казалось, неумелая рука подлила в их окраску слишком много воды. В общем флора Новой Америки оставляла желать лучшего. Но все же отраднo было смотреть на эту скудную и робкую растительность, это было все, что могли вызвать к жизни слабые лучи солнца; казалось, провидение не совсем еще забыло эти далекие страны.

Наконец, установилась теплая погода: 15 июня термометр показывал $+57^{\circ}$ ($+14^{\circ}$ Ц). Доктор с трудом поверил глазам. Местность преобразилась; бесчисленные каскады свергались по склонам пригретых солнцем холмов; лед растрескался, и вскоре должен был решиться важный вопрос о свободном море. Кругом стоял несмолкаемый грохот лавин, падавших с холмов на дно оврагов. Треск ледяных полей сливался в оглушительный гул.

Путешественники предприняли экскурсию на остров Джонсона. Это был ничтожный островок, пустынный и бесплодный; но старый боцман был в восторге, что его имя связано с этой затерянной среди океана скалой. Он непременно захотел начертать свое имя на высоком утесе и при этом чуть не сломал себе шею.

Во время своих прогулок Гаттерас тщательно обследовал все окрестности до мыса Вашингтона. Когда снега растаяли, характер местности резко изменился: там, где еще недавно расстилалась ровная, однообразная снежная пелена, появились холмы и овраги.

Дом и склады начали разрушаться, то и дело приходилось их чинить; но в полярных странах очень редко бывает пятьдесят семь градусов тепла, и средняя температура летом лишь немного выше нуля.

К 15 июня постройка шлюпки уже значительно продвинулась. Бэлл и Джонсон работали над ней, а

их товарищи ходили на охоту, и с большим успехом. Убили даже несколько оленей. К этим животным очень трудно подойти, но Альтамонт применил уловку, которая в ходу у североамериканских индейцев: с помощью ружейного ствола и пальцев он изображал какое-то подобие рогов, обманывая пугливых тварей. Приблизившись на достаточное расстояние, он стрелял уже наверняка.

Но самая драгоценная дичь, мускусные быки, многочисленные стада которых Парри встречал на острове Мелвилла, не появлялась на берегах залива Виктории. Поэтому решено было предпринять дальнюю экскурсию с целью поохотиться на этих замечательных животных, а также исследовать восточную часть материка. Гаттерас не собирался на своем пути к полюсу проходить через эти места, но доктору хотелось с ними познакомиться. Итак, решили пойти на разведку на восток от форта Провидения. Альтамонт рассчитывал поохотиться. Разумеется, Дэк должен был участвовать в экспедиции.

В понедельник 17 июня погода выдалась хорошая, термометр показывал $+41^{\circ}$ ($+5^{\circ}$ Ц), воздух был чист и прозрачен. Охотники, вооруженные каждый двустольным ружьем, киркой и снеговым ножом, в шесть часов утра вышли из Дома доктора в сопровождении Дэка. Поход должен был продолжаться два-три дня, и они захватили с собой необходимое продовольствие.

К восьми часам Гаттерас и двое его товарищей прошли уже около семи миль. Как на беду, ни одно живое существо не попадалось им на пути, и они уже теряли надежду что-нибудь подстрелить.

Перед ними расстилалась широкая, тянувшаяся вдаль равнина, прорезанная множеством новорожденных ручьев; огромные лужи, похожие на пруды, сверкали в косых лучах солнца.

Местами лед сошел, и приходилось ступать по голой земле; почва состояла из основных осадочных пород, столь распространенных по всему земному шару.

Изредка попадались валуны, присутствие которых на этой почве было трудно объяснить, — настолько они отличались от горных пород этой местности.

Шиферные сланцы и всевозможные известняки встречались на каждом шагу; внимание доктора привлекли совершенно прозрачные, бесцветные кристаллы, некоторыми своими свойствами напоминающие исландский шпат.

Хотя доктору не приходилось стрелять, у него не хватало времени для занятий геологией, его товарищи шагали уж слишком быстро. Но все же по возможности он изучал почву. Добряк старался как можно больше говорить, иначе маленький отряд шел бы в полном молчании. Альтамонт не имел ни малейшей охоты беседовать с капитаном, а тот не стал бы ему отвечать.

К десяти часам утра охотники продвинулись миль на двенадцать к востоку; море скрылось за горизонтом. Доктор предложил остановиться и позавтракать. Перекусив на скорую руку, охотники через полчаса двинулись дальше.

Местность понижалась пологими склонами. В ложбинках и над навесом скал снег еще не растаял и лежал волнистой пеленой, что придавало равнине сходство с бушующим морем.

Кругом не было ни малейшего следа растительности, и казалось, в этих местах нельзя встретить ни одного живого существа.

— Нечего сказать, удачная охота, — ворчал Альтамонт. — Правда, эта страна не из плодородных, но мне кажется, полярная дичь не имеет права быть такой капризной и могла бы вести себя повежливее.

— А все-таки отчаиваться еще рано, — сказал доктор. — Лето только что началось, и если Парри встретил столько разнообразных животных на острове Мелвилла, то почему бы и нам здесь не встретить?

— Но ведь мы продвинулись к северу дальше, чем Парри, — заметил Альтамонт.

— Конечно; но в данном случае это не имеет значения. Ведь холоднее всего в районе полюса холода, то есть на тех ледяных полях, среди которых мы зимовали на «Форварде». Но по мере приближения к полюсу мы удаляемся от самой холодной области земного шара. Поэтому все, что Парри и Росс встретили

по одну сторону полюса холода, мы должны найти и по другую его сторону.

— Как бы там ни было, — со вздохом сказал Альтамонт, — до сих пор нам приходилось быть скорее в роли путешественников, чем охотников.

— Терпение! — ответил доктор. — Местность мало-помалу начинает меняться, и было бы очень странно, если бы мы не нашли дичи в оврагах, где наверное приютилась какая-нибудь растительность.

— Как видно, — заявил Альтамонт, — эта местность совершенно необитаема, да и едва ли здесь кто мог бы жить.

— Необитаема! — воскликнул доктор. — Таких стран, по-моему, не существует. Путем упорного труда, ценой огромных лишений, усилиями целого ряда поколений, применяя все достижения земледельческой науки, человек в конце концов может сделать плодородной любую страну.

— Вы так думаете? — усомнился Альтамонт.

— Безусловно. Если бы вы посетили знаменитые в седой древности места, где находились Фивы, Ниневия и Вавилон, богатые долины, которые некогда были цветущими и где жили наши праотцы, — вы наверное подумали бы, что они никогда не были обитаемы. Даже климат этих стран изменился к худшему с тех пор, как там перестали жить люди. По общему закону природы, все необитаемые страны отличаются бесплодием и нездоровым климатом. Знайте же, что человек сам создает себе нужные условия для существования: большое влияние на окружающую среду оказывает его образ жизни, его промышленность, даже его дыхание. Мало-помалу не только видоизменяются атмосферные условия страны и выделяемые почвой испарения, но человек оздоравливает их своим присутствием. Я согласен, что есть необитаемые страны, но никогда не поверю, чтобы существовали страны, где человек не мог бы жить.

Беседуя таким образом, охотники, превратившиеся в натуралистов, продвигались все дальше и, наконец, вошли в широкую долину, где змеилась почти свободная ото льда речка. Долина тянулась на юг, и ее

склоны были покрыты хилой растительностью. Кажется, ее почву легко было бы сделать плодородной; стоило внести туда слой чернозема всего в несколько дюймов толщиной, и она стала бы давать неплохой урожай. Доктор обратил на это внимание товарищей.

— Посмотрите, — сказал он, — разве предприимчивые колонисты не могли бы поселиться в этой долине? Если взяться за дело с умением и как следует потрудиться, то через некоторое время местность станет неузнаваемой. Я не хочу сказать, что здесь появятся такие же поля, как в умеренном поясе, — но, во всяком случае, долина приобретет очень приятный вид. Да вот и ее четвероногие жители. Эти плутишки знают, где им поселиться.

— Да это полярные зайцы! — воскликнул Альтамонт, прицеливаясь.

— Пойдите, — крикнул доктор, — пойдите, оголтелый охотник! Бедные зверюшки и не думают убежать от нас. Не трогайте их, — они сами идут к нам.

Три или четыре зайчонка скакали среди чахлого вереска и молодого мха; они приближались к охотникам, даже не замечая их. Но невинный вид зайчат не тронул Альтамонта.

Вскоре они очутились у самых ног доктора; он стал гладить их, приговаривая:

— Разве можно встречать выстрелами того, кто просит у нас ласки? Какой нам толк убивать этих зверьков!

— Вы правы, доктор, — сказал Гаттерас. — Пусть себе живут.

— Как! Мы упустим и белых куропаток, которые сами летят к нам, — воскликнул Альтамонт, — и журавлей, которые так важно выступают на своих длинных ногах!

Птицы стайками подлетали к охотникам, не подозревая, какой опасности они избежали благодаря доктору. Даже Дэк проявлял непривычную сдержанность и казался удивленным.

Любопытно и трогательно было смотреть на этих хорошеньких зверьков; они резвились, прыгали, ложились у ног доктора, напрашиваясь на ласки; птицы

беззаботно порхали и садились на плечи к добряку Клоубонни. Казалось, население долины старалось как можно лучше принять своих гостей. Весело перекликаясь, подлетали все новые птицы. Доктор был похож на настоящего волшебника. В сопровождении стаи птиц и зверьков охотники шли по сырому берегу вверх по течению ручья.

Но вот за поворотом они увидели восемь или десять оленей, которые безмятежно паслись, выщипывая из-под снега мох. Это были прелестные, грациозные и кроткие животные с ветвистыми рогами, которые самка носит так же горделиво, как и самец. Их пушистый мех уже начал терять свою зимнюю белизну и принимал темносерый летний оттенок. Они не боялись людей и были такие же ласковые, как зайцы и птицы этих мирных краев.

Можно думать, таковы были отношения первого человека с первыми животными в дни, когда мир был еще молод.

Охотники вошли в середину стада, причем олени даже не пытались убежать. На этот раз Клоубонни стоило немалого труда обуздать кровожадные инстинкты Альтамонта. Американец не мог равнодушно видеть эту великолепную дичь, его обуяла жажда крови. Растроганный Гаттерас наблюдал, как эти кроткие животные терлись мордой о плечо доктора, чувствуя в нем друга всех живых существ.

— Да что же это, наконец, — ворчал Альтамонт. — Разве мы пришли сюда не для охоты?

— Для охоты на мускусных быков, и только, — отвечал доктор. — К чему нам эта дичь? Еды у нас достаточно. Давайте лучше полюбуемся этим трогательным зрелищем: как доверчиво льнут к нам эти мирные создания!

— Это доказывает, что они еще никогда не видели человека, — заметил Гаттерас.

— Разумеется, — ответил Клоубонни, — и отсюда можно сделать вывод, что эти животные не американского происхождения.

— Это почему? — спросил Альтамонт.

— Если бы они родились на севере Америки, то

наверное бы знали, что представляет собой двуногое и двурукое млекопитающее, под названием человек, и при нашем появлении немедленно бы скрылись. Нет, вероятнее всего, они пришли с севера, они уроженцы тех неисследованных областей Азии, где еще не побывал человек, и добрались сюда через земли, примыкающие к полюсу. Следовательно, Альтамонт, вы не имеете права считать их своими соотечественниками.

— О! — воскликнул Альтамонт. — Охотнику нет дела до таких тонкостей, и дичь всегда принадлежит тому, кто ее подстрелил.

— Успокойтесь, дорогой Немврод! Что до меня, то я скорее соглашусь больше никогда в жизни не стрелять, чем потревожить это симпатичное население. Посмотрите, даже Дэк братается с этими красивыми тварями. Доброта — великая сила!

— Ну, ладно, ладно, — пробурчал Альтамонт, не понимавший такой сентиментальности. — Посмотрел бы я, как вы стали бы расхаживать среди медведей и волков, вооруженный одной лишь добротой.

— Я не собираюсь очаровывать хищных зверей, — ответил Клоубонни, — и мало верю в чары Орфея. Впрочем, медведи и волки и не пришли бы к нам, как эти зайцы, куропатки и олени.

— Если они никогда не видели людей, то почему бы им и не прийти? — спросил Альтамонт.

— Потому что по своей природе они свирепы, а кто зол, тот и подозрителен. Это было проверено как на людях, так и на зверях. Сказать: «Он злой», то же самое, что сказать: «Он подозрительный». Чувство страха свойственно тому, кто сам способен возбуждать страх.

Этой небольшой лекцией по философии окончилась беседа.

Весь день охотники провели в долине, которую доктор, с согласия товарищей, окрестил Полярной Аркадией. Вечером, после ужина, не стоившего жизни ни одному жителю этих мест, охотники уснули в пещере, словно созданной для того, чтобы предоставить им покойный приют.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Долг платежом красен

Доктор и его товарищи проснулись рано, спокойно проведя ночь. Правда, под утро лицо начал пощипывать морозец, но они были тепло укутаны и великолепно выспались под охраной мирных животных.

Погода стояла прекрасная, и охотники решили посвятить этот день исследованию местности и поискам мускусных быков. Альтамонту заранее предоставили право стрелять в них, даже если бы они оказались самыми наивными существами на свете. Их мясо, хотя и сильно отдающее мускусом, вкусно, и охотники мечтали принести в форт Провидения несколько бычьих туш и снабдить товарищей свежей здоровой пищей.

В первые часы путешествие не представляло особого интереса. На северо-востоке местность начала заметно меняться. Появились холмы и возвышенности — первые признаки гористой местности. Если Новая Америка и не была континентом, то, во всяком случае, это был большой остров. Впрочем, путешественники вовсе не собирались выяснять эту географическую проблему.

Дэк бежал впереди. Вдруг он сделал стойку, наткнувшись на следы целого стада мускусных быков. Потом бросился вперед и быстро скрылся из глаз охотников. Они поспешили за ним. Его звонкий, яростный лай доказывал, что верный пес, наконец, обнаружил предмет их вождлений.

Через полтора часа охотники увидели двух довольно крупных быков, весьма свирепых на вид. Этих странных зверей, казалось, несколько удивляло, но нимало не тревожило нападение Дэка; они спокойно щипали какой-то розовый мох, выстилавший землю. Доктор сразу узнал мускусных быков по небольшому росту, широко расставленным, сближенным у основания рогам, по тупой морде, похожей на овечью, и очень короткому хвосту. Естествоиспытатели дали мускусным быкам название овцебык, так как строением

тела они напоминают одновременно и овцу и быка. Шерсть у них коричневого цвета, густая, длинная и шелковистая.

Завидев охотников, быки пустились наутек; путешественники со всех ног бросились за ними.

Но догнать быков было невозможно, охотники после долгого преследования выбились из сил. Гаттерас и его товарищи остановились.

— Что за дьявольщина! — воскликнул Альтамонт.

— Именно — дьявольщина, — ответил доктор, переводя дух. — Эти жвачные, наверно, «американцы»; но, повидимому, они не слишком-то лестного мнения о ваших соотечественниках.

— Это доказывает, что американцы хорошие охотники, — с гордостью ответил Альтамонт.

Заметив, что преследование прекратилось, быки остановились, с удивлением глядя на людей. Было ясно, что их не догнать; нужно было их окружить; быки стояли на пригорке, и это способствовало задуманному маневру. Пока Дэк лаем отвлекал внимание быков, охотники спустились в ближайший овраг с целью обойти пригорок. Альтамонт и доктор притаились за выступом скалы на одной стороне пригорка, а Гаттерас должен был, внезапно появившись с другой стороны, погнать животных на охотников.

Через полчаса все были на своих местах.

— Почему же вы согласны стрелять в этих четвероногих? — ядовито спросил Альтамонт.

— Это будет честная война, — ответил доктор, который, несмотря на свое добродушие, в душе был занятым охотником.

Пока они разговаривали, быки вдруг направились к ним, преследуемые по пятам Дэком; позади них появился Гаттерас, который с громким криком гнал животных прямо на доктора и Альтамонта; те выскочили из засады и бросились навстречу быкам.

Быки внезапно остановились и, сообразив, что один охотник менее опасен, чем двое, повернули к Гаттерасу; капитан бесстрашно поджидал их; прицелившись в ближайшего быка, он выстрелил. Но пуля, угодившая быку прямо в лоб, не остановила его.

Второй выстрел Гаттераса только разъярил быков, они бросились на охотника и мигом сбили его с ног.

— Он погиб! — воскликнул Клоубонни с отчаянием в голосе.

Альтамонт шагнул вперед, чтобы броситься на помощь к Гаттерасу, но вдруг остановился, видимо, он боролся с собой.

— Нет! — воскликнул он. — Это было бы подло!..

И вместе с доктором бросился на поле битвы.

Его колебание не продолжалось и секунды. Но если доктор был свидетелем борьбы, происходившей в душе американца, то Гаттерас догадался об этом, и он скорее дал бы себя растерзать, чем стал бы просить своего соперника о помощи. Но у него не было времени рассуждать — Альтамонт уже подбежал к капитану.

Опрокинутый на землю Гаттерас старался ножом отразить удары, которые наносили ему быки рогами и копытами, но такая борьба не могла долго продолжаться.

Быки неминуемо растерзали бы Гаттераса, как вдруг раздались два выстрела, и пули просвистели над головой капитана.

— Мужайтесь! — крикнул Альтамонт и, бросив разряженное ружье, кинулся на взбешенных быков.

Один из них, которому пуля угодила в сердце, упал, точно пораженный молнией, другой в ярости готов был распороть живот злополучному Гаттерасу, но в этот миг Альтамонт одной рукою вонзил снеговой нож в открытую пасть быка, а другой раскроил ему череп страшным ударом топора.

У быка подкосились ноги, и он грохнулся наземь.

— Ура! Ура! — вскричал Клоубонни.

Гаттерас был спасен.

Итак, он обязан жизнью человеку, которого ненавидел больше всех на свете. Что произошло в этот миг у него в душе? Какое чувство овладело им?

Это навсегда останется в тайниках его сердца.

Как бы то ни было, но Гаттерас, не колеблясь, подошел к своему сопернику и торжественно сказал:

— Вы спасли мне жизнь, Альтамонт,

— А вы — мне, — ответил американец.

После короткой паузы Альтамонт добавил:

— Теперь мы с вами квиты, Гаттерас!

— Нет, Альтамонт, — ответил капитан. — Когда доктор извлек вас из ледяной могилы, я не знал, кто вы, но вы спасли меня, рискуя собственной жизнью и отлично зная, кто я такой.

— Вы мой ближний, — ответил Альтамонт, — и американец не может быть подлецом.

— Ну, конечно, — воскликнул доктор, — ведь он такой же человек, как и вы, Гаттерас!

— И американец разделит с нами ожидающую нас славу.

— Открытия Северного полюса? — спросил Альтамонт.

— Да! — торжественно ответил капитан.

— Так, значит, я угадал! — воскликнул Альтамонт. — Вы отважились на это? Вы решили добраться до этой недоступной точки земного шара! О, это прекрасная мысль! Ей-богу, это великое дело!

— Но разве вы в свою очередь не направлялись к полюсу? — быстро спросил Гаттерас.

Альтамонт, казалось, колебался отвечать.

— Ну, что же? — сказал Клоубонни.

— Нет, — отвечал Альтамонт. — Нет! Истина должна быть выше самолюбия. Нет, я не задавался той великой целью, которая привела вас сюда. Я хотел пройти Северо-Западным проходом — вот и все!

— Альтамонт, — сказал капитан, протягивая руку американцу, — будьте участником нашей славы, и отправимся вместе открывать Северный полюс!

И недавние враги горячо, от-всего сердца пожали друг другу руки.

Повернувшись к доктору, они увидели, что он плачет.

— Ах, друзья мои, — бормотал он, вытирая слезы, — у меня, кажется, сердце разорвется от радости. О дорогие мои товарищи, чтобы содействовать общему успеху, вы отбросили национальные предрассудки! Вы сказали себе, что Англия и Америка в данном случае ни при чем и что узы тесной дружбы должны соеди-

нять вас для достижения великой цели. Лишь бы Северный полюс был открыт, а кто его откроет — это уж не важно! К чему унижать себя — кичиться английским или американским происхождением, когда можно с гордостью сказать про себя: я человек!

Растроганный доктор сжимал в своих объятиях примирившихся врагов, он не мог совладать с охватившей его радостью.

Новые друзья сознавали, что любовь этого достойного человека еще теснее связывает их между собой. Клоубонни без умолку говорил о том, какое безумие всякое соперничество и как необходимо согласие между людьми, заброшенными в такую даль от родины. Его слова, слезы, ласки изливались из глубины души.

Наконец, обняв в двадцатый раз Гаттераса и Альтамонта, он успокоился.

— А теперь — за работу! За работу! — сказал он. — Я оказался никуда не годным охотником, так используйте по крайней мере мои другие дарования.

И Клоубонни стал рассекать на части тушу быка, которого назвал «быком примирения». Он делал это с удивительной ловкостью и напоминал опытного анатома, производящего вскрытие.

Товарищи с улыбкой смотрели на него. Через несколько минут он искусно отсек от туши около ста фунтов лучшего мяса и разделил его на три части; каждый охотник взял свою долю, и отряд направился к форту Провиденция.

В десять часов вечера, когда солнце бросало на землю косые лучи, охотники добрались до Дома доктора, где Джонсон и Бэлл уже приготовили им хороший ужин.

Но, прежде чем садиться за стол, доктор с торжеством сказал Джонсону, показывая на своих товарищей по охоте:

— Слушайте, старина: я увел с собой англичанина и американца — не так ли?

— Да, доктор, — отвечал боцман.

— А привожу назад двух братьев!

Моряки радушно протянули руки Альтамонту;

Клоубонни рассказал о том, что сделал американский капитан для английского капитана, и в эту ночь ледяной дом послужил приютом пяти совершенно счастливым людям.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Последние приготовления

На следующий день погода переменилась; снова ударил мороз; в течение ряда дней перемежались дожди, снег и метели.

Бэлл окончил шлюпку, которая вполне соответствовала своему назначению. Она была до половины покрыта палубой, у нее были высокие борта; подняв фок и кливер, она могла выдержать бурю в открытом море. К тому же она была легка, так что собаки без особого труда могли везти ее на санях.

Наконец, в полярном море произошло долгожданное событие. Лед в заливе тронулся. Огромные льдины, подтачиваемые водой, при первой же буре должны были оторваться от берегов и превратиться в пловучие айсберги. Но Гаттерас хотел отправиться в путь прежде, чем разойдутся ледяные поля. Часть путешествия предполагалось совершить сухим путем, поэтому в данный момент не имело значения, свободно ли море ото льда. Итак, он назначил отъезд на двадцать пятое июня; к этому времени должны были закончить все приготовления. Джонсон и Бэлл привели в исправность сани, укрепили кузов и приладили новые полозья. Путешественники решили использовать несколько недель хорошей погоды, выпадающих на долю гиперборейских стран. Таким образом они избегнут лишних страданий и легче будет преодолевать препятствия.

За несколько дней до отъезда, двадцатого июня, между льдинами образовались свободные проходы. Путешественники воспользовались этим, чтобы испробовать шлюпку, и отправились в ней к мысу Вашингтона. Правда, море еще далеко не освободилось ото

льда, но оно уже не представляло сплошной твердой поверхности, и совершить такое путешествие пешком по разбитому льду было бы невозможно.

Это плавание позволило путешественникам оценить мореходные качества шлюпки.

На обратном пути они были свидетелями любопытного происшествия — охоты громадного медведя на тюленя. К счастью, медведь был слишком занят своим делом и не заметил шлюпки, а то он непременно бы за ней погнался. Он сторожил возле отдушины, в которую, повидимому, нырнул тюлень. Медведь ждал появления животного с терпением заправского охотника, или, вернее, рыбака, — потому что в сущности он занимался рыбной ловлей. Он подстерегал добычу, застыв на месте, не выдавая себя ни звуком, ни движением.

Вдруг поверхность воды заколыхалась, амфибия поднималась подышать воздухом. Медведь растянулся на льду и охватил лапами отдушину.

В следующий миг тюлень высунул голову из воды, но нырнуть он уже не успел, лапы медведя сомкнулись как рычаги, с огромной силой сдавили тюленя и вырвали его из родной стихии.

Борьба длилась недолго, несколько мгновений тюлень еще боролся, но скоро был задушен на груди исполинского врага; медведь без труда тащил большое животное и, легко перепрыгивая с льдины на льдину, скрылся со своей добычей.

— Счастливого пути! — крикнул Джонсон. — Каковы, однако, лапищи у этого молодца!

Шлюпка вскоре вошла в маленькую бухточку, обнаруженную Бэллом между льдинами.

Только четыре дня оставалось до отъезда. Гаттерас поторапливал товарищей; ему хотелось поскорей покинуть Новую Америку, потому что земля эта принадлежала не ему, не он ей дал название, он не чувствовал себя здесь как дома.

Двадцать второго июня стали грузить на сани лагерные принадлежности, палатку и провизию. Путешественники брали с собой сто фунтов солины, три ящика овощей и мясных консервов, пятьдесят фунтов

рассола и лимонного сока, пять кварталов муки, несколько мешочков кресс-салата и ложечной травы с «плантациям» доктора; все это, включая двести фунтов пороха, инструменты, оружие, различные мелкие вещи, надувную лодку и шлюпку, — весило около тысячи пятисот фунтов — немалый груз для четырех собак. Эскимосы заставляют своих собак работать только четыре дня подряд, у путешественников не было собак на смену, и их бедным псам приходилось тянуть без передышки. Путешественники решили в случае необходимости помогать собакам и делать ежедневно лишь небольшие переходы. Бухта Виктории отстояла от полюса всего на триста пятьдесят миль; это пространство можно было пройти в один месяц, делая по двенадцати миль в день. Но, если они дойдут до края материка, закончить путешествие можно будет на шлюпке, уже без всяких хлопот и не утруждая собак. Впрочем, и люди и животные были здоровы; зима, хотя и суровая, кончалась в благоприятных условиях. Благодаря советам доктора удалось избежать болезней, свойственных полярному климату. Все несколько похудели, что приводило в восторг достойного доктора. В суровых условиях они закалились душой и телом, прекрасно акклиматизировались, и теперь им было легче переносить усталость и холод.

К тому же они движутся прямо к цели, к недосыгаемому полюсу. Тесная дружба связывала всех пятерых участников экспедиции, она должна была им помочь одолеть все трудности, какие встретятся на пути, и никто не сомневался в успехе.

Предвидя продолжительное путешествие, Клоубонни советовал товарищам заранее к нему подготовиться и как следует потренироваться.

— Друзья мои, — говорил он, — я не советую вам подражать английским бегунам, которые после двух дней тренировки теряют в весе восемнадцать фунтов, а после пяти — двадцать пять фунтов. Но, во всяком случае, необходимо подготовиться к долгому пути. Тренировка имеет целью — устранить из организма излишки жира, что достигается с помощью слабитель-

ных и потогонных средств и усиленного движения. Жокеи и бегуны в точности знают, сколько они потеряют веса от таких-то лекарств, и поэтому достигают иногда поразительных результатов. Иной до тренировки не мог пробежать, не задыхаясь, и одной мили, а после нее легко проделывает двадцать пять. Говорят, будто знаменитый бегун Таунсед проходил, не останавливаясь, сто миль в двенадцать часов.

— Вот это здорово! — сказал Джонсон. — Правда, мы не слишком толсты, но, если нужно...

— Это совсем не нужно, Джонсон. Но нельзя отрицать, что тренировка имеет свои хорошие стороны: она укрепляет кости, придает мускулам упругость, изошряет слух и зрение. Это следует помнить.

Двадцать третьего июня, немного потренировавшись, путешественники были уже готовы к отъезду. Было воскресенье, и этот день посвятили отдыху.

Жители форта Провидения не без волнения ожидали минуты отъезда. Им тяжело было расставаться с ледяным домом, который давал им надежный приют, с бухтой Виктории, с гостеприимным берегом, где они провели последние зимние месяцы. Найдут ли они по возвращении в целости свои сооружения? Не растают ли под лучами солнца их хрупкие стены?

В Доме доктора было прожито немало отрядных часов! Вечером, за ужином, Клоубонни напомнил об этом своим товарищам, воздав благодарность небу за все блага, которое оно им послало.

В этот день все улеглись пораньше, чтобы встать с рассветом. Так прошла последняя ночь в форту Провидения.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Поход на север

На следующий день, едва рассвело, Гаттерас дал знак к выступлению. Собак запрягли в сани. Хорошо откормленные и отдохнувшие за зиму в благоприятных условиях, собаки могли оказать летом большую помощь. Они охотно позволили надеть на себя упряжь.

Гренландские собаки — пресимпатичные животные. Постепенно они теряли прирожденную дикость, свое сходство с волком и все больше уподоблялись Дэку, этому совершеннейшему представителю собачьей породы; словом, собаки цивилизовались.

Дэку они были очень многим обязаны, он подавал им пример благовоспитанности и учил их манерам, принятым в хорошем обществе. Как истый англичанин, он был очень щепетилен в отношении этикета и долго не вступал в приятельские отношения с собаками, «которые ему не были представлены», принципиально не беседовал с ними. Но так как они делили с ним все опасности и лишения, все превратности судьбы, то мало-помалу завязалась дружба. Дэк, у которого было предоброе сердце, сделал первый шаг, и все члены четвероногого общества вскоре образовали одну семью.

Доктор ласкал гренландских собак, и Дэк без ревности относился к этим ласкам, расточаемым его собратьям.

Люди были в таком же хорошем состоянии, как и собаки; если собаки хорошо повезут, то путешественники хорошо пойдут.

Отряд выступил в путь в шесть часов утра. Погода стояла прекрасная. Обогнув берега бухты Виктории и миновав мыс Вашингтона, Гаттерас взял направление на север; в семь часов путешественники уже потеряли из виду утес, на котором стоял маяк и форт Провидения.

Путешествие начиналось хорошо, гораздо лучше экспедиции, предпринятой в разгар зимы в поисках угля. Тогда Гаттерас оставлял на своем судне мятежный и упавший духом экипаж и отправлялся наугад. Он покидал команду, полумертвую от холода; он шел с товарищами, ослабленными тяжелой зимовкой; стремясь всей душой на север, был вынужден идти на юг. Теперь же, наоборот, в компании сильных, здоровых товарищей, которые поддерживали, ободряли и вдохновляли его, он направлялся к полюсу, к цели своей жизни.

Казалось, он был на пороге великого открытия, которое должно было принести славу и ему и его родине.

Приходила ли ему в голову такая мысль? Судя по его повышенному настроению, это можно было предположить, а доктор был даже в этом уверен. Добряк Клоубонни радовался радостью своего друга, а после примирения двух капитанов, двух своих друзей, он стал счастливейшим из смертных. Этому прекрасному человеку была глубоко чужда всякая ненависть, зависть и соперничество. Что будет дальше? Чем кончится это путешествие? Как знать, — но началось оно хорошо. А это уже много.

За мысом Вашингтона западное побережье Новой Америки было изрезано множеством заливов. Чтобы не огибать их, путешественники, перевалив через первые отроги горы Бэлла, направились к северу через высокое плоскогорье. Благодаря этому они значительно сократили путь. Гаттерас намеревался, если только не встретится непредвиденных препятствий в виде проливов или гор, совершить по прямой линии от форта Провидения до самого полюса переход в триста пятьдесят миль.

На пути не встречалось препятствий. Плоскогорье расстилалось беспредельным белым ковром, по которому сани с натертыми серой полозьями легко скользили, а путники на лыжах шли бодро и быстро.

Термометр показывал $+37^{\circ}$ ($+3^{\circ}$ Ц). Погода еще не вполне установилась, было то туманно, то ясно; но ни морозы, ни метели не остановили бы наших путешественников, рвавшихся вперед.

Направление легко определялось по компасу, стрелка которого становилась по мере удаления от магнитного полюса все более устойчивой. Она уже не рыскала, но зато повернулась концом в противоположную сторону (к магнитному полюсу) и стала показывать юг вместо севера. Но это обратное указание не мешало делать правильные вычисления.

Впрочем, доктор придумал для определения пути очень простой способ, при котором не было необходимости беспрестанно прибегать к компасу. Установив

свое местонахождение, путешественники в ясную погоду замечали какой-нибудь предмет на севере в двух-трех милях от них; держали на него путь, доходили до него, затем в том же направлении избирали другую точку, и так далее. Таким образом, они почти не отклонялись от прямого пути.

Первые два дня отряд делал двадцать миль за двенадцать часов; остальное время путешественники отдавали отдыху и еде; палатка защищала их от холода во время сна.

Температура все повышалась. Кое-где на холмах и пригорках снег совершенно растаял, местами он еще сохранял свою девственную белизну. То там, то сям виднелись лужи воды, а иной раз и порядочные водоемы, которые при некоторой фантазии можно было принять за озера. Путешественники переходили их вброд по колена в воде, причем от души смеялись. Клоубонни радовался этому неожиданному купанью.

— Воде не полагается мочить нас в этой стране, — говорил он. — Здесь она имеет право быть только в твердом или газообразном состоянии; что касается жидкого состояния, то с ее стороны это уже нахальство. Мы допускаем лед и пары, но никакой жидкости!

Во время пути не забывали и об охоте, ибо необходимо было добыть свежей дичи. Альтамонт и Бэлл, не слишком удаляясь в сторону, рыскали по ближайшим оврагам и стреляли куропаток, кайр, гусей и серых зайцев. Дичь эта становилась чрезвычайно пугливой и осторожной, подойти к ней было нелегко, и без помощи Дэка охотники только попусту тратили бы заряды.

Гаттерас советовал им не удаляться в сторону больше чем на милю. Времени терять не следовало, потому что можно было рассчитывать только на три месяца хорошей погоды.

Впрочем, путникам приходилось быть на своем посту возле саней при трудных переходах, в тесных ущельях или на крутом спуске. Тогда они припрягались к саням, подпирали, толкали или поддерживали

их. Не раз приходилось разгружать сани, что не спасало их, однако, от резких толчков, случались аварии, Бэлл, как мог, исправлял повреждения.

На третий день, в среду, двадцать шестого июня, подошли к озеру, простиравшемуся на несколько акров; оно было еще подо льдом, так как высокие горы защищали его от солнечных лучей. Лед был такой прочный, что мог вполне выдержать тяжесть путешественников и их саней. Казалось, он образовался в течение многих зим, и озеро никогда не освобождалось ото льда: на его зеркальную поверхность арктическое лето не оказывало ни малейшего влияния. Это предположение подтверждалось, между прочим, еще тем, что берега озера были покрыты сухим снегом, нижние слои которого, несомненно, образовались несколько лет назад.

Местность стала заметно понижаться, из чего доктор заключил, что эта земля не может далеко тянуться на север. По всей вероятности, Новая Америка была островом, не простиравшимся до полюса. Неровности почвы мало-помалу сглаживались; на западе смутно вырисовывались холмы, окутанные сизой дымкой.

До сих пор на пути не встречалось особых трудностей, путешественники страдали только от ослепительного блеска снегов, отражавших солнечные лучи, этот блеск мог вызвать у них снежную слепоту, но убесться от него было невозможно. В другое время года они могли бы идти ночью, чтобы избегнуть этой опасности, но теперь ночей не было. К счастью, снег начал таять и заметно терял свой блеск.

Двадцать восьмого июня температура поднялась до $+45^{\circ}$ ($+7^{\circ}$ Ц). Потепление сопровождалось сильным дождем, который путники выдержали стоически и даже не без удовольствия. Дождь способствовал таянию снегов, пришлось снова обуться в мокасины из оленьей кожи и по-другому переставить полозья. Разумеется, движение отряда замедлилось. Но так как никаких препятствий не встречалось, то они все-таки продвигались вперед.

Иногда доктор подбирал по дороге круглые или плоские камни, похожие на голыши, обточенные морскими волнами. Это давало ему основание думать, что отряд приближается к полярному бассейну. Однако равнина тянулась вдаль на необозримое пространство.

Не было видно ни малейших признаков жилья, никаких туров или эскимосских тайников. Очевидно, до наших путешественников нога человека еще не ступала по этой земле. Гренландские эскимосы, которые кочуют по арктическим просторам, не заходят в такую даль, а между тем охота в этих местах была бы очень выгодна для этих несчастных, постоянно голодных людей. По временам показывались медведи, следовавшие под ветром за отрядом, повидимому вовсе не намереваясь нападать на людей.

Потом вдалеке появились многочисленные стада мускусных быков и оленей. Доктору очень хотелось поймать нескольких оленей, чтобы припрячь их к саням, но они проявляли чрезвычайную осторожность и живыми в руки не давались.

Двадцать девятого числа Бэлл убил песца, а Альтамонту удалось застрелить довольно крупного мускусного быка; при этом товарищи лишний раз убедились в его бесстрашии и ловкости. Действительно, Альтамонт был замечательным охотником, и Клоубонни, понимавший толк в этом деле, восхищался его искусством. Тушу быка разрубили на куски, и путники получили запас свежей пищи.

Путешественники всякий раз были рады случаю вкусно пообедать; даже самые умеренные из них не без удовольствия смотрели на свежее мясо. Да и сам доктор порой смеялся над собой, поймав себя на том, что чересчур уж радуется лакомому кусочку.

— Нечего церемониться, ешьте в свое удовольствие, — приговаривал он, — в полярных экспедициях приходится ценить хороший обед.

— Особенно, когда он зависит от более или менее удачного выстрела, — заметил Джонсон.

— Вы правы, старина. Зная, что суп регулярно готовится на кухне, человек не думает о еде.

Тридцатого числа, вопреки всем ожиданиям, характер местности резко изменился; казалось, поверхность земли была изломана вулканическими силами. Насколько хватал глаз, виделись утесы и пики, достигавшие значительной высоты.

Поднялся сильный юго-восточный ветер, который перешел в настоящий ураган. Он с ревом пронесся среди скал, увенчанных снегом, среди ледяных гор, которые хотя и стояли на земле, но имели вид торосов и айсбергов. Даже доктору, который умел объяснить все на свете, было непонятно, как эти скалы очутились на высоком плоскогорье.

После бури наступила теплая влажная погода. Началась настоящая оттепель; со всех сторон раздавался треск льдов, сливавшийся с грозным грохотом падавших лавин.

Путешественники старались не подходить близко к холмам и говорили вполголоса, потому что громкий звук, приведя в сотрясение воздух, мог вызвать катастрофу. Нередко им приходилось наблюдать страшные обвалы, которые было невозможно предвидеть. Полярные лавины отличаются от лавин Норвегии и Швейцарии своей внезапностью. В горах Европы начало лавине дает небольшой снежный ком, который, катясь по склону, захватывает на своем пути снег, постоянно увеличивается в объеме и несется все с большей быстротой, ломая деревья и сметая целые селенья. Но, во всяком случае, падение его происходит в какой-то промежуток времени, и от лавины можно спастись. Иначе обстоит дело в арктических странах. Глыбы льда низвергаются там мгновенно, с быстротой молнии, и человек, заметивший, что глыба льда покачнулась в его сторону, неминуемо погибнет под грудой обломков. Лавина не уступает быстротой снаряду, а разрушительным действием — молнии. Оторвавшись от вершины, глыба летит вниз и все сокрушает. Падение лавины сопровождается оглушительным грохотом; эхо далеко разносит по горам и долинам зловещие раскаты. По временам на глазах изумленных путников происходили удивительные превращения; на месте гор после внезапной оттепели появлялись равнины;

дождевая вода просачивалась в расщелины глыб, за ночь замерзала и, расширяясь, раскалывала льдины на куски; процесс разрушения происходил с поразительной быстротой.

Путешественники были все время начеку и благополучно миновали опасные места. Но вот местность снова изменилась, крутые хребты, уступы, пики и ледяные холмы остались позади. 3 июля путешественники очутились на равнине, где дорога стала гораздо легче. Тут их поразила новый неожиданный феномен, который долгое время был предметом исследований ученых Нового и Старого Света. Отряд продвигался вдоль цепи холмов, высотой не более пятидесяти футов. Повидимому, гряда эта тянулась на несколько миль, причем восточный ее склон был покрыт ярко-красным снегом.

У путешественников вырвались возгласы удивления, в первый момент этот багровый снежный покров произвел на них жуткое впечатление. Доктор поспешил успокоить своих товарищей. Ему были известны свойства красного снега по трудам де Кандоля, Уоллестона и Бауэра. Он рассказал, что красный снег встречается не только в арктических странах, но и в Швейцарии, в Альпах. Сосюр собрал довольно много такого снега в 1760 году, а впоследствии капитан Росс, Сабин и другие мореплаватели привозили красный снег из полярных экспедиций.

Альтамонт стал спрашивать доктора об этом необыкновенном веществе, и Клоубонни сказал ему, что красный цвет снега объясняется присутствием в нем микроорганизмов. Химики долгое время задавались вопросом, какого происхождения эти организмы, растительного или животного, и, наконец, пришли к убеждению, что они принадлежат к семейству микроскопических грибов вида *Uredo*, почему Бауэр и предложил дать им название *Uredo nivalis*.

Разгребая снег окованной железом палкой, доктор показал товарищам, что красный слой имеет толщину в девять футов, а затем предложил им подсчитать, сколько грибов приходится на квадратную милю,

если, как вычислили ученые, в одном квадратном сантиметре их около сорока трех тысяч.

Красный снег, судя по расположению слоев на склоне холма, образовался много лет назад; грибок не погибает при таянии снегов, и цвет его не меняется.

Феномен этот, хотя и объяснимый, тем не менее казался очень странным. Красный цвет мало распространен в природе. Отражение солнечных лучей от багровой снежной пелены создавало причудливые световые эффекты и придавало окрестным предметам, скалам, животным и людям огненный оттенок, точно они освещались ярким пламенем. Когда этот снег таял, то казалось, что кровавые ручьи текут у ног путников.

Доктор в первый раз увидел это вещество на Багровых скалах в Баффиновом заливе, в тот раз он не имел возможности его достать, а теперь набрал несколько бутылок красного снега.

Через три часа путешественники миновали это «поле крови», как его назвал доктор, и далее местность приняла обычный характер.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Следы на снегу

Четвертого июля весь день стоял густой туман. Отряд с великим трудом придерживался прямого направления на север, и дорогу ежеминутно приходилось определять по компасу. К счастью, во время тумана не произошло никакой беды, только Бэлл лишился своих лыж, изломав их о выступ скалы.

— Ей-богу, — сказал Джонсон, — я думал, что нигде на свете нет таких туманов, как у нас на Темзе и на Мерсей. Теперь я вижу, что ошибся.

— Что ж, давайте зажжем факелы, как это делают в Лондоне или в Ливерпуле, — предложил Бэлл.

— А почему бы и нет? — воскликнул доктор. —

Прекрасная мысль! Правда, факелы не очень-то освещают нам дорогу, но зато будешь видеть того, кто идет перед тобой, и легче будет держаться прямого направления.

— Но где же взять факелы? — спросил Бэлл.

— Намочите паклю спиртом, намотайте на палку — вот вам и факел.

— Здорово! — воскликнул Джонсон. — Мы их живо соорудим.

Четверть часа спустя отряд уверенно продвигался в сырой мгле при свете факелов.

Но если путешественникам удавалось придерживаться прямого направления, то шли они все так же медленно. Туман рассеялся только шестого июля. Земля охладилась, и резким порывом северного ветра туман разнесло, как лоскутья изорванной ткани.

Клоубонни немедленно определил местонахождение отряда; оказалось, путешественники в среднем проходили по восьми миль в день.

Шестого числа, чтобы наверстать потерянное время, тронулись в путь очень рано. Альтамонт и Бэлл шли впереди, тщательно осматривая почву, и нередко испугивали дичь. Дэк бежал перед ними. Погода, как всегда, непостоянная, скоро переменялась, стала ясной и сухой. Хотя шедшие впереди находились в двух милях от саней, от доктора не ускользало ни одно их движение.

Вдруг он с удивлением заметил, что они остановились; весь их вид выражал недоумение. Они пристально во что-то вглядывались.

Вот они наклонились к земле, стали что-то внимательно рассматривать, потом снова выпрямились. Кажалось, Бэлл собирался идти дальше, но Альтамонт удержал его за руку.

— Что это они делают? — спросил доктор Джонсона.

— Я все глаза проглядел, доктор, — отвечал старый моряк, — но никак не пойму, в чем дело.

— Должно быть, они увидели следы зверей, — высказал предположение Гаттерас.

— Не может этого быть! — заявил Клоубонни.

— Почему?

— Потому что в таком случае Дэк непременно бы залаял.

— Однако они разглядывают какие-то следы.

— Пойдем поскорее к ним и посмотрим, в чем дело, — сказал Гаттерас.

Джонсон прикрикнул на упряжных собак, и они ускорили бег.

Через двадцать минут Гаттерас, доктор и Джонсон нагнали Бэлла и Альтамонта и в свою очередь пришли в изумление.

На снегу виднелись отчетливые человеческие следы. Они были совершенно свежие, точно люди проходили здесь только накануне.

— Это эскимосы, — сказал Гаттерас.

— Да, — ответил Клоубонни, — вот и следы их лыж.

— Вы так думаете? — спросил Альтамонт.

— Ну конечно.

— Ну, а это что такое? — И американец указал на следы совсем другого характера.

— Вот эти следы?

— Ну да, что же, по-вашему, это тоже следы эскимоса?

Доктор стал пристально всматриваться, он просто не верил своим глазам. Европейский башмак четко отпечатался на снегу — и гвозди, и подошва, и каблук.

— Европейцы — здесь! — вырвалось у Гаттераса.

— Ясно, как день, — сказал Джонсон.

— Это до того невероятно, — заявил Клоубонни, — что прежде, чем делать какие-нибудь предположения, надо как следует рассмотреть эти следы.

Доктор снова и снова всматривался в следы и должен был признать, что они весьма странного происхождения.

Герой Даниэля Дефо, наверное, был так же потрясен, увидав отпечаток человеческой ноги на песчаном побережье своего острова. Но если Робинзон при этом испугался, то Гаттерас почувствовал острую досаду. И в самом деле: европеец так близко от полюса!

Отряд двинулся вперед, чтобы осмотреть эти

следы; они тянулись на протяжении четверти мили, перепутываясь со следами лыж и мокасинов, затем поворачивали к западу.

Дойдя до этого места, путешественники остановились, раздумывая, стоит ли дальше идти по следам.

— Нет, — сказал Гаттерас. — Пойдем...

Его прервало восклицание доктора, который подобрал на снегу предмет, который сам говорил за себя. Это был объектив карманной подзорной трубки.

— Теперь, — сказал Клоубонни, — уже нельзя сомневаться, что здесь проходили какие-то путешественники.

— Вперед! — воскликнул Гаттерас.

Он сказал это с таким жаром, что все немедленно последовали за ним. Остановившиеся было сани снова тронулись в путь.

Каждый внимательно осматривал горизонт, за исключением Гаттераса, который задыхался от гнева и ничего не видел перед собой. Пришлось принять предосторожности на случай встречи с отрядом неизвестных путешественников. Какое ужасное несчастье: их умудрились обогнать на еще не исследованном пути! Правда, доктор не поддался гневу, как Гаттерас, но все же, несмотря на всю свою философию, он испытывал некоторую досаду; Альтамонт тоже был крепко раздосадован, а Бэлл и Джонсон угрюмо ворчали себе под нос.

— Что делать! Надо покориться судьбе, — вымолвил, наконец, Клоубонни.

— Признаюсь, — пробормотал Джонсон так тихо, что его не мог слышать Альтамонт, — прогуляться до полюса и найти место занятым...

— Да, — ответил Бэлл, — теперь уже в этом не приходится сомневаться.

— Увы! это так, — сказал доктор. — Как я ни ломаю голову, как ни стараюсь убедить себя, что это невероятно, невозможно, но в конце концов приходится признать факт. Ведь не сам же башмак оттиснулся на снегу. Он был на ноге, а кога прикреплена к человеческому туловищу. Эскимосы — это бы еще куда ни шло, но европейцы!..

— В самом деле, — ответил Джонсон, — если все постели в гостинице на краю света окажутся занятыми, — вот будет обидно!

— До смерти обидно, — согласился Альтамонт.

— А впрочем, еще посмотрим, — добавил Клоубонни.

И отряд тронулся в путь.

За этот день им больше не встретилось никаких следов пребывания других путешественников в этой области Новой Америки. К вечеру сделали привал.

Поднялся сильный северный ветер, и для палатки пришлось искать безопасное место в глубине оврага. Надвигалось ненастье. Длинные вереницы облаков с головокружительной быстротой неслись низко над землей; глаз с трудом мог следить за их бешеным полетом. По временам клочья облаков задевали за скалы; палатка еле держалась под натиском урагана.

— Ночь, видать, будет скверная, — сказал после ужина Джонсон.

— Правда, не холодная, зато бурная, — добавил доктор. — Надо как следует укрепить палатку камнями.

— Правильно, доктор. Если ее снесет ураганом, то нам, пожалуй, не поймать беглянку.

Палатку укрепили как можно прочнее, после чего утомленные путешественники расположились на ночлег.

Однако им так и не удалось уснуть. Разыгралась буря; с бешеной яростью неслась она с юга на север. Облака летели над равниной, как клубы пара из лопнувшего котла. Лавины под порывами урагана скатывались в овраги, эхо глухими перекатами вторило их грохоту. Казалось, разыгрывалась неистовая битва воздуха с водой — этих грозных в своем гневе стихий; недоставало только огня.

Настороженный слух улавливал в хаосе звуков особого рода шум; это не был грохот падающих тяжелых масс, но скорее треск ломающихся тел. Среди грохота и воя бури можно было ясно различить четкий, звонкий треск, похожий на треск лопающейся стали.

Грохот легко можно было объяснить падением лавин; но доктор решительно не знал, чему приписать этот странный треск.

Пользуясь мгновениями жуткого затишья, когда ураган, казалось, переводил дух, чтобы разразиться с еще большей силой, путешественники обменивались догадками.

— Такой грохот обыкновенно производят айсберги, сталкиваясь с ледяными полями, — сказал доктор.

— Да, — ответил Альтамонт. — Можно подумать, что лопается земная кора. Слышите?

— Если бы мы находились недалеко от моря, — сказал Клоубонни, — я подумал бы, что тронулся лед.

— В самом деле, — ответил Джонсон, — иначе и не объяснишь этот треск.

— Неужели же мы подошли к морю? — воскликнул Гаттерас.

— Это вполне возможно, — ответил доктор. — Слушайте, — прибавил он, когда раздался оглушительный треск, — разве это вам не напоминает грохот сталкивающихся льдин? Весьма вероятно, что мы совсем близко от океана.

— Если так, — заявил Гаттерас, — то я готов хоть сейчас пуститься на разведку по ледяным полям.

— Что вы! — воскликнул доктор. — Да ведь буря их наверняка изломает. Посмотрим, что будет завтра. Во всяком случае, я от души жалею тех, кто путешествует в такую ночь.

Ураган длился десять часов без перерыва, и приютившиеся в палатке путешественники в сильной тревоге не могли ни на минуту уснуть.

Действительно, в их положении всякое происшествие, будь то буря или обвал, грозило задержкой, которая могла иметь серьезные последствия. Доктору очень хотелось посмотреть, что делается снаружи, но как выйти на такой свирепый ветер?

К счастью, на рассвете буря улеглась. Наконец, можно было выйти из палатки, которая стлично выдержала ураган. Невдалеке находился холм высотой

около трехсот футов, и доктор, Гаттерас и Джонсон без труда поднялись на его вершину.

Местность преобразилась до неузнаваемости: крутые скалы, острые хребты, взлетающие к небу пики. Снега не осталось и в помине. Буря прогнала зиму, и внезапно наступило лето. Снег словно острым ножом счистило с поверхности земли, и она предстала во всей своей первобытной наготе.

Гаттерас пристально смотрел на север. Завеса темных паров скрывала горизонт.

— Весьма вероятно, что эти пары поднимаются над океаном, — сказал доктор.

— Вы правы, — ответил Гаттерас, — там непременно должно находиться море.

— Такие тучи бывают как раз над свободным морем, — мы называем этот цвет морским отсветом, — сказал Джонсон.

— Вот именно, — подтвердил Клоубонни.

— Идемте же к саням! — воскликнул Гаттерас. — Надо скорей добраться до этого неизвестного океана.

— Я вижу, вы счастливы, Гаттерас! — сказал доктор.

— Еще бы, — восторженно ответил капитан, — мы скоро будем у полюса! А вы сами, доктор, разве не довольны?

— Я-то всегда доволен, особенно когда вижу других счастливыми.

Трое англичан вернулись в лощину, наладили сани и сняли палатку. Отряд тронулся в путь. Все со страхом искали вчерашних следов, но до конца пути они не встретили ни следов чужестранцев, ни следов туземцев.

Через три часа они вышли на берег моря.

— Море! море! — в один голос крикнули путешественники.

— И к тому же — свободное море! — добавил капитан.

Было десять часов утра.

Ураган очистил полярный бассейн; разбитые, разметанные льдины неслись во все стороны; крупные айсберги только что «снялись с якоря», по выраже-

нию моряков, и плыли в открытое море. Ночью ветер с яростью обрушился на ледяные поля. Осколки льда, пена и ледяная пыль покрывали окрестные скалы. Кое-где виднелись остатки ледяного припая. На скалах, выступавших из пены прибоя, широкими полосами расстилались морские водоросли и виднелись пятна бесцветного мха.

Океан простирался на необозримое пространство; на горизонте не видно было ни островов, ни побережья материка.

На востоке и на западе два мыса пологими склонами спускались в океан; волны с шумом разбивались о скалы, и легкая пена белыми хлопьями разлеталась по ветру. Таким образом, материк Новой Америки заканчивался плавными, спокойными склонами, образуя широкий залив, открытый рейд, замкнутый двумя мысами. Посреди залива, за выступом скалы находилась небольшая естественная бухта, защищенная с трех сторон; она была образована устьем довольно широкого ручья, который во время таяния льдов нес весенние воды в океан; сейчас это был бурный поток.

Внимательно осмотрев берега, Гаттерас решил в тот же день начать приготовления к отплытию, спустить на воду шлюпку и разобрать сани, которые могли пригодиться для будущих походов.

На это ушел весь остаток дня. Разбили палатку, и после сытного обеда работа закипела. Между тем доктор, захватив инструменты, отправился наносить на карту местонахождение отряда и делать гидрографическую съемку бухты.

Гаттерас торопил с работами; ему хотелось поскорей покинуть сушу и отплыть раньше отряда неизвестных путешественников, которые могли бы прибыть на взморье.

К пяти часам вечера Джонсон и Бэлл закончили работу. В маленьком порту грациозно покачивалась шлюпка со спущенным кливером и фоком, взятым на гитовы. На нее погрузили сани и провиант; на другой день оставалось только перенести палатку и лагерные принадлежности.

К возвращению доктора все приготовления были уже закончены. При виде защищенной от ветров шлюпки ему пришло в голову дать название маленькой бухте, и он предложил окрестить ее именем Альтамонта.

Это не встретило возражений.

Итак, бухта была торжественно названа портом Альтамонта.

По вычислению доктора, порт находился под $87^{\circ}5'$ широты и $118^{\circ}35'$ долготы по Гринвичскому меридиану, следовательно, менее чем в трех градусах от полюса. От бухты Виктории до порта Альтамонта путешественники прошли двести миль.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Свободное море

На другой день с раннего утра Джонсон и Бэлл стали грузить на шлюпку лагерные принадлежности. К восьми часам все было готово к отплытию. Но тут доктор вспомнил о путешественниках, это обстоятельство не переставало его тревожить.

Уж не собирались ли эти люди подняться к полюсу? Есть ли у них судно, чтобы выйти в полярное море? Не придется ли еще раз встретить их на своем пути?

Уже три дня не попадалось их следов. Во всяком случае, незнакомцам едва ли удалось добраться до порта Альтамонта. Повидимому, на этих берегах еще не ступала нога человека.

Эти мысли не выходили у него из головы, и Клоубонни решил в последний раз осмотреть местность, для чего и поднялся на холм высотой около ста футов. Оттуда он мог оглядеть всю южную часть горизонта.

Достигнув вершины холма, доктор поднес к глазам подзорную трубу. Каково же было его удивление, когда он решительно ничего не увидел не только

вдали, на равнине, но даже в нескольких шагах. Это его озадачило: он снова взглянул в трубу и затем осмотрел инструмент... В трубе не оказалось объектива.

— Объектив! — воскликнул доктор.

Легко догадаться, какая мысль осенила Клоубонни. Он громко закричал, чтобы его услышали товарищи, которые не на шутку встревожились при виде ученого, со всех ног сбегавшего с холма.

— Что там еще стряслось? — спросил Джонсон.

Запыхавшийся доктор долго не мог вымолвить ни слова; наконец, он произнес:

— Следы... там... Отряд!..

— Что такое? — взволнованно спросил Гаттерас. — Вы видели путешественников?

— Нет! нет!.. — отвечал доктор. — Объектив... объектив... мой объектив.

И он показал свой инструмент.

— Так, значит, вы его потеряли! — воскликнул Альтамонт.

— Да.

— В таком случае, эти следы...

— Наши собственные, друзья мои! — воскликнул Клоубонни. — Мы заблудились в гумане. Мы кружились по сторонам и, наконец, набрали на собственные следы.

— Ну, а следы башмака? — спросил Гаттерас.

— Это следы Бэлла, который сломал свои лыжи и весь день шел по снегу в башмаках.

— Совершенно верно, — откликнулся Бэлл.

Ошибка была до того очевидна, что все разразилось громким хохотом, за исключением Гаттераса, который, однако, не меньше других был доволен этим открытием.

— Вот так штука! — сказал доктор, когда смолк взрыв веселья. — Каких только предположений мы не строили! Люди на этом берегу. Еще чего не хватало! Надо думать прежде, чем говорить! Но теперь нам нечего опасаться, остается одно — поскорей отплыть.

— В путь! — сказал Гаттерас.

Через четверть часа каждый занял свое место на шлюпке; поставили фок и кливер, и она быстро вышла из порта Альтамонта.

Морское путешествие началось в среду, десятого июля. Мореплаватели находились очень недалеко от полюса, всего в каких-нибудь ста семидесяти пяти милях. Если бы в этой части земного шара был материк, то плавание продолжалось бы очень недолго.

Дул слабый, но попутный ветер. Термометр показывал $+50^{\circ}$ ($+10^{\circ}$ Ц). Настала теплая погода.

Шлюпка ничуть не пострадала от перевозки на санях; она была в полной исправности, и управлять ею было нетрудно. Джонсон сел у руля, а доктор, Бэлл и Альтамонт поудобнее устроились между вещами, часть которых находилась на палубе, а другая под палубой.

Стоявший на носу Гаттерас пристально смотрел в одну точку на север, куда его влекло с непреодолимой силой, точно стрелку к магнитному полюсу. В случае открытия какого-нибудь материка Гаттерас хотел увидеть его первым. Эта честь принадлежала ему по праву.

Он заметил, что на поверхности полярного океана ходят короткие волны, как во внутренних морях. По его мнению, это обстоятельство указывало на близость берегов; доктор разделял мнение Гаттераса.

Нетрудно догадаться, почему Гаттерас так страстно хотел найти сушу у Северного полюса. Какое жестокое разочарование испытал бы капитан, если бы там, где он мечтал увидеть хоть клочок земли, расстилался безбрежный простор океана! И в самом деле, разве можно дать какое-то особое название точке среди вечно меняющейся зыби? Разве можно водрузить национальный флаг среди морских волн? И разве можно именем ее величества королевы вступить во владение частью океана?

Неподвижно устремив взгляд вдаль, с компасом в руке, Гаттерас пожирал глазами север.

Безграничный полярный бассейн простирался до самого горизонта, незаметно сливаясь с безоблачным

небом. Ледяные горы, плывшие по морю, казалось, уступали дорогу отважным мореплавателям.

Эта часть океана носила весьма своеобразный характер. Но, может быть, такое впечатление она производила на путешественников, до крайности взволнованных и возбужденных? Трудно что-нибудь утверждать. Однако в своих ежедневных записях доктор отметил необычный вид океана, подтверждая то же, что в свое время говорил Пенни, по словам которого эти воды «представляют поразительную картину моря, населенного миллионами живых существ».

Водяная пелена нежных лазоревых оттенков была чрезвычайно прозрачна, позволяя взгляду проникать до самого дна. Создавалось впечатление, что полярный бассейн освещался снизу, подобно колоссальному аквариуму; по всей вероятности, здесь играли роль какие-то электрические процессы, происходившие в глубине моря. Шлюпка, казалось, повисла над бездонной пучиной.

Над поверхностью этих изумительных вод носились бесчисленные стаи птиц, похожие на темные грозовые тучи. Здесь были перелетные береговые и водоплавающие птицы, представители великого семейства водяных птиц, начиная с альбатросов, обитателей южных стран, и кончая пингвинами арктических морей, — но все они были гигантских размеров. Над морем стоял несмолкаемый оглушительный гомон. Глядя на них, доктор должен был признать себя невеждой в орнитологии; он не знал названий многих диковинных птиц, и ему то и дело приходилось наклонять голову, когда они стремительно пронеслись над ним, со свистом рассекая крыльями воздух.

У некоторых из этих воздушных чудовищ размах крыльев достигал двадцати футов; проносясь над шлюпкой, птицы совершенно закрывали ее. Здесь были целые легионы пернатых, названия которых еще не были занесены на страницы лондонского орнитологического указателя.

Ошеломленный, растерявшийся доктор при всей своей учености окончательно стал в тупик.

Когда взгляд его, отрываясь от созерцания чудес воздушного простора, скользил по спокойной поверхности океана, он встречал чудеса морского мира, между прочим медуз чуть не тридцати футов шириной. Они служили основной пищей обитателям воздуха и плавали, как настоящие островки среди гигантских водорослей. Как это было поразительно! Какая разница между этими медузами и теми, микроскопическими, которые наблюдал Скорсби в гренландских морях! По подсчетам этого мореплавателя, на двух квадратных милях морской поверхности число таких медуз достигает двадцати трех триллионов восьмисот восьмидесяти восьми миллиардов.

Но когда взгляд проникал за пределы водной пелены, перед ним открывалась не менее чудесная картина: вокруг лодки кишели мириады рыб всевозможных пород. Они то быстро погружались в глубину, постепенно уменьшаясь в размерах, и, наконец, совсем исчезали, как волшебные тени, то покидали пучины океана и, мало-помалу увеличиваясь, поднимались на поверхность. Морские чудовища, повидимому, ничуть не пугались шлюпки и не раз мимоходом задевали ее своими огромными плавниками. Профессиональные китобои не без оснований пришли бы в ужас, но наши путешественники даже не подозревали грозившей им опасности, хотя иные из этих обитателей моря достигали грандиозных размеров.

Молодые морские коровы безмятежно резвились, играя в волнах; похожий на сказочного единорога, нарвал, вооруженный длинным, заостренным клыком, которым он разламывает лед, преследовал мелких китообразных; бесчисленное множество китов с характерным свистом выбрасывали фонтаны воды и слизи; гренландский кит, с сильно развитым хвостом и широкими хвостовыми плавниками, на ходу пожирал не менее проворных, чем он, треску и макрель, между тем как ленивая белуха спокойно поглощала таких же медлительных и беспечных моллюсков.

Еще глубже остроносые киты-полосатики, длинные черные гренландские анарнаки, гигантские кашалоты, распространенные во всех морях, плавали среди

скопищ серой амбры. В глубине иногда происходили чудовищные бои, от которых океан обгагрался кровью на несколько миль. Цилиндрические «галеры», огромный лабрадорский тегузик, дельфины со спинным плавником в виде сабельного клинка, все семейство моржей и тюленей, морские собаки, морские коньки, морские медведи, львы и слоны, казалось, паслись на влажных пастбищах океана, и изумленный доктор так же легко наблюдал эти несметные стада морских тварей, как если бы смотрел на ракообразных и рыб сквозь зеркальные стекла бассейна в зоологическом саду.

Какая красота, какое разнообразие, какая неистощимая производительность природы! Как удивительно было видеть все это так близко от полюса!

Атмосфера становилась неестественно прозрачной и, казалось, была перенасыщена кислородом. Мореплаватели с наслаждением вдыхали животительный воздух.

В организме их происходило усиленное сгорание, которое трудно даже себе представить. Все процессы, начиная с психических и кончая пищеварением и дыханием, совершались с какой-то нечеловеческой быстротой и интенсивностью. Зародившиеся в мозгу идеи принимали грандиозный масштаб; за один час мореплаватели переживали то, что им бы не пережить за целый день.

Среди всех этих чудес шлюпка спокойно плыла под умеренным ветром, который по временам громадные альбатросы усиливали взмахами своих крыльев.

К вечеру потеряли из виду берега Новой Америки. В умеренном и экваториальном поясах уже настала ночь, но здесь солнце, все расширявшее свои круги, описывало на небосклоне круг, параллельный горизонту океана. Шлюпка, освещаемая косыми лучами, все время оставалась в полосе света, перемещавшейся вместе с ней.

Однако живые существа гиперборейских стран почували приближение вечера, как если бы дневное светило уже скрылось за горизонтом. Птицы, рыбы и киты исчезли. Куда же они скрылись? В какие бездны

неба и океана? Кто бы мог сказать? Их крики и свист, мелькание морских чудовищ, бороздивших волны, сменилось безмолвием и неподвижностью; волны замерли в едва заметной зыби, ночь вступила в свои права, несмотря на яркие лучи солнца.

С момента отплытия из порта Альтамонта шлюпка на один градус продвинулась к северу. На следующий день попрежнему ничего не появлялось на горизонте, не было заметно ни высоких гор, ни тех характерных признаков, по которым моряки угадывают близость островов или материков.

Ветер держался попутный, хотя и не сильный; море волновалось слабо; снова вернулась вчерашняя бесчисленная свита птиц и рыб. Наклонившись над водой, доктор наблюдал, как киты выплывали из своих глубинных убежищ и мало-помалу поднимались на поверхность моря. Лишь отдельные айсберги и разбросанные там и сям льдины нарушали томительное однообразие океана.

Но в общем льдины попадались здесь редко и не могли задержать движение судна. Необходимо отметить, что хотя шлюпка находилась в это время на десять градусов севернее полюса холода, это было все равно, как если бы она находилась на десять градусов южнее этого полюса — изотермический пояс был тот же самый. Поэтому не удивительно, что в это время года море здесь было так же свободно от льдов, как и на траверсе залива Диско в Баффиновом заливе. Таким образом, здесь в течение лета судно может беспрепятственно совершать свое плавание.

Это обстоятельство имеет важное практическое значение. Действительно, если бы возможно было проникнуть через североазиатские или американские моря в полярный бассейн, то китобои могли бы быстро наполнить свой трюм добычей, так как эта часть океана, как видно, является всемирным рыбным садком, главным питомником китов, тюленей и всевозможных морских животных.

В полдень море на горизонте попрежнему сливалось с небосклоном, и доктор уже начал сомневаться в существовании материка под этой широтой.

Но после некоторого размышления Клоубонни пришел к выводу, что в этих местах непременно должна находиться суша. И в самом деле, на заре мироздания, после охлаждения земной коры, воды, образовавшиеся вследствие сгущения атмосферных паров, повинувшись центробежной силе, должны были отхлынуть в экваториальную область, покинув неподвижные точки земного шара. Отсюда появление материков, прилегающих к полюсу. Доктор находил это соображение весьма убедительным.

Так же думал и Гаттерас.

Капитан старался проникнуть взглядом сквозь пелену туманов, заволакивавших горизонт. Он не отнимал от глаз подзорной трубы. В окраске воды, в форме волн, в направлении ветра искал он признаков близкого материка. Он вытянул шею, и вся его фигура выражала такую энергию, такое непреклонное стремление вперед, что даже человек, не знавший замыслов Гаттераса, невольно бы им залюбовался.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Приближение к полюсу

Часы шли за часами, не принося ничего нового. Кругом все та же водяная пустыня. Ничего, кроме моря да неба. На поверхности моря не встречалось прибрежных трав, при виде которых затрепетало сердце Христофора Колумба, плывшего навстречу неведомому матерiku.

Гаттерас все смотрел вдаль.

Наконец, к шести часам вечера над уровнем моря появились какие-то пары неопределенных очертаний, напоминавшие клубы дыма. Небо было совершенно ясное; следовательно, это не могли быть облака; пары то рассеивались, то снова появлялись и были в непрерывном движении.

Гаттерас первый заметил это странное явление, этот необъяснимый дым, ноймав его в окуляр зри-

тельной трубы. Добрый час он внимательно наблюдал.

Вдруг капитан, видимо, что-то обнаружив, протянул руку к горизонту и звонко крикнул:

— Земля! Земля!

При этих словах все вскочили с мест, словно пронизанные электрическим током.

Над поверхностью океана был явственно виден клубившийся дым.

— Вижу! Вижу! — воскликнул доктор.

— Да, да! Несомненно! — подтвердил Джонсон.

— Это облако, — скептически заметил Альтамонт.

— Земля! Земля! — с непоколебимой уверенностью повторял Гаттерас.

Путешественники стали всматриваться, удвоив внимание. Но, как это часто бывает, когда наблюдаешь какой-нибудь отдаленный, неясно видимый предмет, дым неожиданно исчез. Потом он снова появился, и Клоубонни заметил в двадцати или в двадцати пяти милях к северу как бы мимолетный отблеск огня.

— Это вулкан! — воскликнул он.

— Вулкан? — удивился Альтамонт.

— Без всякого сомнения!

— Под такой высокой широтой?

— Почему бы и нет? — возразил доктор. — Разве Исландия не вулканического происхождения? Она, можно сказать, вся состоит из вулканов.

— Пускай себе Исландия... Но так близко от полюса! — заметил Альтамонт.

— Разве наш знаменитый соотечественник капитан-командор Джемс Росс не открыл на антарктическом материке две огнедышащих горы, под семидесятым градусом западной долготы и семьдесят восьмым градусом северной широты, два действующих вулкана Эребус и Террор? Спрашивается, почему подобные же вулканы не могут существовать и у Северного полюса?

— Что ж, это вполне возможно, — согласился Альтамонт.

— Я совершенно ясно различаю его! — воскликнул Клоубонни. — Это вулкан!

— Так возьмем курс прямо на него! — заявил Гаттерас.

— Какая досада, что ветер затихает! — заметил Джонсон.

— Фока-шкот стянуть! Держи круче к ветру.

Но в результате этого маневра шлюпка стала удаляться от наблюдаемой точки, которая вскоре скрылась из виду.

Однако нельзя было сомневаться в близости материка. Если цель путешествия и не была достигнута, то, во всяком случае, она усмотрена, и не пройдет и двадцати четырех часов, как нога человека будет попирать неведомую почву. Провидение, позволившее отважным мореходам приблизиться к новой земле, не воспрепятствует им высадиться на ее берега.

Однако, как ни странно, никто не высказывал особенной радости при этом замечательном открытии. Все ушли в себя; каждый размышлял о том, какова природа новооткрытой полярной земли. Казалось, все живое избегало ее. Вечером птицы, вместо того чтобы искать убежища на материке, стремглав неслись к югу. Неужели эта страна так негостеприимна, что даже чайка или белая куропатка не может приютиться на ней? Даже рыбы и крупные киты поспешно удалялись от ее берегов. Как объяснить страх, который испытывали все живые существа в этой части земного шара?

Мореплаватели поддались этому всеобщему чувству; но постепенно они успокоились, и у них стали слипаться глаза.

Пришла очередь дежурить Гаттерасу. Он сел у руля. Альтамонт, доктор, Джонсон и Бэлл, лежа на банках, скоро уснули, погрузившись в мир сновидений.

Гаттерас старался преодолеть сон, не желая терять драгоценного времени; но мерное покачивание шлюпки убаюкивало и его, и он неприметно задремал.

Шлюпка еле двигалась. Парус бессильно свисал вдоль мачты. Вдалеке на западе несколько неподвижных льдин отражали солнечные лучи, яркими пятнами выделяясь на поверхности океана.

Сон Гаттераса был тревожен. Перед ним промелькнула вся его жизнь. Как это бывает в сновидениях, его мысль неслась с быстротой, которой не удалось измерить еще ни одному ученому. Все недавно пережитое предстало пред ним с полной реальностью: он видел события во время зимовки, бухту Виктории, Дом доктора, форт Провидения и найденного под снегом Альтамонта.

Затем перед ним всплыло более отдаленное прошлое, и ему стали грезиться его судно, сожженный «Форвард», и вероломно покинувшие его товарищи. Что случилось с ними? Гаттерас вспомнил Шандона, Уолла, грубияна Пэна. Где они? Добрались ли они по льдам до Баффинова залива?

Ему представились и еще более отдаленные события: он увидел свой отъезд из Англии, свои прежние путешествия, неудачные попытки, пережитые бедствия. И он забыл о своем теперешнем положении, о предстоящем близком торжестве и о своих надеждах, которые уже начинали сбываться. Таким образом, от радостей настоящего Гаттерас мысленно переинесся к тревогам прошлого.

Кошмар продолжался два часа; затем мысль Гаттераса понеслась в другом направлении, и он увидел себя на полюсе: он попирал ногами вновь открытую землю и торжественно распускал знамя Соединенного королевства.

Гаттерас дремал, а тем временем огромная темно-оливковая туча поднималась на небосклон, омрачая море.

Трудно себе представить, как молниеносно налетают в арктических странах ураганы. Пары, образовавшиеся в экваториальных странах, сгущаясь над громадными ледниками Севера, увлекают за собой воздушные массы, которые устремляются в разреженное пространство со страшной быстротой. Этим и объясняется ярость полярных бурь.

При первом же порыве ветра капитан и его товарищи проснулись и стали готовиться к борьбе со штормом.

Море вздымалось высокими крутыми балами; шлюпка то ныряла в глубокую пропасть, то качалась на остром гребне волны, наклоняясь под углом более сорока пяти градусов.

Гаттерас твердой рукой держал румпель, который приходилось то и дело поворачивать. Джонсон и Бэлл все время откачивали за борт воду, которую шлюпка черпала, ныряя в волнах.

— По правде сказать, я не ожидал такой бури, — сказал Альтамонт, придерживаясь руками за банку.

— Здесь можно всего ожидать, — ответил доктор.

Слова его потонули в свисте ветра и шуме моря, ураган рвал волны на клочки и разметывал водяную пыль. Почти невозможно было расслышать друг друга.

Трудно было держать курс на север; густой туман не давал ничего разглядеть дальше нескольких туазов; не было видно ни одной точки, по которой можно было бы ориентироваться.

Эта буря, внезапно налетевшая в тот момент, когда цель была так близка, казалась роковым предзнаменованием; возбужденному воображению путешественников она представлялась как бы запретом идти дальше. Не сама ли природа возбраняла доступ к полюсу? Неужели эта точка земного шара окружена поясом ураганов и бурь, не позволяющим приблизиться к ней?

Но достаточно было бы взглянуть на энергичные лица мореплавателей, чтобы убедиться, что они не отступят перед ветром и волнами и дойдут до конца своего пути.

Целый день боролись они с бурей, ежеминутно глядя в глаза смерти; они не продвигались к северу, но зато и не отступали назад. Их мочило теплым дождем, обдавало всплесками волн, шторм швырял им в лицо брызги и пену. Свисту ветра порой вторили зловещие крики птиц.

Но в самый разгар бури, к шести часам вечера, внезапно наступило затишье. Ветер улегся как бы чудом. Поверхность моря сделалась спокойной и глад-

кой, точно она не волновалась целых двенадцать часов. Казалось, шторм обошел эту часть полярного океана.

Что же произошло? Необычайный, поразительный феномен, очевидцем которого был капитан Сабин во время своего плаванья в гренландских морях.

Туман не рассеялся, но стал издавать странное мерцание.

Шлюпка двигалась в полосе электрического света, в ореоле ослепительно ярких холодных огней святого Эльма. Черные силуэты мачты, парусов и снастей резко выделялись на лучезарном фоне неба. Путешественники погрузились в волны ярких лучей, лица их окрасились огненными отсветами.

Внезапное затишье в этой части океана, без сомнения, объяснялось быстрым перемещением воздушных масс: столбы воздуха поднимались кверху, и на смену им устремлялись новые воздушные токи, циклон быстро вращался вокруг неподвижного центра.

Огненная атмосфера навела Гаттераса на мысль.

— Это вулкан! — вскричал он.

— Полно, может ли это быть? — спросил Бэлл.

— Нет, нет! — ответил доктор. — Мы наверняка погибли бы, если бы его пламя достигло до нас.

— Быть может, это отблеск вулкана в тумане, — высказал предположение Альтамонт.

— Опять не то! Если бы мы приблизились к берегу, то, конечно, слышали бы грохот извержения.

— Следовательно?.. — спросил капитан.

— Это — космическое явление, феномен, до сих пор еще мало исследованный, — ответил Клоубонни. — Если мы будем двигаться вперед, то вскоре выйдем из светлой зоны и снова встретим бурю и мрак.

— Что бы там ни было — вперед! — воскликнул Гаттерас.

— Вперед! — подхватили его товарищи, которым даже в голёву не пришлось отдохнуть в спокойном бассейне.

Парус повис вдоль сверкающей мачты, и складки его отливали огнем. Весла плавно погружались в пла-

менеющие волны и поднимались, взбивая фонтаны искрящихся брызг.

Гаттерас, взглянув на компас, снова взял курс на север. Мало-помалу туман как бы померк и утратил свою прозрачность. Где-то близко, в нескольких туазах от шлюпки, послышался рев ветра; шлюпка круто накренилась под сильным шквалом и вступила в область бури.

К счастью, ураган несколько отклонился к югу, и попутный ветер помчал шлюпку прямо к полюсу; ежеминутно рискуя опрокинуться, она неслась с ошеломляющей быстротой. Встретясь ей подводный камень, скала или льдина, — шлюпка разбилась бы в щепки.

Однако никого не пугал этот бешеный бег, никто даже не думал об опасности. Всеми овладело настоящее безумие, жажда неизвестного. В каком-то ослеплении, они стремились вперед, и нетерпение их было так велико, что им хотелось еще подогнать шлюпку. Гаттерас держал руль неуклонно в одном направлении, и шлюпка отважно рассекала пенившиеся и клочкотавшие под ветром волны.

Но близость берегов начинала уже сказываться; повеяло чем-то необычным. Внезапно туман разошелся, как занавес, разорванный ветром, и на краткое мгновение на горизонте показался огромный, поднимавшийся к небу столб пламени.

— Вулкан! Вулкан!..

Слово это одновременно вырвалось из всех уст. Но фантастическое видение исчезло, и ветер, перейдя на юго-восток, снова заставил шлюпку удалиться от негостеприимного берега.

— Проклятие! — вскричал Гаттерас. — Мы находимся всего в трех милях от берега!

Не в силах противостать урагану, Гаттерас лавировал пролив ветра, который налетал бешеными порывами. По временам шлюпка сильно накренилась, рискуя опрокинуться. Но всякий раз, повинуясь рулю, она неизменно выпрямлялась, подобно загнанному коню, у которого подкашиваются ноги, но которого всадник взбадривает, натянув узду и вонзая шпоры.

Гаттерас стоял на корме, его волосы развевались по ветру, твердой рукой он сжимал румпель; казалось, он был душою этого судна и слился с ним в единое целое, как лошадь и человек во времена кентавров.

Вдруг глазам его предстало ужасное зрелище.

Не более чем в десяти туазах на пенистом гребне волны покачивалась огромная льдина; она опускалась и поднималась вместе со шлюпкой и грозила на нее обрушиться; если бы она задела шлюпку, та сразу пошла бы ко дну.

К этой опасности присоединилась и другая, не менее грозная: на льдине, носившейся по воле волн, приютились белые медведи, которые обезумели от страха и жались друг к другу.

— Медведи, медведи! — сдавленным голосом воскликнул Бэлл.

Тут и остальные заметили зверей.

Льдина угрожающе раскачивалась и по временам резко наклонялась, так что медведи валились друг на друга. Их рев сливался с грохотом бури; от этого адского концерта бросало в дрожь. Стоило ледяному кораблю опрокинуться, и медведи бросились бы к шлюпке, ища на ней спасения.

Целую четверть часа, которая всем показалась вечностью, шлюпка и пловучий зверинец плыли вместе, то удаляясь друг от друга туазов на двадцать, то чуть не сталкиваясь.

Иной раз льдина нависала над шлюпкой, и медведи вполне могли бы на нее прыгнуть. Гренландские собаки дрожали от страха; Дэк замер на месте.

Гаттерас и его товарищи молчали; им даже не приходило в голову взять в сторону, чтобы избежать опасного соседства, и они упорно держались того же направления.

Какое-то неизъяснимое чувство, скорее удивление, чем страх, овладело ими. Они испытывали невольный восторг; грозное зрелище как бы дополняло величавую картину борьбы стихий.

Наконец, льдина стала мало-помалу удаляться, гонимая ветром, с которым шлюпка боролась при

помощи парусов; вскоре она исчезла среди туманов, лишь по временам ее чудовищный экипаж заявлял о себе отдаленным рычанием.

Но тут ураган налетел с удвоенной яростью. Кругом все слилось в неопишемом ревушем хаосе. Выхваченная из воды шлюпка вдруг завертелась с головокружительной быстротой. Парус сорвало, и он унесся во мглу, точно громадная белая птица. Среди волн образовалась гигантская воронка — своего рода Мальстрим; подхваченная водоворотом, шлюпка неслась с такой скоростью, что водяные слои казались кругом неподвижными, хотя бешено вращались. Мало-помалу она погружалась в пучину. Казалось, бездна всасывала мореплавателей жадной пастью, стремясь проглотить их живьем.

Все пятеро вскочили на ноги и дико озирались по сторонам. Голова кружилась. Бездна смутно притягивала их...

Вдруг шлюпка вздыбилась, как бы выпрыгнув из ужасной воронки. Центробежная сила вырвала ее из бешеного водоворота, и она помчалась по касательной с быстротой снаряда.

Альтамонт, доктор, Джонсон и Бэлл свалились с банок. Поднявшись, они увидели, что Гаттераса нет в шлюпке.

Было два часа ночи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Знамя Англии

Когда мореплаватели пришли в себя, из груди у них вырвался вопль.

— Гаттерас! — вскричал доктор.

— Пропал! — в один голос воскликнули Джонсон и Бэлл.

— Погиб!

Они огляделись по сторонам. На поверхности бурного моря ничего не было видно. Дэк отчаянно лаял,

он хотел броситься в море, и Бэллу с трудом удалось его удержать.

— Садитесь за руль, Альтамонт, — сказал доктор. — Чего бы ни стоило, будем спасать нашего несчастного капитана.

Джонсон и Бэлл заняли свои места на банках, Альтамонт взялся за румпель, и шлюпка снова стала к ветру.

Джонсон и Бэлл изо всех сил налегали на весла; целый час шлюпка не покидала места катастрофы. Но все поиски оказались напрасными. Несчастный Гаттерас погиб, — он был унесен ураганом.

Погиб! И так близко к цели! Так близко от полюса, на который ему удалось только мельком взглянуть!

Клоубонни звал, кричал, стрелял из ружья; Дэк присоединил свой жалобный лай к зову доктора, но ответа не было. Глубокая скорбь овладела доктором, он уронил голову на руки, и товарищи услышали, как он рыдает.

До берега было далеко, и, не имея под руками ни весла, ни куска дерева, Гаттерас не мог живым добраться до суши, только его распухший, изуродованный труп достигнет желанного материка.

Убедившись, что поиски напрасны, мореплаватели решили продолжать путь на север, борясь с последними порывами бури.

Одиннадцатого июля в пять часов утра ветер улегся; волнение мало-помалу стихло, небо вновь обрело полярную ясность, и на расстоянии каких-нибудь трех миль берег предстал во всем своем величии.

Это был остров, или, вернее, вулкан, возвышавшийся, подобно маяку, на Северном полюсе мира.

Огнедышащая гора извергала фонтаном камни и накаленные добела обломки скал; казалось, она ритмически сотрясалась, и это напоминало дыхание гиганта. Выброшенные массы шлаков взлетали высоко на воздух в снопе яркого пламени; лава потоками стекала по склонам горы. Огненные змеи извивались среди дымящихся скал; горячие водопады падали в багровом тумане; сотни огненных ручьев сливались

в пылающую реку, которая с шипением изливалась в кипящую пучину.

Казалось, вулкан имел только один кратер, откуда вырывался столб огня, прорезанный зигзагами молний. Электричество, повидимому, играло немалую роль в этом величественном явлении.

Над волновавшимся пламенем колыхался гигантский султан дыма, багровый у основания, черный вверху; он величаво вздымался к небу, и клубы далеко расплывались черными завитками.

Небо над вулканом было пепельного оттенка; теперь стало ясно, что мгла, царившая во время бури и казавшаяся доктору необъяснимой, была вызвана клубами пепла, застилавшего солнце непроницаемой завесой. Явление это напомнило Клоубонни аналогичный феномен, имевший место в 1812 году на острове Барбадосе, который среди белого дня погрузился в глубокий мрак, — столько пепла было выброшено вулканом острова святого Викентия.

Огромная огнедышащая гора, вставшая перед путешественниками посреди океана, была высотой в тысячу туазов, то есть не меньше Геклы.

Линия, проведенная от вершины горы к ее основанию, составляла с горизонтом угол около одиннадцати градусов.

По мере приближения к берегу гора как бы выплывала из волн. На ней не было заметно ни малейших признаков растительности. Казалось, даже и побережья не было; крутые склоны обрывались в море.

— Удастся ли нам пристать? — спросил доктор.

— Ветром нас несет прямо к острову, — ответил Альтамонт.

— Но берег такой крутой, что решительно негде высадиться!

— Так только, издали кажется, — заметил Джонсон. — Во всяком случае, место для шлюпки найдется. А это все, что нам нужно.

— Попробуем, — печально промолвил доктор.

Клоубонни даже не хотелось смотреть на необычайный остров, поднимавшийся перед ним. Полюс нахо-

дился именно здесь, но человека, открывшего эту землю, уже не было в живых.

В пятистах шагах от прибрежных скал море словно кипело под действием подземного огня. Остров, который оно омывало, имел в окружности не больше девяти или десяти миль; если земная ось и не проходила через него, то все же он должен был находиться у самого полюса.

Приближаясь к берегу, мореплаватели заметили крохотную бухточку, где шлюпка вполне могла бы приютиться. Они тотчас же направились туда, хотя и боялись увидеть тело капитана, выброшенное бурей на скалы.

Однако было мало шансов, что труп будет выброшен на берег. Ведь у острова почти не было побережья, и морские волны дробились об отвесные утесы. Толстый слой пепла, на который от века не ступала нога человека, покрывал скалы выше уровня, до которого достигали волны прибоя.

Наконец, шлюпка проскользнула в узкий проход между двумя рифами, чуть выступавшими над водой, и вошла в бухту; там она была вполне защищена от прибоя.

Жалобный вой Дэка усилился; несчастный пес как бы призывал капитана, требовал его у безжалостного моря, у безответных скал. Доктор гладил его, пытаясь успокоить, как вдруг верный пес, как бы желая заменить своего хозяина, сделал огромный прыжок и первым очутился на скале; вокруг него поднялось целое облако пепла.

— Дэк! Дэк! сюда! — кричал Клоубонни.

Но Дэк не слышал зова и быстро скрылся из виду. Мореплаватели стали высаживаться; очутившись на берегу, они надежно закрепили шлюпку.

Альтамонт хотел было подняться на огромную грудку камней, как вдруг невдалеке раздался необычайно энергичный лай Дэка, выражавший скорее горе, чем гнев.

— Слушайте! — сказал доктор.

— Наверно, напал на след какого-нибудь животного, — заметил боцман.

— О нет! — содрогнувшись, ответил Клоубонни. — Это жалобный вой, — в нем слышатся слезы. Он нашел тело Гаттераса...

При этих словах все четверо бросились бежать сквозь вихрь ослеплявшего их пепла по следам Дэка; они спустились к небольшой бухте, где на полоске низкого берега шириною футов в десять неприметно замирали волны прибоя.

Дэк лаял, стоя возле трупа, закутанного в английский флаг.

— Гаттерас! Гаттерас! — вскричал доктор, бросаясь к телу своего друга.

Вдруг Клоубонни испустил громкий крик.

Окровавленное, повидимому, безжизненное тело вздрогнуло под его рукой.

— Он жив! жив! — вскричал доктор.

— Да, — отозвался слабый голос. — Я жив и нахожусь у полюса, куда меня выбросила буря! На острове Королевы!

— Ура! Да здравствует Англия! — крикнули все пятеро в один голос.

— Да здравствует Америка! — добавил доктор, протягивая одну руку Гаттерасу, а другую Альтамонту.

Дэк тоже кричал «ура» на свой манер, но ничуть не хуже остальных.

В первые минуты эти славные люди не помнили себя от счастья, найдя живым товарища, которого уже оплакивали; радостные слезы застилали им глаза.

Доктор осмотрел Гаттераса. К счастью, капитан не получил серьезных ушибов. Его отнесло ветром к острову, но достигнуть берега было крайне трудно; несколько раз отважного моряка уносило волнами в море, наконец ему удалось, собрав остаток сил, вернуться на сушу.

Завернувшись в национальный флаг, он потерял сознание и пришел в себя только от ласк и лая Дэка.

Когда ему была оказана первая помощь, Гаттерас смог подняться на ноги; опираясь на руку доктора, он направился к шлюпке.

— Полюс! Северный полюс! — повторял он дорогой.

— Как вы счастливы, Гаттерас! — говорил Клоубонни.

— Да, счастлив! А разве вы сами, друг мой, не счастливы? Разве не радуетесь, что мы находимся здесь? Ведь земля, на которой мы стоим, лежит у полюса! Пройденное нами море примыкает к полюсу! Воздух, которым мы дышим, — атмосфера полюса! О, Северный полюс, Северный полюс!

Гаттерас говорил, задыхаясь от волнения; он был словно в горячке, доктор тщетно старался его успокоить. Глаза капитана горели необычным огнем; мысли так и кипели у него в голове. Доктор приписывал это чрезмерное возбуждение страшным опасностям, перенесенным Гаттерасом.

Капитан явно нуждался в отдыхе; поэтому его товарищи стали подыскивать удобное для привала место.

Альтамонт вскоре нашел среди хаотического нагромождения глыб небольшую впадину, своего рода пещеру. Джонсон и Бэлл принесли туда продукты и спустили на берег гренландских собак.

К одиннадцати часам все было уже готово. Разостланная на земле палатка служила скатертью; завтрак, состоявший из пеммикана, солонины, кофе и чая, был сервирован и требовал только одного, — чтобы его съели.

Но прежде всего Гаттерас захотел определить географическое положение острова.

Доктор и Альтамонт взяли инструменты и, производя наблюдения, установили, что пещера находится под $89^{\circ}59'15''$ северной широты. Под этой широтой долгота уже не имела значения, так как все меридианы пересекались в точке, находившейся на несколько сот футов выше.

Итак, остров действительно лежал у Северного полюса, и девяностый градус северной широты, отстоявший от их пещеры всего на сорок пять секунд, или на три четверти мили, проходил через вершину вулкана.

Узнав результаты наблюдения, Гаттерас потребовал, чтобы они были занесены в протокол; он будет написан в двух экземплярах, один из которых оставят в возведенном на берегу туре.

Доктор вооружился пером и составил следующий документ, один экземпляр которого в настоящее время хранится в архиве Королевского географического общества в Лондоне.

«11 сего июля 1861 года капитан Гаттерас, командир судна «Форвард» из Ливерпуля, открыл остров Королевы у Северного полюса, под $89^{\circ}59'15''$ северной широты. Настоящий документ подписан капитаном Гаттерасом и его товарищами.

Нашедшего этот документ просят доставить его в адмиралтейство.

Подписали: Джон Гаттерас — командир судна «Форвард», доктор Клоубонни, Альтамонт — капитан судна «Порпойз», Джонсон — боцман, Бэлл — плотник».

— А теперь, друзья мои, — за стол! — весело провозгласил доктор.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Курс полярной космографии

Нечего и говорить, что, для того чтобы сесть за стол, надо было опуститься на землю.

— Кто не отдал бы, — сказал доктор, — все обеды и все столовые в мире за обед под восемьюдесятью девятью градусами, пятьюдесятью девятью минутами и пятнадцатью секундами северной широты!

Путешественники только и думали, что о своем настоящем положении; у них не выходил из головы Северный полюс. Опасности, перенесенные для его достижения, невзгоды, с которыми придется бороться на обратном пути, — все было забыто в упоении неслыханным успехом. Осуществилось то, чего не могли совершить ни древние, ни новейшие народы, ни европейцы, ни американцы, ни азиаты!

Поэтому товарищи доктора внимательно слушали его, когда он стал делиться с ними своими познаниями, сообщая им сведения о Северном полюсе.

Клоубонни с искренним восторгом предложил первый тост в честь капитана.

— За здоровье Джона Гаттераса! — воскликнул он.

— За здоровье Джона Гаттераса! — хором повторили товарищи.

— За Северный полюс! — ответил капитан с необычайным возбуждением, которое так не вязалось с его обычной холодностью и сдержанностью.

Чокнулись кружками, и за тостами последовали горячие рукопожатия.

— Итак, — заявил доктор, — совершилось самое замечательное открытие нашей эпохи! Кто бы мог подумать, что Северный полюс будет исследован раньше некоторых областей Центральной Африки или Австралии? Гаттерас, вы стали выше всех Стенли, Ливингстонов, Бёртонов и Бартов! Честь вам и слава!

— Вы правы, доктор, — сказал Альтамонт. — Принимая во внимание все трудности такого предприятия, можно было думать, что Северный полюс будет открыт в последнюю очередь. Если бы какое-нибудь правительство захотело во что бы то ни стало исследовать Центральную Африку, — это ему несомненно бы удалось при известных жертвах деньгами и людьми. Но когда направляешься к Северному полюсу, разве можно быть уверенным в успехе? Ведь всегда можно ожидать непреодолимых препятствий.

— Какие там непреодолимые препятствия! — горячо воскликнул Гаттерас. — Непреодолимых препятствий не существует. Человеческая воля одолеет все на свете!

— Как бы там ни было, мы находимся у полюса, а это главное, — заявил Джонсон. — Скажете ли вы, наконец, доктор, что особенного представляет Северный полюс?

— Прежде всего то, дорогой Джонсон, что только эта точка земного шара остается неподвижной, между тем как все другие вращаются с большей или меньшей скоростью.

— Однако я не замечаю, — ответил Джонсон, — чтобы мы были здесь более неподвижными, чем в Ливерпуле.

— Как в Ливерпуле, так и здесь вы не замечаете движения Земли, потому что движетесь или остаетесь в покое вместе с ней. Но все же факт не подлежит сомнению. Земля совершает в двадцать четыре часа полный оборот вокруг своей оси, концы которой проходят через Северный и Южный полюсы. Таким образом, мы находимся на одном конце этой неподвижной оси.

— Значит, в то время как наши земляки быстро вращаются, мы спокойно остаемся на месте? — спросил Бэлл.

— Почти на месте, потому что мы не находимся на самом полюсе.

— Вы правы, доктор, — покачав головой, серьезно проговорил Гаттерас. — До полюса остается еще сорок пять секунд!

— Это такая малость, — сказал Альтамонт, — что мы можем считать себя в состоянии неподвижности.

— Да, — сказал Клоубонни, — а между тем обитатели любой точки экватора делают триста девяносто шесть миль в час.

— И при этом ничуть не устают! — в удивлении воскликнул Бэлл.

— Совершенно верно, — ответил доктор.

— Однако, — продолжал Джонсон, — Земля вращается не только вокруг своей оси, но и вокруг Солнца?

— Да, за год Земля, двигаясь поступательно, совершает оборот вокруг Солнца.

— А что, это движение Земли быстрее, чем вращение вокруг оси? — спросил Бэлл.

— Неизмеримо быстрее! Хотя мы и находимся у полюса, поступательное движение увлекает нас, как и всех остальных обитателей Земли. Таким образом, наша предполагаемая неподвижность не более как химера. Мы неподвижны относительно других точек земного шара, но не относительно Солнца.

— А я-то думал, что нахожусь в полной неподвижности! — с комической досадой воскликнул Бэлл. — Попал пальцем в небо. Положительно, в этом мире нигде не найдешь ни минуты покоя.

— Твоя правда, Бэлл, — сказал Джонсон. — Не скажете ли, доктор, какова скорость этого поступательного движения?

— Она очень велика, — ответил доктор. — Земля движется вокруг Солнца в семьдесят шесть раз быстрее двадцатичетырехфунтового ядра, которое пролетает сто девяносто пять туазов в секунду. Следовательно, она движется со скоростью семи и шести десятых лье в секунду. Как видите, это куда быстрее, чем вращение любой точки экватора.

— Черт возьми! — воскликнул Бэлл. — Прямо не верится, доктор! Больше семи лье в секунду! Неужели господь бог не мог сделать так, чтобы мы остались неподвижными!

— Будет вам, Бэлл! — сказал Альтамонт. — Вы сами не знаете, что говорите. Ведь в таком случае не было бы ни дня, ни ночи, ни лета, ни весны, ни осени, ни зимы.

— Не говоря уже о других еще более ужасных последствиях, — добавил Клоубонни.

— Каких же именно? — спросил Джонсон.

— Да мы упали бы на Солнце.

— На Солнце? — переспросил в изумлении Бэлл.

— Без сомнения. Если бы Земля вдруг остановилась, она упала бы на Солнце, правда через шестьдесят четыре с половиной дня.

— Вот так падение, которое длится шестьдесят четыре дня! — воскликнул Джонсон.

— Ни больше ни меньше, — ответил доктор. — Земле пришлось бы пройти расстояние в тридцать восемь миллионов лье.

— А каков вес земного шара? — спросил Альтамонт.

— Пять тысяч восемьсот семьдесят один триллион тонн.

— Ну, такие числа ничего мне не говорят. Их никак не возьмешь в толк, — сказал Джонсон.

— Поэтому, дорогой Джонсон, я предложу вам два примера, которые скорее запечатлеются у вас в памяти. Итак, запомните: для того чтобы уравновесить Землю, пришлось бы взять семьдесят пять лун, а чтобы

уравновесить Солнце, потребовалось бы триста пятьдесят тысяч земных шаров.

— Подавляющие цифры! — воскликнул Альтамонт.

— Вот именно подавляющие, — согласился Клоубонни. — Но вернемся к полюсу; мне кажется, лекция на эту тему уместнее всего в этой точке земного шара. Но, может быть, я вам наскучил?

— Продолжайте, доктор, продолжайте, — сказал Альтамонт.

— Я сказал вам, — начал доктор, который с такой же охотой поучал других, с какой они его слушали, — я сказал вам, что полюс неподвижен относительно других точек земного шара. Но это не совсем так.

— Как! — воскликнул Бэлл. — Вы отказываетесь от своих слов?

— Дело в том, Бэлл, что полюс не всегда занимал то место, где он сейчас находится, и некогда Полярная звезда находилась дальше от небесного полюса, чем теперь. Следовательно, наш полюс обладает некоторым движением и описывает круг примерно в течение двадцати шести тысяч лет. Обуславливается это так называемым «предварением равноденствий», о чем я вам сейчас расскажу.

— Но разве не может случиться, — спросил Альтамонт, — что когда-нибудь полюс переместится на очень большое расстояние?

— Дорогой Альтамонт, — отвечал доктор, — вы затронули важный вопрос, который долго обсуждали ученые в связи с одной странной находкой.

— Какой находкой?

— Вот в чем дело. В тысяча семьсот семьдесят первом году на берегу Ледовитого океана был найден труп носорога, а в тысяча семьсот семьдесят девятом году на сибирском побережье — труп слона. Каким образом животные теплых стран попали под такую широту? Это вызвало страшный переполох среди геологов, которые не были так проникательны, как француз Эли де Бомон, впоследствии доказавший, что эти животные некогда обитали под довольно высокими широтами и что трупы их были занесены потоками или реками в те места, где они найдены. Но пока еще не

была высказана эта гипотеза, — знаете, что придумали ученые?

— Ученые способны на все; — засмеялся Альтамонт.

— Да, они ни перед чем не остановятся, лишь бы объяснить какой-нибудь факт. Итак, по их предположению, полюс некогда находился у экватора, а экватор — на полюсе.

— Да что вы?

— Я и не думаю шутить, уверяю вас. Но так как Земля сплюснута у полюса, как бы вдавлена больше чем на пять лье, то при перемещении полюса моря, отброшенные центробежной силой к новому экватору, покрыли бы даже высочайшие вершины Гималаев; а все страны, примыкающие к полярному кругу — Швеция, Норвегия, Россия, Сибирь, Гренландия и Новая Британия, — погрузились бы в воду на глубину пяти миль; в то же время экваториальные области, отодвинутые к полюсу, образовали бы плоскогорья высотой в пять лье.

— Вот так перемена! — воскликнул Джонсон.

— О, это несколько не смутило ученых.

— Но как же они объяснили происшедший переворот? — спросил Альтамонт.

— Столкновением с кометою. Комета — это «*Deus ex machina*»¹ ученых. Всякий раз, как господа ученые затрудняются ответить на какой-нибудь вопрос космического порядка, они призывают на помощь комету. Насколько мне известно, кометы — самые услужливые из светил, и на первый же зов ученого являются, чтобы все уладить.

— Так вы думаете, доктор, что такой переворот невозможен? — спросил Джонсон.

— Невозможен.

— А если бы он произошел?

— Тогда экваториальные области через двадцать четыре часа покрылись бы льдами.

— Вот, если бы, не дай бог, сейчас произошел та-

¹ Бог из машины (*лат*) — развязка вследствие вмешательства непредвиденного обстоятельства.

кой переворот, — сказал Бэлл, — пожалуй, стали бы уверять, что мы не побывали у полюса.

— Не беспокойтесь, Бэлл. Возвращаясь к факту неподвижности земной оси, мы приходим к следующим выводам: если бы мы находились здесь зимой, то увидели бы, что звезды описывают вокруг нас совершенно правильные круги. Что касается Солнца, то в день весеннего равноденствия, двадцать первого марта (рефракцию я не принимаю в расчет), оно казалось бы нам рассеченным пополам линией горизонта, потом оно стало бы мало-помалу подниматься на небосклон, описывая очень удлиненные дуги. Замечательнее всего, что здесь, появившись на небе, Солнце уже не закатывается и бывает видимо в течение шести месяцев. Затем в день осеннего равноденствия, двадцать третьего сентября, оно снова задевает линию горизонта, после чего заходит и всю зиму уже не показывается на небе.

— Вы только что сказали, что Земля сплюснута у полюсов, — сказал Джонсон. — Будьте так добры, доктор, объясните нам, почему это так.

— Так слушайте же, Джонсон. Некогда Земля находилась в жидком состоянии, и благодаря вращательному движению часть жидкой массы была отброшена к экватору, где центробежная сила интенсивнее всего, — надеюсь, вам это понятно? Будь Земля неподвижна, она имела бы форму правильного шара; но в результате вращения она приняла эллипсоидальную форму, и точки полюса примерно на пять с третью лье ближе к центру Земли, чем точки экватора.

— Таким образом, — сказал Джонсон, — если бы нашему капитану вздумалось отправиться к центру Земли, то наш путь отсюда оказался бы на пять лье короче, чем из других точек земного шара.

— Вот именно, друг мой.

— Что ж, капитан, это несомненный плюс. Нельзя упускать такой удобный случай!

Гаттерас промолчал. Он, видимо, не следил за разговором или слушал машинально, ничего не воспринимая.

— А знаете, — сказал Клоубонни, — по мнению некоторых ученых, такое путешествие возможно.

— Неужто! — воскликнул Джонсон.

— Дайте мне договорить, — продолжал доктор. — Я расскажу вам об этом потом. Сейчас мне хочется вам объяснить, почему приплюснутость земли у полюсов обуславливает предварение равноденствий, то есть почему каждый год весеннее равноденствие наступает раньше, чем оно наступило бы, будь Земля правильным шаром. Происходит это потому, что сила притяжения Солнца действует на экваториальную зону, наиболее выпуклую часть земного шара, иначе, чем на остальные его точки; эта часть приобретает тогда обратное перемещение, вследствие чего полюс несколько меняет место, как я уже вам говорил. Но независимо от этого приплюснутость Земли у полюсов вызывает еще одно любопытное явление, имеющее к нам непосредственное отношение, и мы бы его заметили, если бы обладали способностью с математической точностью ощущать вес.

— Что вы хотите сказать? — спросил Бэлл.

— То, что здесь мы тяжелее, чем в Ливерпуле.

— Как так тяжелее?

— Да. И не только мы, но и наши собаки, инструменты и ружья.

— Возможно ли это?

— Очень даже возможно, и по двум причинам: во-первых, мы находимся ближе к центру Земли, следовательно, и притяжение действует здесь с большей силой; а ведь тяжесть это и есть сила притяжения. Во-вторых, сила вращательного движения, отсутствующая у полюса, очень заметна у экватора, где все предметы стремятся удалиться от Земли и потому становятся легче.

— Как! — воскликнул Джонсон. — Неужели и впрямь в различных местах у нас разный вес?

— Ну да, Джонсон. По закону Ньютона, тела притягиваются с силой, прямо пропорциональной массам и обратно пропорциональной квадратам расстояния. Здесь во мне больше веса, потому что я ближе к центру притяжения; но на другой планете я буду легче или тяжелее в зависимости от массы планеты.

— Вот как! — сказал Бэлл. — Значит, на Луне...

— Мой вес, который в Ливерпуле составляет двести фунтов, на Луне будет равняться всего тридцати двум.

— А на Солнце?

— О, на Солнце я буду весить больше пяти тысяч фунтов!

— Бог ты мой! — воскликнул Бэлл. — В таком случае ваши ноги пришлось бы поднимать домкратом.

— Вероятно, — ответил доктор, улыбаясь при виде изумления Бэлла. — Но на полюсе мы даже не почувствуем разницы, и при одинаковом напряжении мускулов Бэлл будет прыгать здесь так же высоко, как и на набережной Ливерпуля.

— Пусть так. Ну, а на Солнце? — настаивал ошеломленный Бэлл.

— Друг мой, — отвечал доктор, — из всего сказанного можно сделать вывод, что нам и здесь хорошо, — дальше незачем ходить.

— Вы только что сказали, — напомнил Альгамонт, — что нельзя отрицать возможности добраться до центра Земли! Неужели кто-нибудь думал о таком путешествии!

— Сейчас узнаете, — и это будет все, что я хотел рассказать вам на тему о полюсе. Ни одно место Земного шара не вызывало столько гипотез и химер. Древние, имевшие лишь слабое представление об астрономии, помещали близ полюса сады Гесперид. В средние века думали, что Земля вращается вокруг гигантского стержня, концы которого выходят наружу у полюсов. Но когда увидели, что кометы свободно проносятся над полюсами, пришлось отказаться от такого рода поддержки. Позже французский астроном Бельи утверждал, что атланты — культурный народ, исчезнувший с лица Земли, о котором упоминает Платон, обитают у полюса. Наконец, уже в наши дни предполагали, что у полюсов имеется огромное отверстие, из которого излучается северное сияние и через которое можно проникнуть внутрь Земного шара. Далее предполагали, что в полый сфере Земли находятся две планеты, Плутон и Прозерпина, и наполнена она светящимся воздухом, обязанным этим свойством сильному давлению, которое он испытывает под землей.

— И такие вещи говорили всерьез? — спросил Альтамонт.

— Не только говорили, но и писали научные статьи. Наш соотечественник, капитан Синнес, предлагал Хемфри Дэви, Гумбольдту и Араго предпринять путешествие к центру Земли. Однако ученые отказались.

— И хорошо сделали!

— Я тоже так думаю. Теперь, видите, друзья мои, как разыгрывалась человеческая фантазия всякий раз, когда заходила речь о полюсе. Но пора вернуться к действительности, обратиться к фактам.

— Ладно, скоро сами увидим, что там такое, — сказал Джонсон, у которого в голове засела какая-то мысль.

— Давайте отложим экскурсию до завтра, — улыбаясь, сказал доктор, которого забавляла недоверчивость старого моряка, — и если на полюсе обнаружим отверстие, ведущее к центру Земли, то все вместе отправимся в путь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Гора Гаттераса

После этой занимательной беседы все поудобнее улеглись под каменным навесом и вскоре заснули.

Все, за исключением Гаттераса. Но почему же этот необыкновенный человек не спал?

Разве он не достиг цели своей жизни? Не привел в исполнение своих заветных, отважных замыслов? Почему же не успокоилось его пылкое сердце?

Может быть, наступила реакция после пережитого подъема и его ослабевшие нервы нуждались в отдыхе? Было бы не удивительно, если бы Гаттерас испытывал смутное разочарование, какое нередко наступает вслед за удовлетворением страстного желания.

Но нет. Гаттерас казался более возбужденным, чем когда-либо. Однако не мысль о возвращении на родину тревожила его. Быть может, он хотел двинуться еще дальше? Неужели его честолюбие было безгранично?

Уж не считал ли он мир слишком тесным, потому что ему, Гаттерасу, удалось обойти вокруг Земного шара?

Как бы то ни было, он не мог уснуть, хотя первая ночь, которую они проводили у полюса, была ясна и спокойна.

Остров был совершенно необитаем. Ни одной птицы в раскаленной атмосфере, ни одного животного на покрытой пеплом почве, ни одной рыбы в кипящих волнах. Только вдали слышался глухой рев вулкана, вершина которого была окружена клубами багрового дыма.

Когда Альтамонт, Бэлл, Джонсон и доктор проснулись, Гаттераса уже не было возле них. Встревоженные, они вышли из пещеры и увидели стоявшего на скале капитана. Его взгляд был устремлен на вершину вулкана. Гаттерас держал в руке инструменты; очевидно, он только что окончил съемку горы.

Доктор направился к нему. Капитан был так поглощен своими мыслями, что пришлось несколько раз его окликнуть, пока он, наконец, отозвался.

— В путь! — сказал Клоубонни, пристально глядя на Гаттераса. — Обойдем вокруг острова. Это будет наша последняя экскурсия.

— Вы правы, последняя, — странным голосом сказал Гаттерас, казалось, он бредил наяву. — Но зато самая замечательная! — горячо прибавил он.

С этими словами он провел рукою по лбу, как бы стараясь успокоить внутреннюю бурю.

В это время к капитану подошли Альтамонт, Бэлл и Джонсон. Гаттерас, казалось, очнулся от бреда.

— Друзья мои, — взволнованно заговорил он, — спасибо вам за ваше мужество, за вашу твердость, за те сверхчеловеческие усилия, благодаря которым нам удалось достигнуть этой земли!

— Капитан, — ответил Джонсон, — мы только повиновались; честь этого подвига всецело принадлежит вам.

— Нет! нет! — пылко возразил Гаттерас, — всем нам: и мне, и Альтамонту, и доктору, словом — всем! О, дайте мне высказаться! Мне кажется, сердце у меня

вот-вот разорвется от наплыва чувств — так велика моя радость и благодарность!

Гаттерас с жаром пожимал руки своим доблестным товарищам. Он метался в разные стороны и, видимо, не владел собой.

— Мы только исполнили свой долг, как настоящие англичане, — сказал Бэлл.

— И преданные друзья, — добавил доктор.

— Да, — ответил Гаттерас, — но не все его выполнили. Некоторые не устояли. Но надо простить как изменникам, так и тем, которых подбили на измену. Несчастные! Я прощаю им! Слышите, доктор!

— Да, — ответил Клоубонни, которого начинало серьезно беспокоить возбуждение Гаттераса.

— Я не хочу, чтобы они лишились того небольшого состояния, ради которого отправились в такую даль. Нет! Я не стану отменять своих прежних распоряжений. Они будут богаты... если только вернуться в Англию.

Капитан вложил в эти слова столько чувства, что все были растроганы.

— Можно подумать, капитан, — через силу пошутил Джонсон, — что вы составляете свое духовное завещание.

— Может быть, и так, — серьезно отвечал Гаттерас.

— Однако у вас впереди прекрасная и полная славы жизнь, — сказал старый моряк.

— Как знать, — промолвил Гаттерас.

Наступило довольно долгое молчание. Доктор не знал, как понять последние слова капитана.

Но Гаттерас вскоре высказался.

— Выслушайте меня, друзья мои, — заговорил он с плохо сдерживаемым волнением. — Правда, мы достигли значительных результатов, но нам еще многое предстоит сделать.

Товарищи капитана в недоумении переглянулись.

— Да, мы находимся близко от полюса, но еще не на самом полюсе.

— То есть как? — спросил Альтамонт.

— Будет вам! — воскликнул доктор, который с ужасом начал догадываться, к чему клонит Гаттерас.

— Да, — горячо продолжал капитан, — я сказал, что нога англичанина будет стоять на полюсе. Я сказал это, и англичанин это сделает!

— Что же именно? — спросил доктор.

— Мы находимся в сорока пяти секундах от неизвестной точки, — с возрастающим одушевлением продолжал Гаттерас, — и я достигну ее!

— Но она находится на вершине вулкана, — возразил доктор.

— Я поднимусь!

— Это неприступная гора.

— Я поднимусь!

— Зияющий, клокочущий кратер.

— Я поднимусь!

Невозможно передать настойчивость, с какой Гаттерас произнес последние слова. Его друзья были потрясены. С невольным ужасом смотрели они на вулкан, над которым колыхался огненный столб.

Доктор начал ему возражать; он настаивал, требовал, чтобы Гаттерас отказался от своего намерения; он высказал все, что подсказывало ему любящее сердце; он начал робкой просьбой и кончил дружескими угрозами, — но все было напрасно: Гаттерас был охвачен безумием, которое можно было бы назвать «манией полюса».

Только силой можно было бы остановить рвавшегося к гибели безумца. Но, зная, что насилие может вызвать еще большее возбуждение, доктор решил применить его только в крайнем случае.

Впрочем, он надеялся, что физическая невозможность и непреодолимые препятствия остановят Гаттераса и помешают ему осуществить задуманное.

— В таком случае, — сказал он, — мы тоже пойдем с вами.

— Хорошо, — ответил капитан, — но только до половины горы, не дальше. Вы должны доставить в Англию копию протокола о нашем открытии в случае, если...

— Однако..,

— Решено! — отрезал Гаттерас. — Я просил вас как друг, и вы меня не послушались, — теперь я приказываю вам как капитан.

Доктор больше не настаивал, и через несколько минут маленький отряд, приготовившись к трудному подъему, тронулся в путь, сопровождаемый Дэком.

Небо было лучезарно. Термометр показывал $+52^{\circ}$ ($+11^{\circ}$ Ц). Атмосфера была насыщена светом, как это часто бывает на высоких широтах. Было восемь часов утра.

Гаттерас шагал впереди со своей верной собакой; Бэлл, Альгамонт, доктор и Джонсон следовали за ним на некотором расстоянии.

— Я начинаю побаиваться, — сказал Джонсон.

— Опасаться нечего, — ответил доктор. — Ведь мы около него.

Какой удивительный остров! Трудно передать его своеобразие: на каждом шагу встречалось неожиданное, необычайное, невиданное. Казалось, этот вулкан образовался еще не так давно, и геологи могли бы довольно точно определить эпоху его возникновения.

Беспорядочно нагроможденные друг на друга скалы держались каким-то чудом. В сущности гора представляла собой гигантскую грудку камней. Ни клочка земли, ни стебелька мха, ни былинки, ни лишая, ни малейших признаков растительности. Углекислота, выброшенная кратером, еще не успела соединиться ни с водородом воды, ни с аммиаком туч, чтобы при содействии солнечных лучей образовать органическую материю.

Этот затерянный среди океана остров появился в результате скопления извергнутых вулканом камней и лавы. Таким путем возникли многие огнедышащие горы земного шара. Выброшенного кратером было достаточно для их образования. Такова Этна, извергнувшая количество лавы, превосходящее самый объем горы; таков Монте-Нуово близ Неаполя, образовавшийся из шлаков за какие-нибудь сорок восемь часов.

По всей вероятности, скалы, из которых состоял остров Королевы, были извергнуты из недр земли, так как остров был, несомненно, вулканического происхо-

ждения. На месте, где он теперь находился, некогда расстилось безбрежное море, которое образовалось в древнейшую эпоху, когда водяные пары стали сгущаться вследствие охлаждения Земного шара. Но когда те или иные вулканы Нового и Старого Света потухали, или, вернее, закупоривались, их заменяли другие огнедышащие горы.

В самом деле, Землю можно уподобить гигантскому сферическому котлу, где под действием центрального огня образуются огромные массы паров, испытывающие давление во много тысяч атмосфер; эти пары давно взорвали бы Землю, если бы на ее поверхности не существовало предохранительных клапанов.

Таковыми клапанами и являются вулканы. Когда закрывается один клапан, тотчас же открывается другой. Не удивительно, что у полюса образуются вулканы, ведь земная кора ввиду приплюснутости Земли там тоньше, чем в других местах.

Доктор, шагая за Гаттерасом, отмечал эти особенности острова. Он ступал по вулканическому туфу и скоплениям пемзы, шлаков, пепла и извергнутых пород, напоминающих сиенит и исландский гранит.

Клоубонни высказал предположение, что островок возник сравнительно недавно, ибо там еще не успели образоваться осадочные отложения.

Воды на острове тоже не было. Если бы остров Королевы существовал уже несколько столетий, то из его недр, вероятно, били бы горячие ключи, как это обыкновенно бывает в окрестностях вулканов. Однако на островке не только не было ни капли воды, но даже испарения, поднимавшиеся над потоками лавы, казались совершенно безводными.

Итак, остров, несомненно, был новейшей формации, и как он внезапно выступил из лона вод, так мог и исчезнуть в любой момент, снова погрузившись в недра океана.

Восхождение становилось все более трудным и опасным, склоны — все круче. На каждом шагу приходилось остерегаться обвалов. Иной раз туча пепла грозила задушить смельчаков; нередко потоки лавы преграждали им путь. Кое-где на горизонтальных пло-

щадках лава успела остыть и покрылась твердой корой, под которой текла расплавленная масса. Приходилось то и дело зондировать почву, чтобы не провалиться в огненный поток.

Время от времени кратер выбрасывал докрасна раскаленные обломки скал; иные разрывались в воздухе подобно бомбам, и их осколки разлетались во все стороны.

Понятно, с какими опасностями было сопряжено восхождение на вулкан. Нужно было быть безумцем, чтобы отважиться на это.

Однако Гаттерас поднимался с удивительным проворством и отвагой, даже без помощи окованной железом палки взбираясь на почти отвесные уступы.

Вскоре он добрался до вершины круглого утеса, представлявшей собой что-то вроде площадки шириной около десяти футов. Скалу окружала огненная река, которую выступ разделял на два рукава; таким образом, оставался лишь узкий проход, в который смело проскользнул Гаттерас.

Тут он остановился, и товарищи подошли к нему. Казалось, он измерял взглядом пространство, которое еще оставалось пройти. По горизонтали путешественники находились всего в ста туазах от кратера, то есть от математической точки полюса; но по вертикали до полюса оставалось еще более тысячи пятисот футов.

Подъем продолжался уже добрых три часа; Гаттерас, повидимому, ничуть не устал, но спутники его выбились из сил.

Вершина вулкана казалась недоступной. Доктор решил во что бы то ни стало удержать Гаттераса. Он пробовал подействовать на капитана разумными доводами, но возбуждение, охватившее Гаттераса, перешло в настоящее безумие. По дороге у него стали обнаруживаться признаки помешательства; это бросалось в глаза людям, хорошо знавшим капитана и наблюдавшим его в различные периоды его жизни. По мере того как Гаттерас поднимался над уровнем моря, возбуждение его возрастало, он уже не жил в мире людей; ему чудилось, что он растет и скоро сравняется ростом с горой.

— Довольно, Гаттерас! — воскликнул доктор. — Мы изнемогаем.

— Оставайтесь здесь, — каким-то странным голо-
сом ответил Гаттерас, — а я пойду дальше.

— Зачем? Вы и без того находитесь у самого по-
люса.

— Нет, нет! Полюс выше!

— Друг мой, это я говорю вам, я — доктор Клоу-
бонни. Разве вы не узнаете меня?

— Выше, выше! — повторял безумец.

— Так нет же! Мы не допустим...

Доктор не успел окончить эту фразу, как Гаттерас, сделав нечеловеческое усилие, перепрыгнул через по-
ток кипящей лавы и исчез из глаз товарищей.

Все вскрикнули, решив, что Гаттерас упал в огнен-
ную реку; но вот капитан показался на другом берегу
в сопровождении Дэка, который не расставался со
своим хозяином.

Гаттерас скрылся за пеленой дыма, слышался
только его замиравший в отдалении голос.

— На север, на север! — кричал он. — На вершину
горы Гаттераса! Помните гору Гаттераса!

Нечего было и думать добраться до безумца, было
двадцать шансов против одного, что другие погибнут
там, где удалось пробраться капитану с нечеловече-
ской ловкостью помешанного. Не было возможности
ни перейти, ни обойти огненный поток. Напрасно ста-
рался Альтамонт перебраться на другую сторону; он
едва не погиб в kloкочущей лаве, и товарищи с тру-
дом его удержали.

— Гаттерас! Гаттерас! — звал доктор.

Но капитан продолжал подниматься, и только еле
слышный лай Дэка раздавался в ответ.

По временам капитан появлялся в клубах дыма,
под дождем пепла. То выступала его голова, то руки,
затем он снова исчезал и появлялся уже выше, на
уступе скалы. Он быстро уменьшался в размерах, как
летающий вверх предмет. Через полчаса его фигура
уменьшилась уже наполовину.

Кругом стоял глухой гул; гора гремела и пыхтела,

как котел с кипящей водой; бока ее вздрагивали. Гаттерас поднимался все выше и выше. За ним следовал Дэк.

Иной раз где-то совсем близко срывался обвал; огромная глыба летела вниз со все возрастающей скоростью, подпрыгивая на гребнях скал, и падала в пучину полярного океана.

Гаттерас даже не оглядывался. Он привязал английский знамя к своей палке, как к деревку. Потрясенные товарищи следили за каждым движением капитана, Гаттерас казался совсем маленьким, а Дэк не больше крысы.

Был момент, когда ветер швырнул в их сторону пламя и оно закрыло их багровой завесой. У доктора вырвался крик ужаса, но Гаттерас снова появился, размахивая знаменем.

Более часа продолжался этот ужасный подъем. Казалось, безумец совершал невозможное, борясь с качающимися утесами, переправляясь через засыпанные неплот рывины, куда иной раз он проваливался по пояс. Он то приподнимался, упираясь коленями и спиной в выступы скалы, то, уцепившись руками за острый гребень, качался на ветру, как высохший пучок травы.

Наконец, он добрался до вершины вулкана, до самого кратера. Клоубонни надеялся, что несчастный, достигнув своей цели, повернет назад, и ему придется испытать только опасности, связанные со спуском.

— Гаттерас, Гаттерас! — в последний раз крикнул он.

Призыв доктора до глубины души взволновал Альтамонта.

— Я спасу капитана! — крикнул он.

Американец одним махом перепрыгнул через огненный поток, рискуя упасть в него, и исчез среди скал.

Доктор не успел остановить Альтамонта.

Поднявшись на вершину, Гаттерас пошел вдоль скалы, поднимавшейся над пропастью. Камни дождем сыпались вокруг капитана, Дэк следовал за ним. Казалось, бедное животное испытывало притяжение бездны. Гаттерас размахивал знаменем, озаренным

огненными отблесками, и красная ткань широкими складками развевалась над жерлом кратера.

Одной рукой он потрясал знаменем, а другой указывал на зенит, на полюс небесной сферы. Казалось, он был в нерешительности. Он искал глазами математическую точку, в которой пересекаются все земные меридианы и на которую с непонятным упорством хотел ступить ногой.

Вдруг скала рухнула под ним. Гаттерас исчез. Отчаянный вопль его товарищей долетел до вершины горы. Прошла секунда — целое столетие! Доктор уже решил, что его друг погиб, навсегда исчез в жерле вулкана.

Но в тот момент, когда Гаттерас уже падал в пропасть, к нему подоспел Альтамонт и подхватил его. Через полчаса убитые горем товарищи несли на руках потерявшего сознание капитана «Форварда».

Когда он пришел в себя, доктор стал с тревогой вглядываться ему в глаза. Но Гаттерас смотрел на него невидящим взглядом, как слепой.

— Великий боже! — вскричал Джонсон. — Да он ослеп!

— Нет! — ответил доктор. — Друзья мои, мы спасли только тело Гаттераса. Его душа осталась на вершине вулкана. Рассудок его помрачился.

— Он помешался! — в ужасе воскликнули Джонсон и Альтамонт.

— Да, — ответил Клоубонни.

И крупные слезы покатались у него из глаз.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Обратный путь на юг

Такова была печальная развязка походов капитана Гаттераса. Через три часа доктор, Альтамонт и двое моряков сидели в пещере у подошвы вулкана.

Необходимо было принять какое-то решение. Спросили мнение доктора.

— Друзья мои, — сказал он, — не следует задерживаться на острове Королевы. Перед нами свободное море; провизии у нас достаточно. Мы должны как можно скорее добраться до форта Провидения, там мы и пробудем до весны.

— Я тоже так думаю, — ответил Альтамонт. — Ветер попутный, и завтра же выйдем в море.

Грустно закончился этот день. Безумие капитана подействовало удручающе; всем четверым становилось жутко при мысли о том, что им предстоит обратный путь, и они остро чувствовали свое одиночество и затерянность в полярной пустыне. Они не обладали бесстрашным духом Гаттераса.

Но скоро к ним вернулось мужество, они решили не сдаваться и до конца бороться со стихиями, а если нужно, то и с собственной слабостью.

На другой день, в субботу, тринадцатого июля, на шлюпку погрузили лагерные принадлежности. Приближался момент отплытия.

Но, прежде чем навсегда покинуть эту скалу, доктор, исполняя желание Гаттераса, поставил тур на том самом месте, где капитан высадился на берег. Тур был сложен из больших каменных глыб и мог послужить отличной приметой в случае, если бы вулкан пощадил его во время извержений.

На одном из боковых камней Бэлл высек долотом краткую надпись:

ДЖОН ГАТТЕРАС

1 8 6 1 г.

Копия документа, свидетельствовавшего о великом открытии Гаттераса, была вложена в металлический, герметически закупоренный цилиндр и оставлена внутри тура на пустынной скале.

Итак, четверо путешественников, а с ними капитан — жалкое тело, от которого, казалось, отлетел дух, и его верный Дэк, печальный и понурый, отправились в путь. Было десять часов утра. Подняли новый парус, сделанный из палатки. Шлюпка покинула остров Королевы при попутном ветре; вечером доктор встал на

банку и сказал последнее прости пылавшей вдалеке горе Гаттераса.

Переход совершился очень быстро, плавание по свободному ото льдов морю не представляло затруднений. Казалось, удаляться от полюса было гораздо легче, чем приближаться к нему.

Но Гаттерас не сознавал происходящего вокруг него; он лежал в шлюпке, немой, с потухшим взглядом, скрестив на груди руки; Дэк свернулся у его ног. Напрасно доктор обращался к капитану: Гаттерас даже не слышал его.

Сорок восемь часов дул попутный ветер, по морю ходила легкая зыбь. Доктор и его товарищи отделились на волю северного ветра.

Пятнадцатого июля они увидели на юге гавань Альтамонта. Так как полярный океан освободился ото льдов на всем своем протяжении, то, вместо того чтобы пересекать Новую Америку на санях, путешественники решили обогнуть ее и морем добраться до залива Виктории.

Плавание закончилось быстро и благополучно. Путь, который они проделали на санях в пятнадцать дней, теперь занял всего восемь суток, хотя им пришлось огибать сильно изрезанные берега, очертания которых они тщательно нанесли на карту. В понедельник двадцать третьего июля они прибыли в залив Виктории.

Шлюпку поставили на якорь у берега и поспешили к форту Провидения. Но что же они увидели! Дом доктора, склады, пороховой погреб, укрепления — все растаяло под лучами летнего солнца, а продукты были расхищены дикими зверями.

Печальное, удручающее зрелище!

Съестные припасы путешественников уже приходили к концу, и они надеялись пополнить их в форте Провидения. Было ясно, что здесь невозможно зимовать. Долго думать было нечего, и решили кратчайшим путем направиться к Баффинову заливу.

— Ничего другого не остается, — сказал доктор. — Отсюда до Баффинова залива меньше шестисот миль. Мы будем плыть до тех пор, пока под килем будет

вода, войдем в пролив Джонса и оттуда доберемся до датских поселений.

— Да, — ответил Альтамонт. — Соберем остатки припасов и в путь!

После тщательных поисков путешественники нашли несколько случайно уцелевших ящиков пеммикана и два бочонка мясных консервов. Теперь у них было продуктов на шесть недель и достаточное количество пороха. Все припасы быстро сложили в одно место; весь день конопатили и приводили в порядок шлюпку. На другой день, двадцать четвертого июля, снова вышли в море.

Около восьмидесят третьего градуса широты берег отклонялся к востоку. Возможно, что материк соединялся с землями, известными под названием земель Гриннелла, Эллесмера и Северного Линкольна, прилегающими к Баффинову заливу. Можно было думать, что пролив Джонса, подобно проливу Ланкастера, ведет во внутренние моря.

Шлюпка быстро продвигалась вперед, без труда избегая пловучих льдин. Предвидя возможные задержки в пути, Клоубонни решил наполовину уменьшить паек. Путешественники не слишком уставали, и все были здоровы.

Впрочем, по временам они стреляли уток, гусей и кайр и получали свежую, здоровую пищу. Запас воды легко пополняли, откалывая куски от попадавшихся на пути пресных льдин. Путешественники не удалялись от берега, так как шлюпка не могла идти в открытом море.

Уже начинались морозы. Дождливая погода сменялась снежной и хмурой; солнце начало касаться линии горизонта и с каждым днем все глубже погружалось в море. Тридцатого июля в первый раз потеряли из виду солнце, то есть на несколько минут наступила ночь.

Впрочем, шлюпка шла быстро и нередко за сутки делала от шестидесяти до шестидесяти пяти миль. Мореплаватели не останавливались ни на минуту, зная, какие трудности и препятствия ждут их на суше. А между тем проливы должны были вскоре замерз-

нуть; то там, то сям уже нарастал молодой лед. В полярных странах зима наступает вслед за летом, там не бывает ни весны, ни осени. Необходимо было торопиться.

Тридцать первого июля небо на закате солнца было ясное, и появились первые звезды находившихся в зените созвездий. С этого дня начались непрерывные туманы, значительно замедлявшие плавание.

Доктора очень тревожило приближение зимы. Он знал, с какими трудностями боролся сэр Джон Росс, стараясь войти в Баффинов залив после того, как покинул свой корабль. После первой же попытки пройти дальше этот отважный моряк должен был вернуться на свое судно и зазимовать в четвертый раз. Но по крайней мере у него был приют на суровое время года, провизия и топливо.

Если бы такая же беда постигла наших путешественников, если бы им пришлось остановиться или вернуться назад, они бы, конечно, погибли. Доктор не говорил о своих опасениях товарищам, но поторапливал их; необходимо было пройти как можно дальше на запад.

Наконец, пятнадцатого августа, после тридцатидневного довольно удачного плавания и двух суток, проведенных в борьбе со льдами, скоплавшимися в проходах, — едва не погубив при этом свою шлюпку, — мореплаватели окончательно остановились; дальше плыть было невозможно. Море повсюду замерзло, и термометр за последние дни не поднимался выше $+15^{\circ}$ (-9° Ц).

Впрочем, постоянно попадавшиеся закругленные плоские камешки, обточенные прибоем, указывали на близость побережья на севере и на востоке. Нередко встречался также пресный лед.

Альтамонт с большой точностью произвел наблюдения, давшие $77^{\circ}15'$ северной широты и $82^{\circ}02'$ западной долготы.

— Итак, — сказал доктор, — вот где мы находимся. Мы достигли Северного Линкольна, как раз у мыса Эдена. Мы входим в пролив Джонса. Если бы мы прибыли сюда на несколько дней раньше, пролив,

вероятно, был бы свободен ото льдов до самого Баффина залива. Но нам стыдно жаловаться на судьбу. Если бы мой бедный Гаттерас встретил раньше такое легкопроходимое море, он быстро поднялся бы к полюсу, товарищи не покинули бы его, и он не лишился бы рассудка от тяжелых переживаний.

— В таком случае, — сказал Альтамонт, — нам остается одно: бросить шлюпку и на санях добраться до восточного берега Земли Линкольна.

— Бросить шлюпку и прибегнуть к саням, — это так, — ответил Клоубонни, — но, вместо того чтобы идти через Землю Линкольна, я предлагаю переправиться по льду через пролив Джонса и выйти на берега Северного Девона.

— А почему? — спросил Альтамонт.

— Потому что, чем ближе мы будем к проливу Ланкастера, тем больше будет у нас шансов повстречать китобоев.

— Вы правы, доктор, хотя я боюсь, что льдины еще недостаточно смерзлись, и по ним нельзя будет идти.

— Что ж, попробуем, — ответил доктор.

Шлюпку разгрузили; Бэлл и Джонсон снова наладили сани, все детали которых были в исправности. На следующий день запрягли собак и двинулись вдоль берега, чтобы дойти до ледяного поля.

Снова началось путешествие, уже не раз нами описанное, утомительное и медленное. Опасения Альтамонта оправдались: по льду еще нельзя было идти. Пролив Джонса не удалось пересечь, и пришлось следовать по берегу Земли Линкольна.

Двадцать первого августа путешественники, сократив путь по косой линии, достигли входа в пролив Ледника, спустились на ледяное поле, на следующий день добрались до острова Коберга и меньше чем в два дня пересекли его, несмотря на страшную метель.

Затем они снова пошли более удобной дорогой по льду и двадцать четвертого августа достигли Северного Девона.

— Теперь, — сказал доктор, — нам остается только

пересечь эту область и добраться до мыса Уэрендера, у входа в пролив Ланкастера.

Но погода окончательно испортилась; морозы все усиливались, и метели свирепствовали, как в разгар зимы. Путешественники выбивались из сил. Продукты кончались, и пришлось урезать паек до одной трети, люди отдавали свою долю собакам, которые не могли бы тащить сани, если бы не получали нужного питания.

Чрезвычайно пересеченная местность сильно затрудняла передвижение. Северный Девон — гористая область. Приходилось пробираться в горах Траутера по непроходимым ущельям, борясь с разъяренными стихиями. Люди, собаки и сани едва не остались там навеки, и не раз отчаяние овладевало смельчаками, закаленными в полярных походах. Путешественники были измучены морально и физически. Да разве могли пройти даром полтора года непрерывных усилий и волнений, постоянная смена надежды и отчаяния? К тому же идти вперед всегда легче — помогает нервный подъем и стремление к цели, чего нет при возвращении. Злополучные путники с трудом брели; они шли по инерции, тратя последние остатки сил.

Только тридцатого августа выбрались они из хаоса гор, о которых не может дать никакого представления орография умеренных поясов, но выбрались измученные и полузамерзшие. Доктор уже не мог оказывать помощи другим, потому что сам изнемогал.

Выбравшись из гор Траутера, они очутились на волнистой равнине; поверхность земли была исковеркана в далекие времена, когда впервые образовались горы.

Пришлось несколько дней передохнуть; люди еле волочили ноги; две собаки околели от истощения.

Отряд приютился под прикрытием льдины. Термометр показывал -2° (-19° Ц). У путешественников даже не хватило сил разбить палатку.

Припасов оставалось уже совсем мало, и, несмотря на скудость пайка, их могло хватить всего на восемь дней. Дичь попадалась редко, так как на зиму все живое перекочевало в более умеренный пояс. Призрак

голодной смерти вставал перед измученными путниками.

Альтамонт, всегда готовый пожертвовать собой ради товарищей, собрал остаток сил и решил пойти на охоту, чтобы добыть дичи.

Он взял ружье, позвал Дэка и зашагал по равнине к северу. Доктор, Бэлл и Джонсон равнодушно смотрели, как он удалялся. Целый час они не слышали ни одного выстрела. Но вот они увидели, что Альтамонт бежит назад, видимо чем-то испуганный.

— Что случилось? — спросил доктор.

— Там!.. под снегом!.. — с ужасом проговорил Альтамонт, указывая куда-то в сторону.

— Что там?

— Целый отряд людей!..

— Живых?

— Мертвых... они замерзли и даже...

Альтамонт не договорил своей фразы, но лицо его выражало беспредельный ужас.

Доктор, Бэлл и Джонсон поднялись на ноги, нервное возбуждение вернуло им силы, и они поплелись за Альтамонтом по снежной равнине в ту сторону, куда он указывал рукой.

Вскоре они пришли в глубокую лощину, сжатую между холмами, и там им представилась ужасная картина.

Окоченелые трупы, наполовину погребенные под белым саваном снега, выглядели из сугробов; здесь рука с судорожно сжатыми пальцами, там нога, подалее — голова, другая, третья... На лицах застыло выражение бессильной угрозы и отчаяния.

Подошедший доктор вдруг попятился назад, бледный, с изменившимся лицом. Дэк лаял зловеще и тревожно.

— Какой ужас! — вырвалось у Клоубонни.

— Что такое? — спросил Джонсон.

— Вы их не узнали? — дрогнувшим голосом спросил доктор.

— Что вы хотите сказать?

— Смотрите!

Этот овраг не так давно был ареной последней

борьбы людей с морозом, отчаянием и голодом: кое-какие ужасные остатки говорили о том, что несчастные питались человеческими трупами, быть может еще трепещущим мясом. Доктор узнал Шандона, Пэна.. злополучный экипаж «Форварда». Силы изменили этим несчастным, съестные припасы кончились, шлюпка их, вероятно, попала под лавину и была разбита или же упала в пропасть, и они не смогли воспользоваться свободным ото льдов морем. Возможно также, что они заблудились на незнакомом материке. Впрочем, между людьми, которые двинулись в путь, охваченные мятежом, не могло быть морального единения, которое позволяет совершать великие дела. Предводитель мятежников всегда обладает лишь непрочной властью, и, без сомнения, Шандон вскоре потерял всякий авторитет.

Как бы то ни было, экипаж «Форварда», прежде чем дойти до этой катастрофы, должен был претерпеть невероятные мучения, но тайна его бедствий вместе с ним навсегда погребена под полярными снегами.

— Бежим! Бежим! — вскричал доктор.

И он увлек своих товарищей подальше от места катастрофы. Ужас ненадолго придал им энергию, и они двинулись дальше.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Заключение

Не будем распространяться о бедствиях, какие выпали на долю оставшихся в живых участников экспедиции. Они сами не могли впоследствии припомнить подробностей всего, что происходило с ними в течение недели после ужасного открытия. Но девятого сентября, проявив чудеса энергии, путешественники добрались до мыса Хорсбурга на Северном Девоне.

Они умирали от голода. Уже сорок восемь часов у них ни крошки не было во рту; последний обед состоял из мяса последней гренландской собаки. Бэлл не в си-

лах был идти дальше, а старый боцман чувствовал, что силы его угасают.

Они находились на побережье частично замерзшего Баффинова залива, то есть на пути в Европу. В трех милях от них волны с грохотом разбивались об острые грани ледяных полей.

Приходилось терпеливо выжидать, пока появится какое-нибудь китобойное судно.

Но появится ли оно? И сколько времени придется его ждать?..

Однако небо сжалилось над несчастными, ибо на другой день Альтамонт ясно увидел на горизонте парус.

Известно, какое волнение и надежды вызывает появление на горизонте корабля, как страшно обмануться в этих надеждах! Кажется, что корабль то удаляется, то приближается. Как томительны эти переходы от надежды к отчаянию! И нередко случается, что в ту самую минуту, когда потерпевшие крушение уже считают себя спасенными, парус начинает удаляться и вскоре исчезает за горизонтом.

Доктор и его товарищи изведали все эти муки. Выбываясь из сил, поддерживая друг друга, они, наконец, добрались до западной окраины ледяного поля, и вдруг, к своему ужасу, увидели, что корабль мало-помалу удаляется. Напрасно они подавали сигналы, призывая на помощь, — их не заметили.

Но тут доктора осенило вдохновение, его изобретательный ум и на этот раз сослужил ему службу.

Внезапно о ледяное поле ударилась плывшая по течению льдина.

— Льдина! — сказал он, указывая на нее рукой.

Никто его не понял.

— Давайте перейдем на нее! — воскликнул доктор.

Тут его товарищей озарило, точно молнией.

— Ах, доктор, доктор! — твердил Джонсон, целуя руки Клоубонни.

Бэлл, поддерживаемый Альтамонтом, пошел к саям, принес стойку, водрузил ее на льдине в виде мачты и укрепил веревками. Полотнище палатки разорвали и с грехом пополам сделали из него парус. Ве-

тер был благоприятный; все пятеро прыгнули на утлый плот и отвалили от ледяного поля.

Через два часа, после невероятных трудов и усилий, последние представители экипажа «Форварда» уже находились на борту датского китобойного судна «Ганс Кристиан», возвращавшегося в Девисов пролив.

Несчастные потеряли человеческий облик — это были живые трупы. Капитан был человек великодушный, с первого же взгляда он понял, что произошло, окружил спасенных заботами и вниманием и вернул их к жизни.

Десять дней спустя Клоубонни, Джонсон, Бэлл, Альтамонт и капитан Гаттерас высадились в Корсёре в Дании. Оттуда пароход доставил их в Киль, затем через Альтону и Гамбург они направились в Лондон и прибыли туда тринадцатого сентября, еле оправившись после длительных, тяжелых испытаний.

Доктор первым делом попросил у Королевского географического общества разрешение сделать важное сообщение. Заседание было назначено на пятнадцатое октября.

Можно себе представить изумление ученой корпорации и восторженные крики всех присутствующих после того, как был оглашен документ Гаттераса!

Это единственное в своем роде путешествие, не имеющее себе подобных в анналах науки, подводило итог всем прежним открытиям, совершенным в полярных странах, связывало между собою экспедиции Парри, Росса, Франклина, Мак-Клура и других, восполняло пробел на географических картах арктических стран между сотым и сто пятнадцатым меридианами и завершалось завоеванием недоступного до тех пор пункта — Северного полюса.

Еще никогда, положительно никогда столь сногшибательная новость не потрясала англичан!

Как известно, англичане горячо интересуются географическими открытиями. От лорда до последнего уличного мальчишки, от судовладельца до докера — все пришли в волнение и испытывали чувство национальной гордости.

Известие о великом открытии с быстротой молнии пронеслось по всем телеграфным линиям Соединенного королевства. В заголовках газетных статей фигурировало имя Гаттераса, как мученика науки, и вся Англия трепетала от гордости.

Доктора и его товарищей чествовали, и лорд-канцлер торжественно представил их королеве.

Правительство утвердило название острова Королевы за скалою у Северного полюса, горы Гаттераса — за вулканом и порта Альтамонта — за заливом Новой Америки.

Альтамонт не расстался со своими товарищами по несчастью и славе, которые стали его лучшими друзьями. Он отправился с доктором, Бэллом и Джонсоном в Ливерпуль, и город торжественно приветствовал людей, которых давно считал погибшими и погребенными в вечных льдах.

Но Клоубонни всегда приписывал славу совершенного ими подвига тому, кто был душой этого предприятия. В своем отчете о путешествии, озаглавленном «Англичане на Северном полюсе» и изданном год спустя Королевским географическим обществом, он приравнивал Джона Гаттераса к величайшим в мире путешественникам, к тем героям, которые приносят себя в жертву науке.

Между тем несчастный Гаттерас, ставший жертвой возвышенной страсти, прозябал близ Ливерпуля, в лечебнице Стэн-Коттедж, куда его лично отвез доктор. Помешательство капитана было тихое, он ничего не говорил и ничего не понимал: казалось, вместе с рассудком он утратил и дар слова. Лишь одно чувство связывало его с внешним миром — его привязанность к Дэку, с которым не решились разлучить Гаттераса.

Этот недуг, это «полярное безумие» протекало спокойно, без особых перемен. Но однажды доктор, постоянно навещавший своего несчастного друга, обратил внимание на его странные повадки. С некоторых пор капитан Гаттерас, в сопровождении верной собаки, печально и ласково глядевшей на своего хозяина, каждый день подолгу прогуливался, причем ходил все в ту же сторону, по одной из аллей Стэн-Коттеджа.

Дойдя до конца аллеи, капитан возвращался, пятясь назад. Если его останавливали, он пальцем показывал на небе какую-то точку. Если его заставляли повернуться, он сердился, и Дэк, разделявший раздражение Гаттераса, начинал бешено лаять.

Доктор, внимательно наблюдавший за своим другом, вскоре разгадал причину столь странного упорства и понял, почему Гаттерас ходил все в том же направлении, как будто его притягивал незримый магнит.

Капитана Джона Гаттераса неизменно отклоняло к северу.

1866 г.

КОММЕНТАРИЙ

ПУТЕШЕСТВИЕ К ЦЕНТРУ ЗЕМЛИ

Почти на двадцать пять километров над поверхностью Земли поднялся человек в кабине стратостата. Своих механических разведчиков — ракеты, снабженные автоматическими приборами, — он сумел забросить на высоту четырехсот с лишним километров. На четыре тысячи метров спустился он под поверхность моря. А с помощью приборов он достал пробы грунта, образцы флоры и фауны со дна глубочайших впадин мирового океана, с глубины свыше десяти тысяч метров.

Но всего на два километра смог он углубиться в недра Земли. Даже буровые скважины в редких случаях удалось ему пробурить глубже, чем на пять километров.

Если считать, что человек изучил и освоил поверхностный слой Земли толщиной в эти пять километров, то и тогда по сравнению с величиной Земного шара это будет не больше, чем толщина стенки мыльного пузыря по сравнению со всем его объемом.

1

В глубокой древности люди хотели знать, каково внутреннее строение Земного шара, что находится в центре Земли.

С внутренним строением Земли были неразрывно связаны многие грозные и загадочные явления природы — извержения вулканов, землетрясения, гейзеры. Развивая те или иные гипотезы о внутреннем строении Земли, люди так или иначе пытались объяснить причины этих явлений.

Весь свой мир древние греки заселили богами. В рощах свистал на своей свирели лесной бог Пан, на дне океана царствовал Нептун, на вершине Олимпа жил глава всех богов — громовержец Зевс.

А в недрах Земли, по верованиям древних греков, царствовал мрачный брат Зевса — Анд. Туда, в его черное царство, с поверхности Земли ведут бездонные пропасти. Коцит и Ахерон струят там свои беззвучные волны. Там же струятся воды источника Леты. Испивший их навсегда забывает все земное.

Извержения вулканов греки также объясняли деятельностью своих богов. По их верованиям, в недрах огнедышащих гор находились кузницы бога — кузнеца Гефеста. Хромоногий бог раздувал свой горн и ковал на наковальне чудесное оружие, золотые украшения, чаши, кубки. Дым и огонь от его горна вылетали в кратер вулкана. А от ударов его гигантского молота по огромной наковальне дрожала кругом земля.

Один из древнейших греческих философов Эмпедокл, живший около двух с половиной тысяч лет тому назад и прославившийся среди своих сограждан как поэт и оратор, врач и «чудотворец», попытался дать первую материалистическую теорию строения внутренности Земли. Он считал, что вся внутренность Земного шара представляет собой огненный бушующий океан. Этим и объясняются извержения вулканов и горячие источники. Желая больше узнать о строении вулканов, механизме и причине их деятельности, он предпринял изучение Этны — одного из действующих вулканов Италии, расположенного на восточном берегу острова Сицилии. Он, вероятно, был первым из людей, пытавшихся проникнуть в недра Земли через кратер действующего вулкана.

Через две тысячи лет, в середине XVII в., немецкий естествоиспытатель Атанасиус Кирхер дал новую схему строения Земли. Он считал, что Земной шар представляет собой твердое тело, содержащее огромные пустоты, соединенные между собой и с поверхностью многочисленными каналами. Центральная, самая большая каверна заполнена огнем, а расположенные ближе к поверхности — частью огнем, частью водой, частью воздухом.

Совершенно противоположную точку зрения на строение Земного шара имел живший несколько позже Кирхера английский ученый Джон Вудворт. По его представлениям, внутренность Земли заполнена не огнем, а водой, причем этот подземный океан соединен каналами с надземными океанами и морями.

Схемы Кирхера и Вудворта пользовались в течение долгого времени широкой известностью. Они приводились даже в учебниках второй половины XIX в.

Жюль Верн, используя в качестве художественного приема неправдоподобный способ проникновения героев романа в глубины Земли, совершенно правильно передает детали разреза земной коры, восстанавливающие историю развития жизни на Земле, и излагает в спорах действующих лиц существовавшие в его время разные точки зрения на состояние земного ядра.

В основном в XIX в. в науке господствовало представление об огненно-жидком ядре Земного шара. Это представление логично объясняло наблюдаемое повышение температуры при опускании вглубь Земли, а также вулканические явления; оно опиралось на космогонические построения Канта и Лапласа.

Исходя из гипотезы Канта — Лапласа, земное ядро должно было быть огненно-жидким; земная же кора в основном представляет собой продукт остывания некогда сплошь огненно-жидкого шара Земли.

Тем не менее уже тогда раздавались голоса, правда робкого меньшинства, не согласные с картиной, вытекающей из гипотезы Канта — Лапласа. К этому меньшинству, повидимому, принадлежал и Жюль Верн, вложивший свои мысли в уста профессора Лиденброка, который сомневался в существовании огненно-жидкого земного ядра и старался объяснить внутреннее тепло земной коры процессами окисления, ссылаясь при этом на известного английского химика Хемфри Дэви.

В настоящее время большинство геофизиков и геологов отрицают стадию огненно-жидкого состояния Земли и объясняют разогрев земных оболочек в основном процессами радиоактивного распада. Большинство советских ученых при этом исходят из космогонических построений, созданных у нас в СССР под руководством академика О. Ю. Шмидта.

Как же заглянуть в глубочайшие бездны Земного шара, в самое его центральное ядро? Шахту туда прокопать не удастся — ученые это поняли уже давно. Первым препятствием при постройке такой шахты является непрерывное повышение температуры по мере углубления. В среднем на каждые 33 метра температура повышается на один градус. На дне шахты глубиной в полтора километра температура поднимается так высоко, что люди уже не могут работать.

Пробурить скважину очень большой глубины также невозможно. Ведь бур — устройство для измельчения пород — по существу «висит» на длинной нитке труб, соединяющих его с поверхностью Земли. Ясно каждому, что бесконечно длинной такая труба быть не может: она оборвется под собственной тяжестью.

Нельзя спуститься в недра Земли и через жерло вулкана: оно обычно закупорено или застывшей лавой, или огненно-жидкой массой.

Так что же, разве никогда и не узнает человек о тайнах подземного мира, о строении центральных областей нашей планеты?

Выход из тупика указала геофизика, одна из ветвей которой, а именно сейсмометрия, изучала землетрясения и вызываемые ими колебания земной коры.

Ученые давно уже с помощью специальных приборов, сейсмографов, регистрировали подземные толчки и землетрясения. Но до поры до времени никаких выводов из записей сейсмографов не делалось. Ученые только констатировали силу толчков, их время и продолжительность. Выдающийся русский геофизик Б. Б. Голицын глубоко проанализировал физическую сущность этих толчков. Голицын знал, что землетрясение есть явление местное, но оно порождает упругие волны, которые распространяются на очень большие пространства. Есть землетрясения, волны от которых фиксируются сейсмографами во всех странах мира. Причем проходят эти волны от землетрясений через внутренние области Земного шара. Там они могут отражаться, как отражается солнечный луч от зеркала, или преломляться, как луч преломляется, переходя из воздуха в воду. Исследуя эти отражения и преломления по показаниям сейсмографов в разных местах Земного шара, можно отчетливо представить себе его внутреннее строение.

«Можно уподобить всякое землетрясение, — писал Голицын, — фонарю, который зажигается на короткое время и освещает нам внутренность Земли, помогая тем самым рассмотреть то, что там происходит».

Идея Голицына оказалась очень плодотворной. Она не только помогла нам составить некоторое представление о внутреннем строении Земного шара, но и нашла широкое применение в геологической разведке. Производя с помощью взрывов искусственные землетрясения и записывая сейсмографами отраженные пластинами Земли волны, геологоразведчики находят новые залежи полезных ископаемых.

Как же по нашим сегодняшним представлениям устроен Земной шар. Совершим с вами, основываясь на строгих данных сегодняшней науки, воображаемое путешествие к центру Земного шара. Представим себе, что мы движемся вглубь, пробуравливая толщи Земли в каком-нибудь фантастическом снаряде с фантастической скоростью — десять километров в минуту.

Старт дан. Наш снаряд прогрызает верхний покров Земного шара, его кору. Самые верхние слои — это обычные известные нам породы: глины, известняки, песчаники. Все это осадочные породы. Они лежат пластами, сменяя друг друга. Геологи обычно называют эти пласты страницами летописи истории Земли, так как по ним они узнают о природных условиях, существовавших здесь тысячелетия назад. Осадочные породы образовались, об этом говорит и их название, из различных осадков, — обломков других пород, чаще всего на дне морей и океанов. Вот наш снаряд проходит слой типично осадочной породы — мела. Возьмем пробу и рассмотрим ее в микроскоп. Оказывается, весь мел состоит из обломков раковин и скелетов крохотных существ. В других породах нередко находят скелеты животных, ныне уже вымерших, окаменевшие стволы деревьев. Здесь мы можем встретить залежи полезных ископаемых: каменного угля, нефти, каменной соли и т. п.

Да, пласты различных горных пород нередко называют страницами летописи земной коры, но как неполны, перепутаны, измяты и изорваны бывают эти страницы! Над тем, чтобы измять и перепутать их, потрудились и вековые сдвиги, происходящие в земной коре, и вода, и ветер. Далеко не везде, углубляясь в Землю, мы будем встречать все более древние слои. Бывает, что под древним слоем оказывается более молодой, а затем снова древний слой. Поэтому не только по последовательности расположения слоев, а и руководствуясь целым рядом других признаков, определяет геолог последовательность отложения осадочных горных пород. Одним из важнейших признаков, которые помогают при этом геологу, являются остатки в земле тех или иных окаменевших растений и животных.

Как известно, животный и растительный мир нашей планеты в течение сменявших друг друга тысячелетий претерпевал очень значительные изменения. Зародившиеся где-то в теплых водах древнего океана первые крупницы живой магерки, характеризую-

щейся обменом веществ, развились до одноклеточных, а затем и многоклеточных водорослей. Затем появились первые членистоногие, радиолярии, губки. Постепенно жизнь завоевала и сушу. В воздухе зашуршали жесткие крылья бесчисленных насекомых, на берега рек и морей выползли первые земноводные. Мелких животных сменили крупные. Было время, когда миром завладели пресмыкающиеся. Они жили в воде, на суше и даже в воздухе. Затем хозяевами Земли стали млекопитающие, а хозяевами воздуха — птицы. И, наконец, появился человек.

По положению пластов в земной коре и по находимым в них остаткам окаменевших животных и растений геолог может определить последовательность возникновения напластований, определить, какие из них являются более молодыми, какие более древними. Как очень объемистую книгу — природа писала ее около 2 млрд. лет, ибо таков возраст наиболее древних пород, слагающих нашу земную кору, — геологическую летопись ученые разделили на томы, части, главы и параграфы. Том этой летописи геологи называют эрой; эру разбивают на части — периоды, периоды — на эпохи, а эпохи — на века. Так одна из эр истории Земли — Палеозойская эра — длилась 325 млн. лет — и состоит из Кембрийского, Силурийского, Девонского, Каменноугольного и Пермского периодов, каждый из которых длился от 35 до 120 млн. лет.

Однако в годы, когда Жюль Верн писал свой роман «Путешествие к центру Земли», этой четкой классификации земных пластов еще не было. Напластования земной коры группировались тогда в так называемые формации: гранитно-гнейсовую, лежащую в основании всех остальных; переходную, обнимавшую наиболее древние образования, в том числе и каменноугольные; вторичную, охватывающую приблизительно периоды Мезозойской эры, следующей за Палеозойской эрой; и третичную, в которую входили не только осадки водного происхождения, но и наносные грунты.

Жюль Верн в своем романе прекрасно показал различные напластования, слагающие кору Земного шара, растительный и животный мир, соответствующий времени образования тех или иных пластов.

Однако описанные методы определения последовательности образования осадочных пород страдают одним существенным недостатком: они говорят геологу только о том, какой пласт моложе, а какой старше. А между тем в целом ряде случаев было бы интересно и важно узнать и абсолютный возраст того или другого пласта.

Современная геология располагает методами определения и абсолютного возраста земных пластов.

В состав некоторых горных пород входят радиоактивные элементы: радий, уран и торий. Атомы этих элементов обладают свойством распадаться, превращаться в другие, устойчивые химические элементы, такие как свинец и гелий. Скорость этого превращения строго определена, ее не может изменить никакое мыслимое в условиях земной коры воздействие — сжатие, нагрев, охлаждение и т. д.

Зная скорость радиоактивного распада и определив процентное соотношение еще содержащегося в горной породе радиоактивного вещества и образовавшихся при его распаде химических элементов, можно высчитать и абсолютный возраст соответствующей породы.

Такие определения были уже сделаны для целого ряда пород, слагающих земную кору. Оказалось, что возраст наиболее древних земных пород равен 2 млрд. лет. Каменный уголь образовался около 250 млн. лет назад. Основные отложения белого камня — мела — возникли всего лишь около 100 млн. лет назад.

Но все эти осадочные породы, образовавшиеся в течение миллиардов лет, составляют на поверхности Земного шара по сравнению с его величиной всего лишь тонкую пленку.

Сквозь слои осадочных пород наш «подземный снаряд» прошел всего за одну минуту — толщина его редко превышает 10—15 км, — и мы углубились в гранитный слой. Гранит образовался в результате расплавления и перекристаллизации древних осадочных пород, подвергшихся действию высокого давления и температур. Берем пробу и производим химический анализ гранита. Выясняется, что он содержит большие количества кремнезема, алюминия, кальция, калия и натрия. Но и гранитный слой мы миновали меньше чем за минуту. Действительно, по предположениям ученых, он в равнинных местах не превышает 10 км, а под дном Тихого океана, видимо, отсутствует совсем.

Мы вступили в слой базальта — горной породы глубинного происхождения. Базальт тяжелее гранита, он содержит больше, чем гранит, железа, магния и кальция. Две-три минуты — и базальтовый слой также остается позади.

Все эти три слоя составляют земную кору, в толще которой содержатся все природные ископаемые, используемые человеком. Ведь над нами уже около 50 км твердых пород. Температура на этой глубине достигает 1500 градусов, давление 13 500 атмосфер.

Мы вступаем в новый, чрезвычайно толстый слой Земного шара — в мантию, или оболочку Земли. Никто никогда не видел и не исследовал непосредственно веществ, слагающих этот слой. Ученые предполагают, что по крайней мере верхняя ее часть состоит из перидотита — черной тяжелой горной породы, изредка встречающейся и на поверхности Земли. Эта порода содержит магний, железо, кремнезем.

Проходит минута за минутой, час за часом, а мы все еще движемся сквозь оболочку Земли. Сравнительно медленно растет температура, но очень быстро растет давление, а вместе с ними и плотность вещества, составляющего оболочку. Вот она уже достигла 3,5 — плотности алмаза, вот перевалила через 4,5 — плотности титана и селена и продолжает расти дальше. Твердое вещество оболочки аморфно, оно твердо, но текуче, как вар. Кристаллы не могут существовать при таких чудовищных давлениях. Ведь к исходу пятого часа нашего движения сквозь мантию Земли, имеющую толщину в 2900 км, давление достигает 1 млн. 400 тыс. атмосфер и плотность вещества повышается до 7,88 — плотности железа. Температура в оболочке растет медленно и к концу ее достигает около 2000 градусов.

На глубине 2900 км внезапно изменяются свойства вещества. Видимо, под действием гигантских давлений вещество приобретает физическое состояние, не известное на поверхности Земли и не исследованное еще учеными. Ведь максимальные полученные в лабораториях давления в настоящее время не превышают нескольких сотен тысяч атмосфер.

Вещество ядра, безусловно оставаясь твердым, ведет себя как жидкость.

Наш снаряд миновал зону раздела, отделяющую оболочку от ядра, и продолжает свой путь к центру Земли. В течение длительного времени ученые предполагали, что ядро состоит из железа и некоторых других тяжелых металлов. В настоящее время более распространена гипотеза советского ученого В. Н. Лодочникова, утверждающего, что высокая плотность земного ядра объясняется не его химическим составом, а изменением плотности вещества под влиянием гигантского давления.

Через три с половиной часа путешествия вглубь ядра нам встречается на глубине 5000 км еще одна граница раздела. Оказывается, ядро Земли имеет свою сердцевину. Видимо, еще возросшее давление вызвало новое качественное изменение вещества. Ведь давление здесь, у самого центра Земли, приближается

к 3,5 млн. атмосфер и плотность вещества почти равна плотности свинца. И больше ничего, пожалуй, не известно современной науке о строении этих предельных глубин Земного шара. Наше путешествие можно считать законченным.

А будем ли мы когда-нибудь знать об этом больше?

Будем, обязательно будем.

Когда-то, глядя ночью на небо, человек считал звезды, рассыпанные по его черному бархату, глазами ангелов. Сейчас, допросив в своих обсерваториях с помощью тончайших методов анализа лучи света, пришедшие к нам от звезд, ученые узнают химический состав этих звезд и толщину их атмосфер, их температуру и величину, скорость вращения вокруг оси и относительную скорость движения. Немало и других секретов уже открыл нам мерцающий свет звезды, пойманный внимательным глазом телескопа и с пристрастием «допрошенный» учеными. Надо было только научиться осуществлять этот «допрос» луча света.

Будут найдены и новые способы «допрашивать» упругие колебания — отголоски взрывов и землетрясений, — прошедшие сквозь центральные области Земного шара. И, ни разу не побывав там, человек будет отчетливо представлять себе их строение, как он представляет строение атома или состав звездных атмосфер.

Создание аппарата для путешествия к центру Земли на сегодняшний день является идеей фантастической. Однако возможности развития науки и техники безграничны. И, возможно, наступит время, когда на повестке дня так же реально будет стоять вопрос о путешествии к центру Земли, как сейчас стоит вопрос о путешествии на другие планеты.

Академик Д. И. Щербаков

Роман «Путешествие к центру Земли» был задуман Жюлем Верном в начале 1864 г. На мысль об этом произведении его навели беседы с известным геологом Шарлем Сен-Клером Девиаллем, который спустился в кратер дремлющего вулкана Стромболи (остров Стромболи в Тирренском море). Повидимому, красочные рассказы Сен-Клер Девиалля о своих недавних впечатлениях дали Жюлю Верну не только тему произведения, но и самый образ ученого-энтузиаста, отважившегося с риском для жизни на отчаянно смелый научный опыт.

Нужные материалы Жюль Верн нашел в трудах по геологии, в книгах о вулканах и Исландии. Фантастическое путешествие «к центру Земли» используется автором как своеобразный литературный прием для поэтического воссоздания далекого геологического прошлого нашей планеты.

К написанию книги Жюль Верн приступил летом и закончил ее осенью 1864 г. В конце того же года роман вышел из печати.

Первое русское издание «Путешествия к центру Земли» может послужить живой иллюстрацией к истории борьбы «двух культур» в России 60-х годов. Как только роман в 1865 г. вышел в свет в переделке Е. Лихачевой и А. Сувориной с приложением популярной статьи о происхождении и развитии Земного шара, некрасовский «Современник» встретил эту книгу благожелательным отзывом. Рецензент одобрил искусство автора популяризовать естественно-научные идеи в форме увлекательного фантастического романа («Современник», 1865, ноябрь — декабрь, стр. 134—135).

Совсем иначе реагировала либеральная газета «Голос» А. Краевского. В злобной рецензии, помещенной в номере от 4 (16) марта 1866 г., «Путешествие к центру Земли» была признана книгой безусловно вредной и даже опасной. «Читая фантастическую басню о невозможном путешествии, — иронизирует рецензент, — дети, извольте видеть, узнают и свойства извержения вулканов, и существование подземных рек, и фигуры плезиозавров и лабиринтодонов... Да, это уже не сказки наших неразвитых нянек: это осмысленные рассказы образованных гражданок, понимающих значение и влияние естественных наук, которые Фохтом повиты, Боклем взлелеяны, Льюисом вскормлены... Нам остается рекомендовать «Путешествие к центру Земли» всем, кто желает воспитывать своих детей в духе Базаровых, Лопуховых и компании».

К мнению «Голоса» присоединились и официальные круги. В мае 1866 г. министр внутренних дел П. А. Валуев в письме председателю чрезвычайной следственной комиссии по делу о покушении на царя 4 апреля обратил внимание на широкое распространение «весьма безнравственной по своей тенденции «Библиотеки для чтения всех возрастов», которую издавали Е. Лихачева и А. Суворина. Одним из выпусков этой «Библиотеки», ставившей целью прививать юношеству материалистические взгляды

на природу, и был роман Жюль Верна «Путешествие к центру Земли».

После того как книга уже полностью разошлась, в 1867 г. было разослано предписание «г.г. директорам гимназий и штатным смотрителям училищ» не приобретать ее для «ученических библиотек» и удалить из тех библиотек, которые уже успели ее приобрести («Циркуляр по Московскому учебному округу», 1867, № 3, стр. 13).

Настороженное отношение к Жюлю Верну в официальных кругах царской России не могло остановить все разраставшегося спроса на его сочинения. Его романы ежегодно продолжали выходить в новых изданиях и переводах.

Е. Брандис

ПУТЕШЕСТВИЕ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАПИТАНА ГАТТЕРАСА

1

В один из сентябрьских дней 1522 г. в гавань Сан-Лукар вошло судно. По заштопанным старым парусам, почерневшему корпусу, покрытому толстым слоем моллюсков, было видно, что судно вернулось из дальнего плавания. Первый человек, сошедший с него на берег, упал на землю и поцеловал ее. То был капитан корабля дель Кано, который привел остатки экспедиции Магеллана в родной порт. Из 265 человек и пяти кораблей, три года назад отправившихся в плавание, вернулись всего 18 человек на одном корабле. Это были первые люди, объехавшие вокруг Земного шара.

Экспедиция Магеллана имела огромное научное значение. До этой экспедиции различные народы были знакомы только с отдельными областями Земного шара — с теми, в которых они обитали, и с соседними странами.

Смелые путешественники эпохи великих географических открытий все дальше и дальше отодвигали границы исследованной части Земли.

Экспедиция Магеллана доказала, что Земля представляет шар. Однако, хотя ученые и смогли начертить карты двух полушарий и гордо сказать: вот она, вся Земля, колыбель человечества, — на этих картах оказалось не мало мест, о которых не было известно ничего, — так называемых «белых пятен».

История географии последующих четырехсот лет — это в основном история того, как смелостью, настойчивостью и отвагой путешественников и исследователей многих стран стирались с карты земли белые пятна, — появлялись четкие очертания материков, группы островов, густела и принимала соответствующие оттенки коричневая краска горных хребтов, синяя расцветка океанов дифференцировалась в зависимости от глубин.

Самыми труднодоступными, а значит, и самыми заманчивыми для открывателей, были области вокруг «крайних точек» — полюсов нашей планеты.

Путешественники, плававшие в полярных водах, рассказывали о густых непроглядных туманах, о беззвучно плавающих под напором ветра гигантских ледяных горах — айсбергах, столкновение с которыми грозит гибелью кораблю, о ледяных полях огромной величины, в которые нередко вмораживают суда мореплавателей. Полярные мореплаватели рассказывали, что даже месяцами не заходящее солнце все-таки не может растопить этих льдов. А в зимнее время над ними нависает полугодовая ночь, и трепетный свет разноцветных лент северного сияния только подчеркивает ее непроглядную темноту...

А что там, еще дальше, за полосой этих суровых гибельных морей, за полосой вечных льдов? На этот вопрос не мог ответить никто, и новые и новые отважные люди снаряжались в путь, чтобы достигнуть манящих к себе таинственных точек. О раскрытии их тайн мечтал и Жюль Верн...

Трудно отделить вопрос о завоевании Северного полюса от задач овладения Северо-Западным и Северо-Восточным морскими проходами по Ледовитому океану — первый вокруг Северной Америки и второй вокруг Северной Европы и Азии. Именно в связи с усилиями людей, направленными на поиски кратчайших путей, ведущих из Европы в Китай и Индию в обход Северной Америки и Азии, стоят первые систематические попытки изучения Северного Ледовитого океана.

Поиски этих проходов привели к замечательным географическим открытиям и к освоению южных границ Ледовитого океана.

Во время арктических плаваний были установлены выгодные промысловые районы, использование которых в свою очередь способствовало новым открытиям.

К началу XIX в., по мере расширения географических знаний о природе Северного Ледовитого океана, все настойчивее

становится стремление проникнуть к «загадочному Северному полюсу». Людей вела туда любознательность, за которой таилась мечта открыть новые земли, а с ними вместе и новые возможности получить те или иные материальные блага. Отчасти влекла к полюсу и жажда славы.

К этому же времени относятся новые попытки найти Северо-Западный морской проход. В 1818 г. из Англии было отправлено четыре корабля, под начальством выдающихся мореплавателей — Джона Росса, Эдварда Парри, Ф. У. Бичи, Джорджа Бэка и Джона Франклина. Джон Росс и Э. Парри дошли до Баффинова залива, но не смогли пройти дальше на запад. В особенности следует отметить арктические путешествия Э. Парри, совершенные в 1819, 1821 и 1824 гг., а также его путешествие 1827 г.

Парри достиг северного побережья Шпицбергена на корабле «Гекла», а оттуда двинулся к полюсу, имея в своем распоряжении две шлюпки, поставленные на полозья. Однако через некоторое время Парри заметил, что дрейф льдов сносит его к югу, делая напрасными все его усилия. Он добрался лишь до $82^{\circ}45'$ северной широты и затем вернулся обратно. Это была одна из первых попыток организации санных экспедиций. В 1836 г. Дж. Бэк попытался продолжить исследования Парри и Росса, но его корабль был затерт льдами в канале Фокса.

Не менее видным мореплавателем и исследователем Арктики был Джон Франклин. В 1819 г. он предпринял экспедицию в земли устья реки Межных Руд и, после бесконечных трудов достигнув цели в 1820 г., разыскал свободный ото льда берег, с многочисленными островами. В 1825 г. Франклин предпринял новое путешествие с целью открыть судоходный путь от устья реки Макензи к Берингову проливу, куда ему должен был выйти навстречу из Тихого океана капитан Бичи. Он проплыл по реке Макензи, вышел в Ледовитый океан, открыл острова Парри, Кендаль, Пелли и другие и в 1829 г. возвратился в Англию. Во время этих путешествий Франклин изучил берега на огромном протяжении и сделал важные наблюдения над земным магнетизмом.

В 1845 г. Д. Франклин отправился в новую экспедицию, но уже к Северному полюсу, намереваясь проникнуть через Баффинов залив и пролив Ланкастера в пролив Барроу до мыса Валькера, а оттуда по возможно прямому направлению плыть в Берингов пролив. Последние вести от экспедиции достигли Лондона в середине 1845 года...

В своем романе «Путешествие капитана Гаттераса» Жюль Верн рассказывает преимущественно историю вышеуказанных полярных экспедиций. У этих же отважных мореплавателей он заимствует описание природы Арктики, географических особенностей полярного побережья Северной Америки и, в известной доле, героике экспедиций.

Но эта история не полна в первую очередь потому, что Жюль Верн не упоминает об открытиях русских мореплавателей в северных полярных морях, о них не знал французский писатель. Поэтому в романе не рассказывается и о смелых плаваниях русских поморов, еще в XII веке посещавших Шпицберген, который тогда назывался ими Груманд; о том, что русские же поморы указали путь иностранным экспедициям на острова Вайгач и Новой Земли; о русской Великой северной экспедиции в период с 1733 по 1748 г. на гребных судах, снабженных парусами, как вспомогательным движущим средством, обследовавшей и составившей карты необозримых пространств Сибирского побережья, и о других русских экспедициях.

Кажется неполной эта история современному читателю еще и потому, что она обрывается на середине прошлого века. А ведь наиболее интересные по результатам экспедиции приходится в основном на более поздний период.

Среди них в первую очередь надо упомянуть об экспедиции Фритьофа Нансена 1893—1896 гг.

...Лет за десять до этой экспедиции на юго-западном берегу Гренландии были найдены вмёрзшие в лед вещи, на которых еще можно было разобрать буквы «Жаннета». Вещи принадлежали экипажу судна с таким названием, года три назад раздавленному льдами у Новосибирских островов. Как же они попали за тысячи километров от места гибели судна, на гренландский берег?

Задумавшись над этим вопросом, Нансен пришел к выводу о существовании постоянного течения с востока на запад, проходящего через Северный полюс или совсем вблизи него, обусловившего дрейф льдов в этом же направлении.

Опытный полярный исследователь, Фритьоф Нансен был уверен в невозможности пробиться к полюсу через полярные льды на судне. И он решил заставить самую природу помочь ему: поручить движущимся льдам донести его судно до полюса.

С этой целью и был построен «Фрам» — судно с корпусом особой формы, обеспечивавшей в случае сжатия выжимание его из льда. Летом 1893 г. «Фрам» оставил Норвегию, держа курс на Новосибирские острова. Вскоре полярные льды сковали судно, и вместе с ними оно начало дрейфовать. Через некоторое время Нансен убедился, что течение пронесит судно мимо полюса. Вместе со штурманом Иогансеном он покинул «Фрам» и на собаках попытался достигнуть полюса. Они добрались до 86°14' северной широты — области, где до них еще никто не был. Дальше идти они не смогли — течение, которое несло «Фрам» к полюсу, теперь начало относить путешественников на юго-запад. Нансен вернулся в Норвегию в августе 1896 г., почти одновременно с «Фрамом», обогнувшим во время своего дрейфа Шпицберген.

Хотя Нансену и не удалось достигнуть Северного полюса, он собрал очень много ценных научных данных о природе Северного Ледовитого океана. Вместе с тем он показал, что, разумно используя дрейф льдов, можно проникнуть далеко вглубь полярного бассейна.

В конце прошлого века к попыткам достичь Северного полюса по льду и по воде прибавилась попытка достичь его по воздуху.

В июле 1897 г. с одного из островов Шпицбергена к полюсу, пользуясь попутным ветром, вылетела на воздушном шаре экспедиция шведского инженера Андрэ. Первое сообщение об этой экспедиции было получено 17 августа — аэронавты пролетели район с координатами 82° северной широты и 15° восточной долготы. Принес это короткое сообщение голубь, выпущенный Андрэ. И затем более 30 лет никто в мире не знал ничего о судьбе отважного исследователя и его спутников.

Только в 1930 г. полярный океан приоткрыл часть тайны, окружающей обстоятельства гибели первой полярной воздушной экспедиции. Экипаж норвежского судна «Братваг» нашел на берегу острова Белого (восточнее Шпицбергена) трупы Андрэ и его товарища по полету. Удалось прочитать дневники и даже проявить часть фотопластинок, свыше 30 лет пролежавших во льду. Дневники рассказали, что воздушный шар, вскоре после вылета покрывшийся мокрым снегом, вынужден был опуститься на ледяное поле, с которым экипаж и дрейфовал до острова Белого. Дальнейшие обстоятельства гибели отважного исследователя не ясны и до сих пор.

Важное место в истории полярных исследований занимают работы русского адмирала С. О. Макарова, плававшего на спроектированном и построенном им ледокольном судне «Ермак». В 1899—1901 гг. «Ермак» совершил несколько экспедиций в тяжелых ледовых условиях, достигнув однажды широты 81°21'. Эти плавания показали широкую возможность использования ледоколов в полярных морях. Однако попытки Макарова пробиться на ледоколе к полюсу оказались безрезультатными.

Достигнуть Северного полюса удалось впервые американцу Роберту Пири. Он вышел с мыса Колумбия на Земле Гранта (около Гренландии) на шести собачьих упряжках, в сопровождении ряда помощников, командовавших самостоятельными отрядами. Пять из них имели целью создать последовательно расположенные вспомогательные базы. 6 апреля 1909 г. Пири достиг полюса, в районе которого пробыл 30 часов, изучая льды и делая многократные астрономические определения своего местонахождения.

Пири подтвердил предположение Нансена об отсутствии земли в районе Северного полюса. В районе Северного полюса не оказалось ни открытого моря, ни материков и островов, покрытых растительностью, ни действующих вулканов... Только однообразная белая скатерть льдов и снегов, то ровных, то исковерканных сжатием, поставленных на ребро, образующих торосы и ледяные холмы.

3

Однообразная ледяная пустыня... Стоило ли тратить столько сил, энергии, ума, жертвовать столькими человеческими жизнями для того, чтобы убедиться в этом? Надо ли заниматься дальнейшим изучением полярных областей?

Да, надо. И не только надо, а просто необходимо по целому ряду причин. Прежде всего потому, что Северный Ледовитый океан оказывает большое влияние на прилегающие области суши, в том числе и на всю территорию нашей Родины.

Действительно, Арктику иногда называют «кухней погоды». От ледовых условий, от направления и силы ветров, от температуры воздуха в районе Северного полюса может зависеть урожай пшеницы на Украине и Алтае, раннее или позднее наступление заморозков в Орловской и Курской областях, снежная или

бесснежная зима в Восточной Сибири, прорывы арктических масс холодного воздуха вплоть до южных границ СССР.

Значит, для того чтобы давать долгосрочные и краткосрочные прогнозы погоды для территории нашей страны, метеорологи должны изучать и знать, что делается в районе Северного полюса.

Всем известно затем, насколько водный транспорт дешевле железнодорожного. Нередко перевезти груз из Одессы во Владивосток на пароходе вокруг всего Азиатского материка обходится дешевле, чем по железной дороге. А ведь территорию нашей страны с севера омывает цепь полярных морей, образующих кратчайший водный путь между западными и восточными районами нашей страны, путь к устьям великих сибирских рек, являющихся в свою очередь гигантскими водными артериями. Чтобы без затруднений использовать этот путь, проводить по нему караваны судов, надо знать особенности полярных морей.

Некогда полярные области считали лишенными жизни, мертвыми. Однако это не так. На побережьях полярных островов и на плавающих льдинах обитают огромные стада моржей, тюленей, морских котиков. Ради дорогих шкур бьют их охотники за морским зверем. В полярных областях водятся лисицы, песцы, медведи, также имеющие важное хозяйственное значение. В водах полярных морей обитают киты, плавают косяки рыб. На скалах полярных островов гнездятся птицы. Гагачий пух и мех песцов, рыбу и целебные водоросли, вкусное мясо крабов — разве можно перечислить все, что дают нам уже сейчас районы Арктики.

Огромное значение имеет исследование полярных областей и для самых разнообразных отраслей науки. Геологи ищут в рельефе дна полярных морей подтверждение своих теорий происхождения материков; биологи — новых видов растений и животных; геофизики уточняют направление магнитных меридианов и величину магнитного склонения; океанографы интересуются направлением дрейфа льдов и глубинных течений.

Учитывая все это, Советский Союз проводит огромную работу по изучению полярных областей, прилегающих к территории нашей страны.

21 мая 1937 г. над белой скатертью льдов, покрывающих Северный Ледовитый океан, пролетел четырехмоторный самолет. На его широких крыльях горели красные звезды. Это был самолет Страны Советов.

Самолет летел в район полюса. Вот он прошел над точкой, сквозь которую проходит воображаемая ось Земного шара, покружился над ней, пролетел еще немного вперед и пошел на снижение. Лыжи коснулись ровной, припорошенной снегом поверхности ледяного поля, и после короткой пробежки самолет остановился. Из кабины выпрыгнул пилот. Его имя — имя прославленного полярного летчика Михаила Водопьянова — знает сегодня весь мир. За ним на льдину сошло еще несколько человек. Первая станция на дрейфующем льду «Северный полюс — 1» начала работу.

За первым самолетом на полюс прилетели еще три воздушных корабля. Из них выгрузили научное оборудование, запас продовольствия, небольшую ветросиловую установку, радиостанцию и другие вещи. Через несколько дней самолеты улетели. На полюсе остались четыре человека — начальник станции И. Д. Папанин, гидробиолог П. П. Ширшов, астроном и метеоролог Е. К. Федоров и радист Э. Т. Кренкель. В течение долгой полярной ночи здесь, в самом сердце Арктики, они должны были проводить работу, испытывать с помощью приборов, подглядывать наблюдательными глазами ученых ее сокровенные тайны.

До 1937 г. непосредственно Северный полюс посетила только одна экспедиция Пири. Проносились над полюсом самолеты и дирижабли; больше спортсмены, чем ученые и исследователи, командиры этих экспедиций — американец Берд, итальянец Нобиле — торопливо определяли свое местонахождение и поспешно возвращались. Научного значения эти полеты почти не имели. И только люди Советской страны завоевали полюс по настоящему.

Ледяное поле, на котором находилась станция «Северный полюс — 1», в течение 274 дней дрейфовало на юг со все возрастающей скоростью. Свыше 2100 км по прямой линии прошла за это время льдина. И ни на один день не прекращали научных исследований работники станции. Впервые наука

получила точные данные о глубине Северного Ледовитого океана, о погоде, царящей там, о магнитном склонении, о поле силы тяжести, температуре воды на разных глубинах океана и т. д.

Конечно, эта дерзкая атака самого центра Арктики не могла быть одиночной. Она была поддержана широким фронтом наступления, в течение нескольких лет уже ведшегося советскими учеными, и явилась очередным шагом вперед в этом неудержимом движении к Северному полюсу.

Особенно широко развернулось это наступление после Великой Отечественной войны. В 1950 г. на дрейфующих льдах Центральной Арктики самолеты высадили группу ученых — научную станцию «Северный полюс — 2». Возглавлял отряд исследователей этой станции молодой океанограф М. М. Сомов. Свыше года — 379 дней — работали ученые в самом центре полярного бассейна.

А весной 1954 г. в полярном бассейне были организованы сразу две дрейфующие станции «Северный полюс», под номерами 3 и 4. Затем, в 1955 г. — «Северный полюс — 5».

Как отличается организация и техника сегодняшних советских дрейфующих станций от экспедиций начала века и даже от станции «Северный полюс — 1»? Станции «Северный полюс» 3, 4, 5 — это целые городки, имеющие оборудованные научные лаборатории для проведения гидрологических, аэрологических, геофизических и других исследований. В разборных домиках и утепленных палатках, где живут исследователи, поставлены газовые плиты и угольные печи. Имеются столовые, бани. В распоряжение ученых предоставлены автомашины и тракторы, а для поездок в более отдаленные районы — вертолеты. Пользуясь этими средствами, ученые проводят промеры глубины океана и другие исследования в широкой полосе вдоль линии дрейфа.

Наряду с долговременными дрейфующими станциями исследовательскую работу в районе полярных морей осуществляют многочисленные подвижные отряды. Они высаживаются с самолетов в намеченном пункте на лед и производят серию научных исследований, а затем перелетают на новое место.

Так широким фронтом, с использованием современных достижений науки и техники, штурмуется Арктика.

Каковы же результаты всех этих многочисленных научных экспедиций, чем отличаются наши сегодняшние знания об Арктике от тех догадок и предположений, которые существовали в 1866 г., когда был написан Жюлем Верном роман «Путешествие и приключения капитана Гаттераса»?

Наука уже давно сорвала с центра Северного Ледовитого океана покров таинственности. Конечно, в районе Северного полюса нет никакого открытого моря, к которому рвался Гаттерас, обманутый рассказами полярных путешественников, и нет материка. Центробежной силы от вращения Земли, на которую ссылается Жюль Верн, недостаточно для того, чтобы обнажить дно Северного Ледовитого океана. Преобладающая часть его, и в особенности Центральная Арктика, покрыты сплошной мозаикой льдин разных размеров, форм, возрастов. Пролетая над этой сплошной ледяной корой, совершенно не чувствуешь себя над океаном. Кажется, что под ногами простирается бесконечная снежная равнина, разгороженная на многоугольники валами торосов. Лишь изредка это однообразие прерывается полыньями, разводьями и трещинами, тянущимися иногда на многие десятки километров. Эти-то разводья и могли принять за открытое море полярные путешественники, на которых ссылался Гаттерас. Но льды Арктики не неподвижны. Они дрейфуют — перемещаются под влиянием ветров и течений, совершая путь в тысячи километров. Они раскалывают и сминают друг друга, разрываются трещинами и сжимаются. В результате этих сжатий образуются нагромождения льда — торосы.

Сложные условия циркуляции и теплообмена между водой, льдом и воздухом определяют специфичность климата Арктики, влияющего на климат Европы и большей части Азии. Циркуляция вод, а значит, и дрейф льдов Северного Ледовитого океана во многом зависит от рельефа его дна.

Советскими исследователями был открыт подводный горный хребет, названный именем великого русского ученого М. В. Ломоносова. Он возвышается над дном на 3000 м и тянется поперек Северного Ледовитого океана от Новосибирских островов в сторону Гренландии. Отдельные вершины этого хребта находятся на глубине всего около 900 м под поверхностью воды.

Подводный хребет имени М. В. Ломоносова разделяет Ледо-

витый океан на две самостоятельные впадины — западную и восточную. В восточной части дрейф льдов устойчиво происходит по часовой стрелке, в западной — в обратном направлении, причем значительная часть льда выносятся в Гренландское и Баренцево моря. Обнаружены и другие неровности и особенности строения дна Северного Ледовитого океана, который оказался по своему морфологическому строению сходным со Средиземным морем. Впадина океана, очевидно, образована системой сбросов и опусканий ранее бывшей здесь суши, которая связывала воедино Северную Америку с Европой и Азией.

По всей Арктике уточнено расположение магнитных меридианов. Оно оказалось очень своеобразным. Меридианы сливаются в один сжатый пучок линий, пересекающих почти весь полярный бассейн и идущих к северному магнитному полюсу Земли. Северополярная магнитная аномалия превосходит по своим размерам все другие магнитные аномалии Земного шара. Установлена ее связь с подводным хребтом имени М. В. Ломоносова.

Исследовали ученые и строение полярного льда. Средняя толщина его оказалась около трех метров. Это в несколько раз меньше, чем предполагал в романе Жюль Верна доктор Клоубонни. Причем состав льда постоянно обновляется. Летом сверху он подтаивает и утоняется, зимой снизу намерзает и опять становится за счет этого толще. Таким образом, при дрейфе по замкнутой траектории за 4—5 лет лед полностью «омолаживается».

Интереснейшие исследования провели метеорологи. Оказалось, что из Тихого океана через районы Берингова и Охотского морей в высокие широты нередко вливаются огромные массы теплого воздуха. Эти воздушные массы — теплые ветры располагаются над приземным двухсотметровым холодным слоем и простираются до высоты в 7—9 км.

Другие воздушные течения, идущие из Атлантического океана, вызывают образование в приполюсном районе циклонов, как бы подтачивающих основание антициклонов, по западной периферии которых происходит обвал холодных масс арктического воздуха на территории Европейской части Советского Союза и Западной Сибири.

Вот они, первые тайны «кухни погоды» в Центральной Арктике!

Работая над своими произведениями, Жюль Верн стремился к их максимальной научной точности и достоверности, позволяя себе фантазировать или придерживаться непроверенных гипотез только в тех областях науки, в которые еще не пришло достаточно обоснованное знание. Поэтому так точны его описания полярной природы, данные в романе «Путешествие и приключения капитана Гаттераса».

Однако в некоторых случаях Жюль Верн, доверившись несколько эмоциональным рассказам полярных путешественников, допустил некоторые неточности. Попадаются такие места и в высказывании некоторых научных положений. Это не вина Жюля Верна, а уровень научных знаний его времени.

К таким неточностям следует отнести рассказ о буре, наблюдаемой Клоубонни, буре, захватывавшей только узкую полосу, за пределами которой на расстоянии 4—5 км виднелось ясное небо и спокойное море. И волнение моря и движение воздуха вряд ли могут так резко смягчиться и исчезнуть совершенно на таком небольшом расстоянии. Преувеличена, пожалуй, и густота тумана, под покровом которого на экспедицию Гаттераса напали медведи. Таких плотных и, главное, стремительных туманов обычно не бывает.

Только в последние десятилетия советскими метеорологами был установлен полюс холода Северного полушария. Он находится в Оймяконе, в верхнем течении реки Индигирки, в тысячах километров от Северного полюса. Морозы здесь доходят до 73° . В летние же жаркие дни температура поднимается до $+35^{\circ}$. Таким образом, годовое колебание температуры превосходит 100° .

К западу от Гренландии на Земле Гриннелла расположен другой полюс холода — самое холодное место на Северном полушарии по среднегодовой температуре, составляющей здесь всего $-20,4^{\circ}$. Однако ниже -65° температура здесь не бывает.

Как видно, сегодняшние данные о расположении полюса холода и температурах несколько расходятся с теми, которыми располагал Жюль Верн.

Вот, пожалуй, и все основные замечания по неточностям, встречающимся в этом интересном романе Жюля Верна, в котором так красочно описана суровая природа северо-западной части Арктики и так ярко показана полная опасностей жизнь полярных исследователей.

В нашей стране сбываются вещи слова Жюль Верна, сказанные устами его героя — вдумчивого наблюдателя и гуманиста доктора Клоубонни:

«Если человек захочет, он может сделать обитаемой какую угодно пустыню... Не человек подчиняется природе, а она ему. И он может изменить ее по своему желанию. Что на земле существуют страны необитаемые — это факт. Но чтобы имелись страны, в которых человек не мог бы жить, — это невероятно!»

Мы, советские люди, — рачительные хозяева своей страны. Мы не хотим, чтобы без пользы пропадали ее природные богатства, не использовались на благо людям все ее возможности. И поэтому мы трудом и знанием преобразуем природу целых областей, заставляем плодоносить бывшие пустыни, осваиваем целину. Бой за овладение Арктикой — это только один из фронтов нашей большой борьбы за благо советского человека. Мы побеждаем в этой борьбе, подчиняем себе природу. И в пустынной холодной тундре встают города, согретые и освещенные электрическим светом; многочисленные корабли, перевоза грузы и ведя промысел, бороздят полярные моря, краснотелые самолеты проносятся над просторами Арктики.

Все свои тайны раскрывает Арктика советским людям... Все свои бесценные сокровища отдаст она советскому народу.

Академик Д. И. Щербakov

Над романом «Путешествие и приключения капитана Гаттераса» Жюль Верн начал работать в 1863 г.

Роман печатался в журнале для юношества «Журнал воспитания и развлечения» с марта 1864 до середины 1865 г.

В 1866 г. роман вышел отдельным изданием и был встречен весьма положительными отзывами французской и зарубежной критики.

Еще в юношеские годы Жюль Верн живо интересовался историей полярных экспедиций и исследований Арктики. Эта тема занимает в его творчестве видное место. Своего рода прелюдией к полярной эпопее капитана Гаттераса явилась ранняя повесть Жюль Верна «Зимовка во льдах» (1855). В разных областях Арктики

развертывается действие и в других его романах: «В стране мхов», «Найденыш с погибшей «Цинтии» (написан в соавторстве с Андрэ Лори), «Цезарь Каскабель», «В погоне за метеором». История арктических экспедиций подробно освещена в романе «Вверх дном». Путешествие к Южному полюсу служит предметом изображения в романе «Ледяной сфинкс». На Южном полюсе водружает свой флаг и капитан Немо («Двадцать тысяч лье под водой»).

Во время работы над романом Жюль Верн постоянно информировал своего издателя Этцеля о том, как продвигается его труд, и советовался по поводу отдельных эпизодов. Однако далеко не все советы издателя казались автору приемлемыми. Когда издатель выразил пожелание увидеть среди персонажей романа хотя бы одного француза, Жюль Верн отклонил это предложение. В письме от 16 сентября 1863 г. он ответил издателю: «Я охотно принимаю поправку, относящуюся к Гаттерасу, и сделаю его беспрельдно смелым и удачливым. Его отвага будет утешать. Что же касается того, чтобы ввести в состав экипажа француза, то это невозможно — там нужны только англичане. Он сам заявит об этом в своем письме, и это будет непременным условием для того, чтобы быть принятым на борт».

Интересен также предварительный авторский замысел финала романа. Жюль Верн предполагал закончить роман гибелью героя в кратере вулкана: «Другой возможности для финала я не видел, — сообщил Жюль Верн издателю в письме от 25 апреля 1864 г., — и, кроме того, мне казалось, что вся его история могла привести только к такому исходу. И в самом деле, зачем возвращать Гаттераса в Англию? Что ему там делать? Ну конечно же, этот человек должен умереть на полюсе! Вулкан — единственно достойная для него могила».

Но в процессе работы над романом Жюль Верн отошел от своего первоначального замысла.

Этцель с нетерпением ждал рукописи «Капитана Гаттераса». Первой главой этого романа он решил начать издание журнала для детей и юношества «Magasin d'Education et de Récréation» («Журнал воспитания и развлечения»). Программой этого прогрессивного журнала, сыгравшего заметную роль в истории французской литературы для детей и юношества, было соединение образования с развлечением. Большое место отводилось в журнале популяризации естественно-научных знаний. В состав редакции входили видные французские ученые, писатели, художники-иллю-

страторы, педагоги. «Журнал воспитания и развлечения» издавался с марта 1864 по 1906 г. Здесь впервые было опубликовано тридцать романов Жюль Верна — бессменного соредактора этого журнала.

Активным сотрудником «Журнала воспитания и развлечения» была замечательная украинская писательница Марко Вовчок (М. А. Маркович), которую познакомил с Этцелем И. С. Тургенев.

На русском языке роман был издан впервые в 1866—1867 гг. в переводе Л. Шелгуновой. В 1870 г. он вышел в переводе Марко Вовчка и затем в этом же переводе много раз переиздавался.

Е. Брандис

СОДЕРЖАНИЕ

ПУТЕШЕСТВИЕ К ЦЕНТРУ ЗЕМЛИ

<i>Глава первая</i>	7
<i>Глава вторая</i>	11
<i>Глава третья</i>	16
<i>Глава четвертая</i>	22
<i>Глава пятая</i>	26
<i>Глава шестая</i>	31
<i>Глава седьмая</i>	39
<i>Глава восьмая</i>	45
<i>Глава девятая</i>	51
<i>Глава десятая</i>	58
<i>Глава одиннадцатая</i>	62
<i>Глава двенадцатая</i>	68
<i>Глава тринадцатая</i>	73
<i>Глава четырнадцатая</i>	78
<i>Глава пятнадцатая</i>	83
<i>Глава шестнадцатая</i>	88
<i>Глава семнадцатая</i>	93
<i>Глава восемнадцатая</i>	98
<i>Глава девятнадцатая</i>	103
<i>Глава двадцатая</i>	107
<i>Глава двадцать первая</i>	112
<i>Глава двадцать вторая</i>	116

<i>Глава двадцать третья</i>	118
<i>Глава двадцать четвертая</i>	123
<i>Глава двадцать пятая</i>	126
<i>Глава двадцать шестая</i>	131
<i>Глава двадцать седьмая</i>	133
<i>Глава двадцать восьмая</i>	136
<i>Глава двадцать девятая</i>	141
<i>Глава тридцатая</i>	145
<i>Глава тридцать первая</i>	152
<i>Глава тридцать вторая</i>	156
<i>Глава тридцать третья</i>	162
<i>Глава тридцать четвертая</i>	169
<i>Глава тридцать пятая</i>	173
<i>Глава тридцать шестая</i>	178
<i>Глава тридцать седьмая</i>	183
<i>Глава тридцать восьмая</i>	187
<i>Глава тридцать девятая</i>	193
<i>Глава сороковая</i>	198
<i>Глава сорок первая</i>	203
<i>Глава сорок вторая</i>	207
<i>Глава сорок третья</i>	212
<i>Глава сорок четвертая</i>	217
<i>Глава сорок пятая</i>	222

ПУТЕШЕСТВИЕ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАПИТАНА ГАТТЕРАСА

Часть первая

Англичане на Северном полюсе

<i>Глава первая. «Форвард»</i>	229
<i>Глава вторая. Неожиданное письмо</i>	237
<i>Глава третья. Доктор Клоубонни</i>	239
<i>Глава четвертая. Собака-капитан</i>	248
<i>Глава пятая. В открытом море</i>	255
<i>Глава шестая. Великое полярное течение</i>	263
<i>Глава седьмая. Девисов пролив</i>	270

<i>Глава восьмая.</i> Толки матросов	277
<i>Глава девятая.</i> Новость	285
<i>Глава десятая.</i> Опасное плавание	291
<i>Глава одиннадцатая.</i> «Чертов палец»	299
<i>Глава двенадцатая.</i> Капитан Гаттерас	307
<i>Глава тринадцатая.</i> Планы Гаттераса	316
<i>Глава четырнадцатая.</i> Экспедиция, посланная на поиски Франклина	323
<i>Глава пятнадцатая.</i> «Форвард» отброшен к югу	330
<i>Глава шестнадцатая.</i> Магнитный полюс	337
<i>Глава семнадцатая.</i> Гибель экспедиции Джона Франклина	345
<i>Глава восемнадцатая.</i> Путь на север	350
<i>Глава девятнадцатая.</i> Кит под ветром	355
<i>Глава двадцатая.</i> Остров Бичи	361
<i>Глава двадцать первая.</i> Смерть Бэлло	368
<i>Глава двадцать вторая.</i> Начало мятежа	376
<i>Глава двадцать третья.</i> Борьба со льдами	381
<i>Глава двадцать четвертая.</i> Приготовления к зимовке	390
<i>Глава двадцать пятая.</i> Старый песок Джемса Росса	396
<i>Глава двадцать шестая.</i> Последний кусок угля	404
<i>Глава двадцать седьмая.</i> Рождественские морозы	410
<i>Глава двадцать восьмая.</i> Приготовления к походу	417
<i>Глава двадцать девятая.</i> Через ледяные поля	421
<i>Глава тридцатая.</i> Тур	431
<i>Глава тридцать первая.</i> Смерть Симпсона	437
<i>Глава тридцать вторая.</i> Возвращение на бриг	443

Часть вторая
Ледяная пустыня

<i>Глава первая.</i> Опись доктора	449
<i>Глава вторая.</i> Первые слова Альтамонта	457
<i>Глава третья.</i> Семнадцать дней пути	466
<i>Глава четвертая.</i> Последний заряд пороха	473
<i>Глава пятая.</i> Тюлень и медведь	482

<i>Глава шестая. «Порпойз»</i>	490
<i>Глава седьмая. Картографический спор</i>	499
<i>Глава восьмая. Экскурсия к северу от бухты Виктории</i> . . .	507
<i>Глава девятая. Тепло и холод</i>	515
<i>Глава десятая. Развлечения во время зимовки</i>	522
<i>Глава одиннадцатая. Подозрительные следы</i>	531
<i>Глава двенадцатая. Ледяная тюрьма</i>	539
<i>Глава тринадцатая. Мина</i>	546
<i>Глава четырнадцатая. Полярная весна</i>	554
<i>Глава пятнадцатая. Северо-Западный проход</i>	562
<i>Глава шестнадцатая. Полярная Аркадия</i>	571
<i>Глава семнадцатая. Долг платежом красен</i>	579
<i>Глава восемнадцатая. Последние приготовления</i>	584
<i>Глава девятнадцатая. Поход на север</i>	587
<i>Глава двадцатая. Следы на снегу</i>	595
<i>Глава двадцать первая. Свободное море</i>	603
<i>Глава двадцать вторая. Приближение к полюсу</i>	610
<i>Глава двадцать третья. Знамя Англии</i>	618
<i>Глава двадцать четвертая. Курс полярной космографии</i> . .	624
<i>Глава двадцать пятая. Гора Гаттераса</i>	633
<i>Глава двадцать шестая. Обратный путь на юг</i>	642
<i>Глава двадцать седьмая. Заключение</i>	650
Комментарий	657

Редактор *О. Лозовецкий*

Оформление художника *Т. Цинберг*

Художественный редактор *А. Гайденков*

Технический редактор *Ф. Артемьева*

Корректоры *В. Брагина* и *Л. Бунчукова*

*

Сдано в набор 28/II 1955 г. Подписано

к печати 18/VIII 1955 г. А-02978

Бумага $84 \times 108\frac{1}{32}$ — 43 печ. л.

35,26 усл. печ. л. 33,04 уч.-изд. л. + 3

вкл. = 33,19 л. Тираж 390 000 экз (240 001—390 000)

Заказ № 407. Цена 12 р.

Гослитиздат, Москва, Ново-Басманная, 19

*

Министерство культуры СССР.

Главное управление полиграфической

промышленности. 2-я типография

«Печатный Двор» имени А. М. Горького.

Ленинград, Гатчинская, 26.